ПИСЬМА
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

къ

К. Марксу и Ф. Энгельсу

ПИСЬМА
ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

къ

К. Марксу и Ф. Энгельсу,

съ примѣчаніями и предисловіемъ Ф. МЕРИНГА.

Переводъ съ нѣмецкаго В. А. Шанина,

подъ редакціей А. Финна-Енотаевскаго.

Книгоиздательство „Литературное Дѣло“.

1849—1862 гг.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемыя вниманію русскаго читателя письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу представляютъ глубокій интересъ не только въ смыслѣ характеристики его блестящей личности, но и по тѣмъ разнообразнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, которые въ нихъ затрогиваются. Исторія и философія, экономика и изящная литература, все страстно волнуетъ эту богато одаренную натуру, получая яркое отраженіе въ его письмахъ. Съ одинаковымъ жаромъ защищаетъ онъ свою драму Францъ фонъ-Зикингенъ, свой взглядъ на исторію вообще и на исторію крестьянскихъ войнъ въ частности, свою „Систему пріобрѣтенныхъ правъ" и свое пониманіе римскаго testament'а... Роль личности въ исторіи, отношеніе личности къ классу, значеніе идей въ исторіи, —эти и многіе другіе вопросы первостепенной важности служатъ предметомъ обсужденія этихъ писемъ... Но гораздо бо́льшее мѣсто отведено въ письмахъ политической жизни, практической борьбѣ. Важнѣйшія событія въ Западной Европѣ за періодъ 1849—62 г. получаютъ въ нихъ живой откликъ. Лассаль подробно останавливается и на coup d'état Луи Наполеона, и на положеніи Германіи въ эпоху реакціи послѣ мартовской революціи, и на итальянской войнѣ... Въ связи съ послѣдней освѣщается имъ и общій, жизненный, вопросъ: значеніе правительства и народа во внѣшней войнѣ... Считаемъ нужнымъ вообще подчеркнуть, что программные и политическіе вопросы, разбираемые въ письмахъ, являются для насъ особенно поучительными...

Намъ незачѣмъ, однако, подробно выяснять все громадное значеніе этихъ писемъ. Это сдѣлалъ Францъ Мерингъ въ своемъ превосходномъ предисловіи. Намъ хотѣлось бы обра-

тить вниманіе читателя на „Примѣчанія издателя“. Скромное ихъ заглавіе и мелкій шрифтъ, которымъ они набраны какъ въ оригиналѣ, такъ и въ переводѣ, нисколько не выражаютъ, а являются, вѣрнѣе, полнымъ контрастомъ съ тѣмъ богатствомъ мыслей и фактическаго матеріала, которое они въ себѣ заключаютъ. Съ исчерпывающей полнотой Мерингъ комментируетъ эти письма, съ удивительнымъ безпристрастіемъ подвергаетъ онъ попутно критикѣ теоретическіе и практическіе взгляды Лассаля. Міросозерцанію послѣдняго, проникнутому еще гегелевскимъ идеалистическимъ духомъ, онъ вездѣ противопоставляетъ свое, марксово: діалектическій матеріализмъ вообще и матеріалистическое пониманіе исторіи въ частности. Это—цѣлое изслѣдованіе теоретической и практической дѣятельности Лассаля и, какъ таковое, далеко оставляетъ за собой работу Бернштейна о Лассалѣ. Болѣе достойнаго издателя этихъ писемъ, чѣмъ историкъ германской с.-д. партіи, трудно было бы и желать.

А. Финнъ-Енотаевскій.

С.-Петербургъ.
Май 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НѢМЕЦКОМУ ИЗДАНІЮ.

Рокъ, который тяготѣлъ надъ Лассалевскимъ литературнымъ наслѣдіемъ, отразился въ извѣстномъ смыслѣ и на письмахъ его къ Марксу и Энгельсу. Послѣдній и Элеонора Марксъ въ существенныхъ чертахъ подготовили изданіе этихъ писемъ, но они умерли, не успѣвъ довести работы до конца. Тогда г-жа Лаура Лафаргъ сдѣлала мнѣ почетное предложеніе издать эти письма, и я, насколько это въ было моихъ силахъ, постарался оправдать ея довѣріе прежде всего тѣмъ, что снабдилъ ихъ подробными комментаріями, въ которыхъ нуждается современный читатель для пониманія этихъ документовъ, написанныхъ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Такіе комментаріи имѣютъ, конечно, свою неудобную сторону. Если они не ограничиваются лишь перечисленіемъ сухихъ чиселъ и именъ, что самое большее освобождаетъ читателя отъ легкаго труда справляться въ энциклопедическомъ словарѣ, если они задаются цѣлью привести необходимый матеріалъ для освѣщенія историческаго развитія, то они всегда будутъ не только освѣщать, но и критиковать, хотя бы это и относилось лишь къ выбору и къ группировкѣ матеріала. Такимъ образомъ, комментаторъ становится въ извѣстной степени непрошеннымъ третьимъ лицомъ между авторомъ и читателемъ. Эту необходимость я хотѣлъ превратить въ добродѣтель, но не въ смыслѣ той лицемѣрной объективности, которая ведетъ свое призрачное существованіе лишь въ заинтересованныхъ предразсудкахъ господствующихъ классовъ, а наоборотъ, я постарался, съ той добросовѣстностью, которая несомнѣнно является главной обязанностью историка, собрать весь доступный мнѣ матеріалъ,

но я не пытался скрывать своего субъективнаго пониманія, которое всегда при этомъ играетъ роль; я его намѣренно выставлялъ и именно для того, чтобы читатель не былъ лишенъ своего собственнаго сужденія. Опасность нежелательнаго вліянія заключается скорѣе въ кажущейся объективности, которой фактически никогда не имѣется да и не можетъ имѣться въ наличности, развѣ только при честной критикѣ, которая или убѣждаетъ читателя, или вызываетъ въ немъ возраженія. Въ томъ или другомъ случаѣ она слѣдовательно не усыпляетъ его собственнаго сужденія, но возбуждаетъ. Кромѣ того, я совершенно отдѣлилъ свои замѣчанія отъ текста писемъ, такъ что всякій, кто можетъ или хочетъ читать ихъ безъ всякихъ комментарій, тотъ можетъ это сдѣлать безпрепятственно.

Если нужно еще что-нибудь сказать вообще объ этихъ письмахъ Лассаля къ Марксу и Энгельсу, то я бы сказалъ, что придаю имъ высокую историческую цѣнность. Они не только являются цѣнными данными для первоначальной исторіи германскаго и европейскаго рабочаго движенія, которое началось въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но они имѣютъ чуть ли не большую цѣнность для психологическаго пониманія тѣхъ людей, которые дали этому движенію классическія черты. Они далеко оставляютъ за собой тѣ довольно многочисленныя письма Лассаля, которыя уже были до сихъ поръ обнародованы. Здѣсь Лассаль раскрываетъ свое сокровенное, съ пластической рельефностью выступаютъ здѣсь простыя и крупныя основныя черты его съ виду столь сложнаго и такъ часто превратно понятаго характера; здѣсь передъ нами историческій Лассаль со всей глубиной той любезности, которая, по всѣмъ имѣющимся даннымъ уже съ внѣшней стороны являлось отличительной чертой его существа, и безъ тѣхъ мелочей, которыми онъ такъ любилъ поддразнивать своихъ буржуазныхъ корресподентовъ.

Передъ блестящимъ проявленіемъ личности Лассаля въ этихъ письмахъ Марксъ, письма котораго, къ сожалѣнію, отсутствуютъ, остался бы въ обидной тѣни, если бы не столь же свободная, сколь и сердечная преданность, которую Лассаль обнаруживаетъ въ каждой строкѣ по отноше-

нію къ своему старшему и болѣе великому другу, не проявляла бы и всего блеска личности послѣдняго.

Болѣе великому другу, говорю я, потому что письма подтверждаютъ, что Лассаль, несмотря на его вполнѣ справедливое сознаніе своей личности, признаетъ въ Марксѣ болѣе сильную, глубокую и объемлющую голову. Вмѣстѣ съ тѣмъ они окончательно исправляютъ глубоко вкоренившееся и широко распространенное ошибочное сужденіе объ отношеніяхъ этихъ людей. Я имѣю при этомъ въ виду, конечно, не нелѣпую университетскую болтовню о „добромъ“ и „націоналистическомъ“ Лассалѣ, который находился будто бы подъ вліяніемъ „злого и лишеннаго чувства отечества“ Маркса; если бы этотъ вздоръ не былъ уже самъ по себѣ мертворожденнымъ, то эти письма Лассаля къ Марксу во всякомъ случаѣ разрушили бы его. Даже въ средѣ самого германскаго рабочаго движенія часто защищался или еще защищается взглядъ, будто Лассаль, хотя и былъ талантливѣйшимъ и въ своей революціонной честности совершенно безукоризненнымъ ученикомъ Маркса, но все же ученикомъ, который однако работалъ при неполномъ и недостаточномъ пониманіи своего учителя. Я имѣю въ виду тотъ взглядъ, который выступаетъ, напримѣръ, въ извѣстномъ очеркѣ Бернштейна о Лассалѣ, и который въ послѣдней инстанціи раздѣлялся и Марксомъ и Энгельсомъ. Еще въ моей исторіи партіи я попытался опровергнуть это на основаніи историческихъ фактовъ, хотя я еще не былъ знакомъ тогда съ письмами Лассаля къ Марксу; теперь я думаю, что въ этихъ письмахъ я могъ бы найти и документальное опроверженіе этого взгляда. Лассаль былъ ученикомъ Маркса, и охотно признавалъ себя таковымъ; во всѣхъ принципіальныхъ вопросахъ, касающихся соціальнаго движенія, онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Марксомъ, но свое безсмертное имя онъ пріобрѣлъ тѣмъ, что въ рѣшительный моментъ, въ сознательномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ Марксомъ, онъ на свою собственную отвѣтственность передъ судейскимъ столомъ исторіи, совершилъ, историческое дѣло, создающее эпоху.

Какъ развилось у Лассаля и Маркса это разногласіе по вопросамъ тактики, письма показываютъ самымъ поучительнымъ образомъ. Но еще и въ другомъ отношеніи они становятся, благодаря этому, спасителями чести Лассаля. Такъ

безконечно много писалось о мнимыхъ или дѣйствительныхъ слабостяхъ Лассаля, что нужно обладать достаточной долей фарисейства, чтобы еще съ нравственнымъ негодованіемъ бить въ ту же точку; чего однако можно, съ извѣстнымъ правомъ, требовать отъ тѣхъ, кто желаютъ судить объ историческомъ Лассалѣ исторически правильно,—это достаточного вниманія къ неразрывной связи, существовавшей между его слабыми и сильными сторонами. Въ письмѣ къ Швейцеру, которое я привожу въ концѣ моихъ примѣчаній, Марксъ говоритъ, что каждый изъ насъ зависитъ больше отъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ своихъ желаній, а Лассаль съ пеленокъ жилъ при условіяхъ, отъ тягостнаго давленія которыхъ онъ не могъ освободиться, не нанося себѣ глубокихъ ранъ. Но, такъ какъ не только обстоятельства дѣлаютъ человѣка, но и человѣкъ путемъ діалектическаго взаимодѣйствія дѣлаетъ обстоятельства, то и Лассаль сумѣлъ изъ давящихъ и мучительныхъ условій, вліявшихъ отрицательно на его развитіе, устроить свою крупную судьбу. Если бы сѣть Гатцфельдскихъ дѣлъ и того, что съ ними было связано, не удержали въ пятидесятыхъ годахъ „послѣдняго могикана" въ Германіи, подавляющая реакціонная атмосфера которой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и на немъ отразилась, то Лассаль не пріобрѣлъ бы того близкаго знакомства съ нѣмецкими дѣлами, которое дало ему возможность вѣрнѣе, чѣмъ его лондонскимъ друзьямъ, оцѣнить *когда* и особенно *какъ* слѣдуетъ ударить въ набатъ германскаго пролетаріата.

Если эти письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу позволяютъ такъ глубоко и ясно взглянуть на политически-психологическія отношенія этихъ людей, то они вмѣстѣ съ тѣмъ бросаютъ и яркій, и глубокій свѣтъ на политическую психологію современнаго рабочаго движенія вообще. Это движеніе на столько могуче, что даже самыя сильныя головы не въ силахъ его обнять, что даже Лассаль, Марксъ и Энгельсъ не охватили его вполнѣ; это именно доказываютъ тактическія разногласія между ними. Если бы такія разногласія когда-нибудь прекратились и въ современномъ рабочемъ движеніи, то этимъ было бы доказано, что внутренняя жизнь его погасла, что практически, конечно, невозможно. Но не менѣе ясно, чѣмъ историческую необходимость, а съ этимъ и политическое оправданіе тактическихъ разногласій,

письма показываютъ и ненарушимыя границы единства революціоннаго принципа. Письма ведутъ свое начала отъ того десятилѣтія, когда для пролетарской борьбы за эмансипацію, казалось, погасло послѣднее мерцаніе звѣзды на европейскомъ горизонтѣ и когда такъ называемые практическіе политики лишь съ презрительнымъ сожалѣніемъ пожимали плечами, когда дѣло шло о чемъ-нибудь, что хоть отдаленно напоминало рабочее движеніе. Несмотря на это, Лассаль, Марксъ и Энгельсъ съ гордымъ и непоколебимымъ спокойствіемъ своего революціоннаго сознанія ни секунды не переставали творить и вліять, какъ будто бы они могли дожить до того солнечнаго дня, когда пролетаріатъ будетъ освобожденъ, хотя они всѣ знали, что завтра не произойдетъ чуда.

Только подъ этимъ знакомъ они стали великими историческими фигурами, и только подъ этимъ знакомъ пролетаріатъ выполнитъ свою великую историческую задачу. Другого знака для него нѣтъ.

Францъ Мерингъ.

Берлинъ, октябрь 1901 г.

КЪ ТЕКСТУ И ПРИМѢЧАНІЯМЪ.

Для установленія текста передо мной находились приведенныя Энгельсомъ въ порядокъ письма Лассаля въ оригиналѣ, а также сдѣланная Элеонорой Марксъ на пишущей машинѣ и просмотрѣнная Энгельсомъ копія этихъ писемъ. Мой долгъ передъ памятью обоихъ умершихъ сказать, что они такимъ образомъ сдѣлали самую существенную предварительную работу для изданія писемъ. Въ этомъ отношеніи мнѣ лишь оставалось устранить нѣсколько ошибокъ и опредѣлить точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано Энгельсомъ, даты нѣкоторыхъ непомѣченныхъ писемъ.

Какъ явствуетъ уже изъ начальныхъ строкъ перваго письма и еще чаще изъ содержанія позднѣйшихъ писемъ, сохранились не всѣ письма Лассаля къ Марксу и Энгельсу. Но поскольку они были налицо, они подлежали дословному напечатанію. Приблизительно въ шести мѣстахъ я опустилъ одно—два слова, нисколько не нарушая этимъ смысла. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ я это сдѣлалъ сообразуясь съ законами о печати, въ нѣкоторыхъ другихъ это вызывалось литературными обычаями, которые не позволяютъ печатать вольныя и черезчуръ рѣзкія выраженія, которыя никто не стѣсняется употреблять въ письменныхъ или личныхъ сношеніяхъ; такъ, напримѣръ, одно старое нѣмецкое слово, часто Лассалемъ пускаемое въ оборотъ, слово, которое еще употребляетъ Лютеръ съ амвона, но которое Гете не считаетъ больше удобопечатаемымъ. Эти сдѣланные мною пропуски помѣчены черточками——, пропуски же самого Лассаля (въ нѣсколькихъ мѣстахъ при упоминаніи названій мѣстъ и лицъ) многоточіемъ... Тамъ, гдѣ я могъ пополнить такія имена или числа, я ставилъ ихъ въ прямыхъ скобкахъ—[ ]—, въ такихъ же скобкахъ же я ставилъ поправки очевидныхъ описокъ.

Я старался, не гнушаясь даже самой мелочной точностью, облегчить фактически разъясняющими примѣчаніями пониманіе и наслажденіе письмами. Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что тѣ письма, которыя Марксъ и Энгельсъ писали Лассалю, если и не совсѣмъ пропали,

то все-таки недостижимы для насъ. Не могли же вѣдь даже очень лойальнные издатели писемъ Лассаля къ Родбертусу установить, гдѣ остались письма Родбертуса къ Лассалю. Лассаль, какъ извѣстно, оставилъ свои письма графинѣ Гатцфельдтъ, наслѣдникомъ которой опять-таки является ея сынъ, графъ Павелъ Гатцфельдтъ, когда-то воспитанникъ Лассаля, а нынѣ посолъ германской имперіи въ Лондонѣ. Элеонора Марксъ уже давно сдѣлала ему запросъ по поводу писемъ отца, которыя могли остаться въ литературномъ наслѣдіи Лассаля, но она не получила никакого отвѣта. Понятно, что я не прибѣгъ къ этому пути вторично; насколько было необходимо сдѣлать такую попытку разъ, настолько было лишнимъ, или даже болѣе, ея повтореніе.

Тѣмъ не менѣе этотъ печальный пробѣлъ можно было въ извѣстной степени пополнить, отчасти благодаря періодической и не періодической литературѣ того времени, которая при внимательномъ разборѣ кое-что раскрывала, отчасти благодаря самимъ бумагамъ изъ литературнаго наслѣдія Маркса, которыя мнѣ любезно довѣрила для справокъ Лаура Лафаргъ. Такимъ путёмъ мнѣ и удалось выяснить до немногихъ и, какъ я бы хотѣлъ думать, маловажныхъ пунктовъ то, что могло быть неяснымъ современному читателю въ этихъ письмахъ Лассаля.

Если я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ примѣчаній полемизировалъ противъ Бернштейна, то съ перваго же взгляда ясно, что эта полемика не стоитъ ни въ какой связи съ тѣмъ, что въ послѣдніе годы принято называть бернштейновскими дебатами. Взглядъ Бернштейна и мой на Лассаля давно и во многихъ отношеніяхъ расходится между собой, что не помѣшало мнѣ въ моей исторіи партіи признать то значительное содѣйствіе, которымъ я обязанъ работѣ Берштейна о Лассалѣ. Именно потому, что эта работа необходима для всякаго, кто хочетъ заняться Лассалемъ, я и счелъ себя обязаннымъ возражать тамъ, гдѣ она, по моему мнѣнію, не соотвѣтствуетъ личному или политическому характеру Лассаля.

1849.

1.

Дорогой Марксъ!

Надѣюсь, что ты получилъ мое послѣднее письмо, которое я послалъ тебѣ по почтѣ и въ которомъ я сообщалъ тебѣ о преданіи меня двоякому суду—ассизному и исправительной полиціи. Въ такомъ случаѣ, я не могу себѣ объяснить, почему ты до сихъ поръ не исполнилъ моей просьбы и не написалъ по этому поводу тотчасъ же сильной статьи.

Надѣясь, что это совершится сегодня или завтра, я перехожу къ другой просьбѣ. Ты знаешь какія приторно-сладкія обѣщанія давалъ раньше Николавіусъ депутаціи относительно ускоренія моего процесса. Тѣмъ не менѣе его затягиваютъ самымъ гнуснымъ образомъ съ *явнымъ* намѣреніемъ миновать ассизный судъ, который начнется 5 марта. *Доказываетъ* это слѣдующее обстоятельство. 4 февраля былъ мой *заключительный* допросъ (дѣло, такимъ образомъ, могло быть окончательно рѣшено 8 февраля обвинит. камерой). 6 февраля меня снова позвали къ слѣдственному судьѣ, и этотъ послѣдній вдругъ показываетъ мнѣ письмо, которое я послалъ крестьянамъ въ Шенштейнъ съ призывомъ, en cas que, вооружиться; при этомъ онъ сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе представленія этого документа необходимъ новый допросъ свидѣтелей въ Шенштейнѣ. Я спрашиваю его: почему письмо предъявлено мнѣ только теперь; онъ отвѣчаетъ: потому, что оно получено имъ только сегодня отъ правительственнаго прокурора—что тоже вѣрно. Тогда я его спрашивмю: почему правительственный прокуроръ (ф.-Аммонъ) сообщилъ ему объ этомъ письмѣ только теперь, между тѣмъ какъ оно лежало въ его столѣ *уже три недѣли*, что я могъ бы до-

казать. Такъ какъ нельзя было отдѣлаться отъ этого факта и такъ какъ было несомнѣнно, что Аммонъ задерживая въ теченіе трехъ недѣль письмо, которое онъ долженъ былъ немедленно передать слѣдственному судьѣ, нарушилъ свой долгъ, то всѣ очутились въ затруднительномъ положеніи, увидя, что я знаю, сколько времени Аммонъ держалъ у себя письмо.

И вотъ, послѣ уже законченнаго слѣдствія должны были приступить только еще къ допросамъ въ Шенштейнѣ; такимъ образомъ вышло, что дѣло могло предстать передъ обвинительной камерой лишь *восемь дней* тому назадъ. Вся эта задержка письма имѣла только ту цѣль, чтобы проволочить мое дѣло мимо ближайшей сессіи ассизнаго суда. По отношеніи къ Кантадору не было такого намѣренія, потому что онъ пользуется сильнѣйшей симпатіей среди всей буржуазіи. Ко мнѣ, представителю пролетаріата и раньше еще ненавистному, страстно желали это примѣнить. Но теперь, когда я могъ доказать фактъ съ письмомъ, то они, во избѣжаніе слишкомъ рѣзкаго различія, *дѣло Кантодора задержали до тѣхъ поръ,* пока мое дѣло не было en état.

Мое желаніе теперь заключается въ томъ, чтобы къ Николавіусу отправилась депутація уже раньше у него бывшая, или же другая, и настойчиво побуждала бы его къ тому, чтобы я могъ предстать еще предъ этимъ ассизнымъ судомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно ему напомнить съ надлежащимъ возмущеніемъ и о трехнедѣльной задержкѣ письма г. фонъ-Аммономъ. Дѣло теперь еще не рѣшено обвинительной камерой.

5 марта начинается ассизный судъ. Итакъ, если Николавіусъ не ускоритъ дѣла, не поторопится *самымъ энергичнымъ образомъ* приготовить обвинительный актъ, то можно поклясться въ томъ, что мы не будемъ фигурировать передъ ассизнымъ судомъ. Не сердись за то, что я тебя безпокою подобными хлопотами, но, право же, не бездѣлица быть вынужденымъ сидѣть здѣсь еще четыре мѣсяца. И за это я тебѣ обѣщаю, если ты въ свою очередь попадешь въ заключеніе, что, конечно, рано или поздно случится, то я также приведу въ движеніе все, несмотря на свойственную мнѣ лѣнь.

Хотя фактъ съ задержкой письма г. фонъ-Аммономъ и долженъ хорошо утереть носъ Николавіусу, но сообщеніе этого въ печати я не считаю пока выгоднымъ, такъ какъ лучше сохранить этотъ зарядъ про запасъ. Однако ты могъ бы пригрозить Аммону въ Рейнской газетѣ, что если я не предстану передъ этимъ ассиз-

нымъ судомъ, то будутъ преданы гласности обстоятельства и пр., помѣшавшія этому.

Прошу тебя, позаботься тотчасъ о депутаціи къ Николавіусу и наговорите ему основательныхъ грубостей. Также должна *тотчасъ же* появиться и упомянутая статья, если она имѣетъ цѣлью воздѣйствовать на обвинительную камеру.

Дюссельдорфъ, 28 февраля 1849 г.

Salut, fraternité. Ф. Лассаль.

2.

Дорогой Марксъ!

Нашъ «jeune Сэдтъ» имѣлъ здѣсь, какъ и въ Кельнѣ, неописуемый успѣхъ. Какъ я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, Сэдтъ тотчасъ подалъ прошеніе о своемъ переводѣ! Онъ былъ бы, такимъ образомъ, выжитъ изъ Кельна. Меня, долженъ признаться, очень поразило и даже привело въ нѣкоторое раздраженіе то, что ты даже не удостоилъ статьей позорное преданіе меня въ руки ассизнаго суда и исправительной полиціи, между тѣмъ какъ Кантодара, который сдѣлалъ совершенно то же самое, освободили. Вѣдь это происшествіе само по себѣ было такъ возмутительно и личное бѣшеное преслѣдованіе меня такъ рельефно, что если бы ты проявилъ хоть немного интереса по отношеніи ко мнѣ,— я былъ до сихъ поръ на столько смѣлъ, что предполагать это въ тебѣ,—ты долженъ былъ бы безусловно разразиться громомъ!

Однако, такъ какъ ни отъ кого нельзя требовать интереса de rigueur, passons là-dessus!

Перейдемъ къ болѣе важному.

Уже давно ты просилъ меня о серьезной критикѣ гражданскихъ судебныхъ рѣшеній апелляціоннаго суда; сегодня я посылаю тебѣ таковую или, вѣрнѣе, начало серіи статей, которыя я буду доставлять тебѣ по твоему желанію. Приложеніе—въ 16 страницъ— содержитъ введеніе и разборъ одного приговора. Статья можетъ, какъ ты увидишь изъ нея, обратить на себя всеобщее вниманіе, скомпрометировать апелляціонный судъ au serieux также и даже больше, чѣмъ недавно былъ скомпрометированъ Сэдтъ au ridicule. Наши интересы при опубликованіи статьи идутъ рука объ руку. Ты хотѣлъ имѣть критику апелляціоннаго суда, написанную съ

нашей точки зрѣнія. Я хотѣлъ того же и побочно освѣтить, ради должной острастки, дѣйствія суда по отношенію къ графинѣ.

Итакъ, позволь мнѣ, редакторъ en chef выговорить себѣ нѣкоторые пункты относительно способа воспроизведенія статьи. Вѣдь ты поймешь лучше, чѣмъ кто-либо иной, что и отъ этого зависитъ очень многое.

1. Я долженъ настаивать на томъ, чтобы статья была *передовой*. При прочтеніи ты увидишь, что иначе невозможно. Она написана *оффиціально* и не могла и не должна была быть написана иначе, если она не должна потерять своего доктринерскаго запаха и должна остаться на соотвѣтствующей высотѣ.

2. Было бы очень желательно, *весьма, въ высшей* и въ *превосходной степени* желательно, чтобы все приложеніе (16 страницъ) появилось сразу въ одномъ номерѣ газеты. Такъ какъ статья написана разгонисто, страницы заполнены лишь на половину и оставлены поля, то это, надѣюсь, выполнимо, хотя, можетъ быть, и не безъ затрудненій. Однако въ случаѣ невозможности обойтись безъ раздѣленія статьи, то таковое можетъ быть только въ концѣ общей части. стр. 5 при А. «Мы начинаемъ съ классическаго приговора, бывшаго въ февралѣ 1849 г.» Продолженіе должно появиться уже въ слѣдующемъ номерѣ и въ немъ должно быть напечатано безъ перерыва до конца 16-й страницы.

Такимъ образомъ при этомъ раздѣленіи выигрывается немного, только 5 страницъ появятся въ первомъ номерѣ, а остальныя 11 страницъ должны появиться цѣликомъ во второмъ. Но на послѣднемъ я принужденъ настаивать avec rigueur. Исторія процесса и критика, которая начинается на 5-й страницѣ при А., не можетъ быть раздѣлена, какъ ты самъ увидишь, безъ того, чтобы это безусловно не повредило пониманію дѣла. Я изложилъ дѣло такъ, что даже самый плохой juris imperitus его пойметъ. Но эта цѣль не будетъ достигнута, если и послѣ 5-й страницы будетъ гдѣ-нибудь сдѣлано раздѣленіе.

Итакъ, всѣ эти условія вызываются общими интересами. Я охотно готовъ взять на себя отвѣтственность за статью, хотя изъ-за нея *не можетъ* возникнуть никакого процесса, такъ какъ ничья *личность* въ ней незатрогивается.

3. Статья должна появиться *сейчасъ*—самое позднее въ теченіе скажемъ, трехъ дней, потому что опять предстоятъ процессы въ апелляціонномомъ судѣ.

Ты очень обязалъ бы меня, если бы прибавилъ еще что-нибудь изъ самаго ядовитаго être suprême твоего ума въ формѣ

примѣчаній или вставокъ, какъ ты это сдѣлалъ недавно относительно Сэдта. Можетъ быть при фамиліи Шварца ты сдѣлаешь подстрочное примѣчаніе, въ которомъ сошлешься на сообщенія, полученныя тобой на счетъ его, какъ я слышалъ, изъ Тріера. Отъ послѣдняго примѣчанія къ стр. 16-ой должна остаться во всякомъ случаѣ первая часть, чтобы намъ не нужно было постоянно переполнять газету этимъ матеріаломъ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ апелляціонный судъ ежедневно побаивался продолженія разбора приговора.

Если ты желаешь, чтобы я доставилъ тебѣ еще дальнѣйшія продолженія, то напиши мнѣ объ этомъ. У меня есть еще 4—5 приговоровъ, которые я тогда немедленно разработаю.

Короче говоря, прошу тебя, прояви интересъ къ статьѣ и обставь ее, какъ любимое дитя, выпускаемое въ свѣтъ.

Я ожидаю по возможности скораго опубликованія статьи и исполненія высказаннаго мною желанія.

Откровенно говоря, мой милый, меня огорчило, что ты страдаешь отъ болѣзни печени. Въ виду этого я прощаю тебѣ также и индефферентное отношеніе твоей газеты ко мнѣ. Надѣюсь, что твой недугъ незначителенъ. Ты хочешь ѣхать на воды? Куда? Когда я освобожусь и у меня будетъ возможность отлучиться, то и я пріѣду туда. A propos, ничто не привело меня въ больщій восторгъ какъ твой недавній разносъ Франкфуртскаго мартовскаго ферейна. Моя глубочайшая благодарность за доставленное удовольствіе! Еще одно. *Не* затрогивай Кантадора въ своей газетѣ. Блёмъ оказался очень чувствителенъ къ недавнему нападенію на него, а также и къ тому, что при описаніи Гервечскаго (описка—вмѣсто: Фрейлигратскаго) процесса газета не назвала его имени. Относительно Блёма надо принять во вниманіе, во-первыхъ, что теперь послѣ ухода Шерера, онъ взялся вести наши процессы и намѣренъ, повидимому, дѣлать это съ большимъ рвеніемъ, во-вторыхъ, что онъ теперь дѣйствительно увѣровалъ въ гильотину, что уже является прогрессомъ.

Читалъ ли ты недавно вышедшій экстренный отчетъ «Новой Прусской Газеты» о «поднятіи красно-республиканскаго щита въ Бреславлѣ»? Ну, будь здоровъ. Если бы ты снова вздумалъ заглянуть къ намъ, то это было бы очень любезно съ твоей стороны. Такъ какъ ты боленъ, то вѣдь ты можешь не работать.

Любящій тебя кузенъ Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 26 марта 1849 г.

NB. Mille fois pardon! Я только что услышалъ отъ графини, что ты не виноватъ въ непоявленіи статьи, и что, напротивъ того, ты постарался достать всѣ нужные акты. Merci. Однако я особенно рекомендую тебѣ прилагаемую статью.

3.

Мой дорогой Марксъ!

Прости, что я такъ долго не отвѣчалъ на твое послѣднее письмо, но продолжительная, необходимая и отвѣтственная работа, къ тому же еще юридическаго характера, вмѣстѣ съ обусловливаемымъ всѣмъ этимъ дурнымъ расположеніемъ духа, помѣшали мнѣ въ этомъ.

Теперь, когда мнѣ предстоитъ уже скоро раздѣлаться съ этой дрянью, я дышу нѣсколько свободнѣе и по крайней мѣрѣ настолько сбросилъ съ себя уныніе, чтобы быть въ состояніи писать.

Если мое послѣднее письмо произвело на тебя такое впечатлѣніе, будто я оглушенъ успѣхами контръ-революціи, то или ты невѣрно понялъ его, или я, можетъ быть, написалъ его въ слишкомъ страстномъ тонѣ. Ни одной секунды я не думалъ о *дѣйствительномъ* успѣхѣ контръ-революціи. Со всеміpно-исторической точки зрѣнія очень легко видѣть, что эта сильная вспышка контръ-революціоннаго пламени истребляетъ только свои собственныя послѣднія жизненныя силы и оказываетъ намъ въ то же время неоцѣнимую услугу, очищая нашу собственную партію отъ всякаго рода наносныхъ воззрѣній и предразсудковъ. Но какъ бы вѣрно это ни было, гдѣ же тотъ всесильный счетчикъ, который могъ бы высчитать, что эта система не можетъ продержаться еще два быстролетныхъ года. Столѣтіе, по псалмопѣвцу Давиду, для Бога лишь одно мгновеніе. Также и два года для всеміpной исторіи, конечно, только всего одинъ день. Но для передового отряда, попавшаго въ самый жаркій бой и отрѣзаннаго врагами, ждать въ такомъ положеніи цѣлый день, пока надвигающаяся сзади главная армія не вырветъ его изъ кровожадныхъ рукъ врага,—для него такой двухгодовой день убійственно долгъ! Но я нахожусь вполнѣ въ положеніи такого погибающаго отряда. Ядъ и желчь, которыми меня ежедневно пичкаютъ наши превосходныя судебныя кол-

легіи въ видѣ своихъ милыхъ рѣшеній въ миріадахъ Гацфельдскихъ процессовъ, заставятъ меня verbotenus лопнуть, если эта кормежка будетъ продолжаться еще два года. Всякій живущій въ Германіи красный демократъ разъ навсегда испытываетъ на себѣ, что значитъ быть краснымъ. Его или лишаютъ должности, или арестовываютъ, или дѣлаютъ нищимъ, или уничтожаютъ. Но насъ въ полномъ смыслѣ слова *калѣчатъ*. Сегодня намъ отрѣзываютъ носъ, завтра ухо, послѣ завтра ногу и т. д., а главное господа судьи отрѣзываютъ насъ, какъ осажденный городъ, отъ всякого провіанта! Наше положеніе, наши безчисленные процессы въ безчисленномъ количествѣ судовъ дѣлаютъ возможнымъ то, что на единичныя личности падаютъ у нась всѣ несчастія, которыя постигли демократію и которыя ее еще постигнутъ; тоо что у другихъ распредѣляется на многіе тысячи людей, такъ чт, на долю каждаго выпадаетъ бремя которую еще можно перенести, у насъ сосредоточивается на одномъ лицѣ. Это—очень почетно; для поэта, воспѣвающаго страданія—въ высшей степени интересный матеріалъ, новая судьба Христа, которая концентрируетъ всѣ страданія человѣческаго рода въ его единой личности;—но это очень утомительно! Поэтому я истекаю ядомъ и желчью и это тебѣ достаточно объяснитъ, почему всѣ мои письма, бывшія и будущія, имѣютъ, будутъ и должны имѣть исключительно сильный желчный привкусъ.

Мои взгляды относительно Венгріи совершенно согласуются съ твоими, но мои выводы изъ нихъ, пожалуй, отличны отъ твоихъ. Венгрія имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ какая-либо иная страна, счастливо окончить борьбу. И это—среди другихъ причинъ потому, что тамъ партіи еще не достигли опредѣленнаго раздѣленія, рѣзкаго антагонизма, какъ въ Западной Европѣ, потому, что революція тамъ была облечена въ значительной степени въ форму національной борьбы за независимость. Тѣмъ не менѣе Венгрія была побѣждена и именно вслѣдствіе предательства *національной* партіи. Изъ этого въ связи съ исторіей Германіи 1848 г. и 1849 г.—я извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самаго начала она не будетъ провозглашена *чисто соціалистической*; что не можетъ больше удаться никакая борьба, въ которой соціальные вопросы входятъ лишь какъ туманный элементъ и стоятъ на заднемъ планѣ и которая съ внѣшней стороны ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуаз-

наго республиканизма; что никакая борьба не можетъ имѣть успѣха, если она, какъ въ iюнѣ 1848 г., заранѣе не объявитъ своимъ паролемъ безъ всякихъ прибавленiй: «трудъ или смерть». Съ одной стороны это, правда, очень прiятное убѣжденiе, что мы тѣмъ самымъ избѣгаемъ гнусности буржуазнаго господства. Но, съ другой стороны, напрашивается вопросъ, будетъ ли *Германiя* обладать въ скоромъ времени такой силой, чтобы побѣдоносно поднять *чисто* красное знамя? Достаточной ли силой уже обладаетъ соцiализмъ въ Германiи, чтобы быть въ состоянiи въ скоромъ времени *для себя самого* и не драпируясь въ чисто республиканскiй энтузiазмъ, сорвать со стѣны мечъ? Если имѣть въ виду одну лишь Германiю, то пришлось бы на этотъ вопросъ отвѣтить печально и отрицательно. На счастье у насъ есть Францiя! Ты пишешь, что ждешь съ увѣренностью будущей весной возстанiя въ Парижѣ. Источникомъ при этомъ служатъ тебѣ французскiе réfugiés. Но изъ письма Дронке, которое я только что получилъ и которое согласуется со многимъ другимъ, я вижу, что французскiе рабочiе очень abattus (чего я не думаю) и что рабочiе (чему я очень вѣрю) потеряли всякое довѣрiе къ Montagne, вслѣдствiе ея ужаснаго и чисто нѣмецкаго поведенiя 13 iюня. Какъ бы они ни были правы, но это во всякомъ случаѣ *тормозило бы* поднятiе знамени, такъ какъ и вожди тайныхъ обществъ пока находятся на попеченiи въ тюрьмѣ Mont St. Michel. И очень возможно, что французскiе réfugiés въ Лондонѣ, Ледрю и др. тѣшатъ себя иллюзiями относительно настроенiя рабочихъ по отношенiю къ нимъ и недостаточно освѣдомлены на этотъ счетъ.

Однако я *во всякомъ случаѣ* думаю, что во Францiи весной или лѣтомъ 1850 г. вспыхнетъ революцiя. Основанiемъ для этого я считаю, во-первыхъ, прямо невѣроятное распространенiе соцiализма во Францiи (въ легитимистическомъ департаментѣ de la Gironde Лагардъ получилъ 36.000 голосовъ) и, во-вторыхъ, вспыхнувшiй теперь на почвѣ римскаго вопроса конфликтъ между Наполеономъ и лѣвой съ одной стороны, и всей правой—съ другой. Вотированiе кредита ни въ какомъ случаѣ не разрѣшило и не устранило вопроса. Онъ только отложенъ на очень короткое время. Вотированiе кредита кромѣ того совсѣмъ не имѣетъ того значенiя, которое хочетъ придать этому факту Journal de Dèbats и др... Одилонъ Барро своей защитой письма президента, — хотя и съ обычно свойственной ему предательской двусмысленностью,—своимъ

объясненіемъ, что онъ будетъ «*рѣшительно*» настаивать на амнистіи, и своимъ превосходно поставленнымъ вопросомъ: «Кто за политику, высказанную въ *письмѣ президента* и въ министерскихъ депошахъ, тотъ долженъ голосовать *за* кредитъ, а противъ него—тотъ, кто *не согласенъ съ письмомъ* президента».—всѣмъ этимъ онъ не только далъ возможность лѣвой голосовать за кредитъ, но даже на половину принудилъ ее къ этому. Дѣйствительно, если бы она голосовала противъ, то пришлось бы faute d'argent вернуть войско изъ Рима, а какъ разъ либеральная партія теряла отъ этого свое вліяніе въ Римѣ. Такъ же и Биксіо и другіе бѣлые республиканцы объясняютъ, что они вотировали за кредитъ только въ виду объявленія, что, «вотированіе за письмо президента означаетъ вотированіе за кредитъ». Голосовать противъ могла лишь Montagne разсчитывая, что этимъ *непосредственно* вызывается государственный кризисъ, государственный переворотъ и уличная борьба, и—*самая крайняя* правая, исходя изъ того принципа, что французское войско было бы лишнимъ въ Римѣ, если бы папа сдѣлался сувереномъ, а Римъ былъ бы подавленъ. Хотя Одилонъ Барро давалъ *трусливыя* обѣщанія, но въ ближайшемъ времени этотъ вопросъ снова воскреснетъ, если папа не будетъ укрощенъ, и все должно будетъ быть выведено на свѣжую воду. Болѣе важный выигрышъ отъ этихъ дебатовъ заключается въ открытомъ разрывѣ Наполеона съ правой. Наполеонъ увидѣлъ, что правая хочетъ устранить его и онъ, поэтому, долженъ ее рано или поздно атаковать. Или, если и этотъ паразитарный наростъ слишкомъ труслива для этого, то вѣдь правая сама видѣла, что она должна его сорвать насильственно, и въ опьяненіи своимъ всемогуществомъ попытается сдѣлать это въ скоромъ времени. Какъ велика надменность этой партіи, видно изъ начала рѣчи Монталамбера, которая, насколько я знаю, является безпримѣрной въ анналахъ парламентскихъ дебатовъ во Франціи.

Я привѣтствую съ радостью торговый кризисъ въ Англіи, о которомъ ты извѣщаешь въ газетѣ. Хорошо, если бы его наступленіе было дѣйствительно вполнѣ обезпечено и близко! Вѣдь до сихъ поръ они обыкновенно слѣдовали другъ за другомъ не такъ быстро. Фаталистическій циклъ отъ четырехъ до пяти лѣтъ, обычный промежутокъ времени между двумя кризисами, еще не миновалъ. Однако вполнѣ естественно, если эти кризисы, становясь все острѣе и сильнѣе, начнутъ повторяться черезъ промежутки времени все болѣе короткіе и съ колебаніями все болѣе быстрыми. Въ Берг-

скомъ округѣ наступило хорошее время для фабрикъ, фабриканты едва успѣваютъ выполнять заказы; на Рейнѣ происходитъ то же самое; точно также и въ Парижѣ,—какъ я слышалъ. Естественно, что все это ускоряетъ съ имманентной неизбѣжностью новый кризисъ.

Однако, я достаточно наболталъ.

Часто ли ты встрѣчаешься съ Ледрю Ролленомъ и Люи Бланомъ? Напиши мнѣ, пожалуйста, о нихъ и другихъ знаменитостяхъ, что они представляютъ собой вблизи. Часто ли ты бываешь съ Блиндомъ? Что съ нимъ? Ты, счастливый, имѣешь по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ нѣсколько человѣкъ, съ которыми, можно вести знакомство. А здѣсь! Что увеличиваетъ въ достаточной степени желчность, это внѣшняя бѣдность, въ которой находятся всѣ порядочные люди, и *внутренняя* мизерность псевдодемократовъ, которые заняли теплыя мѣста въ гнѣздахъ демократіи и которые считаютъ себя преемниками великихъ людей только потому, что сидятъ на ихъ могилахъ, какъ надгробные памятники.

Беккеръ и «Westdeutsche Zeitung» такъ хозяйничаютъ въ твоемъ гнѣздѣ, что просто позорно! Беккеръ эксплоатировалъ Теллеринга, который сдѣлалъ попытку поднять его газету, *доносилъ* на него и дѣйствительно самымъ ужаснымъ образомъ оскорблялъ и третировалъ его. Дронке тоже бы пріѣхалъ въ Кельнъ, въ «Westdeutsche Zeitung», но онъ не желаетъ быть подъ редакціей Беккера и совершенно правъ.

A propos. Я совсѣмъ было забылъ самое важное: какъ обстоитъ дѣло съ твоимъ политико-экономическимъ «Revue»? Началось ли оно? Начнется ли? Почему ты не прислалъ сюда проспекта? Я по крайней мѣрѣ не видалъ еще ни одного. Теллерингъ, навѣрно, скоро отправится въ Лондонъ и передастъ тебѣ отъ меня тогда массу привѣтовъ.

Поклонись тысячу разъ Веерту, скажи ему, что я очень обрадовался его славному письму и вскорѣ напишу ему. Но онъ поступилъ неправильно, не явившись на свой процессъ. Очень *трудно*, не рискуя большими денежными средствами (залогомъ около 500 талеровъ), довести дѣло до кассаціоннаго суда. Однако третьяго дня я подробно написалъ Гагену, и если онъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, выполнитъ въ точности мои порученія, то, можетъ быть, успѣхъ еще возможенъ безъ большого риска; но это *очень* трудно.

Поклонись отъ меня много разъ твоей женѣ, которая теперь, надѣюсь, опять поправилась. Графиня, Павелъ, Бюргерсъ, шлютъ

тебѣ и твоей женѣ безчисленныя привѣтствія и страстно желаютъ васъ снова здѣсь видѣть.

Отвѣчай скорѣе

твоему Ф. Лассалю.

Дюссельдорфъ, 24 октября, 1849.

NB. Не можешь ли ты мнѣ написать, куда дѣвалась моя статья о рейнскомъ апелляціонномъ судѣ? Если она осталась въ Кельнѣ и находится во владѣніи Беккера, тогда пришли мнѣ записку, чтобы онъ мнѣ ее отдалъ. Теллерингъ шлетъ свой сердечный привѣтъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Письмо 1 и 2 были написаны изъ Дюссельдорфской тюрьмы. Лассаль былъ арестованъ 22 ноября 48 года вмѣстѣ съ Кантадоромъ, начальникомъ Дюссельдорфской милиціи и рабочимъ Вейерсомъ; одновременно съ этимъ было объявлено въ Дюссельдорфѣ осадное положеніе.

Мнимое преступленіе Лассаля и его товарищей было такое же, какое совершилъ Марксъ, Шапперъ и Шнейдеръ въ Кельнѣ; они призывали ко всякаго рода сопротивленію, если правительство попытается взимать налоги, послѣ того какъ ихъ отвергло берлинское собраніе 15 ноября. Но въ то время какъ Марксъ и его товарищи обвинялись лишь въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію войскамъ и чиновникамъ, что по Code pènal считалось лишь проступкомъ, не требовало предварительнаго заключенія и влекло за собой самое большее нѣсколько мѣсяцевъ ареста, Лассаль и его товарищи обвинялись въ уголовномъ преступленіи, въ подстрекательствѣ къ возстанію противъ королевской власти; это требовало предварительнаго ареста и, въ случаѣ осужденія, обвиняемымъ грозило лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ.

Съ самаго начала не было никакого сомнѣнія въ томъ, что рейнская юстиція захочетъ выместить на Лассалѣ свой гнѣвъ за то, что онъ нанесъ ей полное юридическое и моральное пораженіе 5—11 августа 48 года передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ, гдѣ его обвиняли въ подстрекательствѣ къ кражѣ денежной шкатулки. Уже 2-го января 49 года депутація дюссельдорфскихъ гражданъ, въ сопровожденіи депутацій отъ кельнскаго рабочаго ферейна и демократическаго общества въ Кельнѣ, всего 16 человѣкъ, подала генеральному прокурору Николавіусу адресъ съ 2800 подписями; въ этомъ адресѣ требовались ускореніе судебнаго процесса противъ дюссельдорфскихъ заключенныхъ и приличное обращеніе съ ними въ

домѣ предварительнаго заключенія. Въ адресѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Люди, подобные Ф. Лассалю, который въ короткое время своего выступленія на общественную арену пріобрѣлъ многочисленныхъ и восторженныхъ друзей, и которому злѣйшіе враги принуждены были отдать должное въ томъ, что онъ посвятилъ всѣ силы своей богато одаренной натуры, всю мощь своей рѣчи и всю свою неутомимую дѣятельность лишь огражденію конституціонной свободы и ни на секунду не оставлялъ почвы законнаго протеста,—эти люди томятся недѣлями въ тюрьмѣ и подвергнуты судебному слѣдствію, построенному на самыхъ безсмысленныхъ доносахъ и могущему, поэтому, легко затянуться до безконечности". Одновременно съ этимъ адресомъ Neue Rheinische Zeitung напечатала извѣстное письмо, въ которомъ Генрихъ Гейне рекомендовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодого Лассаля Варнгагену фонъ-Энзе, и прибавляла къ просьбѣ, высказанной депутаціей генеральному прокурору, просьбу и пожеланіе, „чтобы не гибло въ тюрьмахъ все то, что наша бѣдная страна имѣетъ среди молодежи лучшаго и талантливаго, одареннаго всѣми тѣми способностями, которыя такъ вѣрно сумѣлъ оцѣнить одинъ изъ величайшихъ умовъ". Николавіусъ обѣщалъ тогда все возможное.

Но онъ или не могъ, или не хотѣлъ сдержать своихъ обѣщаній. Въ то время какъ Марксъ и его товарищи уже 8 февраля стояли передъ судомъ присяжныхъ и были оправданы, въ это время слѣдствіе противъ Лассаля и его товарищей было только что закончено Затѣмъ слѣдовало описанное въ I-омъ письмѣ чисто обработанное дѣльце правительственнаго прокурора фонъ-Аммона, того самаго оффиціальнаго обвинителя, котораго разбилъ на голову Лассаль въ Кельнскомъ судѣ присяжныхъ по дѣлу о кражѣ денежной шкатулки. И когда, наконецъ, 22 февраля обвинительная камера дюссельдорфскаго округа предала Лассаля и его товарищей суду присяжныхъ за подстрекательство къ вооруженному сопротивленію противъ королевской власти, она обработала другое не менѣе чистенькое дѣльце: она предала сверхъ того Лассаля въ руки суда исправительной полиціи за вооруженное сопротивленіе войскамъ и чиновникамъ. Въ своей рѣчи передъ судомъ присяжныхъ Лассаль подробно описалъ съ какимъ искаженіемъ права и съ какой подтасовкой словъ былъ проведенъ этотъ жалкій судебный фарсъ. При всемъ этомъ можно было бы представить главный обвинительный актъ ассизному суду въ мартѣ, если бы генеральный прокуроръ во время приготовилъ Кельнской судебной палатѣ свой докладъ о заключеніяхъ дюссельдорфской обвинительной камеры; къ этому-то и должна была его принудить депутація, отправленія которой требуетъ Лассаль въ 1-мъ письмѣ. 3-го марта дѣйствительно отправились къ генеральному прокурору Марксъ, Энгельсъ, Шапперъ, Риттингаузенъ, Бюргеръ и графъ Павелъ Гацфельдтъ, теперешній германскій посолъ въ Лондонѣ, чтобы наговорить ему „основательныхъ грубостей", но на этотъ разъ нашли его очень упорнымъ. Онъ рѣшительно отказался приготовить дѣло къ мартовской сессіи ассизнаго суда; такимъ образомъ Neue Rheinische Zeitung незачѣмъ было задумываться предать въ номерѣ отъ 6 марта общественному суду скрытую продѣлку правительственнаго прокурора фонъ-Аммона.

Впрочемъ, эта газета уже 4-го марта клеймила, хотя и въ краткой, но

очень сильной и удачной статьѣ, двоякое преданіе Лассаля ассизному суду и суду исправительной полиціи; поэтому не совсѣмъ понятна жалоба Лассаля во второмъ письмѣ на то, что Марксъ ни одной статьи не посвятилъ этому дѣлу. Слѣдуетъ предположить, что онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что данное газетой 4-го марта обѣщаніе вернуться къ этой темѣ, не было ею выполнено до 26 марта. Чѣмъ было вызвано это земедленіе, онъ самъ объясняетъ въ припискѣ ко 2-му письму. Дѣйствительнаго основанія жаловаться на газету у Лассаля не было: она смѣло и ярко обнаружила непрерывную цѣпь правовыхъ нарушеній, продѣланныхъ юстиціей по отношеніи къ нему и еще вечеромъ, наканунѣ открытія засѣданій ассизнаго суда, 3-го мая клеймила въ двухъ большихъ передовыхъ статьяхъ всю совершаемую надъ Лассалемъ процедуру, называя ее чисто тенденціознымъ процессомъ противъ ненавистнаго агитатора, продуктомъ личной, доходящей до геркулесовыхъ столбовъ, ненависти, дѣломъ, настолько непослѣдовательнымъ, противорѣчивымъ и непостижимымъ, какое рѣдкое рѣдко можно встрѣтить.

Однако депутація 3-го марта и позднѣйшая депутація изъ Дюссельдорфа достигли того, что Николавіусъ перенесъ засѣданіе ассизнаго суда, имѣющее мѣсто по четвертямъ года, съ іюня на май. Во всемъ остальномъ кельнская судебная палата достойно увѣнчала произведеніе дюссельдорфской обвинительной камеры; она осталась при рѣшеніи предать Лассаля двоякому суду, но освободила отъ судебнаго преслѣдованія Кантадора,—котораго не осудилъ бы ни одинъ судъ присяжныхъ. Сдѣлала она это съ тонкимъ разсчетомъ, что присяжные легче вынесутъ обвинительный приговоръ, если передъ нимъ явятся только Лассаль и Вейерсъ. Какъ извѣстно, эти надежды обманули ихъ. Присяжные оправдали 3-го мая обоихъ обвиняемыхъ, хотя, вслѣдствіе новыхъ правовыхъ нарушеній со стороны суда, Лассаль былъ вынужденъ отказаться отъ всякой защиты. Но несмотря на это оправданіе, его держали въ заключеніи и затѣмъ онъ былъ присужденъ судомъ исправительной полиціи къ шести мѣсяцамъ тюрьмы.

Достойнымъ товарищемъ дюссельдорфскаго правительственнаго прокурора ф.-Аммона былъ кельнскій правительственный прокуроръ Сэдтъ, о которомъ и говорится въ началѣ 2-го письма. Когда 5 августа 48 года Лассаля отвозили изъ тюрьмы на судъ присяжныхъ, графиня Гацфельдтъ ожидала его на улицѣ и привѣтствовала его движеніемъ руки въ то время, какъ онъ садился въ карету. Лассаль крикнулъ ей нѣсколько слѳвъ; послѣ чего графиня бросила талеръ въ карету, когда онъ проѣхалъ мимо нея. Вслѣдствіе этого она была приглашена явиться 17 марта 49 года передъ судомъ исправительной полиціи по обвиненію въ подкупѣ сопровождавшихъ Лассаля жандармовъ. При допросѣ свидѣтелей правительственный прокуроръ Сэдтъ довелъ обвиненіе до апогея комизма своимъ вопросомъ, не было ли движеніе руки графини поцѣлуемъ руки. Въ результатѣ онъ предлагалъ назначить обвиняемой три мѣсяца тюрьмы, но потерпѣлъ при этомъ окончательное фіаско. На слѣдующій денъ Neue Rheinische Zeitung высмѣяла, въ брызжущемъ остроуміемъ, фельетонѣ молодого ревнителя, le jeune Сэдта, дѣлая всякаго рода замысловатые намеки на „еще болѣе пикантныя исторіи съ поцѣлуями“. Этотъ подававшій большія надежды молодой ревнитель правосудія не былъ все-таки послѣ этого выгнанъ изъ Кельна, какъ

предполагалъ Лассаль; немного времени спустя въ качествѣ обвинителя въ Кельнскомъ процессѣ коммунистовъ онъ взялъ подъ свою защиту клятвопреступника Штибера и умеръ черезъ 30 лѣтъ на высокомъ посту, какъ достойный представитель рейнской юстиціи. Смѣшное не убиваетъ прусскихъ прокуроровъ; иначе цифра смертности у людей этой профессіи достигла бы внушающей опасенія высоты.

Статья о гражданскомъ судопроизводствѣ кельнской апелляціонной палаты не появилась въ Neue Rheinische Zeitung, какъ это, впрочемъ, явствуетъ уже изъ приписки къ 3-му письму. Франкфуртскій мартовскій ферейнъ, „разносъ“ котораго Лассаль такъ радостно привѣтствуетъ, хотѣлъ ретироваться подобно франкфуртской лѣвой; онъ предалъ проклятію „возстаніе“ и прославлялъ „законное противодѣйствіе“ въ тотъ моментъ, когда насильственныя дѣйствія контръ-революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ снова бросили массы въ сферу революціоннаго броженія. Шереръ и Блемъ были адвокатами въ Дюссельдорфѣ; Шереръ былъ также выбранъ во вторую Прусскую палату, въ то время какъ Блемъ былъ членомъ Берлинскаго собранія въ предшествующемъ году. Дюссельдорфскій корреспондентъ Neue Rheinische Zeitung напалъ на него за слабую позицію, занятую имъ въ мѣстной партійной борьбѣ, хотя онъ былъ болѣе крайнимъ, чѣмъ Шереръ. Его „вѣра въ гильотину“ не проявилась вполнѣ. 15 октября 1863 года Лассаль писалъ Родбертусу, засѣдавшему въ 1848 году вмѣстѣ съ Блемомъ въ Берлинскомъ собраніи: „Блемъ сдѣлался очень прогрессивнымъ“. Блемъ однако былъ снова защитникомъ Лассаля въ послѣднемъ процессѣ,—незадолго передъ смертью Лассаля въ Дюссельдорфѣ 27 іюня 1864 г.

Между 2 и 3 письмами прошелъ полугодовой промежутокъ, весьма богатый событіями. Въ Германіи контръ-революція побѣдила, подавивши по всей линіи возстаніе противъ государственнаго строя; венгерская революція переживала капитуляцію Виначо, римская республика была сокрушена оружіемъ французскаго нашествія, а во Франціи попытка мелко-буржуазно-соціалистической Montagne создать изъ факта подавленія римской республики обвинительный актъ противъ президента Бонапарта окончилась безусловнымъ пораженіемъ нападавшихъ.

Марксъ переселился въ Лондонъ, послѣ того какъ побѣдоносная контръреволюція выгнала его сначала изъ Германіи, а затѣмъ и изъ Франціи. Онъ такъ же мало, какъ и Лассаль, выпущенный временно изъ тюрьмы послѣ осужденія его судомъ исправительной полиціи, думалъ, что пламя революціи окончательно потушено. Онъ занялся реорганизаціей союза коммунистовъ, разсѣяннаго во время революціонной борьбы и подготовлялъ политико-экономическое Revue, которое должно было при участіи испытанныхъ сотрудниковъ Neue Rheinische Zeitung собрать революціонныя силы въ Германіи.

Лассаль послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы былъ очень занятъ Гацфельдтскимъ процессомъ; но вотъ настало время, о которомъ онъ 11 лѣтъ спустя писалъ Софьѣ Солнцевой слѣдующее:

„Послѣ 1848 г. въ процессахъ графини наступила большая перемѣна. Передъ революціей, въ 1846—47 гг., судьи относились къ этимъ процессамъ съ симпатіей, потому что въ это время съ нашими судьями происходили еще довольно часто либеральные припадки и они питали отвращеніе

къ дворянству. Но вмѣстѣ съ революціей и контръ-революціей 1848 г. все это измѣнилось сразу. Теперь въ нашихъ трибуналахъ стала господствовать со слѣпой страстностью реакціонная и антиреволюціонная ненависть. И такъ какъ графиню отождествляли со мной, а я былъ самымъ ненавистнымъ революціоннымъ главаремъ въ провинціи, то эта солидарная ненависть была достаточной для того, чтобы графиня потеряла всѣ свои процессы. Не проходило почти ни одной недѣли, которая не приносила бы намъ неблагопріятныхъ, уничтожающихъ насъ рѣшеній въ той безчисленной массѣ процессовъ, которые я началъ противъ графа. Меня безпрестанно побѣждали! Но теперь-то я и узналъ свою настоящую силу. Послѣ каждаго пораженія я вставалъ еще болѣе опаснымъ, чѣмъ прежде. Я открывалъ все новыя и болѣе ужасныя нападенія. Когда я видѣлъ своихъ враговъ—судей, я самъ уже почти отказывался отъ надежды побѣдить. Но я хотѣлъ по крайней мѣрѣ бороться, пока я былъ живъ и уступить лишь умирая". Такъ какъ Лассаль въ послѣднихъ письмахъ еще много разъ возвращается къ этой борьбѣ, не упоминая однако о своей окончательной побѣдѣ, то не лишнимъ будетъ теперь же замѣтить, что въ августѣ 1854 г. онъ окончательно ниспровергнулъ своего противника, принудивши его уступить графинѣ очень большое состояніе.

„Отличный, можетъ быть, выводъ", который дѣлаетъ Лассаль по сравненію съ Марксомъ относительно венгерской революціи выражаетъ уже ту мысль, исходя изъ которой онъ началъ въ 1863 г. свою агитацію среди рабочихъ; но эта мысль выражена здѣсь во всякомъ случаѣ въ рѣзко-односторонней формѣ и ее надо понимать cum grano salis. Объ относительномъ правѣ и неизбѣжности господства буржуазіи Лассаль не думалъ иначе, чѣмъ Марксъ: они очень сходились на той мысли, что революціонное развитіе, которое можетъ окончиться только побѣдой рабочаго класса, идетъ уже полнымъ ходомъ. Въ 49-мъ году они надѣялись на новое возстаніе ближайшей весной французскаго пролетаріата, который, благодаря конфликту между президентомъ и національнымъ собраніемъ, могъ пріобрѣсть необходимое ему поле для выступленія.

Дебаты о девяти милліонномъ кредитѣ на римскую экспедицію, которой Бонапартъ своимъ извѣстнымъ письмомъ къ Эдгару придалъ, такъ сказать, либеральный оттѣнокъ тѣмъ, что требовалъ отъ папы конституціонныхъ гарантій, привели на самомъ дѣлѣ къ первому столкновенію; вскорѣ послѣ этого Бонапартъ распустилъ парламентское министерство Barrot-Falloux и назначилъ вполнѣ подходящее къ нему лично министерство d'Hautpoul-Fould'а. Однако экономическій кризисъ былъ не такъ близокъ, какъ думалъ тогда Марксъ, а это было рѣшающимъ. Общій расцвѣтъ промышленности въ 50-мъ году, который отмѣчаетъ Лассаль въ 3-мъ письмѣ для бергской и рейнской индустріи, ставилъ революціонному движенію предварительную цѣль.

Дронке и Веертъ были редакторами „Neue Rheinische Zeitung"; оба были въ тѣсной дружбѣ въ Лассалемъ и Марксомъ. Дронке жилъ тогда въ Парижѣ, потомъ переселился въ Женеву, затѣмъ въ Лондонъ и наконецъ въ Глазговъ, гдѣ онъ послѣ долгой борьбы съ нищетой изгнанія сдѣлался коммерсантомъ. Вслѣдствіе этого онъ сталъ чуждъ рабочему движенію, которому онъ вначалѣ достойно служилъ.

Теперь его стихотворенія забыты и, къ сожалѣнію, забыта также его цѣнная культурно-историческая книга о Берлинѣ передъ мартовскими днями. Болѣе геніальныя стихотворенія Веерта снова воскресаютъ среди борющагося пролетаріата; напротивъ того, его задорно-шуточная сатира: „Жизнь и дѣянія знаменитаго рыцаря Шнапфанскаго“ ждетъ еще своего литературнаго воскрешенія. Она принесла ему съ собой судебное обвиненіе въ оклеветаніи князя Лихновскаго; по поводу этого Веертъ написалъ удачную остроту: „Сервантесъ оклеветалъ Донъ-Кихота, Луве оклеветалъ кавалера Фоблаза, я, говорятъ, оклеветалъ рыцаря Шнапфанскаго“. Но ничто не помогло и Веертъ былъ приговоренъ въ Кельнѣ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы. Сомнѣніе Лассаля въ томъ, что въ кассаціонной палатѣ можетъ быть достигнутъ болѣе благопріятный результатъ, подтвердилось; его подробная инструкція Гагену, защитнику Веерта, была написана напрасно. Веертъ дѣйствительно отбылъ свое наказаніе въ кельнскомъ арестантскомъ домѣ, и даже не вмѣстѣ съ Лассалемъ, но отдѣльно отъ него. Оттуда онъ писалъ 2 мая 50 года Марксу слѣдующее: „Не сердись за то, что я не послѣдовалъ твоему доброжелательному совѣту и позволилъ все-таки посадить себя сюда; позже я сообщу тебѣ свои основанія. Главной причиной было то, что я не могъ выносить долѣе жизни въ Лондонѣ; увѣряю тебя, сплинъ привелъ бы меня тамъ въ преждевременную и безславную могилу—(какъ жаль!). Кромѣ того, мнѣ кажется очень смѣшнымъ, если я буду слоняться по бѣлому свѣту въ качествѣ мнимаго политическаго бѣглеца; если люди, подобные тебѣ, Энгельсу, Виллиху и др. остаются за границей, то въ этомъ есть разумный смыслъ, но я—voilà ce qui serait ridicule! Право же, я слишкомъ мало совершилъ преступленій, чтобы мнѣ могло придти на умъ прославить себя политическими рубцами“. Веертъ умеръ уже въ 56 году въ Гаваннѣ, Дронке жилъ до начала 90-хъ годовъ.

Не на одинаковой высотѣ съ ними стояли Беккеръ и Теллерингъ. Оба были прусскими референдарами и въ 48 году бросились въ революціонное движеніе. Беккеръ засѣдалъ вмѣстѣ съ Марксомъ и Шапперомъ въ окружномъ собраніи рейнскихъ демократовъ, но никогда не былъ сотрудникомъ „Neue Rheinische Zeitung“. Послѣ насильственнаго прекращенія послѣдней онъ сталъ издавать въ Кельнѣ, „Westdeutsche Zeitung“, которая далеко не замѣнила знаменитой революціонной газеты, уже по одному тому, что Беккеръ далеко не могъ сравниваться по своему экономическому и политическому образованію съ Марксомъ. Этимъ объясняется то, что Лассаль, Марксъ и Дронке имѣли мало утѣшенія отъ новой газеты. Но контрастъ былъ еще усиленъ Теллерингомъ. Онъ былъ посланъ корреспондентомъ отъ „Neue Rheinische Zeitung“ въ Вѣну и благодаря своему мужественному постоянству на этомъ посту послѣ взятія города Виндишгрецомъ, о немъ составилось благопріятное мнѣніе. Теперь онъ сталъ сотрудничать въ „Westdertsche Zeitung“, но вскорѣ бѣжалъ изъ Кельна, такъ какъ ему грозило обвиненіе въ оскорбленіи величества за статьи, автора которыхъ—по утвержденію Теллеринга—Беккеръ вѣроломно назвалъ по первому требованію полиціи. Преслѣдуемый сыскной полиціей, Теллерингъ скрывался въ Дюссельдорфѣ у Лассаля, который приложилъ всѣ старанія, чтобы добиться для него временнаго освобожденія; самъ Теллерингъ въ это время написалъ рѣзкую брошюру противъ Беккера, вышедшую подъ заглавіемъ: „Бѣды Westdeutscher Zeitung“.

Относительно результатовъ стараній Лассаля Теллерингъ писалъ изъ Брюсселя 2-го ноября 49 года Марксу, сообщая при этомъ, что онъ насытился „пребываніемъ у графини и ея мирмидонянъ“ и находится на пути въ Лондонъ. „Вы знаете вѣчно колебательныя, неизбѣжныя кассаціонныя, апелляціонныя и т. д. надежды нашего рыцаря принциповъ и невыносимое animal disputax о цвѣтѣ звѣздъ, находящихся за Сиріусомъ, нашего Лассаля. Они не хотѣли отпустить меня въ путь, хотя я уже раньше хотѣлъ ихъ послать ко всѣмъ чертямъ; и вотъ я, наконецъ, добился удовлетворенія тѣмъ, что мое временное освобожденіе была отвергнуто какъ обвинительной камерой, такъ и судебной коллегіей. Юридическое краснорѣчіе Лассаля особенно не хотѣло вѣрить въ возможность отклоненія моего ходатайства судебной палатой, потому что послѣдняя незадолго до того согласилась на временное освобожденіе одного фабриканта векселей. Но политическое предчувствіе Лассаля не изъ важныхъ, онъ еще ведетъ диспуты, вѣритъ еще въ туманную возможность и имѣетъ по временамъ глупость думать, что юстиція или иное политическое учрежденіе должно двигаться въ опредѣленныхъ формахъ и не можетъ явно пренебрегать извѣстными принципами. Если упованія мнѣ вообще надоѣдаютъ, такъ это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда я вижу, что ими проникнуты шефы демократической партіи, и именно евреи“. Если уже эти злобныя замѣчанія Теллеринга были своеобразной благодарностью за ту защиту, которую оказалъ ему въ продолженіи многихъ недѣль Лассаль, то характеръ Теллеринга проявился во всей полнотѣ, когда онъ въ началѣ 50 г. пріѣхалъ въ Лондонъ и тамъ началъ свои отвратительныя ссоры съ эмигрантами,—съ Клапкой, съ Луи-Бланомъ, очень скоро также съ Марксомъ и Энгельсомъ. Въ глазахъ послѣднихъ онъ совершенно погибъ, когда они узнали отъ Фрейлиграта и адвоката Гагена изъ Кельна, что Теллерингъ, до появленія своей брошюры противъ Беккера, старался опять получить мѣсто корреспондента въ „Westdeutsche Zeitung“. Послѣ этого Теллерингъ исчезъ въ Америкѣ.

Но его саморазоблаченіе пролило косвеннымъ путемъ благопріятный свѣтъ на Беккера, котораго онъ преслѣдовалъ злѣйшимъ образомъ; Беккеръ пользовался честными средствами въ конфликтахъ, возникавшихъ въ его всегда рѣзко-оппозиціонной газетѣ. И именно съ Марксомъ Беккеръ вступилъ теперь въ дружественныя отношенія.

1850.

4.

Дюссельдорфъ, 12 февраля 1850 г.

Дорогой Марксъ!

Подъ несчастной звѣдой родилось это письмо. Безконечно долгое время я собирался каждый день написать тебѣ письмо, и каждый день мнѣ въ этомъ что-нибудь мѣшало и каждый изъ этихъ многочисленныхъ дней, протекшихъ между моимъ рѣшеніемъ и выполненіемъ, были полны для меня несчастій и страданій. Все, что мнѣ пришлось вытерпѣть за эти послѣдніе два—три мѣсяца дѣйствительно превосходитъ всякое представленіе. И именно теперь это усилилось до того, что появилось апатичное равнодушіе; я больше не способенъ сердиться и выходить изъ себя!

Результатомъ всего этого явилось то, чего нельзя было миновать. Уже 14 или больше дней я серьезно боленъ. Мои искусственно поддерживаемыя силы падаютъ за ночь. У меня появилась сильная нервная слабость. Я гляжу, по увѣреніямъ другихъ, мертвецомъ и страшно нервно-раздражителенъ.

Если бы эта бѣда не нагрянула, то я сидѣлъ бы въ тюрьмѣ; г. Николавіусъ стремится добиться этого удовлетворенія съ истинно смѣшнымъ и алчнымъ бѣшенствомъ. Здѣшній оберпрокуроръ согласился на отсрочку, принимая во вниманіе мои дѣла; онъ, далѣе, согласился, чтобы я отсиживалъ въ Боннѣ, гдѣ мнѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше, такъ какъ здѣсь директоръ мой личный врагъ.

Но онъ получилъ за это отъ Николавіуса рѣзкій выговоръ съ приказаніемъ заключить меня немедленно въ тюрьму, и именно въ Дюссельдорфѣ и c'en était fait de moi, если бы врачи не заявили, что теперь посадить меня невозможно. Окружной врачъ, присланный ко мнѣ властями нѣсколько дней тому назадъ высказался, какъ говорятъ, въ томъ же смыслѣ. Такимъ образомъ, я еще нѣсколько дней или недѣль буду на свободѣ. Впрочемъ, я самъ долженъ ускорить моментъ ареста и сдѣлаю это. Вѣдь чѣмъ раньше онъ

наступитъ, тѣмъ скорѣе окончится срокъ моего заключенія, а это главное.

Что окончательно испортило мое здоровье, это—послѣдній рѣшающій срокъ процесса бѣдной графини и его неизбѣжный исходъ, который я предвидѣлъ; онъ терзалъ мнѣ печень, подобно коршуну. Я рѣшилъ пустить все въ ходъ; я самъ говорилъ защитительную рѣчь въ теченіе четырехъ дней, ежедневно съ 9 часовъ утра до 7 ч. вечера. Дѣлать такія усилія съ сознаніемъ ихъ безплодности, это можетъ даже гиганта повергнуть въ прахъ. Исходъ былъ такой, какого надо было ожидать. Процессъ графини теперь окончательно потерянъ.

Такъ какъ ты былъ когда-то юристомъ, то я сообщу тебѣ въ двухъ словахъ суть. Ты знаешь, что въ теченіе двухъ лѣтъ я терялъ процессъ за процессомъ. Все это для меня ничего не значило. Если же я выигралъ бы послѣднее рѣшеніе суда, то Гацфельдтъ былъ бы отданъ намъ въ руки à discretion. И это рѣшеніе, собственно говоря, не должно было быть нами проиграно. Прошеніе графа относительно развода было принято и наступалъ срокъ, когда (Art. 247 Code civil) разсматривается достаточно ли доказаны обвинительныя данныя письменными документами. Если это такъ, то разводъ опредѣляется; если нѣтъ, то истцу особымъ рѣшеніемъ предоставляется привести свидѣтельскія показанія. Прошеніе графа основывалось, главнымъ образомъ, на нарушеніи супружеской вѣрности, и, далѣе, на мнимыхъ injures graves, которыя будто бы заключаются въ мнимыхъ опубликованіяхъ графини. Между тѣмъ ни adultère, ни injures graves *не были доказаны*. Противъ послѣдняго мы кромѣ того выставили возраженіе, что оно было провоцировано и что все опубликованное согласно съ истиной. Такъ какъ послѣ injures graves и дурного обращенія, которыя графиня вынесла отъ графа, разводъ на основаніи injures graves, и притомъ совершенно вѣрныхъ сообщеній, становится въ сущности говоря невозможнымъ, то вся исторія вертѣлась только вокругъ нарушенія супружеской вѣрности. Но таковое, какъ я сказалъ уже, не было доказано, и мы требовали поэтому, чтобы графу было разрѣшено доказывать свои обвинительные факты, а намъ—наши возраженія. Если бы это было разрѣшено, дѣло графа было бы проиграно. Свидѣтельскія показанія потребовали бы пять-шесть лѣтъ и издержки на нихъ превысили бы состояніе графа; послѣдній былъ бы, поэтому, тогда цѣликомъ въ нашихъ рукахъ. Графъ, который зналъ это превосходно, потребовалъ, поэтому, съ

своей стороны, чтобы дѣло о разводѣ было рѣшено *немедленно,* безъ всякихъ свидѣтельскихъ показаній. И дѣйствительно, вопреки всему, дѣло о разводѣ было рѣшено сейчасъ же de but en blanc. И на какихъ же основаніяхъ? *Исключительно* на основаніи слѣдующихъ мнимыхъ injures graves: 1) графиня возбуждала противъ своего мужа дѣло по обвиненію его въ расточительности, которое заключаетъ въ себѣ оскорбительныя выраженія, для цѣлей процесса неважныя; 2) графиня открыто показывается со мной, завѣдомо смертельнымъ врагомъ графа, имѣетъ дѣла со мной и живетъ въ моемъ домѣ. Это слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что была допущена незаконная связь между мной и графиней, токовая не была доказана и должна была бы, поэтому, быть доказана свидѣтелями. Мои отношенія къ графинѣ разматривались скорѣе не какъ adultère, а какъ injure grave, такъ какъ я былъ врагомъ графа. По поводу этихъ injures судъ высказался, что они настолько велики и тяжки, что недопустимы никакія доказательства ихъ провокаціи ни ихъ провѣрка. и онъ вынесъ разводъ. Послѣдствія этого судебнаго рѣшенія ужасно печальны. Мы попытаемся подать апелляцію и кассацію, но ни та, ни другая не достигнутъ своей цѣли. По истеченіи этого срока, т. е. приблизительно черезъ одинъ или полтора года, графиня окажется разведенной, лишена содержанія и осуждена на лишенія и нужду. И это потому, что состояніе, заключающееся въ общемъ имѣніи, сведется почти на нѣтъ, да и это ничто можно будетъ получить лишь послѣ долголѣтняго процесса изъ-за раздѣла имѣній. Таковъ конецъ этой бѣдной, бѣдной женщины, которая, изъ партіи пролетаріата спускается теперь уже и въ ряды пролетаріевъ.

Мы, такимъ образомъ, и въ своей частной жизни потерпѣли пораженіе отъ политически-красной реакціи, точно также и отъ политической ненависти судебнаго персонала ко мнѣ лично. Ты можешь себѣ теперь представить мое настроеніе при такихъ обстоятельствахъ. *Свое собственное* несчастіе переносится очень легко; по крайней мѣрѣ мною; люди привыкшіе къ мышленію и абстракціи презираютъ и, поэтому, легко переносятъ всю мразь личнаго несчастія. Гораздо, гораздо тяжелѣе, въ десять тысячъ разъ тяжелѣе переносится глубокое несчастіе друзей, судьбу которыхъ принимаешь близко къ сердцу.

Но и для меня самого это дѣло имѣетъ свою очень печальную сторону. Если бы дѣло было рѣшено въ нашу пользу, то мы очень скоро добились бы полюбовной сдѣлки, и я смогъ бы тогда,

наконецъ, посвятить свои силы исключительно и всецѣло революціонной работѣ, чего уже такъ давно страстно желаетъ моя душа. По теперь, конечно, о полюбовной сдѣлкѣ едва ли можно и думать, а я не могу отступиться отъ потеряннаго дѣла и бросить его на произволъ судьбы. Tout est perdu sauf l'honneur!

При такихъ-то веселыхъ обстоятельствахъ застали меня твои оба письма! Тѣмъ не менѣе я запоздалъ только отвѣтомъ, но по мѣрѣ своихъ силъ сдѣлалъ все, о чемъ ты въ нихъ просилъ.

Я отдалъ напечатать объявленіе въ «Дюссельдорфскую газету». Я заказалъ, далѣе, отлитографировать объявленія вмѣстѣ съ подписными листами во многихъ экземплярахъ, выложилъ ихъ для подписыванія въ трактирахъ и у друзей, роздалъ ихъ разносчикамъ и т. д. Тѣмъ не менѣе результатъ—*очень* скромный. Причина этого въ совершенной разрозненности демократіи въ Дюссельдорфѣ; чтобы изловить ее, нужно было бы, подобно хомяку, пролѣзть черезъ всѣ подземныя норы. Вторая причина та, что демократія въ Дюссельдорфѣ стоитъ на безконечно-низкой ступени. Далѣе, люди этого сорта здѣсь также невѣроятно напуганы деспотическимъ правленіемъ. Многіе трактирщики изъ страха отказались выкладывать листы въ своихъ заведеніяхъ. Насколько этотъ страхъ можетъ казаться смѣшнымъ, настолько же основателенъ, если упомянуть, что на этой недѣлѣ полиція отняла концессію и закрыла заведенія приблизительно у шести-восьми здѣшнихъ трактирщиковъ на томъ *только основаніи*, что они демократы. Эти люди могутъ теперь умирать съ голоду вмѣстѣ со своими многочисленными семьями! При этомъ прилагаю листъ здѣшнихъ абонентовъ. Куда мнѣ посылать подписные листы, на которыхъ значатся оригинальныя подписи? Напиши мнѣ объ этомъ немедленно. Замѣчу однако, что ты можешь сейчасъ же послать сюда *по крайней мѣрѣ вдвое* больше экземпляровъ, чѣмъ подписано, и это потому, что главнымъ основаніемъ у многихъ неподписавшихся было желаніе сначала *увидѣть* журналъ. Ты вѣдь знаешь, что эти буржуа должны сначала видѣть, слышать, обонять и осязать, прежде чѣмъ рѣшиться израсходовать хоть крейцеръ. Мои старанія раздобыть что-нибудь для экспедиціи въ Нью-Іоркъ оказались совершенно неудачными. Здѣсь считаютъ безуміемъ посылку въ Нью-Іоркъ эмиссара для завязыванія сношеній съ трансатлантической партіей или тому подобныя вещи; если говоришь здѣсь о такихъ обширныхъ дѣлахъ, то раскрываютъ рты и носы. Въ маленькихъ городахъ постигаютъ только то, что находится вблизи. Тѣмъ не менѣе я, можетъ быть, собралъ бы что-

нибудь, если бы незадолго передъ этимъ намъ не пришлось собирать для обвиненныхъи разоренныхъ вслѣдствіе здѣшнихъ майскихъ происшествій. Тогда я и Кантадоръ выпустили воззваніе, которое принесло 120 талеровъ. Но этимъ самымъ мы исчерпали карманы и щедрость дюссельдорфскихъ гражданъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Короче говоря, я не могъ ничего получить. А касса графини—я скоро долженъ буду самъ идти собирать для нея!! Но такими одинокими слезами могла бы быть ужъ не разъ оказана услуга. Надо надѣяться, что мои старанія въ будущемъ окажутся болѣе успѣшными.

Недавно мнѣ написалъ любезный Веертъ и сдѣлалъ мнѣ великолѣпное предложеніе, что если я уже сижу, то онъ хочетъ пріѣхать и засѣсть вмѣстѣ со мной. Скажи ему, поэтому, что я во всякомъ случаѣ буду сидѣть въ *Дюссельдорфѣ* и что онъ долженъ обратиться чрезъ Гагена или прямо къ John'у за разрѣшеніемъ сидѣть тоже въ Дюссельдорфѣ. Но онъ не долженъ пріѣхать *раньше*, чѣмъ графиня ему не напишегъ, что я уже сижу. Дай ему самому прочесть это письмо, такъ какъ содержаніе послѣдняго его также навѣрно интересуетъ.

Поклонись много разъ твоей женѣ, Энгельсу и т. д. и т. д. Напиши мнѣ возможно скорѣе, но письмо адресуй на имя графини.

5.

Дорогой Марксъ!

Прошло очень долгое время, пока я снова услышалъ отъ тебя хоть слово; назвать письмомъ маленькую записку, въ сущности говоря, нельзя. Съ Neue Rheinische Zeitung дѣло обстоитъ такъ: здѣшній книгопродавецъ Шеллеръ получилъ Neue Rheinische Zeitung уже 8—12 дней тому назадъ и прислалъ нѣсколько экземпляровъ ея для просмотра мнѣ и моимъ знакомымъ; но ни изъ Кельна, ни изъ другого мѣста я еще не получилъ ничего. Сообразно съ этимъ я и не думалъ, что получу ее вообще; я предполагалъ, что продажа въ Дюссельдорфѣ передана Шеллеру. Я удивлялся только тому, что ты не прислалъ ему также и списка дюссельдорфскихъ абонентовъ, который я отослалъ тебѣ; многіе изъ абонентовъ не получили ни одного экземпляра, другіе получили лишь случайно, и Шеллеръ вообще ничего не зналъ объ абонементахъ. Вслѣдствіе этого я послалъ Шеллеру свои

списки абонентовъ, —къ списку, который я послалъ тебѣ, прибавилось еще около 20—для того чтобы онъ снабдилъ экземплярами всѣхъ абонентовъ, которые уже были недовольны запозданіемъ присылки газеты имъ сравнительно съ обыкновенной публикой, которая давно ее получила. Приблизительно восемь дней спустя я получилъ прямо отъ Эйзена 50 экземпляровъ. Такъ какъ я отдалъ своихъ абонентовъ Шеллеру, то мнѣ не оставалось ничего другого, какъ передать и эти 50 экземпляровъ Шеллеру для сбыта; послѣдній ихъ и взялъ. Я, такимъ образомъ, не имѣю никакого отношенія къ сбыту газеты.

Сколько экземпляровъ здѣсь продано я не знаю. Такъ какъ съ 1 февраля с. г. я по болѣзни не могу выходить изъ дому (Kreujzzeitung даже объявила, что я уже умеръ, чего къ счастью еще не случилось), то я послалъ къ Шеллеру и просилъ его придти ко мнѣ, чтобы я, такимъ образомъ, могъ дать тебѣ точный отвѣтъ. Но онъ уѣхалъ на время. Еще одно. Я не оставилъ у себя дубликата списка подписчиковъ, посланнаго мною тебѣ; я думалъ, что ты пришлешь его лицу, завѣдующему доставкой. Такъ какъ это не случилось, то я могъ передать Шеллеру только позже записавшихся абонентовъ, а изъ посланнаго тебѣ списка я указалъ лишь тѣ фамиліи, которыя я вспомнилъ. Такъ какъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ абонентовъ я больше не припоминаю, то они не получили газеты, развѣ что случайно. Я просилъ, поэтому, Бюргерса, который въ это время уѣзжалъ въ Кельнъ, для сотрудничества въ Westdeutsche Zeitung, и который вообще собирался писать тебѣ, передать тебѣ мою просьбу прислать мнѣ назадъ этотъ списокъ. Онъ обѣщалъ мнѣ это, но изъ твоего письма усматриваю, что онъ по своей обычной небрежности не сдѣлалъ этого. Итакъ, пришли мнѣ, какъ можно скорѣе, этотъ списокъ. Къ сожалѣнію я могу себѣ вполнѣ представить, каково можетъ быть ваше положеніе. Но ни одинъ человѣкъ не знаетъ и не можетъ знать, что мое положеніе трижды печальнѣе и тяжелѣе! Я очень былъ радъ, что ты считаешь наступленіе революціи столь близкимъ, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ съ моимъ мнѣніемъ. Но я здѣсь въ этомъ отношеніи достаточно одинокъ, потому что большинство считаетъ возможнымъ опять надѣяться только на президентскіе выборы во Франціи (въ концѣ 1851 года).— Что это за странная исторія съ М. Теллерингомъ? Напиши же мнѣ что-нибудь объ этомъ. Что дѣлаетъ маленькій Дронке? Кланяйся ему отъ меня.

Твои статьи объ іюнѣ 1848 и 1849 гг. были блестящи, статьи Энгельса очень живыя; я не понимаю зачѣмъ ты принялъ въ первый номеръ нелѣпое произведеніе Блинда. Впрочемъ пока изданіе останется ежемѣсячнымъ, оно, несмотря на всѣ свои достоинства, не будетъ особенно вліятельнымъ въ Германіи. Если бы только у меня не были связаны руки, я собралъ бы капиталъ для газеты; но въ моемъ теперешнемъ положеніи—безуміе думать объ этомъ. Мой сердечный привѣтъ твоей женѣ и твоимъ славнымъ дѣтямъ.

Твой Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 16 апрѣля 1850 г.

6.

Дюссельдорфъ, 16 мая, 1850 г.

Дорогой Марксъ!

Недавно я получилъ отъ г. Шрамма написанное по твоему порученію письмо. Я въ тотъ же день послалъ за Шеллеромъ и попросилъ его немедленно послать тебѣ выручку съ «Neue Rheinische Zeitung». Сначала онъ сталъ утверждать, что деньги онъ можетъ послать только Шуберту въ Гамбургъ. Однако я ему разъяснилъ неправильность такого взгляда и т. д., и онъ твердо обѣщалъ мнѣ послать тебѣ выручку въ теченіе двухъ-трехъ дней. Согласно съ этимъ ты уже давно долженъ былъ ихъ получить. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности проконтролировать, такъ какъ не могу выходить изъ дому. Получилъ ли ты деньги?

Впрочемъ, по заявленію Шеллера, число проданныхъ здѣсь экземпляровъ лишь немного превышаетъ число собранныхъ мною абонентовъ,—всего-на-всего около 50, что безотносительно мало. Теперь, дорогой Марксъ, я попрошу тебя объ одномъ одолженіи. Напиши мнѣ, возможно скорѣе, думаютъ ли французскіе réfugiés въ Лондонѣ о возможности возстанія въ Парижѣ въ случаѣ проекта избирательной реформы. Я, впрочемъ, твердо убѣжденъ, что это случится и должно случиться. Соціализмъ или, вѣрнѣе, соціалистическая партія во Франціи совершенно осрамила бы себя, если бы она въ такомъ жизненномъ вопросѣ не обнажила своего меча. И если она его обнажитъ, то, по моему убѣжденію, побѣда совсѣмъ не такъ ужъ сомнительна. Я, напримѣръ, не понимаю тактики «республики», которая, повидимому, на самомъ дѣлѣ хочетъ пре-

кратить борьбу или превратить ее въ какую-то смѣхотворную нѣмецкую половинчатость (отказъ отъ налоговъ и т. п.). Принимая во вниманіе разумную, практически-революціонную природу французовъ, я считаю невозможнымъ, чтобы эти жонглерства могли дѣйствительно обмануть народъ Парижа.

Но я очень хотѣлъ бы знать что-нибудь *положительное*, собирается ли партія въ Парижѣ въ настоящее время начать борьбу или нѣтъ, серьезно ли нерѣшительное выступленіе французской прессы или это только внѣшній тактическій пріемъ. Ты во всякомъ случаѣ располагаешь положительными извѣстіями отъ французовъ, находящихся въ Лондонѣ. Сообщи же мнѣ что-нибудь объ этомъ, поскольку это возможно. Я буду сидѣть какъ на раскаленномъ желѣзѣ, пока не разрѣшится кризисъ во Франціи. Запечатай письмо *облаткой* и *затѣмъ* сургучемъ такъ, чтобы края облатки были видны изъ-подъ сургуча. Тогда его не попытаются вскрыть, потому что это будетъ невозможно. Ты можешь также вложить письмо въ еще одинъ конвертъ и адресовать его на имя адвоката Блема въ Дюссельдорфъ. Тогда еще менѣе подумаютъ его вскрыть.

Сердечный привѣтъ всѣмъ.

Ф. Лассаль.

7.

Г-жѣ Марксъ.

Отрывокъ.

...это подѣйствовало. Вслѣдствіе заявленія окружного врача меня не могли арестовать. Отвѣтъ нужно было дать, отказаться отъ предложенія арестовать меня также нельзя было, и Николавіусъ далъ, такимъ образомъ, отсрочку до 1 октября с. г. послѣ того, какъ онъ извивался въ теченіе 14-ти дней подобно раздавленному на куски червяку. Завтра я ѣду на воды въ Gais, кантонъ Аппенцейль въ Швейцаріи, куда и прошу адресовать мнѣ письма poste restante. Это дѣло не мало позабавило меня, потому что Николавіусъ и здѣшній оберъ-прокуроръ, когда я воспротивился аресту, въ гнѣвѣ сначала поклялись, что я долженъ быть въ тюрьмѣ, «хотя бы онъ и умеръ по дорогѣ»! Какая необдуманная наглость! И я оставляю ихъ теперь горько пристыженными. Что касается тѣхъ изъ Montange и соціалистовъ, которые

засѣдаютъ во французскомъ парламентѣ и по избирательному закону могутъ еще продолжать засѣдать, то они недостойны веревки, на которой ихъ когда-нибудь повѣсятъ. Тѣмъ не менѣе избирательный законъ принесетъ свою великую пользу. Онъ однимъ ударомъ убиваетъ на смерть всѣ прудоно-жирарденскія и т. п. попытки посредничества и партіи примиренія. Дѣйствительно революціонная партія, паоборотъ, извлечетъ изъ этого закона неизмѣримую силу. Я думаю, если только не все меня обманываетъ, что еще въ августѣ мы будемъ имѣть революцію въ Парижѣ и европейскую войну.

Ваше письмо, однако, опечалило меня до глубины души. Изъ-подъ радостнаго смѣха вашего ума такъ часто блестѣли полуподавленныя слезы! Цѣлую много разъ вашего страдальца. Если онъ теперь всасываетъ слезы и тревоги съ молокомъ дорогой матери, то за это онъ найдетъ въ послѣдующіе годы міръ, изъ котораго его отцы своей кровью и своимъ потомъ изгоняли нужду, которая теперь въ состояніи почти задавить лучшихъ людей. Пусть онъ здравствуетъ, онъ, который переживаетъ гнетъ и слезы въ періодъ своего безсознательнаго дѣтства!

Если у Маркса есть какое-нибудь порученіе въ Швейцаріи, то пусть онъ напишетъ мнѣ по вышеуказанному адресу въ Гансъ.

Но я торжественно протестую противъ того, чтобы вы прерывали свою переписку со мной, когда мнѣ пишетъ Марксъ. *Такой* цѣной покупка писемъ Маркса была бы для меня очень, даже *слишкомъ* дорогой.

До скораго свиданія и лучшихъ дѣлъ!

Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ. 7 іюня 1850 г.

8.

Дорогой Марксъ!

Податель этого письма—Гайнъ, о которомъ ты слышалъ изъ газетъ. Вывернувшись чудеснымъ образомъ, онъ направляется въ Лондонъ.

Онъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ коммунистовъ; объ этомъ мнѣ было сообщено изъ Кельна. Правда, мое знакомство съ нимъ очень короткое, оно ограничивается двумя днями, которые

онъ провелъ у меня, но я все-таки думаю, что за это время мнѣ удалось убѣдиться, что онъ очень энергичная натура. Впрочемъ, ты самъ скоро будешь имѣть возможность составить себѣ о немъ достаточное мнѣніе. Онъ желаетъ познакомиться съ тобой и ты, конечно, сдѣлаешь для него все, что можешь. Онъ очень способенъ, какъ я думаю, къ практической организаціи.

Съ сегодняшней почтой я пишу твоей женѣ; изъ письма къ ней ты узнаешь подробности обо мнѣ.

Дюссельдорфъ, 8 іюня 1850 г.

Fraternité Ф. Лассалль.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Разводъ графа Гацфельдтъ, который Лассаль описываетъ въ 4-мъ письмѣ, былъ настоящимъ испытаніемъ прусской юстиціи. Надо знать составленную Лассалемъ жалобу графини относительно развода — этотъ, быть можетъ, самый уничтожающій документъ до-мартовскаго феодальнаго господства, который, къ сожалѣнію, остается неопубликованнымъ потому, что разоблаченные въ немъ безчестные проступки не удобопечатаемы—нужно знать, чтобы понять кровное издѣвательство, выразившееся въ томъ, что бракъ былъ расторгнутъ судебнымъ порядкомъ на основаніи тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ графу. Эти оскорбленія заключались въ томъ, что графиня довѣрилась защитѣ Лассаля послѣ того, какъ она 25 лѣтъ молчаливо переносила на рѣдкость дурное обращеніе, не получая никакой дѣйствительной поддержки со стороны своихъ кровныхъ родственниковъ, которые ограничивались лишь дешевымъ состраданіемъ. Они состояли, далѣе, въ томъ, что графиня при описаніи произведенныхъ надъ ней подлостей недостаточно различала то, что съ точки зрѣнія суда было „важно“ или „неважно“.

Въ письмѣ къ Телерингу отъ 24 декабря 49 г., опубликованномъ въ „Neue Revue“ въ Вѣнѣ 10 іюля 95 г., Лассаль описываетъ болѣе подробно бракоразводный процессъ графини Гацфельдтъ. Здѣсь умѣстно будетъ привести наиболѣе важныя мѣста изъ этого письма. Упоминаемое въ началѣ письма дѣло, которое Лассаль хотѣлъ защищать передъ кассаціонной палатой въ Берлинѣ, это—то самое, за которое онъ былъ присужденъ судомъ исправительной полиціи къ шести мѣсяцамъ тюрьмы. Итакъ, Лассаль пишетъ: „Вы знаете, что я хотѣлъ самъ поѣхать въ Берлинъ защищать свое дѣло передъ кассаціонной палатой. Поэтому я все время былъ готовъ въ путь. Однако по удивительной странной случайности срокъ не назначался. Тогда здѣсь въ Дюссельдорфѣ срокъ au fond въ бракоразводномъ процессѣ графини былъ назначенъ на 21 декабря. Вы знаете, что это былъ тотъ срокъ, котораго я ожидалъ такъ долго съ тревогой,

на этотъ разъ Гацфельдтъ хотѣлъ добиться немедленнаго развода, а мы принудить его къ доказательству свидѣтельскими показаніями. И теперь я долженъ былъ самъ выступить, если мы только надѣялись на что-нибудь. Но какъ только этотъ срокъ былъ назначенъ на 21 декабря, какъ мое дѣло въ Берлинѣ было назначено на 18 декабря; не было бы никакой возможности вести это ужасно запутанное дѣло здѣсь 21 декабря, если бы я былъ въ Берлинѣ 18 декабря. Послѣ короткой борьбы я рѣшилъ, что лучше остаться здѣсь и предоставить въ Берлинѣ произвести надъ собой все то, что тамъ и можно было ожидать. Я послалъ однако скоро кассаціонной палатѣ свидѣтельство о болѣзни съ просьбой отложить разборъ моего дѣла на четыре недѣли, потому что я страстно желалъ вести его самъ. Кассаціонная палата имѣла безстыдство отклонить эту просьбу. Такимъ образомъ мое дѣло въ Берлинѣ велось безъ меня. Моя апелляція была, естественно, отклонена. Но выставленныя для этого основанія были поистинѣ возмутительныя! Тѣ доводы кассаціи, на которые кассаціонная палата не знала даже и формально что возразить, остались совершенно безъ отвѣта. Между тѣмъ здѣсь приближалось 21 декабря. Я рѣшилъ самъ вести дѣло. Работа была колоссальная. И она требовала тѣмъ большаго напряженія силъ, что отъ исхода этого процесса зависѣла вся судьба графини. Я не могъ ничего предпринимать для этого процесса безъ сердцебіенія. А такая работа, которую дѣлаешь съ біеніемъ сердца,—о!—она страшно изнуряетъ. Итакъ, въ пятницу въ 9 часовъ началось здѣсь судебное разбирательство. Кромѣ своего здѣшняго адвоката графъ вызвалъ изъ Кельна помощника имперскаго статсъ-секретаря Видемана. Рѣчь противника длилась съ 9 до 11½ ч. Затѣмъ шло чтеніе нашего заявленія, продолжавшееся съ 11½ до 1 ч. Послѣ обѣда въ 4 часа я получилъ слово и говорилъ до 7 часовъ; послѣ этого засѣданіе было отложено до слѣдующаго дня. Въ субботу я снова началъ свою рѣчь въ 9 часовъ и говорилъ ensuite до 1½ ч. Вы можете, такимъ образомъ, судить по этому времени—7½ часовая защитительная рѣчь,—какую работу мнѣ пришлось преодолѣть въ это время. Я получилъ удовлетвореніе въ томъ, что послѣ моей рѣчи поднялся Видеманнъ и объявилъ, что для опроверженія моихъ доводовъ нуженъ двухнедѣльный перерывъ. Судъ былъ отложенъ на 11 января. Я получилъ еще и другое удовлетвореніе; предсѣдатель суда (Гофманъ, тотъ самый, который запекъ меня на шесть мѣсяцевъ тюрьмы), подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ долженъ высказать мнѣ отъ имени всего трибунала единодушное восхищеніе моею рѣчью. Пока, значитъ, у насъ нѣкоторые хорошіе виды; противники видимо ошеломлены, смущены и повержены на землю. Но каковъ будетъ исходъ, это знаетъ одинъ Богъ". А исходъ соотвѣтствовалъ стариннымъ преданіямъ прусской юстиціи.

Политико-экономическое Revue, которое Марксъ издавалъ въ видѣ ежемѣсячныхъ книжекъ подъ заглавіемъ „Neue Rheinische Zeitung", стало появляться съ января 50 г. въ весьма неблагопріятное время, такъ какъ промышленный подъемъ все усиливался и политическое возбужденіе все болѣе падало. Revue стало скоро затѣмъ выходить нерегулярно, его пятая и шестая двойная книжка появилась только въ ноябрѣ 50 г. Его исторія въ деталяхъ сюда не относится; здѣсь упомянемъ только, что оно было на комиссіи у Шуберта и К°.—въ Гамбургѣ и Нью-Іоркѣ, а въ

Лондонѣ его издателемъ былъ К. Шраммъ, „Перси—ретивый малый нашей партіи“, какъ назвалъ его Марксъ. Первая книжка содержала въ себѣ „блестящую“ статью Маркса объ іюнѣ 48 и 49 гг., которая была переиздана Энгельсомъ подъ заглавіемъ: „Классовая борьба во Франціи“, очень живыя“ статьи Энгельса о кампаніи за конституцію скоро появятся въ новомъ изданіи; сравнительно съ этими работами „нелѣпое произведеніе“ Блинда, незначительная статья объ австрійской и прусской партіяхъ въ Баденѣ, была во всякомъ случаѣ очень слаба. Шеллеръ былъ дюссельдорфскимъ издателемъ Лассаля, владѣльцемъ Шаубской книжной торговли.

Надежда, возлагавшаяся—судя по 5-му письму—Марксомъ и Лассалемъ на близкую революцію, опиралась на данныхъ дополнительныхъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто во Франціи 20 марта 50 г. и доказывавшихъ громадный успѣхъ Montagne. Въ отвѣтъ на это монархистски-реакціонное большинство національнаго собранія проектировало уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права; и такъ какъ Montagne послѣ своего безславнаго пораженія 19 іюня 49 года возвѣстила, что она во всякомъ случаѣ обнажитъ мечъ, если только тронутъ избирательное право, то этимъ и объясняется та увѣренность, съ которой Лассаль въ 6-мъ письмѣ ожидаетъ близкаго возстанія. Но Montagne меча не обнажила, когда 31 мая національное собраніе уничтожило избирательное право; а послѣ этого бонапартистскій государственный переворотъ былъ лишь вопросомъ времени. Разсчетъ Лассаля,—въ 7-мъ письмѣ—что всѣ партіи примиренія уже разбиты и что изъ этого революціонныя партіи почерпнутъ громадныя силы, былъ сдѣланъ безъ хозяина дѣла, безъ учета промышленнаго подъема. Четыре мѣсяца спустя Марксъ и Энгельсъ въ заключительной книжкѣ своего Revue убѣдительно доказали губительное и временно останавливающее дѣйствіе этого подъема на революцію.

Относительно упоминаемаго въ 8-мъ письмѣ Гайна я нигдѣ не могъ найти болѣе подробныхъ свѣдѣній.

1851.

9.

Дорогой Марксъ!

Этимъ письмомъ я хочу показать тебѣ, что я еще живъ. Собственно говоря, я ожидалъ долгое время того же съ твоей стороны. 10 іюня 1850 г. я поѣхалъ въ Швейцарію; я писалъ тебѣ объ этомъ и сообщилъ, что я долженъ возвратиться 1 октября и начать свое отсиживаніе 1 апрѣля 1851 г.; таковое наконецъ окончилось. Съ этого времени я свободенъ и, конечно, какъ и прежде,

нахожусь въ Дюссельдорфѣ. Почему ты мнѣ ничего не пишешь и не даешь мнѣ никакой возможности узнать о тебѣ что-нибудь непосредственно?

Я слышалъ отъ другихъ, что это время было для тебя очень печальнымъ и что только теперь оно стало немного лучше. Я страдалъ отъ этого извѣстія, потому что ты принадлежишь къ тѣмъ немногимъ, къ которымъ я дѣйствительно питаю даже слабость; и мнѣ хотѣлось бы, чтобы иной разъ помощь была бы оказана скорѣе такимъ людямъ, чѣмъ мнѣ самому...

Но за то я слышалъ, что твоя политическая экономія наконецъ увидитъ Божій свѣтъ. Три толстыхъ тома сразу! Я страстно жажду ихъ, on ne peut plus. И это тѣмъ болѣе, что вотъ уже годъ, какъ я снова съ жаромъ набросился на экономику, которую я основательно таки забросилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, благодаря не терпѣвшей отлагательства практической работы. И твоя брошюра contra Прудона вполнѣ способна заставить ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ твоихъ положительныхъ работъ. И это потому, что она полна докозательствъ дѣйствительно сильной литературно-исторической эрудиціи и весьма глубокаго пониманія экономическихъ категорій! Но она ограничивается—что, впрочемъ, тамъ было вполнѣ умѣстно — лишь отреченіемъ отъ Прудона, и не развиваетъ вопросовъ съ ихъ положительной стороны, что въ твоей брошюрѣ, какъ я уже сказалъ, и не могло быть иначе. Но именно этому-то я и жажду такъ видѣть твое произведеніе на своемърабочемъ столѣ— трехтомное дѣтище Рикардо, ставшаго соціалистомъ, и Гегеля, ставшаго экономистомъ,—потому что то и другое ты соединишь и долженъ будешь соединить въ себѣ. Не истолкуй моихъ словъ превратно, когда я говорю: Рикардо, ставшій соціалистомъ. Но я на дѣлѣ считаю Рикардо нашимъ непосредственнымъ отцомъ. Его опредѣленіе поземельной ренты я считаю могущественнѣйшимъ коммунистическимъ дѣломъ. Благодаря этому открытію, благодаря этой уже узнанной и признанной природѣ современной поземельной ренты, отрѣзанъ современному буржуазному міру всякій путь къ спасенію, отнята разъ навсегда всякая иллюзія насчетъ его правъ! Правда, это пока еще сама буржуазія дѣлаетъ открытіе и думаетъ, что сможетъ его использовать въ своемъ кругу, Обычная ошибка! Этимъ фактомъ самопознанія собственность сама себѣ распорола брюхо и по всѣмъ законамъ жизни она можетъ пережить свое самоубійственное разоблаченіе лишь немного часовъ. Я называю это открытіе поземельной ренты специально *коммунистическимъ* дѣломъ. И

это потому, что оно именно побѣдоноснѣе всего другого выступаетъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что можно помочь дѣлу частичнымъ его разрѣшеніемъ изолированнымъ правомъ на трудъ, организованнымъ обмѣномъ и crédit gratuit! Это оно показываетъ, какъ стоитъ безпощадный вопросъ: rien ou tout! Но къ чему эти aperçus? Они все-таки имѣютъ ту заслугу, что заполняютъ пространство, испещрить которое я поставилъ своей цѣлью! Впрочемъ, экономика, повидимому, начинаетъ пользоваться почетомъ и у благородныхъ нѣмцевъ. Родбертусъ написалъ «Соціалистическія письма», въ которыхъ, какъ мнѣ говорятъ, онъ выражаетъ желаніе видѣть исчезнувшими всякого рода свойства капитала приносить проценты.

Читалъ ли ты ихъ? Хотя это, конечно, наука невысокаго качества,—что можетъ быть хорошаго оттуда?—но я все-таки въ скоромъ времени достану эти письма и пробѣгу ихъ.

Что подѣлываетъ твоя жена? Она щедро умножила твою семью, труженица! Но, надѣюсь, она здорова и чувствуетъ себя хорошо? Ты долженъ знать, что я оченъ расположенъ къ твоей женѣ и что тебѣ въ то же время нѣтъ никакой надобности ревновать ко мнѣ. Напиши скорѣе подробно и непосредственно мнѣ, сдѣлай это тѣмъ болѣе, что теперь съ отъѣздомъ Фрейлиграта я безъ письма не смогу узнать о тебѣ почти ничего. Съ Даніэлемъ, которому ты еще имѣешь обыкновеніе писать, я никогда не былъ знакомъ и не разу не былъ у него. Я имѣлъ еще возможность получать свѣдѣнія о тебѣ черезъ Бюргерса, интимнаго друга Даніэля. Но онъ меня оскорбилъ самымъ грубымъ образомъ, безъ всякаго повода и основанія, благодаря своей проклятой и непонятной чувствительности; и это въ отвѣтъ на мое дружеское пригласительное письмо, которое я ему послалъ еще до моего выхода изъ тюрьмы. Послѣ того я порвалъ съ нимъ близкія отношенія. Такимъ образомъ я остался бы очень не освѣдомленнымъ насчетъ тебя и долженъ былъ бы ограничиться лишь тѣмъ, что мнѣ могъ бы сообщить Резеръ, когда я изрѣдка бываю въ Кельнѣ и т. п. Сообщи мнѣ скорѣе и *твой адресъ*, потому что у меня его нѣтъ и я не могъ бы, поэтому, написать тебѣ въ случаѣ надобности.

У меня было сильнѣйшее желаніе попасть лѣтомъ на нѣсколько дней въ Лондонъ подъ предлогомъ, что тамъ промышленная выставка. Но нѣтъ ни времени, ни денегъ; и я, такимъ образомъ, принужденъ буду отказаться отъ этого.

Lupus въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Лондонъ. Веертъ находится въ Гамбургѣ. Сердечный привѣтъ твоей женѣ и Энгельсу.

Твой Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 12 мая.

10.

Дюссельдорфъ, 26 іюня 1851.

Дорогой Марксъ!

Такъ какъ я вполнѣ раздѣляю твое отвращеніе видѣть, какъ мои письма обнюхиваются прусскими ищейками, хотя бы въ нихъ не было ничего особеннаго,—и такъ какъ можетъ случиться впослѣдствіи, что въ нашихъ письмахъ и окажется что-нибудь, то, поэтому, отнынѣ я буду посылать тебѣ всѣ письма черезъ Герстенберга, моего бывшаго школьнаго товарища и закадычнаго друга дѣтства; онъ охотно возьметъ на себя порученіе аккуратно доставлять ихъ тебѣ. А ты теперь пиши мой адресъ на внутреннемъ конвертѣ, а на внѣшнемъ: г. А. Веттеру въ Дюссельдорфъ. Это—купецъ, который находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англійскими торговыми домами, такъ что полученіе имъ писемъ изъ Лондона не обращаетъ на себя вниманія.

Въ тотъ самый день, когда мною было получено твое письмо, я немедленно отправился къ Шеллеру для необходимыхъ переговоровъ. Хотя онъ мнѣ сказалъ, что его очень незначительныя денежныя средства сильно израсходованы, онъ все-таки обѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней дать мнѣ опредѣленный отвѣтъ. Я между тѣмъ долженъ былъ съѣздить въ Кельнъ и Боннъ; я захватилъ тамъ одинъ экземпляръ первой книжки, появившейся у Беккера и, вернувшись сюда, отправился съ ней вчера къ Шеллеру.

Но послѣдній заявилъ мнѣ вполнѣ опредѣленно, что подсчетъ его средствъ не позволяетъ ему взять на себя это дѣло. Тщетно я пытался привлечь его, указывая ему, что онъ, вѣроятно, представляетъ себѣ расходы слишкомъ большими. Мы высчитали, что ему во всякомъ случаѣ придется заплатить гонорара 10 талеровъ за листъ и, такимъ образомъ, за три тома или 75 листовъ 750 талеровъ. Даже, когда я ему замѣтилъ, что *можетъ быть* окажется возможнымъ, что ты удовлетворишься въ общемъ 100 луидорами и изъ нихъ 400 талерами въ этомъ году, а остальные получишь въ будущемъ, онъ остался при прежнемъ рѣшеніи. Онъ

говоритъ, что благодаря различнымъ вторымъ изданіямъ и нѣкоторымъ спекуляціямъ, онъ не можетъ согласиться даже на эти условія и даже при еще болѣе пониженномъ гонорарѣ, такъ какъ не имѣетъ теперь достаточно средствъ на печать и бумагу. Тогда я отступилъ, видя, что ничего не подѣлаешь, такъ какъ причина здѣсь, повидимому, дѣйствительно въ недостаткѣ денегъ; во всякомъ случаѣ здѣсь ничего не подѣлаешь, если только ты не захочешь отдать свое сочиненіе за прямо-таки смѣхотворно малую цѣну, напримѣръ, за 250—300 талеровъ; но это было бы совсѣмъ убыточно.

Впрочемъ, я слышалъ въ Кельнѣ мимоходомъ отъ Бермбаха, что, можетъ быть, несмотря на арестъ Беккера, возможно будетъ выпустить слѣдующія книжки. Ты не знаешь до чего мнѣ больно, что я не могу помочь тебѣ, какъ я бы того хотѣлъ. Всякая безпомощность, всякая невозможность помочь тамъ, гдѣ я хотѣлъ бы помочь, является чѣмъ-то ужаснымъ для моей натуры! И этотъ ужасъ охватываетъ теперь меня на каждомъ шагу!

Что скажешь ты объ арестахъ и исторіяхъ съ процессами? Дѣло все-таки представляется болѣе благопріятнымъ, чѣмъ я опасался. Опубликованіе документовъ въ «Kölnische Zeitung» (изъ «Dresdener Journal») вмѣсто того, чтобы возбудить слѣпой страхъ къ нашимъ поджигательскимъ планамъ принесло намъ лишь пользу; и это столько же обвиняемымъ—въ юридическомъ отношеніи, сколько и вообще партіи! Если бы дѣло предстало предъ судомъ рейнскихъ присяжныхъ, то оно должно было бы выгорѣть, но у меня есть всѣ основанія опасаться, что его направятъ въ Берлинъ.

Больше всего мнѣ жаль бѣднаго Бюргерса, который находится дѣйствительно въ самомъ скверномъ положеніи. Отчасти потому, что по своей природѣ онъ больше всего страдаетъ отъ заключенія, отчасти потому, что саксонцы, если только они рѣшатся, наконецъ, его выдать, сдѣлаютъ это лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣ оправданія его въ Пруссіи поставить его передъ саксонскимъ судилищемъ; такимъ образомъ ему предстоитъ арестъ, конецъ которому, вѣроятно, положитъ только революція. Хотя я тебѣ писалъ недавно, что онъ меня оскорбилъ и я порвалъ съ нимъ отношенія но, конечно, я тотчасъ забылъ всю эту личную мелочность, когда я узналъ о постигшемъ его ударѣ; я помню только наши дружескія отношенія и его дѣло мнѣ дѣйствительно очень близко.

Были совершены, впрочемъ, большіе промахи. По неслы-

ханно шероховатому, морщинистому стилю этого письма ты, можетъ быть, замѣтишь въ какомъ сіяющемъ расположеніи духа находится пишущій его. Я такъ охотно, съ такимъ удовольствіемъ перепрыгнулъ бы въ Лондонъ, чтобы освѣжиться и помолодѣть тамъ. Но трудно надѣяться, чтобы это осуществилось! Нѣсколько дней тому назадъ мы потеряли цѣликомъ нашъ процессъ въ берлинской кассаціонной палатѣ и теперь, наконецъ, благополучно прибыли въ гавань полнѣйшаго разоренія; въ томъ, что *все* потеряно, заключается большое утѣшеніе. Тогда чувствуешь себя такимъ свободнымъ и независимымъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ случайностей! Счастливъ ты, ты, который, какъ ты пишешь, можешь быть поглощеннымъ исключительно полными мудростью книгами! Но быть осужденнымъ на необходимость безпомощно отдаться работѣ, о которой заранѣе знаешь, что она останется и должна остаться безполезной—это ужасная участь, которую мыслящій духъ древнихъ представилъ въ образѣ судьбы Данаидъ и Сизифа, какъ проклятіе проклятыхъ! Иногда мнѣ приходится смѣяться надъ своимъ иронически-смѣшнымъ положеніемъ: въ качествѣ холостого парня быть обремененнымъ всѣми заботами несчастнаго отца семейства!

Мой самый сердечный привѣтъ Lupus'у и Фрейлиграту. Волку скажи, что я недавно былъ нѣсколько дней въ Силезіи и передаю ему отъ его тамошнихъ друзей (Штильха и др.) сердечный привѣтъ. «Фландрскія провинціи» висятъ на его шеѣ, и если произойдутъ событія, то всѣ потребуютъ Вольфа.

Отъ Фрейлиграта я получилъ нѣсколько строчекъ, на которыя я отвѣчу вкратцѣ здѣсь же. Возможно, что дюссельдорфскій Іасмундъ отправился въ Лондонъ послѣ отбытія наказанія въ Гальберштадтѣ и, такимъ образомъ, идентиченъ съ тамошнимъ. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предупредить нѣкоторые нѣмецкіе круги, въ которые онъ, можетъ быть, проникнетъ (ибо онъ любитъ это дѣлать). Здѣшній Іасмундъ былъ стройный, прекрасно сложенный парень съ совершенно свѣтлыми волосами, голубыми тевтонскими глазами и, какъ говоритъ Фалльстафъ, съ «кроткими манерами». Изъ шутливаго сообщенія Фрейлиграта, что пребываніе въ Лондонѣ Оксе-Штерна, благороднаго эмигранта, привлечетъ туда и меня, слѣдуетъ, какъ кажется, вывести, что онъ слышалъ о свирѣпствовавшемъ въ Кельнѣ нѣсколько дней слухѣ, будто бы Оксе-Штернъ взялъ съ собой заложенныя графиней драгоцѣнности въ 20.000 талеровъ. Онъ можетъ успокоиться! У насъ нѣтъ такихъ

драгоцѣнностей; иначе онѣ давно нашли бы себѣ дорогу, которую указалъ Мансфельдъ апостоламъ. На нѣсколько сотъ талеровъ бездѣлушекъ тамъ лежало во всякомъ случаѣ... (разорвано)... и лежитъ еще тамъ; отсюда-то и пошелъ тотъ слухъ. Если... (разорвано)... онъ ихъ взялъ, то онъ *намъ* во всякомъ случаѣ не причинилъ никакого вреда, такъ какъ мы вѣдь не въ состояніи были бы ихъ выкупить.

Скажи Фрейлиграту, что его стихотворенія начинаютъ производить сенсацію. О шагахъ государственной прокуратуры еще ничего не слышно. Если я этимъ могу оказать ему услугу, то я попытаюсь разузнать послѣдуютъ ли какіе-нибудь шаги у Кестерица, котораго я къ тому же довольно давно знаю.

Мнѣ пришло въ голову: не могутъ ли твои сочиненія быть выгодно изданы у... Виганда? Впрочемъ, здѣсь, *кажется*, есть что-то въ родѣ демократическаго издателя,—Кампманнъ. Спроси о немъ Фрейлиграта. Если онъ подойдетъ и ты пожелаешь, я попытаюсь издать. Въ какомъ количествѣ экземпляровъ должно выйти изданіе? Ты написалъ мнѣ, чортъ знаетъ какъ, неточно!

Будь здоровъ.

Твой Лассаль.

11.

Дюссельдорфъ, четвергъ, 3 іюля 1851 г.

Дорогой Марксъ!

Въ виду того, что какъ разъ теперь кто-нибудь поѣдетъ отсюда на выставку въ Лондонъ, то я хочу тебѣ этимъ путемъ послать нѣсколько словъ. Я писалъ тебѣ и именно въ послѣднюю пятницу, причемъ письмо я адресовалъ *снаружи* своему школьному товарищу, нѣмцу: «I. Gerstenberg, London, 3 Copthall Buildings». На адресѣ, сообщенномъ мнѣ этимъ послѣднимъ, находилось за словомъ «Buildings» еще другое довольно неразборчиво написанное слово, которое я тогда принялъ за «London». Позже у меня явилась мысль, что это могло означать также и другое, а именно: названіе квартиры. Въ такомъ случаѣ мое письмо, вслѣдствіе невѣрнаго адреса, могло не попасть ни къ Герстенбергу, ни, слѣдовательно, къ тебѣ. Если это такъ, то отправься къ Герстенбергу (Wechselsensal) и попроси его заявить на почтѣ о письмѣ, адресованномъ вышеозначеннымъ образомъ.

Возможно, однако, что оно уже у тебя и я пишу тебѣ настоящее только изъ излишней предосторожности.

Фрейлиграту скажи, что въ прошлую субботу меня извѣстилъ мой агентъ ad hoc, что вестфальскій министръ передалъ правительству рескриптъ объ изъятіи изъ обращенія новыхъ стихотвореній Фрейлиграта. Я тотчасъ извѣстилъ объ этомъ и Шеллера. Вчера, въ отсутствіе Шеллера, который уѣхалъ въ Берлинъ, полиція нагрянула къ нему въ домъ, взломала конторку, шкафы, ящики и т. д., но ничего не нашла. Мнѣ, впрочемъ, жаль, что она не нашла дюжины экземпляровъ и не конфисковала ихъ. Вѣдь тогда прокуратура должна была бы въ теченіе восьми дней начать дѣло противъ книги — даже при absente autore — и тогда имѣлось бы скоро судебное рѣшеніе. Впрочемъ, *одинъ* экземпляръ находился въ рукахъ полиціи: она его захватила при одномъ обыскѣ въ Боннѣ.

Здѣсь все опредѣленнѣе говорятъ, что Фрейлигратъ ѣдетъ въ Америку; этимъ всѣ опечалены и разстроены, въ особенности я. Остаться такъ *одинокимъ* — въ высшей степени ощутительно. Лучше съ друзьями въ изгнаніи, чѣмъ одному въ раю, не говоря уже объ этомъ проплёванномъ углѣ.

Недавно я прочелъ манифестъ Мадзини, Ледрю, Руже и товарищей къ «Романамъ». Это дѣйствительно самое печальное сумасбродство, самая отчаянная глупость, которую я когда-либо себѣ представлялъ. Если бы люди могли бы, наконецъ, оставить свое постоянное желаніе «дѣлать революцію», къ чему у нихъ, впрочемъ, нѣтъ даже и малѣйшаго таланта.

Но за то нѣсколько дней тому назадъ «Kölnische Zeitung» напечатала, въ дополненіе къ документамъ процесса contra Бюргерса и комп., несомнѣнно тобою составленное воззваніе изъ Лондона отъ марта 1850 года. Вотъ оно было дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ животворнымъ и *превосходнымъ!* Однако изъ-за нѣкоторыхъ мѣстъ оно во всякомъ случаѣ подѣйствуетъ *отягчающимъ образомъ* на исходъ самого процесса.

Что, чортъ возьми, стало съ Дронке? Гдѣ онъ? А съ Веертомъ что теперь?

Какъ обстоятъ дѣла съ твоими книжками? Очень жаль, что этотъ Шеллеръ какъ разъ теперь занятъ — по его словамъ — спекуляціей, для которой требуются его финансы. Сердечный привѣтъ Lupus'у и Фрейлиграту.

Пиши мнѣ, адресуя снаружи на имя купца г. А. Веттера въ Дюссельдорфъ.

Твой Ф. Лассаль.

12.

Дюссельдорфъ, 19 іюля 1851.

Дорогой Марксъ!

Согласно твоему желанію, симъ извѣщаю, что я получилъ твое письмо (безъ даты) ровно три дня тому назадъ. Кромѣ этого у меня нѣтъ ничего интереснаго для сообщенія.

Твои описанія нашихъ нѣмецкихъ профессоровъ революціи въ Лондонѣ очень позабавили меня. Это очень удачные рисунки перомъ.

Рейнская буржуазія находится во всякомъ случаѣ въ очень комичномъ для насъ настроеніи. Она уже не выходитъ изъ сферы неожиданностей и изумленій, такъ непрерывно падаютъ на ея толстый черепъ удары дубиной. Съ тѣхъ поръ какъ стало достовѣрнымъ изъятіе поземельныхъ налоговъ, возстановленіе помѣстныхъ сословій, назначеніе Клейстъ-Рецова, франкфуртскія постановленія о возстановленіи всѣхъ привилегій родоваго дворянства, короче сказать, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалось совершившимся фактомъ наше возвращеніе на лоно нашей матери сословно-феодальной монархіи и капиталъ, какъ parvenu, долженъ былъ снова взобраться на запятки кареты крупнаго землевладѣльца,—съ тѣхъ поръ нашей буржуазіей овладѣло тупое рѣшеніе, не ставить по крайней мѣрѣ никакихъ препятствій на пути ближайшей революціи. Большинство изъ нихъ теперь дошли до такого отчаянія, что готовы лѣзть изъ куля въ рогожу. Всѣ ихъ газеты наполнены формальными отреченіями этой партіи, которыя чуть ли не говорятъ объ ихъ самопознаніи. «Kölnische Zeitung» недавно заявила, что ея партіи не остается ничего другого, какъ отступить съ поля сраженія и очистить мѣсто для другихъ, болѣе энергичныхъ партій которыя смогли бы добиться новаго «успѣха»; а Унру (Unruh) взываетъ къ намъ въ одной брошюрѣ, что нѣтъ никакого исцѣленія для нѣмецкаго народа, если раньше не повѣсятъ его и его единомышленниковъ! Новый классифицированный законъ подоходнаго налога возбуждаетъ большое неудовольствіе; чрезмѣрное налоговое обремененіе дѣлается тѣмъ болѣе чувствительнымъ для всѣхъ, что уже приближается

на всѣхъ парахъ промышленный кризисъ. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ мною на Рейнѣ и во время моего путешествія въ Берлинъ и Бреславль у фабрикантовъ и всякаго рода дѣльцовъ, я считаю, что застой и пріостановка работъ, которые уже теперь начинаютъ давать себя чувствовать во всѣхъ отрасляхъ промышленности, должны вполнѣ расцвѣсть къ декабрю этого года. Благослови, Боже, наше проклятіе!

Представленіе во Франціи является во всякомъ случаѣ достаточно комичнымъ. Палата должна была во всякомъ случаѣ оскандалиться. Кто заставлялъ ее дѣлать такія глупости, какъ совѣщаться о пересмотрѣ конституціи и даже о республикѣ или монархіи!

Никакое собраніе никогда *не свергало* и никогда не *свергнетъ* существующаго строя. Все, что какое-либо собраніе когда-нибудь сдѣлало и могло сдѣлать, это — провозгласить существующій внѣ его порядокъ, санкціонировать *уже произведенный* внѣ его общественный переворотъ и разрабатывать его детальныя послѣдствія, законы и т. д. Но такое собраніе будетъ до скончанія вѣковъ импотентнымъ свергнуть то общество, представителемъ котораго оно является. Повидимому, французы недостаточно знакомы съ тѣмъ историческимъ закономъ, что всякая такая революціонная иниціатива недоступна собраніямъ, иначе они, конечно, остереглись бы заявить на глазахъ своихъ издѣвающихся противниковъ такъ торжественно и con amore о своей импотенціи. Но это показываетъ, что среди французовъ нѣтъ достаточнаго числа «мыслящихъ друзей исторіи». Пошли же къ нимъ Руге!

Я очень радъ слышать, что Фрейлигратъ остается въ Лондонѣ. Если представится возможность, я пріѣду; но на это мало надежды. Я слышалъ, что Энгельсъ теперь снова въ Лондонѣ. Если это такъ, то передай ему мой сердечный привѣтъ. Кланяйся также Фрейлиграту и Веерту. Прилагаю записку для Вольфа.

Еще одно: Веттеръ иногда уѣзжаетъ на два, на три дня. Въ его отсутствіе служащій его не вскрываетъ присланныхъ на его имя писемъ. Но, чтобы изъ-за этого не произошло безполезной задержки (письма остаются лежать до его возвращенія), мы условились съ Веттеромъ, что ты на обратной сторонѣ конверта, въ какомъ-нибудь углу его сдѣлаешь незамѣтный знакъ Z. Всѣ такимъ образомъ помѣченныя письма приказано конторщику въ отсутствіе Веттера немедленно приносить мнѣ.

Твой Ф. Лассаль.

13.

Дюссельдорфъ, пятница, 12 декабря 1851 г.

Дорогой Марксъ!

Если сдѣланное мною въ письмѣ къ Фрейлиграту замѣчаніе послужило къ тому, что ты снова написалъ мнѣ письмо, то я очень радъ, что сдѣлалъ это. Но къ чему относились тѣ намеки? Тебѣ вложили въ уста слова, которыя, конечно, должны были бы оскорбить меня; но я, если не ошибаюсь, уже въ письмѣ къ Фрейлиграту замѣтилъ, что я считаю ихъ вымышленными. Передавать тебѣ подробности этихъ сплетенъ было бы для меня невыразимо скучно, да и едва ли возможно. Если мы встрѣтимся когда-нибудь въ Лондонѣ или Кельнѣ, я разскажу тебѣ объ этомъ вполнѣ обстоятельно. До тѣхъ поръ удовлетворись тѣмъ, что я считаю всю эту исторію вымышленной, а свои отношенія къ тебѣ считаю попрежнему неизмѣнными.

Итакъ, позволь мнѣ поскорѣе перейти къ сообщенію о твоихъ частныхъ дѣлахъ. Въ моей готовности къ твоимъ услугамъ во всякомъ случаѣ нѣтъ недостатка, хотя событія во Франціи должны очень неблагопріятно отразиться на сообщенномъ мною Фрейлиграту планѣ (относительно изданія твоего сочиненія). Чтобы отвѣтить на твое богатое мыслями письмо подобнымъ же образомъ, мнѣ недостаетъ настроенія. А доктринерскимъ письмомъ я не хочу тебѣ наскучить. Я долженъ былъ смѣяться твоему сравненію съ Маллэ, такъ какъ изъ него выяснилось совпаденіе нашихъ мыслей. Маллэ—было первое слово, которымъ я комментировалъ извѣстіе. Но я долженъ замѣтить, что міровой духъ ни въ коемъ случаѣ не подвергся опасности скомпрометировать себя, благодаря этому событію, въ глазахъ старика Гегеля. Четыре недѣли до того, какъ оно разразилось, я его чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ. Когда во время дебатовъ о квесторскомъ предложеніи пришло извѣстіе, что Montagne будетъ вотировать противъ и, такимъ образомъ, предложеніе будетъ отвергнуто, я сказалъ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ: «Если Наполеонъ теперь, въ теченіе четырехъ недѣль, выброситъ за окно собраніе подъ предлогомъ возстановленія всеобщаго избирательнаго права и призыва къ народу, то онъ побѣдитъ. И пролетаріатъ, удерживаемый общимъ положеніемъ дѣлъ, не сдѣлаетъ никакой попытки къ возстанію».

Но громадное значеніе событія стало для меня яснымъ только послѣ того, какъ оно уже совершилось. Въ немъ прежде всего выступаютъ на первый планъ два факта: рабочіе не принимали участія въ возстаніи, и парижская національная гвардія совсѣмъ не появлялась на сценѣ.

Я не раздѣляю твоего взгляда, что парижскій пролетаріатъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы выдержать борьбу. Если бы онъ поднялся, то, конечно, побѣдилъ бы; и все это подтверждается тѣмъ, что мы уже теперь знаемъ изъ провинцій. Что онъ не возсталъ, это я объясняю общимъ положеніемъ дѣлъ. Было разсѣяно собраніе, которое было предметомъ ненависти par excellence у рабочихъ, собраніе, которое уничтожило всеобщее избирательное право. Само всеобщее избирательное право было возстановлено. Въ этихъ событіяхъ не было ничего такого, что могло бы вызвать возстаніе пролетаріата. Если бы даже ни одинъ рабочій не обманывалъ себя насчетъ мотивовъ и намѣреній Наполеона, то все-таки ихъ упрекамъ недоставало бы жала, у возстанія не было бы лозунга. Они могли быть зрителями. Болѣе разительнымъ могло бы показаться, что національная гвардія не принимала участія, и что она отчасти выступала даже за Л. Наполеона. Вѣдь какъ разъ политическое и парламентское господство буржуазіи было выброшено за окно, вѣдь она была безпощадно разбита со всѣми ея шестидесятилѣтними традиціями. Но паническій страхъ передъ тѣмъ, что изъ борьбы можетъ выйти побѣдительницей соціальная республика, толкалъ ее на самое ужасное. Французская буржуазія отреклась отъ своего политическаго господства, изъ-за котораго она боролась шестьдесятъ лѣтъ и побѣдила трехъ королей. Она отреклась отъ него, потому что признала, что дальнѣйшее существованіе ея экономическихъ учрежденій возможно лишь подъ условіемъ диктатуры военнаго деспотизма! Въ *этомъ* заключается значеніе тѣхъ дней и въ отрицательномъ, и въ положительномъ смыслѣ. Побѣда со 2-го по 5-е декабря была совершена соціализмомъ. Въ отрицательномъ смыслѣ тѣмъ, что единственная способная побѣдить соціальная партія не тронулась съ мѣста; въ положительномъ — тѣмъ, что изъ страха передъ соціализмомъ буржуазія съ энтузіазмомъ обрекла себя на униженіе и уничтоженіе! Такимъ образомъ, эти событія представляютъ не что иное, какъ ужасныя конвульсіи общества въ виду постигающей его судьбы,—не что иное, какъ откровеніе, что эта судьба, соціализмъ, уже *теперь* является, хотя еще отрицательно, рѣшающимъ для нея существомъ. Кругъ событій завер-

шился. Неумолимымъ слѣдствіемъ іюньской побѣды было уничтоженіе всеобщаго избарательнаго права и эриніями ихъ обѣихъ является 2-е декабря. А со 2-мъ декабремъ общество очутилось на волосокъ отъ бездны новой пролетарской революціи. Я вижу уже, какъ оно падаетъ.

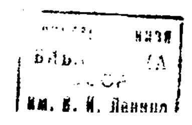
Поразительно лишь ни съ чѣмъ несравнимое тупоуміе буржуазіи, которая считаетъ свое свидѣтельство о смерти билетомъ страхованія жизни! Пятипроцентныя бумаги повысились почти до 97!

Никогда у пролетарской партіи не было болѣе богатаго наслѣдства, чѣмъ то, которое ей обезпечило 2 декабря! Что такое теорія раздѣленія властей, что такое исполнительный органъ въ его до сихъ поръ практиковавшемся смыслѣ, что значитъ замѣщеніе общественныхъ должностей правительствомъ, что такое, наконецъ, армія — все это теперь стало яснымъ даже и для буржуазныхъ демократовъ, и свѣтъ настолько силенъ, что они глаза отворачиваютъ!

Я вполнѣ раздѣляю твое злорадство по поводу уничтоженія или, скорѣе, ничтожества всѣхъ фракцій консервативной партіи, которое проявилось лишь случайно. Тьеръ, Берри, Барро, Каваньякъ, Шангарнье, всѣ власти побѣждены нѣсколькими сержантами, и объ этомъ даже ни одинъ пѣтухъ не крикнулъ! Нельзя было выдумать никакой болѣе превосходной ироніи надъ тѣмъ чванствомъ, съ какимъ эти давно прогнившія насквозь партіи все еще приписывали себѣ большое значеніе.

Старикъ Гегель обыкновенно говорилъ: Непосредственно передъ наступленіемъ качественно новаго, старое качественное состояніе путемъ устраненія или поглощенія въ себѣ всѣхъ своихъ рѣзкихъ различій и особенностей, которыя оно создавало, пока было жизнеспособно, *проявляется* въ своей чистой, общей первоначальной сущности въ своей простой цѣлостности. Такъ, передъ тѣмъ какъ долженъ проявиться атеизмъ, религіозный духъ выражается непосредственно въ общей сущности различныхъ религій, въ простой безсодержательности деизма. Законъ подтверждается. Буржуазный режимъ и частная собственность въ своей послѣдней смертельной борьбѣ выражаются въ видѣ простой общности всѣхъ своихъ фракцій, въ видѣ военнаго деспотизма и господства насилія.

Въ то время какъ его дядя, съ которымъ онъ себя постоянно смѣшиваетъ, имѣлъ выдающуюся революціонную миссію и былъ человѣкомъ, понимавшимъ всесторонніе интересы, въ то время какъ тотъ

консолидировалъ въ рукахъ покупщиковъ доменовъ и крестьянъ поземельную собственность, пріобрѣтенную путемъ революціи, въ то время какъ *тотъ* впервые, укротивши революціонные порывы, далъ французской буржуазіи возможность воспользоваться свободой производства, пріобрѣтенной чрезъ—посредство свободы конкуренціи во время французской революціи, въ то время какъ тотъ разбилъ на-голову феодальное общество всего континента и прямо или косвенно поставилъ буржуазное общество на мѣсто послѣдняго, въ то время какъ тотъ дѣйствительно завершилъ и закрѣпилъ революціонныя идеи 1789 года, этотъ болванъ является ни чѣмъ инымъ, какъ пустопорожней общей сущностью умирающей реакціи.

Долго ли продолжится этотъ туманъ? Я могу признать за нимъ, во всякомъ случаѣ, лишь очень, очень короткое существованіе. Никогда и ни у кого я не видѣлъ большей неспособности къ мышленію и большей безпомощности въ томъ, чтобы удержаться въ данномъ положеніи посредствомъ чего-нибудь положительнаго. Съ одной стороны онъ выставляетъ всеобщее избирательное право, какъ выраженіе общества, которое признаетъ себя общимъ цѣлымъ, состоящимъ изъ однородныхъ равноправныхъ гражданъ. Съ другой стороны, онъ хочетъ системы двухъ палатъ, являющуюся выраженіемъ общества, состоящаго изъ различныхъ и неравноправныхъ классовъ, особые интересы которыхъ требуютъ особыхъ представительствъ. Раздавая постоянно затрещины по обѣ стороны, онъ очень скоро дождется того, что получитъ ихъ обратно со всѣхъ сторонъ. Все, что есть въ буржуазіи—политически remuant, все это онъ скоро увидитъ направленнымъ противъ себя, съ той лишь разницей, что буржуазія никогда болѣе не будетъ дѣйствовать, какъ самостоятельная жизнеспособная партія, но только въ хвостѣ рабочей партіи; она будетъ лишь подкрѣплять средства послѣдней. Даже армія недолго будетъ за него, потому что это ничтожество не можетъ доставить ей, какъ его дядя, континентальной войны, и вмѣстѣ съ ней рейнскихъ доменовъ, маршальскихъ жезловъ и королевскихъ коронъ, что, можетъ быть, она и надѣется получить отъ него. Ты правъ, вспоминая о неизбѣжномъ разграбленіи государственной казны, что, впрочемъ, столько же безполезно, сколько и неизбѣжно. Вѣдь вотъ уже четыре года, какъ казна не можетъ болѣе покрыть dette flottante, который неизбѣжно тотчасъ придется консолидировать и для покрытія процентовъ котораго ввести новые налоги; это стоитъ въ забавномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что болванъ, для своей популярности, несомнѣнно отмѣнитъ или захочетъ отмѣнить нѣко-

торые непопулярные налоги. Такимъ образомъ во всѣхъ углахъ будетъ царить смятеніе до тѣхъ поръ, пока онъ, выяснивъ болѣе отчетливо свое отношеніе къ рабочимъ, не дождется въ ближайшемъ будущемъ краха, когда пролетаріатъ возстанетъ противъ него съ открытымъ забраломъ. Его господство во всякомъ случаѣ можетъ быть разсчитано лишь на мѣсяцъ. Онъ падетъ скоро *по той самой причинѣ*, по которой *только* и *поднялся*, и именно потому, что онъ абсолютное ничто, олицетворенная пустота. Утѣшительны, впрочемъ, показанія событій въ провинціи, что какъ разъ крестьяне захвачены соціализмомъ больше, чѣмъ это предполагали.

Ade.

Твой Ф. Лассаль.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Свое шестимѣсячное тюремное наказаніе Лассаль отсидѣлъ съ 1 октября 1850 г. по 31 марта 1851 г.; онъ воспользовался вынужденнымъ досугомъ для возобновленія своихъ экономическихъ занятій.

Письмо 9-е очень характерно для Лассаля, какъ экономиста. Онъ признаетъ себя ученикомъ Маркса и умѣло съ эпиграмматической остротой очерчиваетъ его положеніе въ исторіи умозрительныхъ наукъ; въ то же время, своими замѣчаніями о поземельной рентѣ Рикардо, онъ указываетъ границу, которая всегда его отдѣляла въ научномъ отношеніи отъ Маркса и которая еще въ его Бастіа-Шульце такъ же замѣтна, какъ и въ этомъ письмѣ. По теоріи Рикардо поземельная рента создается лишь общественными отношеніями, законами буржуазной конкурренціи; она является данью цѣлой націи, которая незаслуженно и недостойно перепадаетъ въ руки землевладѣльцевъ. Отсюда Лассаль дѣлаетъ тотъ радикальный выводъ, что нельзя помочь частичнымъ разрѣшеніемъ вопроса, изолированнымъ правомъ на трудъ, организованнымъ обмѣномъ. Но онъ дедуцируетъ, исходя изъ *философски-правовой* точки зрѣнія, а не *экономической*, когда онъ посредствомъ правильнаго пониманія поземельной ренты думаетъ отнять у буржуазнаго общества „всякую иллюзію на привилегію“ и когда онъ выводитъ отсюда его моральное самоубійство. Между тѣмъ какъ Марксъ дедуцировалъ экономически, когда, исходя изъ законовъ буржуазной конкуренціи, доказывалъ неизбѣжный переходъ капиталистическаго способа производства въ соціалистическій.

Это—замѣчательная случайность, что Лассаль, изложивши такъ ясно свое экономическое воззрѣніе, заявляетъ о своемъ намѣреніи заняться экономистомъ Родбертусомъ; для тѣхъ, кто видитъ въ Родбертусѣ учителя

Лассаля, это разумѣется очень печальная случайность. И не потому, чтобы Лассаль также мало цѣнилъ Родбертуса послѣ прочтенія „соціальныхъ писемъ“, какъ тогда, когда онъ хотѣлъ ихъ только перелистать. Совсѣмъ напротивъ! Лассаль долженъ былъ относиться съ большой симпатіей къ тому, какъ Родбертусъ смотрѣлъ на сущность капиталистическаго способа производства, какъ онъ свелъ къ нулю легкомысленные, но въ то время господствовавшіе на общественномъ рынкѣ софизмы Бастіа, какъ онъ оспаривалъ абсолютную необходимость поземельной и капиталистической собственности и давалъ ей лишь милостивую отсрочку,—впрочемъ, очень продолжительную. Лассаль позже и обратилъ вниманіе Маркса на экономиста Родбертуса. Но даже въ томъ, въ чемъ Родбертусъ оригиналенъ, именно въ „частичномъ разрѣшеніи организованнаго обмѣна“ и въ оспариваніи теоріи поземельной ренты Рикардо, даже въ этомъ Лассаль всегда оставался на той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ раньше, чѣмъ прочелъ хотя бы одну строчку изъ сочиненій Родбертуса.

Вотъ вкратцѣ нѣсколько доказательствъ. 26 апрѣля 63 года Лассалль писалъ Родбертусу: „Что поземельная и капиталистическая собственность должна быть уничтожена, это именно и было центральнымъ пунктомъ моихъ взглядовъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ мыслить экономически. Вы высказали эту же мысль въ концѣ своего третьяго соціальнаго письма. И именно поэтому я отношусь къ Вамъ съ тѣхъ поръ съ горячей симпатіей“. Относительно „частичнаго разрѣшенія“ Лассаль писалъ 2 мая 63 года слѣдующее: „Если бы это не Вы утверждали,—правда еще въ мистической формѣ,—что дѣло идетъ о томъ, чтобы обезпечить рабочему въ фабричномъ производствѣ и торговлѣ долю прибыли посредствомъ практически выполнимаго закона, то я сказалъ бы: нѣтъ, это не такъ. Но это утверждаете Вы и, поэтому, я не хочу вмѣшиваться“. Наконецъ относительно теоріи поземельной ренты Рикардо онъ писалъ 15 октября 63 года: „Я читалъ Ваше третье соціальное письмо десять лѣтъ тому назадъ три раза подъ рядъ, съ весьма напряженнымъ вниманіемъ и постоянно разсуждая самъ съ собой. Всѣмъ тѣмъ, что Вы тамъ говорите, мои убѣжденія относительно даннаго вопроса не измѣнились. Именно поэтому я хотѣлъ бы перечитать вмѣстѣ съ Вами это письмо вникая въ каждую строчку его, чтобы имѣть возможность показать Вамъ съ какимъ недоразумѣніемъ, по моему мнѣнію, связанъ Вашъ противоположный взглядъ“. Какъ видно уже изъ этихъ строкъ и какъ Марксъ опредѣленно признаетъ въ третьемъ томѣ „Капитала“ Родбертусъ сумѣлъ и относительно поземельной ренты высказать важныя положенія. Нельзя однако приписывать ему какого-либо вліянія на Лассаля и Маркса: таковаго онъ не имѣлъ. И менѣе всего должны были это дѣлать его почитатели, потому что самому Родбертусу при этомъ должно было очень плохо прійтись и дѣйствительно плохо пришлось.

Лассаль излагаетъ свои экономиченіе взгляды въ 9-мъ письмѣ въ связи съ извѣстіемъ, что Марксъ хочетъ издать свою политическую экономію. Въ этомъ было вѣрно лишь то, что Марксъ подыскивалъ издателя для своего сочиненія. Съ тѣхъ поръ какъ Марксъ осенью 50-го года увидѣлъ, что революціонное движеніе временно прекращается, онъ возвратился въ свой рабочій кабинетъ; съ пустымъ дѣланіемъ революціи буржуазной эмиграціи онъ не имѣлъ ничего общаго. Когда эта послѣдняя, про-

никнувъ въ союзъ коммунистовъ, вызвала тамъ извѣстный расколъ, вслѣдствіе котораго центральное управленіе союза было перенесено въ Кёльнъ, то Марксъ сталъ свободенъ и съ этой стороны. Но въ то же время, благодаря этому у него завязываются болѣе тѣсныя связи съ кёльнцами. Westdeutsche Zeitung прекратила свое существованіе въ іюлѣ 50-го года вслѣдствіе новаго реакціоннаго постановленія относительно прессы, отнявшаго у нея право пользованія льготными почтовыми условіями. Затѣмъ сошелъ въ могилу Westdeutscher Anzeiger, невинная газета, объявленій и беллетристики; ее издавалъ Беккеръ, чтобы дать работу типографіи, которую онъ долженъ былъ пріобрѣсти на свои средства, такъ какъ не нашлось ни одной типографіи для печатанія Westdeutsche Zeitung. Онъ сталъ тогда выпускать различнаго рода брошюры, по большей части отдѣльные оттиски изъ Westdeutsche Zeitung; онъ рѣшилъ, далѣе, издать сборникъ статей Маркса, написанныхъ имъ въ 40-хъ годахъ и переводъ сочиненія противъ Прудона на нѣмецкомъ языкѣ; онъ переписывался съ Марксомъ также относительно изданія новаго журнала, который долженъ былъ появиться въ Люттихѣ (Льежѣ).

Это-то и имѣетъ въ виду замѣчаніе Лассаля въ 9-мъ письмѣ, что обстоятельства у Маркса начинаютъ улучшаться, послѣ того какъ они нѣкоторое время были очень печальны: первая книжка сборника статей Маркса нашла быстрый сбытъ.

Но, къ сожалѣнію, за два дня до того какъ Лассаль написалъ это письмо произошло событіе, еще болѣе усилившее ужасъ изгнанія для Маркса и которое должно было совершенно закрыть для него на долгіе годы нѣмецкій книжный рынокъ. 10 мая былъ схваченъ въ Лейпцигѣ Нотюнгъ (Nothjung) за неимѣніе легитимаціонныхъ бумагъ; изъ найденныхъ при немъ печатныхъ произведеній полиція узнала о существованіи союза коммунистовъ. Бюргерсъ былъ схваченъ въ Дрезденѣ, въ Кёльнѣ Беккеръ, врачъ Даніэль, рабочій на сигарной фабрики Рёзеръ и другіе; Фрейлигратъ избѣжалъ удара только благодаря тому, что незадолго передъ тѣмъ переселился въ Лондонъ.

Своеобразнымъ было отношеніе Лассаля къ кёльнцамъ. Въ 9-мъ письмѣ онъ жалуется на Бюргерса, который былъ раньше пятой спицей въ колесницѣ въ „Neue Rheinische Zeitung“, затѣмъ, въ качествѣ учителя молодого графа Павла Гацфельдта, жилъ вмѣстѣ съ Лассалемъ въ Дюссельдорфѣ—и, наконецъ, переселился къ Беккеру въ „Westdeutsche Zeiting“. Также и съ Беккеромъ у Лассаля было сильное столкновеніе послѣ выхода изъ тюрьмы и пріѣзда въ Кёльнъ. И даже кандидатъ на званіе нотаріуса Бермбахъ писалъ Марксу въ томъ же самомъ письмѣ, гдѣ онъ сообщалъ ему печальное извѣстіе о кёльнцахъ, слѣдующее: „Съ нѣкоторыхъ поръ Лассаль суется здѣсь повсюду, вертится среди рабочихъ, подзадориваетъ нѣкоторыхъ и дѣлаетъ все, чтобы быть болѣе въ курсѣ дѣла или попасть и быть принятымъ въ организацію; чѣмъ меньше ему это удается, тѣмъ больше онъ горячится. Независимо отъ всѣхъ прежнихъ его исторій и его вмѣшательства во всѣ мелочныя и отвратительныя интриги одной аристократической графской семьи, я не могъ заставить себя довѣрять этому человѣку; и даже если бы я былъ вполнѣ убѣжденъ въ чистотѣ его намѣреній, я никогда бы не довѣрился ему, потому что онъ болтунъ

и эгоистъ". Это значило бы оскорблять память Лассаля, если бы мы вздумали защищать его противъ этого обвиненія; достаточно самого факта, что онъ сдѣлался побѣдоносным передовымъ борцомъ нѣмецкаго рабочаго класса, въ то время какъ Беккеръ, Бюргерсъ, Бермбахъ застряли въ болотѣ капитализма. Но это заслуживаетъ вниманія, такъ какъ является показателемъ тѣхъ сплетенъ, которыя распускались между Мэрксомъ и Лассалемъ въ теченіе 12 лѣтъ, когда они не видались лично. Слѣды этого находятся въ довольно большомъ количествѣ въ письмахъ Лассаля; даже въ томъ же году—въ началѣ 13-го письма.

Лассаль тѣмъ скорѣе могъ себя утѣшить на счетъ этого, что его связывала тѣсная дружба съ дѣйствительно революціонными людьми того времени, такъ, напримѣръ, съ Lupus'омъ, о предстоящемъ пріѣздѣ котораго въ Лондонъ онъ сообщаетъ въ концѣ 9-го письма. Lupus'омъ былъ Вильгельмъ Вольфъ, силезскій землякъ Лассаля, названный такъ въ отличіе отъ „Рыжаго" Фердинанда Вольфа, бывшаго также редакторомъ „Neue Rheinische Zeitung" и также находившагося въ дружбѣ съ Лассалемъ. Вильгельмъ Вольфъ назывался также парламентскимъ или казематскимъ Вольфомъ; парламентскимъ Вольфомъ за сильную и безстрашную рѣчь, которою онъ, въ качествѣ депутата-замѣстителя, отхлесталъ національное собраніе во Франкфуртѣ, чтобы побудить его къ энергичнымъ дѣйствіямъ; казематскимъ Вольфомъ онъ былъ прозванъ не за свое многолѣтнее заключеніе, которое онъ перенесъ какъ подозрительный демагогъ вмѣстѣ съ Фрицемъ Рейтеромъ въ казематахъ города Зильберберга, но за напечатанныя въ ноябрѣ 43 г. въ Силезской Хроникѣ описанія нищеты безпріютныхъ жителей г. Бреславля въ казематахъ Штернскаго переулка,—описанія, произведшія сильныя впечатлѣнія. Послѣ побѣды контръ-революціи, этотъ непреклонный человѣкъ жилъ въ Цюрихѣ до тѣхъ поръ, пока лѣтомъ 51-го года швейцарское правительство не выжило его оттуда. Въ Англіи, въ Манчестерѣ, онъ нашелъ мѣсто частнаго учителя, вполнѣ удовлетворявшее его крайне скромныя потребности. Онъ умеръ въ томъ же году, что и Лассаль; между тѣмъ какъ Фердинандъ Вольфъ, по моимъ свѣдѣніямъ, живетъ еще въ Англіи. Лассаль достойнымъ образомъ отомстилъ своимъ кёльнскимъ недругамъ, забывши тотчасъ же послѣ ихъ ареста „всю личную мелочность" и бросившись со всѣми силами имъ на помощь. Онъ честно выполнилъ то, о чемъ писалъ по этому поводу въ 10-мъ письмѣ Марксу. Еще въ мартѣ 57-го года Беккеръ сообщилъ изъ Weichselmünd'ской крѣпости одному своему другу, что Лассаль прислалъ ему 16 талеровъ и собралъ для него у другихъ еще 22 талера. Беккеръ посѣтилъ за это Лассаля послѣ своего выхода изъ крѣпости; но такъ какъ онъ въ то же время постигъ, что нѣмецкій патріотъ долженъ сначала записаться въ „прохвосты матеріальныхъ интересовъ" и только тогда подкопаться подъ „гнилые подмостки" юнкерства, то онъ примкнулъ къ толпѣ самыхъ ярыхъ противниковъ Лассаля, когда послѣдній весной 63 года началъ свою агитацію среди рабочихъ. Лассаль считалъ, что не стоитъ труда напоминать о прошломъ ему или Бюргерсу, который провозглашалъ добраго Шульце-Делича „королемъ соціальнаго государства"; только разъ мимоходомъ онъ назвалъ редактируемую Беккеромъ въ Дюссельдорфѣ „Rheinische Zeitung" „недостойною тезкой двухъ большихъ органовъ пе-

чати, которые имѣли прирейнскія провинціи въ 1843 и 1848 гг. и которые дѣлали честь этимъ провинціямъ". Впрочемъ, Беккеръ при посредствѣ „пошлости матеріальныхъ интересовъ" добрался до мѣста оберъ-бургомистера въ г. Кёльнѣ, а при болѣе продолжительной жизни онъ, можетъ быть, достигъ бы министерскаго поста—подобно своему единомышленнику и товарищу по судьбѣ Микелю, который, насколько я знаю изъ неопубликованныхъ бумагъ, въ цѣломудренной чистотѣ своихъ коммунистическихъ убѣжденій, также сильно сомнѣвался въ Лассалѣ.

Марксъ, конечно, зналъ своихъ людей. Прежде чѣмъ Бермбахъ написалъ ему 24 іюня, донося на Лассаля и дѣлая нѣсколько вялыхъ замѣчаній относительно того, не пріостановится ли дальнѣйшій выпускъ сборника статей, Марксъ обратился уже къ Лассалю, какъ показываетъ 10-е письмо. Сначала, и довольно долго, Лессаль также ничего не устроилъ, но онъ энергично старался уничтожить преграду, отрѣзавшую Марксу и Энгельсу путь на нѣмецкій книжный рынокъ; и поскольку было возможно преодолѣть неблагопріятныя условія, онъ это дѣлалъ.

Относительно лицъ, указываемыхъ въ 10-мъ письмѣ, замѣтимъ слѣдущее: Герстенбергъ былъ бреславскимъ школьнымъ товарищемъ Лассаля; послѣдній часто называетъ его въ своемъ юношескомъ дневникѣ. Онъ сталъ крупнымъ и азартнымъ спекулянтомъ, онъ выигрывалъ и терялъ милліоны и, наконецъ, въ 70-хъ годахъ онъ кончилъ свою жизнь трагически, упавши при переѣздѣ изъ Дувра въ Калэ въ машинное отдѣленіе парохода; неизвѣстно, сдѣлалъ ли онъ это нарочно или это—случайность. Объ Іасмундѣ я не знаю ничего больше того, что видно изъ текста. Оксе-Штернъ былъ, повидимому, прогорѣвшій дѣлецъ изъ Кёльна. „Мансфельдъ и апостолы" должны быть намекомъ на графа Мансфельда, начальника протестантскихъ отрядовъ въ тридцатилѣтнюю войну, который платилъ своимъ наемникамъ сплавленнымъ церковнымъ серебромъ. Кёстерицъ, у котораго Лассаль хочетъ справиться о судебномъ преслѣдованіи новѣйшихъ стихотвореній Фрейлиграта, былъ государственнымъ прокуроромъ въ Дюссельдорфѣ.

О результатахъ этой справки Лассаль сообщаетъ въ 11-мъ письмѣ. Дѣло шло о второй книжкѣ „Новѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ стихотвореній" Фрейлиграта (Прощальное слово Neue Rheinische Zeitung, У березы и др.); они вызвали обвиненіе поэта въ оскорбленіи величества. Манифестъ Мадзини и товарищей былъ или тотъ самый, который разнесли критически Марксъ и Энгельсъ въ заключительной книжкѣ „Neue Rheinische Revue", или болѣе новый, но того же калибра. Воззваніе изъ Лондона отъ марта 1850 года было въ всякомъ случаѣ составлено Марксомъ и Энгельсомъ; въ 1885 году Энгельсъ присоединилъ его дословно ко вновь изданнымъ имъ разоблаченіямъ по поводу кёльнскаго процесса коммунистовъ. Если уже эти документы показываютъ до какой степени Лассаль и Марксъ шли въ ногу въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, то еще больше показываютъ это политическіе эскизы Лассаля въ 12-мъ и 13-мъ письмахъ. Какъ мѣтко нѣсколькими штрихами очерчиваетъ онъ разочарованіе рейнской буржуазіи въ томъ вознагражденіи, которое она получила отъ остъ-эльбскаго юнкерства за свою измѣну пролетаріату. Какъ справедливы при всей ихъ горечи насмѣшки надъ

бравымъ Унру, написавшимъ въ 1851 г. „Испытанія трехъ послѣднихъ лѣтъ“, въ которыхъ онъ срываетъ конституціонной принципъ, который онъ и ему подобные сдѣлали, во всякомъ случаѣ, простымъ чучеломъ. Точно также положенія Лассаля относительно того, что могутъ и чего не могутъ сдѣлать парламентскія совѣщанія, сдѣланы совершенно въ духѣ матеріалистическаго взгляда на исторію. Это приложимо и къ его критическому анализу бонапартистскаго государственнаго переворота, несмотря на старика Гегеля, котораго онъ приводитъ здѣсь не для доказательства, но поясненія. Ясность его политическаго взора затуманивается только революціоннымъ нетерпѣніемъ, благодаря чему онъ временную задержку въ промышленныхъ дѣлахъ въ 1851 г. представляетъ себѣ какъ приближающійся на всѣхъ парахъ кризисъ, а въ Бонапартѣ, совершившемъ государственный переворотъ, онъ видитъ того генерала Маллэ, который, въ въ то время какъ настоящій Наполеонъ былъ въ Москвѣ, своимъ неуклюжимъ нападеніемъ врасплохъ овладѣлъ на мгновеніе кормиломъ государственнаго управленія; благодаря этому нетерпѣнію Лассаль и продолжительность бонапартистскаго интермеццо считалъ только по мѣсяцамъ.

Графиня Гацфельдтъ, которая обыкновеннаго къ письмамъ Лассаля присоединяла свой поклонъ, пишетъ на поляхъ 13-го письма: „Дорогой Марксъ, прежде всего мой сердечный привѣтъ и благодарность за то, что Вы наконецъ снова дали знать о себѣ. Найдите, пожалуйста, свободное время написать намъ снова и сообщить свое мнѣніе о позорной исторіи въ Парижѣ. Л., мнѣ кажется, ослѣпленъ своими слишкомъ стремительными желаніями, которыя онъ хочетъ видѣть непремѣнно осуществленными. Т. е. онъ вѣрно судитъ о причинахъ и дѣйствіяхъ этой катастрофы; но онъ, какъ мнѣ кажется, поддается иллюзіямъ относительно продолжительности господства этого виновника переворота. Я не могу избавиться отъ тревожной мысли, что оно можетъ продолжиться многіе годы. Л. утверждаетъ, что это невозможно. Я совсѣмъ больна отъ бѣшенства и стыда, что подобный авантюристъ можетъ имѣть въ своемъ карманѣ судьбу Европы, и для меня было бы истиннымъ успокоеніемъ услышать отъ Васъ, что Вы раздѣляете мнѣніе Лассаля, что это можетъ продолжиться лишь *короткое* время“. Исторія показала, что умная женщина была права, но согласился ли съ ней Марксъ, первымъ словомъ котораго былъ также Маллэ, это еще вопросъ. Революціонное нетерпѣніе пожирало также и его.

1852.

(Январь).

14.

Дорогой другъ!

Я получилъ твое послѣднее письмо; на этотъ разъ я оказался виноватымъ въ томъ, что не отвѣтилъ тебѣ до сихъ поръ, несмотря на свою обычную стремительность. Но это было такъ естественно! Я прожилъ послѣднія четыре недѣли среди чудовищной, изсушающей и въ то же время возбуждающей работы и проживу такимъ же образомъ еще шесть недѣль. Вопросъ о томъ, будетъ ли графиня помирать съ голоду или получитъ для поддержанія своего существованія соотвѣтственную часть изъ предполагаемаго общаго имущества, поставленъ, наконецъ, мною передъ зеленымъ судейскимъ столомъ. Черезъ 6 или 8 недѣль мы узнаемъ результатъ. Этотъ процессъ потребовалъ разработки документовъ вѣсомъ въ центнеръ и выставленія ряда чиселъ и вычисленій въ такомъ количествѣ, какое едва ли бываетъ во всѣхъ финансовыхъ рѣчахъ цѣлой парламентской сессіи. Прибавь къ этому возбужденіе, которое всегда бываетъ при игрѣ va banque, и ты поймешь, почему я не могъ отвѣтить тебѣ въ эти четыре недѣли. И тѣмъ не менѣе я бы это сдѣлалъ такъ или иначе, если бы мое письмо имѣло какой-либо *практическій* интересъ, если бы ты, напримѣръ, принялъ мое предложеніе издать твою книгу на акціяхъ. Но ты отклонилъ это, а вмѣстѣ съ этимъ крайнюю необходимость писать тебѣ немедленно.

Былъ ли ты правъ, отклонивши то предложеніе? Я возвращаюсь къ этому и прошу тебя обдумать еще разъ хорошо это дѣло. Ты думаешь, что среди буржуа не найдется въ настоящій моментъ на это охотниковъ и ils sont dans leur droit. Можетъ быть! Нельзя не сознаться, что осуществленіе моего проекта вслѣдствіе французскаго пораженія сдѣлалось гораздо труднѣе. Но изъ этого не слѣдуетъ, что оно *невозможно*. И всего менѣе, думаю я, въ твоихъ интересахъ предполагать и предрѣшать эту невозможность! И съ другой, по твоему уважительной, причиной — страхомъ себя скомпрометировать, — я также далеко не

согласенъ. Тебя нисколько не компрометируетъ, что ты не можешь при теперешнихъ обстоятельствахъ найти издателя. Тебя также мало скомпрометируетъ изданіе на паяхъ научнаго произведенія, какъ и изданіе газеты. Тебя не скомпрометируетъ, если ты позволишь своей партіи сдѣлать попытку выпустить въ свѣтъ сочиненіе, отъ котораго она ожидаетъ такъ много. Тебя не можетъ компрометировать брать за честную работу честный гонораръ. Если попытка и не удастся, то въ этомъ скандала не будетъ ни на грошъ. Но за то, мой другъ, сколько шампанскаго, если она удастся! Серьезно. *Я* бы ни на секунду не задумался надъ принятіемъ проекта, если бы это было *мое* сочиненіе. Совершенно того же мнѣнія Фрейлигратъ. Мой другъ, ты привыкъ читать другому нотаціи. Устрой хоть разъ такъ, чтобы роли перемѣнились и чтобы другой читалъ ихъ тебѣ. Я люблю и въ высшей степени уважаю живое point d'honneur въ человѣкѣ. Но никогда не слѣдуетъ превращать его въ мелко-буржуазную сантиментальность и въ щепетильную трусость буржуа, у котораго нѣтъ ничего за душой, кромѣ его «платежеспособной морали». Но иногда твоя похвальная мужская гордость дѣйствительно пріобрѣтаетъ досадную склонность выродиться въ это pointilleuse noli-me-tangere.

Итакъ, если ты хочешь, чтобы была сдѣлана эта попытка, то напиши мнѣ; пришли, какъ я просилъ тебя въ соотвѣтствующемъ письмѣ, проспектъ сочиненія и предпріятія, и si quid in me est, o judices, quod quam exiguum sit non nescio, какъ начинаетъ Цицеронъ свою рѣчь pro Archia poëta, то будетъ сдѣлана попытка и можетъ быть удачно.

Мнѣ, мой другъ, было бы очень больно отправлять тебѣ при desolatio твоихъ обстоятельствъ совершенно пустое письмо. Я посылаю тебѣ, поэтому, при письмѣ жалкіе 3 фунта стерлинговъ. Эти 3 фунта, странствуя отъ нищеты къ нищетѣ, обладаютъ поэтической цѣнностью, цѣнностью любви равной по меньшей мѣрѣ 30 фунтамъ обыкновеннаго металла. О, если бы нашелся поэтъ, который купилъ ихъ у тебя за эту цѣну!

Любезная, остроумная болтовня твоего парижскаго друга очень развлекла меня; я очень благодаренъ тебѣ за то, что ты прислалъ мнѣ выдержку изъ нея. Она подтверждаетъ, точно такъ же какъ и удивительно глубокое сужденіе Гизо, тотъ взглядъ, который я составилъ себѣ сейчасъ же о событіи и который я изложилъ въ своемъ письмѣ къ тебѣ, хотя можетъ и въ нѣсколько загадочно-неясной формѣ. Это—«полный и окончательный тріумфъ соціализма»,

какъ сказалъ Гизо; но для точности къ этому должно быть прибавлено тріумфъ an sich. Наполеонъ—это струпъ, образовавшійся на трупѣ благородной республики. Онъ существуетъ для того, чтобы уничтожить въ старомъ традиціонномъ хозяйствѣ все, что казалось еще способнымъ къ жизни. Онъ скоро сдѣлаетъ одну половину Франціи возмущенно-революціонной, другую же пассивно-революціонной, примирившеюся съ неизбѣжностью. Онъ революціонизируетъ обстоятельства, а это важнѣе воли людей и настроенія партій. Онъ является, въ первый разъ послѣ мая 1848 г., возстановленіемъ господства массъ, хотя въ самой ея грязной, несправедливой и отвратительной формѣ. Но олигархія имущихъ классовъ, благородныхъ, разъ навсегда уничтожена и самъ онъ—скрытое начало массовой революціи и революціи противъ интересовъ собственности. Онъ только въ томъ случаѣ сможетъ до нѣкоторой степени продолжить свое интермеццо при бѣшеномъ натискѣ буржуазіи, если онъ воспользуется государственной силой, какъ орудіемъ для удовлетворенія матеріальныхъ интересовъ неимущихъ классовъ на счетъ имущихъ. Эту необходимость онъ очень хорошо сознаетъ, его взглядъ неподвижно устремленъ на это, какъ на фаталистическій пунктъ его гибели. Ибо какъ мало папа былъ бы въ состояніи реформировать самую католическую церковь, такъ же мало возможно провести какую-либо реформу при существованіи понятія частной собственности, при господствующей системѣ производства. Если бы онъ былъ въ силахъ измѣнить, что вѣдь *невозможно*, имущественныя отношенія, то мы жили бы при полномъ соціализмѣ, который очень скоро сбросилъ бы его деспотическій коконъ. Поэтому я восклицаю вмѣстѣ съ тобой: les choses marchent! Только немного терпѣнія!

Ты очень обязалъ бы меня, если бы сообщилъ что-нибудь достовѣрное о дѣлѣ Amalgamated Society. Изъ нашихъ газетъ ничего толкомъ не разберешь.

Ну, будь здоровъ. Можетъ быть черезъ шесть-восемь недѣль мои дѣла исправятся. Тогда я попытаюсь и тебѣ помочь. Поклонись моимъ друзьямъ.

Твой Лассаль.

Ты долженъ сообщить мнѣ вѣрный адресъ. Я дѣйствительно воздерживаюсь писать или посылать тебѣ что-нибудь интимное по твоему адресу.

15.

Дорогой Марксъ!

Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ какъ я ежедневно хочу написать тебѣ и все никакъ не соберусь сдѣлать этого—отчасти вслѣдствіе того, что я очень занятъ, отчасти вслѣдствіе довольно сильнаго mauvaise humeur; послѣднее дѣйствуетъ заразительно, оно передается такъ же и черезъ письма, какъ холера! Такъ какъ эта болѣзнь по многимъ причинамъ стала у меня теперь хронической и я еще долгое время не могу надѣяться на излѣченіе отъ нея, и такъ какъ я не хочу заставлять тебя ждать долго отвѣта, то я и пытаюсь сегодня, остерегаясь насколько это возможно, написать тебѣ совершенно чистое отъ всякихъ заразительныхъ матерій письмо. Ты же начни читать его съ большими предосторожностями и только послѣ надлежащей дезинфекціи хлористымъ кальціемъ и уксусомъ!

Я слышалъ, что тебя недавно снова постигли различные печальные удары судьбы! Не сочти только что приведенное объясненіе моего молчанія за равнодушіе! Судьба только немногихъ людей близка мнѣ такъ, какъ твоя, и я, чувствуя безконечную симпатію ко всякой большой силѣ, уже давно смотрю со злобой и печалью, какъ въ постоянной борьбѣ съ нищетой твоя сила надламывается или по меньшей мѣрѣ подвергается опасности потерять свою свѣжесть. Именно борьба съ «самымъ обыденнымъ» дѣйствуетъ на генія тягостно и гораздо сильнѣе, чѣмъ крупные трагическіе удары, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и подымаютъ его, и пробуждаютъ къ жизни всѣ эластическія силы, дремлющія въ душѣ его!

У меня все еще нѣтъ ни одного экземпляра твоего сочиненія о Л. Бонапартѣ (озаглавленнаго 18 брюмера?), о которомъ ты писалъ, и о скоромъ появленіи котораго меня уже давно извѣстилъ Дронке; и это несмотря на то, что послѣдній обѣщалъ мнѣ прислать эту книгу; у меня нѣтъ также никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о ней. Я не думаю, чтобы ввозъ этого сочиненія встрѣтилъ затрудненія со стороны чиновниковъ, если тамъ дѣло идетъ только о Франціи. Здѣсь нельзя ничего писать о внутреннихъ дѣлахъ, но за то о Наполеонѣ можно все что угодно. «Neue Preussische Zeitung», которую я вижу постоянно, содержитъ часто прямо убійственныя статьи противъ Наполеона. Конечно, «Neue Preussische Zeitung» вполнѣ привилегированная газета. Но довольно враждебно относится къ Наполеону также, напри-

мѣръ, и «Düsseldorfer Zeitung», ставшая теперь явно правительственной газетой и получившая редакцію черезъ правительство. Entente cordiale стало очень холоднымъ. Само собой понятно, что здѣсь очень большое значеніе придается тому, съ какой стороны, по какимъ мотивамъ и въ какомъ смыслѣ производится нападеніе. Я тѣмъ не менѣе думаю, что, если распространеніе брошюры встрѣтитъ препятствіе со стороны прусскихъ чиновниковъ, это нужно будетъ приписать скорѣе тому, что она написана *тобою;* и если бы ты выпустилъ ее анонимно, то она не подверглась бы такъ легко ни конфискаціи, ни запрещенію. Разъ бы она вышла, тогда можно было бы тотчасъ назвать имя автора въ газетныхъ корреспонденціяхъ. Дронке писалъ мнѣ, что Вейдемейеръ невѣроятно затянулъ печатаніе вашихъ вещей; это непростительно. Надо же, наконецъ, хоть теперь устранить эту небрежность.

Я, какъ уже сказано выше, съ большимъ нетерпѣніемъ жду подробностей объ этомъ и хочу прочесть брошюру.

Твое сочиненіе о grands hommes Кинкель, Руге и др., которое ты написалъ, по сообщенію Дронке, вмѣстѣ съ нимъ, я думаю, встрѣтитъ здѣсь еще меньшія затрудненія со стороны полиціи. Насколько я знаю, правительство смотритъ на появленіе подобныхъ сочиненій даже не безъ удовольствія, потому что оно думаетъ, что «революція этимъ самымъ сама себя растерзаетъ». Чиновничья логика мало знаетъ и мало боится того, что партійная борьба какъ разъ даетъ партіи жизнь и силу, что лучшимъ доказательствомъ слабости какой-нибудь партіи являются ея расплывчатость и притупленіе рѣзкихъ различій, что партія крѣпнетъ отъ того, что она очищаетъ себя.

Меня не мало забавляютъ твои сообщенія объ игрѣ въ революцію эмигрантовъ, объ истинно ребяческомъ и часто весьма отвратительномъ поведеніи этихъ господъ. Но, къ счастію, націи на столько не обращаютъ на нихъ вниманія, что ихъ старанія могутъ мало повредить и могутъ скомпрометировать только ихъ лично; а это —выигрышъ.

О Германіи нечего сообщать. Возрастающіе и все болѣе давящіе налоги; ростущее раздраженіе со стороны буржуазіи и увеличивающійся страхъ дать ему открыто проявиться — voilà tout. Если дѣйствительно наступитъ прекращеніе таможеннаго союза, то это малодушіе возрастетъ до безконечности.

Что касается пролетаріата, то здѣсь, повидимому, въ широкихъ кругахъ происходитъ движеніе, которое Гегель назвалъ бы

«самоуглубленіемъ» («Einkehr in sich»). Рабочій классъ, очевидно, намѣренъ въ большомъ масштабѣ и въ широкихъ размѣрахъ, пользуясь политическимъ затишьемъ, сжиться со своимъ внутреннимъ содержаніемъ, проникнуться сознаніемъ его и такимъ образомъ укрѣпиться. Современныя политическія обстоятельства приводятъ рабочихъ гораздо меньше въ уныніе, гораздо меньше давятъ на нихъ, чѣмъ на буржуа; они меньше теряютъ отъ этого мужества, потому что они и безъ того знаютъ, что не могутъ въ самомъ ближайшемъ времени предъявить никакихъ претензій, а съ другой стороны они инстинктивно чувствуютъ, что чѣмъ дольше продолжится абсолютизмъ, настолько же сократится непосредственно классовое господство буржуазіи. Такимъ образомъ, рабочіе употребляютъ этотъ промежутокъ времени на то, чтобы съ своей стороны насколько возможно живо проникнуться своимъ классовымъ самосознаніемъ, выяснить себѣ всесторонне понятіе рабочаго класса и развить теоретически вытекающія изъ него слѣдствія.

Мнѣ не нужно говорить тебѣ, какъ отрадно это движеніе. Слѣдствіемъ его будетъ то, что ближайшая революція найдетъ въ рабочемъ классѣ гораздо болѣе сплотившійся и сознательный матеріалъ, чѣмъ тѣ разрозненные элементы, изъ которыхъ въ 1848 году пришлось импровизировать рабочую партію. Если не ошибаюсь, то настоящая нѣмецкая рабочая партія родится какъ разъ во время этой кажущейся мертвой тишины.

Кельнскіе заключенные, повидимому, и на этотъ разъ не явятся передъ ближайшимъ ассизнымъ судомъ! Имъ еще не предъявленъ обвинительный актъ, они еще не выбрали защитниковъ и, если всего этого не произойдетъ въ теченіе восьми дней, то, пожалуй, у самихъ обвиняемыхъ не явится никакого желанія, чтобы ихъ дѣло разбиралось въ этой сессіи ассизнаго суда (начинающейся 26 іюня); потому что тогда и защита не въ состояніи будетъ достаточно подготовиться къ этому столь обширному дѣлу. Нельзя также отрицать, что партія въ Кельнѣ довольно-таки бездѣятельна! И это естественно. Сами рабочіе непосредственно могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень мало, для этого имъ нужны вожди. Имѣющіеся же у нихъ вожди суть большею частью мелкіе буржуа самаго плачевнаго свойства, безъ взглядовъ, безъ энергіи, безъ самопожертвованія.

На этотъ разъ прощай и отвѣчай скорѣе

твоему Ф. Лассалю.

Дюссельдорфъ, 24 іюня 1852 г.

NB. По только что полученному извѣстію ассизный судъ начинается 26 іюля и кельнцы еще разсчитываютъ попасть къ концу сессіи.

P. S. Мой самый сердечный привѣтъ твоей женѣ; какъ ей, такъ и тебѣ мое глубочайшее соболѣзнованіе!

16.

Дюссельдорфъ, 23 сентября.

Дорогой Марксъ!

Согласно твоему желанію, спѣшу подтвердить, что получилъ твоего 18 брюмера и прочелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Затѣмъ я отправился, по твоему желанію, къ наслѣднику Шеллера. Онъ, конечно, захотѣлъ, прежде чѣмъ рѣшиться, прочесть книгу; какъ только онъ покончитъ съ этимъ, я получу окончательный отвѣтъ и сообщу тебѣ. Одинъ знакомый недавно сказалъ мнѣ, что Генрихъ Маттіасъ въ Лейпцигѣ ревностно издаетъ такія сочиненія. Послѣдняго я не знаю и у меня также нѣтъ никакого подходящаго посредника къ нему. Хочешь ли ты однако, чтобы я написалъ г. Маттіасу, если дѣло здѣсь in loco разстроится? Можетъ быть будетъ лучше, если ты обратишься къ нему непосредственно.

Въ слѣдующій разъ больше. И отъ тебя я, собственно говоря, давно жду письма, а не такихъ записокъ изъ трехъ словъ. Кланяйся твоей любезной женѣ, передай прилагаемую записочку рыжему Вольфу и скажи Фрейлиграту, чтобы онъ наконецъ опять далъ о себѣ знать.

Твой Ф. Лассаль.

NB. Дронке долженъ написать мнѣ получилъ ли онъ наконецъ книги и мое послѣднее письмо. У бѣднаго парня все— неудачи. Послѣ моего послѣдняго письма я былъ только одинъ разъ въ Кельнѣ и, къ несчастію, въ воскресенье, такъ что я никого не встрѣтилъ и тщетно старался выполнить его Porte-monnaie-Kommission. Но какъ только я снова поѣду туда, это будетъ моимъ первымъ дѣломъ.

Кстати, на счетъ подобныхъ же посылокъ, которыя ты, можетъ быть, отправляешь другимъ, я хочу тебѣ сказать, что путь, по которому ты прислалъ мнѣ 18 брюмера совсѣмъ не самый де-

шевый, какъ мнѣ писалъ недавно Дронке по поводу своихъ дѣлъ о Packet-kommission; tout au contraire — онъ чертовски дорогъ. Пересылка стоила 1 талеръ 15 зильбергрошей. Скажи Дронке, чтобы онъ принялъ это къ свѣдѣнію въ виду предстоящихъ ему посылокъ и чтобы онъ отыскалъ болѣе дешевый путь.

17.

(Осень).

Дорогой Марксъ!

Съ истинно сердечной болью я увидѣлъ по горькому тону твоего послѣдняго письма, какъ отчаянно должно быть твое положеніе. Какъ ужасно должно быть оно, если оно было въ состояніи вызвать въ тебѣ это настроеніе. Въ виду этого я охотно оставляю въ сторонѣ твое несправедливое отношеніе ко мнѣ.

И лишь въ свою защиту, а не въ укоръ тебѣ, я хочу сказать, что ты былъ несправедливъ и почему. Хотя по меньшей мѣрѣ будетъ эвфемизмомъ, если скажу, что я также не на розахъ лежу, тѣмъ не менѣе я чувствую себя вполнѣ свободнымъ и чистымъ отъ «флегмы», которую ты мнѣ приписываешь. Я не флегматиченъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о моихъ друзьяхъ, и этого не случится со мной еще многіе годы. Но книгопродавецъ вскорѣ послѣ полученія брошюры уѣхалъ и возвратился лишь вчера вечеромъ. Это было причиной моего молчанія. Сегодня я былъ у него (за послѣдніе дни я къ нему заходилъ ежедневно и напрасно). Онъ отказывается, потому что еще не получилъ концессіи и опасается съ изданіемъ какого-нибудь твоего сочиненія съ самаго начала оказаться на дурномъ счету и не получить концессіи. Этотъ оселъ могъ бы сказать себѣ это сразу, если онъ вообще хотѣлъ это себѣ сказать.

Письмо въ Лейпцигъ я отослалъ немедленно. Но брошюры я не приложилъ, такъ какъ ты не поручилъ мнѣ это сдѣлать. Но если ты хочешь, то напиши скорѣе, чтобъ я могъ ее послать. И это все, мой бѣдный, что я въ настоящій моментъ могу сдѣлать. Было бы смѣшно вмѣсто того, чтобы помочь утѣшать и ободрять такого человѣка какъ ты, съ такой силой воли и съ такой испытанностью въ страданіяхъ.

Молча жду я ближайшей волны, которая снова меня нѣсколько подыметъ, чтобы я могъ тогда оказать и тебѣ хоть ничтожную

помощь. Океанъ нищеты, который мы переплываемъ, имѣетъ свои берега!

Твой Ф. Лассаль.

18.

Дюссельдорфъ, 25 декабря 1852 г.

Дорогой Марксъ!

Наконецъ-то снова нѣсколько строкъ отъ тебя: поистинѣ рождественскій подарокъ! Я такъ долго ничего не слыхалъ о тебѣ, что я прямо-таки началъ удивляться этому. Точно также ни Фрейлигратъ, ни Дронке, ни кто-либо другой изъ васъ въ Лондонѣ не давалъ о себѣ знать. Почему это?

Что касается Гервега, то я имѣю теперь уже два письма Мейена, касающіяся его, въ которыхъ меня просятъ обратиться къ графинѣ, чтобы она сдѣлала что-нибудь для него. Само собой понятно, что я или графиня очень охотно сдѣлаемъ для облегченія его положенія все, что только возможно при нашихъ слабыхъ силахъ. Но если Мейенъ и Гервегъ, какъ это кажется, думаютъ, что графиня *одна* въ состояніи сдѣлать что-нибудь стоящаго вниманія для Гервега, то они, къ сожалѣнію, сильно ошибаются. Такъ, чтобы достать сумму, которая бы хоть заслуживала труда, я долженъ обратиться къ знакомымъ, тѣмъ болѣе, что кельнское несчастіе потребовало отъ насъ снова большихъ жертвъ. Къ сожалѣнію, благодаря тому же обстоятельству я, конечно, ничего не получу съ дюссельдорфцевъ, которыхъ я снова за послѣднее время ради этого и многаго другого дѣйствительно чуть ли не совсѣмъ обобралъ; я долженъ, такимъ образомъ, обратиться въ другое мѣсто. Я думаю, что въ теченіе 14-ти дней смогу послать Гервегу денежную посылку, которая будетъ заключать въ себѣ плоды всѣхъ моихъ стараній. Такъ какъ Мейенъ писалъ мнѣ дважды по этому дѣлу, то долгъ вѣжливости требуетъ, чтобы я ему отвѣтилъ, тѣмъ болѣе, что мы почти совершенно не знаемъ другъ друга. Прошу тебя, поэтому, доставить ему *въ точности* прилагаемое письмецо, которое я посылаю вмѣстѣ съ этимъ ради сбереженія денегъ по пересылкѣ.

Относительно Дронке я уже давно переговорилъ какъ слѣдуетъ съ фабрикантомъ кошельковъ и съ его сыновьями въ Кельнѣ, и мнѣ было обѣщано, что на дняхъ Дронке получитъ партію кошельковъ на комиссію и трехнедѣльный кредитъ. Сдержалъ ли этотъ

человѣкъ свое слово? Пусть Дронке напишетъ мнѣ объ этомъ. Я не писалъ тогда потому, что это было какъ разъ время начала кельнскаго процесса и всѣ наши письма въ Лондонъ безжалостно распечатывались.

Напиши мнѣ, пожалуйста, въ ближайшемъ будущемъ и сообщи, какъ поживаешь ты и другіе. Возникаетъ опасеніе за друзей, когда такъ долго ничего о нихъ не слышишь, въ особенности, когда они находятся въ столь неопредѣленномъ положеніи.

Во Франціи экономическія послѣдствія теперешняго режима, повидимому, начинаютъ проявляться. Caisse de report (Soc. génér, mobiliere) есть перевернутый вверхъ дномъ ящикъ Пандоры, изъ котораго прежде всего улетѣла наша надежда. Но остальныя находящіяся тамъ бѣды также не замедлятъ появиться на свѣтъ Божій во всей своей красѣ!

Поклонись твоей женѣ и всѣмъ моимъ друзьямъ. Говорятъ, что Бюргерсъ переведенъ въ Козель (Cosel). Объ остальныхъ я еще не могъ узнать достовѣрно. Беккеръ въ Штетинѣ, о чемъ ты узнаешь.

Твой Ф. Лассаль.

NB. Какъ обстоитъ дѣло съ книгопродавцемъ въ Лейпцигѣ?

ПРИМѢЧАНІЯ.

Письмо 14-е безъ даты Энгельсъ относитъ къ декабрю 51 года или январю 52 г.; по моему мнѣнію, мѣсяцъ можно установить, благодаря упоминанію въ концѣ письма объ Amalgamated Society; массовый разсчетъ организованныхъ машиностроительныхъ рабочихъ произошелъ только въ январѣ 52 года. За это время одно письмо Лассалля, должно быть, затерялось; въ немъ онъ предлагалъ Марксу издать его научный трудъ на акціяхъ. Дѣло это отдаетъ нѣсколько авантюрой и Марксъ имѣлъ всѣ основанія не согласиться на него; но его всетаки одобрилъ такой человѣкъ, какъ Фрейлигратъ; нужда больше всего побуждала къ этому. Тогда нелегко было найти сколько-нибудь приличную нѣмецкую книжную торговлю, къ которой бы не обращались понапрасну Марксъ или его друзья; Вигандъ, Гоффманъ и Кампе, Брокгаузъ, Литературное издательство во Франкфуртѣ на Майнѣ отказались окончательно. Чего еще не сдѣлалъ висящій въ воздухѣ процессъ коммунистовъ, то сдѣлалъ бонапартистскій государственный переворотъ.

Лассаль возвращается къ нему еще разъ въ 14-мъ письмѣ. Парижскимъ другомъ, сообщенія котораго Марксъ приводитъ Лассалю, былъ Ричардъ Рейнгардтъ, бывшій также другомъ Генриха Гейне; его письма къ Марксу о государственномъ переворотѣ привлекательны и заслуживаютъ того, чтобы быть напечатанными. Самъ Марксъ написалъ тогда свое 18 брюмера подъ вліяніемъ почти случайнаго толчка. Іосифъ Вейдемейеръ, бывшій прусскій артиллерійскій офицеръ, редактировавшій подъ руководствомъ своего зятя Люнинга до 1848 года „Westfäliche Dampfboot", а затѣмъ „Neue Deutsche Zeitung" во Франкфуртѣ, прогрессировалъ отъ „истиннаго" соціализма къ коммунистическому манифесту и Марксъ пріобрѣлъ въ немъ вѣрнаго приверженца. Насколько это было возможно, Вейдемейеръ пытался оставаться въ Германіи и былъ еще очень полезенъ при продажѣ „Neue Rheinische Revue"; но потомъ полиція выгнала его въ Швейцарію, а такъ какъ жизнь и тамъ становилась уже опасной для нѣмецкихъ эмигрантовъ, то Вейдемейеръ осенью 51 года отправился въ Америку. Здѣсь онъ при очень трудныхъ условіяхъ пытался устроить небольшую организацію коммунистической пропаганды. То было время, когда въ странѣ янки пребывали Кошутъ съ большой, а Кинкель съ маленькой сумой для сборовъ на новую революцію, когда агитаціонный ферейнъ Руге и эмиграціонный ферейнъ Кинкеля вели въ нѣмецко-американской прессѣ свою войну мышей и лягушекъ, когда Виллихъ и Вейтлингъ вели въ Соединенныхъ Штатахъ среди нѣмецкихъ рабочихъ весьма проблематичную агитацію. Порицаніе, высказываемое Лассалемъ въ 15 письмѣ по поводу небрежности Вейдемейра, незаслуженно. Изъ писемъ Вейдемейера къ Марксу, проливающихъ весьма благопріятный свѣтъ какъ на интеллигентность ихъ автора, такъ и на его характеръ, можно видѣть какія необычайныя трудности стояли ему на пути; и это его заслуга, что мы имѣемъ теперь великолѣпныя поэтическія письма Фрейлиграта и 18 брюмера Маркса. На этомъ мастерскомъ произведеніи не видно слѣдовъ тѣхъ условій, при которыхъ оно было написано: отъ одного срочнаго парохода до другого, подъ давленіемъ Вейдемейера, который сначала хотѣлъ помѣстить его въ еженедѣльникѣ, но потомъ долженъ былъ выпустить его въ видѣ второй книжки ежемѣсячнаго журнала. Оно даетъ, впрочемъ, совсѣмъ иную картину бонапартистскаго государственнаго переворота, чѣмъ бѣглые эскизы Лассалля въ 13 и 14 письмахъ, но основная точка зрѣнія та же самая, въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ и оборотахъ рѣчи—почти дословная.

Марксъ хотѣлъ распространить въ Германіи нѣсколько сотъ оттисковъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе Вейдемейеромъ. При этомъ ему хотѣлось, чтобъ нѣмецкіе рабочіе узнали о тщеславныхъ и обнаруживающихъ слабыя стороны нѣмецкой эмиграціи дѣйствіяхъ Руге и Кинкеля. Въ 15-мъ письмѣ Лассаль не достаточно оцѣниваетъ тѣ трудности, которыя препятствовали появленію въ Германіи обоихъ сочиненій, хотя онъ въ то же время былъ правъ въ томъ, что глупости Руге и Кинкеля не опасны для нѣмецкихъ рабочихъ. То, что Лассаль—снова ссылаясь на старика Гегеля—говоритъ по этому поводу о самоуглубленіи нѣмецкаго пролетаріата, является замѣчательнымъ доказательствомъ вѣрности мысли Альберта Ланге, что въ исторіи радикальные идеалисты играютъ большую роль, чѣмъ практики, которые, повидимому, пріобрѣтаютъ имя большею частью тѣмъ, что *не* дѣйствуютъ,

но только замедляютъ дѣло и затушевываютъ. Поведеніе рабочаго класса въ пятидесятыхъ годахъ было похоже на все, что угодно, только не на то, чтобы среди этой кажущейся мертвой тишины рождалась нѣмецкая партія; и тѣмъ не менѣе, когда Лассаль, непоколебимо вѣря въ свой діагнозъ, взялъ на себя обязанности акушера, онъ содѣйствовалъ появленію на свѣтъ гиганта-ребенка.

Какъ показываетъ 16-е письмо, Лассаль вскорѣ самъ убѣдился, какъ трудно было распространить 18-е брюмера черезъ нѣмецкихъ книгопродавцевъ. 17-е письмо безъ даты Энгельсъ не помѣстилъ въ ряду писемъ, но присоединилъ его въ концѣ съ помѣткой на поляхъ: „1852? Брошюра о Руге—Кинкелѣ?“ Годъ, какъ мнѣ кажется, вѣренъ: какъ разъ въ это время, когда Марксъ переживалъ самую суровую нужду и у него умеръ второй, родившійся въ изгнаніи ребенокъ, у него могъ вырваться крикъ жалобы; кромѣ того по содержанію письмо 17-е, видимо, имѣетъ отношеніе къ 16-му, въ то время какъ приписка къ 18-му письму снова указываетъ на 17-е письмо. Но я не могъ согласиться съ тѣмъ предположеніемъ, что въ этихъ письмахъ дѣло идетъ о брошюрѣ противъ Руге и Кинкеля. Именно то, какимъ образомъ Лассаль говоритъ въ связи съ полученіемъ 18 брюмера объ одной книгѣ или брошюрѣ, исключаетъ, по моему мнѣнію, возможность, чтобы онъ искалъ издателя для новой рукописи; тогда онъ опредѣленнѣе высказался бы и объ обратной отсылкѣ или дальнѣйшей пересылкѣ ея. Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о 18-мъ брюмера.

Въ то же самое время венгерскому эмигранту Баніа удалось одну рукопись Маркса передать будто-бы берлинскому издателю, а на дѣлѣ въ руки прусской полиціи. Марксъ былъ обманутъ тѣсными отношеніями, въ какихъ находился Баніа съ выдающимися членами венгерской эмиграціи. Онъ пишетъ объ этомъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ Фогта. „Подозрѣніе, внушенное мнѣ его (Баніа) шашнями со всевозможными партіями, орлеанистами, бонапартистами и т. д. и его знакомствомъ съ полицейскими разныхъ „національностей“, онъ уничтожилъ просто показавши написанный собственноручно Кошутомъ документъ, въ которомъ онъ, бывшій раньше временнымъ шефомъ полиціи въ Коморнѣ подъ начальствомъ Клапка, назначался шефомъ полиціи in partibus. Тайный шефъ полиціи на службѣ у революціи долженъ былъ естественно держать для себя „открытыми“ ходы къ полиціи, находящейся на службѣ у правительствъ. Лѣтомъ 52 г. я узналъ, что онъ присвоилъ себѣ рукопись, довѣренную ему для передачи одному книгоиздателю въ Берлинѣ, и сыгралъ въ руку нѣмецкому правительству. Затѣмъ я написалъ объ этомъ происшествіи и о другихъ, уже давно бросавшихся мнѣ въ глаза, странностяхъ этого человѣка одному венгерцу въ Парижѣ и черезъ посредство третьяго вполнѣ освѣдомленнаго лица мистеріи Баніа вполнѣ раскрылись. Послѣ этого я послалъ въ началѣ 53 г. оффиціальное заявленіе за своей подписью въ нью-іоркскую судебную газету“. Марксъ не приводитъ при этомъ содержанія рукописи; я его также не могъ открыть. Судя по всему, здѣсь можетъ быть рѣчь только о брошюрѣ противъ Руге и Кинкеля или о первоначальномъ очеркѣ „Капитала“.

Я не знаю также имени венгерца въ Парижѣ, хотя передо мною и лежитъ одно письмо Маркса къ нему и нѣсколько писемъ отъ него къ

Марксу по поводу дѣла Баніа. Такъ какъ черные кабинеты принадлежатъ къ самымъ святымъ опорамъ королевскихъ Божіею милостью престоловъ, то они въ то время были въ полномъ расцвѣтѣ и борцы-революціонеры должны были пользоваться, въ случаѣ отсутствіи надежныхъ адресовъ, псевдонимными подписями, которыя теперь можно разгадать только сравненіемъ почерковъ или тому подобными пріемами. Марксъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно подписывался Ч. Вилльямсомъ; та же подпись имѣется на находящемся у меня письмѣ къ венгерцу въ Парижъ; между тѣмъ какъ послѣдній пользовался арабеской, пока еще мною неразгаданной. Въ письмѣ отъ 28 декабря 52 года Марксъ пишетъ: „Я вполнѣ согласенъ съ Sc(emere) и съ Вами, что это (т. е. немедленное опубликованіе похищенной рукописи) должно дѣйствительно произойти; трудность заключается только въ его выполненіи. Въ настоящее время у одного швейцарскаго книгоиздательства появилась моя брошюра: Разоблаченія по поводу Кельнскаго процесса коммунистовъ. То же книгоиздательство издаетъ для Германіи 18-е брюмера. Нѣтъ никакой надежды, чтобы оно же взялось за третье предпріятіе. Въ Германіи теперь ни одно книгоиздательство не рѣшается печатать что-нибудь написанное мною. Такимъ образомъ остается только издать на свой счетъ, что для меня при моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ является невозможнымъ. И тѣмъ не менѣе это необходимо. Я подумаю, какъ это сдѣлать“. Прошло только нѣсколько недѣль—а для Маркса закрылось уже и швейцарское книгоиздательство, и онъ стоялъ безоружнымъ передъ цѣлымъ міромъ враговъ.

Упоминаемый въ 18-мъ письмѣ Мейенъ былъ гегеліанцемъ, сотрудникомъ „Hallischen Jahrbücher“. Въ 48-мъ году онъ вмѣстѣ съ Фребелемъ и Криге принадлежалъ къ демократическому центральному комитету, избранному на демократическомъ конгрессѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, и не мало силъ потратилъ на революціонное движеніе. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Мейенъ издавалъ въ Берлинѣ „Demokratische Zeitung“ и обѣщалъ развернуть знамя демократіи на „скамьѣ подсудимыхъ“; но затѣмъ, когда появилось первое обвиненіе противъ него, онъ предпочелъ отправиться въ Англію. Въ Лондонѣ Мейенъ держался за Кинкеля; впослѣдствіи о немъ еще придется говорить.

Характерно замѣчаніе въ концѣ этого письма о Crédit mobilier. Бонапартистское мошенничество воздвигалось на слишкомъ широкомъ экономическомъ основаніи, чтобы можно было расчитывать на его быстрый крахъ; тѣмъ вѣрнѣе наступилъ его тяжелый конецъ.

1853.

19.

Дорогой Марксъ!

Цѣлую вѣчность я ничего не слыхалъ о тебѣ, и не понимаю почему такъ долго не было отъ тебя никакого извѣстія. Мои симпатіи къ тебѣ — все прежнія и не моя вина, если я могу доказывать тебѣ это менѣе сильно, чѣмъ раньше! Въ настоящее время я долженъ побезпокоить тебя просьбой объ одной услугѣ, быстрое выполненіе которой для меня въ высшей степени важно. Графинѣ, для ея процессовъ противъ графа, нужно навести въ Лондонѣ въ высшей степени важную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень трудную справку. По этому дѣлу она хочетъ обратиться къ одному англичанину, находившемуся прежде въ дружескихъ отношеніяхъ съ нею, именно: къ Right Honourable сэру (sic) Сиднею Герберту; въ настоящее время онъ помощникъ статсъ-секретаря въ морскомъ вѣдомствѣ или что-то въ этомъ родѣ, если я не совсѣмъ ошибаюсь. Но графинѣ не извѣстенъ ни его адресъ, ни тамошній титулъ его. И въ этомъ-то и состоитъ моя просьба къ тебѣ; наведи о томъ и другомъ справку и сообщи мнѣ. Такъ какъ этотъ человѣкъ — министръ, то тебѣ не будетъ очень трудно узнать объ этомъ.

Но дѣло *очень* спѣшное, и я долженъ просить тебя доставить мнѣ желанныя свѣдѣнія самое позднее въ теченіе *четырехъ* дней послѣ полученія этого письма, или же, если тебѣ трудно ихъ достать, тотчасъ сообщить мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ немедленно запросить кого-нибудь другого.

Правда ли, что сочиненіе о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ — я его еще не могъ достать — написано тобой? Не можешь ли ты доставить мнѣ какимъ-нибудь способомъ одинъ экземпляръ безъ *слишкомъ* большихъ расходовъ? Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе конфискаціи очень трудно будетъ достать его въ Кельнѣ.

О Фрейлигратѣ я также безконечно долго ничего не слыхалъ. Какъ онъ поживаетъ? И какъ твоя жена?

Если ты сообщишь мнѣ желательныя свѣдѣнія, то постарайся

написать возможно болѣе удобочитаемо, чтобы мы не ошиблись въ адресѣ.

Здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, о чемъ бы я могъ тебѣ написать. Собачья жизнь, voilà tout! А это вѣдь нѣчто старое.

Какъ, однако, обстоитъ дѣло съ твоимъ политико-экономическимъ произведеніемъ? Былъ ли ты правъ, отклонивши тогда мое предложеніе издать его на деньги, собранныя по подпискѣ? Что дѣлаетъ Дронке? Скажи ему, пожалуйста, что мой книгопродавецъ начинаетъ дѣлаться настойчивымъ, и я разсчитываю на него.

Что дѣлаетъ Вольфъ-Lupus? Отъ другого я недавно получилъ письмецо.

Съ сердечнымъ привѣтомъ.

Твой Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 16 апрѣля 1853 г.

20.

(13 іюля).

Г-жѣ Марксъ.

Очень спѣшное.

Милѣйшій другъ!

Пользуюсь своимъ присутствіемъ по дѣламъ въ Нимвегенѣ, чтобы отвѣтить вамъ (каждую минуту можетъ придти почтовая карета!) на ваше недавнее обращеніе, не боясь прусскаго вскрыванія писемъ. Вы знаете, что я ни въ чемъ не могу отказать вамъ. Я, поэтому, тотчасъ приступилъ къ работѣ: собралъ справки и заключилъ временныя условія. Voici предварительные результаты для вашего собственнаго сужденія о нихъ.

На основаніи самаго *компетентнаго* сообщенія (отъ самого таможеннаго чиновника) тюки съ книгами и ящики, прибывающіе изъ Лондона *въ Кельнъ* къ тамошнимъ экспедиторамъ и на имя *благонадежныхъ* книжныхъ магазиновъ, или *совсѣмъ не* осматриваются, или очень невнимательно — только сверху. Сообразно съ этимъ и подтверждая это одинъ опытный книгопродавецъ рекомендовалъ мнѣ слѣдующее: ящикъ долженъ быть посланъ изъ Лондона прямо въ Кельнъ и адресованъ такъ:

Кельнскому издательскому ферейну.

(Ц. Ф. Эйзену).

Franco. Въ Кельнъ.

Кельнскій издательскій ферейнъ получаетъ массу тюковъ и ящиковъ съ книгами изъ Лондона, онъ *въ высшей степени* благонадеженъ и фигурируетъ очень часто въ качествѣ экспедитора для Лейпцига и т. д.

«Ц. Ф. Эйзенъ» (*не* сомнительный Эйзенъ на улицѣ Фридрихъ-Вильгельмъ) означаетъ, что ящикъ долженъ быть переданъ ему для дальнѣйшей пересылки, а онъ поступаетъ согласно увѣдомленію. Этотъ Эйзенъ ничего не знаетъ, но во всякомъ случаѣ приметъ ящикъ, потому что онъ присланъ franco, что поэтому является необходимымъ. Другой кельнскій книгопродавецъ— согласно извѣщенію, которое я ему пришлю откуда-нибудь, что будетъ *обусловлено*, — потребуетъ выдать ему ящикъ у Ц. Ф. Эйзена, а я затѣмъ получу ящикъ отъ него; такъ что ни Эйзенъ, ни кто-либо иной не узнаетъ что въ немъ было. Но *главное* заключается въ слѣдующемъ: вы должны будете накупить отъ 200 до 300 не имѣющихъ значенія брошюръ, какъ *макулатуру*, (ихъ продаютъ на вѣсъ), и присоединить ихъ къ нашимъ 400 экземплярамъ; причемъ, если все будетъ упаковано въ одномъ ящикѣ, то 200 невинныхъ макулатурныхъ брошюръ должны быть положены сверху, если же въ видѣ тюка, то вы должны будете обернуть ими corpus delicti со всѣхъ сторонъ, а послѣдній запаковать въ середину ихъ, потому что ящики распаковываются сверху, а тюки то съ той, то съ другой стороны. Цѣль такой покупки и т. д., понятно, та, чтобы, въ случаѣ вскрытія ящика или тюка, невинное заглавіе верхнихъ брошюръ ввело въ заблужденіе. Поэтому надо, чтобы макулатурныя брошюры лежали довольно толстымъ слоемъ (въ нѣсколько рядовъ) и имѣли бы видъ *новыхъ* книгъ. *Главное* заключается (кельнеръ говоритъ, что почта отходитъ) въ упаковкѣ, и я прошу васъ, поэтому, *лично* приложить къ этому *всѣ* старанія.

Что касается моего мнѣнія о посылкѣ такимъ способомъ, то я думаю, что отношеніе возможности обнаруженія ея къ необнаруженію таково, какъ 1 : 10, но это при условіи, если все здѣсь рекомендуемое будетъ *въ точности* выполнено.

Если этотъ путь покажется вамъ, вопреки моимъ ожиданіямъ, недостаточно надежнымъ, то я сдѣлаю попытку условиться съ капитанами пароходовъ и т. д., для чего уже сдѣланы нѣкоторыя приготовленія.

Теперь, въ моихъ *личныхъ* интересахъ, прошу васъ быть въ высшей степени осторожными, особенно же въ письмахъ по поводу

этого дѣла. Если наша полиція какъ-нибудь пронюхаетъ, то она *не* конфискуетъ вещей, но дастъ имъ возможность спокойно попасть въ мои руки, и тогда устроитъ мнѣ за распространеніе ихъ уголовный процессъ. Я, такъ сказать, *послѣдній изъ могиканъ* на Рейнѣ. Всякій организмъ старается выбросить то, что для него является аномальнымъ, и матеріала для смѣха хватило бы на шесть зимнихъ вечеровъ, если бы я вздумалъ разсказывать вамъ все, что въ этомъ отношеніи предпринимала полиція противъ меня. До сихъ поръ мнѣ все еще удавалось высмѣивать ее. Но это было бы для нея, au cas que, оружіемъ, которое нельзя было бы выбить у нея изъ рукъ, и которое наконецъ погубило бы послѣдняго изъ могиканъ. Итакъ, ради меня лично, будьте осторожны втройнѣ! Поэтому я прошу васъ въ ближайшемъ письмѣ, которое я очень скоро жду отъ васъ, сообщить *новый*, чистый и до сихъ поръ еще *ни разу* неиспользованный адресъ. Пишите мнѣ по слѣдующему адресу (снаружи) «Dr. med. Kaufmann, Düsseldorf, Volkerstrasse, Rothschildsches Haus», внутри мнѣ. Какую *цѣну* вы назначаете за брошюру?

Извѣстите, пожалуйста, *возможно скорѣе* Ферд. Вольфа, что дюссельдорфскій книгопродавецъ не желаетъ, и я могу ему только посовѣтовать обратиться къ Юліусу Бедекеру въ Изерлонъ (или къ Дюмону въ Кельнъ).

21.

Г-жѣ Марксъ.

Милый другъ!

Только что получилъ отъ васъ письмо черезъ Фрейлиграта, съ датой 13 іюня; въ немъ вы говорите, что надѣетесь, что я получилъ «ваше послѣднее письмо» черезъ Ѳ. А. Вертера (очевидно Вейтера) и что *теперь* я *au courant* дѣла, о которомъ спрашивалъ.

Это заставляетъ предполагать, что вы написали мнѣ *второе* письмо по этому дѣлу. Но я получилъ отъ васъ только *одно*, датированное 1-мъ іюнемъ. Если вы до 13-го іюня мнѣ писали второй разъ, что мнѣ кажется явствуетъ изъ вашихъ словъ,—то это письмо *пропало*. Вы понимаете, что для всего дальнѣйшаго и главнымъ образомъ для даннаго предпріятія важно знать, какъ великъ можетъ быть вредъ, причиненный пропажей этого письма. Итакъ я прошу васъ, какъ можно скорѣе, сообщить мнѣ:

1. Правда ли, что вы, какъ я долженъ заключить, послѣ письма отъ 1-го іюня, въ которомъ вы впервые сообщали объ этомъ дѣлѣ и просили моего посредничества, что вы затѣмъ написали мнѣ второе письмо съ болѣе подробными предложеніями по этому поводу.

2. Что въ немъ было и настолько точно, насколько вы можете это вспомнить.

Надѣюсь что вы получили мое письмо отъ 13 іюня, изъ Нимвегена, въ которомъ я отвѣчалъ на ваше письмо отъ 1-го іюня.—Воспользуйтесь, пожалуйста, даннымъ тамъ адресомъ—(я также жду отъ васъ новаго адреса)—для сообщенія мнѣ вашего мнѣнія относительно находящагося въ моемъ письмѣ проекта.

Предложеніемъ Энгельса слѣдуетъ во всякомъ случаѣ воспользоваться. Изъ (Бармена) вещи доставляются сюда легко. Мнѣ нужно только знать, *знаетъ* ли о дѣлѣ тамошній купецъ или имъ пользуются *безъ его вѣдома*.

Въ первомъ случаѣ было бы можетъ быть надежнѣе и проще, если я ему прямо передамъ здѣшніе адреса вмѣсто того, чтобы сообщить ихъ сначала вамъ въ Лондонъ, т. е., если поручу знакомымъ мнѣ лицамъ самимъ взять у него вещи. Но тогда, конечно, онъ долженъ быть извѣщенъ о выдачѣ ихъ мнѣ по востребованію. Прошу также назначить цѣну.

Очень спѣшу.

Ф. Л.

19 іюня 1853 г.

22.

Г-жѣ Марксъ.

Милый другъ!

Настоящимъ письмомъ отвѣчаю на полученное мною отъ васъ черезъ Миссъ Бетти, а также и на письмо, пришедшее по голландскому адресу. Не думайте только, пожалуйста, о трудѣ, расходахъ по пересылкѣ, писаніи и т. д. О такихъ мелочахъ не стоитъ говорить.—Способъ, предложенный Энгельсомъ, во всякомъ случаѣ лучше моего. Но только первымъ способомъ можно осуществить лишь четверть всего дѣла, а послѣднимъ межно доставить всѣ 400 экземпляровъ.—Все-таки безспорно лучше сначала переправить 100 экземпляровъ по способу Энгельса, а потомъ, смотря по тому какъ запасъ ихъ станетъ истощаться, доставить остальные 300 экзем-

пляровъ предложеннымъ мною путемъ или инымъ, какой за это время найдется.

Соотвѣтственно этому я жду прежде всего 100 экземпляровъ изъ Бармена, и именно по слѣдующему адресу: посылка должна быть въ оберткѣ со слѣдующемъ адресомъ: „*Herrn Dr. Kaufmann*“, а *сверхъ этой* обертки еще *наружная* обертка съ такимъ адресомъ: «an Herrn Kaufmann Hermann Rothschild, Düsseldorf, Volkerstrasse». (Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы также и внутренняя обертка, съ адресомъ Dr. Kaufmann'a, была изъ плотной бумаги и хорошо запечатана сургучомъ или облатками, чтобы ничего незнающій Ротшильдъ, получивши посылку и разорвавъ верхнюю обертку, *нечаянно* не разорвалъ при этомъ второй обертки съ адресомъ Dr. Kaufmann'a и, такимъ образомъ, не узналъ бы о содержаніи посылки; это испортило бы дѣло, такъ какъ онъ реакціоперъ pur sang, но поэтому-то онъ и является наиболѣе надежнымъ путемъ).

Такъ какъ упаковкой завѣдуетъ Энгельсъ, то ничто не помѣшаетъ сдѣлать двойную обертку съ двумя адресами. Если по какой-либо причинѣ—часто бываетъ, что выступаютъ такія обстоятельства, которыхъ нельзя было себѣ представить—окажется, что такая двойная упаковка посылки невозможна, то въ крайнемъ случаѣ будетъ достаточно, если посылка съ одной оберткой будетъ адресована слѣдующимъ оброзомъ:

A Herrn Kaufmann Hermann Rotschild zur Abgabe an Dr. B. Kaufmann Düsseldorf, Volkerstrasse.

Но это было бы *далеко не такъ хорошо*, какъ первый способъ, по которому на внѣшней оберткѣ будетъ находится *лишь* адресъ Ротшильда и только на внутренней, тоже запечатанной,—сильно бросающійся въ глаза адресъ Dr. Kaufmann'a! Когда приблизительно прибудетъ сюда посылка? Прежде чѣмъ изсякнетъ ея содержимое мы во всякомъ случаѣ окончательно условимся относительно остальныхъ 300 экземпляровъ.

Разоблаченія Гирша я читалъ и долженъ былъ отъ души смѣяться, когда я между прочимъ узналъ, что я корреспондирую съ Марксомъ по адресу Тринкауса. Тринкаусъ какъ разъ *самый реакціонный коммунальный совѣтникъ*, какого только можно найти въ Дюссельдорфѣ.

Хотя я жду въ ближайшемъ времени письма отъ Маркса, но надѣюсь, что это не прекратитъ вашихъ писемъ ко мнѣ.

Ближайшее письмо, которое будетъ отвѣтомъ на мое на-

стоящее, отправьте опять по адресу А. В., а *слѣдующее* за нимъ по *сообщенному* въ моемъ голландскомъ письмѣ *адресу*, и такимъ образомъ *постоянно* мѣняйте *оба адреса*, но не перепутывайте, т. е. не посылайте двухъ писемъ одно за другимъ по одному и тому же адресу.—Прошу васъ также—хотя это побудитъ васъ сильно упрекать меня въ педантизмѣ—хорошо датировать свои письма и затѣмъ упоминать въ каждомъ слѣдующемъ письмѣ число, когда было написано послѣднее предшествующее письмо ко мнѣ. Это обезпечиваетъ очень надежный контроль надъ правильнымъ полученіемъ писемъ и очень ослабляетъ бѣду, если какое-нибудь изъ нихъ перехватывается. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ недѣль одинъ мой пріятель, Каумфманнъ, вѣроятно отправится въ Лондонъ. Въ такомъ случаѣ вамъ придется только передать ему остальные 300 экземпляровъ и онъ ужъ займется доставкой ихъ сюда. Прощайте, и—такъ какъ торжественная формула прощанія съ мужчинами гласитъ: поклонъ и рукопожатіе, то при прощаніи съ дамами, конечно, надо говорить: поклонъ и поцѣлуй!

Вашъ Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ. Воскресенье 26 іюня 1853.

NB. Рекомендую еще разъ въ общемъ довольно *плотную* упаковку, чтобы случай здѣсь не игралъ никакой роли и чтобы не произошло глупостей, благодаря случайному разрыву обертки и обнаруженію содержимаго.

Совершенно излишней предосторожностью является прибавленіе—это само собой слѣдуетъ изъ вышесказаннаго — что мое имя *не должно фигурировать* во всей посылкѣ ни въ видѣ внутренняго, ни даже самого внутренняго адреса. Я получу его отъ Dr. Kaufmann'а безъ всякаго такого адреса.

23.

Г-жѣ Марксъ.

Милая госпожа Марксъ!

Болѣе чѣмъ четыре недѣли тому назадъ—я уже не знаю какъ давно это было — я сообщилъ вамъ, въ письмѣ по адресу Пф..., *окончательный адресъ*, по которому вы должны были послать мнѣ *посылку*.

Такъ какъ вы ничего не отвѣтили мнѣ на это, то по прошествіи четырнадцати дней я написалъ вамъ еще разъ и по ста-

рому адресу... И на это я не имѣю никакого отвѣта; я долженъ при этомъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ комбинацій, опасаться, что вы не получили ни того, ни другого письма.—Я пишу, поэтому, теперь въ третій разъ и прошу васъ во всякомъ случаѣ отвѣтить мнѣ *какъ можно скорѣе* и выяснить все.

Вашъ Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 3 августа 1853 г.

24.

Г-жѣ Марксъ.

Милая госпожа Марксъ!

Ваше послѣднее письмо я получилъ и жду слѣдующаго. Какъ разъ на другой день послѣ полученія вашего письма у меня былъ обыскъ, при которомъ однако не могли найти вашего письма, такъ какъ оно было уничтожено, да и вообще ничего не нашли, что само собой понятно.

Настоящее письмо пишу съ цѣлью попросить васъ сообщить мнѣ номера газетъ, гдѣ находятся статьи Маркса о стачкахъ, восточномъ вопросѣ, Гладстонскомъ бюджетѣ, Индійскомъ биллѣ и т. д. Я выпишу ихъ тогда прямо изъ Нью-Іорка для прочтенія, хоть я и плохо знаю англійскій языкъ.

Впрочемъ я въ самомъ дѣлѣ почти что сердитъ на вашего мужа за его столь продолжительное молчаніе. — Какъ обрадовало меня ваше сообщеніе объ улучшеніи вашего положенія, мнѣ нѣтъ нужды говорить. До глубины души!

Сердечно кланяется

Вашъ Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 28 августа 1853 г.

NB. По недосмотру письмо пролежало нѣсколько дней. 3 сенсентября.

25.

Дорогой Марксъ!

Надѣюсь, что ты найдешь случай прислать мнѣ черезъ подателя еще разъ письмецо. Послѣднія извѣстія отъ твоей жены были для меня очень утѣшительными. Они подтвердили то, что твои дѣла наконецъ стали болѣе сносными и что нищета повседневной

жизни тебя меньше давитъ. Я былъ бы очень радъ услышать отъ тебя, что это еще продолжается.

Если у тебя существуютъ еще какія-нибудь планы относительно той брошюры, которую я долженъ былъ получить, судя по письму твоей жены, via Энгельсъ-Барменъ, но которой я до сихъ поръ не получилъ, то можетъ быть податель этого письма, лицо вполнѣ надежное, можетъ посодѣйствовать ея доставкѣ. Тебѣ тогда остается только дать ему необходимыя указанія. Было бы очень интересно имѣть отъ тебя какъ разъ теперь, благодаря стеченію обстоятельствъ, краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Лондонѣ какъ относительно эмиграціи, такъ и вообще. Преодолѣй свою лѣнь, мой милый, настолько, чтобы написать мнѣ что-нибудь объ этомъ. Вѣдь ты предо мною въ долгу отвѣтомъ — и Богъ знаетъ какъ давно!

Недавно я получилъ изъ Лондона анонимно, подъ бандеролью, экземпляръ Peoples Papers съ очень интереснымъ содержаніемъ относительно стачекъ и т. д. Не знаю ты ли или Фрейлигратъ былъ тѣмъ другомъ, который это прислалъ. Благодѣтелю — моя благодарность. — Не знаю почему твоя жена не сообщила мнѣ въ какихъ номерахъ «New-York Tribune» находятся твои главныя статьи, — я выписалъ бы ихъ тогда прямо изъ Нью-Іорка. Вѣроятно она забыла объ этомъ. Сдѣлай это теперь.

Что ты думаешь о промышленномъ движеніи въ будущемъ году? Наступитъ ли, наконецъ, давно ожидаемый кризисъ, срокъ которому давно истекъ послѣ 1847 г.? — Конечно онъ былъ сильно отсроченъ вслѣдствіе очень слабаго производства въ 1848 и 1849 гг. и т. д.

Мы на континентѣ станемъ теперь косоглазыми: однимъ глазомъ мы смотримъ въ Англію, а другимъ на востокъ!

Сердечно привѣтствую твою жену, точно также и моихъ тамошнихъ друзей и остаюсь

твоимъ Лассалемъ.

Дюссельдорфъ, 13 декабря.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Семь писемъ этого года вращаются главнымъ образомъ вокругъ вопроса о тайномъ распространеніи „Разоблаченій по поводу кельнскаго процесса коммунистовъ“.

11-го ноября 52 года процессъ окончился суровымъ осужденіемъ большинства обвиняемыхъ. Безпримѣрный по своимъ лжесвидѣтельствамъ и поддѣлкамъ заговоръ прусскихъ чиновъ полиціи, и впереди всѣхъ пользующагося сомнительной извѣстностью Штибера, который по ясно выраженному желанію Фридриха Вильгельма IV долженъ былъ сдѣлать „свою пробную работу“,—поставилъ тщательно профильтрованныхъ присяжныхъ засѣдателей предъ выборомъ или выжечь позорное клеймо на челѣ прусскаго правительства или совершить вопіющее юридическое убійство. Богобоязненные и вѣрноподданные мужи предпочли юридическое убійство.

Уже 9-го декабря рукопись съ разоблаченіями была въ Базелѣ, и два дня спустя Шабелицъ-сынъ, который взялъ на себя изданіе „за спиной своего отца“, сообщилъ, что онъ уже читаетъ первый корректурный листъ. Марксъ такимъ образомъ могъ 28 декабря предполагать, что брошюра появилась. Сначала окончаніе печатанія было замедлено по винѣ типографіи до конца января 53 года, а 6-го марта въ Лондонъ прибыло ужасное извѣстіе, что 2000 экземпляровъ, переправленныхъ контрабандымъ путемъ въ баденскую деревушку Вейль, захвачены баденской полиціей, послѣ того какъ они лежали цѣлую недѣлю въ комнатѣ у контрабандиста Маркса. Подозрѣніе, которое высказывалось на счетъ Шабелица, Марксъ не раздѣлялъ, и оно было безосновательно. Шабелицъ-сынъ тотчасъ послѣ отпечатанія переправилъ 2000 экземпляровъ контрабандой и поручилъ контрабандистамъ сдать это изданіе, снабженное требуемыми фактурами и т. д. на имя 300 нѣмецкихъ книжныхъ магазиновъ, въ двухъ ящикахъ на желѣзнодорожной станціи Гальтингенъ для отсылки въ Лейпцигъ и Штутгартъ; самъ онъ не могъ перейти черезъ границу, потому что былъ осужденъ нѣмецкими судами на 15 мѣсяцевъ въ тюрьму и еще на что-то. Контрабандисты оправдывали свою оплошность новымъ строгимъ надзоромъ за желѣзно-дорожной станціей; но предалъ ли одинъ изъ нихъ или дѣло открылось вслѣдствіе того, что кто-нибудь изъ дѣтей контрабандиста Маркса разболталъ въ маленькой деревнѣ о томъ, что у нихъ сложено много книгъ—это осталось невыясненнымъ. Шабелицъ-сынъ хотѣлъ тогда распространить въ Швейцаріи оставшіеся у него 500 экземпляровъ, но у него было много непріятностей изъ-за этого дѣла; и его отцу это тоже доставляло мало удовольствія: его socius Амбергеръ четверть года спустя потребовалъ отъ Маркса въ холодно-вѣжливомъ дѣловомъ тонѣ возмѣщеніе расходовъ по напечатанію, въ размѣрѣ 424 франковъ. Во всякомъ случаѣ эта послѣдняя связь съ нѣмецкимъ книжнымъ рынкомъ была порвана.

Марксъ пытался сдѣлать это другимъ путемъ. Онъ помѣстилъ разоблаченія въ газетѣ New England въ Бостонѣ и заказалъ 440 отдѣльныхъ

оттисковъ ихъ. Они прибыли 10-го мая къ Энгельсу, который повидимому и устроилъ дѣло; 13-го апрѣля честный янки потребовалъ у издателя 20 долларовъ за напечатаніе, за бумагу и упаковку, кромѣ того еще до выдачи ихъ покрытіе расходовъ по пересылкѣ. Эти 400 экземпляровъ и являются очевидно тѣми самыми, которые должны были быть распространены черезъ Лассаля въ Германіи; но изъ писемъ 20—25 не видно, удалось ли это дѣло. Самъ Лассаль повидимому не получилъ ни одного экземпляра даже для себя; иначе при тяжеловѣсномъ содержаніи брошюры онъ бы такъ не сомнѣвался семь лѣтъ спустя, читалъ ли онъ ее или нѣтъ. Если сравнить то, какъ приходилось въ пятидесятыхъ годахъ мучиться людямъ съ умомъ Маркса, Энгельса, Лассаля, чтобы переправить черезъ границу контрабандой 400 небольшихъ брошюръ, и повидимому совсѣмъ безуспѣшно, съ тѣмъ, какъ тридцать лѣтъ спустя нѣмецкій рабочій классъ могъ наводнять регулярно и массами всю имперію литературой, запрещенной закономъ о соціалистахъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, какъ современныя условія производства и обмѣна куютъ для пролетаріата тѣ орудія, которыми онъ сможетъ разбить свои цѣпи.

Упомянутый въ 25 письмѣ Peoples Paper былъ чартистскимъ органомъ; въ New Jork Tribune, какъ извѣстно, Марксъ писалъ съ осени 1851 года.

1854.

26.

Пятница, 10 февраля.

Дорогой мой Марксъ!

Твое письмо дошло до меня исправно. Сначала отвѣчу:

1. Я ни одного слова не говорилъ о томъ, что твое поведеніе нашли «невѣжливымъ». Я пользовался лишь выраженіемъ «рѣзкое». Очень можетъ быть, что это слово было само слишкомъ рѣзкимъ. Я скорѣе долженъ былъ сказать «холодное».

Ты знаешь, что трудно выразить общія и довольно таки неопредѣленныя впечатлѣнія опредѣленнымъ словомъ. Я хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ вообще лишь довести до твоего свѣдѣнія впечатлѣніе, произведенное на меня путешествіемъ, насколько я его прочувствовалъ. Собственно говоря я вовсе не былъ расположенъ къ этому, и это излишнее замѣчаніе очень прискорбно для меня, потому, что: a) ты повидимому отнесся къ этому дѣлу съ бòльшимъ раздраженіемъ, чѣмъ оно того, по своей совершенной невинности, заслуживаетъ и b) эта «рѣзкость», какъ я теперь знаю,

объясняется въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что вызванныя ожиданія не оправдались, такъ какъ — это находится уже въ связи съ вторымъ пунктомъ твоего письма—

2. думали, что ты туда зовешъ. Относительно этого теперь выяснилось, что въ неопредѣленности выраженій въ письмѣ рабочаго изъ Ф... лежитъ причина нежелательной ни для кого мистификаціи.

Теперь рабочіе знаютъ, что ты не призывалъ никого. Они вполнѣ выяснили себѣ это недоразумѣніе.

Впрочемъ, твое письмо показываетъ, какъ легко даже при личныхъ переговорахъ возникаютъ недоразумѣнія.

Я уже писалъ тебѣ, что посѣтитель заявилъ, что онъ имѣетъ предложеніе отъ твоего *имени* побудить меня рѣшительно и настойчиво вступить въ дюссельдорфскую *общину*. Ты не отвѣтилъ мнѣ *положительно*, правда ли это. Но все твое письмо,— теоретическіе взгляды котораго, какъ ты самъ замѣчаешь, вполнѣ согласуются съ высказанными мною,—стоитъ въ *столь* прямомъ противорѣчіи съ этимъ предложеніемъ, что мнѣ приходится и здѣсь предполагать недоразумѣніе, хотя я его еще никакъ не могу себѣ объяснить. Тотъ утверждаетъ и теперь, *послѣ того какъ* я сообщилъ ему содержаніе твоего письма, что ты еще во время послѣдняго свиданія съ нимъ повторилъ свое предложеніе относительно моего вступленія въ дюссельдорфскую общину и даже поручилъ ему сообщить ему объ этомъ какъ можно скорѣе. Онъ увѣрялъ тебя, что я уже давно принадлежу къ «рабочей организаціи» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно указывается въ твоемъ теперешнемъ письмѣ ко мнѣ. Но ты будто бы совершенно опредѣленно заявилъ, что этого недостаточно. Мнѣ было бы интересно открыть примирительный пунктъ въ этомъ кажущемся противорѣчіи, что однако при антагонизмѣ обѣихъ сторонъ я на этотъ разъ не могу сдѣлать даже при помощи Гегеля; въ этомъ помочь мнѣ можешь только ты.

Что современную апатію нельзя преодолѣть теоретическимъ путемъ,—въ этомъ ты совершенно правъ. Я обобщаю эту мысль даже до того, что еще *никогда* апатію не побѣждали чисто-теоретическимъ путемъ т. е. теоретическое преодолѣніе такой апатіи рождало учениковъ и секты или *неудачныя* практическія движенія, но никогда еще не вызывало ни реальнаго мірового движенія, ни общаго массоваго движенія умовъ. *Массы* вовлекаются въ потокъ движенія не только практически, но и духовно только кипучей силой дѣйствительныхъ событій.

Но я думаю, что теперь можно дѣлать *одно*, что я не считаю маловажнымъ. Можно воспитать теоретически большее или еньшее число пролетаріевъ и сдѣлать изъ нихъ въ возможно ольшемъ числѣ городовъ (sic) довѣренныхъ лицъ пролетаріата умственные центры для будущаго движенія; они потомъ будутъ репятствовать тому, чтобы пролетаріатъ еще разъ изображалъ зъ себя хоръ для буржуазныхъ героевъ. Эти пролетаріи, благодаря высотѣ и ясности своего духовнаго самосознанія, которое ъ нихъ нужно сумѣть развить, и благодаря непосредственной вязи и вліянію, которыя они имѣютъ на рабочихъ какъ рабочіе, ти пролетаріи могутъ въ будущихъ движеніяхъ вліять въ высшей степени сильно и благотворно; вѣдь нѣсколько пролетаріевъ могутъ часто отвѣчать за цѣлый городъ.

Что же касается теперешней апатіи, то пробилъ ея послѣдній часъ. Надвигаются уже могучія политическія событія. Такъ какъ я во всякомъ случаѣ позабочусь о томъ, чтобы это письмо дошло до тебя вполнѣ надежнымъ путемъ, то я хочу сообщить тебѣ нѣкоторыя интересныя данныя, которыя ты можешь считать *оффиціальными*, хотя онѣ до сихъ поръ еще держатся въ секретѣ.

I. Въ прошлую пятницу (недѣлю тому назадъ) было послано въ Лондонъ и Парижъ слѣдующее объясненіе прусскаго кабинета:

a) Такъ какъ объясненія графа Орлова не оставляютъ болѣе никакихъ сомнѣній въ томъ, что всякая дальнѣйшая попытка предложенія посредничества русскому кабинету совершенно напрасна, то Пруссія беретъ поэтому назадъ свое посредничество, для котораго нѣтъ болѣе никакого дальнѣйшаго повода.

b) Впрочемъ графу Орлову сообщенъ (письменно) отрицательный отвѣтъ на всѣ *обязывающія* къ чему нибудь предложенія нейтралитета. Пруссія совершенно самостоятельно (даже независимо отъ Австри) и на свою собственную отвѣтственность будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ, который она, при наступленіи необходимыхъ обстоятельствъ, сумѣетъ поддержать соотвѣтствующей *мобилизаціей* войскъ.

c) Вопросъ о томъ, предложитъ ли Пруссія вмѣстѣ съ Австріей нѣмецкому союзу военную мобилизацію, зависитъ отъ отношенія морскихъ державъ къ Германіи.

II. Наполеонъ отправилъ посланника (m-r Бреніе) въ Туринъ къ королю Сардиніи и Кавуру съ такимъ порученіемъ: очень скоро вспыхнутъ безпорядки въ Пармѣ, Піаченцѣ, Гвасталлѣ и *Моденѣ*. Сардинія могла бы тогда оккупировать эти страны,

откуда князья будутъ изгнаны. Наполеонъ гарантируетъ королю присоединеніе трехъ первыхъ, а *можетъ быть* также и Модены къ Сардиніи, но за это послѣдняя должна отказаться отъ графства Савойскаго!

Съ этимъ планомъ Англія, можно сказать, согласилась, хотя и неохотно и съ тяжелымъ сердцемъ.

III. M-r Бреніе послѣ этого отправляется дальше по Италіи въ Неаполь. Посылка его есть миссія Лорда-Минто. Онъ долженъ подготовить итальянское возстаніе. Наполеонъ вполнѣ серьезно думаетъ, что онъ можетъ зажечь огонь и провести мѣломъ черту, перейти которую огню нельзя будетъ.

IV. Наполеонъ выставитъ слѣдующія арміи:

a) 100.000 человѣкъ на Савойской границѣ,

b) 60.000 человѣкъ въ Метцѣ,

c) 80.000 человѣкъ въ Страсбургѣ.

Пруссія ничего не имѣетъ противъ пункта a, но въ пунктахъ b и c видитъ непосредственно противъ нея направленную угрозу. Она уже видитъ въ полномъ возстаніи Баденъ, Гессенъ, Вюртембергъ и т. д., она думаетъ уже, что получитъ себѣ на шею 100.000 баварцевъ. Поэтому она *протестовала* противъ пунктовъ b и c. Это-то и имѣетъ въ виду пунктъ I c въ прусскомъ отвѣтѣ.

V. Пруссія во всякомъ случаѣ мобилизуетъ до конца марта, а можетъ быть и *раньше* отъ 2 до 300.000 человѣкъ, смотря по абстоятельствамъ. Но если Наполеонъ выставитъ арміи въ Мецѣ и Страсбургѣ, то въ Берлинѣ уже рѣшено, мобилизовать *500.000* человѣкъ.

VI. Въ берлинскомъ кабинетѣ, гдѣ король со всѣми прочими министрами находится абсолютно на сторонѣ русской партіи, и одинъ лишь Мантейффель—въ союзѣ съ принцемъ прусскимъ—провелъ нейтралитетъ (Мантейффель хотѣлъ даже союза съ Анліей) — уже помѣшались отъ страха! *Уже рѣшено*, лишь только наступятъ нѣкоторыя обстоятельства, арестовать въ одну ночь всѣхъ болѣе извѣстныхъ демократовъ монархіи, и прежде всего на Рейнѣ, и перевезти ихъ въ восточныя крѣпости, чтобы они не могли способствовать «революціоннымъ планамъ Наполеона» (!!), или не произвели бы вообще волненій.

Къ этой мѣрѣ хотятъ приступить тотчасъ же въ случаѣ безпорядковъ въ Италіи и даже тогда уже, когда тѣ арміи Меца и Страсбурга появятся въ дѣйствительности.

Пишу это тебѣ экстренно, чтобы ты могъ сообщить всѣмъ тѣмъ, кому ты считаешь это полезнымъ. Это рѣшеніе принято *единогласно*, *твердо* и *положительно*, хотя не опредѣлены точно всѣ случаи, при которыхъ приступятъ къ его выполненію; возможно даже, что еще подумаютъ, во что я при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ, ни въ какомъ случаѣ не вѣрю.

Что я буду дѣлать при такихъ обстоятельствахъ,—я еще опредѣленно не рѣшилъ. Быть схваченнымъ такимъ образомъ ночью и быть препровожденнымъ въ какую-нибудь восточную крѣпость, и если даже не случится ничего болѣе сквернаго (вѣдь когда эти каналіи охвачены смертельнымъ страхомъ, то они опасны и могутъ рѣшиться на все), то провести добрую часть революціоннаго времени въ заключеніи—перспектива далеко не изъ веселыхъ.

Но съ другой стороны—снова уѣхать, сдѣлать нѣчто въ родѣ прогулки въ Англію,—въ другое время, конечно, очень пріятной—въ такой моментъ, когда наступаютъ событія въ родѣ вышеуказанныхъ, и когда такимъ образомъ положеніе дѣлъ именно начинаетъ дѣлаться интереснымъ, уѣзжать въ такой моментъ, когда какъ разъ надо быть на мѣстѣ это также очень непріятно!

Что ты думаешь объ этомъ? Я хотѣлъ бы услышать твой совѣтъ по этому поводу. Если я рѣшусь отлучиться на нѣкоторое время, то я пріѣду во всякомъ случаѣ въ Лондонъ.

На всѣ сообщенныя тебѣ здѣсь свѣдѣнія ты можешь смотрѣть такъ, какъ если бы ты ихъ получилъ изъ *собственныхъ устъ* Мантёйфеля и Абердеенса!

Но не надо дѣлать шума изъ всего вышесказаннаго, потому что большую часть всего этого не знаетъ еще ни одинъ человѣкъ, и мой источникъ навсегда закрылся бы для меня, если бы онъ увидѣлъ, что сообщенныя мнѣ свѣдѣнія преданы гласности. Это значитъ: *содержаніе* изложенныхъ выше извѣстій ты можешь распространять, если ты найдешь это для себя удобнымъ; но *никто* не долженъ знать, что они исходятъ отъ *меня* и вообще изъ *нѣмецкаго* источника. Письмо *сжечь*.

Если ты желаешь, то я охотно готовъ сообщать тебѣ, если будутъ *очень* интересныя вещи.

Наконецъ, я даю тебѣ еще одинъ *абсолютно* надежный адресъ для меня. На внѣшнемъ конвертѣ:

Herrn Bankier Louis Block in Köln.

На внутреннемъ конвертѣ *мой адресъ.* Но и внутреннее, мнѣ адресованное, письмо должно быть хорошо запечатано и заклеено, чтобы его нельзя было *прочесть,* иначе его прочтетъ уже не полиція, но Г. Блоккъ изъ любопытства, что тоже было бы фатально.

Далѣе вложи записку слѣдующаго содержанія: «Просятъ вложить письмо еще въ одинъ конвертъ и послать заказнымъ».

Не можешь ли ты дать мнѣ вполнѣ надежный адресъ? Это письмо я разсчитываю послать черезъ посредника, которымъ не часто могу пользоваться.

Сердечно кланяюсь тебѣ и твоей женѣ

Твой Ф. Л.

27.

Дюссельдорфъ, 7 марта 1854 г.

Дорогой другъ!

Какъ могъ ты изъ употребленнаго мною выраженія «éxiler» заключить, что я имѣю намѣреніе «покинуть» континентъ? Какъ? Послѣ того какъ я защищалъ дѣйствительно à outrance эту нѣмецкую землю съ 1848 по 1854 г., я долженъ теперь удалиться, теперь, когда настало время, *въ ожиданіи котораго* я и защищалъ ее! Y pensez vous? Прежде чѣмъ я бы попалъ въ такое противорѣчіе, я лучше рискнулъ бы Сибирью, Ураломъ и Кавказомъ вмѣстѣ взятыми! Нѣтъ! Предлагаемое тобой mezzo termino (sic) было съ самаго начала тѣмъ единственнымъ спасительнымъ путемъ, о которомъ я думалъ и который я противопоставилъ вѣчному и непрерывному моему пребыванію здѣсь. Если я удалюсь, то я не пойду дальше Брюсселя—если не считать восьми или четырнадцати-дневнаго предполагаемаго мною посѣщенія васъ въ Лондонѣ—да и это я сдѣлаю лишь съ постоянно согнутыми для прыжка лапами, подобно тигрицѣ въ ожиданіи добычи. Но даже въ томъ случаѣ, если я буду принужденъ отправиться противъ своей воли въ Брюссель на шесть-восемь недѣль и не ради чего-нибудь иного, какъ только того, чтобы избѣжать «Варѳоломеевской ночи», то я называю уже такое спасительное путешествіе самоизгнаніемъ; и даже въ такихъ границахъ это путешествіе представляетъ для меня много непріятнаго: поэтому-то я и былъ нерѣшителенъ насчетъ того, слѣдуетъ ли мнѣ вообще его предпринять.

Конечно, если бы дѣло обстояло такъ, что я могъ бы узнать за день раньше о своемъ арестѣ, тогда все было бы очень просто: тогда я не испытывалъ бы мукъ выбора. Но такія удобства мнѣ не предстоятъ. Если я хочу путешествовать, то я долженъ отправиться тогда, когда, какъ ты совершенно вѣрно замѣчаешь, небесныя знаменія начнутъ принимать подозрительный характеръ. Тогда мнѣ придется выждать шесть-восемь недѣль, пока не выяснится, что удара больше бояться нечего. И уже такое шести-восьми-недѣльное отсутствіе доставило бы мнѣ много непріятностей: 1) потому что уже въ это время можетъ представиться случай къ болѣе полезной дѣятельности и мое отсутствіе уже этимъ самымъ окажется вреднымъ; 2)—мое отсутствіе, если въ этомъ нѣтъ громадной и очень настоятельной нужды, подѣйствуетъ скверно на существованіе женщины, которую я защищаю; 3) потому что послѣ моего возвращенія весь міръ будетъ думать, что я возвратился полный заговорщическихъ проектовъ, подобно гранатѣ, готовой взорваться; такъ что, если Варооломеевская ночь тогда уже минуетъ всѣхъ, то я какъ разъ благодаря своему путешествію могу легко навлечь ее на себя одного! Ты видишь, что налицо достаточно матеріала для нерѣшительности, ощущенія вообще мало мнѣ знакомаго, и что мѣры предосторожности могутъ порой оказать вредное дѣйствіе.

Тѣмъ не менѣе я теперь болѣе или менѣе рѣшилъ сдѣлать при извѣстныхъ обстоятельствахъ прогулку. Существуютъ однако затрудненія съ паспортомъ, что уже давно меня безпокоитъ. Если я даже потребую себѣ паспортъ въ Голландію, то власти сейчасъ же узнаютъ, что въ Голландіи мнѣ абсолютно дѣлать нечего, и что я этотъ ходъ выбралъ лишь для того, чтобы этимъ скрыть болѣе опасное мѣсто. Тотчасъ же возникло бы подозрѣніе въ кубѣ. Если бы только у меня былъ какой-нибудь *предлогъ* для поѣздки въ Голландію или Бельгію, то я могъ бы уже его пустить въ ходъ. Но мнѣ абсолютно ничего не приходитъ въ голову, чему люди могли бы повѣрить, какъ дѣйствительному моему мотиву. Если бы это дотянулось до лѣта, то я нашелъ бы выходъ: я взялъ бы тогда паспортъ для поѣздки на морскія купанья въ Остенде. Но туда ѣдутъ лишь въ августѣ, а такъ долго это не продолжится. У меня есть еще два прусскихъ паспорта на мое имя, но они уже давно просрочены. Не знаешь ли ты, годится ли въ Бельгіи также просроченный прусскій паспортъ?

Я отъ всего сердца раздѣляю твое предложеніе попытаться

при помощи напечатанія проекта въ газетахъ сдѣлать невозможнымъ его осуществленіе. Но ты долженъ взять на себя и выполненіе этого; я не могу этого сдѣлать, потому что я не имѣю никакихъ связей ни съ одной нѣмецкой газетой. Можетъ быть ты можешь это сдѣлать какимъ-нибудь образомъ, хотя это и очень больно, обратившись въ «Berliner National-Zeitung», «Kölnische Zeitung», «Neue Oderzeitung». Къ послѣдней у меня, *можетъ быть*, найдется путь, но это лишь сомнительное можетъ быть. И надо постоянно опасаться того, что въ случаѣ разслѣдованія газета можетъ назвать меня, что въ настоящее время мнѣ было бы менѣе всего удобно. Такъ что несравненно лучше будетъ, если и сообщеніе въ «Neue Oderzeitung» будетъ сдѣлано изъ Лондона. (Мнѣ пришло въ голову, — потому что я какъ разъ говорю о газетахъ,—сдѣлать тебѣ одинъ доносъ. Нѣкій книгопродавецъ (?) Генслеръ въ Кельнѣ издаетъ журналъ для литературы, искусства и т. д. и печатаетъ въ немъ статью Карла Маркса: «Очерки нѣмецкой литературы». Я еще не встрѣчалъ болѣе безстыдной спекуляціи чужимъ именемъ! Къ счастью, статья была такого сорта, что никто, даже тотъ, кто былъ бы homo illiteratus atque ineruditus, не подумаетъ, что статья дѣйствительно написана тобой. Сначала я почти серьезно разсердился на наглость писать *подобное* подъ твоимъ именемъ. Но потомъ я долженъ былъ сильно и во все горло хохотать, когда я представилъ себѣ гримасу, которую ты скорчилъ бы при чтеніи этой статьи. Если авторъ случайно дѣйствительно носитъ также имя Карла Маркса, какъ ты, то я почти что совѣтую тебѣ приказать этому парню выбрать себѣ другое имя).

Теперь къ востоку! Со времени моего послѣдняго письма я получилъ различныя свѣдѣнія... Но не стоило писать тебѣ объ нихъ, потому что заключающіяся въ нихъ новости нѣсколько дней спустя постоянно опубликовывались то «Times'омъ», то «Morning Chronicle» и т. д. Я имѣю, поэтому, сегодня для сообщенія тебѣ мало новаго, чего бы не было тебѣ извѣстно другимъ путемъ и что, поэтому, могло произойти sous silence. Точно также, насколько я знаю, и нѣмецкій кабинетъ не принялъ до сихъ поръ новыхъ и неизвѣстныхъ тебѣ рѣшеній;—немногое, что до нѣкоторой степени достойно упоминанія, слѣдуетъ ниже.

Сначала я хочу лишь замѣтить, что—хотя твое сужденіе о жалкой слабости англійскаго министерства, которая счастливо

навязала намъ эту путаницу, и правильно—но ты все-таки слишкомъ далеко заходишь въ своихъ подозрѣніяхъ, когда думаешь:

1) что въ *намѣреніе* англійскаго министерства (за исключеніемъ Aberdeens'a) входитъ веденіе *фиктивной войны*;

2) что Пальмерстонъ является русскимъ агентомъ;

3) что возстаніе въ Греціи очень кстати для англійскаго министерства.

Послѣднее не имѣетъ мѣста, если даже цѣль возстанія и способствуетъ эмансипаціи греческихъ христіанъ. Они объявили уже 22 или 23 февраля греческой королевѣ (потому что она командуетъ), что, если она будетъ продолжать содѣйствовать возстанію, Эллада подвергнется англо-французской оккупаціи.

Пальмерстонъ абсолютно ничѣмъ не заслужилъ всей узурпированной славы, которой онъ пользуется, а въ послѣднее время онъ сталъ еще глупѣе прежняго; но что онъ русскій агентъ, этого тоже не можетъ быть, по крайней мѣрѣ по его *намѣреніямъ*. Я опишу тебѣ его точку зрѣнія лучше всего словами, которыя онъ сказалъ одному своему другу въ декабрѣ: Je veux la Russie, je ne dis pas ruiner, mais lui donner un soufflet pour toute sa vie!

Вѣрно то, что онъ склонялъ къ войнѣ въ декабрьскомъ совѣщаніи министровъ и на всякое возраженіе, что Россія не можетъ допустить того или этого, постоянно отвѣчалъ: Tant mieux!

Точно также и англійское министерство — какъ я уже сказалъ за исключеніемъ Абердеенса—не имѣетъ *намѣренія* вести лишь фиктивную войну. Они скорѣе думаютъ, что война будетъ серьезной, и недостатка въ серьезномъ отношеніи къ ней у нихъ не будетъ, если только у нихъ будетъ достаточно мужества и рѣшительности. То, что ты говоришь о формированіи англійско-французскаго экспедиціоннаго корпуса (въ Родоссъ, Эносъ и др.) совершенно вѣрно и вполнѣ совпадаетъ съ донесеніемъ, помѣченнымъ мною 23 февраля. Точно также вѣрно и то, что присутствіе тамъ арміи не имѣетъ, собственно говоря, никакого смысла, но какъ оно ни глупо, оно все-таки требуетъ себѣ иного объясненія. Во-первыхъ, это только оборонительная сторона дѣла. Наступательную они хотятъ проявить сначала въ Балтійскомъ морѣ. Затѣмъ они скажутъ себѣ, что наличностью этихъ силъ (корпусъ въ 10.000 англичанъ у Маилы [sic] будутъ на стражѣ у европейскихъ Дарданеллъ) Константинополь вполнѣ защищенъ и что соотвѣтствующее количество турецкихъ войскъ можетъ быть отправлено изъ Константинополя въ дунайскую армію; но для нихъ, т. е. англичанъ и

французовъ гораздо удобнѣе и сопряжено съ меньшими жертвами сначала по возможности ослабить русскихъ турецкими силами, а самимъ держаться пока вдали отъ выстрѣловъ въ свѣжемъ и добромъ здравіи.

Наконецъ, они кромѣ того надѣются, что въ то время какъ Россія, на турецкомъ полѣ военныхъ дѣйствій не можетъ такимъ образомъ сдѣлать никакихъ значительныхъ или по крайней мѣрѣ никакихъ опасныхъ для нихъ успѣховъ, а они между тѣмъ сожгутъ балтійскій флотъ, бомбардируютъ Кронштадтъ и т. д. — въ это время они надѣются побудить къ активной войнѣ съ Россіей Австрію и даже Пруссію, такъ что и тогда и свою борьбу съ Россіей они будутъ вести съ помощью сухопутныхъ войскъ Австріи и Пруссіи.

Но они увидятъ, что орѣхъ крѣпче, чѣмъ они думаютъ. Николай — сама рѣшимость. Уже въ ноябрѣ онъ писалъ королю: «Я еще не дошелъ до того, чтобы позволить Англіи и Франціи диктовать мнѣ миръ. Въ апрѣлѣ у меня будетъ подъ ружьемъ 800.000 человѣкъ, и т. д.». Онъ знаетъ заранѣе, что самый большой вредъ будетъ причиненъ ему на морѣ, — побережьямъ и гаванямъ, — но дворянство и духовенство увѣрили его въ своей готовности къ жертвамъ, и шестимѣсячнымъ походомъ на сушѣ онъ съ избыткомъ вознаградитъ себя за всѣ неудачи, которыя онъ можетъ понести на морѣ, и т. д.

И въ самомъ дѣлѣ, Россія остается недоступной для западныхъ державъ, пока Германія остается нейтральной; Россіи можно на морѣ нанести вредъ, но побѣдить ее можно лишь на сушѣ, а на сушѣ она, при нейтралитетѣ Германіи, неуязвима ни со стороны Франціи, ни со стороны Англіи. Вспыхиваетъ война, которую закончитъ лишь революція въ Германіи.

Эту неуязвимость Россіи при нейтралитетѣ Германіи превосходно чувствуютъ и западныя державы, и поэтому имъ никакая низость не кажется слишкомъ большой, никакая глупость слишкомъ опасной, если дѣло идетъ о томъ, чтобы привлечь Австрію въ союзъ противъ Россіи! Такимъ образомъ они недавно сошлись на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Онѣ гарантируютъ Австріи то, что не потерпятъ (!) никакого возстанія въ Ломбардіи.

2) Австрія же съ своей стороны заявляетъ, что не позволять Россіи пройти черезъ Сербію, она не допуститъ также инсуррекціонныхъ движеній противъ султана въ Сербіи или Босніи. Она

немедленно выставляетъ наблюдательную армію, чтобы занять ею Сербію или Боснію, если окажется, что тотъ или другой случай можетъ наступить.

Въ остальномъ Австрія желаетъ остаться нейтральной. Но западныя державы, напротивъ того, хотятъ ее еще больше раззадорить.

Я не знаю, можно ли утверждать, что Австрія уже теперь замышляетъ предать великія державы.

Мой источникъ увѣряетъ, что нѣтъ.

Можетъ быть. Но я знаю настолько, чтобы сказать, что Австрія въ послѣдній рѣшающій моментъ предастъ западныя державы Россіи, и сдѣлаетъ она это противъ собственнаго желанія, *вынужденная* къ тому событіями. Поэтому, во всякомъ случаѣ большая ошибка со стороны западныхъ державъ допущеніе, чтобы Австрія заняла Сербію. Этимъ самымъ Австрія становится въ *тылу* турецкой Дунайской арміи и держитъ въ своихъ рукахъ судьбу ея да и почти судьбу всего похода этого года. Если въ рѣшительный моментъ Австрія перейдетъ на сторону Россіи, то турецкая армія должна будетъ радоваться, если она съ потерей своего лѣваго крыла сможетъ оставить Дунай и отступить на линію Шумлы. Надежда на то, чтобы Пруссія, пока въ ней живъ король, вступила въ дѣятельный союзъ противъ Россіи—относится къ области мечтаній. Король и Мантейфель въ крайнемъ случаѣ нейтрализуются, какъ противоположныя соли; самымъ сильнымъ желаніемъ короля было бы принять предложеніе, сдѣланное Николаемъ въ прошломъ ноябрѣ. По этому предложенію король долженъ былъ бы двинуться со своимъ собственнымъ войскомъ и 250.000 русскихъ солдатъ, которыхъ хотѣлъ предоставить въ его распоряженіе Николай, на Парижъ, чтобы смѣстить Наполеона, между тѣмъ какъ Николай въ это время устроился бы по домашнему въ Турціи. Въ присоединеніи Австріи не сомнѣвались. Не похоже ли это дѣло на плохую шутку или тенденціозную выдумку? И тѣмъ не менѣе оно дословно вѣрно. И оно стоило ужасныхъ сценъ между Мантейфелемъ и королемъ, пока послѣдній не отступился отъ своего плана.

Что касается Мантейффеля, то не хочешь ли ты выслушать небольшое добавленіе къ характеристикѣ политики этого «сильнаго»? Хотя дѣло было уже давно, но оно все же недурно.

Въ іюнѣ прошлаго года, т. е. въ первые мѣсяцы восточнаго кризиса — къ Бунзену пришла депеша отъ Мантейфеля (потомъ

я ее самъ читалъ), въ которой послѣднiй обширно и подробно вдалбливалъ ему въ голову систему, которой ему слѣдуетъ придерживаться въ этомъ вопросѣ, какъ «высшей руководящей нити». Въ чемъ же состояла эта «высшая руководящая нить?» Въ слѣдующемъ: Бунзенъ прежде всего долженъ узнать, дѣйствительно ли Англiя серьезно намѣрена поддержать Турцiю силой оружiя въ случаѣ нужды. Если онъ думаетъ, что Англiя дѣйствительно en cas de besoin согласится на войну ради Турцiи, то онъ долженъ открыто выступить противъ допущенiя претензiй со стороны Россiи и предписать прусскому посланнику въ Константинополѣ поддерживать Порту.

Напротивъ того, если онъ думаетъ, что въ рѣшительный моментъ Англiя покинетъ Порту и не будетъ изъ-за нея вести войны, то онъ долженъ тотчасъ же рѣшительно высказаться за русскiя требованiя и послать соотвѣтствующiя инструкцiи посланнику въ Константинополѣ, чтобы онъ оказалъ самое сильное «давленiе» на Порту съ цѣлью побудить ее принять безъ дальнѣйшихъ разговоровъ требованiя Меньшикова. Таковъ этотъ «сильный» и это онъ называетъ политикой! Наполеонъ, наконецъ, когда онъ начинаетъ размышлять является олицетвореннымъ Jean'омъ qui rit, съ одной стороны, и Jean qui pleure,—съ другой. Онъ радъ войнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ безутѣшенъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы была революцiя въ Италiи и въ то же время онъ ея не хочетъ. Онъ хочетъ à tout prix получить Австрiю въ союзники съ нимъ и съ Англiей, чтобы быть сильнѣе революцiонныхъ союзовъ и ихъ средствъ, и опять-таки онъ хочетъ прежде всего приготовить орудiе въ видѣ революцiи въ Италiи, чтобы направить ее en cas que противъ Австрiи. Я думаю, что онъ будетъ до тѣхъ поръ подготовлять себѣ всевозможные способы и пути и приберегать всевозможныя отступленiя, пока ему не придется продекламировать вмѣстѣ съ Шиллеровскимъ Валленштейномъ: «Было ли это возможно—чтобы я не могъ больше чѣмъ хотѣлъ»?

Третьяго дня здѣсь была получена телеграмма, результатомъ чего была немедленная поѣздка въ Берлинъ князя фонъ-Гогенцоллерна (здѣшнiй дивизiонный командиръ) и флигель-адъютанта фонъ-Мантейфеля. Насколько я узналъ, хотя и не изъ моего «оффицiальнаго» источника, но все же изъ источника достаточно заслуживающаго довѣрiя, это имѣетъ слѣдующiя основанiя:

Господинъ фонъ-Мантейфель, котораго очень хорошо выносятъ при петербургскотъ дворѣ, отправится туда, чтобы убѣдить

императора дать отвѣтъ на требованіе англійскаго курьера, уже проѣхавшаго черезъ Берлинъ, въ теченіе шести дней объявить объ очищеніи дунайскихъ княжествъ — отвѣтъ, который далъ бы какую-нибудь точку соприкосновенія. Князь Гогенцоллернъ, мать котораго, какъ извѣстно, была Мюратъ, отправится въ Парижъ, чтобы убѣдить Наполеона принять эту точку соприкосновенія, какъ таковую.

Съ такими жалкими иллюзіями эти люди носятся еще теперь! Императоръ Россіи, конечно, только выиграетъ при новой короткой отстрочкѣ, которую я впрочемъ считаю невозможной. Теперь, дальше! Жалкая половинчатость и слабость, баснословное тупоуміе всѣхъ правительствъ, за исключеніемъ одной Россіи, полное противорѣчій положеніе Австріи, Пруссіи и Франціи, безутѣшная половинчатость англійскаго правительства, не имѣющая до сихъ поръ прецедентовъ въ исторіи, дѣйствуютъ какъ разъ подобно мѣхамъ для всемірнаго пожара, который теперь не можетъ быть болѣе отсроченъ. Что Турція при этомъ гораздо больше погибнетъ отъ помощи Англіи и Франціи, чѣмъ отъ нападенія со стороны Россіи, это неоспоримо и превосходно сознается старо-турецкой партіей. Но какъ разъ это-то въ высшей степени и знаменательно. Съ Турціей уничтожается одновременно всякая возможность дальнѣйшаго существованія *австрійскаго* государства. Невозможно, чтобы теперь раздѣлили Турцію по клочкамъ между существующими государствами, какъ это сдѣлали съ Польшей въ прошломъ столѣтіи.

Дѣйствительно, глубоко провиденціально то, что наша революціонная эра дебютируетъ возникновеніемъ этого восточнаго кризиса, призракъ котораго пугаетъ нашихъ глупыхъ политиковъ съ 1828 г. Если съ уничтоженіемъ Турціи исчезаетъ возможность существованія Австріи, то этимъ самымъ уже въ чисто политико-національномъ отношеніи открывается возможность созданія Германіи, какъ единой самостоятельной республики. Въ безпощадной войнѣ съ Россіей на жизнь и смерть и одновременно съ этимъ въ преобразованіи и въ новомъ оплодотвореніи европейско-турецкихъ странъ заключается могучее призваніе нѣмецкой революціи *извнѣ* и это—громадный трудъ, который ее закаляетъ и дѣлаетъ великой и могучее расширеніе территоріи, которое ей даетъ средства— побудитъ ее выполнить и внутри страны свою задачу. Бо̀льшій трудъ создаетъ и бо́льшую силу. О соціально-экономическихъ вопросахъ, которые должны быть огромны, нечего и говорить.

Графиня сердечно кланяется тебѣ и твоей женѣ. Я подожду съ отправкой письма еще одинъ день, потому что можетъ быть придетъ еще извѣстіе, которое я тогда прибавлю.

Твой Ф. Л.

28.

Дюссельдорфъ, 20 мая, 1854 г.

Дорогой Марксъ!

Поѣздка въ Прагу по семейнымъ дѣламъ и вскорѣ затѣмъ болѣзнь, хотя и не серьезная, мѣшали мнѣ до сихъ поръ отвѣтить тебѣ. Что касается Пальмерстона, то твое утвержденіе, выставляемое съ такой опредѣленностью, будто бы онъ подкупленный русскій агентъ, заставляютъ меня обратиться къ дипломатическому матеріалу, поскольку онъ находится въ моемъ распоряженіи. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ такъ неполонъ, что я самъ не могу придти къ какому-нибудь положительному результату. Противъ нѣкоторыхъ приводимыхъ тобою фактовъ можно еще возражать; другіе же, какъ измѣна революціоннымъ національностямъ, не имѣютъ, какъ ты и самъ замѣчаешь, необходимой доказательной силы; иные же также хорошо объясняются неизбѣжной половинчатостью искаженной точки зрѣнія, да и вообще противорѣчія и т. д. легче объясняются у Пальмерстона, чѣмъ у людей строго-консервативной партіи. Наконецъ, другіе факты противорѣчатъ твоему утвержденію съ вполнѣ выраженной и едва ли устранимой убѣдительной силой.

Такъ, напримѣръ, прежде всего нота Пальмерстона Тюльерійскому кабинету отъ 19 іюня 1839 г., въ которой онъ предлагалъ французскому кабинету—когда Меметъ Али напалъ на султана въ Сиріи и императоръ Россіи на основаніи Ункіаръ-Скелесскаго договора воспользовался этимъ, чтобы направить морскія и сухопутныя войска въ Константинополь подъ предлогомъ поддержки султана—предлагалъ при первомъ появленіи русскаго флага тотчасъ же *отправить* къ Дарданелламъ англо-французскую эскадру и войти въ Босфоръ; предложеніе это было отклонено Луи Филиппомъ къ большому неудовольствію Пальмерстона.

Далѣе, мирная экспедиція 1850 г. также имѣла лишь цѣлью произвести демонстрацію противъ русскаго вліянія въ Аѳинахъ и Константинополѣ.

Точно также и проявившаяся во время этого греческаго эпизода уступчивость по отношенію къ Франціи лишь съ большимъ трудомъ объяснима со стороны русскаго агента.

Наконецъ,—союзъ съ Франціей послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 года, устроенный вѣдь главнымъ образомъ Пальмерстономъ. Вѣдь именно поспѣшность Пальмерстона въ этомъ отношеніи поссорила его тогда съ Русселемъ. Не лишено также значенія, что дипломаты, которыхъ я знаю которые находились съ нимъ въ сношеніяхъ десять-пятнадцать лѣтъ и которые сами настолько corrompu, что эта нечистоплотность торчитъ наружу что они не питаютъ къ нему даже малѣйшаго подозрѣнія въ подкупности, но считаютъ его дѣйствительнымъ противникомъ Россіи. И это тѣ дипломаты, которые особенно посвящоны въ русскія тайны.

Но, во всякомъ случаѣ, имѣются съ другой стороны факты, которые въ состояніи очень озадачить и заставить сомнѣваться, если изслѣдовать ихъ будучи настроеннымъ этимъ подозрѣніемъ! Такъ, его позднѣйшее полное противорѣчій поведеніе во время кризиса 1839—1840 гг., такъ и отклоненіе имъ предложенія, сдѣланнаго Австріей въ 1830—1831 г. и оффиціозно поддержаннаго Франціей, предложенія снова возстановить Польшу, для чего Меттернихъ *объщался* выдѣлить Галицію; также многіе приводимые тобою факты, да и другія вещи, какія онъ дѣлалъ и позволялъ дѣлать. Веденіе войны, какимъ оно было до сихъ поръ, также не говоритъ въ его пользу. Наконецъ, я считаю немаловажнымъ то, что ты, располагая самымъ полнымъ дипломатическимъ матеріаломъ, послѣ тщательнаго изученія синихъ книгъ проникнутъ такимъ убѣжденіемъ. Для того, чтобы я могъ придти къ окончательному рѣшенію на счетъ этого, мнѣ было бы необходимо болѣе близкое знакомство съ дѣломъ и ты *очень обяжешь* меня въ этомъ отношеніи, если перешлешь свою статью (изъ «Tribune»), появившуюся въ Лондонѣ въ видѣ отдѣльнаго памфлета. Вообще не хорошо съ твоей стороны, что ты не дѣлаешь этого или чего-нибудь подобнаго по своей собственной иниціативѣ. Вѣдь ты, конечно, можешь себѣ представить, что присылкой этого или иныхъ своихъ сочиненій очень меня обрадуешь.

Къ сожалѣнію, мой дипломатическій источникъ находится уже долгое время въ далекомъ путешествіи, изъ котораго онъ долженъ былъ возвратиться къ Пасхѣ, но, къ несчастію, его все еще нѣтъ! Имѣть такой превосходный источникъ, благодаря которому можно

быть освѣдомленнымъ о дѣлахъ кабинета и затѣмъ потерять его снова на столь долгое время въ высшей степени досадно. Пока я питаюсь побочными, второстепенными источниками, на которые раньше вовсе не обращалъ вниманія, и такимъ образомъ я былъ дѣйствительно своевременно извѣщенъ раньше объ отставкѣ Бонина, и т. д. Но этимъ diis minorum gentium и получаемымъ отъ нихъ извѣстіямъ недостаетъ всесторонности, законченности и цѣльности. Надо надѣяться, что скоро возвратится тотъ другой несравнимый докладчикъ. Теперешнія мелкія связи сообщаютъ *самое большее* о Берлинѣ, а о другихъ кабинетахъ point du tout.

Въ Берлинѣ дѣла, повидимому, плохи, т. е. достаточно хороши. Въ день покаянія пришло письмо одного тамошняго министерскаго чиновника къ одному изъ здѣшнихъ начальниковъ администраціи; въ этомъ письмѣ авторъ прежде всего увѣряетъ, что онъ не можетъ сказать всего, что произошло между королемъ и прусскимъ принцемъ: это стоило бы ему жизни. Фактъ лишь тотъ, что принцъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей; Мантейфель также потребовалъ своей отставки и она принята, какъ только что узналъ авторъ письма. «Мы стоимъ,—заканчивается письмо,—на тонкомъ льду! Дай Богъ, чтобы онъ не проломился вмѣстѣ со всѣми нами. Если за это время не явится ангелъ, то все погибло». На другой день рѣшеніе прусскаго принца стало извѣстнымъ оффиціально; что касается Мантейфеля, то, повидимому, и на этотъ разъ вмѣшался ангелъ. Впрочемъ, кажется, они тамъ въ Берлинѣ *ни на что* не могутъ рѣшиться. У нихъ даже не хватаетъ смѣлости произвести мобилизацію, что они должды были бы сдѣлать на всякій случай. Съ мобилизаціей у нихъ можетъ произойти то же, что въ 1850 году; въ то время они лишь тогда рѣшились на нее, когда уже нельзя было en temps utile ея выполнить. На сентъ-омерскій лагерь весь міръ смотритъ какъ на подготовленіе *въ случаѣ надобности* двинуться на Рейнъ. Что слышно объ этомъ болѣе подробно въ Лондонѣ?

Здѣсь ходятъ пестрые, разнорѣчивые и противорѣчивые слухи о предполагаемыхъ предпріятіяхъ и уже начатыхъ подготовленіяхъ различныхъ эмиграцій: польской, итальянской, венгерской и т. д., также и объ уступкахъ Наполеона польскимъ эмигрантамъ; послѣднимъ слухамъ *могли* дать намекъ на правдоподобность дружба ci-devant Prince-montagnard съ графомъ Браники и недавнее выступленіе въ Парижѣ Чарторыжскаго!!

Ты меня *очень* обяжешь, если доставишь всѣ находя-

щіяся въ твоемъ распоряженіи свѣдѣнія и заключенія по этимъ пунктамъ. Если кто-нибудь въ Лондонѣ будетъ знать объ этомъ, то ужъ ты навѣрно. Адресъ, который я тебѣ сообщу, дастъ тебѣ возможность писать съ величайшей откровенностью. Онъ гласитъ на внѣшнемъ конвертѣ:

Dem Königl. Brückenpächter Herrn E. Siegheim.
Köln.
Friedrich Wilhelmstrasse.

Внутренній конвертъ съ адресомъ на мое имя. Если письмо будетъ уже *очень* щекотливаго содержанія, то ты приложишь Siegheim'у слѣдующую записку безъ подписи: «Прилагаемое письмо не слѣдуетъ пересылать г. Лассалю по почтѣ, но лишь съ экстреннымъ и довѣреннымъ посыльнымъ».

Сердечно кланяюсь тебѣ и твоей женѣ.

Твой Ф. Л.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Начало 26-го письма—непонятно, такъ какъ потеряно одно изъ писемъ Лассаля. Нѣсколько загадочна также „Дюссельдорфская община“, такъ какъ союзъ коммунистовъ прекратилъ свое существованіе въ ноябрѣ 52 г., тотчасъ же послѣ осужденія кельнскихъ обвиняемыхъ. Можетъ быть были еще отдѣлы союза, которые Марксъ хотѣлъ сохранить. Повидимому Лассаль придавалъ этому меньшее значеніе, однако здѣсь дѣло шло лишь о недоразумѣніи между ними, а не о какомъ-либо дѣйствительномъ различіи во взглядахъ.

Относительно образованія массоваго движенія Лассаль думалъ такъ же, какъ Марксъ, а и Марксъ признавалъ необходимымъ воспитывать предварительно интеллигентный пролетаріатъ теоретически, чтобы въ рѣшительный моментъ у массоваго движенія пролетаріата оказались свѣдущіе вожди. Вѣдь союзъ коммунистовъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ подобной подготовительной школой, которая проявила себя превосходно въ 1848 году. Лассаль собралъ около себя въ Дюссельдорфѣ кружокъ передовыхъ рабочихъ, чтобы развить ихъ экономически и политически, и ему въ его послѣдующей агитаціи эта предварительная работа оказалась очень полезной. Весьма возможно, что Марксъ желалъ, чтобы Лассаль вступилъ въ формальную организацію ввиду того, что до него опять доходили жалобы на Лассаля—въ стилѣ Бермбаха. Это предположеніе нисколько не является оскорбительнымъ для Маркса, такъ какъ онъ вѣдь не сказалъ, подобно Бермбаху: вонъ его! но какъ разъ обратное: принять его!

Въ письмахъ этого года рѣчь идетъ преимущественно о крымской войнѣ. Въ мою задачу не входитъ дать здѣсь хотя бы краткій исторический очеркъ этой войны, тѣмъ болѣе, что Лассаль здѣсь ограничивается лишь бѣглыми моментальными снимками, касающимися начала этой войны. Скорѣе дѣло можетъ идти о томъ, чтобы выяснить впечатлѣнія, какія они производили на Лассаля и Маркса и какъ они отражались на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. И тотъ, и другой одинаково надѣялись, что крымская война, сокрушившая европейскую диктатуру царизма, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ пробужденіе вновь революціоннаго движенія, и Марксъ передавалъ дипломатическія сообщенія, которыя ему доставлялъ Лассаль изъ своего освѣдомленнаго „кабинетно“ источника, дословно въ „New-Iork Tribune“. Смотри объ этомъ „The Eastern Question“ Маркса.

Несомнѣнно, что Лассаль былъ тогда хорошо освѣдомленъ о берлинской политикѣ. Кто бы ни доставлялъ ему эти свѣдѣнія, несомнѣнно что парень этотъ находился у самаго источника. Какъ „сильное“ министерство Мантейфеля позволяло Россіи командовать собой, Англіи—учить себя, Австріи—водить себя за носъ, какъ оно пыталось лавировать между воюющими державами при помощи мелочныхъ интригъ и шатаній, все это съ тѣхъ поръ стало извѣстнымъ изъ множества источниковъ.

Но этимъ дѣло не кончилось, когда весной 54 г. наступилъ своего рода кризисъ, когда военный министръ ф.-Бонинъ, другъ короля Бунзенъ, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, и даже принцъ прусскій, всѣ трое желавшіе идти вмѣстѣ съ западными державами, принуждены были сдаться. Король вмѣстѣ съ окружающей его камарильей въ глубинѣ души былъ за Россію, но онъ никогда не находилъ въ себѣ мужества, чтобы рѣшиться окончательно на что-нибудь. Если Лассаль писалъ тогда, что король и Мантейфель нейтрализуются, какъ противоположныя соли, то Бисмаркъ въ своихъ запискахъ говоритъ то же самое, когда онъ разсказываетъ о безпрестанныхъ кабинетныхъ кризисахъ между королемъ и Мантейфелемъ, которые постоянно разрѣшались тѣмъ, что оба сходились на бездѣйствіи.

Это были дни, когда Фридрихъ Вильгельмъ IV писалъ англійскому принцу-супругу, что его „серьезное рѣшеніе и истинное желаніе“ идти „при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ на жизнь и смерть вмѣстѣ со своей дорогой Англіей“, и когда онъ вслѣдъ затѣмъ давалъ обѣщаніе своему „старому Никѣ“ „трубить въ фаготъ“, если забьютъ русскіе барабаны, и когда „старый Ника“ скорѣе мѣтко, чѣмъ нѣжно говорилъ, что его прусскій король-зять встаетъ утромъ русскимъ для того, чтобы вечеромъ лечь въ постель англичаниномъ. То, что дѣлало короля „помѣшавшимся отъ страха“, было дѣйствительно „баснословной глупостью“: онъ опасался „прыжка тигра съ Запада“; Фридрихъ - Вильгельмъ видѣлъ въ Бонапартѣ 2-го декабря знаменоносца европейской революціи. Зибель пишетъ объ этомъ въ своемъ оффиціозномъ изложеніи, заимствованномъ „преимущественно изъ прусскихъ государственныхъ актовъ“, изложеніи, которое, хотя въ общемъ и достаточно тенденціозно, но въ этомъ спеціальномъ пунктѣ заслуживаетъ полнаго довѣрія: „Король не сомнѣвался, что Наполеонъ выпуститъ противъ нейтральной Пруссіи всѣхъ кровожадныхъ собакъ революціи и, что онъ, къ сожалѣнію, найдетъ въ Германіи слишкомъ много помощниковъ въ этомъ дѣлѣ“. Въ высшей степени вѣ-

ятно, что тогда въ Берлинѣ носились съ мыслью однимъ насильствен-нымъ ударомъ сдѣлать безвредными всѣхъ извѣстныхъ демократовъ.

Въ общемъ, замѣчаніе Лассаля, что его извѣстія настолько вѣрны, какъ если бы они исходили изъ устъ Мантейфеля, надо конечно понимать совершенно дословно. Въ этихъ именно „кабинетныхъ“ сообщеніяхъ есть также много „кабинетнаго“ воображенія. Миссія лорда Минто господина зеніе — лордъ-Минто раздувалъ въ 47 году революціонныя вспышки въ Италіи,—предложеніе Бонапарта Кавуру присоединить нѣкоторыя итальян-скія государства и уступить эту за это Савою, выставленіе французскихъ войскъ на германской и итальянской границахъ и т. д. — все это было, если не чистое воображеніе, то все-таки сильно преувеличенныя порожденія берлинскаго страха. Если даже Наполеонъ уже тогда думалъ кокетничать съ итальянскимъ вопросомъ и пытаться нагнать страху на нѣмецкія государства, чтобы принудить ихъ къ союзу противъ Россіи, то онъ все-таки не могъ бы такъ дерзко играть съ огнемъ. Можно приписать только дипломатически-военному положенію, бывшему въ февралѣ 54 года еще очень неяснымъ, то, что Лассаль и Марксъ принимали эти сообщенія безъ всякихъ ограниченій, если не считать за ограниченія оба восклицательныхъ знака, которые Лассаль поставилъ за „революціонными планами Наполеона“, и которые Марксъ перепечаталъ въ New-York Tribune.

Извѣстно, что крымская война осталась въ предѣлахъ войны между кабинетами. Лассаль и Марксъ должны были оставить на время свои революціонныя надежды, въ то же время между ними начинаетъ проявляться разногласіе, первые слабые слѣды котораго обнаруживаются уже въ 27-мъ и 28-мъ письмахъ. Они жили тогда почти полъ-десятилѣтія отдѣльно одинъ отъ другого: Марксъ въ метрополіи англійской міровой власти, на наиболѣе благопріятной для наблюденія интернаціональной политики метереологической станціи, Лассаль въ маленькомъ городѣ презираемой и оскорбляемой Германіи, которая пока была только географическимъ понятіемъ. Такимъ образомъ онъ подчинялъ все революціонному разрѣшенію германскаго вопроса, въ то время какъ Марксъ ставилъ этотъ вопросъ въ связи со всѣмъ европейскимъ развитіемъ въ его цѣломъ.

Не то, чтобы этимъ подтверждались буржуазныя фантазіи, будто бы Лассаль повидимому былъ „націоналенъ“, а Марксъ и Энгельсъ „интернаціональны“. Если бы въ этомъ былъ вообще какой-либо смыслъ, то можно было бы скорѣе представить доказательство, правда не дѣйствительное, но все же фиктивное доказательство для совершенно противоположнаго утвержденія. На самомъ дѣлѣ Лассаль, Марксъ и Энгельсъ были вполнѣ солидарны въ революціонномъ разрѣшеніи національнаго вопроса. Но при всемъ тождествѣ принципіальнаго воззрѣнія въ практической политикѣ всегда обнаруживается всетаки различіе въ зависимости отъ того, съ какой точки зрѣнія вещи разсматриваются. Болѣе высоко лежащая точка зрѣнія въ извѣстномъ смыслѣ— болѣе благопріятная; Лассаль не оставилъ намъ ничего такого, что могло бы сравниться съ богатствомъ блестящихъ анализовъ, сдѣланныхъ Марксомъ относительно европейской политики XIX столѣтія. Но въ другомъ отношеніи и ниже лежащій пунктъ имѣетъ свои преимущества для практической политики. Поле зрѣнія меньше, но его видно точнѣе, и даже высоты видимы въ ихъ общихъ очертаніяхъ на горизонтѣ часто яснѣе слабыми глазами,

чѣмъ глазами, обладающими острымъ зрѣніемъ, при которомъ общее теряется въ ихъ разсѣлинахъ и ущельяхъ. Да и элементъ побѣды можетъ какъ разъ заключаться въ томъ, что, слѣдуя безусловно необходимому рѣшенію, не замѣчаешь всѣхъ мыслимыхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, которыя несетъ въ себѣ въ концѣ концовъ всякое политическое рѣшеніе; военная исторія, а война до сихъ поръ была самой активной формой активной политики, даетъ намъ безчисленное множество примѣровъ, подтверждающихъ это.

Лассаль разсматривалъ восточный вопросъ съ точки зрѣнія нѣмецкой революціи. Турція распадется болѣе благодаря своимъ помощникамъ, чѣмъ врагамъ; вмѣстѣ съ Турціей распадется Австрія; распаденіе Австріи означаетъ созданіе Германіи, какъ единой республики, которая должна доказать и докажетъ свою жизненность въ борьбѣ на жизнь и смерть съ Россіей и въ колонизаціи областей, находящихся еще до сихъ поръ подъ властью турокъ. Внутренняя связь восточнаго вопроса съ нѣмецкой революціей оставалось всегда любимой мыслью Лассаля, и какъ часто ему ни приходилось позволять бранить себя „мечтателемъ“. Еще 8 мая 1863 года онъ писалъ Родбертусу: „Вся отсрочка съ 1839 года столь часто возбуждаемаго восточнаго вопроса въ его цѣломъ имѣла для меня всегда лишь тотъ разумный смыслъ и проявленіе общаго взаимоотношенія, что вопросъ долженъ откладываться до тѣхъ поръ, пока его не разрѣшитъ его естественный преемникъ—германская революція“. Такъ какъ Турція не распалась во время крымской войны, то Лассаль перевертываетъ цѣпь своихъ заключеній: если распаденіе Турціи не вызвало нѣмецкой революціи, то нѣмецкая революція разрѣшитъ восточный вопросъ. Но далѣе, ближайшей задачей нѣмецкой революціи было разрушеніе Австріи, и габсбургское насильственно спаянное государство начало становиться въ глазахъ Лассаля тѣмъ врагомъ, на котораго онъ уже не смотрѣлъ болѣе вполнѣ безпристрастно. Какъ сильно онъ ошибался, когда въ противоположность своему дипломатическому источнику думалъ, что Австрія въ крымскую войну предастъ Россіи западныя державы!

Марксъ, напротивъ, разсматривалъ тогдашнія восточныя волненія съ точки зрѣнія европейской революціи. По его мнѣнію султанъ лишь изъ-за нея сохранилъ за собой Константинополь, и Марксъ высмѣивалъ тѣхъ людей, которые изъ ненависти къ Россіи стали панегиристами турецкаго управленія. Сочиненіе Давида Уркварта о Россіи, написанное противъ Пальмерстона, не убѣдило его, но настолько возбудило, что онъ рѣшилъ основательно изучить восточный вопросъ. Онъ подвергъ тщательному изученію дипломатическія синія книги, протоколы засѣданій англійскаго парламента въ первой половинѣ XIX столѣтія и также находящіеся въ Британскомъ музеѣ дипломатическіе акты. Изъ этого для него выяснилось, что со времени Петра Великаго существовало постоянное тайное согласованное дѣйствіе лондонскаго и петербургскаго кабинетовъ, кульминаціонный пунктъ котораго, въ началѣ 54 года, Марксъ увидалъ въ томъ, что Англія, вслѣдствіе стараній русскаго агента Пальмерстона, хотѣла вести лишь фиктивную войну съ Россіей. Если Марксъ такимъ путемъ подошелъ близко ко взглядамъ Уркварта, то взглядъ послѣдняго относительно жизнеспособности Турціи также до нѣкоторой степени отразились на немъ, когда обстоятельства не приняли ожидаемаго революціоннаго характера и въ то же время царизмъ

олженъ былъ держаться вдали отъ Константинополя до тѣхъ поръ, пока еволюція не будетъ достаточно сильна, чтобы она могла занять эту рѣшительную позицію.

Однако въ нашемъ изложеніи намъ не зачѣмъ касаться ни Турціи, и Австріи, на распаленіе которыхъ Марксъ съ точки зрѣнія европейской революціи не могъ смотрѣть, какъ на первую необходимость. Если онъ могъ вообще стоять мало за „боязливый, консервативный, толь же неуклюжій, сколь и жестокій деспотизмъ“ вѣнскаго кабинета, о для него все-таки имѣло значеніе единственное обстоятельство, которое оправдывало существованіе Австріи, какъ государства съ половины XIX толѣтія, именно, что она „оказывала безпомощное, непослѣдовательное, трусливое, но упорное сопротивленіе“ успѣхамъ Россіи въ восточной Европѣ; прекратить это сопротивленіе, пока революція достигнетъ того, что собственными силами покончитъ съ этими успѣхами, значило думать о выгодахъ своего врага. Здѣсь, такимъ образомъ, начинаетъ проявляться рѣзкая противоположность между Марксомъ и Лассалемъ, какъ политиками.

Во время крымской войны это было лишь въ зародышѣ, но характерно уже то, какъ живо Лассаль протестуетъ противъ предполагаемой Марксомъ рабской зависимости Пальмерстона отъ Россіи. При этомъ онъ оперируетъ съ фактами, взятыми изъ перваго хорошаго руководства по исторіи, и было бы глупо ставить на одну доску его наскоро составленное мнѣніе о восточной политикѣ съ глубокими и поучительными изслѣдованіями Маркса. Но по существу Лассаль оказался правъ. Хотя и можно всегда съ полнымъ правомъ относиться отрицательно къ политикѣ Пальмерстона въ крымскую войну, но отъ упрека въ сознательной измѣнѣ отечеству она все-таки защищена фактическимъ теченіеніемъ дѣлъ. Самая острая критика дипломатическихъ актовъ имѣетъ для практической политики свои своеобразныя дурныя стороны, о которыхъ, впрочемъ, Лассаль имѣетъ еще случай говорить въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ.

1855.

29.

Дюссельдорфъ, 7 января 1855 г.

Съ Новымъ Годомъ!

Дорогой Марксъ!

Мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе то, что я могу послать тебѣ—въ видѣ перевода на имя Бишофсгейма и Гольдшмидта въ Лондонѣ — 200 талеровъ, которые я обѣщалъ прислать тебѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ началѣ января. Графиня кланяется тебѣ сердечно много разъ и желаетъ вмѣстѣ

со мной, чтобы посылка принесла тебѣ пользу и была бы въ состояніи устранить нѣкоторыя непріятности твоего положенія. Банкиръ, у котораго я сдѣлалъ переводъ денегъ, не захотѣлъ выдать его по предъявленіи, а лишь въ теченіе восьми дней отъ указаннаго числа (13). Но деньги будутъ выданы тебѣ и раньше, если ты предъявишь раньше переводную расписку.

Отъ своего двоюродного брата я ничего не слыхалъ съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ тебѣ послѣднее письмо. Но недавно я нашелъ въ «Neue Oderzeitung» лондонскую корреспонденцію со знакомъ X., которая по стилю и изложенію во всякомъ случаѣ должна исходить отъ тебя. Такимъ образомъ я заключаю, что все въ порядкѣ.

Сегодня у меня нашелся бы досугъ для пріятной болтовни. Но это желаніе испорчено у меня основательнымъ предположеніемъ, что не будетъ ничего невѣроятнаго, если это письмо раньше чѣмъ попасть въ твои руки подвергнется благоразумному полицейскому просмотру.

Съ нѣкотораго времени дѣлаются снова чрезвычайныя усилія, причемъ съ удвоенной и утроенной энергіей, чтобы задушить «оставшагося въ живыхъ», какъ я обыкновенно называю себя послѣ изгнанія своихъ друзей.

Но оставшійся въ живыхъ окажетъ rude defense и пока чувствуетъ отъ столько же геніальныхъ, сколько и лойальныхъ маневровъ нашей полиціи скорѣе веселость, чѣмъ безпокойство. Недавно выдумали мнѣ двойника. Въ Золингенъ послали кого-то, кто долженъ былъ попытаться по возможности подражать мнѣ во всемъ внѣшнемъ, включительно до моей палки; тамъ у рабочихъ, не знавшихъ меня въ лицо, онъ выдавалъ себя за Лассаля изъ Дюссельдорфа, велъ съ ними переговоры относительно вступленія въ организаціонныя сношенія съ Леннепомъ, Изерлономъ и др., для того, чтобы рабочіе могли возстать компактной массой, если грянетъ громъ во Франціи. *Оффиціальный* исполнитель этой роли, котораго я распознавалъ достаточно точно, но имени котораго я не могу сообщить тебѣ здѣсь, хотя это очень развеселило бы тебя, хотѣлъ отчасти узнать, какія могутъ быть связи между горными рабочими и мною, а также у нихъ между собой, съ другой стороны онъ хотѣлъ дѣйствовать компрометирующимъ меня образомъ. Извѣщенный тотчасъ объ этомъ происшествіи, я заявилъ о немъ властямъ, настаивая на разоблаченіи псевдо-Лассаля.

При этомъ я, естественно, попалъ изъ огня да въ полымя.

Изъ того, что я былъ извѣщенъ объ этомъ дѣлѣ, наши остроумные и мудрые чиновники вывели какъ разъ доказательство существованія организованной связи между мною и рабочими каждаго городка горнаго округа. Вмѣсто того, чтобы начать разслѣдованіе противъ псевдонима, было начато дѣло *противъ меня*; меня хотѣли допросить (!!), какимъ образомъ я получилъ объ этомъ свѣдѣнія; въ Золингенѣ у рабочихъ были произведены обыски. Все, разумѣется, съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ.

Съ другой стороны, получены были недавно изъ Берлина строжайшія распоряженія накрыть меня à tout prix! Впрочемъ, пока такіе приказы легче давать чѣмъ выполнять!

Между тѣмъ слѣдствіемъ этого явилась *чрезвычайная* дѣятельность какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновниковъ. Если когда-нибудь я пріѣду въ Лондонъ, я смогу тебѣ сообщить нѣкоторыя вещицы насчетъ этого, которыя дѣйствительно настолько хороши, что могутъ уморить со смѣху. Меня опутали сѣтью, петли которой настолько часты, что черезъ нихъ не могла бы проскользнуть ни одна мышь возможно даже, что это письмецо застрянетъ въ нихъ. Но если петли этой сѣти такъ часты, что черезъ нихъ не можетъ пролѣзть мышь, то, къ счастью, ткань сѣти такъ тонка, что въ тотъ моментъ, когда бы захотѣли соединить ея концы надъ моей головой, она разорвалась бы подъ моими руками, какъ паутина!

Пока должна быть соблюдена *какая-нибудь юридическая форма*, мнѣ нечего бояться; пока меня лишь забавляютъ мучительныя для нихъ самихъ, отчаянныя старанія этихъ людей, которые, опутывая меня, гораздо больше захвачены моими взорами. Между тѣмъ приказанія изъ Берлина настолько часты, настолько настойчивы, что я можетъ быть не слишкомъ много комбинирую, если предполагаю, что эти преслѣдованія противъ меня не единичны, но скорѣе связаны съ замышляемымъ grand coup и съ развитіемъ нашей иностранной политики, относительно которой инстинктивно чувствуютъ, что она должна будетъ наступить въ очень недалекомъ будущемъ. На всякій случай имъ хотѣлось бы сначала наложить свою руку на нѣкоторые элементы (или быть хоть en ètat сдѣлать main basse) и въ особенности на меня, котораго теперь вдругъ дѣлаютъ насильно шефомъ и point de raillement всѣхъ рабочихъ горнаго округа. Если дѣло дойдетъ до того, что рѣшатся на чисто произвольное тюремное заключеніе безъ соблюденія юридическихъ формъ, то это имѣетъ и свои серьезныя стороны.

Но во всякомъ случаѣ это еще не скоро. Хотя, какъ я сказалъ, я приму всевозможныя предосторожности, чтобы письмо навѣрное попало въ твои руки, такъ какъ оно денежное, тѣмъ не менѣе не невозможно, что оно подвергнется предварительно ревизіи.

И эта перспектива является легко понятной причиной, которая отнимаетъ у меня охоту ко всякой болтовнѣ съ тобой, какъ бы невинна она ни была. Но если дѣйствительно надъ этимъ письмомъ склонится красно-мѣдный полицейскій носъ, то я отъ души желаю ему прочесть въ немъ выставленное здѣсь его духовное testimonium paupertatis.

Письмо я запечатаю такъ, что ты долженъ замѣтить, было ли оно раньше вскрыто. Въ своемъ отвѣтѣ сообщи мнѣ объ этомъ.

Теперь одинъ вопросъ. Для одной цѣли я желалъ бы получить отъ тебя указанія на счетъ одного или нѣсколькихъ произведеній, которыя заключали бы въ себѣ возможно болѣе полныя статистическія данныя, основанныя по возможности на оффиціальныхъ цифрахъ, относительно слѣдующихъ вопросовъ:

Въ 1846 году, какъ извѣстно, были уничтожены Пилемъ хлѣбныя пошлины; это значитъ, что немедленно должно было быть значительное пониженіе въ торговой скалѣ, но окончательное уничтоженіе хлѣбныхъ пошлинъ должно было наступить лишь съ *1 февраля 1849 года*. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ и весьма возможно, что уже опубликованы оффиціальныя или исходящія отъ дѣльныхъ англійскихъ экономистовъ и статистиковъ данныя, основанныя на *достовѣрныхъ цифрахъ*, относительно того, какія измѣненія произошли *вслѣдствіе* отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ или по крайней мѣрѣ *со времени* ихъ отмѣны (1849 г.): a) въ высотѣ заработной платы; b) въ цѣнѣ индустріальныхъ продуктовъ, и при томъ какъ тѣхъ, при производствѣ которыхъ сырой продуктъ играетъ относительно значительную роль, такъ и тѣхъ, гдѣ эта роль лишь весьма подчиненная; c) въ числѣ акровъ земли, которые находились раньше въ Англіи подъ хлѣбными посѣвами, а съ этого времени можетъ быть были предоставлены для иного пользованія (пастбища, скотоводства и т. д.) или совсѣмъ не подверглись культурѣ; d) въ количествѣ бушелей зерноваго хлѣба, ежегодно потребляемаго съ тѣхъ поръ, въ отличіе отъ прежняго (все это въ Великобританіи); e) въ числѣ «hands», занятыхъ до того времени въ Великобританіи сельскохозяйственнымъ производствомъ, и съ тѣхъ поръ оттянутыхъ отъ него.

Можетъ быть board of trade имѣлъ случай опубликовать объ этомъ болѣе или менѣе критически просмотренный цифровый матеріалъ; можетъ быть это сдѣлано нѣкоторыми писателями. Въ Германіи можно узнать лишь съ большимъ трудомъ и то *очень поздно* о новѣйшихъ произведеніяхъ англійской книжной торговли. Я прошу тебя, поэтому, сообщить мнѣ *точное заглавіе произведеній* (которыя, насколько это было бы пригодно для моей цѣли, могли бы появиться не раньше 1852 и 1853 гг.), произведеній, заключающихъ въ себѣ матеріалъ объ этомъ.

Сердечно кланяюсь тебѣ и твоей женѣ.

Твой Ф. Лассаль.

NB. Отвѣть мнѣ *возможно скорѣе* получилъ ли ты письмо. Если я черезъ восемь дней не буду имѣть никакого отвѣта, то я долженъ буду предположить, что его задержала полиція и заявить черезъ банкира, что прилагаемый переводъ не дѣйствителенъ.

30.

Отрывокъ.

(27 января).

...было, лишь въ 1851 году оно начало возникать и съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ, а теперь съ каждымъ мѣсяцемъ гигантски увеличивается; свое главное основаніе оно имѣетъ безусловно не въ опредѣленныхъ политическихъ тенденціяхъ буржуазіи, но скорѣе въ общемъ инстинктѣ, начинающемъ постепенно, но неоспоримо овладѣвать всѣми классами, такъ что живешь все въ *переходное время* а наши правительства хоть и могутъ побѣждать въ уличной борьбѣ, но не въ силахъ заложить основаніе *прочному* и *продолжительному* положенію вещей. Когда въ 1849 году наступила полная побѣда реакціи и штыки вездѣ одержали верхъ, буржуазія сначала предалась dulci jubilo. Она, которая ни въ чемъ такъ сильно не нуждается какъ въ *прочномъ* положеніи вещей и которая прощаетъ ему ради *этого* свойства почти всѣ его другіе грѣхи, она не сомнѣвалась, что теперь снова вернутся старыя добрыя времена до 1848 года и возстановится на продолжительное время порядокъ вещей, хотя бы даже и стараго покроя. Было достаточно немногихъ лѣтъ, чтобы на мѣсто этого полнаго надеждъ желанія явилось весьма рельефно выраженное недовольство.

Неудачные эксперименты съ нѣмецкимъ единствомъ, Эрфуртская попытка, королевскій договоръ, разладъ съ Австріей и Баваріей, давно угрожавшая опасность окончательнаго разложенія таможеннаго союза, возстановленіе активности Союзнаго совѣта, которому вмѣстѣ съ тѣмъ не были въ состояніи вернуть прежній ансамбль, внутри страны постоянныя измѣненія конституціи, которой уже присягали, возстановленіе активности провинціальныхъ сословій *на ряду* съ камерами, безпрестанное распущеніе камеръ, измѣненія избирательныхъ законовъ, эксперименты относительно образованія первой камеры, полная неудача которой ясна всему міру—все это пробуждало болѣе или менѣе не ясно убѣжденіе въ томъ, что имѣется все только не *прочное* положеніе вещей и что правительство совершенно не въ состояніи сдѣлать его таковымъ. Всѣмъ обществомъ овладѣло чувство, что живешь исключительно со дня на день, и что оборотной стороной всѣхъ вещей является общій переворотъ, къ которому правительство, несмотря на свое всемогущество и абсолютизмъ, не знаетъ даже какъ подступиться. Но на долгое время нѣтъ ничего болѣе невыносимаго, какъ подобное состояніе, болѣе подавляющаго, какъ вѣчное ощущеніе чего-то временнаго, вѣчное ожиданіе пугала предстоящаго переворота. Дошли даже до такого рода *неустрашимости*, что желаютъ, чтобы это пугало было лучше позади нихъ, а не всегда впереди и, такъ сказать, примирились съ мыслью, что придется разъ продѣлать эту вещь. Прежде всего этому дурному настроенію способствовали, разумѣется, снова матеріальныя отношенія, съ другой стороны, конечно, ухудшеніе матеріальныхъ отношеній было опять-таки отчасти слѣдствіемъ этого чувства неувѣренности въ политикѣ. Многія мѣстности Германіи вслѣдствіе дурного управленія прямо таки разорены матеріально, переселенія, происходящія у насъ главнымъ образомъ именно среди класса мелкихъ имущихъ людей, отняли у націи очень значительный капиталъ и потребительную способность внутри страны, вмѣстѣ съ этимъ сократили по крайней мѣрѣ во многихъ отрасляхъ сбытъ и прибыль, а съ другой стороны чувство политической неувѣренности дѣлаетъ капиталъ недовѣрчивымъ къ нѣкоторымъ видамъ прочныхъ вкладовъ. (Вѣдь уже съ нѣкотораго времени, что, впрочемъ, имѣетъ съ этимъ лишь отдаленную связь, можно находить сколько угодно гипотечнаго капитала только для имѣній, но нельзя найти почти никакого капитала, или лишь съ большимъ трудомъ, для домовъ). Еще не много времени прошло, какъ мы вступили въ рядъ странъ, занимающихся

индустріей въ большомъ масштабѣ. Постепенное вытѣсненіе средняго сословія, являющееся вездѣ слѣдствіемъ крупнаго современнаго производства, раздѣленіе націи на двѣ части—на крупныхъ капиталистовъ и пролетаріевъ, которое есть прямое слѣдствіе промышленной системы производства, какъ таковой, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ начинаетъ происходить все въ большихъ и большихъ размѣрахъ и дѣлаться все болѣе и болѣе чувствительнымъ. Но на это неудержимо-прогрессирующее нивеллированіе средняго сословія ни мелкая буржуазія, почти уже поглощенная волнами, ни средняя, которой ежедневно все больше угрожаютъ эти волны, не смотрятъ какъ на чисто неизбѣжное слѣдствіе нашихъ соціальныхъ условій, но оно, что весьма естественно, также приписывается ими *политическимъ* условіямъ и ставится въ вину правительствамъ.—Именно *поэтому* существуетъ большое озлобленіе! Сюда присоединяется и то, что спекуляція, являющаяся впрочемъ сама по себѣ уже дочерью крупной промышленности, никогда не можетъ развиваться болѣе необузданно, чѣмъ во время политическихъ кризисовъ и обусловливаемыхъ ими колебаній, и что въ такомъ случаѣ во многихъ отрасляхъ разрушается не только всякая увѣренность, но даже почти всякая возможность такъ называемой «буржуазной наживы»—вслѣдствіе колебаній, вызываемыхъ крупной спекуляціей; такимъ образомъ, здѣсь въ извѣстной степени правильно, уменьшеніе буржуазнаго накопленія приписывается политическимъ условіямъ.

Прибавь ко всему этому налоги, которые за два года дѣйствительно возросли до *приводящей въ ужасъ* высоты (въ особенности коммунальные налоги) и прямо таки истощаютъ средній классъ (въ Дюссельдорфѣ, напримѣръ, одни *прямые* налоги, государственные и коммунальные налоги, взятые вмѣстѣ въ ихъ различныхъ подраздѣленіяхъ, достигаютъ очень часто 10 процентовъ доходовъ [не считая патентнаго налога, промыслового и земельнаго налоговъ], въ Эльберфельдѣ гораздо выше),—и ты составишь себѣ понятіе объ общемъ стѣсненномъ положеніи, причиной котораго считаютъ только политическія условія, противъ которыхъ поэтому чувствуютъ до сихъ поръ невиданное озлобленіе. Все равно, справедливо или нѣтъ, но средняя, зажиточная и состоятельная буржуазія сдѣлала разсчетъ, что «революціонный переворотъ стоилъ бы ей меньше или во всякомъ случаѣ не дороже, или, если бы онъ даже взялъ у нея сразу большую часть *ея капитала* (!), то это было бы преходящимъ явленіемъ и освободилъ бы мѣсто

для новаго періода расцвѣта, между тѣмъ какъ теперь ее медленно пожираютъ и этому не придвидится никакого конца». Эти приведенныя здѣсь въ ковычкахъ слова суть, по смыслу, ipsissima verba, которыя я слышалъ отъ состоятельныхъ и зажиточныхъ, совершенно консервативныхъ или индифферентныхъ фабрикантовъ и предпринимателей различнаго рода, слова, которыя они высказывали не безъ многихъ стоновъ, но развивали, какъ самое глубокое ихъ убѣжденіе.

Въ настоящее время обстоятельства еще болѣе ухудшились. Вслѣдствіе американскаго кризиса наши рейнскіе и берлинскіе фабриканты, уже давно имѣвшіе главный свой сбытъ въ Америкѣ, потеряли большую часть своихъ комиссій и работаютъ теперь отчасти про запасъ, отчасти они должны были ограничить свое производство.

Всѣ эти основныя черты можно было наблюдать очень отчетливо уже въ серединѣ 1853 года; съ того времени онѣ лишь развились количественно. Но съ запутанностью дѣлъ на востокѣ— независимо отъ ихъ очень вреднаго дѣйствія на матеріальное положеніе—къ этому присоединяется еще другой моментъ. Насколько наша буржуазія до сихъ поръ была готова присягать Россіи, настолько же она, по легко понятнымъ причинамъ, съ начала восточной войны въ своихъ симпатіяхъ и желаніяхъ рѣшительно выступила противъ Россіи, и это относится даже и къ *высшей* буржуазіи. Къ дѣйствительной войнѣ съ Россіей она конечно (самое большее за исключеніемъ демократической фракціи буржуазіи) не имѣетъ никакой охоты. Но она несомнѣнно того мнѣнія, что, если бы Пруссія во́ время присоединилась къ западнымъ державамъ или бы это еще сдѣлала, то война бы совсѣмъ не вспыхнула или она тотчасъ была бы прекращена. Исходя изъ этого предположенія, она считаетъ себя оскорбленной до самой сокровенной глубины своихъ матеріальныхъ интересовъ, рѣшительно благопріятной для Россіи политикой нашего правительства, проводимой не ради «порядка и спокойствія», но, какъ она по крайней мѣрѣ предполагаетъ, ради «чисто династическихъ» интересовъ. Съ тѣхъ поръ въ ея сознаніе проникла въ неслыханныхъ до того времени размѣрахъ противоположность династическихъ и національныхъ интересовъ. Въ первый разъ буржуазія была сильно поколеблена этой противоположностью въ своемъ собственномъ сознаніи, когда казалось, что таможенный союзъ, вслѣдствіе треній между Австріеій и Пруссіей, совершенно прекратитъ свое существова-

ніе. Для нея слишкомъ много—потерять ради династической пустой зависти этотъ «палладіумъ» ея матеріальныхъ пріобрѣтеній, эту почву, сдѣлавшуюся основой ея промышленности, и еще долго не забыть ей испытаннаго тогда (даже слишкомъ преувеличеннаго) смертельнаго страха. Но теперь противоположность между династическимъ и національнымъ представляется ей въ еще болѣе сильной степени. На отношеніе Пруссіи къ Россіи она смотритъ, какъ на настоящую *измѣну* ея матеріальнымъ интересамъ, она смотритъ на это отношеніе съ такимъ же возмущеніемъ, какъ раньше на «красное бунтарство»! Въ этомъ отношеніи мы не можемъ въ достаточной степени отблагодарить прусское правительство, которое дѣйствительно своей позиціей до невѣроятности отдалило отъ себя большую массу буржуазіи и создало почти *инстинктъ неизбѣжной*, или же болѣе неустранимой теперь, противоположности между національными и династическими интересами. Возникни извѣстныя обстоятельства — и отношеніе Пруссіи къ Россіи могло бы и можетъ подѣйствовать какъ разъ почти такъ же, какъ подѣйствовало въ 1792 году подозрѣніе противъ Людовика XVI въ томъ, что онъ содѣйствуетъ вторженію иностранныхъ державъ.

А теперь самая новѣйшая позиція, занятая Австріей по отношенію къ Пруссіи!!! Знаешь ли ты уже о *тайной* депешѣ Австріи отъ 14 января къ различнымъ нѣмецкимъ дворамъ? Эта депеша—на дѣлѣ нисколько не меньше, чѣмъ crime de haute trahison противъ нѣмецкой союзной конституціи, комплотъ не только противъ могущества, но даже противъ *территоріальной цѣлостности Пруссіи*; lambeauxея, какъ «*пріобрѣтенія отъ войны*», достаточно ясно поставлены на видъ нѣмецкимъ дворамъ. Нѣтъ ничего легче того, чтобы изъ этого развелось распаденіе всего союза, хотя, вѣроятно, сумѣютъ еще разъ вывернуться и замять это дѣло.

Впрочемъ, прусское правительство, сумѣвшее раздобыть себѣ эту депешу, не могло съ своей стороны дать на нее болѣе рѣзкаго отвѣта, чѣмъ тотъ, что оно ее опубликовало; послѣдняя появилась въ «Düsseldorfer Zeitung» въ пятницу (№ 23). («Düsseldorfer Zeitung» — извѣстная правительственная газета). Сегодня «Kölnische Zeitung» (отъ 27 января) перепечатала эту депешу изъ «Düsseldorfer Zeitung», но чего она не сообщаетъ и что я тебѣ поэтому прилагаю, это—передовая правительственная статья, вмѣстѣ съ которой въ «Düsseldorfer Zeitung» была опубликована депеша; статья эта (до стиля включительно) дѣйстви-

тельно настоящій ударъ грома. Прочти депешу въ «Kölnische Zeitung» — и ты себѣ доскажешь остальное. Мы имѣли бы такимъ образомъ опять снова «Австрію и Пруссію», которыя не являются «ни Австріей, ни Пруссіей, но» и т. д.

Мое описаніе нашего положенія дѣлъ выражается, согласно всему этому, кратко въ слѣдующихъ словахъ: Германія теперь подобна пустынѣ, выжженной тропическимъ солнцемъ Африки, гдѣ достаточно одной искры, чтобы пожаръ охватилъ квадратныя мили! Но въ этой-то искрѣ—нужда и изъ нашего собственнаго нутра она не вспыхнетъ. Война, напротивъ того, можетъ ее вызвать.

Таково положеніе, занятое нашимъ обществомъ вообще по отношенію къ нашему правительству. Относительно же группировки рабочихъ внутри общества и какое положеніе они занимаютъ по отношенію къ послѣднему, объ этомъ въ другой разъ.

NB. Личность, о которой я тебѣ кое-что сообщалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, не называя ее,—Гольдгеймъ, которому лавры Штибера не даютъ спать.

31.

Дорогой Марксъ!

Твое дружеское письмо со столь сердечнымъ приглашеніемъ заѣхать къ тебѣ я получилъ въ Парижѣ. Я было уже рѣшилъ послѣдовать ему и переѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, чтобы снова наконецъ быть среди *людей* (потому что въ Германіи иному почти кажется, что онъ «единственная чувствующая душа среди нѣмыхъ существъ», какъ это говорится въ «Водолазѣ») — но я получилъ письма отъ графини, которыя сдѣлали важнымъ мое возвращеніе въ Германію раньше, чѣмъ я предполагалъ. Я долженъ былъ поэтому покинуть Парижъ, а тѣмъ болѣе отказаться отъ лондонскаго проекта. Позже я путешествовалъ еще немного по Швейцаріи, а потомъ возвратился сюда. Больше одного письма я отъ тебя не получилъ. Я предполагалъ, что нѣкоторыя письма могутъ еще придти въ Парижъ, и оставилъ поэтому при своемъ отъѣздѣ изъ Парижа адресъ, по которому бы мнѣ ихъ потомъ переслали. Но не получилъ ничего.

Въ ближайшемъ іюлѣ—у меня на этотъ счетъ твердое намѣреніе—мнѣ нужны будутъ морскія купанія въ Остенде, и оттуда я во всякомъ случаѣ перескочу къ тебѣ.

У насъ плохое время. Вздорожаніе продуктовъ громадное, и далеко еще не достигло своего высшаго пункта! О повышеніи же заработной платы нѣтъ и рѣчи.

Статистическое бюро въ Берлинѣ опубликовало теперь свѣдѣнія относительно постояннаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ, которыя достаточно поучительны.

1846 годъ былъ, какъ извѣстно, самый дорогой со времени 1815 г. Такъ средняя цѣна за годъ:

	Шефель пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	Кортофеля.
	110 3/12	86 2/12	66 2/12	40 2/12	30
Въ 1849 году же:	61 7/12	31 8/12	25 6/12	18 1/12	13 7/12

При отсутствіи *какого бы то ни было* неурожая, даже отчасти при оченъ хорошихъ урожаяхъ, оказалось съ тѣхъ поръ лишь слѣдующее повышеніе:

	Шефель пшеницы.	Ржи.	Картофеля.
1852 г.	74 4/12	62 9/12	24 7/12
1853 „	91 6/12	70 10/12	24 7/12
1854 „	110	84	29
1 Сентября 1855 „	107 1/12	78 6/12	30 5/12

Во второй половинѣ этого года, напротивъ того, средяя цѣна будетъ очень велика и такимъ образомъ должно будетъ обнаружиться еще *гораздо* бо̀льшее повышеніе общей средней цѣны за весь годъ сравнигельно съ 1854 годомъ, чѣмъ это было въ 1854 году по отношеніи къ 1853 году.

Ecce homo!—Могу ли я еще рязсчитывать на то, что ты при случаѣ пришлешь мнѣ какъ-нибудь, въ отвѣтъ на мои прежніе статистическіе вопросы, обѣщанныя тобой цифровыя данныя?

Кланяюсь много разъ и сердечно твоей женѣ и всѣмъ моимъ тамошнимъ друзьямъ.

Твой Ф. Лассаль.

Дюссельдорфъ, 24 сентября 1855 года.

32.

(Осень).

Дорогой Марксъ!

Ты могъ бы сдѣлать мнѣ одно одолженіе. Съ нѣкотораго времени я нахожусь въ поискахъ за книгой озаглавленной: Les mystères de la Bourse par Coffineau, вышедшей, если не ошибаюсь, въ 30-хъ годахъ. Конечно, я могъ бы напасть на ея слѣдъ въ

Парижѣ; но мой здѣшній книгопродавецъ опредѣленно обѣщалъ мнѣ доставить ее черезъ своего парижскаго комиссіонера. Такимъ образомъ лично я не заботился объ этомъ. Возвратившись я узналъ, что не удалось ни достать книги, ни даже узнать книгоиздательство, гдѣ она появилась.

При твоихъ большихъ библіографическихъ познаніяхъ въ этой области можетъ быть для тебя окажется возможнымъ указать мнѣ по крайней мѣрѣ это книгоиздательство, если ты не можешь достать самаго сочиненія.

Будь также добръ, сообщи мнѣ теперешній адресъ Фрейлиграта, такъ какъ я ему хочу написать въ ближайшемъ будущемъ. Сердечный привѣтъ тебѣ и твоей женѣ.

Твой Ф. Лассаль.

NB. Приведенныя въ моемъ послѣднемъ письмѣ цѣны на пшеницу выражены въ зильбергрошахъ, какъ ты конечно самъ догадался, если даже по разсѣянности, такъ какъ со мной разговаривали во время писанія, я и обозначилъ ихъ, какъ я думаю, въ талерахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Введеніе 29-го письма снова указываетъ, что одно письмо Лассаля потеряно. Двоюродный братъ, о которомъ онъ говоритъ, былъ Максъ Фридлендеръ, позднѣе редакторъ „Wiener Presse". До 55 года Фридлендеръ работалъ вмѣстѣ съ Морицомъ Эльснеромъ, старымъ другомъ Вильгельма Вольфа, въ редакціи „Neue Oder Zeitung", которая, несмотря ни на что, старалась еще въ Бреславлѣ держать стойко демократическое знамя. Къ ея послѣднимъ судорожнымъ усиліямъ относится ея попытка закрѣпить съ помощью иностранныхъ оригинальныхъ корреспонденцій исчезающій кругъ своихъ читателей, и Лассаль, повидимому, обратилъ вниманіе Фридлендера на Маркса. „Neue Oder Zeitung" была единственной нѣмецкой газетой, для которой Марксъ работалъ со времени прекращенія выхода „Neue Rheinische Zeitung" въ 49 году до основанія „Berliner Socialdemokraten" въ 65 году. Его сотрудничество въ ней, оплачиваемое приблизительно тридцатью талерами въ мѣсяцъ, продолжалось лишь короткое время; въ октябрѣ Эльснеръ писалъ ему, чтобы онъ прекратилъ свои письма, такъ какъ изсякли всѣ вспомогательные источники и „Neue Oder Zeitung" должна къ концу года прекратить свое существованіе, что и случилось.

Конецъ 30-го письма, точно также письма 31-е и 32-е показываютъ, что Лассаль продолжалъ заниматься экономическими вопросами, въ кото-

рыхъ онъ по любезному утвержденію Рошера и подобныхъ ему людей всегда былъ лишь „дилетантомъ“ и „фельетонистомъ“. Еще болѣе глубокое пониманіе экономическихъ взаимоотношеній выступаетъ въ 30-мъ письмѣ, къ сожалѣнію уцѣлѣвшемъ лишь въ видѣ отрывка. Единственная оговорка, какую можно сдѣлать это-та, что тогдашнія воззрѣнія прирейнской буржуазіи слишкомъ сильно приписываются имъ вообще нѣмецкой буржуазіи; насколько мало, несмотря на все, послѣдняя стала „не монархичной“ Лассаль узналъ, къ своему прискорбію, когда переселился въ Берлинъ. Это письмо показываетъ далѣе въ характерномъ видѣ его растущее отрицательное отношеніе къ Австріи. Лассаль приписываетъ вѣнскому кабинету дьявольскіе планы, отъ которыхъ на самомъ дѣлѣ „трусливые и неуклюжіе“ дипломаты на Дунаѣ, при всемъ ихъ вѣроломствѣ, все-таки были далеки. Положеніе дѣлъ было вкратцѣ таково. Несмотря на свою анти-русскую политику во время крымской войны, австрійскій кабинетъ все-таки не осмѣливался объявить войну Россіи безъ союза съ Пруссіей и нѣмецкаго союза. Но Фридрихъ Вильгельмъ IV ни за что не соглашался на объявленіе войны Россіи; также и среднія и мелкія государства, сколько они тогда ни храбрились, боялись дѣйствительной войны. Когда западныя державы соединились съ Сардиніей, что по положенію вещей было не столько чувствительнымъ ударомъ для Россіи, сколько тягостнымъ давленіемъ на Австрію, вѣнскій кабинетъ еще разъ отчаянно напрягъ свои силы и сообщилъ циркулярнымъ посланіемъ отъ 14 января 1855 года среднимъ и мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ, что, несмотря на несогласный съ нимъ взглядъ Пруссіи, императорскій предсѣдательствующій посланникъ получилъ приказъ внести предложеніе въ засѣданіе союза относительно мобилизаціи половины или всего состава арміи, точно также и относительно выбора главнокомандующаго союзныхъ войскъ.

Одновременно съ этой оффиціальной депешей и въ тотъ же самый день вѣнскій кабинетъ запросилъ конфиденціально у многихъ нѣмецкихъ дворовъ, хотятъ ли они каждый отдѣльно выставить свои войска подъ главнымъ начальствомъ австрійскаго императора въ томъ случаѣ, если оффиціальное предложеніе будетъ отклонено союзнымъ совѣтомъ,—при гарантированіи теперешняго положенія ихъ владѣній и при обѣщаніи соотвѣтствующей доли въ пріобрѣтеніяхъ, которыя будутъ достигнуты войной. Это—та конфиденціальная депеша отъ 14 января 1855 года, о которой Лассаль говоритъ въ концѣ 30-го письма. Она была несомнѣнно шахматнымъ ходомъ противъ Пруссіи, и такъ какъ нельзя предугадать какой „выигрышъ“ получилъ бы Ганноверъ или Вюртембергъ въ случаѣ побѣды надъ Россіей, то изъ депеши можно вывести, что „пріобрѣтенія отъ войны“ будутъ сдѣланы насчетъ Пруссіи. Но по всему историческому положенію вещей она была болѣе отчаяннымъ ходомъ въ затруднительномъ положеніи, чѣмъ тайнымъ заговоромъ австрійскаго кабинета, и вся эта авантюра разсыпалась тотчасъ же въ прахъ, когда всѣ опрошенныя среднія и мелкія государства, за единственнымъ исключеніемъ Брауншвейга, отказались отъ нея.

1857.

33.

Дюссельдорфъ, 26 апрѣля 1857 г.

Дорогой Марксъ!

Прошло, пожалуй, уже два года, какъ я ничего не слыхалъ о тебѣ! Правъ ли ты, оставляя меня такъ долго безъ всякаго извѣстія! Ты конечно скажешь, что съ моей стороны было то же самое! Нѣтъ! Вѣдь я написалъ послѣднее письмо, которое осталось безъ отвѣта, и вотъ я все ждалъ. Такъ какъ это продолжалось слишкомъ долго, то я часто собирался написать тебѣ. Но въ томъ-то и заключается бѣда, если на долго прервать переписку! Возобновленіе ея затягивается тогда обыкновенно до безконечности. Къ тому же я совсѣмъ не зналъ, какъ адресовать тебѣ письмо! Очень легко могло быть, что ты за это долгое время перемѣнилъ свою квартиру! Въ такомъ невѣдѣніи я нахожусь также и теперь; я не знаю еще, какъ адресовать это письмо. Но такъ какъ наша переписка не должна вѣдь окончательно прекратиться, то я дѣлаю effort suprême и пишу. Очень можетъ быть, что отправлю письмо на авось, по твоему старому адресу, а можетъ быть поручу отправить его тебѣ черезъ кого-нибудь, кто находится въ перепискѣ съ Фрейлигратомъ.

Какъ жилось тебѣ за этотъ промежутокъ времени, мой старый другъ? Я надѣюсь, что ты разскажешь мнѣ объ этомъ по возможности подробнѣе и вознаградишь меня за долгое молчаніе возможно болѣе длиннымъ письмомъ.

Что подѣлываетъ твоя жена, твои дѣти? Какъ поживаютъ друзья? Фрейлигратъ, Вольфъ, Энгельсъ, Дронке и др.? Ахъ! Не вы въ изгнаніи, а въ изгнаніи — я! Вѣдь вы тамъ вмѣстѣ въ одномъ городѣ, васъ тамъ *много* старыхъ товарищей по убѣжденіямъ и борьбѣ! А *я* живу здѣсь всѣ эти годы совсѣмъ одинъ, въ совершенномъ уединеніи отъ прежнихъ собратьевъ по оружію, послѣдній изъ могиканъ, какъ я себѣ называлъ въ припадкѣ сантиментальности. Это дѣйствительно очень жестоко! Вѣдь если не считать рабочаго класса, который не только сохраняетъ въ здравіи и свѣжести свой умъ и свое сердце, но съ тѣхъ поръ еще сильно

азвился, то среди такъ называемыхъ образованныхъ людей господ-
твуютъ все еще и даже больше, чѣмъ когда-либо, та же самая
икость нравовъ, тотъ же страхъ, то же, какъ и прежде, прятаніе
ıмихъ себя. Здѣсь съ трудомъ найдется одно-два исключенія изъ
гого правила.

Правда, Дюссельдорфъ маленькій городъ и въ немъ вообще
ѣтъ никакихъ одаренныхъ умомъ людей. Въ этомъ отношеніи
вась лучше. Съ теченіемъ времени становится душевной по-
)ебностью хоть разъ развлечься въ кругу единомышленниковъ и
ıвныхъ по образованію людей! Эту душевную потребность я
спытываю уже давно—давно, и это дошло до того, что теперь
этѣлось бы почти дать клятву въ томъ, что я поѣду—что я думалъ
дѣлать уже давно—въ будущемъ году въ Лондонъ, чтобы наконецъ
хоть разъ снова увидать старыхъ товарищей.

О себѣ мнѣ нечего много разсказывать. Я былъ за этотъ
промежутокъ времени пять мѣсяцевъ на востокѣ — въ Констан-
тинополѣ, Смирнѣ, Египтѣ, Дунайскихъ княжествахъ и т. д. Мой
шуринъ отправлялся туда и я не хотѣлъ, чтобы такой хорошій
случай былъ не использованъ. Я отправился вмѣстѣ съ нимъ. Я
хотѣлъ, чтобы хоть разъ дыханіе юга проникло въ мою грудь.
Само собой разумѣется, что во время такого путешествія очень
много видишь и многому научаешься. Но въ общемъ я опять
пришелъ къ тому убѣжденію, съ которымъ ѣхалъ уже туда: кто
знаетъ личное счастье, тотъ найдетъ тамъ всѣ средства и условія для
индивидуальнаго блаженства, *совершенно* иначе и въ *гораздо* боль-
шей степени, чѣмъ у насъ! Но для кого культурно-историческая
борьба есть жизненная потребность, тотъ можетъ долго жить
только въ нашей атмосферѣ, несмотря на полицію, мученія и тому
подобное!

Впрочемъ, за этотъ промежутокъ времени я очень напряженно
и многоразлично работалъ. Надъ одной изъ этихъ работъ ты,
пожалуй, будешь смѣяться! Еще въ началѣ 1846 года, прежде
чѣмъ меня захватилъ Гацфельдтскій процессъ, у меня было въ
значительной степени готово большое полу-филологическое, полу-
философское сочиненіе. Теперь я закончилъ этотъ безумный трудъ,
стоившій мнѣ двухъ лѣтъ и я намѣренъ теперь опубликовать его.

Возможно, что сочтутъ педантичнымъ съ моей стороны то, что я
сдѣлалъ эту работу, такъ какъ она такъ мало вяжется съ непосред-
ственными или собственно практическими потребностями современ-
ности. Но это не только своего рода потребность моего характера

никогда не оставлять неоконченнымъ то, что я когда-нибудь началъ—я ужасно ненавижу такой диллетантизмъ—но я также вообще держусь иного мнѣнія. Я всегда придавалъ очень большое значеніе античному теоретическому и философскому образованію и въ существенномъ остаюсь при томъ же взглядѣ и теперь. Это—духовная свобода, а вмѣстѣ съ этимъ корень и источникъ всѣхъ другихъ свободъ! Поэтому всякая научная работа въ этомъ отношеніи всегда является для меня достойной выполненія. Наука о духѣ и политика ни въ какомъ случаѣ ни противоположны другъ другу, ни—въ самомъ глубокомъ своемъ смыслѣ—не независимы другъ отъ друга. Тѣмъ болѣе, что мы, нѣмцы, создали себѣ этимъ путемъ наше понятіе свободы, и можетъ быть именно поэтому понятіе еще очень не живое, но за то тѣмъ болѣе глубокое. Я думаю также, что въ нѣкоторомъ отношеніи это можетъ быть полезнымъ, если я внушу къ себѣ нѣкоторое уваженіе со стороны нашихъ теоретиковъ, такъ какъ мы вѣдь теоретическій народъ—что, надо надѣяться, въ извѣстномъ смыслѣ измѣнится! И это я во всякомъ случаѣ жду отъ моего сочиненія. Вотъ почему я не отказался отъ своего безумнаго труда и снова погрузился—послѣ десятилѣтняго перерыва—въ филологію и счастливо окончилъ дѣло. Но для этого надо было имѣть удивительное самообладаніе и энергію.

Така какъ на Рейнѣ все еще не существуетъ никакихъ филологическихъ и философскихъ издательскихъ фирмъ, то я уѣзжаю на дняхъ для издательства въ Берлинъ и останусь тамъ, пока оно не окончится, что можетъ продолжиться до сентября или октября (75 печатныхъ листовъ).

Полиція сначала распиналась во всю, чтобы не разрѣшить мнѣ жить въ Берлинѣ—эти бараны дѣйствовали такъ, какъ будто бы я могъ тамъ тотчасъ же разрушить дворецъ! Но въ виду рукописи, на которую я ссылался, и при видимомъ уваженіи къ наукѣ, и въ особенности къ «греческому языку», которымъ у насъ все еще охотно афишируются, и наконецъ—такъ какъ къ сожалѣнію или, пожалуй, въ этомъ отношеніи даже къ счастью у меня открыли глазную болѣзнь, какъ результатъ усиленнаго труда—въ виду свидѣтельствъ врачей, которыя доказывали, что я долженъ ѣхать туда для лѣченія у тамошняго знаменитаго глазного врача Грэфе, они признали себя вынужденными уступить и позволить мнѣ жить тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ *мѣсяцевъ*.

Но удержаться тамъ долго я не буду въ состояніи, какъ бы благотворна и даже почти необходима для меня ни была жизнь опять

ъ большомъ городѣ. По окончаніи срока меня во всякомъ случаѣ нова выбросятъ, тѣмъ болѣе, что не будетъ недостатка въ поводѣ ъ этому. Въ то время какъ я писалъ это абстрактно-теоретическое очиненіе, я чувствовалъ себя тѣмъ болѣе вынужденнымъ, въ видѣ амовознагражденія, работать одновременно надъ нѣкоторыми практически-животрепещущими произведеніями. Именно надъ политико-экономическимъ произведеніемъ. Съ нимъ однако я еще не подвинулся дальше необходимыхъ предварительныхъ работъ и съ трудомъ закончу его къ серединѣ будущаго года; очень можетъ быть, что и огда еще не совсѣмъ.

Далѣе я работалъ еще надъ кое-чѣмъ; и я думаю, что оно до нѣкоторой степени будетъ зажигательнымъ! Эта работа является для меня почти забавной и это тѣмъ болѣе, что не только всѣ мои друзья, но и я самъ считалъ себя особенно неспособнымъ и не приспособленнымъ къ такого рода производству. Съ этой работой я буду готовъ къ сентябрю. Она выйдетъ изъ печати одновременно съ ранѣе упомянутымъ сочиненіемъ. Само собой разумѣется, что я не премину послать тебѣ по экземпляру обѣихъ работъ въ знакъ моего неизмѣннаго уваженія и дружбы. Какъ лучше всего послать книги въ Лондонъ?

Какъ я сказалъ, я надѣюсь, что это сочиненіе будетъ до нѣкоторой степени зажигательнымъ! Но, если бы оно даже не дѣйствовало зажигающе на народъ, то оно во всякомъ случаѣ достаточно воспламенитъ полицію, чтобы прогнать меня снова изъ Берлина! Я окажу bonne resistance, хотя оно и немного поможетъ.

Вотъ все, что я могъ разсказать о себѣ! Надѣюсь, что ты напишешь мнѣ не менѣе обстоятельно, но даже болѣе, такъ какъ у тебя будетъ больше что сказать мнѣ.

Что ты думаешь о парижскихъ выборахъ? Напиши мнѣ объ этомъ! Ты въ Лондонѣ, конечно, будешь знать все, что тамъ подготовляютъ на этотъ счетъ. Я до сихъ поръ получалъ «Brüsseler Nation», и читалъ тамъ статьи или письма о выборахъ Бланки, Ледрю, Сюэ. Но и изъ «Nation» не узнаешь ничего фактическаго о происходящемъ теперь въ Парижѣ.

Пожалуйста, отвѣть мнѣ во всякомъ случаѣ въ теченіе *восьми* дней, хотя бы кратко, чтобы я зналъ, получилъ ли ты письмо. Адресуй *внутренній* конвертъ на мое имя. *Внѣшній* an den Königl. Stadtgerichtsassessor Herrn E. Hirsemensel, Berlin, Grosse

Friedrichstrsse Nr. 205. Въ этомъ же письмѣ сообщи подробно свой адресъ! Сердечные поклоны тебѣ и твоимъ.

Твой Ф. Лассаль.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Этотъ годъ, въ которомъ Лассаль послѣ двухлѣтняго перерыва снова возобновляетъ переписку съ Марксомъ, былъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни обоихъ друзей. Наступилъ давно ожидаемый экономическій кризисъ, а вмѣстѣ съ нимъ снова оживленное движеніе въ европейской политикѣ. Марксъ всѣ эти годы переживалъ самыя тяжелыя времена; что его поразило, можетъ быть, сильнѣе всего, это была смерть его десятилѣтняго сына, въ 1855-мъ году, послѣ того какъ въ первые годы изгнанія онъ уже потерялъ двухъ дѣтей въ совсѣмъ юномъ возрастѣ. Кризисъ 1857-го года, конечно, снова съузилъ его матеріальныя средства существованія, которыя только что немного улучшились, но это всегда менѣе всего огорчало его и его мужественную жену. Въ прелестномъ письмѣ отъ 8 декабря 1857 года, написанномъ Конраду Шрамму, жившему тогда въ послѣдней стадіи чахотки на островѣ Джерсей, жена Маркса описываетъ, какъ кризисъ поразилъ почти всѣхъ членовъ маленькаго дружескаго кружка и какъ всѣ они мужественно смотрятъ въ будущее. О своемъ мужѣ она говоритъ: „Хотя мы очень ощущаемъ на своемъ кошелькѣ американскій кризисъ, такъ какъ Карлъ вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю пишетъ только одинъ разъ въ „Tribune“, которая отказала *всѣмъ* европейскимъ корреспондентамъ кромѣ Байарда, Тэйлора и Карла, но вы все-таки можете себѣ представить, какъ high up находится Моръ. Вся его прежняя работоспособность и легкость въ работѣ вернулась къ нему, точно такъ же бодрость и веселость его духа, которая нѣсколько лѣтъ была подавлена со времени большого горя, потери нашего любимаго ребенка, которая будетъ вѣчнымъ трауромъ для моего сердца. Днемъ Карлъ работаетъ ради насущнаго хлѣба, по ночамъ же, чтобы закончить своею политическую экономію. Теперь, когда этотъ трудъ сталъ потребностью и необходимостью, найдется же вѣдь какой-нибудь жалкій книгопродавецъ“. У Маркса оставалось еще достаточно безконечной мелочной нищеты, отъ которой никогда можетъ быть такъ тяжко не страдалъ никакой геній, подобный Марксу; и письма Лассаля также много свидѣтельствуютъ объ этомъ, но все же дѣла снова стали поправляться.

Лассалю никогда не приходилось страдать отъ подобной нищеты, но и его 1857-ой годъ освободилъ отъ различныхъ запутанныхъ дѣлъ. Онъ наконецъ сталъ свободенъ отъ Гацфельдтскихъ процессовъ, которые при всемъ томъ не были наиболѣе подходящей областью для развитія его богатыхъ способностей, какъ ни цѣнить высоко основанія, побудившія его взять въ свои сильныя руки дѣло графини. Теперь онъ воспользовался съ трудомъ пріобрѣтеннымъ досугомъ для того, чтобы закончить большое

сочиненіе, которое обезпечивало ему почетное мѣсто въ республикѣ наукъ, и онъ переселился въ большой городъ, гдѣ должны были рѣшаться судьбы нѣмецкой революціи, которой были отданы всѣ его чувства и начинанія.

О томъ, какъ Лассаль совершилъ это переселеніе, несмотря на полицейскія придирки, онъ разсказываетъ въ 33-мъ письмѣ. До сихъ поръ относительно этого былъ распространенъ неблагопріятный для него слухъ, о которомъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть, такъ какъ именно у соціалъ-демократовъ онъ получилъ свое наиболѣе рѣзкое выраженіе. Въ своей книжкѣ о Лассалѣ Брандесъ разсказываетъ слѣдующее: „Однажды вечеромъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, очутившись въ большомъ обществѣ за столомъ рядомъ съ Гинкельдеемъ, горячо добивался отъ послѣдняго, чтобы онъ разрѣшилъ Лассалю оставаться въ Берлинѣ. Одинъ свидѣтель разговора, находившійся также среди гостей, разсказывалъ мнѣ, что онъ отчетливо слышалъ, какъ Гинкельдей отвѣтилъ: „Что касается меня, то я готовъ, я ничего не имѣю противъ этого, мнѣ совершенно все равно, но король никакъ не хочетъ этого".—„Если больше нѣтъ никакихъ препятствій—отвѣчалъ Гумбольдтъ—то я беру на себя уговорить короля". Онъ сдержалъ слово и Лассаль остался въ Берлинѣ". Эта маленькая исторія страдаетъ той маленькой слабостью, что „свидѣтель разговора" принадлежалъ, какъ видно, къ тѣмъ духовидцамъ, которыхъ тогда, конечно, много было въ Берлинѣ. Гинкельдей какъ разъ уже годомъ раньше, чѣмъ Лассаль переселился въ Берлинъ, былъ убитъ на дуэли. При всемъ томъ и Брандесъ прямо не говоритъ, что Лассаль побудилъ Гумбольдта къ ходатайству за него передъ королемъ.

Но это дѣлаетъ Бернштейнъ. Въ біографическомъ введеніи къ изданнымъ имъ рѣчамъ и сочиненіямъ Лассаля онъ пишетъ, что Лассаль выхлопоталъ себѣ у короля черезъ посредство Гумбольдта позволеніе жить въ Берлинѣ. Этотъ шагъ былъ встрѣченъ неодобрительно нѣкоторыми изъ его политическихъ друзей, послѣ тѣхъ сильныхъ нападеній, которыя Лассаль направилъ въ своей ассизной рѣчи противъ прусскаго насильственнаго правленія. Бернштейнъ объясняетъ себѣ затѣмъ дѣло такъ: „Лассаль, который могъ быть очень строгимъ по отношенію къ другимъ и, напр., только нѣсколько лѣтъ спустя настоятельно просилъ Маркса прекратить знакомство съ Либкнехтомъ за то, что послѣдній въ то время былъ корреспондентомъ „Augsburger Allgemeinen Zeitung", Лассаль по отношенію къ самому себѣ исходилъ изъ другихъ соображеній. Онъ страстно хотѣлъ, чтобы его признали, онъ желалъ славы, подвиговъ, а для этого ему нужна была столица". Это объясненіе и опровергается основательно 33-мъ письмомъ.

Подумайте только: Лассаль ходилъ по королевскимъ пріемнымъ въ то время какъ онъ писалъ Марксу, что онъ съ трудомъ завоевалъ себѣ полицейское разрѣшеніе жить нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, сославшись на печатаніе своего Гераклита и на необходимость лѣченія глазъ у Грэфе! Лассаль не оспариваетъ того, насколько благодѣтельно и почти необходимо для него снова жить въ большомъ городѣ, и это чувство можетъ возникнуть, скорѣе, именно не изъ личнаго стремленія къ славѣ, и не изъ тщеславія; онъ такъ мало думаетъ о томъ, чтобы купить себѣ возможность жить въ Берлинѣ цѣной какой-нибудь уступки, что скорѣе разсчитываетъ и даже съ нѣкоторой увѣренностью говоритъ, что его снова „выбросятъ", какъ только онъ опубликуетъ проектируемую имъ зажигательную работу (онъ имѣетъ

въ виду свою трагедію). Правда, онъ не былъ снова изгнанъ изъ Берлина, и такимъ образомъ для исторіи съ Гумбольдтомъ и королемъ оставался бы нѣкоторый просторъ, если бы только у короля не появилось уже душевной болѣзни тогда, когда истекъ срокъ временнаго пребыванія Лассаля. Съ наступленіемъ регентства вообще прекратились слишкомъ назойливыя полицейскія придирки, которыя уже съ крымской войны очень ослабѣли, а въ тотъ моментъ, когда Лассаль, благодаря изданію Гераклита, оказался первостепеннымъ ученымъ, и сама берлинская полиція не могла обращаться съ нимъ, какъ съ проходимцемъ. Сверхъ того изданіе трагедіи замедлилось, а когда она появилась, то она нисколько не зажгла въ ожидаемомъ Лассалемъ смыслѣ, т. е. не разожгла полиціи.

Итакъ, если не можетъ быть приведено никакого положительнаго доказательства въ подтвержденіи того, что Лассаль просилъ черезъ посредство Гумбольдта милости у короля, то память о Лассалѣ должна быть совершенно освобождена отъ этого обвиненія.

1858.

34.

Дорогой Марксъ!

Мои дѣла дѣйствительно чертовски плохи. Я опять уже цѣлую недѣлю, какъ боленъ. За всю мою жизнь въ совокупности я не былъ столько боленъ, какъ въ этомъ новомъ году! Объ иномъ— въ другой разъ. Сегодня у меня есть время только для нѣкоторыхъ практическихъ замѣчаній.

Своему двоюродному брату я напишу о твоемъ предложеніи на этихъ дняхъ. За то я уже вошелъ въ сношенія съ однимъ издателемъ насчетъ твоего экономическаго произведенія, и насколько этотъ человѣкъ былъ несогласенъ, когда я его встрѣтилъ, настолько же я его оставилъ согласнымъ послѣ полуторачасового разговора. Но чтобы изъ этого могло что-нибудь выйти, я долженъ прежде всего имѣть указанія относительно слѣдующихъ пунктовъ:

1. Сколько должно быть такихъ выпусковъ—эта идея *очень* хороша?

2. Во сколько *приблизительно* печатныхъ листовъ будетъ каждый выпускъ, и сколько такимъ образомъ будетъ всего печатныхъ листовъ?

Прежде чѣмъ не будетъ данъ по крайней мѣрѣ *приблизительный* отвѣтъ на это, дѣйствительно невозможно устроить дѣла, потому что издатель до тѣхъ поръ не можетъ даже приблизительно вычислить, какимъ капиталомъ ему придется рискнуть для этого дѣла. Я понимаю, что ты не можешь опредѣлить это *точно*. Ты можешь ошибиться на 2, 3, 4, 5, 6 печатныхъ листовъ (въ большую восьмую долю листа), но не болѣе. Такая ошибка и не важна. Но пока издательская фантазія не знаетъ, будетъ ли двадцать или шестьдесятъ листовъ, она не можетъ составить себѣ никакого представленія.

Въ особенности важенъ также вопросъ, какъ *толстъ* долженъ быть каждый выпускъ? Я очень посовѣтовалъ бы, чтобы онъ былъ не больше 4—5 листовъ; 4—5 было бы лучше всего, *самое большее* 6. Такъ они расходятся лучше всего. Лучше больше выпусковъ.

Далѣе я долженъ знать:

3. Какой гонораръ ты *по меньшей мѣрѣ* желаешь. Разумѣется, ты долженъ заявить свой *minimum*, потому что, какъ ты знаешь, я и безъ того всячески постараюсь добиться насколько возможно большаго.

4. Ты долженъ согласиться на то условіе, что, *пока* выручка изъ первыхъ трехъ или четырехъ выпусковъ не покроетъ ихъ *издержекъ* (съ твоимъ гонораромъ включительно), издатель не обязанъ печатать слѣдующихъ выпусковъ. Впрочемъ, я думаю, что это условіе для тебя совершенно безразлично, потому что не сомнѣваюсь, что сочиненіе будетъ имѣть достаточный сбытъ, а съ другой стороны оно очень облегчаетъ устройство дѣла, которое иначе уладить трудно, въ *высшей степени* трудно.

Отвѣть на это возможно скорѣе твоему Ф. Лассалю.

Берлинъ, 3 марта, 1858. Потсдамская ул., 131.

35.

Берлинъ, 26 марта, 1858 г., Потсдамская ул., 131.

Дорогой Марксъ!

Спѣшно.

Я радъ, что могу сообщить тебѣ, что дѣло съ издателемъ я наконецъ благополучно уладилъ. Это—мой издатель, Францъ Дункеръ (Бессерское книгоиздательство). Условія заключаются, собственно го-

воря, въ одномъ, уже сообщенномъ тебѣ и принятомъ тобою, именно: издатель удерживаетъ за собой право напечатать не болѣе одного-двухъ выпусковъ пока не выяснится, что существуетъ удовлетворительный для него сбытъ, и только послѣ этого онъ приступитъ къ печатанію третьяго выпуска. Но о твоемъ предложеніи не брать никакого гонорара за первые выпуски я ему ничего не сказалъ, напротивъ того, я добился отъ него гонорара *3 фридрихсдора* съ листа съ самаго начала. Смотри, пожалуйста, на этотъ гонораръ, какъ на *очень* высокій по нашимъ условіямъ. Здѣсь всѣ профессора университета теперь рады, если получаютъ два фридрихсдора.

Итакъ, я жду присылки рукописи Дункеру въ *возможно болѣе скоромъ времени*. Ты сказалъ about Mai. Не запоздай.

Надѣюсь также получить скоро отвѣтъ отъ своего двоюроднаго брата.

Спѣшу, чтобы письмо ушло еще сегодня.

Твой Лассаль.

Сердечно кланяюсь твоимъ.

36.

4 іюня.

Дорогой Марксъ!

Прежде всего я еще въ долгу у твоей жены за ея очень любезное и дружеское письмо. Я отвѣтилъ бы ей уже давно, но все думалъ, что услышу въ самомъ скоромъ времени и отъ тебя что-нибудь. Меня *очень* огорчило, что твой недугъ, какъ явствуетъ изъ твоего теперешняго письма, былъ такъ серьезенъ! Хорошо, что ты хоть теперь, судя по твоему письму, совершенно поправился. Дѣлай же продолжительныя движенія, чтобы боль снова не возвратилась. Съ издателемъ я уже говорилъ. Мы ждемъ присылки рукописи, какъ только она будетъ готова. Вслѣдствіе предстоящаго теперь плохого времени, и безъ того совершенно не подходящаго для какого-либо издательства, она не можетъ появиться ранѣе конца сентября. Постарайся однако прислать рукопись такъ, чтобы она во всякомъ случаѣ могла быть къ тому времени безъ труда напечатана и выпущена. Такъ какъ у васъ, конечно, получаются лишь очень немногія нѣмецкія газеты, то я посылаю тебѣ при этомъ письмѣ здѣшнюю «Volkszeitung» отъ 29 мая и 1 іюня, въ которомъ напечатано о происшествіи, касающемся

какъ разъ меня. Я посылаю тебѣ эти газеты тѣмъ болѣе, что очень прошу тебя сказать мнѣ *подробно* и *возможно скорѣе* свое мнѣніе объ этомъ предметѣ и о нѣкорыхъ пунктахъ, на которые сейчасъ укажу. Изложеніе дѣла въ «Volkszeitung», какъ она сама говоритъ во второмъ номерѣ, исходитъ не отъ меня, а отъ ея редакціи. Я имѣю прибавить только еще слѣдующіе пункты: домъ, гдѣ я встрѣчался съ интендантскимъ совѣтникомъ Фабрице, есть какъ разъ домъ редактора «Volkszeitung,» Франца Дункера. «Усмѣшка», послужившая предлогомъ къ вызову, произошла при обстоятельствахъ, которыя формулировалъ и хорошо запомнилъ противникъ, при обстоятельствахъ, впрочемъ, весьма безобидныхъ— имѣвшихъ мѣсто около конца января. Мы (Фабрице и я) встрѣчались послѣ того еще очень часто, и при томъ болѣе шести недѣль, у Дункера, дружески болтали и обходились другъ съ другомъ. Важно, что въ срединѣ марта на устроенномъ Дункеромъ обѣдѣ, на которомъ среди прочихъ присутствовали и мы оба, былъ теоретическій споръ о предосудительности дуэли, причемъ я горячо высказался противъ дуэли, объявилъ ее негодной по нравственнымъ и умственнымъ причинамъ, и заявилъ на случайно поставленный какимъ-то господиномъ вопросъ, что я считаю долгомъ слѣдовать также и in praxi этимъ убѣжденіямъ, и что въ противоположномъ поведеніи я увидѣлъ бы лишь недостатокъ моральнаго мужества и т. д. Такимъ образомъ этотъ господинъ зналъ заранѣе, что онъ въ безопасности, когда, спустя два мѣсяца послѣ этого разговора, въ которомъ онъ самъ принималъ живое участіе, возражая мнѣ—сдѣлалъ мнѣ вызовъ на основаніи мнимой усмѣшки, бывшей четыре мѣсяца тому назадъ (потому что, само собой разумѣется, я вообще не знаю, усмѣхался ли я четыре мѣсяца тому назадъ или нѣтъ), и это послѣ того какъ мы еще не разъ дружески бесѣдовали другъ съ другомъ. Дѣйствительной причиной вызова было не что иное, какъ самая мелочная зависть. Фабрице восемь лѣтъ было интимнымъ другомъ дома у Дункера. Хотя и безъ малѣйшаго слѣда дѣйствительнаго образованія, онъ однако очень любилъ блистать въ обществѣ и принимать на себя видъ человѣка большого ума и науки, и въ этомъ отношеніи я былъ ему непріятенъ. Поэтому онъ обратился— какъ я теперь узналъ—къ хозяевамъ дома, господину и госпожѣ Дункеръ, и, на основаніи своей старинной дружбы съ ними, заклиналъ ихъ прекратить знакомство со мной. При этомъ онъ, хотя *никогда* не заявлялъ ни о какомъ даже малѣйшемъ оскорбленіи съ моей стороны, но тѣмъ не менѣе интриговалъ противъ меня,

обращая преимущественно ихъ вниманіе на то, что я «еврей», пускалъ въ ходъ Гацфельдтскую исторію и не знаю, что тамъ еще. Онъ не просилъ ихъ предупредить меня объ оскорбленіи, грозящемъ съ его стороны, какъ онъ объясняетъ въ своемъ заявленіи, но *онъ предостерегалъ* ихъ отъ меня, выставляя различныя подозрѣнія на мой счетъ, какъ ничего не стоющаго человѣка и т. д. Хозяинъ и хозяйка заявили ему, что я для нихъ очень любезный и цѣнный другъ, просили не безпокоить ихъ такими вещами, и ясно показали ему, что я въ ихъ глазахъ, по внушаемому къ себѣ уваженію и дружбѣ, стою несравненно выше его. Послѣ этого онъ совершенно не появлялся въ этомъ домѣ и послалъ Францу Дункеру sub 20-мъ апрѣл. обстоятельное письмо, въ которомъ онъ оправдывается въ этомъ и обстоятельно критикуетъ меня. Но и здѣсь онъ не заявляетъ ни о какомъ оскорбленіи съ моей стороны, но объясняетъ свое нерасположеніе ко мнѣ моимъ общимъ умственнымъ и нравственнымъ ничтожествомъ.—Онъ надѣялся, что это письмо будетъ имѣть успѣхъ. Когда онъ не получилъ на него отвѣта, произошелъ тотъ вызовъ, то нападеніе. При этомъ послѣднемъ произошло какъ разъ то, что говорится въ «Volkszeitung» отъ 29-го мая. Я могу теперь даже при помощи свидѣтелей доказать, что Фабрице цѣлый день, съ 11-ти часовъ, подстерегалъ меня на улицѣ, гдѣ я живу, вмѣстѣ со своими сообщниками и т. д. На его ударъ хлыстомъ для верховой ѣзды я нанесъ ему—ты можетъ быть помнишь мою палку—по головѣ ужасную рану, которую ему пришлось зашивать. Вчера, какъ говорятъ, онъ въ первый разъ выѣзжалъ. Я передалъ дѣло *военнымъ* властямъ, которымъ онъ подчиненъ, какъ интендантскій чиновникъ. Слѣдствіе уже открылось, какъ я слышалъ изъ разныхъ мѣстъ, и ему уже объявлено о временномъ отрѣшеніи его отъ должности.

Вотъ фактическая сторона дѣла.—Оно разумѣется, произвело огромную сенсацію. Общественное мнѣніе въ Берлинѣ безусловно на моей сторонѣ. Даже такіе, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія дуэли, какъ, напр., генералъ Пфуль (Pfuel) и другіе, съ которыми я говорилъ, *вполнѣ* одобряютъ мой отказъ отъ его вызова, потому что, какъ всѣ объясняютъ и при томъ безспорно, усмѣшка не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ достаточной причиной для вызова. Всѣ мои знакомые: Бёкъ, Фёрстеръ, Мишелэ, Гнейстъ и т. д., и т. д. тотчасъ поспѣшили придти ко мнѣ для выраженія своего сочувствія. Но если Берлинъ стоитъ на моей сторонѣ, то,

ɪзможно, что въ *провинціяхъ* дѣло можетъ обстоять иначе. ɜерлинскія газеты: «Nationalzeitung», «Vossische» и «Spenersche» ɔѣ вмѣстѣ слѣдуютъ за «Volkszeitung», онѣ также помѣстили ɪ своихъ столбцахъ подчеркнутое заявленіе отъ редакціи «Volks-ɜitung», что она ручается за истинность исходящаго отъ нея ɪисанія и ожидаетъ обвиненія въ клеветѣ и т. д.). У меня нѣтъ ɪ охоты, ни времени ползти слѣдомъ за господиномъ Фабрице въ ɪждую *провинціальную мелкую газету*, въ которой ему удастся ɔмѣстить свои искаженныя и лживыя утвержденія, и вступать ɔ нимъ въ газетную полемику. Такимъ образомъ въ провинціи ıу до нѣкоторой степени можетъ, пожалуй, удасться исказить ѣло.—Къ этому присоединяется слѣдующее:

1. Говорятъ, что нѣсколько юнкеровъ изъ Neue Preussische Zeitung заявили во время одного разговора въ ресторанѣ, что я отклонилъ вызовъ изъ «трусости».

2. Нѣкто, кто меня очень любитъ — я назову тебѣ имя, но *никто* не долженъ *узнать* его *отъ тебя*, потому что я знаю объ этомъ лишь подъ условіемъ *самой глубокой тайны*, это—Варнгагенъ фонъ Энзе,—заявилъ одному моему интимному другу, что до сихъ поръ я велъ себя въ этомъ дѣлѣ безупречно, потому что усмѣшка не есть основаніе для вызова. Но какъ разъ теперь, послѣ нападенія съ хлыстомъ, онъ находитъ нужнымъ, чтобы я сдѣлалъ вызовъ ему. (Другіе того мнѣнія, что теперь какъ разъ онъ, если стоять на точкѣ зрѣнія дуэлиста, неспособенъ дать удовлетвореніе, но я сомнѣваюсь, чтобы *съ этой точки зрѣнія* такой взглядъ былъ правиленъ). Я долженъ признаться тебѣ, что мнѣніе Варнгагена произвело на меня до нѣкоторой степени впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что и въ этомъ случаѣ онъ выказывалъ свое расположеніе ко мнѣ, всюду горячо выступалъ за меня, и сдѣлалъ это заявленіе одному заслуживающему довѣрія общему намъ другу лишь въ той надеждѣ, что я никогда *не* узнаю о немъ.

Мое личное положеніе въ этомъ дѣлѣ вкратцѣ таково: когда мнѣ былъ переданъ тотъ вызовъ, я ощутилъ очень сильное желаніе при нять его, превративъ его въ дуэль на пистолетахъ. Я кромѣ того хорошій, или болѣе чѣмъ достаточно хорошій, стрѣлокъ изъ пистолета, и такъ какъ я владѣю всегда своими способностями вдвойнѣ, когда я чувствую въ нихъ нужду, то онъ едва ли избѣжалъ бы заслуженнаго наказанія. Но я остался вѣренъ привычкѣ всей своей жизни, предпочитать принципы—чести, и это взяло верхъ.

Къ этому присоединялось то, что я считаю дуэль безсмысленной окаменѣлостью уже пройденной культурной ступени не только на основаніи моихъ собственныхъ принциповъ, но я всегда думалъ, и думалъ бы также твердо и теперь, если бы дѣло шло не обо *мнѣ самомъ*, что она исключается именно принципами демократической партіи. Но какъ разъ потому, что дѣло идетъ обо мнѣ, я долженъ быть остороженъ, и колеблюсь тамъ, гдѣ прежде не колебался.

Вѣдь французская демократія дерется, а нѣмецкая демократическая партія — кто она? Гдѣ она? Думаетъ ли она на счетъ этого такъ-же, какъ я? Или она не понимаетъ своего собственнаго принципа настолько, что признаетъ дуэль? А въ такомъ случаѣ я могъ бы, пожалуй, очутиться въ подозрѣніи даже на лонѣ своей собственной *партіи?* Тогда конечно, я долженъ сознаться, мнѣ было бы очень тяжело остаться на этотъ разъ вѣрнымъ своимъ основнымъ положеніямъ. Потому что, какая польза для меня оставаться благоразумнымъ въ единственномъ числѣ!

Мое положеніе тѣмъ болѣе трудно, что у меня здѣсь, собственно говоря, нѣтъ ни одного человѣка, съ которымъ я могъ бы посовѣтоваться, въ достаточной степени довѣряя его рѣшенію. У меня есть много друзей и дѣльныхъ людей, Дункеръ, Домъ и др. Но съ одной стороны они вообще *стоятъ* еще на точкѣ зрѣнія дуэли и вообще не достаточно усвоили себѣ принципы нашей партіи, съ другой стороны меня безпокоитъ именно то, что я боюсь и вижу, какъ они рѣшаютъ подъ *моимъ* вліяніемъ на нихъ и на основаніи *мною* развиваемымъ положеній. Въ духовномъ отношеніи они недостаточно независимы отъ меня, чтобы можно было придавать рѣшительную цѣнность ихъ рѣшенію, если оно согласно съ моимъ, въ духовномъ отношеніи они не имѣютъ достаточно значенія, чтобы можно было придавать ихъ рѣшенію бóльшую цѣнность, если оно расходится съ моимъ. Въ первый разъ за 13 лѣтъ я колеблюсь, въ первый разъ я нуждаюсь въ комъ-нибудь, кто бы обладалъ въ достаточной степени тѣми обоими свойствами, чтобы быть въ состояніи дать мнѣ совѣтъ. Поэтому я и обращаюсь къ *тебѣ*, съ сердечной просьбой, высказать мнѣ свой взглядъ немедленно и исчерпывающимъ образомъ. Ты, пожалуй, высмѣешь меня, ты такимъ образомъ, пожалуй, упрекнешь меня самого въ томъ, что я вообще только еще могу спрашивать! Но всякимъ человѣкомъ овладѣваетъ *слишкомъ* смѣшное чувство, если онъ находится въ такомъ положеніи, что боится, какъ бы тотъ или другой не упрекнулъ его

трусости, и притомъ *меня,* который такъ часто въ своей жизни аталъ быка за рога и который съ такимъ же хладнокровіемъ)ѣлялъ бы, съ какимъ иной говоритъ bon jour. Если это толэтъ меня въ одну сторону, то меня вмѣстѣ съ тѣмъ охватываетъ зконечный стыдъ при мысли, что я когда-нибудь позволю себѣ йствовать противъ моихъ собственныхъ и истинныхъ принциповъ— ь ложной суетности, надъ которой я такъ часто потѣшался. Тогда 'оворю себѣ, что это было бы почти настоящей трусостью, и самъ ивляюсь, какъ это я, который сотни разъ рисковалъ погибнуть свои взгляды, сразу сдѣлался такимъ несамостоятельнымъ. Или уже состарился? Впрочемъ, прежде я рисковалъ всякими иными цами уничтоженія, но именно не упрекомъ въ трусости, который въ особенности болѣзненъ для моего тщеславія, котораго у меня, повидимому, какъ я теперь вижу, достаточный запасъ. — Вѣроятно все это колебаніе, охватившее меня теперь, лишь временная слабость, преходящее настроеніе, и я снова уже завтра обрѣту свою прежнюю непоколебимую стойкость. Но я пользуюсь какъ разъ этимъ первымъ моментомъ колебанія, чтобы написать тебѣ, потому что для чего же имѣть друзей, если не обращаться къ нимъ за совѣтомъ? И ты изложишь исчерпывающимъ образомъ свое мнѣніе, и не будешь думать хуже изъ-за этой мгновенной нерѣшительности, къ которой, пожалуй, примѣшивается также добрая доля мстительности; вѣдь ты не кто-нибудь, кто смотритъ глазами камердинера.

Твой Ф. Лассаль.

Пятница.

37.

Дорогой Марксъ!

26-го іюля я по дорогѣ въ Швейцарію прибылъ во Франкфуртъ на Майнѣ, и сдалъ на почту письмо къ тебѣ, которое я написалъ днемъ раньше. Т. е., къ сожалѣнію, я не сдалъ его самъ на почту, но былъ вынужденъ, такъ какъ поѣздъ стоялъ всего одну секунду, поручить это кондуктору. Получилъ ли ты это письмо? Или этотъ человѣкъ просто присвоилъ себѣ деньги, полученныя имъ на чай? Если же имѣло мѣсто первое, почему о тебѣ ничего не слышно и не видно? Только недѣля прошла, какъ я вернулся въ Берлинъ. Передъ этимъ я двѣ недѣли былъ въ Дюссельдорфѣ, куда я сдѣлалъ крюкъ при моемъ возвращеніи изъ

Швейцаріи. Тамъ я говорилъ съ Кёстеромъ, который видѣлъ тебя незадолго до этого въ Лондонѣ, и къ своей радости узналъ отъ него, какъ блестящи твои дѣла, и какимъ здоровымъ и толстымъ ты выглядишь. Онъ мнѣ сказалъ также, что твоя жена стала красивѣе, чѣмъ когда-либо. Передай ей, пожалуйста, отъ меня самый вѣрноподданическій комплиментъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы снова увидѣть ее и обнять тебя!

Но теперь прежде всего: какъ обстоитъ дѣло съ твоимъ сочиненіемъ? Я не могу себѣ объяснить, почему Дункеръ не получилъ еще ничего. Ты еще самъ не готовъ съ первымъ выпускомъ? Или, когда ты его пришлешь сюда? Прошу тебя, отвѣть мнѣ опредѣленно, чтобы я зналъ, что мнѣ сказать Дункеру. Къ тому же въ твоемъ распоряженіи не слишкомъ много времени. Такія вещи должны появляться къ зимѣ или самое позднее къ февралю.

Относительно себя, у меня мало что сообщить тебѣ. Судебное дѣло contra Фабрице теперь закончено въ первой инстанціи, и онъ достаточно скверно поплатился. *Годъ крѣпости и отрѣшеніе отъ должности*. Оно было формально признано предумышленнымъ нападеніемъ. Теперь онъ аппеллировалъ во вторую инстанцію.

Къ чему приговоренъ Борманнъ, я еще не знаю. Но во всякомъ случаѣ не очень то мягче. Я написалъ теперь военному суду и просилъ выдать мнѣ приговоръ суда. Любопытно, что они сдѣлаютъ.

Въ общемъ я работаю очень прилежно. Въ ближайшемъ времени появится мое маленькое opusculum, которое уже было готово до моего путешествія. Я разумѣется его тотчасъ же пошлю тебѣ, какъ только оно появится, и оно, пожалуй, нѣкоторымъ образомъ поразитъ тебя.

Теперь я работаю очень сосредоточенно надъ однимъ экономическимъ произведеніемъ, (т. е. я подготовляю его, писать его я начну только спустя четыре недѣли), которое только въ два года могло быть въ такомъ положеніи. Мнѣ кажется, что я указывалъ тебѣ на это еще въ моемъ франкфуртскомъ письмѣ, и при этомъ также сказалъ, что, если ты въ своемъ сочиненіи возьмешь у меня *слишкомъ* много изъ того новаго, что я хочу сказать, то я совсѣмъ не выпущу своего сочиненія. Это не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы твое произведеніе вышло какъ можно скорѣе счастливо въ свѣтъ, и я готовъ приложить къ этому все, что въ моихъ силахъ.

Ну прощай, мой сердечный привѣтъ тебѣ, кланяйся также отъ всѣмъ моимъ друзьямъ... s'il y en a encore. Ибо, что касается райней мѣрѣ Фрейлиграта, то онъ, кажется, совсѣмъ болѣе споминаетъ обо мнѣ. Столько лѣтъ онъ не написалъ мнѣ ни і строчки.

Въ ожиданіи скораго отвѣта.

Твой Ф. Лассаль.

Берлинъ, 22 октября 58 г.

Потсдамская ул.. 131.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Со своимъ переѣздомъ въ Берлинъ Лассаль получилъ также возможность снова нѣсколько пріоткрыть для Маркса и Энгельса двери нѣмецкаго книжнаго рынка. Во Францѣ Дункерѣ, издавшемъ Гераклита, онъ нашелъ издателя для политико-экономическаго произведенія Маркса.

Въ болѣе обстоятельномъ поясненіи, чѣмъ тѣ письма, которыя имѣютъ къ этому отношеніе, нуждается 36-е письмо. Такъ какъ дѣло Фабрице дало поводъ къ всякаго рода сплетнямъ о личномъ характерѣ Лассаля, то мы представимъ сначала внѣшній ходъ дѣла по даннымъ тогдашнихъ газетъ, съ одной стороны „Volkszeitung", сообщенія которой Лассаль подтверждаетъ, съ другой стороны „Vossische Zeitung", гдѣ слышны были голоса Фабрице и его сообщника Бормана,

По „Volkszeitung" Лассаль и Фабрице познакомились другъ съ другомъ въ домѣ Дункера. Фабрице тогда внезапно прекратилъ знакомство съ Дункерами, и именно, какъ онъ это довольно ясно заявилъ, вслѣдствіе непріязни къ Лассалю, хотя между ними не произошло никакихъ конфликтовъ или ссоръ. Долгое время спустя, въ концѣ мая 1858 года, къ Лассалю явился неожиданно интендантскій асессоръ Борманъ и передалъ ему вызовъ Фабрице на дуэль на сабляхъ, если Лассаль при свидѣтеляхъ не возьметъ назадъ своей насмѣшки, которую онъ позволилъ себѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ домѣ Дункеровъ. Лассаль возразилъ, что очень рѣдко могъ имѣть мѣсто такой случай, когда вызовъ былъ бы основанъ на такомъ фривольномъ и ничего не говорящемъ предлогѣ. Сверхъ того, этотъ вызовъ долженъ явиться тѣмъ болѣе страннымъ, что Фабрице знаетъ воззрѣнія Лассаля на дуэль изъ одного обстоятельнаго разговора съ нимъ. Фабрице такимъ образомъ легко дѣлать ему вызовъ, такъ какъ онъ знаетъ, что Лассаль не согласится ни на какую дуэль.

„Volkszeitung" затѣмъ продолжаетъ: „Вчера же (на другой день послѣ этого), когда Лассаль направлялся изъ своей квартиры въ городъ, ему встрѣтился асессоръ Борманъ. Въ то время какъ Лассаль спокойно идетъ своей дорогой, Борманъ поворачивается и вмѣстѣ съ интендантскимъ совѣтникомъ Фабрице, который размахиваетъ хлыстомъ, вскорѣ затѣмъ пере-

сѣкаетъ дорогу Лассалю, который въ свою очередь останавливается. Со словами: „Проклятый жидокъ! Передали ли тебѣ мой вызовъ?“—совѣтникъ ударяетъ хлыстомъ Лассаля, въ то время какъ асессоръ Борманъ осыпаетъ Лассаля ударами сзади и пытается схватить его. Лассаль, однако, успѣваетъ еще нанести палкой, которую онъ обыкновенно всегда носилъ съ собой, г. Фабрице такой ударъ по головѣ, что у послѣдняго кровь потоками льется по лицу. Далѣе, Лассаль, котораго тѣмъ временемъ Борманъ валилъ сзади на землю, въ свою очередь тащитъ за собой пришедшаго опять въ сознаніе и начавшаго его бить совѣтника, ломаетъ у него хлыстъ, который онъ у него вырвалъ изъ рукъ; и въ то время, какъ онъ обороняется ударами рукъ и ногъ отъ совѣтника, котораго онъ крѣпко держитъ, а г. Борманъ все бьетъ его сзади, приближаются люди, которые кладутъ конецъ нападенію тѣмъ, что призываютъ полицейскаго; послѣдній разъединяетъ дерущихся и ведетъ къ полицейскому офицеру обоихъ нападавшихъ, точно такъ же и самого Лассаля, не раненаго, но совершенно облитаго кровью г. совѣтника. Такого рода нападеніе двухъ на одного, конечно, неслыхано въ исторіи подобныхъ дѣлъ. Нужно ожидать, что строжайшее судебное слѣдствіе сумѣетъ надлежащимъ образомъ наказать это дикое и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ совершенное нападеніе“. Такъ говоритъ „Volkszeitung“, описаніе которой перешло также и въ другія газеты.

Въ противоположность этому Фабрице и Борманъ дали такія показанія въ „Vossische Zeitung“. Фабрице съ почти непозволительной терпѣливостью переносилъ надменныя оскорбленія со стороны Лассаля и старался до самаго послѣдняго момента, чтобы хозяева дома предупредили Лассаля. Но тщетно: ему всегда только отвѣчали, что онъ можетъ самъ себѣ помочь вызовомъ на дуэль. Вызовъ былъ отвергнутъ презрительно и съ угрозами. Случайно встрѣтившись съ г. Лассалемъ въ Тиргатенѣ, Фабрице хотѣлъ разспросилъ его относительно этихъ угрозъ и подойдя къ нему спросилъ: развѣ вызовъ былъ сдѣланъ не въ ясной формѣ? Вмѣсто отвѣта Лассаль поднялъ свою палку съ металлической ручкой въ видѣ молотка, послѣ чего Фабрице повалилъ его на землю и сталъ топтать ногами. Борманъ принималъ участіе лишь постольку, поскольку онъ, движимый жалобными криками Лассаля, пытался успокоить Фабрице. Хотя въ каждомъ словѣ этого описанія проглядываетъ злостное намѣреніе, однако „Volkszeitung“ перепечатала его, съ замѣткой, что она считаетъ свое сообщеніе вполнѣ правильнымъ и рѣшительно ожидаетъ обвиненія въ клеветѣ, послѣ чего она выступитъ съ доказательствомъ истины. Фабрице и Борманъ, разумѣется, не дали себѣ труда привлечь ее. Лассаль, сохраняя свое достоинство, долженъ былъ поэтому тѣмъ болѣе направить дѣло въ надлежащій судъ, даже, когда въ данномъ случаѣ такимъ судомъ былъ военный судъ. Что же ему оставалось дѣлать съ хулиганами, которые перещеголяли свое трусливое нападеніе своимъ еще болѣе трусливымъ отрицаніемъ? Я нарочно обращаю на это вниманіе, потому что еще недавно съ буржуазной стороны пытались унизить поведеніе Лассаля инсинуаціей, будто бы Лассаль жаловался на Фабрице и Бормана старику Врангелю *).

Принципіальные взгляды относительно дуэли, которые Лассаль выска-

*) Прусскій генералъ-фельдмаршалъ.

ıаетъ въ связи съ дѣломъ Фабрице, ничего не теряютъ въ своей цѣн-
ти отъ того, что позднѣе самъ Лассаль былъ убитъ на дуэли. Онъ
ıъ совершенно разбитъ духовно и физически, вслѣдствіе причинъ,
орыя сами по себѣ могутъ дѣлать ему честь, когда онъ сдѣлалъ вызовъ,
ıнесшій ему смерть. Скорѣе могло бы казаться удивительнымъ, что еще
1858-мъ году Лассаль былъ, повидимому, тактически не совсѣмъ твердъ
вопросѣ о дуэли и просилъ совѣта у Маркса. Однако при этомъ надо
ıмянуть, что въ то время даже въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ
ссаля еще не такъ относились къ глупости дуэли, какъ теперь. Не
ько такая юношески горячая голова, какъ Конрадъ Шраммъ, стрѣлялся
Виллихомъ въ 1850-мъ году, но даже такой несомнѣнно принципіальный
овѣкъ, какъ Вильгельмъ Вольфъ, вызвалъ въ 1849-мъ году, и къ тому же
-за одной парламентской рѣчи, на дуэль на пистолетахъ Карла Фогта,
ıемъ Марксъ еще десять лѣтъ спустя разсказываетъ въ своемъ сочи-
неніи противъ Фогта по меньшей мѣрѣ безъ порицанія.

1859.

38.

Берлинъ, понедѣльникъ, 31 января 59-го года.

Дорогой Марксъ!

Я не понимаю, почему все еще нѣтъ твоей рукописи. Я конечно передалъ твоему издателю порученія, данныя тобой въ послѣднемъ письмѣ, и онъ ждалъ скораго прибытія рукописи. Но point du tout! Ничего не пришло. Я пишу тебѣ поэтому еще разъ, чтобы сказать тебѣ: если рукопись не будетъ здѣсь въ *самомъ скоромъ времени*, то ты самъ будешь виноватъ, если потомъ снова придется ждать до осени. Вѣдь какъ только наступитъ весна, издатель ничего не станетъ выпускать, потому что тогда такое время, когда всякій выпускъ книгъ проходитъ безуспѣшно.

Ты желалъ получить отъ меня отчетъ о прусскихъ дѣлахъ. Прости, что я не могу исполнить этого желанія. Конечно меня не удержало бы отъ этого то, что я заваленъ работами и неизбѣжной тратой времени до такой степени, что и безъ того едва знаю, съ чего начать. Для тебя я все же выбралъ бы какъ-нибудь свободный часъ, хотя и это стоило бы мнѣ много усилій. Но я

всегда дѣлаюсь темнокраснымъ отъ бѣшенства, какъ только я вижу и слышу объ этихъ здѣшнихъ дѣлахъ. Откуда мнѣ взять силъ, чтобы заставить себя писать объ этомъ? Желѣзный гнётъ ослабѣлъ *очень мало*, но что это значитъ въ сравненіи съ безумнымъ телячьимъ ликованіемъ нашей буржуазіи и псевдодемократіи, которое приходится проглативать? Иному при такой гадости даже русскій кнутъ покажется радостью. Итакъ, коротко говоря: здѣсь люди мечтаютъ о новой эрѣ и принципахъ совѣсти, и о вѣрномъ закону управленіи, которое теперь наступаетъ... (Но у кого нѣтъ безнадежнаго бѣльма на глазу, тотъ ничего этого не замѣчаетъ). «Volkszeitung», единственная бывшая еще въ Берлинѣ полудемократическая газета, перешла съ головой въ министерскій лагерь и играетъ роль, недостойнѣе которой исторія демократическихъ газетъ не знаетъ. Она сдѣлала открытіе, 1) что все дѣло не въ законодательствѣ, а въ хорошемъ управленіи и насильственно убаюкиваетъ людей въ этой патріархальности, 2) что было бы безусловно преждевременнымъ, очистить конституцію—salva venia—хотя бы только отъ результатовъ ревизіи Сталь-Герлахской партіи, что даже незачѣмъ возстановлять закона о выборахъ, по крайней мѣрѣ на время этой трехлѣтней сессіи, что 3) демократія, какъ и камера, никоимъ образомъ не должны нападать на министерство и безусловно не должны ничего требовать, но ждать всего отъ министерской иниціативы; послѣдняя же дѣлаетъ болѣе чѣмъ достаточно, если она предпринимаетъ нѣкоторыя, совершенно незначительныя измѣненія въ личномъ составѣ. Однако, какъ это я могъ описать эту груду самоуниженій, которыя нагромоздила вокругъ себя эта газета! Все мое личное вліяніе на Дункера—мнимаго редактора и дѣйствительнаго собственника газеты—не могло помѣшать этому (тѣмъ болѣе, что не Дункеръ, но нѣкто Бернштейнъ, настоящій горе-человѣкъ, является редакторомъ ея). Теченіе «либеральнаго ликованія» увлекло все. Что въ камерѣ и въ псевдодемократической партіи обстоитъ не лучше, это явствуетъ само собою. Находящаяся теперь въ министерствѣ лѣвая—это старая исторія, но всегда остается и т. д.—не думаетъ даже о проведеніи своей собственной программы, которую она выставила, какъ оппозиція. Она не хочетъ уничтожить, даже, льготнаго освобожденія отъ поземельнаго налога! Отъ всей этой каши нѣтъ никакого толку—но откуда *ликованіе*, избытокъ чувствъ, блаженная довѣрчивость при этомъ, такъ называемомъ, «переворотѣ вещей»? Хочется плюнуть на этихъ людей. Теперь у . . . . . . И къ

же присоединяется еще семейное ликованіе. Буржуа ведетъ такъ, какъ будто бы они всѣ были двоюродными братьями эстрами . . . . ! И если бы она вздумала продать съ аукціона нки молодого принца, то она могла бы заработать хорошія ги.

Единственно утѣшительна увѣренность, которой не слѣдуетъ кать изъ виду, что настоящій народъ съ трудомъ заражаеття ъ, или долго останется не зараженнымъ. Извѣстный теперь истическій результатъ выборовъ подтверждаетъ это.

Въ 1855 году выбирали 16 процентовъ пользующихся праь выборовъ. Тогда вся демократія была единогласно противъ оровъ, и поэтому можно предположить, что среди этихъ 16 процентовъ не было *ни одного* демократа. Хорошо. Въ прошломъ году, когда надо было приступать къ выборамъ, въ Берлинѣ снова начался расколъ и захотѣли выбирать. Здѣшніе такъ называемые вожди демократіи сначала взяли это опять въ свои руки, также и «Volkszeitung», которой я уже тогда не могъ препятствовать. (Онъ выставила кандидатами «пастора» Іонаса и тайнаго совѣтника Маттиса—прежняго руководителя (съ Tzschoppe) Майнцской центральной слѣдственной комиссіи).—Я долженъ однако замѣтить, что тогда я случайно пріѣхалъ въ Дюссельдорфъ; и тамъ тоже такъ называемая буржуазная демократія рѣшилась участвовать въ выборахъ, слѣдуя берлинскому примѣру. Но *рабочихъ* я нашелъ рѣшившими твердо, какъ всегда, не выбирать.

Ну, вотъ результаты. Если въ 1855 году выбирало 16 процентовъ, и между ними ни одного демократа, то на этотъ разъ несмотря на всѣ старанія газетъ и т. д. — только 22 процента. Такимъ образомъ на 100 избирателей всего только 6 поддались соблазну со стороны этихъ людей безъ всякихъ политическихъ взглядовъ и безъ всякаго политическаго чувства чести. Все-таки это достаточно, хотя и менѣе того, чего надо было бы бояться.

Зло, кажется, вообще больше всего въ Берлинѣ. Это заключается вполнѣ естественно опять-таки въ здѣшнихъ условіяхъ. Мелкая буржуазія ужасно преобладаетъ. Мало сравнительно крупной промышленности. Поэтому тамъ все заражено мелкобуржуазными воззрѣніями. Однако и здѣсь пролетаріатъ, какъ я имѣю основаніе думать, остался свободнымъ отъ этого. Но это не обнаруживается. Все что *обнаруживается*, это—буржуазный кретинизмъ. Однако, какъ онъ ни возбуждаетъ отвращеніе—но какъ только раздастся въ Парижѣ громъ революціи, мы его скоро заставимъ замолчать.

И это приводитъ меня къ слѣдующему вопросу. Что ты думаешь о дѣлахъ въ Италіи? Объ это ты долженъ быть тамъ освѣдомленнымъ гораздо лучше меня. Думаешь ли ты, что Наполеонъ *дѣйствительно серьезно* хочетъ войны съ Австріей? Или ее серьезно *хочетъ* по крайней мѣрѣ Викторъ Эмануилъ и *начнетъ*, чѣмъ онъ вовлечетъ Напелеона, даже если бы послѣдній этого *не* хотѣлъ? Это, конечно, было бы началомъ весьма большихъ событій! Ближайшимъ и самымъ непосредственнымъ слѣдствіемъ итальянскаго возстанія противъ Австріи было бы конечно возстаніе въ Венгріи. Что думаетъ и дѣлаетъ венгерская эмиграція? Короче говоря, пиши мнѣ обо всемъ на столько подробно, насколько это только возможно.

Кланяюсь твоей женѣ.

Твой Ф. Лассаль.

Потсдамская ул., 131.

39.

(Февраль). <Как видно из последующего, на 25.II.>

Дорогой Марксъ!

Дѣло для Энгельса слажено!

Условія по его выбору: *или* 50 процентовъ чистой прибыли, *или* за листъ и съ 1.000 экземпляровъ 1 фридрихсдоръ; такъ какъ Дункеръ сначала напечатаетъ 2.000 экземпляровъ, то значитъ сейчасъ 2 фридрихсдора за листъ. При новомъ изданіи опять тѣ же условія. *Телеграфируй* тотчасъ за счетъ Дункера Энгельсу, чтобы онъ послалъ рукопись *какъ можно скорѣе* по указываемому мною ниже адресу.

Далѣе у меня была дополнительная идея. Брошюра должна появиться — это было бы *очень* выгодно — спустя 10—14 дней послѣ своего появленія въ Германіи, во французскомъ переводѣ (Ферд. Вольфъ!! или кто-нибудь другой); разумѣется этотъ переводъ долженъ появиться въ *Лондонѣ*. Это вы легко сдѣлаете. Переводъ этотъ съ одной стороны хорошо разошелся бы во Франціи, Бельгіи, *Италіи*, съ другой стороны выгодно подѣйствовалъ бы на сбытъ нѣмецкаго изданія.

Нѣсколько дней тому назадъ вышло изъ печати мое новое произведеніе. Ты получишь его еще въ теченіе этой недѣли, черезъ книгопродавца, вмѣстѣ съ письмомъ.

Кланяйся отъ меня Энгельсу.

Твой Ф. Лассаль.

Іосылка должна быть отправлена *цѣнной тѣмъ же спо-иъ*, какъ и твоя послѣдняя рукопись по слѣдующему адресу: lein Ludmilla Assing, Berlin, Mauerstrasse 36.
Заглавіе, *предисловіе* и *оглавленіе* должны быть однако ıаны въ письмѣ на *мое* имя. (Potsdamerstrasse 131).
Гвое предисловіе получено.

40.

Дорогой Марксъ!

Въ тотъ самый день, когда я получилъ твое письмо относительно Энгельса, я отвѣтилъ тебѣ, увѣдомляя о томъ, что я дѣло уладилъ; я сообщилъ тебѣ и адресъ, по которому ты или онъ должны послать рукопись. Объ этомъ до сихъ поръ я ничего больше не слыхалъ. Надѣюсь, что она придетъ на этихъ дняхъ, потому что такія дѣла не терпятъ отлагательства. Прилагаю при этомъ письмѣ три экземпляра моего самаго новаго изданія для тебя, Фрейлиграта и Энгельса. Ты будешь такъ добръ, что доставишь экземпляры обоимъ послѣднимъ какъ можно скорѣе.

Какое изумленное отъ неожиданности лицо сдѣлаешь ты, когда увидишь драму, сочиненную мною! Почти такое же изумленное, какое сдѣлалъ я самъ, когда овладѣлъ идеей заняться этимъ, или, собственно говоря, когда эта идея овладѣла мною! Ибо все это дѣло явилось у меня не какъ произвольный продуктъ, производство котораго предрѣшено, но какъ принужденіе, овладѣвшее мною, отъ котораго я никакъ не могъ отдѣлаться. Я, который даже въ періодъ своего юношества не написалъ ни одного лирическаго стихотворенія, я—поэтъ!

Какъ безумно я смѣялся надъ самимъ собой, когда меня впервые охватила эта мысль! Но кто можетъ идти противъ своей судьбы! Я хочу тебѣ поэтому объяснить, какъ я подвергся такой участи.

Это было въ то время, когда я изо всѣхъ силъ заканчивалъ обработку Гераклита. Ты увидишь изъ него, что у меня есть нѣкоторая способность и слѣдовательно склонность къ умозрительному разсмотрѣнію вещей. Но я всетаки безконечно *страдалъ* при обработкѣ этого сочиненія! Большая пропасть, отдѣляющая тѣ научные сѣрые теоретическіе интересы отъ того, что сегодня практически волнуетъ нашу кровь, или *вѣрнѣе* говоря, та лишь

косвенная и столь отдаленная связь, которая существуетъ въ послѣднемъ счетѣ между обѣими вещами, это было причиной страданія, и я могу тебя увѣрить, что оно было очень велико. О, какъ часто, когда какая-нибудь ассоціація мыслей бросала меня изъ того міра мыслей, въ который я долженъ былъ погрузить себя насильно, въ сферу нашихъ жгучихъ современныхъ интересовъ, великихъ насущныхъ вопросовъ, которые хотя и кажутся затихшими снаружи, но въ моей груди продолжаютъ кипѣть съ тѣмъ же жаромъ—какъ часто я долженъ былъ тогда вскакивать изъ-за своего письменнаго стола и бросать перо! Казалось, будто вся кровь во мнѣ стынетъ и только послѣ получасовой или болѣе продолжительной борьбы съ самимъ собой я снова пріобрѣталъ самообладаніе, могъ заставить себя снова сѣсть въ кресло и отдаться снова во власть желѣзной концентраціи мыслей, которой требовало это сочиненіе!

Это очень жестоко послѣ 48 и 49 гг., послѣ того какъ было пролито столько крови, и послѣ того какъ столько дѣлъ кричатъ о мести, быть вынужденнымъ еще теоритизировать (я исключаю только политико-экономическія произведенія, потому что эти въ то же время являются практическими дѣйствіями)—къ тому же, если видишь, какъ все теоретизированіе не имѣетъ никакой *непосредственной* пользы, и что люди продолжаютъ себѣ жить спокойно, какъ будто бы лучшія и величайшія произведенія и мысли никогда не были написаны и высказаны! И вотъ какъ разъ въ такое-то время заниматься умозрительными разсужденіями о греческой древности—я при всемъ желаніи не могъ бы тебѣ описать, *какого* напряженія силъ мнѣ это стоило. Но я всегда буду смотрѣть на это, какъ на величайшее доказательство желѣзной силы воли, какое я самъ себѣ доставилъ. Прости, дорогой другъ, это лирическое изліяніе. Ты знаешь, что я въ общемъ—не лирикъ, и что я привыкъ какъ разъ самыя сильныя ощущенія замыкать въ себѣ. Но иногда настаетъ время, когда ихъ надо излить передъ другомъ. А ты, собственно говоря, послѣдній другъ изъ мужчинъ, какой у меня остался; Мендельсонъ—умеръ, а графиня, какъ ни превосходна эта женщина и какую безконечную цѣнность ни представляетъ для меня ея дружба, все же она, какъ женщина, не въ состояніи проникнуть съ вполнѣ *исчерпывающимъ* пониманіемъ во *всѣ* тайники мужскаго мышленія. Съ тобой я въ сущности мало жилъ. Тѣмъ не менѣе я какъ бы всегда имѣлъ въ тебѣ истиннаго и настоящаго друга. Ты самъ также знаешь, что я всегда такъ смотрѣлъ

: тебя. У меня есть, въ особенности теперь, много такъ назы-
.емыхъ добрыхъ друзей. Но для той дружбы, о которой я здѣсь
ворю, этимъ другимъ недостаетъ уже необходимой для этого
ітеллигентности и тождества духовнаго развитія.

Ну хорошо. Возвращаюсь къ моему разсказу. Итакъ, я былъ
ісквозь проникнутъ Гераклитомъ, но я можетъ быть не достигъ бы
юей цѣли, если бы не нашелъ спасительнаго средства въ томъ,
'о занялся одновременно, по ночамъ, какъ бы для успокоенія,
іеціальнымъ изученіемъ предмета, который находился въ нѣко-
ромъ родствѣ съ нашими злободневными политическими интере-
.ми и т. д., но однако не былъ настолько непосредственно со-
)еменнымъ, чтобы поглотить меня всего. Привыкши съ раннихъ лѣтъ справляться попеременно съ четырьмя—пятью науками, я изучалъ ночью средніе - вѣка, эпоху реформаціи, которой я уже прежде много отдавался, въ особенности произведенія Гутена и т. д. Сочиненія и жизнь этого удивительнаго человѣка опьяняли меня. Это было разъ ночью, когда я, потрясенный до глубины души нѣкоторыми изъ его сочиненій, ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Нѣсколько дней передъ этимъ я какъ разъ перелисталъ въ высшей степени жалкую современную драму. Такимъ образомъ возникла ассоціація идей. Я сказалъ себѣ—потому что я никогда не подумалъ бы при этомъ въ первый же моментъ о себѣ—Боже! хоть бы кто-нибудь изъ этихъ людей, тратящихъ по пусту свой маленькій талантъ на такія вещи, спросилъ бы у тебя совѣта относительно темы. И я подумалъ, какъ я рекомендовалъ бы имъ Гутена, и сталъ далѣе думать, какъ бы они составили тогда планъ драмы, и тотчасъ перешелъ отъ Гутена—съ которымъ дѣло снова застряло бы въ чистой теоріи — къ Зикингену, какъ главному герою драмы. И едва явилась у меня эта мысль, какъ тотчасъ же интуитивно весь планъ передо мной предсталъ разработаннымъ, и въ ту же секунду я почувствовалъ необходимость которой я не могъ болѣе отвратить отъ себя: «ты и долженъ это выполнить». И чѣмъ больше я опасался этого, тѣмъ больше меня влекло къ нему. Теперь я могъ свободно отдаваться чувствамъ возмущенія и ненависти, могъ давать свободу ихъ набѣгающимъ волнамъ, могъ такъ много писать отъ души! Такимъ образомъ я нашелъ въ этомъ способъ освободиться отъ тѣхъ удушливыхъ притоковъ крови къ сердцу, которые иначе, пожалуй, сдѣлали бы для меня невозможнымъ доведеніе Гераклита до конца.

Такъ возникла эта вещь. И я долженъ сказать, что я считаю

ее въ сущности очень хорошей—не знаю, ослѣпляетъ ли меня субъективное ощущеніе, но во всякомъ случаѣ ты не сочтешь это откровенное заявленіе за тщеславіе, такъ какъ оно скорѣе прямая противоположность послѣднему. Но если бы даже она была лучшей вещью на свѣтѣ—я *никогда* снова не напишу драмы. Эта одна была на меня возложена судьбой, какъ бы свыше, и больше это не повторится!

Относительно формальной основной идеи этой трагедіи я написалъ для нѣкоторыхъ знакомыхъ, менѣе тебя привыкшихъ къ спекулятивному мышленію, небольшую статью, которая предназначена, разумѣется, только для частнаго пользованія, но никакъ не для печати. Чтобы ты не считалъ меня слишкомъ педантичнымъ и настолько глупымъ, что я самъ выдаю своей трагедіи свидѣтельство о бѣдности, разъ она нуждается въ особой fabula docet, я замѣчу, что поводомъ къ этому объясненію было возраженіе, сдѣланное мнѣ однимъ хорошимъ знакомымъ, и при этомъ яко бы въ гегелевскомъ духѣ; послѣднее также объясняетъ и форму моей статьи. Оно къ тому же сослужило мнѣ ту службу, какъ ты безъ труда увидишь изъ самого сочиненія, что дало мнѣ возможность вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ освѣтить мой споръ съ моими здѣшними знакомыми относительно политическаго положенія дѣлъ и нашего отношенія къ нему. Но разъ статья уже написана, то я думаю, что будетъ хорошо, если я приложу переписанный съ нея экземпляръ. Тебѣ, конечно, она не нужна, чтобы узнать спекулятивную идею драмы. Но все же тебѣ будетъ интересно имѣть возможность судить съ полной увѣренностью о томъ, что я самъ хотѣлъ, въ отличіе отъ того, что въ нее можно вложить и, далѣе, въ какой степени мое намѣреніе и выполненіе совпали. Итакъ, прочти, пожалуйста, эту статью, до или послѣ прочтенія драмы, и будь такъ добръ, передай ее потомъ Фрейлиграту, для котораго, при его меньшей привычкѣ къ спекулятивному мышленію, она и безъ того можетъ оказаться не совсѣмъ лишенной интереса.

Наконецъ само собою подразумѣвающаяся просьба—*написать* мнѣ *обстоятельное* и *совершенно откровенное мнѣніе* о томъ, *какъ ты находишь эту вещь*. (Изъ предисловія ты увидишь, что она въ такой формѣ не предназначена для постановки на сценѣ. Для сцены я приготовилъ спеціально обработанное и очень сокращенное изданіе. Надежда на постановку ея на сценѣ при теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ равна, разумѣется,

нулю). И такъ—правдивый отзывъ; скажи также, думаешь ли ты, что она будетъ полезной въ ожидаемомъ мною смыслѣ.

Жму сердечно руку, искренній привѣтъ твоей женѣ, Фрейлиграту и Энгельсу.

Твой Ф. Лассаль.

Берлинъ, 6 марта 1859 г.

41.

Относительно формальной трагической идеи, положенной въ основу драмы и ея катастрофы, — о глубокомъ діалектическомъ противорѣчіи, присущемъ природѣ всякаго дѣйствія, въ особенности революціоннаго — я, конечно, не высказался въ имѣющемъ общій характеръ предисловіи, и въ самой трагедіи она выставлена отчетливѣе лишь въ пятомъ актѣ.

Постоянная сила всѣхъ господствующихъ классовъ, защищающихъ порядокъ, лежитъ въ безошибочномъ, разработанномъ сознаніи, съ которымъ они проводятъ свои классовые интересы, именно потому, что они уже являются господствующими, разработанными. Постоянная слабость всякой правильной революціонной идеи, пытающейся осуществиться практически, лежитъ въ недостаткѣ сознательности со стороны членовъ заинтересованныхъ въ ней классовъ, принципъ которыхъ еще не осуществленъ, точно также въ стоящемъ въ связи съ этимъ недостаткѣ въ организаціи имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ. Всегда повторяющееся при этомъ діалектическое противорѣчіе состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ. Сила революціи заключается въ ея *воодушевленіи*, въ этой непосредственной вѣрѣ въ идею, въ ея собственную силу и безконечность. Но воодушевленіе—эта *непосредственная* увѣренность во всемогуществѣ идеи—есть прежде всего абстрактное пренебреженіе къ конечнымъ средствамъ дѣйствительнаго выполненія ея и къ трудностямъ реальнаго осуществленія ея. Воодушевленіе, поэтому, должно приступить къ реальному осуществленію и къ дѣйствію конечными средствами, чтобы достигнуть своихъ цѣлей въ конечной дѣйствительности. Иначе оказывается, что оно въ своихъ мечтаніяхъ о томъ, чего оно желаетъ (о цѣли), забываетъ реальную сторону, т. е. то, *какъ* его осуществить.

При такихъ обстоятельствахъ кажется тріумфомъ выдающагося реалистическаго благоразумія со стороны революціонныхъ вождей, если они считаются съ данными конечными средствами, если они

держать въ тайнѣ отъ другихъ (и тѣмъ самымъ часто даже отъ самихъ себя) истинныя и конечныя цѣли движенія и, благодаря этому умышленному введенію въ заблужденіе господствующихъ классовъ, и даже ихъ использованію, получаютъ возможность организовать новыя силы, чтобы, такимъ образомъ, посредствомъ мудраго достиженія частицы дѣйствительности, побѣдить затѣмъ самую дѣйствительность.

Въ такомъ безконечно-реалистическомъ превосходствѣ надъ Гуттенномъ является Зикингенъ въ третьемъ актѣ, какъ онъ и вообще постоянно сохраняетъ превосходство надъ нимъ, лишь *духовнымъ* революціонеромъ, благодаря своему реалистическому взгляду и практически-политическому, государственному генію. Но въ этомъ проникновеніи воодушевленія въ конечное и въ этомъ подчиненіи послѣднему, оно далеко отъ того, чтобы *осуществиться*, скорѣе оно какъ разъ *отказывается* отъ своего формальнаго принципа—безконечности идеи—отдаетъ себя во власть ея противоположности, конечности, какъ таковой, устраненіе которой какъ разъ и имѣетъ для него значеніе, и здѣсь поэтому оно должна быть побѣждено.

Дѣйствительно, хотя разуму и трудно признаться въ этомъ, почти кажется, что существуетъ будто бы неразрѣшимое противорѣчіе между спекулятивной идеей, составляющей силу и право революціи, и конечнымъ разумомъ и его благоразуміемъ. Большинство революцій, потерпѣвшихъ крушеніе, разбились—всякій истинный знатокъ исторіи долженъ съ этимъ согласиться—объ это благоразуміе, или по крайней мѣрѣ потерпѣли крушеніе всѣ революціи, которыя опирались на этомъ благоразуміи. Великая французская революція 1792 г., побѣдившая при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, побѣдила лишь благодаря тому, что она сумѣла устранить разумъ.

Въ этомъ заключается также тайна силы самыхъ крайнихъ партій въ революціяхъ, въ этомъ, наконецъ, тайна, почему инстинктъ массъ въ революціяхъ обыкновенно гораздо вѣрнѣе, чѣмъ благоразуміе интеллигентовъ. «И чего не видитъ никакой разумъ благоразумнаго, то умѣетъ дѣлать и т. д.». Именно *недостатокъ въ образованіи*, присущій массамъ, предохраняетъ ихъ отъ подводныхъ камней благоразумно-умнаго образа дѣйствій.

Впрочемъ, въ сказанномъ уже заключается дѣйствительное разрѣшеніе и внутренняя необходимость того діалектическаго противорѣчія между безконечной цѣлью идеи и конечнымъ благоразуміемъ примиренія.

Потому что 1), какъ уже было отмѣчено, интересы господствующихъ классовъ, именно потому, что ихъ принципы господствующіе, и такимъ образомъ совершенно разработанные, сознательные, никого не вводятъ въ заблужденіе. Отдѣльныя личности можно обнануть, классы—*никогда*! во 2) въ особенности примиреніе, какъ согласіе на *существующее,* и притомъ, какъ уже было выше упомянуто, столько же въ формальномъ отношеніи, сколько же поэтому и въ отношеніи содержанія, неизбѣжно отказывается болѣе или менѣе отъ своего *принципа*. Такимъ образомъ именно то, что составляетъ силу и право революцій, становится на принципѣ противника и уже этимъ самымъ объявляетъ себя теоретически побѣжденнымъ; тогда остается только привести въ исполненіе этотъ приговоръ надъ самимъ собой. Цѣль только тогда можетъ быть достигнута при помощи средства—какъ это мастерски и такъ глубоко показалъ старикъ Гегель, и что Аристотель зналъ отчасти уже до него—когда заранѣе уже само средство вполнѣ и всецѣло проникнуто собственной природой цѣли. Цѣль должна быть выполнена и осуществлена уже въ самомъ средствѣ, и послѣднее должно носить въ себѣ ея природу, если она должна быть достигнута черезъ это средство (въ гегелевской логикѣ, поэтому, цѣль достигается не *благодаря* средству, но скорѣе обнаруживается въ самомъ средствѣ, какъ уже выполненная). Поэтому всякая цѣль можетъ быть достигнута только посредствомъ того, что соотвѣтствуетъ ея собственной внутренней природѣ, и *революціонныя цѣли* поэтому не могутъ быль достигнуты *дипломатическими* средствами. Или въ 3), говоря реальнѣе, революцію въ концѣ концовъ можно дѣлать только при помощи массъ и ихъ страстнаго самопожертвованія. Но массы, именно вслѣдствіе того, что онѣ «сѣры», вслѣдствіе ихъ недостатка въ образованіи, совсѣмъ не понимаютъ поссибилизма, и — такъ какъ всякій неразвитой умъ признаетъ только крайности, знаетъ лишь да и нѣтъ и никакой середины между ними — онѣ интересуются только крайностями, цѣльнымъ, непосредственнымъ. Это должно въ концѣ концовъ привести къ тому, что такіе учетчики революціи, вмѣсто того, чтобы не имѣть передъ собой обманчивыхъ враговъ и имѣть позади себя друзей, въ концѣ концовъ, наоборотъ, имѣютъ враговъ передъ собой и не имѣютъ позади себя приверженцевъ ихъ принциповъ. Такимъ образомъ кажущійся высшій разумъ на дѣлѣ оказывается высшимъ неразуміемъ.

Впрочемъ, весьма естественно, что, чѣмъ больше отдѣльныя

личности обладаютъ значеніемъ и умѣньемъ оріентироваться въ существующемъ, остротой взгляда, благоразуміемъ и образованіемъ, тѣмъ легче они впадаютъ въ ошибки, благодаря этому роковому, мнящему себя реальнымъ, пониманію. Отсюда происходитъ то, что, напримѣръ, во время французской революціи (и во время большой англійской было аналогичное) абстрактные идеалисты, якобинцы, угадывали тогда возможное и реально наступавшее лучше, чѣмъ жирондисты, хваставшіеся своимъ образованіемъ, реалистическимъ взглядомъ на вещи и государственнымъ умомъ, которые поэтому получили тогда отъ народа—изъ ненависти къ этому государственному благоразумію—странное прозвище les hommes d'état.

Это «хитросплетеніе» Зикингена, гдѣ дѣло идетъ объ идеѣ, хотя и совершается безъ вреда для его вообще революціоннаго величія и радикальной рѣшимости, и безъ того, чтобы сдѣлать его примиренцемъ, потому что онъ не примиряетъ и не измѣняетъ ни на іоту революціоннымъ *цѣлямъ*, по отношеніи къ которымъ онъ скорѣе идетъ какъ можно дальше, но хитритъ лишь относительно выполненія ихъ — это хитросплетеніе и есть такимъ образомъ вина Зикингена, и конечно μεγάλη ἁμαρτία, какъ того требуетъ Аристотель.

Но можно было бы возразить, что эта μεγάλη ἁμαρτία, какъ бы велика она ни была, все-таки лишь *интеллектуальная* ошибка, а не *нравственная* вина и такимъ образомъ не трагична.

На это я долженъ отвѣтить *трояко*. Прежде всего я ни въ какомъ случаѣ не согласился бы съ тѣмъ, что діалектика самаго глубокаго интеллектуальнаго, *неизбѣжнаго въ самомъ себѣ* и поэтому также вѣчнаго конфликта мыслей не есть сама по себѣ *глубоко* трагическій мотивъ, какъ это вѣдь доказываетъ античная трагедія и почему также Аристотель ограничивается въ томъ мѣстѣ требованіемъ лишь μεγάλη ἁμαρτια. Во-вторыхъ, эта интеллектуальная вина уже потому моральная вина, что къ тому, кто считаетъ себя настолько стоящимъ выше существующаго мірового порядка, что хочетъ его ниспровергнуть и на мѣсто его принципа поставить свой принципъ, къ тому должно быть предъявлено и требованіе, чтобы онъ дѣйствительно превосходилъ его настолько же и *духовно*, иначе онъ—въ античномъ смыслѣ слова—«зазнался».

Наконецъ, въ-третьихъ, несомнѣнно, что эта интеллектуальная вина по преимуществу и *нравственная*, потому что она происходитъ какъ разъ изъ недостатка довѣрія къ нравственной идеѣ и къ ея самой по себѣ сущей безконечной силѣ, и изъ слишкомъ боль-

наго довѣрія къ плохому конечному средству. Въ ней тѣмъ самымъ заключается недостатокъ въ непосредственно нравственной увѣренности и убѣжденности въ идейномъ, далѣе недостатокъ въ безграничной *полной откровенности*, а слѣдовательно, такъ какъ и то и другое необходимо для революціонной точки зрѣнія, и отклоненіе отъ своего принципа и полунадломленность.

Въ религіозныхъ войнахъ по большей части нѣтъ этихъ явленій, непосредственная, мечтательная убѣжденность во всемогуществѣ божественнаго исключаетъ ихъ здѣсь.

(Историческое величіе и рѣшающая сила Лютера—именно въ томъ, что въ тѣхъ пунктахъ, *которые* онъ дѣйствительно хотѣлъ во что бы то ни стало достигнуть, онъ не зналъ этого благоразумія, не дѣлалъ никакихъ уступокъ, не входилъ въ компромиссы съ господствующими силами и не считался съ «возможнымъ», но — я говорю объ его *первомъ* періодѣ — обращался непосредственно къ простому человѣку). Отсюда часто чудесная побѣждающая сила, съ помощью которой такіе фанатики такъ часто дѣлаютъ возможнымъ невозможное, едва понятное. Отсюда также—драматически захватывающая сила такихъ вдохновенныхъ фанатиковъ. Въ ихъ односторонности заключается сила ихъ дѣйствія, потому что всякое дѣяніе односторонне.

Такимъ образомъ, та вина Зикингена является какъ разъ *нравственной* виной по преимуществу, виной, которая, если можно такъ выразиться, потому остается *смягченной*, что она интеллектуальная, и именно потому, *что* она интеллектуальна, такъ какъ она основывается на конфликтѣ мыслей, постоянно повторяющемся во всѣ поворотныя эпохи, она перестаетъ быть виной *частнаго случайнаго* характера; она съ своей стороны становится *необходимой постоянной точкой зрѣнія*, великое относительное, неопровержимое право и глубочайшее внутреннее безправіе которой влекутъ за собой ея трагическую судьбу, ея діалектическую гибель. Mutato nomine de nobis fabula narratur и вѣчно такъ. Такимъ образомъ именно такая вина, которая *въ одно и то же время* нравственна *и* интеллектуальна, и которая поэтому то и основывается на постоянномъ и необходимомъ *объективномъ* конфликтѣ мыслей, и образуетъ, какъ мнѣ кажется, *глубочайшій* трагическій конфликтъ.

Или, чтобы выставить теперь свой взглядъ во всей его опредѣленности и рельефности, всякая дѣйствительная *нравственная* вина есть *лишь* интеллектуальная вина, и лишь та вина *нравственная*, которая интеллектуальна. Вѣдь нравственная вина въ отличіе

отъ *моральной*, которая связана исключительно съ отдѣльнымъ субъектомъ и его внутреннимъ міромъ, заключается ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ *практикѣ* и *реализаціи объективной* и относительно справедливой *мысли* и мыслительной точки зрѣнія, которая однако не является господиномъ своего діалектическаго противорѣчія, и которая вслѣдствіе этого нарушаетъ созвучіе въ мірѣ идей какъ въ мірѣ реальномъ, и потому въ теоріи является *односторонней*, а на практикѣ—*виновной*.

Впрочемъ, Зикингенъ отстраняетъ отъ себя въ пятомъ актѣ какъ интеллектуальную, такъ нравственную вину тѣмъ, что онъ сознаетъ ее и переходитъ тогда къ *искупляющему* дѣйствію. Отбросивъ ногой свои дипломатическія измышленія и хитрости, онъ ставитъ тогда на остріе меча свою судьбу и судьбу страны. Но теперь это уже слишкомъ *поздно* и *должно* быть поздно, по трагической идеѣ. Оскорбленные боги мстятъ за себя, но, къ несчастію, діалектика оскорбленныхъ идей разума мститъ за себя еще ужаснѣе и еще неумолимѣе, чѣмъ это дѣлалъ кто-нибудь изъ греческихъ боговъ. Жизнь и исторія является жестокой практикой логики, и какой жестокой!

Тотъ фактъ, что Зикингенъ принужденъ теперь силой обстоятельствъ поступить неправильно, подвергнуть себя и при этомъ страну—какъ при осадѣ его замка, такъ и при вылазкѣ—чистой *случайности*, когда онъ совсѣмъ не имѣетъ за собой страны и своихъ принципіальныхъ приверженцевъ въ ней, и когда поэтому истинная сила обѣихъ сторонъ совсѣмъ не обнаруживается и не является рѣшающимъ моментомъ; тотъ фактъ, что этотъ великій дипломатъ и реалистъ, который желаетъ заранѣе все тщательно вычислить и совершенно исключить случайность, что онъ въ концѣ концовъ, какъ разъ поэтому то, и принужденъ предоставить все самой случайной изъ случайностей, это и есть настоящее и самое жестокое діалектическое наказаніе, какое выпало на его долю. Вмѣсто того, чтобы открыто апеллировать къ принципамъ и предоставить полную свободу ихъ революціонной силѣ, онъ въ Трирскомъ походѣ построилъ свою историческую идею и національное дѣло на предпріятіи, которое онъ старательно лишилъ его общей силы и значенія и которое окутано туманомъ *случайности*. Этимъ самымъ, какъ онъ ни старался предусмотрительно исключить всякую случайность, онъ *самъ* призвалъ случай, и долженъ, такъ какъ его разсчетъ на введеніе въ заблужденіе относительно сознательной природы сущаго при посредствѣ кажущагося случайнаго и несуществен-

іаго пропалъ, долженъ принять рѣшеніе не изъ рукъ подготовленной случайности, какъ ему того хотѣлось, но скорѣе изъ рукъ дѣйствительно неподготовленнаго случая. Именно поэтому онъ погибаетъ не вслѣдствіе превосходства силъ стараго—что не было бы дѣйствительно трагической гибелью, скорѣе неизбѣжное паденіе его, если даже этимъ еще далеко не дано достиженіе великой цѣли Зикингена, достаточно явственно проходитъ черезъ весь пятый актъ—но онъ погибаетъ вслѣдствіе собственной ошибки.

Точно также мнѣ кажется необходимымъ то, что Валтасару лишь въ пятомъ актѣ удается показать Зикингену истинную природу вещей, а въ третьемъ актѣ въ этомъ ему еще мѣшаютъ. Было бы ущербомъ для формальнаго величія духа Зикингена или же для его нравственнаго воодушевленія—что я еще менѣе могъ допустить — если бы Валтасаръ уже раньше раскрылъ ему ту истинную природу вещей и Зикингенъ тѣмъ не менѣе продолжалъ бы держаться своей точки зрѣнія. Этого онъ не могъ сдѣлать безъ того, чтобы не стать ниже въ умственномъ или нравственномъ отношеніи, чѣмъ онъ долженъ быть. Но такимъ образомъ его интеллектуальная вина нисколько не становится мелкой, потому что она опирается *также* на существенномъ и имѣющемъ основаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ она смягчена, потому что зритель или читатель до пятаго акта навѣрное будетъ также на его сторонѣ. И точно также его *нравственная* вина, пока не произошло разговора съ Валтасаромъ, является чисто *безсознательной*, но именно поэтому здѣсь вдвойнѣ трагичной и подходящей къ его чистому характеру, между тѣмъ какъ послѣ разговора она стала бы сознательной, и слѣдовательно мелкой въ умственномъ и нравственномъ отношеніи.

Только когда уже слишкомъ поздно, можетъ быть рѣчь о томъ, въ чемъ ошибся Зикингенъ на побѣдоносной высотѣ своего благоразумія, и въ этомъ разговорѣ Валтасаръ долженъ точно также превосходить Зикингена, какъ послѣдній превосходитъ Гуттена въ третьемъ актѣ. Непосредственно затѣмъ слѣдующая крестьянская сцена вызыветъ созвучіе и является дѣйствительной почвой для резонанса приведеннаго Валтасаромъ ряда идей.

Зикингенъ, впрочемъ, уже въ слѣдующей сценѣ долженъ снова пріобрѣсти свое геройское, смѣлое превосходство надъ теоретическимъ превосходствомъ Валтасара, тѣмъ, что въ то время какъ послѣдній подавленъ и удрученъ и все ему кажется погибшимъ,

онъ мгновенно воспрянулъ и, ставъ на точку зрѣнія Валтасара, создаетъ и выполняетъ планъ спасенія дѣла.

То, что я это превосходство отдалъ вообще Валтасару, а не Гуттену, это мнѣ кажется также необходимымъ.

Во-первыхъ, характеръ Гуттена, какъ я его представилъ, остается проникнутымъ основнымъ лирическимъ тономъ, и для него, такимъ образомъ, эта роль неподходяща. Напротивъ того, Зикингенъ есть и остается по отношенію къ нему, являющемуся, какъ уже было замѣчено, лишь духовнымъ революціонеромъ, съ самаго начала до конца болѣе сильнымъ, предвидящимъ политическія послѣдствія, реалистическимъ героемъ. Онъ предвидитъ направленіе событій, какъ оно развивалось и *должно было* развиваться изъ одного только завоеванія религіозной свободы, которую, по мнѣнію Гуттена, надо было спасать прежде всего.

Во-вторыхъ, у Гуттена не было бы, если бы *онъ* долженъ былъ руководить здѣсь Зикингеномъ, никакого иного средства, кромѣ *воодушевленія.* Но въ этомъ Зикингенъ нисколько не уступаетъ ему, такъ онъ вѣдь уже въ 3-мъ актѣ въ своемъ сильномъ, непосредственно практическомъ паѳосѣ давно рѣшительно готовъ къ дѣлу и выработалъ планъ, въ то время какъ Гуттенъ, котораго онъ такъ далеко превосходитъ, думаетъ, что его надо еще возбуждать.

Въ третьихъ, наконецъ, *одно только воодушевленіе*—и это опять-таки возвращаетъ насъ къ сказанному въ началѣ—никогда не могло бы быть болѣе сильнымъ и вѣрнымъ средствомъ, чѣмъ реалистическая проницательность Зикингена. Скорѣе оно, благодаря своему игнорированію конечныхъ средствъ, съ своей стороны такъ же абстрактно-одностороние, какъ и точка зрѣнія конечныхъ средствъ—со своей, и если даже оно внутренне *находитъ* болѣе вѣрное, то оно все же не можетъ *проявить въ болѣе сильной степени* свое дѣйствительное внутреннее право и такимъ образомъ увлечь въ противоположную точку зрѣнія. Обѣ, такимъ образомъ, являются лишь относительно правоспособными и абстрактными противоположностями. Зикингенъ былъ бы, пожалуй, выше, сильнѣе. Что имѣетъ силу, съ своей стороны, подняться надъ реалистической точкой зрѣнія Зикингена, это, можетъ быть, скорѣе всего только еще *болѣе реалистичная* натура Валтасара, который изъ своего убѣленнаго сѣдинами опыта почерпнулъ свой развитой взглядъ и законченное познаніе законовъ исторіи и движенія народовъ. Только реалистическая *мудрость* можетъ естественно превзойти реалисти-

эское *благоразуміе* и подняться надъ нимъ. Примиреніе однако ключается отчасти именно въ томъ, что поскольку дѣло идетъ о религіозныхъ цѣляхъ Зикингена, то ихъ болѣе поздній прорывъ является актомъ, точно такъ же, какъ уже было указано раньше, онъ проявляется достаточно сильно и въ пятомъ актѣ, отчасти и въ особенности въ томъ, что поскольку дѣло идетъ о его дальше идущихъ и по преимуществу политико-національныхъ цѣляхъ, то настоящее время именно и является тѣмъ, которое снова взяло на себя борьбу изъ-за нихъ въ аналогичной, хотя и въ еще болѣе обширной формѣ. Оно занято этой суровой работой, въ свою очередь страдая и борясь, что является исполненіемъ того, на что указываютъ перспективно заключительныя слова Гуттена. И я считаю не маловажной выгодой для культурно-исторической трагедіи — именно такой, цѣли и борьба идей которой такъ близко соприкасаются съ настоящимъ, чтобы содѣйствовать ему — то, что такимъ образомъ теперешнее сознаніе зрителя, и при томъ не просто лишь какъ общечеловѣческое сознаніе вообще, но какъ разъ благодаря его *потрясающему содержанію*, становится снова какъ бы *хоромъ*, къ которому обращаются непосредственно трагическія дѣйствія и страданія героевъ. Сознаніе современнаго міра съ одной стороны вноситъ примиреніе въ *трагедію*, такъ какъ именно въ теперешнемъ возобновленіи борьбы заключается высшій тріумфъ героя и его цѣли, съ другой стороны это сознаніе черпаетъ *для самого себя* изъ трагедіи утѣшеніе и увѣренность при болѣзненныхъ судорогахъ борьбы, охватывающей переживаемое нами время. Такъ какъ именно въ этомъ возобновленіи борьбы, три столѣтія спустя, и въ доказанной этимъ *вѣчности* этой цѣли заключается высшее доказательство его *побѣдной необходимости*.

42.

Берлинъ, 21 марта, 59 г.

Дорогой Энгельсъ!

Я отъ души радъ снова увидѣть передъ собой нѣсколько строкъ отъ васъ послѣ столь долгаго, долгаго времени. Кажется, что все хорошее снова начинаетъ устанавливаться. Небольшія порученія въ письмѣ я исполню и уже кое-что сдѣлалъ, сообщивши Дункеру. Мнѣ очень хочется знать содержаніе брошюры. Трудъ Маркса также скоро появится; я также не знаю, почему онъ такъ

медленно подвигается; вину сваливаютъ на черепашій ходъ корректуръ, которыя приходится сначала посылать въ Лондонъ. Мнѣ тѣмъ болѣе хочется прочесть его, что уже нѣсколько лѣтъ какъ я ношусь съ политико-экономическимъ произведеніемъ и намѣренъ именно имъ разрѣшиться. Но я прекращу всѣ эти роды, если Марксъ, что я почти долженъ предположить, предвосхититъ у меня все то важное, что я хочу сказать. Я потому и жажду такъ нетерпѣливо прочесть его произведеніе. Но если это такъ, какъ я предполагаю, то и говорить нечего. Если другимъ сказано то, что надо было сказать, то мнѣ не нужно этого дѣлать. И я не знаю никого кромѣ Маркса, кому бы я позволилъ такъ охотно сдѣлать меня лишнимъ.

То, что онъ не прислалъ вамъ Гераклита, это несправедливость съ его стороны, такъ какъ самъ онъ его прочелъ, а при вашихъ занятіяхъ сравнительной филологіей этотъ трудъ во всякомъ случаѣ можетъ представлять для васъ тотъ или иной интересъ. Если бы я только зналъ объ этихъ вашихъ занятіяхъ, то я съ большимъ удовольствіемъ послалъ бы вамъ тогда одинъ экземпляръ, но теперь въ моемъ распоряженіи нѣтъ больше ни одного. Вы, значитъ, читали объявленіе о моемъ Зикингенѣ? Уже 10 дней тому назадъ я послалъ Марксу три экземпляра для него, васъ и Фрейлиграта, вмѣстѣ съ однимъ большимъ, большимъ объяснительнымъ письмомъ. Но послалъ черезъ книгопродавца, и кто знаетъ, когда оно дойдетъ! По крайней мѣрѣ Марксъ пишетъ мнѣ въ полученномъ сегодня отъ него письмѣ, что онъ еще не получилъ посылки.

Но я долженъ со смѣхомъ протестовать противъ выраженія въ вашемъ письмѣ, какъ бы оно доброжелательно ни было, что я «также набросился на эту спеціальность (драму)»! Сохрани меня Боже отъ такого дѣла! *До*, *при* и *послѣ* творенія этой драмы передъ моей *душой* всегда одинаково живо стояло твердое убѣжденіе, что я *никогда* больше не напишу драмы, подобно тому, какъ раньше я *никогда* не думалъ о томъ, что напишу. Я не *хотѣлъ* бы этого, даже если бы могъ; и я не *могъ* бы, если бы даже захотѣлъ. Эту одну драму я *могъ* и *долженъ* былъ написать. Это было мнѣ суждено. C'était écrit là-haut! Объ этомъ я подробно распространился въ своемъ длинномъ письмѣ къ Марксу. Но даже и безъ этого вы это очень хорошо поймете, если *прочтете* драму. Надѣюсь, что вы это сдѣлаете, какъ только получите ее.

Но—несмотря на то, что я, къ моему изумленію, получаю мас-

привѣтствій по поводу этой вещи — я никогда больше не напишу ни одной.

Скорѣе я отнынѣ останусь при политико-экономической и исто-ко-философской спеціальности — я имѣю въ виду исторію въ смыслѣ соціально-культурнаго развитія—если только, на что впро-чемъ очень можно было бы надѣяться, окончательное начало практическаго движенія пріостановитъ всякую большую теоретическую дѣятельность.

Какъ охотно я оставилъ бы не написаннымъ все, что я *знаю*, ли бы за то удалось сдѣлать кое-что изъ того, что мы (вся партія) *можемъ*.

Съ привѣтствіемъ и рукопожатіемъ.

Вашъ Ф. Лассаль.

Съ 28 марта мой адресъ: Bellevuestrasse 13.

43.

(Конецъ марта).

Дорогой Марксъ!

Чтобы не забыть, я перечислю подъ сухими нумерами различныя дѣла.

1) Относительно твоей финансовой нужды. Я также не при деньгахъ. Итакъ, самое лучшее, если ты учтешь на меня вексель въ 30 фридрихсдоровъ на 3 *мѣсяца* срокомъ. Я охотно при наступленіи срока, когда у меня снова будутъ деньги, готовъ акцептировать его и уплатить по немъ. Конечно, ты лишь тогда будешь въ состояніи сбыть вексель, если у тебя тамъ есть нѣкоторое знакомство. (Если нѣтъ никого другого, то ты могъ бы, конечно, сбыть вексель черезъ Исидора Герстенберга, маклера въ Лондонѣ. Хотя я уже десять лѣтъ ничего о немъ не слыхалъ, но онъ мой бреславльскій другъ юности и, какъ таковой, знаетъ— что самое важное—меня и мои дѣла на столько, чтобы взять у тебя тратту, если ты ему скажешь, что ты уполномоченъ мною на нее).

Если тебѣ это не удастся, то напиши мнѣ объ этомъ возможно скорѣе. Я тогда попытаюсь отправить тебѣ уплачиваемый по предъявленію вексель на Лондонъ. Но тогда можетъ быть *самое большее* 20 фридрихсдоровъ. И это потому, что за вексель, который я здѣсь покупаю, я долженъ заплатить наличными, а мое

вымя такъ выжато, что для меня будетъ очень трудно совершить сдѣлку даже на 20 фридрихсдоровъ.

Съ Дункера я постараюсь тогда добыть гонораръ jusqu'à la concurrence. *Теперь* онъ также не можетъ помочь, онъ тоже не при деньгахъ, хотя дѣла его хороши. У него много предпріятій, которыя сильно поглощаютъ его средства.

2) Мой двоюродный братъ, D-r Максъ Фридлендеръ, теперь редакторъ «Presse» въ Вѣнѣ, былъ на этихъ дняхъ и еще теперь находится здѣсь. Онъ дѣлаетъ тебѣ слѣдующее предложеніе. До сихъ поръ онъ получаетъ телеграфныя извѣстія, идущія изъ Лондона, черезъ Парижъ. Онъ спрашиваетъ, можешь ли ты телеграфировать ему прямо изъ Лондона. Твой гонораръ за каждую депешу былъ бы 15 франковъ; необходимыми средствами для уплаты телеграфныхъ расходовъ онъ, разумѣется, какимъ-нибудь образомъ снабдилъ бы тебя. Вся возлагаемая при этомъ на тебя задача лишь *та*, чтобы ты доставалъ телеграфныя извѣстія, что уже твое дѣло, но тебѣ это можетъ весьма легко удасться, если ты знакомъ съ «Times'омъ» или другими большими газетами.

3) Далѣе, мой двоюродный братъ снова возвращается къ своему предложенію, чтобы ты писалъ ему письма для «Presse». У «Presse» есть теперь 24.000 абонентовъ, и она, какъ онъ говоритъ, самая демократическая газета въ Австріи, стоящая во всѣхъ отношеніяхъ упорно-враждебно по отношенію къ правительству, и какъ разъ этому обстоятельству она обязана своимъ большимъ процвѣтаніемъ. Оно позволяетъ ей въ матеріальномъ отношеніи не жалѣть *никакихъ* затратъ и поэтому она очень хотѣла бы воспользоваться самыми лучшими умственными силами.

Содержаніе твоихъ писемъ могло бы быть: Богъ и міръ, т. е. *что угодно*. Сегодня о томъ—завтра о семъ. Все, что тебѣ кажется интереснымъ. Твой гонораръ за письмо всегда 24 франка, *все равно, какъ бы длинно или коротко* оно ни было. (Если ты хочешь большій гонораръ, то напиши мнѣ только объ этомъ. Я думаю, что онъ ни въ какомъ случаѣ не разстроитъ изъ-за этого дѣло). Что касается числа писемъ, то ты можешь, если хочешь, писать *каждый день* по одному или опять-таки въ теченіе даже *четырехъ недѣль не* писать *ничего*.

Итакъ, условія въ высшей степени выгодныя.

4) Точно также онъ предлагаетъ мнѣ писать ему корреспонденціи изъ Берлина, когда у меня будетъ къ этому охота. Я могу критиковать прусское хозяйство, министерства, камеру и т. д.

такъ ѣдко и уничтожающе, какъ я того хочу, и при томъ какъ разъ съ моей точки зрѣнія. По отношенію къ Пруссіи онъ въ Австріи можетъ идти очень далеко. Дѣло постольку заключаетъ въ себѣ нѣчто привлекательное для меня, поскольку имѣешь мѣсто, гдѣ при случаѣ можно дать просторъ своему яду и своей желчи, и поскольку можно вторгнуться рѣзкимъ диссонансомъ въ это буржуазное ликованіе, которое только одно теперь имѣетъ здѣсь голосъ. Здѣсь, въ Берлинѣ, въ цѣлой Пруссіи, не найти ни одной газеты, въ которой редакція позволила бы кому-нибудь критиковать теперешнее хозяйство. Здѣсь, такимъ образомъ, это можно было бы сдѣлать, и это иному могло бы быть очень по душѣ. Возникаетъ вопросъ, удобно ли мнѣ писать въ такую газету, какъ «Presse», которая все же по меньшей мѣрѣ въ австрійскихъ вопросахъ должна считаться съ тамошими цензурными условіями. Ты будешь смѣяться, что я предлагаю этотъ вопросъ относительно себя, въ то время какъ въ этомъ же письмѣ дѣлаю тебѣ то же самое предложеніе и уже раньше разъ сдѣлалъ его. Но d'abord: если я сообщаю тебѣ о предложеніи, то довожу лишь до твоего свѣдѣнія, и предоставляю тебѣ самому ужъ судить, допустимо ли дѣло или нѣтъ. Далѣе, изъ Лондона есть много фактическаго и масса извѣстій, о чемъ можно писать и чего здѣсь нѣтъ, такъ что наши положенія не вполнѣ одинаковы. Мнѣ пришлось бы заниматься только критической политикой, такимъ образомъ все же принципіальной политикой.

Итакъ, возникаетъ собственно слѣдующій вопросъ: достаточно ли прилично заниматься принципіальной политикой, хотя бы и безъ всякихъ ограниченій и со своей собственной точки зрѣнія, въ газетѣ, которая, какую свободу она бы *мнѣ* не предоставила, въ общемъ *не* соотвѣтствуетъ этой моей точкѣ зрѣнія. Самое худшее то, что это приходится рѣшать in concreto главнымъ образомъ на основаніи *прежняго направленія* «Presse», а я *никогда* даже не видалъ ни одного ея номера. Ты получалъ, nisi fallor, нѣкоторое время экземпляры, посылаемые Максомъ въ Лондонъ, и слѣдилъ такимъ образомъ за ней, хотя и короткое время; поэтому ты компетентенъ въ рѣшеніи.

Итакъ, напиши мнѣ: 1) принимаешь ли ты предложеніе и 2) какой совѣтъ дашь ты мнѣ на этотъ счетъ.

Моему двоюродному брату нуженъ однако самый скорый отвѣтъ, такъ что я долженъ просить тебя отвѣтить мнѣ въ теченіе *восьми дней*.

3) Ты безусловно хочешь знать отъ меня здѣшнія сплетни и новости, и если даже не принимать во вниманіе 200.000 абонентовъ «Tribune», то кромѣ готовности идти навстрѣчу твоему желанію, сегодня меня побуждаетъ къ этому и нѣкоторый стыдъ. Стыдъ? Да! Вчера я прочелъ въ герценовскихъ мемуарахъ о Екатеринѣ, какъ однажды къ ней вбѣжалъ великій герцогъ въ бѣшенствѣ и сильномъ возбужденіи съ жалобой на то, что одна изъ его любовницъ написала ему письмо на четырехъ страницахъ! Четыре страницы! Гдѣ взять времени, чтобы *это* прочесть! Но, если до такой степени безсовѣстно написать кому-нибудь письмо въ четыре страницы, что же сказать мнѣ, когда я тебѣ въ послѣдній разъ отправилъ гораздо болѣе длинное письмо — о Камчаткѣ и Сибири, какъ ты пишешь — и письмо, которое еще въ добавокъ и не отъ любовницы! Если я, такимъ образомъ, нашелъ такъ много времени писать тебѣ такъ пространно и обширно о *моей* чепухѣ, то по меньшей мѣрѣ ясно, что я найду также время написать тебѣ о томъ, что тебя интересуетъ.

Во-первыхъ, для меня самого очень интересно одно сообщеніе, которое мнѣ сдѣлалъ мой двоюродный братъ. Онъ сказалъ мнѣ, будто бы въ Вѣнѣ народъ и также средняя буржуазія еще переполнены *той же самой ненавистью* къ своей династіи, какъ въ 1848 и 1849 гг. *Примиреніе* здѣсь рѣшительно невозможно. Здѣсь совсѣмъ не *понимаютъ* перемѣны настроенія въ прусскихъ газетахъ, и съ изумленіемъ спрашиваютъ себя, что тамъ собственно произошло. Правда, конкордатъ сильно посодѣйствовалъ, чтобы сохранить это настроеніе въ неослабной свѣжести. Отъ Австріи я никогда ничего другого не ожидалъ. Даже тамошняя средняя буржуазія еще примитивна, еще не такъ абонируется на литературныя произведенія, какъ наша, и ее нельзя назвать настоящей буржуазіей въ современномъ смыслѣ. Но я очень радъ, что нашелъ подтвержденіе своего ожиданія. Онъ сказалъ мнѣ, что тамъ настроены противъ *Наполеона*, какъ такового, но тѣмъ не менѣе онъ часто слышалъ отъ буржуа рѣчи въ свойственномъ имъ наивно-обывательскомъ тонѣ: Германія была бы права, если бы она покинула ихъ: этого они уже заслужили у нея, благодаря Роберту Блюму. Австрійскіе офицеры-инженеры очень пылки. Они разсчитываютъ, что могутъ будто бы въ *пять* дней овладѣть Алессандріей — что, какъ извѣстно, еще не доведено до конца — и даже Генуей. Въ Ломбардіи стоятъ 280.000 человѣкъ. Настроеніе въ Австріи очень воинственное. «Presse»

съ своей стороны, старается вовлечь правительство въ войну. Когда «Presse», поэтому, недавно напечатала статью, которая резюмируется въ положеніи, что Австрія должна напасть, и была бы все-таки, если бы она даже напала, только въ *стратегическомъ* наступленіи и въ политической самообороне, то, какъ мнѣ разсказываетъ Максъ, тамошній министръ полиціи былъ внѣ себя отъ радости.

Съ другой стороны я слышу, что министръ финансовъ также хочетъ войны, чтобы имѣть приличное основаніе для банкротства. Что касается насъ, то циркулируетъ слухъ, что фон-дер-Гейдтъ получитъ отставку. Всякій мало-мальски разумный человѣкъ былъ съ самаго начала убѣжденъ, что онъ смотритъ на прусское государство какъ на филіальное отдѣленіе дома фон-дер-Гейдта въ Эльберфельдѣ. Но теперь, говорятъ, положительно доказано, что онъ передавалъ своему Эльберфельдскому дому по телеграфу государственныя извѣстія для ихъ использованія. Принцъ извѣщенъ объ этомъ. Онъ призываетъ фон-дер-Гейдта и ставитъ это ему на видъ. Гейдтъ отрицаетъ. Онъ ссылается на то, что можно просмотрѣть всѣ депеши, посланныя имъ. Это происходитъ. Ничего не находятъ. Тогда, наконецъ, отыскивается одно изъ его довѣренныхъ лицъ, которое выдаетъ, въ *какой формѣ* — подъ видомъ совершенно невинныхъ вещей — Гейдтъ, предварительно условившись, доставлялъ своимъ эти извѣстія.

Это я имѣю изъ одного недурного источника. Правда ли это — т. е. въ истинѣ этого уже давно не сомнѣвались, но правда ли, что это доказано, остается открытымъ.

Съ Гейдтомъ вмѣстѣ слетѣлъ бы его зять Симонсъ, котораго Kladderadatsch недавно такъ превосходно отдѣлалъ. «Berliner Revue» (здѣшная крайняя консервативная газета) напечатала вдругъ замѣтку, что Самонсъ—еврей по происхожденію, а это для министра юстиціи одного изъ германскихъ государствъ very shocking. На это Симонсъ имѣлъ невѣроятную глупость заявить въ оффиціальной «Preussische Zeitung», на первомъ мѣстѣ въ отдѣлѣ правительственныхъ сообщеній, что его фамилія, какъ это можно доказать, крещена еще съ XVII вѣка. Теперь Kladderadatsch подхватилъ Симонса и обращается съ нимъ, какъ съ *подмѣненнымъ* (umgekehrten) мальчикомъ Мортара, котораго хотятъ насильно подвергнуть обрѣзанію!

Настроеніе здѣсь цѣликомъ полно ожиданій. Интересъ ко внутренней политикѣ основательно поглощается все больше и больше

интересомъ къ внѣшней политикѣ. Наши High Tories устроили сначала неисправимый спектакль. Я знаю изъ *хорошаго* источника, что они требовали, чтобы тотчасъ помогли Австріи (иначе Наполеону послѣ побѣды надъ Австріей будетъ тѣмъ легче сдѣлать то же самое съ Пруссіей и т. д.), для чего надо прежде всего двинуть армію въ Бельгію, такъ какъ въ стратегическомъ отношеніи очень трудно прикрыть лѣвый берегъ Рейна!! Разумѣется, уже изъ прирожденной трусости кабинетъ не далъ себя увлечь такими чудовищными дѣлами. Если представленіе начнется, онъ правда подготовится къ войнѣ, но на прочее онъ будетъ взирать съ сожалѣніемъ. Ничего больше. Въ этомъ порукой является также и положеніе Россіи и многое иное.

Въ палатѣ господъ правительство недавно потерпѣло пораженіе. «Господа» оказываются настолько допотопными, что даже въ отношеніи государственной казны хотятъ еще придерживаться кабинетнаго приказа 1820 года. Это пораженіе могло бы лишь содѣйствовать увеличеніе популярности правительства. Между тѣмъ никто уже не обращаетъ на это вниманіе.

Изъ *вѣрнаго* источника я узналъ, сколько король уступаетъ принцу изъ своего цивильнаго листа на представительство, за тяготы и заботы по регентству. Отгадай! *24.000 талеровъ!* Остатокъ онъ тратитъ самъ на покупку массы картинъ въ Римѣ и т. д. Здѣсь въ Берлинѣ о полиціи теперь не много слышно, за то она сыграла со мной нѣсколько дней тому въ Дюссельдорфѣ въ высшей степени фатальную штуку. Произведя давленіе на одного крупнаго тамошняго реакціоннаго фабриканта, она побудила его уволить его надзирателя за работами. Послѣдній какъ разъ самый дѣльный и надежный рабочій, какого только мы тамъ имѣли, и довѣренное лицо рабочихъ всего тамошняго и даже горнаго округа. Уже раньше—въ 1851 и 52 гг.—дѣлались подобныя же попытки. Принципалъ фабрики *не охотно* соглашался на это, потому что онъ терялъ въ немъ своего лучшаго рабочаго, но онъ заявилъ ему, что сдѣлаетъ это, если полиція еще разъ потребуетъ отъ него, такъ какъ онъ не хочетъ оказаться на дурномъ счету у правительства. Рабочій пришелъ искать совѣта и помощи ко мнѣ. Мое рѣшеніе было коротко. Я отправился къ тогдашнему директору полиціи Ф. Фельдерну и заявилъ ему слѣдующее: вы хотите прогнать этого человѣка съ его мѣста, потому что онъ, по вашему мнѣнію, дѣйствуетъ въ демократическомъ духѣ. Хорошо. Я заявляю вамъ здѣсь своимъ честными словомъ, что какъ только

это произойдетъ, партія по подпискѣ будетъ выдавать ему *двойное* жалованіе и употреблять его исключительно въ качествѣ демократическаго агента. Тогда въ его распоряженіи будетъ ежедневно 24 часа времени и никакихъ побочныхъ соображеній. Теперь же у него во всякомъ случаѣ есть эти соображенія и никакого свободнаго времени.—Угроза подѣйствовала. Фальдернъ отступилъ. И въ теченіе 6-ти лѣтъ фабриканта оставляли въ покоѣ. Теперь онъ наконецъ, по вторичному настоянію, отказалъ рабочему, что мнѣ только что сообщено. Чего хочетъ вдругъ полиція? Я могу только то думать, что мудрый г. ф.-Раффе дѣйствуетъ такъ, имѣя въ виду какія-то надвигающіяся случайности. Дѣло тѣмъ болѣе фатально, что рабочій тотчасъ же нашелъ мѣсто во Франціи и хочетъ уйти туда. Потеря для партіи въ той мѣстности—незамѣнимая. Я самъ, благодаря этому, лишаюсь своей правой руки. Я писалъ письмо за письмомъ своимъ буржуазнымъ друзьямъ въ Дюссельдорфѣ, чтобы они почувствовали себя обязанными удержать тамъ этого человѣка. Посмотримъ теперь, что они сдѣлаютъ, но я не жду отъ нихъ ничего. Тамъ, гдѣ не стоишь за спиной самъ, тамъ нѣтъ ни рвенія, ни энергіи.

Теперь я выложилъ тебѣ всѣ сплетни. Я думаю, что ты могъ бы подвергнуть меня пыткѣ, и я не смогъ бы ничего болѣе сказать. То, что наше министерство хочетъ уничтожить льготное освобожденіе отъ земельныхъ налоговъ, но—horribile dictu—хочетъ *вознаградить* за это дворянство, и это несмотря на то, что освобожденіе отъ земельныхъ налоговъ уничтожено уже давно октябрскимъ закономъ 1810 года—это тебѣ извѣстно. Слыханное ли это дѣло!

Ну, будь здоровъ. Я *твердо* вѣрю въ успѣхи, которые доставитъ намъ война. Но, конечно, они не будутъ въ первыхъ рядахъ событій. Все равно. Приходитъ чередъ и среднимъ и заднимъ рядамъ. Кланяйся своимъ и—до не очень далекаго свиданія вновь на родинѣ. Я все хотѣлъ посѣтить тебя въ Лондонѣ. Въ будущемъ году можетъ случиться, что ты посѣтишь меня въ Германіи.

Твой Ф. Лассаль.

Мой адресъ съ 28 марта: Bellevuestrasse, 13.

44.

Дорогой Марксъ!

Прилагаю переводъ на имя Бишофсгейма и Гольдшмидта въ Лондонѣ на 14 фунтовъ 10 шиллинговъ, который я вчера по полученіи твого письма тотчасъ же досталъ черезъ Дункера. Такъ какъ я долженъ былъ заплатить ихъ наличными и не могъ располагать больше, чѣмъ 100 талерами, то артельщикъ Дункера отправилъ эту сумму (97 талеровъ и столько-то зильбергрошей), понимая этотъ предѣлъ слишкомъ à la lettre и, вѣроятно, предполагая, что нельзя также истратить на одинъ или два талера болѣе 100. Впрочемъ, Дункеръ мнѣ сказалъ при этомъ, что срокъ уплаты твоего гонорара будетъ въ серединѣ мая. Онъ увѣряетъ, что ускоритъ печатаніе, *насколько только онъ будетъ въ состояніи*. Во всякомъ случаѣ ты совершенно ошибаешься въ своемъ предположеніи, что онъ нарочно дѣйствуетъ медленно. У него все идетъ нѣсколько медленно. Брошюра Энгельса появилась три дня тому назадъ. При этомъ я посылаю ему два экземпляра подъ бандеролью и такъ буду дѣлать ежедневно шесть дней подрядъ. Это единственный способъ, какой мы могли выдумать, чтобы избѣжать большихъ почтовыхъ расходовъ и съ другой стороны, чтобы нѣкоторыя лица не отгадали автора брошюры. Напиши ему объ этомъ.

Брошюра поистинѣ импонируетъ остротой и основательностью развитыхъ въ немъ научныхъ стратегическихъ познаній.

По поводу твоего недавняго письма относительно «Presse» я только третьяго дна могъ написать своему двоюродному брату. Именно въ эти дни я переѣзжалъ, и ты конечно знаешь, что значитъ переѣздъ на другую квартиру съ моей довольно большой библіотекой и безчисленнымъ хламомъ.

Ты получишь отвѣтъ непосредственно отъ него. Больше нечего сообщать сегодня. Я радъ, что ты наконецъ получилъ моего Зикингена вмѣстѣ съ письмомъ и жду съ большимъ интересомъ твоего отвѣта. «Berliner Revue», здѣшняя ультра-консервативая и спортсменская газета, сестра «Kreuszeitung», оказала мнѣ очень хорошую услугу. Недавно она помѣстила разъяренную статью о Зикингенѣ, въ которой она сдѣлала его постановку на сценѣ настоящимъ партійнымъ вопросомъ. Vale.

Твой Ф. Лассаль.

Берлинъ, 8 апрѣля 59 г.

Bellevuestrasse, 13.

45.

(Середина мая).

Дорогой Марксъ!

Я не могъ отвѣтить тебѣ раньше на твое послѣднее письмо, приложеніе къ которому снова прислано. Voilà la raison. Ты не можешь составить себѣ никакого представленія о теченіи и кретинизмѣ нашего общественнаго мнѣнія, грозящаго все увлечь въ войну противъ Франціи и даже привести въ замѣшательство всѣ демократическія части народа, которыя не вполнѣ самостоятельны. Но еще гораздо менѣе (болѣе), чѣмъ на войну, я смотрю особенно на *популярность* войны, какъ на огромное несчастіе, а въ настоящій моментъ совершенно нельзя сомнѣваться въ громадной популярности ея—такъ велико замѣшательство, созданное рѣчами половинчатыхъ и молчаніемъ цѣльныхъ личностей. Когда это все болѣе и болѣе наростало, то я счелъ себя обязаннымъ выступить навстрѣчу теченію. Въ теченіе послѣднихъ дней я сдѣлалъ попытку, работая *всѣ* ночи напролетъ, соткать изъ логики и огня вещь, дѣйствіе которой на народъ, какъ я думаю, во всякомъ случаѣ не пропадетъ даромъ. Я пришелъ къ этой мысли лишь тогда, когда все болѣе и болѣе убѣждался въ существованіи этой популярности, иначе я не почувствовалъ бы къ этому никакого призванія.

Вчера я отдалъ брошюру въ печать и она появится черезъ восемь дней—разумѣется *анонимно*—подъ заглавіемъ: «Итальянская война и задача Пруссіи. Голосъ изъ среды демократіи».

Въ ней я указалъ правительству въ высшей степени національный и популярный путь, по которому — in abstracto — она могла бы идти очень хорошо, но in concreto она ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти и не пойдетъ. И такъ какъ она не вступитъ на этотъ путь, то я надѣюсь, что нашелъ въ этомъ средство сдѣлать его окончательно непопулярнымъ.

Если полиція не конфискуетъ всего изданія — ибо брошюра написана безъ всякихъ предосторожностей и безъ какихъ бы то ни было дипломатическихъ виляній; знамя революціонной партіи въ ней развернуто открыто — то ты получишь тогда немедленно отъ меня одинъ экземпляръ и тогда самъ увидишь, какъ все было задумано.

Дорогой другъ! Печаленъ при всемъ томъ лишь горькій опытъ, что глупость въ Германіи сильнѣе, чѣмъ думаютъ.

То, что ты пишешь о моемъ двоюродномъ братѣ, меня очень разсердило. Онъ очень злоупотребилъ моей добротой, и я это ему припомню. Впрочемъ, его поведеніе по отношенію къ тебѣ лишь аналогично его обращенію со мной, и именно поэтому я, собственно говоря, не могу ничего сдѣлать въ этомъ дѣлѣ.

Въ началѣ апрѣля онъ началъ мнѣ посылать ежедневно «Presse», такъ какъ это должно было быть предварительнымъ условіемъ для моего рѣшенія—хотя онъ тогда и не получилъ отъ меня никакого отвѣта на просьбу посылать ему иногда корреспонденціи. Но эта присылка продолжалась лишь четыре-пять дней и затѣмъ внезапно прекратилась. Тогда я написалъ ему и понукалъ его. Никакого отвѣта и ни одного номера «Presse». Нѣсколько дней спустя пришло твое письмо, въ которомъ ты съ своей стороны также уговариваешь меня взяться за дѣло. Лишь съ большимъ трудомъ и неохотой я рѣшился на это, такъ какъ я, въ особенности въ *настоящее* время, рѣшительно не вѣрю въ возможность установленія связи съ австрійской газетой. Я тѣмъ не менѣе рѣшился, такъ какъ въ сущности ничего не обѣщалъ, кромѣ присылки совершенно случайныхъ, и при томъ по моему усмотрѣнію, корреспонденцій. Я заявилъ, такимъ образомъ, о своемъ рѣшеніи, все настаивая и напоминая ему о присылкѣ «Presse». Два дня спустя, мнѣ пришло въ голову послать ему по поводу Э(нгельса)—совершенно безцвѣтную замѣтку о стратегическомъ содержаніи его брошюры, вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ и о слухахъ, которые, какъ я утверждалъ, циркулировали здѣсь относительно автора брошюры. Въ частномъ письмѣ я объяснилъ ему, что если «Presse» еще долго мнѣ не будетъ присылаться, то придется считать всякую связь съ послѣдней прекратившейся.

На всѣ эти письма я не получилъ *никакого* отвѣта и *ни одного* номера «Presse»; я не знаю также, напечаталъ ли онъ мою замѣтку о брошюрѣ Энгельса или нѣтъ.

Теперь я слышу объ его обращеніи съ тобой. Единственное, что я думаю, что смогу ему сдѣлать, это то, что я его больше не впущу къ себѣ, если онъ когда-нибудь вздумаетъ меня посѣтить, и буду считать его погибшимъ для меня.

Ибо что же иное я могу сдѣлать въ твоемъ дѣлѣ? Бѣгать за нимъ и насильно закрѣплять твою связь съ нимъ, вѣдь это намъ не идетъ? Я, по крайней мѣрѣ, теперь ужъ ни за что болѣе не вступлю съ нимъ въ журнальныя отношенія. Что подѣлаешь

вообще съ......? Мнѣ кажется единственно возможнымъ и достойнымъ предоставить его самому себѣ.

Если ты все-таки хочешь, чтобы я еще разъ написалъ ему о тебѣ, то скажи мнѣ и я это сдѣлаю, хотя и *въ высшей степени неохотно*. Но ты долженъ тогда мнѣ сказать, *что* я ему долженъ написать, потому что я дѣйствительно не знаю, что ему написать, кромѣ того, что онъ.....!

Можетъ быть, это для него—не ново, хотя до сихъ поръ я не зналъ его съ этой стороны.

Я все еще долженъ отвѣтить тебѣ на твое очень милое письмо о Зикингенѣ, но это надо будетъ сдѣлать обстоятельно. Сегодня я этого еще не могу, если даже найду для этого время и покой при этомъ неспокойномъ положеніи дѣлъ и кризисѣ. Но я несомнѣнно отвѣчу тебѣ на все обстоятельно. Въ томъ, что ты говоришь о столь часто поразительной небрежности моего стиха—въ этомъ ты правъ. (Кстати: подъ столь шокированнымъ этимъ обстоятельствомъ *поэтомъ*, конечно, подразумѣвается Фрейлигратъ? Онъ можетъ быть этимъ шокированъ сколько хочетъ, но это, по крайней мѣрѣ, не должно его удерживать отъ того, чтобы отвѣтить нѣсколькими строками на мою дружескую посылку; болѣе чѣмъ неприлично, что онъ этого не сдѣлалъ). Но я былъ почти нарочно небреженъ, какъ это опять-таки показываютъ другія мѣста этого произведенія.

Марію и всю любовную исторію я охотно оставляю тебѣ.

Но противъ большинства другихъ твоихъ нападокъ я буду защищаться очень основательно и, надѣюсь, съ успѣхомъ. Мнѣ кажется, что ты отчасти несправедливъ даже къ *историческому* Зикингену, отчасти и въ особенности къ *моему* Зикингену потому, что ты не обращаешь вниманія на тѣ границы, въ которыхъ поэтъ имѣетъ право идеализировать историческаго героя и превозносить его, и въ которыхъ я это сдѣлалъ. Однако объ этомъ въ другой разъ.

Кланяйся отъ меня своей женѣ.

Salut

Ф. Лассаль.

46.

Берлинъ, пятница, 27 мая.

Дорогіе Марксъ и Энгельсъ!

Отчасти я заваленъ работой, отчасти почти подавленъ личными дѣлами, такъ что всякое обстоятельное писаніе для меня настоящая мука. Тѣмъ не менѣе для меня является необходимой потребностью отвѣтить, по возможности исчерпывающимъ образомъ, какъ на твое письмо, такъ и на любезное письмо Энгельса, который также написалъ мнѣ очень подробно о моей драмѣ. Отвѣтъ на оба письма лучше всего соединить вмѣстѣ, потому что ваши возраженія, не будучи прямо идентичны, все-таки въ главномъ касаются однихъ и тѣхъ же пунктовъ. Вы, конечно, найдете вполнѣ естественнымъ, дорогіе друзья, если я попытаюсь по возможности доказать свою правоту въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ я считаю себя правымъ, причемъ выставленныя вами положенія кажутся мнѣ или вообще невѣрными, или же находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что нѣкоторыя стороны драмы вами были оставлены безъ вниманія. Въ этомъ вы, конечно, ни въ какомъ случаѣ не усмотрите личнаго тщеславія, не признающаго порицанія, но—лишь такой же законный интересъ къ дѣлу, какой васъ самихъ побудилъ написать мнѣ такъ обстоятельно—за что я вамъ горячо благодаренъ—интересъ, который у меня ни въ коемъ случаѣ не меньшій ужъ потому, что я—авторъ.

На счетъ письма Энгельса я долженъ прежде всего замѣтить, что самыя важныя изъ его возраженій устраняются еще въ письмѣ, гдѣ говорилось о трагической идеѣ драмы, письмѣ, посланномъ мною тебѣ, дорогой Марксъ, одновременно съ драмой. Хотя Энгельсъ вовсе не проглядѣлъ этой трагической идеи, которую я развивалъ въ упомянутомъ письмѣ и которая въ самой драмѣ выступаетъ во всемъ пятомъ актѣ—въ діалогѣ между Валтасаромъ и Францемъ, въ крестьянской сценѣ, въ монологѣ Франца и въ его пылкихъ рѣчахъ въ сценѣ передъ вылазкой—но съ другой стороны онъ такъ же мало понялъ ее во всей ея остротѣ, значеніи и цѣльности. Я прошу тебя, поэтому переслать ему одновременно съ этимъ письмомъ то письмо, если только оно, на что я надѣюсь, еще есть у тебя; безъ послѣдняго и это настоящее письмо будетъ для него висѣть въ воздухѣ, такъ какъ я здѣсь вездѣ имѣю въ виду развитыя тамъ идеи и молча ссылаюсь на нихъ.

Что же касается твоей критики, дорогой Марксъ, то я не могу тебѣ сказать, какъ сильно она меня обрадовала. По ея рѣзкости можно быть увѣреннымъ, что она ни снисходительна, ни подкуплена личнымъ пристрастіемъ. Если ты, такимъ образомъ, очень хвалишь композицію и выполненіе, если ты констатируешь, что чтеніе ея произвело на тебя возбуждающее дѣйствіе—и то же самое пишетъ мнѣ также и Энгельсъ!—то я, конечно, могу быть очень и очень доволенъ. Въ особенности меня радуетъ послѣднее. Вѣдь самъ авторъ никогда не можетъ судить о томъ, увлекательно ли его произведеніе или нѣтъ, и я всегда считалъ возбуждающую силу трагедіи, которая бросаетъ человѣка въ потъ, лучшимъ реальнымъ ощутительнымъ признакомъ ея достоинства. Мнѣ пришлось очень смѣяться надъ тѣмъ, что ты ставишь мнѣ еще въ заслугу мои плохіе стихи! Я долженъ смѣяться надъ этимъ не столько вслѣдствіе странности этого утѣшенія, сколько вслѣдствіе большого сходства въ нашемъ характерѣ, которое проявилось въ этомъ. Вѣдь я дѣйствительно—придавая большое значеніе силѣ *языка*—часто весьма сознательно и почти намѣренно равнодушно пренебрегалъ правилами стихосложенія. Во время творчества мнѣ это казалось настолько безразличнымъ, что я даже не далъ себѣ труда исправить стихъ тамъ, гдѣ исправленіе было бы самымъ легкимъ дѣломъ въ свѣтѣ. Кромѣ того, другія мѣста показываютъ, что я могу сочинять также и другіе стихи. Но оппозиція противъ того до смѣшного преувеличеннаго значенія, какое обыкновенно придаютъ стиху, влекла меня къ этой презрительной небрежности. При всемъ томъ мнѣ теперь жаль, что я слишкомъ поддавался этому презрѣнію. Многихъ это можетъ ввести въ недоумѣніе и, вообще говоря, разумно, если хочешь имѣть вліяніе, всегда дѣлать вещь безупречной даже въ мелочахъ. Однако это ужъ moutarde après diner!

Теперь ты переходишь къ «другой сторонѣ медали». Прежде всего ты соглашаешься со мной въ томъ, что изложенная въ моемъ письмѣ трагическая идея не только проведена въ драмѣ, но, что эта коллизія „не только трагична, но она даже та самая трагическая коллизія, которая совершенно основательно привела къ крушенію революціонную партію 1848 и 49 гг.“. «Я могу такимъ образомъ, прибавляешь ты, выразить лишь свою полнѣйшую солидарность съ тѣмъ, что она была сдѣлана центральнымъ пунктомъ современной трагедіи».

Этими объясненіями, въ сущности, достигнуто то наибольшее въ смыслѣ согласія и одобренія, чего я самъ когда бы то ни было

желалъ для своей трагедіи и на что имѣлъ притязанія. Это какъ разъ тотъ пунктъ—и таково собственно говоря должно всегда быть отношеніе трагической идеи драмы къ драмѣ—ради котораго только я и написалъ эту вещь, и для представленія котораго я послѣдовательно и приспособлялъ все прочее. Такимъ образомъ, именно въ этихъ объясненіяхъ я вижу высшую желательную для меня общую оцѣнку моей драмы—разумѣется лишь со стороны ея *содержанія*. Какіе же недостатки ты все-таки находишь еще въ этомъ отношеніи?

Ты говоришь: «Но я спрашиваю себя, была ли разработанная тема подходящей для этой коллизіи?» Несомнѣнный *удовлетворительный* отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ уже изъ того, что эта трагическая коллизія—*формальная*, и, какъ я уже объяснилъ это въ своемъ письмѣ, не специфически-свойственная какой-либо *опредѣленной* революціи, но *постоянно* повторяющаяся коллизія (иной разъ преодолѣваемая, другой разъ нѣтъ), присущая *всѣмъ* или почти всѣмъ бывшимъ и будущимъ революціямъ, что она, однимъ словомъ, есть трагическая коллизія самого *революціоннаго положенія вещей*, бывшая налицо какъ въ 1848 и 49 гг., такъ и въ 1792 г. и т. д. Такимъ образомъ, эта коллизія присуща въ болѣе сильной или болѣе слабой степени всякому революціонному моменту. Уже по этому самому ее можно было *приписать* и революціонному положенію вещей 1522 года, если даже она тогда и не играла преобладающей роли. Но и *исторически* нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта коллизія существовала и тогда *очень реально*, что она во всякомъ случаѣ была *также* очень важной, если даже и не *послѣдней* причиной гибели Зикингена, и что она—реально-дипломатическое направленіе Зикингена, игнорированіе открытаго обращенія къ революціоннымъ силамъ—даже была *единственной* виной того, что Зикингенъ погибъ *такъ, какъ* онъ именно и погибъ, т. е. что онъ погибъ, *не* вступивъ вообще ни въ какую дѣйствительную борьбу, что онъ былъ такъ задавленъ сразу въ самомъ началѣ, не имѣя даже возможности развернуть свои силы. Валтасаръ очень отчетливо высказываетъ, что онъ могъ бы погибнуть и при другихъ условіяхъ, но что эта гибель была бы совершенно *иного рода*.

Тогда испытываешь ты въ исполинской схваткѣ
Всю творческую силу *твоей дѣйствительной почвы*.
Ты стоишь тогда и *падаешь* вмѣстѣ со *всей* твоей *мощью*!
Не то самое ужасное, что вы *падаете*—

А то, что, *падая*, вы гибнете въ цвѣтѣ
Непобѣжденныхъ и неиспользованныхъ силъ;
Вотъ это то тяжелѣе всего перенести герою *).

Въ самомъ дѣлѣ, если бы Зикингенъ обратился съ открытымъ воззваніемъ къ революціоннымъ элементамъ, или, что сводится приблизительно къ тому же, подождалъ бы еще $1^1/_2$ тогда, и такимъ образомъ дожилъ бы до возникновенія крестьянскихъ войнъ, то борьба была бы во всякомъ случаѣ *совершенно иной* и приняла бы гигантскіе размѣры. Несомнѣнно, что въ послѣднемъ случаѣ крестьяне нашли бы въ немъ добровольнаго вождя, вмѣсто вынужденнаго къ этой роли и предательскаго Гётца. При геніальности Зикингена, какъ государственнаго дѣятеля, при его громадномъ вліяніи на швабскій союзъ, при его безконечномъ родствѣ со всевозможнымъ вліятельными лицами того времени, борьба превратилась бы въ высшей степени колеблющуюся и вызывающую самыя измѣнчивыя сплетенія обстоятельствъ. Даже всѣ историки ставятъ себѣ вопросъ: что было бы, если бы Зикингенъ подождалъ еще два года и оба движенія такимъ образомъ встрѣтились бы другъ съ другомъ?

Что произошло бы? Если исходить изъ Гегелевскаго конструктивнаго взгляда на исторію, котораго я самъ по существу придерживаюсь, то можно конечно вмѣстѣ съ вами отвѣтить, что въ конечномъ счетѣ гибель все-таки неизбѣжно наступила бы и *должна* была наступить, потому что Зикингенъ, какъ вы говорите, былъ au fond представителемъ реакціонныхъ интересовъ; и онъ *опять-таки* неизбѣжно *долженъ былъ* быть *таковымъ*, потому что духъ времени и его классъ дѣлали для него невозможнымъ занять послѣдовательно иную позицію.

Но этотъ критически-философскій взглядъ на исторію, въ которомъ одна желѣзная необходимость слѣдуетъ за другой, и который именно поэтому затушевываетъ вліяніе *индивидуальныхъ* рѣшеній и дѣйствій, какъ разъ поэтому-то и не можетъ быть почвой ни для *практическаго революціоннаго дѣйствія*, ни для *представленнаго драматическаго акта*.

---

*) Dann probst Du aus im ungeheuren Streit
Die ganze Triebkraft *Deines wahren Bodens*
Und stehst und *fällst* mit Deinem *ganzen Können*!
Nicht das Ihr *stürzet*, ist das Schrecklichste—
Dass, *wenn* Ihr stürzt, Ihr hinnsinkt in der Blüthe
Der unbesiegten, ungebrauchten Kraft,
Das ist es, was ein Held am schwersten trägt.

Для обоихъ элементовъ предпосылка преобразовывающаго и рѣшающаго значенія *индивидуальныхъ* рѣшеній и дѣйствій является, скорѣе, необходимой основой, безъ которой не можетъ быть никакого *драматическаго* зажигающаго интереса и никакого смѣлаго поступка. (Если въ трагедіи восхваляется рѣшающее значеніе индивидуальнаго дѣйствія, которое *оголенно* и *отдѣленно* отъ общаго содержанія, съ которымъ оно оперируетъ и которое его опредѣляетъ, то трагедія, конечно, становится безсмысленной нелѣпостью. Но вы, конечно, не поставите въ упрекъ моему произведенію расчлененіе этихъ двухъ факторовъ, я же позже укажу вамъ на упущенное вами изъ виду обстоятельство, показывающее, что ошибочное индивидуальное рѣшеніе Зикингена необходимо обусловливалось именно тѣмъ общимъ положеніемъ вещей, въ которомъ онъ находился и на которое вы напираете).

Но если даже вполнѣ придерживаться этого критически-конструктивнаго взгляда на историческую необходимость, все же остается *та* возможность, что, если бы оба движенія, Зикингена и крестьянское, встрѣтились другъ съ другомъ, то произошелъ бы эпизодъ въ родѣ того, какой произошелъ — указываю лишь на приблизительный, но не аналогичный примѣръ — въ Англіи съ индепендентами.

Союзъ между Зикингеномъ и крестьянами былъ *очень* возможенъ, въ особенности потому, что идея крестьянской войны — чего, какъ мнѣ кажется, вы совершенно не замѣтили и къ чему я возвращусь позднѣе — въ *конечномъ* счетѣ была *не менѣе реакціонной*, чѣмъ идея Зикингена.

Ты далѣе говоришь: «Валтасаръ можетъ въ самомъ дѣлѣ вообразить себѣ, что Зикингенъ побѣдилъ бы, если бы вмѣсто того, чтобы скрыть свое возстаніе подъ видомъ рыцарскаго междоусобія, развернулъ бы въ открытой войнѣ съ князьями анти-имперское знамя. Можемъ ли мы раздѣлять такую иллюзію»?

Въ вышесказанномъ уже данъ на это отвѣтъ.

Здѣсь приходится прибавить лишь одно. Если Валтасаръ, этотъ человѣкъ, стоящій въ центрѣ всего положенія вещей и охватывающій его своимъ могучимъ умомъ, можетъ предаваться такой иллюзіи—какую ты допускаешь—то этимъ уже достаточно доказано. Вѣдь въ драмѣ дѣло идетъ не о *критически-философской истинѣ*, но — объ *эстетическомъ обманѣ и правдоподобности*. Если моя формальная трагическая идея, заключающаяся въ томъ, что Зикингенъ только потому погибаетъ, что не

могъ преодолѣть той коллизіи и своевременно рѣшиться на *революціонное* дѣйствіе, настолько проведена черезъ драму, и обстоятельства такъ правдоподобно представлены въ ней, что даже такой умный человѣкъ, какъ Валтасаръ, можетъ предаваться иллюзіи, будто онъ въ силахъ вызвать революцію и съ ея помощью побѣдить — то это заблужденіе для *зрителя,* конечно, *гораздо болѣе* возможно. А въ этомъ эстетическомъ обманѣ заключается все дѣло.—Драма не критико-философское историческое сочиненіе.

Ты продолжаешь: «Зикингенъ (а съ нимъ въ большей или меньшей степени Гуттенъ) *не* погибъ отъ своего лукавства». (Если ты подразумѣваешь подъ этимъ «лукавствомъ» то, что я въ своемъ письмѣ — его недостаточную рѣшимость къ революціонному дѣйствію, то онъ во всякомъ случаѣ погибъ отъ него, независимо отъ того, вслѣдствіе чего этотъ недостатокъ былъ *въ свою очередь самъ необходимъ*).

«Онъ погибъ,—говоришь ты,—потому что онъ возсталъ противъ существующаго или, вѣрнѣе, лишь противъ *одной формы* существующаго порядка, какъ *рыцарь*» (этотъ моментъ былъ принятъ мною во вниманіе съ начала до конца, какъ это сейчасъ обнаружится) «и какъ *представитель отживающаго класса*» (—поскольку этотъ моментъ идентиченъ съ предшествующимъ, постольку онъ былъ принятъ во вниманіе вмѣстѣ съ нимъ; поскольку онъ *не* идентиченъ съ нимъ, постольку онъ оставленъ, и справедливо, *безъ* вниманія).

Теперь я долженъ доказать оба приведенныя мною въ скобкахъ замѣчанія. Что онъ погибъ отъ того, что выступилъ «*какъ рыцарь*» противъ одной изъ формъ существующаго, это, говорю я, *рѣзко* подчеркнуто мною. Именно *изъ того*, что внутренне онъ еще *не* можетъ *окончательно* порвать съ прошлымъ, въ которомъ онъ еще самъ участвуетъ и представителемъ котораго онъ является—*именно изъ этого въ конечномъ* анализѣ *вытекаетъ* связь его возстанія съ дипломатіей, его *не* революціонное дѣйствованіе и неудача послѣдняго. Этотъ моментъ образуетъ, такимъ образомъ, даже всю *ось* драмы, и кромѣ того еще въ деталяхъ сильнѣе выдвинутъ, потому что именно *отсюда*, изъ этого ветхаго рыцарскаго Адама, стоящаго за его спиной въ его революціонныхъ рѣшеніяхъ, вытекаетъ то, что онъ придаетъ большую цѣнность своимъ *рыцарскимъ* орудіямъ власти, своимъ *замкамъ*, Эбернбургу и др., вытекаетъ и та *болѣзненная борьба*, которую онъ переживаетъ, когда Валтасаръ побуждаетъ его отказаться отъ всего этого рыцарскаго

хлама. И я вѣдь въ высшей степени подчеркиваю это противорѣчіе въ лицѣ Валтасара, и въ самомъ драматическомъ развитіи всей пьесы, приведя его при посредствѣ Валтасара и силой событій къ альтернативѣ: если онъ *дѣйствительно* хочетъ достигнуть своихъ революціонныхъ цѣлей, то онъ долженъ *отказаться* отъ *всѣхъ* своихъ замковъ, и отъ Эбернбурга — «этого бастіона моего могущества» — короче говоря, отъ *всего* его *рыцарскаго существованія*, и броситься въ объятія крестьянъ босымъ и нагимъ, подобно бѣглому пролетарію. Уже въ концѣ четвертаго акта, когда онъ долженъ распустить войска, чтобы не размѣстить ихъ по замкамъ своихъ друзей и такимъ образомъ не задавить ихъ сразу, начинаетъ обнаруживаться противорѣчіе между революціонными цѣлями и всѣмъ рыцарскимъ существованіемъ и веденіемъ войны; а въ пятомъ актѣ Валтасаръ говоритъ ему, рѣзко выдвигая и очень сильно подчеркивая то противорѣчіе, въ какомъ находятся между собой его революціонныя тенденціи и его *рыцарство* съ возможными при послѣднемъ средствами борьбы:

Какъ Государь! Неужели этой мышиной норой
Ограничивается могущество Франца?
—Въ васъ лежитъ ваша сила, въ вашемъ имени,
Въ томъ довѣріи, которое несетъ вамъ навстрѣчу
Горячая привязанность сердецъ народа.
Отъ вашей силы, отъ націи васъ
Отдѣляютъ лишь стѣны этого замка и т. д. *).

И онъ указываетъ ему на тлѣющее крестьянское возстаніе. Какъ средства, овладѣть еще послѣднимъ, онъ требуетъ отъ него, чтобы онъ отбросилъ однимъ взмахомъ всю рыцарскую ветошь, и предложилъ сдачу всѣхъ замковъ, включая Эбернбурга. Рыцарскій Адамъ сильно борется въ Зикингенѣ противъ этого:

Ты безумствуешь—Валтасаръ! Эбернбургъ—
Этотъ бастіонъ моего могущества—я долженъ **).

---

*) Wie, Herr! Ist dieses Mauseloch
Der Grenzumfang von des Franziskus Macht?
—In Euch liegt Eure Macht, in Eurem Namen,
In dem Vertraun, das in des Volkes Herzen
In warmer Neigung Euch entgegen schlägt.
Es scheiden nur die Mauern dieser Burg
Von Eurer Kraft, von der Nation Euch ab и т. д.

**) Du rasest—Balthasar! Die Ebernburg—
Dies Vollwerk meiner Macht—ich sollte.

Но Валтасаръ отвѣчаетъ въ весьма рѣзкой антитезѣ лишь однимъ словомъ:

Тамъ за стѣнами васъ ждетъ *нація* *).

Зикингенъ переживаетъ тяжелую борьбу, но онъ *преодолѣваетъ* ее. Онъ рѣшается и уполномочиваетъ Валтасара на все. Онъ настолько понялъ упрекъ, что повторяетъ его дословно (V выходъ) въ монологѣ:

Да, онъ правъ! Эти *стѣны* не *защищаютъ* меня,
Онѣ *только отдѣляютъ отъ націи*!
Тамъ за стѣнами она ждетъ подъ тяжкимъ гнетомъ,
Ждетъ нетерпѣливо и т. д.
Я иду, Германія и т. д. **).

Теперь, въ этомъ своемъ, я сказалъ бы, апоѳеозѣ онъ умѣетъ побѣдить въ себѣ, но слишкомъ поздно, рыцарскаго Адама, онъ самъ называетъ „обломками безплодной хитрости" свое прежнее оперированіе рыцарскими средствами и связанный съ ними дипломатически-разсчетливый способъ дѣйствія во время революціоннаго акта и признается:

...И еще глубже
Въ грудь мою проникаетъ ядъ *упрека*.
Ты (мечъ) долженъ теперь развязать *двойной узелъ*,
Но одинъ изъ нихъ ты навѣрное развяжешь ***).

И яснѣе всего онъ выражаетъ это въ словахъ, обращенныхъ къ Маріи, съ которыми онъ погибаетъ:

Твою судьбу я довѣряю *добрымъ* силамъ,
Меня же зовутъ тѣ, которые *мстятъ за ошибку*! ****).

---

*) Da draussen harret Euer die *Nation*.

**) Wohl hat er Recht! Es *schützen* nicht, es *scheiden*
Mich diese *Mauern nur von der Natiön*!
Da draussen harrt sie unter schwerem Druck,
Harrt sehnsuchtsvoll и т. д.
Ich komme, Deutschland и т. д. и т. д.

***) ...und enger noch
Umstricken meine Brust des *Vorwurfs* Schlangen.
Den *Doppelknoten* sollst Du jetzt mir lösen
Einen von beiden lösest Du gewiss (das Schwert*).

****) Dein Loss vertrau'ich *güt'gen* Mächten an,
Mich rufen jene, die den *Irrthum rächen!*.

Вѣдь подъ этимъ можно подразумѣвать не одну лишь простую ошибку разума, но и нравственную вину въ томъ, что онъ не былъ *вполнѣ* революціонеромъ въ революціонной средѣ и находился подъ вліяніемъ комбинацій своего класса, и далѣе то, что это противорѣчіе должно было быть искуплено дѣйствительной гибелью, или какой можешь подвергнуться:

Я *иду* Германія! Освободи меня теперь
Отъ *всякихъ ошибокъ и суетной земной слабости;*
Если я воздвигъ стѣну между тобой и мною,
То на мнѣ и отвѣтственность отважно пробить въ ней брешь! *).

Когда ты, такимъ образомъ, говоришь: «То, что онъ начинаетъ возстаніе подъ видомъ рыцарской междоусобицы, означаетъ только, что онъ начинаетъ ее, какъ рыцарь», то это въ *высшей* степени вѣрно, но на это именно столь же сильно обращено вниманіе и въ драмѣ. Вѣдь то, что онъ хочетъ дѣйствовать дипломатически-лукавымъ путемъ, оперируя рыцарскими средствами борьбы вмѣсто того, чтобы съ самаго начала открыто обратиться къ революціи, опять-таки не является у него *случайной* индивидуальностью, но само въ свою очередь есть *результатъ* того, что онъ, вслѣдствіе занимаемой имъ *позиціи и классоваго положенія*, тѣсно связанъ съ существующимъ порядкомъ, съ рыцарствомъ, и *этимъ* самымъ *опредѣляется* въ своей индивидуальности. (Какъ, напримѣръ, у насъ лучшіе буржуа, которые будучи *сами по себѣ* весьма демократичны, обыкновенно не становятся дѣйствительными революціонерами, потому что они сами принимаютъ участіе въ условіяхъ существованія этого класса и съ нимъ связаны). То, что вамъ кажется чисто *случайной индивидуальностью* Зикингена, я разсматриваю скорѣе какъ неизбѣжный результатъ его *классоваго положенія*, удерживающаго его отъ рѣшительнаго революціоннаго хода, положенія, съ которымъ онъ еще тѣсно связанъ. Въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Кàрлъ V говоритъ во второмъ актѣ:

Кто самъ себѣ создаетъ рѣшенія,
А не находитъ ихъ уже предначертанными
Желѣзнымъ закономъ своего положенія? **).

---

*) Ich *komme* Deutshland! Kaufe jetzt mich los
Von allem *Fehl und eitlen Erdenschwächen;*
Zog ich die Mauer zwischen dir und mir,
So ists an mir, sie wagend zu durchbrechen!

**) Wer bildet selbst sich die Entschliessungen,
Und findet sie sich nicht schon vorgezeichnet
Durch seiner Lage ehernes Gesetz?

А что этотъ взглядъ *единственно правильный*, слѣдуетъ еще изъ двухъ положеній: 1) изъ того, что иначе, и именно *потому, что я въ остальномъ* приписалъ Зикингену *несомнѣнно* революціонныя цѣли, было бы совершенно непонятно, *почему* революціонный элементъ у него *не* прорывается дѣйствительно наружу. Принимая во вниманіе, что Зикингенъ былъ вполнѣ революціонеромъ по своимъ цѣлямъ, *интеллигентности*, по своей *волѣ* и во всемъ, что является *сознательной* стороной человѣческаго духа—это непроявленіе революціонной силы можетъ быть объяснено только тѣмъ, что именно *безсознательная* сторона его существа, его *природа*, т. е. какъ разъ *та* сторона, которая есть *продуктъ условій существованія индидуума*, была еще тѣсно связана съ существующимъ, была нереволюціонна. 2) это слѣдуетъ изъ того, что именно въ этомъ отношеніи всѣ трое, Зикингенъ, Гуттенъ и Валтасаръ, которые желаютъ почти одного и того же, отличаются другъ отъ друга по *условіямъ своего существованія*, какъ разъ соотвѣтственно тому, *какъ* они этого желаютъ. Гуттенъ, хотя и рыцарь по рожденію, но какъ совершеннѣйшій идеологъ вообще независимый отъ какого бы то ни было положенія, связаннаго съ происхожденіемъ, всей своей жизнью порвавшій со своимъ классомъ, принадлежащій, наконецъ, къ рыцарству лишь по своему происхожденію, но не въ силу своего *реальнаго положенія* и матеріальныхъ условій существованія, Гуттенъ, желаетъ въ третьемъ актѣ возстанія, какъ *чистый идеалистъ*; онъ желаетъ его съ *открытымъ воззваніемъ* къ дворянству, городамъ и крестьянамъ. Дипломатичность Зикингена не является *его* планомъ. Но какъ *идеологъ*-идеалисъ онъ желаетъ этого возстанія только ради чисто-духовныхъ, религіозныхъ цѣлей. Увлеченный гораздо дальше идущими реально-государственными цѣлями Зикингена и тѣмъ превосходствомъ, съ которымъ послѣдній развертываетъ передъ нимъ свой величественный проектъ, отъ тотчасъ же съ бурнымъ воодушевленіемъ, присущимъ ему какъ чистому идеалисту, присоединяется къ политическимъ планамъ Зикингена, предоставляя Зикингену ближайшее выполненіе ихъ, какъ ту сторону дѣла, въ которой онъ менѣе компетентенъ. Валтасаръ, будучи низшаго происхожденія, *не* связанный съ условіями классоваго положенія Зикингена, желаетъ возстанія въ истинномъ и революціонномъ смыслѣ. Только одинъ Зикингенъ желаетъ его и мысленно представилъ его себѣ въ нереволюціонной реально-дипломатической формѣ, которая съ одной стороны въ смыслѣ цѣли далеко выходитъ за предѣлы

непосредственныхъ плановъ Гуттена, но съ другой стороны носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды вліянія его классоваго положенія, средствъ борьбы и реальной позиціи, короче говоря, есть продуктъ того рыцарскаго Адама, отъ котораго онъ не освободился.

Всѣ трое различаются между собой своимъ отношеніемъ къ вопросу: какъ? на который они даютъ отвѣтъ совершенно соотвѣтственно тѣмъ условіямъ существованія, съ которыми они еще связаны или нѣтъ.

(Мимоходомъ я хочу здѣсь еще кое-что замѣтить противъ Энгельса. Вы оба находите, что и Зикингенъ обрисованъ еще слишкомъ абстрактно. Объ этомъ, какъ и о всѣхъ сторонахъ формальнаго выполненія, я не стану спорить. Вы, какъ безпристрастные читатели, по необходимости должны знать это лучше автора. Я спорю только относительно *содержанія*. Но, когда Энгельсъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе: «Личность характеризуется не только тѣмъ, *чего* она хочетъ, но и тѣмъ, *какъ* она этого хочетъ», то я позволю себѣ замѣтить, что согласно сказанному, всѣ три лица, какъ мнѣ кажется, очень опредѣленно охарактеризованы въ томъ отношеніи, *какъ* они хотятъ достигнуть общей цѣли).

Далѣе ты говоришь: «Зикингенъ погибъ, потому что онъ возсталъ противъ одной формы существующаго, какъ *представитель* погибающаго класса».

Поскольку это должно лишь означать, что онъ погибъ именно потому, что безсознательно и непроизвольно былъ тѣсно связанъ съ условіями существованія этого класса, и поэтому не могъ провести рѣшительной постановки противорѣчій, постольку оно совпадаетъ съ вышесказаннымъ. Онъ погибъ потому, что возсталъ какъ *рыцарь* противъ одной формы существующаго, и это, какъ было указано, вполнѣ было принято во вниманіе, и даже сдѣлано *центральной идеей* самой драмы. Поскольку же вопросъ выходитъ еще и за эти предѣлы, то я остерегался изобразить Зикингена *такимъ* образомъ. Со стороны его *сознанія* я приписалъ ему скорѣе самыя революціонныя цѣли, и изобразилъ его такъ, какъ будто бы онъ былъ способенъ подняться до уровня всѣхъ дальнѣйшихъ революціонныхъ послѣдствій, къ которымъ его могъ бы привести практическій успѣхъ революціи, если бы онъ побѣдилъ и продолжалъ бы жить.

Вѣдь даю же я ему силу, правда, лишь въ моментъ апоѳеоза, правда, уже слишкомъ поздно, силу—сбросить съ себя всего рыцаря и видоизмѣниться!

Что я *имѣлъ право* приписать ему такую революціонную позицію, это вытекаетъ изъ слѣдующаго: онъ стоитъ при началѣ революціи, онъ во всякомъ случаѣ въ *одномъ* отношеніи занимаетъ революціонную позицію. Послѣдняя *сама по себѣ* является, такимъ образомъ, весьма двусмысленной; она способна, если движеніе продолжится и заставитъ его считаться со своими послѣдствіями, развиться столько же въ томъ смыслѣ, что онъ ихъ будетъ поддерживать, сколько и въ томъ, что онъ выступитъ противъ нихъ враждебно и реакціонно. Относительно его *класса*, конечно, нельзя было бы ни одной секунды сомнѣваться, что она заняла бы послѣднюю позицію. И я готовъ также согласиться съ тобою, хотя и можно было бы кое-что возразить на это, что *исторически-опредѣленный* индивидуумъ —Зикингенъ велъ бы себя, какъ классовой индивидуумъ, и примкнулъ бы къ этому направленію. Но для индивидуума это *не* является *абсолютно необходимымъ*. Индивидуумъ можетъ все-таки стать выше своего класса, въ особенности, если онъ получитъ идеологическое образованіе,—а имъ онъ обладаетъ отчасти благодаря его alter ego Гуттену, отчасти, и въ значительной степени, благодаря самому себѣ. Самъ Гуттенъ говоритъ о немъ, что онъ настолько eruditus, насколько только и можно быть таковымъ sine literis (безъ греческаго и латинскаго). Такъ, Сенъ-Жюстъ былъ маркизомъ, Сенъ-Симонъ—пэромъ Франціи и болѣе близкій къ нему Янъ Жижко былъ также рыцаремъ и дворяниномъ. У Зикингена существуетъ въ высшей степени благопріятное для драматическаго поэта условіе, а именно то, что онъ исчезъ въ *самомъ* началѣ движенія, что онъ не пережилъ ни одного дѣйствительнаго положенія, которое привело бы его логически къ указанной альтернативѣ, что, такимъ образомъ, нѣтъ ни одного совершеннаго имъ *факта*, который бы свидѣтельствовалъ, какъ бы онъ относился къ дальнѣйшему развитію движенія,—что всѣ его бумаги и болѣе опредѣленные планы погибли вслѣдствіе пожара Эбернбурга, и что все извѣстное относительно послѣднихъ не выходитъ еще изъ круга того перваго революціоннаго An sich и поэтому является для него очень благопріятнымъ. (Не говоря уже о томъ, что относительно дальнѣйшаго существуютъ много удивительныхъ и поразительныхъ, хотя и не имѣющихъ рѣшающаго значенія, благопріятныхъ признаковъ).

Я *имѣлъ,* такимъ образомъ, *право* дать ему такое положеніе, какъ будто бы его личный геній въ случаѣ надобности могъ оказаться на высотѣ всѣхъ революціонныхъ послѣдствій, и это

именно потому, что онъ не дожилъ до противоположнаго этому фактическаго развитія; было слѣдовательно вполнѣ допустимо *сдѣлать*, это въ достаточной степени *правдоподобнымъ и вѣроятнымъ*, и можно было вполнѣ достигнуть *эстетическаго обмана*, такъ какъ этому не мѣшали никакіе установленные факты въ народномъ сознаніи или исторіи! Съ другой стороны, само собой понятно, что, если я *могъ* это сдѣлать, то я отъ этого лишь выигрывалъ. Дѣйствительно, какъ могъ бы я возбудить интересъ къ личности, какъ бы я самъ могъ заинтересоваться личностью, преслѣдующей *сознательно реакціонныя дворянскія цѣли*, являющейся сознательнымъ представителемъ этого класса, не только по отношенію къ князьямъ, но также и по отношенію къ народу? Но тѣмъ *болѣе потрясающимъ* стало впечатлѣніе *и въ то же время тѣмъ болѣе революціоннымъ*, когда я одарилъ его *всѣми другими* видами революціонной чести, частью въ дѣйствительности бывшими у него, частью внутренне-возможными для него, и когда онъ, несмотря на это, погибаетъ у меня *потому*, что не вырвалъ изъ своей собственной природы послѣдней перегородки, непроизвольнаго продукта своего классоваго положенія, перегородки, отдѣлявшей его отъ истиннаго революціонера!

Если ты, такимъ образомъ, говоришь: «У меня Зикингенъ погибъ бы отъ того, что онъ былъ революціоненъ лишь *въ своемъ* воображеніи», то это выполнено въ трагедіи постольку, поскольку онъ именно всегда остается революціонеромъ лишь «*въ воображеніи*», хотя бы отъ *вполнѣ дѣйствительнаго* революціонера его отдѣляла только одна *единственная* перегородка. Одна или сто перегородокъ—это все равно: отдѣленное останется отдѣленнымъ. Но далѣе этой перегородки я не хотѣлъ и не могъ, для достиженія своей цѣли, производить раздѣленія.

Ты думаешь, что Зикингенъ отличается отъ Геца только тѣмъ, что онъ воображалъ себя революціонеромъ, и если отнять у Зикингена образованіе, природныя способностя и т. д., то получится какъ разъ только—Гецъ.

На это я долженъ отвѣтить двояко: 1)—хотя это собственно совершенно безразлично для моей драмы,—но ты находишься въ *глубокомъ* заблужденіи также и относительно *историческаго* Зикингена. Я отъ души согласенъ съ твоей характеристикой Геца—«жалкій парень»—и лишь недостаткомъ историческаго пониманія у Гете я могъ себѣ объяснить, какъ онъ могъ сдѣлать героемъ трагедіи этого совершенно ретрограднаго буршу. При этомъ я не

могу согласиться съ твоей похвалой, ибо Гете хочетъ вѣдь сосредоточить на немъ *положительный* интересъ.

Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ Зикингеномъ. Историческій Зикингенъ, конечно, не совсѣмъ идентиченъ съ Зикингомъ моей трагедіи, отнюдь нѣтъ, но *еще* менѣе онъ идентиченъ съ тѣмъ Зикингеномъ, какимъ *ты* себѣ его представляешь. Въ этомъ ты можешь мнѣ пока повѣрить, такъ какъ мнѣ точнѣе извѣстна его личная исторія. При случаѣ я могъ бы представить доказательства. Существуетъ *очень* много указаній на то, что Зикингенъ могъ бы пойти даже съ крестьянами, такъ: Новый Карстгансъ, въ которомъ Гуттенъ въ діалогѣ съ однимъ крестьяниномъ называетъ его ихъ вождемъ, опасеніе князей, что онъ устроитъ «возстаніе съ простолюдиномъ», имя «Жижка», которое онъ любилъ себѣ давать. Такъ и тысячи другихъ вещей. При всемъ этомъ я охотно допускаю, что сомнительно, чтобы онъ пошелъ вмѣстѣ съ крестьянами и во всякомъ случаѣ, какъ *далеко* бы онъ пошелъ. Но когда ты говоришь, что за его репликами коварно скрываются мечты «о старомъ *кулачномъ* правѣ», то ты ошибаешься. Эту стадію онъ *давно прошелъ;* за это говорятъ самыя несомнѣнныя данныя. Съ *городами* онъ *навѣрное* пошелъ бы и очень добивался того, чтобы быть ихъ вождемъ. Когда ты говоришь, что, если бы онъ не былъ такимъ, какимъ ты его представилъ, то онъ долженъ былъ бы апеллировать непосредственно къ *городамъ* (и крестьянамъ), т. е. «къ классамъ, развитіе которыхъ является отрицаніемъ рыцарства», то на это можно возразить, что онъ тѣмъ не менѣе безпрестанно апеллировалъ къ *городамъ*, даже *до* возстанія, и онъ ничего не добивался такъ усердно, какъ союза съ городами въ Страсбургѣ, Бамбергѣ и др. Въ промежутокъ времени между трирскимъ походомъ и осадой его замка онъ прямо-таки бомбардировалъ города посольствами, созывалъ съѣзды городовъ, т. е. посылалъ къ нимъ письма и гонцовъ; онъ обращался даже къ своимъ старымъ врагамъ въ Вормсѣ и др. Города не пришли къ *нему* на помощь. Въ рѣчи, которую я заставляю его произнести въ третьемъ актѣ передъ жителями города Ландау, онъ остается по отношенію къ *городамъ* вполнѣ вѣрнымъ тому повороту, который наступилъ въ его политикѣ сравнительно съ прошлымъ.

Наконецъ 2) — и это главный пунктъ — если бы ты и былъ вполнѣ правъ относительно *историческаго* Зикингена, то ты не правъ по отношенію къ *моему* Зикингену. Развѣ поэтъ не имѣетъ права идеализировать своего героя, надѣлять его болѣе

совершеннымъ сознаніемъ? Развѣ Валленштейнъ Шиллера историченъ? Развѣ Ахиллъ Гомера дѣйствителенъ? Энгельсъ вполнѣ допускаетъ это. Онъ говоритъ: «Я ни въ коемъ случаѣ не хочу оспаривать ваше права, понимать Зикингена и Гуттена такъ, какъ будто бы они намѣревались освободить крестьянъ». Разъ уже я упомянулъ о правѣ поэта идеализировать свои историческіе персонажи, то я хочу тутъ же намѣтить *обѣ границы*, въ которыхъ онъ можетъ пользоваться этимъ правомъ: 1) онъ можетъ надѣлять своего героя *такими* воззрѣніями, которыя выходятъ за горизонтъ *всей той эпохи*, въ которой онъ жилъ. Если онъ это дѣлаетъ, то онъ—неисториченъ и тенденціозенъ въ худшемъ смыслѣ этого слова. Но все то, что *въ этотъ періодъ* такъ или иначе думали, говорили или представляли себѣ самыя свободныя и развитыя личности, все это онъ можетъ сконцентрировать въ личности своего героя, какъ въ одномъ фокусѣ. И въ дѣйствительности я не вложилъ въ уста Зикингена или Гуттена ни одного воззрѣнія, ни одного слова, относительно чего нельзя было бы доказать, что объ этомъ думали или говорилось *въ ту эпоху;* 2) но для этой свободы поэта концентрировать всѣ духовные лучи эпохи въ личности героя, какъ въ фокусѣ, *надѣлять его столь высокимъ сознаніемъ*, *какое только* было *возможно въ ту эпоху* (хотя бы въ дѣйствительности его и не было у героя), существуютъ уже выше изложенныя границы, именно: герой не долженъ *вступать въ противорѣчіе съ этими воззрѣніями*, благодаря пройденному имъ *дѣйствительному развитію*.

Онъ долженъ, такимъ образомъ, въ своемъ развитіи идти въ ногу съ ними, или онъ не долженъ ихъ переживать, и долженъ значитъ быть захваченъ въ *начальной стадіи* въ періодѣ своего еще двусмысленнаго положенія. Если не соблюдаешь этихъ границъ, то возстаешь какъ разъ противъ исторіи, становишься неправдивымъ, не можешь уже вызвать никакой *правдоподобности,* никакого увлекающаго дѣйствія и нарушаешь всѣ законы *эстетическаго обмана*. Одинъ примѣръ вполнѣ пояснитъ мой взглядъ. Такъ какъ Лютеръ пережилъ крестьянскія войны и выступилъ враждебно противъ нихъ, то было бы невозможно и безсмысленно заставить его занять въ трагедіи противоположное положеніе, въ которомъ онъ стоялъ бы за крестьянское дѣло. Если бы Лютеръ, подобно Зикингену, умеръ *до* крестьянскихъ войнъ и до споровъ съ Мюнцеромъ, то вовсе не было бы такъ невозможно — хотя я здѣсь не стану рѣшать этого случая и привожу его только, какъ при-

мѣръ — дать ему такое положеніе въ драмѣ, какъ будто бы онъ взялъ на себя защиту крестьянскаго дѣла. Подобно тому, какъ многіе моменты въ его точкѣ зрѣнія должны были привести его къ враждебному отношенію, и въ дѣйствительности побѣдоносно привели его къ нему, такъ точно были и *другіе* моменты въ его точкѣ зрѣнія (на него дѣйствительно сначала возлагали въ этомъ отношеніи *надежды*); фактически, слѣдовательно, былъ налицо наразрѣшенный конфликтъ противоположныхъ моментовъ, а тамъ, *гдѣ это имѣетъ мѣсто*, тамъ свободна, если не *историческая критика*, то *творческая фантазія*. Это, какъ мнѣ кажется, ты проглядѣлъ. Такимъ образомъ Лютера, напримѣръ, въ воображаемомъ случаѣ можно было бы поставить въ такое положеніе, какъ если бы онъ былъ способенъ къ *тому* развитію, какое въ *дѣйствительности* пережилъ протестантизмъ въ теченіе нѣкотораго времени и создалъ изъ самого себя въ англійскомъ индепендентствѣ.

Итакъ, ясно, что большинство твоихъ замѣчаній касаются лишь *историческаго*, но не *моего* Зикингена.

Моего Зикингена я не могъ заставить погибнуть изъ-за *реакціонныхъ цѣлей*, именно потому, что я ему ихъ не поставилъ; поставилъ лишь реакціоную *преграду*, надѣлилъ его *натурой*, зависимой отъ его классоваго положенія, натурой, не приведшей его къ революціонному рѣшенію.

Если признать мое право на это, что было доказано въ предыдущемъ, и что Энгельсъ самъ дѣлаетъ, то все остальное въ драмѣ, какъ я думаю, въ высшей степени послѣдовательно. Но есть еще одинъ упрекъ, который здѣсь дѣлаетъ Энгельсъ. Онъ говоритъ, что я могъ бы такимъ образомъ приписать Зикингену и Гуттену намѣреніе эмансипировать крестьянъ: «Вмѣстѣ съ этимъ, продолжаетъ онъ, вы тотчасъ же получили бы трагическое противорѣчіе въ томъ, что оба очутились бы между дворянствомъ, которое рѣшительно *не* хотѣло этого, съ одной стороны и крестьянами—съ другой. Здѣсь, на мой взглядъ, заключалась бы трагическая коллизія между исторически-необходимымъ постулатомъ и практической невозможностью выполненія его». Короче говоря, онъ думаетъ, что я долженъ былъ заставить его погибнуть вслѣдствіе нежеланія его партіи, дворянства, слѣдовать за нимъ въ его революціонныхъ планахъ, вслѣдствіе возникшаго отсюда разлада и т. д. Въ этомъ заключается вѣрный взглядъ Энгельса: я могъ поставить *личность* Зикингена, но не его *классъ*, выше его *классовыхъ цѣлей*. Вы-

званный этимъ конфликтъ долженъ былъ бы быть мотивомъ гибели. Но, хотя этотъ упрекъ и остроуменъ, однако онъ *не* вѣренъ: 1) сначала я долженъ, между прочимъ, замѣтить, что мнѣ кажется даже невѣроятнымъ, чтобы Зикингенъ погибъ, *если бы только* онъ *дошелъ* до апелляціи къ крестьянамъ. Разъ онъ имѣлъ бы въ своихъ рукахъ дворянство *и* крестьянъ, то съ помощью послѣднихъ онъ держалъ бы въ повиновеніи первыхъ, тѣмъ болѣе, что тѣ являлись болѣе сильнымъ элементомъ. Къ этому онъ былъ вполнѣ способенъ. Дать ему такъ погибнуть, это значило бы признать за дворянской партіей силу и значеніе, котораго у нея уже больше не было. Сверхъ того, какъ бы дворянство ревностно и горячо ему ни было предано, онъ долженъ былъ бы все-таки погибнуть безъ крестьянъ и городовъ. Истинную причину его гибели надо, значитъ, искать гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, а не въ сопротивленіи дворянской партіи. Наконецъ, и союзъ крестьянъ съ дворянствомъ былъ вполнѣ мыслимъ, о чемъ скажу позднѣе. 2) Но такого сопротивленія его партіи среди дворянства слѣдованію за нимъ въ его планахъ эмансинаціи крестьянъ, возникновенія отсюда недоразумѣній и оставленія его фактически *не* имѣло мѣста. Это *могло бы* прекрасно наступить, если бы Зикингенъ пожилъ дольше, заключилъ бы союзъ съ крестьянами и т. д. Но этого не произошло. Измышленіе въ области исторіи такихъ *реальныхъ событій* я считаю рѣшительно *непозволительнымъ*. Но я очень допускаю внутреннія цѣли, которымъ нѣтъ необходимости отчетливо проявляться въ фактахъ, допускаю влагать ихъ, пока существуетъ эта двусмысленность, кому-нибудь въ душу, въ которой никто не читаетъ. Но такого рода реальныя вещи, какъ разногласія со своей партіей, конфликты и споры съ другими дворянами относительно своихъ крестьянскихъ тенденцій, все это — а только такіе осязательные факты и могло было бы быть необходимо присочинять къ исторіи, хотя бы ничего подобнаго и не происходило—это я считаю *непозволительнымъ*.

3. Наконецъ, и это главное, избранный мной конфликтъ несомнѣнно гораздо *глубже*, *трагичнѣе и революціоннѣе*, чѣмъ тотъ, который совѣтовалъ Энгельсъ. Онъ уже потому глубже и трагичнѣе, что мой конфликтъ *имманентенъ* самому Зикингену, въ то время какъ тотъ конфликтъ былъ бы лишь *между нимъ и его партіей*, Гдѣ же была бы тогда *собственная трагическая вина* Зикингена? Онъ погибъ бы, передъ самимъ собой совершенно оправданный и безупречный, исключительно изъ - за

эгоизма дворянскаго сословія; ужасное и собсвенно говоря совершенно *не трагическое* зрѣлище!

Но по той же самой причинѣ, по какой Зикингенъ у меня самъ себѣ имманентенъ, и конфликтъ является гораздо *болѣе революціоннымъ*. Вѣдь нѣтъ никакого специфическаго или очень глубокаго революціоннаго fabula docet въ томъ, что можно погибнуть, когда идешь дальше своей партіи и, поэтому, не имѣешь ея за собой непосредственно. *У меня*, наоборотъ онъ погибаетъ отъ того, что идетъ *не достаточно далеко!* И мнѣ несомнѣнно кажется въ высшей степени и вполнѣ глубоко революціоннымъ fabula docet показать, что, какъ бы *революціоненъ* ни былъ кто-нибудь по своему *содержанію*, и какими матеріальными средствами и т. д. онъ при этомъ ни располагалъ, онъ *все-таки* долженъ погибнуть, если онъ вступитъ въ *какой-нибудь компромисъ съ существующимъ* и примирится; и это даже въ томъ случаѣ, если полюбовная сдѣлка имѣетъ отношеніе лишь къ *чисто формальной сторонѣ его* дѣйствованій, и хотя бы онъ именно благодаря этой формальной сдѣлкѣ и долженъ былъ, повидимому, достигнуть благопріятныхъ условій и реальныхъ выгодъ. Энгельсъ, правда, говоритъ при этомъ: «Опуская этотъ моментъ (*его* конфликтъ), вы *сводите* трагическій конфликтъ къ такимъ болѣе ограниченнымъ размѣрамъ, что Зикингенъ вмѣсто того, чтобы быть связаннымъ съ императоромъ и имперіей, связанъ лишь съ однимъ княземъ (хотя вы здѣсь съ вѣрнымъ чутьемъ и вводите крестьянъ), и вы даете ему погибнуть просто вслѣдствіе равнодушія и трусости дворянства».

Мнѣ и въ голову *не приходило* заставить Зикингена погибать отъ равнодущія и трусости дворянства.

Валтасаръ въ пятомъ актѣ развиваетъ передъ Зикингеномъ *совершенно иные* моменты гибели и упоминаетъ о сдержанности дворянства только словами: «въ то время какъ дворянство, испуганное неудачей перваго удара, колеблясь воздерживается» и лишь какъ о причинѣ *весьма слабо* содѣйствующей временному замѣшательству Зикингена. Ясно также, что Зикингенъ, даже освободившись отъ нея, все-же не сможетъ побѣдить безъ крестьянъ, и поэтому Валтасаръ указываетъ только на нихъ, какъ на единственнаго побѣдоноснаго носителя движенія. При этомъ даже о городахъ онъ упоминаетъ лишь побочно.

Критика Валтасара основывается не только на этомъ временномъ замѣшательствѣ въ Ландштулѣ. Уже въ третьемъ актѣ, и позже возвращаясь къ этому и развивая подробно въ пятомъ

актѣ, онъ порицаетъ походъ Зикингена на Триръ, гдѣ дворянство было еще *вѣрно и горячо предано* ему. (Валтасаръ говоритъ въ третьемъ актѣ: Если бы я былъ у васъ, ей-ей! я далъ бы можетъ быть вамъ совсѣмъ иной совѣтъ, *менѣе* разумный—и всетаки можетъ быть и болѣе умный; и въ пятомъ актѣ только выясняетъ, что это былъ бы за совѣтъ). Такимъ образомъ Валтасаръ вину приписываетъ не трусости дворянства, этой отрицательной причинѣ, проявившейся лишь въ Ландштулѣ, а недостатку въ совсѣмъ иномъ, въ положительномъ выступленіи Зикингена.

Точно также и крестьяне выведены на сцену вовсе не между прочимъ, какъ это думаетъ Энгельсъ, но сдѣланы Валтасаромъ *единственной* центральной осью: sub hoc signo vinces, и, какъ я покажу еще ниже, онъ все возлагалъ на нихъ.

Когда Энгельсъ говоритъ, что у меня Зикингенъ погибаетъ, потому что его связали лишь съ однимъ княземъ, а не просто съ императоромъ и имперіей то это, будучи выражено *лишь въ такой формѣ,* совершенно парадоксально и непонятно. Вѣдь само по себѣ легче покончить съ однимъ княземъ, чѣмъ со всѣми князьями и съ императоромъ въ придачу. Это должно быть поэтому выражено скорѣе въ ея положительной формѣ и сказано: Зикингенъ потому погибаетъ, — и это выясняетъ ему Валтасаръ *вѣскими доводами*, какъ причину его гибели—что онъ не бросился съ размаху въ самое сердце революціи, что онъ не апеллировалъ, сжигая всѣ корабли и мосты, къ *самому низшему* и *самому крайнему* революціонному слою, давъ такимъ образомъ полный просторъ всѣмъ революціонымъ силамъ націи, что онъ не отдался съ идеалистическимъ увлеченіемъ, пренебрегая всѣми реалистическими разсужденіями и разумными выводами, во власть одной возбуждающей силы роволюціонной идеи и ея самому высшему напряженію.

Но тогда апатія дворянства уже не является болѣе причиной его гибели. Выраженный въ *такой* формѣ, конфликтъ этотъ не сводится уже къ «болѣе ограниченнымъ размѣрамъ», но выростаетъ въ глубочайшую и вѣчную коллизію революціонной идеи съ самой собой, и въ тоже время влагается въ самого Зикингена въ видѣ еще реагирующаго въ немъ, и потому заключающагося въ себѣ вину, момента.

Но Энгельсъ, конечно, не написалъ бы этого, если бы онъ прочелъ то мое первое письмо и увидѣлъ бы изъ него всю трагическую идею драмы. Ибо я думаю, что онъ столь же мало,

какъ и ты, будетъ оспаривать, что эта идея разработана въ драмѣ такъ, какъ она разъяснена въ письмѣ, что, впрочемъ, всячески доказываетъ пятый актъ.

Я перехожу, наконецъ, къ заключенію, но также и къ возраженіямъ, которыя для меня являются самыми главными, потому что здѣсь замѣшаны партійные интересы, которые, по моему, очень важны. Вы оба сходитесь на томъ упрекѣ, что я «слишкомъ отодвинулъ на задній планъ» *крестьянское* движеніе, что я не «достаточно выдвинулъ его впередъ». Ты обосновываешь это такъ. У меня Зикингенъ и Гуттенъ должны были бы погибнуть отъ того, что они, какъ напримѣръ польское дворянство, были *революціонны* лишь въ своемъ *воображеніи* (поскольку это вѣрно, оно, какъ было указано, заключается въ драмѣ), но на самомъ дѣлѣ защищали *реакціонные интересы* (а въ *моей драмѣ* они ихъ не защищаютъ, и именно поэтому не могутъ погибнуть изъ-за нихъ). *Дворянскіе* представители революціи, говоришь ты, «за рѣчами которыхъ объ объединеніи и свободѣ все еще скрываются мечты о старой имперіи (recte! но это имѣетъ мѣсто также и *у крестьянъ* и въ такой же степени) и кулачномъ правѣ (этого не было даже у *историческаго* Зикингена во время его второго періода), — не могли *тогда* (это «*тогда*» показывеетъ слѣдовательно, что оно лишь слѣдствіе предыдущаго и исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ) поглотить такъ собой всего интереса, какъ это выходитъ у тебя, но представители крестьянства, главнымъ образомъ его, и революціонныхъ элементовъ въ городахъ должны были составить гораздо болѣе активный фонъ драмы. Ты тогда могъ бы предоствить имъ высказывать въ болѣе сильной степени какъ разъ самыя модныя идеи въ ихъ наиболѣе наивной формѣ (??!), тогда какъ теперь фактически, кромѣ *религіозной* свободы, главной идеей остается буржуазное единство». «Развѣ ты самъ», восклицаешь ты, «не впадаешь въ извѣстной степени, подобно твоему Францу фонъ-Зикикингену, въ дипломатическую ошибку тѣмъ, что ставишь *лютеровско-рыцарскую* оппозицію выше *плебейско-мюнцеровской*»?

О, ты въ высшей степени несправедливый другъ! Прежде всего, чтобы отвѣтить мимоходомъ на это: я устроилъ апоѳеозъ лютеровско-рыцарской оппозиціи! Какимъ образомъ? Я скорѣе думаю, что въ моей драмѣ *протестантизму* приходится *гораздо хуже*, чѣмъ католицизму. Во второмъ актѣ легатъ сводитъ его, этотъ непослѣдовательный плодъ, къ свободному человѣческому атеистическому

гуманизму, какъ къ его истинной *основѣ* и конечной цѣли развитія, какъ къ его дѣйствительному *духовному корню*. Гуттенъ дѣлаетъ то же самое въ третьемъ актѣ, описывая свою жизнь и борьбу съ Рейхлинымъ. Столько относительно *духовной* стороны протестантизма и критики, которой онъ подвергся. Въ *политическомъ* отношеніи уже во второмъ актѣ, въ своемъ діалогѣ съ императоромъ, и еще болѣе рѣшительно въ третьемъ актѣ, въ своемъ діалогѣ съ Гуттеномъ, когда послѣдній хочетъ, чтобы онъ поднялъ мечъ въ защиту религіозной свободы, Зикингенъ показываетъ, что протестантизмъ можетъ превратить въ развалины всякое національное и политическое существованіе, если его не возьметъ въ свои руки самъ *императоръ* и не превратитъ въ великую національную и государственную идею. Онъ показываетъ, предвѣщая ходъ событій, которыя наступили въ Германіи вмѣстѣ съ Вестфальскимъ миромъ и благодаря ему, показываетъ, какъ именно *протестантизмъ* долженъ принести націи полнѣйшую *политическую смерть и гибель*, какъ онъ является могильщикомъ нашей исторіи. (Въ этой мнимо протестантской драмѣ нѣтъ *ни одной* протестанской фигуры, кромѣ осмѣяннаго Эколампадіуса. Гуттенъ выдержанъ строго гуманистически, Зикингенъ *чисто*-политически). Столько относительно прославленія *лютеровской* оппозиціи. А что касается рыцарской оппозиціи, то она вѣдь вообще не является для Зикингена *субстанціальной цѣлью*, но (*что вы оба проглядѣли)* лишь *средствомъ*, которое онъ хочетъ *примѣнить*, движеніемъ, которое онъ хочетъ *использовать*, чтобы *самому сдѣлаться императоромъ* и, выполняя такимъ образомъ роль, которую отказывается взять на себя Карлъ, дать протестантизму *форму государственной и національной идеи* и осуществить ее. Отъ всякаго *другого* выполненія этой идеи, а не цѣльнаго и *обязательнаго*, исходящаго отъ *императора*, для всей Германіи, отъ *всякаго частичнаго* выполненія Зикингенъ ожидаетъ, что онъ и высказываетъ Карлу и Гуттену, лишь гибели и упадка, и это, слѣдовательно, столько - же отъ *частичной рыцарско-лютеровской* оппозиціи, сколько и отъ *княжеско-лютеровской*. Какъ мало я представлялъ Зикингена охваченнымъ дворянскимъ движеніемъ, а только выставлялъ его пользующимся и злоупотребляющимъ имъ, чтобы сдѣлаться *императоромъ* при его посредствѣ и безъ его *вѣдѣнья* и тогда выполнить свои великія *государственные планы*, это доказываетъ вѣдь каждое слово моей драмы. *Никто* изъ дворянъ не знаетъ о его стремленіяхъ къ импе-

раторской коронѣ, только Гуттену онъ говоритъ о нихъ. Онъ созываетъ дворянство въ Ландау въ тотъ моментъ, когда онъ собирается идти противъ Трира для осуществленія *своихъ* цѣлей. *Даже* въ Ландау дворяне *не* узнаютъ, за исключеніемъ только немногихъ довѣренныхъ лицъ, о томъ, что онъ собирается именно въ Триръ. Онъ *возбуждаетъ* ихъ въ Ландау, заставляетъ ихъ заключить тамъ союзъ и говоритъ о такихъ вещахъ, которыя, по его разсчету, должны доставить ему Триръ и императорскую корону, а эти господа кричатъ да, и при этомъ ничего не знаютъ ни о той, ни о другой цѣли. Я съ намѣреніемъ не далъ имъ ни разу говорить и не вывелъ ихъ на сцену *раньше*, чѣмъ Францъ созываетъ ихъ въ Ландау. Я совсѣмъ не хотѣлъ представить ихъ возбуждающимися и дѣйствующими самостоятельно, но лишь какъ партію, приводимую въ движеніе, механически направляемую и влекомую на помочахъ Францемъ, эксплуатируемую имъ и не сознающую его тайныхъ плановъ. Какъ онъ господствуетъ надъ ними, мало цѣнитъ ихъ и съ какимъ превосходствомъ онъ попираетъ ихъ ногами, обнаруживается въ четвертомъ актѣ, во время пріѣзда герольда, и потомъ лучше всего послѣ штурма, когда постепенно приходятъ извѣстія о несчастіяхъ. Тогда они покидаютъ его, *не* вслѣдствіе сознанія различія внутреннихъ цѣлей, но изъ простой лишь апатіи, трусости, нерѣшительности; и какъ *единственный* элементъ, способный и достаточно *сильный* для того, чтобы быть носителемъ и проводникомъ императорскихъ стремленій Зикингена, выставляется *исключительно и единственно крестьянскій элементъ* и это именно—чрезъ посредство Валтасара, въ крестьянской сценѣ, въ соглашеніи съ ними Гуттена, въ тѣхъ упрекахъ, которые Францъ дѣлаетъ самому себѣ въ монологахъ и сценахъ пятаго акта, наконецъ въ послѣдней сценѣ между нимъ и Гуттенномъ. И то, что онъ его не призвалъ, какъ единственно сильнаго и имѣющаго будущность элемента, становится справедливой причиной его паденія. Столько относительно «прославленія» «рыцарской» и «лютеровско-рыцарской» оппозиціи!!!

Итакъ, ты думаешь, что я самъ до нѣкоторой степени впалъ въ *дипломатическую ошибку Зикингена*, поставивши лютеровско-рыцарскую оппозицію надъ плебейско-мюнцеровской?

Ну, подожди, мой другъ! Я изложу по порядку свои основанія:

1) Строго говоря, ваши замѣчанія въ этомъ отношеніи сводятся не къ чему иному, какъ къ отвергнутому уже Платономъ

и Аристотелемъ упреку, дѣлаемому трагедіи и заключающемуся въ томъ, что не то или иное въ ней плохо или ошибочно, но что она вообще не *другая* трагедія. Ваши возраженія сводятся въ конечномъ анализѣ къ тому, что я вообще написалъ «Франца ф.-Зикингена», а не «Томаса Мюнцера» или какой-нибудь иной крестьянской трагедіи. Но я далекъ отъ того, чтобы удовольствоваться только этимъ отвѣтомъ.

2) Если бы я написалъ «Томаса Мюнцера» или какую-нибудь другую крестьянскую трагедію и, если бы при этомъ не было налицо всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя я еще разберу потомъ, то я все же написалъ бы *только* трагедію *опредѣленной*, исторической, законченной и далеко въ *прошломъ* лежащей революціи.

Я не могъ вѣдь вложить въ «Томаса Мюнцера» *основной* трагической *идеи* моей драмы, этого почти при *каждой* революціи возвращающагося вѣчнаго конфликта. Каковы бы ни были причины гибели Мюнцера, онъ вѣдь ни въ какомъ случаѣ не погибъ отъ того, что велъ реалистичную дипломатію, а не апеллировалъ съ исключительнымъ фанатизмомъ и съ закрытыми глазами къ *самой крайней позиціи* революціоннаго положенія вещей и къ ея силѣ. *Такого* упрека вѣдь Мюнцеру сдѣлать нельзя!

Я написалъ всю эту трагедію, какъ я уже сообщалъ тебѣ въ томъ письмѣ, только для того, *чтобы* изобразить эту трагически-революціонную основную идею. Слѣдовательно, я не могъ пользоваться Мюнцеромъ. Ты самъ говоришь, что ты «*вполнѣ одобряешь*» эту трагическую идею, что она—та коллизія, отъ которой погибла также революція 1848 и 1849 гг. Ты не станешь также отрицать того, что та же самая коллизія создастъ для ближайшей революціи опять весьма опасный подводный камень, если даже мы его тогда, надо надѣяться, счастливо и обойдемъ. Это-то *вѣчно-современное* въ *этомъ* революціонномъ конфликтѣ и было тѣмъ, что побуждало меня написать драму. Не какую-нибудь *опредѣленную* минувшую революцію, какъ таковую, я хотѣлъ представить, но самый внутренній и *вѣчно* снова возвращающійся конфликтъ революціоннаго дѣйствованія и его необходимости. Короче сказать, я претендую на то, что написалъ трагедію *формально-революціонной идеи par excellence!* И это ты называешь дипломатичнымъ? Развѣ дипломатично то, что я обнаружилъ именно *безсиліе* дипломатическаго отношенія, безсиліе даже самой незамѣтной, разсчитанной, повидимому, вовсе даже не на цѣль, не на «что̀», но только на выполненіе, на «какъ», полюбовной сдѣлки?

3) Наконецъ, и крестьянскія войны *не* таковы по своей природѣ, какими вы ихъ, повидимому, считаете. Онѣ скорѣе а) *не* революціонны; b) и даже въ весьма большой степени—въ *конечномъ* счетѣ—*реакціонны; совершенно такъ же реакціонны*, какъ были реакціонны *историческій* (не мой) *Зикингенъ* и *сама историческая дворянская партія!*

ad a) *Не* революціонны. Вѣдь крестьяне вездѣ требовали, въ противоположность дворянамъ, лишь уничтоженія *злоупотребленій*, но не *самого потребленія.*

Чѣмъ тщательнѣе изучаешь крестьянскія войны, тѣмъ яснѣе видишь это; и этому нельзя удивляться. Идея права субъекта, какъ таковаго, выходитъ именно за предѣлы *всей* той *эпохи.* Внести ее туда, значитъ поступить неисторично въ худшемъ смыслѣ этого слова. Но на основаніи движенія, поднявшагося лишь для устраненія *злоупотребленій,* а не на основѣ свободнаго правового принципа, можно конечно написать трагедію *человѣчности*, но не трагедію сознательнаго принципа. Указанный характеръ крестьянскаго движенія есть его обыкновенный характеръ и онъ принимаетъ видоизмѣненное положеніе лишь у Т. Мюнцера, проповѣдника, короче сказать тамъ, гдѣ къ этому присоединяется элементъ *религіознаго фанатизма.* Но я совершенно не могу работать надъ элементомъ *религіознаго фанатизма* и къ тому же относиться къ нему положительно. Въ такомъ случаѣ мнѣ милѣе всякій, даже менѣе далеко идущій въ своихъ репликахъ, человѣческій свободно проявившійся паѳосъ.

Тогда ужъ идеалистическое образованіе, которое я могъ приписать Гуттену и Зикингену и съ послѣдствіями котораго я могъ ихъ заставить считаться, казалось мнѣ гораздо болѣе удобнымъ и по меньшей мѣрѣ не обоюдоострымъ матеріаломъ. Вѣдь единственное условіе, при которомъ и мыслимо было бы написать и представить драму «Мюнцеръ», именно то, что движеніе Мюнцера погибаетъ какъ разъ изъ-за его *религіознаго* направленія, являющагося его преградой, это условіе невыполнимо ни по существу, ни исторически.

ad b) Но меня, наконецъ, *удивляетъ*, какъ вы могли не замѣтить, что крестьянская агитація *въ послѣднемъ счетѣ была вполнѣ реакціонной*, *такъ же* реакціонной, какъ и историческая дворянская партія. Дѣло въ слѣдующемъ: крестьяне хотѣли на имперскомъ сеймѣ вытѣснить всѣхъ князей, какъ простую промежуточную власть. Тамъ *дворянское* землевладѣніе должно быть

представлено такъ, какъ *крестьянское* (князья должны быть представлены не какъ таковые, но поскольку они являются непосредственно дворянами-*землевладѣльцами*). Другими словами: опредѣляющимъ политическимъ моментомъ въ ихъ идеѣ является еще не субъектъ—это выходило за предѣлы того времени—но *частное землевладѣніе*. Только оно одно было правоспособнымъ. На основѣ свободнаго личнаго *землевладѣнія* должна была быть создана имперія землевладѣльцевъ съ императоромъ во главѣ. Слѣдовательно, это было ничто иное, какъ совершенно *старая*, *отжившая* идея германской имперіи, которая какъ разъ и погибла. Именно благодаря этой *древле-реакціонной* идеѣ крестьянъ былъ бы еще вполнѣ возможенъ союзъ ихъ съ дворянствомъ. Дворянство не только ничего не теряло въ своей политической позиціи отъ крестьянскихъ плановъ, но даже еще *выигрывало*. И въ уничтоженіи *леннаго права* князей по отношенію къ дворянамъ была дана послѣднимъ компенсація за то, что они теряли въ своихъ доходахъ, вслѣдствіе ограниченія *злоупотребленій* правами *пользованія* по отношенію къ крестьянамъ. *Отсюда* и вытекаетъ тотъ фактъ, что много дворянъ и графовъ, и не всѣ предательски или не съ самаго начала предательски и по принужденію, сближались съ крестьянскимъ движеніемъ.

Эта *древле-реакціонная* идея и была той, которая *въ равной степени* служитъ фундаментомъ для историческаго Зикингена, для исторической дворянской партіи и для крестьянскаго движенія, и въ которой они всѣ трое находятъ общую *оправдываемую исторически и неизбѣжную причину своей гибели*. Ибо въ противоположность этой идеѣ, основывающей *общественное право* на *частной земельной собственности* и видящей только въ ней источникъ всякой политической правоспособности, князья съ ихъ господствомъ надъ *не* принадлежащей имъ въ качествѣ частной собственности и отданной имъ только въ ленъ всей землей, выступали защитниками перваго зародыша, независимаго отъ частнаго землевладѣнія, политическаго государственнаго понятія.

Отсюда побѣда князей какъ надъ дворянствомъ, такъ и надъ крестьянами, въ то время, какъ городамъ именно поэтому *не* было необходимости погибать.

Съ точки зрѣнія неумолимой исторической критики крестьянскія движенія того времени являются, такимъ образомъ, *столь же реакціонными*, какъ реакціонна была дворянская партія. Это та же самая мысль. Если бы я писалъ критико-историческое со-

чиненіе, то я указалъ бы на *это*, какъ на причину гибели и дворянства и крестьянъ. Но въ *эстетическомъ* произведеніи—не говоря уже о трудности такихъ изображеній въ эстетической формѣ,—это изображеніе не могло бы возбудить особенно большого интереса къ крестьянскому дѣлу, но можетъ лишь значительно ослабить то, что связано съ этимъ въ представленіи. Такимъ образомъ крестьянскіе войны и т. д., понимать ли ихъ въ вашемъ или моемъ смыслѣ, должны остаться въ нѣкоторомъ полумракѣ и ихъ *нельзя* изслѣдовать слишкомъ близко. И еще одно обстоятельство должно, какъ я боюсь, сдѣлать драму крестьянскихъ войнъ почти не веселымъ зрѣлищемъ. Я не говорю уже о большой трудности, заключающейся въ отсутствіи объединяющей индивидуальности. Съ этимъ можно было бы еще справиться. Но *внѣшней* причиной плохого конца крестьянскихъ войнъ было *полнѣйшее равнодушіе*, съ которымъ каждая группа крестьянъ относилась къ другой, эгоизмъ, партикуляризація и ни съ чѣмъ несравнимое тупоуміе.

Что такое представляетъ собою нѣмецкое мѣщанство, это можно изучить въ *большомъ масштабѣ* на крестьянскихъ войнахъ. Каждая кучка крестьянъ думаетъ только о себѣ и разъ только ей удалось сжечь замки въ *своемъ* округѣ, то ей ужъ *абсолютно безразлично* все, что дѣлается съ населеніемъ сосѣдняго округа. Великолѣпное зрѣлище представляло бы собой изображеніе этого самого дурного и ограниченнаго эгоизма, этого недостатка въ какомъ бы то ни было чувствѣ общественности!

Что же я сдѣлалъ для крестьянскаго движенія при такомъ его характерѣ: съ одной стороны не революціонномъ, съ другой—съ начала до конца усиленно-реакціонномъ, и заслужилъ ли я упрекъ въ томъ, что не обратилъ на него достаточно вниманія?

Чтобъ только ввести вообще это движеніе въ драму, я не побоялся обращаться съ исторіей всячески анахронически. У меня крестьяне возстаютъ или готовы къ возстанію на $1^1/_2$ года раньше, чѣмъ это имѣло мѣсто исторически, я воскресилъ Іосса Франца, который уже умеръ или исчезъ около 8-ми лѣтъ тому назадъ, я заставилъ Гуттена, не возвращавшагося вовсе изъ Цюриха, пріѣхать въ Германію, чтобы принять ихъ предложеніе; у меня крестьяне берутъ на себя иниціативу и предлагаютъ Зикингену союзъ и возстаніе,—а всего этого не было въ дѣйствительности. Уже въ виду этого я имѣлъ основаніе думать, что сдѣлалъ для нихъ почти что невозможное.

Но совсѣмъ инымъ становится отвѣтъ, если я спрошу, какое положеніе по отношенію ко всему остальному я имъ далъ? Съ самаго начала все въ драмѣ разсчитано на нихъ. Съ самаго начала намекается на нихъ, сперва нарочно едва замѣтными, затѣмъ постепенно все болѣе обрисовывающимися штрихами, пока наконецъ могучіе аккорды и оглушительный барабанный бой не возвѣщаютъ о нихъ, какъ о Мессіи, отъ котораго одного только можно было ждать исцѣленія и котораго надо было призвать.

Первое упоминаніе о нихъ происходитъ во второмъ актѣ въ діалогѣ съ Карломъ, гдѣ этотъ Францъ держитъ объявленіе о возстаніи и восклицаетъ:

Какъ? Мои благородные дворяне могли до того забыться,
Что затѣваютъ общія дѣла съ самимъ крестьянствомъ
Противъ строя этой имперіи и т. д, *).

Такъ какъ отвѣтъ Франца прерывается императоромъ, то зритель все еще остается здѣсь въ полномъ невѣдѣніи. Далѣе, въ третьемъ дѣйствіи Гуттенъ обращаетъ вниманіе зрителя на крестьянъ и на свое отношеніе къ нимъ:

На твой призывъ крестьянская рать вокругъ
Возьметъ копье въ привычную къ бою руку.
Если насиліе и несправедливый гнетъ
Его повсюду наполняетъ ненавистью противъ нашего сословія,
То ты вѣдь тотъ, на кого и т. д, **).

Затѣмъ въ Ландау Зикингенъ въ своей рѣчи все сильнѣе и сильнѣе обращаетъ вниманіе дворянства на крестьянъ. Онъ говоритъ дворянству, что крестьянинъ ненавидитъ князей, но не его, дворянство (почему это я только что выяснилъ), упоминаетъ о томъ, что крестьянинъ уже однажды въ «Бѣдномъ Конрадѣ» возсталъ противъ того же самаго князя, противъ котораго должно также выступить дворянство, и что въ этомъ уже намѣчена общность ихъ судьбы. Да, онъ уже открыто указываетъ крестьянству, какъ на освобождающій и рѣшающій моментъ того времени:

---

*) Wie? Könnten meine Edlen sich so weit vergessen,
Gemeine Sache mit dem Bauer selbst
Wider die Ordnung dieses Reichs zu machen u s. w.

**) Auf Deinen Ruf drückt rings ein Bauernheer
Die Pike in die kriegsgeübte Hand.
Denn wenn Gewalt und ungerechter Druck
Ihn rings mit Groll füllt gegen unsern Stand,
Du bists, auf den u s. w.

Когда по странѣ пронесется
Неистовствующій богъ войны, богъ душащій мужей,
Съ трескомъ разсѣкая имперію на два лагеря,—
То поселянинъ явится тѣмъ, крѣпкій кулакъ котораго
Во время поднявшись, могучимъ ударомъ
Рѣшить въ желѣзной борьбѣ великую судьбу нашей имперіи!—
Подумайте объ *этомъ*! *).

Въ четвертомъ актѣ—въ Трирѣ—выступаетъ городской элементъ. Въ пятомъ актѣ наконецъ полные звуки литавровъ Валтасара, который со всей силой аккордовъ проникаетъ въ эту сторону.

Тяжело странѣ и т. д.
— — — — — — — — — — — — — — —
Среди поселянъ броженіе и т. д.
— — — — — — — — — — — — — — —
Поселяне зовутъ—и сотни тысячъ крестьянъ
Поднимаются, чтобы быть вашей ратью!—
Скажите это слово, и въ то время, какъ вы это говорите,
Германія пусть станетъ вашимъ войскомъ, а вы вождемъ страны! **).

И лишь только Валтасаръ убѣдилъ его, какъ въ слѣдующей сценѣ передъ зрителемъ стоитъ живымъ и развившимся то, о чемъ раньше лишь возвѣщалось. Это только одна сцена, но въ эту сцену я вложилъ всю пластическую силу, какая только у меня есть, причемъ охотно сознаюсь, что у меня ея, пожалуй, не слишкомъ много. И можетъ быть эта сцена именно потому должна тѣмъ сильнѣе выдѣляться и дѣйствовать, что она только *одна*. Въ то время какъ до сихъ поръ о крестьянахъ всегда говорилось лишь какъ объ *элементѣ*, который будто бы можетъ быть *призванъ* лишь оффиціальными вождями движенія, какъ о подходящемъ матеріалѣ, оживить который можетъ лишь иниціа-

---

*) Wenn dereinst durchs Land
Der Kriegsgott tobt, der männerwürgende,
Das Reich iu zween Lager auseinander krachend,
— Der Landmann ist es, dessen starke Faust,
Zur rechten Zeit entfesselt, mächtiglich
Zu ehrnen Spiel den Ausschlag geben wird,
Entseheidend unsres Reiches grosses Schicksal!
— Bedenket *das!*

**) Schwer trägt das Land u s. w.
— — — — — — — — — — — — — —
Im Landvolk gährts u s. w. u s. w.
— — — — — — — — — — — — — —
Das Landvolk ruft—und hunderttausend Bauern
Erheben sich zu einem Heere Euch!
— Sprecht aus das Wort, und gebt, indem Ihr sprecht,
Deutschland zum Heer Euch, Euch dem Land zum Führer!

тива этихъ вождей, — теперь сразу исчезаетъ это заблужденіе. Крестьяне стоятъ внутренне-организованными и готовыми, замкнутыми въ себѣ и способными самостоятельно ударить на врага! Теперь обнаруживается, что въ то время, какъ вездѣ были лишь планы, колебанія и половинчатость, здѣсь только было дѣйствіе и сила. Предоставленное исключительно самому себѣ, будучи совершенно отдѣлено отъ всѣхъ оффиціальныхъ элементовъ движенія, работая самостоятельно и внутренне, крестьянское движеніе стоитъ вполнѣ вооруженнымъ, во всякій моментъ готовымъ къ удару. Эскизъ крестьянской войны, набрасываемый Іоссомъ Фритцемъ, какъ изображеніе ея могущества, долженъ производить сильнѣйшее впечатлѣніе увѣренной въ самой себѣ силы, такъ какъ въ ней дѣйсвительно предвосхищенна и предварительно представлена одна изъ самыхъ великихъ сторонъ крестьянской войны. Не отъ Франца исходитъ *иниціатива* движенія, но отъ *крестьянъ* исходитъ призывъ къ *нему*. Все дѣло тотчасъ измѣняется. Гуттенъ увлеченъ, обѣщаетъ все, онъ не только принимаетъ предложеніе— притомъ *здѣсь* и теперь это принятіе очень мотивировано и психологично; ибо все равно какъ обстояло бы дѣло съ этимъ въ другомъ случаѣ, въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ *теперь* находился Францъ, ни Гуттенъ, ни Фритцъ не могли отказаться — Гуттенъ дѣлается даже изъ вождя ведомымъ, онъ теряетъ всякое духовное руководительство передъ Іоссомъ Фритцемъ. Короче сказать, эта сцена должна вызвать весьма сильное и благопріятное впечатлѣніе въ пользу крестьнъ, и отчасти именно потому, что она сразу выплываетъ наружу безъ всякихъ подготовленій, такъ какъ мы здѣсь внезапно видимъ *совершившимся* то, *возникновеніе* чего оставалось отъ насъ скрытымъ. Предсказанія Валтасара, благодаря этой сценѣ, являются не только осуществившимися, но и превзойденными дѣйствительностью въ тысячу разъ. Теперь—тѣ сцены, въ которыхъ Францъ безпрерывно и все глубже упрекая себя въ томъ, что онъ не съ самаго начала аппеллировалъ къ революціи, какъ таковой, и къ крестьянину, рѣшается на отчаянный искупительный подвигъ. Его: я иду *Германія!* слишкомъ ужъ отчетливо разъясняется въ сценѣ съ Валтасаромъ и въ сценѣ между крестьянами и Гуттеномъ; разъясняется, что эта именно ни какая-нибудь другая Германія, но только крестьянская Германія. Онъ хочетъ пробиться впередъ, чтобы броситься нагимъ и босымъ въ объятія крестьянъ, дѣлать съ ними общее дѣло и получить отъ нихъ ту силу, кото-

ую онъ, несмотря на большую вѣроятность найти ее, тщетно скалъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ. Это не удается.

Теперь еще разъ, въ разговорѣ Гуттена съ Францемъ, крестьянское возстаніе изображается какъ нѣчто все выполняющее и канчивающее, какъ такой моментъ, который ставитъ вверхъ гами все положеніе вещей; вкратцѣ изображаются его неимоѣрное могущество, его сила размаха и безусловная увѣренность, о съ нимъ можно побѣдить:

Пришло *время*! Крестьянинъ хватается за мечъ,
Тебя онъ требуетъ вождемъ по его порученію
Я стою передъ тобой. Скажи слово—и предъ тобой
Явится войско изъ сотенъ тысячъ крестьянъ и т. д. *).

Это національное движеніе описывается, какъ «великій потокъ», въ которомъ дружины князей барахтаются подобно «нѣсколькимъ утопающимъ въ открытомъ морѣ». Но уже слишкомъ поздно. Францъ умираетъ. Гуттенъ убитъ горемъ. Но онъ еще разъ показываетъ въ перспективѣ судьбу крестьянской войны. Дворянство и города трусливо и бездушно пятятся назадъ:

Только крестьянинъ остается вѣрнымъ великой цѣли;
Онъ хватается за мечъ—но предоставленный лишь своимъ собственнымъ силамъ,
Онъ влачитъ свое тѣло только на кровавую бойню,
Частями его обезображеннаго четвертованіемъ трупа.
Покрыта обширная нѣмецкая земля...
— — — — — — — — — — — — — —
И наступаетъ долгая ночь, окутывая чернымъ покрываломъ
Печальное будущее этой страны **).

Такимъ образомъ и всѣ симпатіи сосредоточиваются въ концѣ концовъ на крестьянскомъ сословіи, и его неудача изображается какъ несчастіе Германіи, какъ несчастіе, въ которомъ сами крестьяне *не виноваты*, какъ слѣдствіе ихъ изолированности, вызванной тѣмъ, что

*) Die *Zeit* ist da! Der Bauer greift zum Schwert,
Dich heischt zum Führer er. Jn seinem Auftrag
Steh' ich vor Dir. Sdrich aus ein Wort—und Dir
Ersteht ein Heer von hunderttausend Bauern и т. д.

**) Der Bauer nur bleibt treu dem grossem Zweck,
Er greift zum Schwert—doch auf sich selbst beschränkt,
Schleppt er zum Metzgerbank nur seinen Leib,
Zur blutigen, bedeckt mit seinem grässlich
Geviertheilten Gebein die weite deutsche Erde
— — — — — — — — — — — — — —
Und lange Nacht bricht an, in schwarzen Schleier
Die Trauerzukunft dieses Landes hüllend.

только *они одни* были дѣеспособны. Францъ и Гуттенъ погибаютъ отъ того, что *не* призвали во-время крестьянскаго сословія, какъ единственнаго правоспособнаго и побѣдоноснаго носителя революціи, и вся драма относится къ крестьянскому возстанію, какъ напримѣръ Іоаннъ къ Христу; она постоянно говоритъ о немъ, какъ объ *исполнителѣ* и *завершителѣ* положенія и революціоннаго переворота! Но это такой Христосъ, котораго нельзя разсматривать вблизи или развѣ что въ *колыбели*, если только должно быть сохранено относительно него эстетическое заблужденіе; это какъ разъ и было возможно при моемъ способѣ изложенія, которое всѣ симпатіи, всю справедливость, всю любовь сосредоточиваетъ на крестьянскомъ сословіи.

Поэтому, мой дорогой другъ, я считаю въ высшей степени несправедливымъ твое замѣчаніе, будто бы я слишкомъ мало оцѣнилъ крестьянское возстаніе и, «дипломатизируя», поставилъ рыцарски-лютеровскую оппозицію выше «мюнцеровско-плебейской»; это было у тебя, надѣюсь, лишь быстро преходящимъ впечатлѣніемъ. Хотя я очень хорошо знаю, что вы люди, критику которыхъ не приходится объяснять лишь впечатлѣніями, вынесенными изъ моей драмы, но я все-таки не считаю совершенно невозможнымъ то, что какъ разъ трагедія, сосредоточивъ всю силу и всю симпатію на мессіи крестьянскаго возстанія, этимъ то своимъ отношеніемъ къ послѣднему и вызвало въ васъ такое ощущеніе, какъ будто бы для него было *еще* недостаточно сдѣлано. (Всѣ другіе появившіеся до сихъ поръ «Францы фонъ-Зикингены» не упоминаютъ даже и мимоходомъ ни однимъ словомъ о крестьянскомъ возстаніи). И если бы, такимъ образомъ, хоть тысячную часть вашего возраженія можно было бы приписать впечатлѣнію, полученному отъ благопріятнаго отношенія *моей* драмы къ крестьянамъ, то я могъ бы поздравить себя и считалъ бы свою цѣль достигнутой.

Итакъ, болѣе благопріятнаго *идейнаго* положенія по отношенію къ цѣлому моей драмы, чѣмъ я далъ крестьянскому возстанію, я дать не могъ. Если вы думаете, что этотъ элементъ могъ бы дать еще много благодарныхъ сценъ для драматическаго *оживленія* трагедіи, то это другое дѣло, въ чемъ я вполнѣ согласенъ съ вами. Но отъ этого идейное отношеніе къ цѣлому не измѣнилось бы. Съ другой стороны, драма уже и такъ *безконечно* длинна. Она должна же была имѣть предѣлъ. Я имѣлъ въ виду написать прологъ, въ которомъ должны были бы выступить ланд-

кнехты, крестьяне, нищіе, начальники отрядовъ. Вслѣдствіе того, что трагедія и безъ того довольно-таки непредусмотрительно растянулась, я отказался отъ этого. Иначе я долженъ былъ бы выпустить сцены изъ теперешней трагедіи, а я не могъ найти ни одной лишней. Впрочемъ, возникаетъ вопросъ, не ослабилъ ли бы я, прибавивши эти сцены, впечатлѣніе, производимое той сценой въ пятомъ актѣ. Всякая предыдущая крестьянская сцена служила бы ей *звеномъ*, между тѣмъ какъ именно въ ея непосредственномъ внезапномъ появленіи, какъ мнѣ кажется, главная часть производимаго ею трагическаго впечатлѣнія.

Но довольно объ этомъ! Простите меня за то, что я такъ распространился. Я притомъ никогда еще ни одного письма не писалъ такъ скучно, растянуто, нестильно и такъ неясно. Это произошло отъ того, что все это время меня постоянно прерывали на каждой фразѣ и голова была занята другими вещами. Но всетаки главное въ немъ есть, и мысль, хоть и растянуто, но выражена.

Вы, однако, не будете удивляться этому длинному посланію. Вѣдь вы единственные, похвалы и порицанія которыхъ имѣютъ для меня серьезное значеніе. Если вы напишете мнѣ, что я убѣдилъ васъ въ томъ или иномъ, то это будетъ для меня истинной радостью. Но я и не *требую* отвѣта, потому что я не хочу васъ мучить этой драмой больше, чѣмъ это нужно, и думаю, что уже достаточно одного чтенія этого письма.

Теперь перехожу къ другому. Вы, вѣроятно, получили мою брошюру: «Итальянская война и задача Пруссіи, голосъ изъ демократіи». Я не знаю, достаточно ли вы тамъ читаете нѣмецкія газеты, чтобы по меньшей мѣрѣ черезъ ихъ посредство быть освѣдомленными хоть приблизительно о здѣшнемъ настроеніи. *Абсолютное французо-ѣдство* и французо-фобство *(Наполеонъ только предлогъ*, дѣйствительная же скрытая причина это — революціонное развитіе Франціи) вотъ тотъ рогъ, въ который трубятъ *всѣ* здѣшнія газеты и та страсть, которую они стараются, *къ сожалѣнію достаточно успѣшно*, привить сердцу низшихъ классовъ народа и демократическихъ круговъ, вскрывъ національную артерію. Насколько полезна была бы для нашего революціоннаго развитія начатая правительствомъ *противъ* воли народа война съ Франціей, настолько же вредно должна была бы отразиться на нашемъ демократическомъ развитіи война *популярная* среди ослѣпленнаго *народа*. Къ выставленнымъ мною въ этомъ

отношеніи въ шестой главѣ моей брошюры основаніямъ присоединяется то, что уже теперь даютъ совершенно зарости трещинѣ, отдѣляющей насъ отъ нашего правительства. Я счелъ своимъ долгомъ броситься навстрѣчу такому угрожающему несчастію. Я написалъ эту брошюру въ тонѣ партійнаго манифеста и жажду услышать, согласна ли съ ней партія. Итакъ, напишите мнѣ свой взглядъ. Разумѣется, я ни на одну секунду не поддаюсь обману, будто правительство можетъ пойти и пойдетъ по пути, указанному sub VII. Наоборотъ! Мое собственное мнѣніе выражено достаточно ясно въ слѣдующей фразѣ: «тогда было бы лишь еще разъ доказано, что монархія въ Германіи не способна болѣе на національное дѣло». Но я потому-то и почувствовалъ себя еще болѣе вынужденнымъ сдѣлать это *предложеніе*, что оно тотчасъ же превращается въ *упрекъ*. Оно можетъ дѣйствовать подобно ледорѣзу, о который начинаютъ разбиваться волны этой ложной популярности.

Желаніе Энгельса относительно его брошюры я могу исполнить только завтра, потому что только завтра возвратится изъ Лейпцига его издатель. На политическія положенія въ его письмѣ я замѣчу: я вполнѣ согласенъ съ нимъ въ томъ, что нужно считать прусскую Польшу онѣмеченной и, слѣдовательно, удержать ее за собой. Но если его фраза относительно Венгріи, допускающая двоякое толкованіе, говоритъ о томъ, что Венгрія должна остаться включенной [sic] въ число странъ подъ нѣмецкимъ владычествомъ, то съ этимъ я не согласенъ. Я не считаю это возможнымъ, необходимымъ или полезнымъ. Но весьма важно и очень хорошо то, что, благодаря своему положенію по отношенію къ варварскому славянизму, она должна разсчитывать на насъ и на нашу помощь.

Ты, Марксъ, еще не отвѣтилъ мнѣ на мое послѣднее письмо. Въ скоромъ времени появится твоя книга, видѣть которую я сгораю отъ нетерпѣнія.

Прощайте, Salut.

Вашъ Лассаль.

Я хочу еще замѣтить: я выпустилъ брошюру анонимной, чтобы въ среднихъ кругахъ ея не испугались сразу и отнеслись бы къ ней возможно болѣе непредубѣжденно. Если дѣло дойдетъ до второго изданія, то она появится подъ моимъ именемъ.

P. S. Черезъ три дня появится твое сочиненіе, дорогой Марксъ. Ты поставилъ меня прямо въ неудобное положеніе въ то время,

ıписавъ книгопродавцу о систематической проволочкѣ, такъ какъ а медлительность, которой, конечно, нельзя отрицать, лежитъ ;стью въ ограниченности его техническихъ средствъ, частью въ о природной медлительности; однако его намѣренія—самыя лучıя. Вѣдь ты можешь повѣрить, что я не отдалъ бы твое сочиніе издателю, который «преднамѣренно» замедляетъ печатаніе. 'отъ человѣкъ, который взялся за изданіе твоей книги главнымъ разомъ для того, чтобы дать мнѣ доказательство своей доброй ли, былъ столь же удивленъ, какъ и оскорбленъ, когда узналъ такихъ обвиненіяхъ противъ него.

Да прійдется вамъ легко осужденіе на прочтеніе всего этого! ɜзня моя такъ расползлась отъ того, что у меня не было времени сначала думать, а потомъ писать. Но только прочтите все, потому что это для меня важно.

47.

(Середина іюня).

Дорогой Марксъ!

Ad vocem Дункера. Ты пишешь: «Ты не можешь требовать, чтобы я, *послѣ* того какъ заключенъ контрактъ, такъ относился къ книгопродавцу и позволялъ ему со мною поступать такъ, какъ будто онъ печатаетъ эту вещь лишь изъ «любезности» къ «тебѣ».

Гдѣ же я выставилъ *такое* смѣшное и претенціозное требованіе? Какъ можешь ты быть такъ несправедливъ ко мнѣ и находить нѣчто подобное въ моихъ словахъ? Если я не ошибаюсь, то я совсѣмъ не употребилъ словъ «изъ любезности ко мнѣ», но только сказалъ, что онъ взялъ эту работу, чтобы «показать свою *добрую* волю» и т. д. (слѣдовательно онъ былъ безконечно далекъ отъ злой воли, лежащей въ основаніи систематической затязки дѣла). Но я *во всякомъ случаѣ* протестовалъ только противъ того, что ты вмѣсто обвиненія его въ томъ, что у него дѣйствительно есть (медлительность, небрежность), обвиняешь его въ томъ, чего у него *нѣтъ* (систематической проволóчки). Относительно перваго ты можешь дѣлать ему сколько угодно рѣзкихъ упрековъ, и мнѣ даже въ голову не приходило и во снѣ поставить тебя съ твоимъ сочиненіемъ на безправную точную зрѣнія дѣла, зависящаго отъ любезности! Одна лишь мысль объ этомъ уже шокируетъ меня! И какъ это человѣкъ съ такой проница-

тельностью, какъ у тебя, можетъ допустить такое недоразумѣніе и къ тому же не въ пользу своего друга!

Ad vocem Фогта и *Кинкеля*. Изъ твоихъ словъ относительно того, что «*доказательства въ нашихъ рукахъ*», я долженъ заключить, что у васъ есть *письменныя* доказательства. Въ такомъ случаѣ я очень просилъ бы тебя прислать мнѣ копію съ нихъ. Это было бы *очень полезно*. Ибо вы сами знаете, что эти люди обладаютъ здѣсь извѣстнымъ именемъ и авторитетомъ въ демократическихъ кругахъ, и тогда было бы, такимъ образомъ, столь же долгомъ, сколь и легко выполнимымъ дѣломъ—вывести послѣднихъ изъ заблужденія, что я сдѣлалъ бы по мѣрѣ своихъ силъ. И какъ разъ потому, что брошюра Фогта заключаетъ въ себѣ нѣсколько, хоть и совершенно внѣшнихъ, точекъ соприкосновенія съ моей—принципіальное различіе всѣхъ взглядовъ не можетъ ускользнуть ни отъ одного проницательнаго человѣка—я былъ бы тѣмъ болѣе обязанъ сдѣлать это.

Ad vocem *памфлета*. Для меня, разумѣется, нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, чѣмъ находиться съ вами въ разногласіи. Однако я самымъ обстоятельнымъ образомъ обдумалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и остаюсь inébranlablement при своемъ мнѣніи и буду поддерживать его contre qui que ce soit!

Но въ чемъ собственно различіе въ нашихъ взглядахъ? Различіе въ фактической оцѣнкѣ намѣреній Наполеона въ Итальянской войнѣ, отдѣляющее меня отъ Энгельса, съ самаго начала не могло оставаться отъ меня скрытымъ, потому что оно достаточно явствуетъ изъ стр. 1 его брошюры. Тамъ онъ полагаетъ, что По для Наполеона только предлогъ, а цѣль—Рейнъ, что онъ бьетъ по мѣшку (Италіи), а думаетъ при этомъ объ ослѣ (Германіи). Онъ полагаетъ (стр. 2): такъ какъ Рейнъ является цѣлью войны, то мы—Германія—слѣдовательно должны были бы защищать По и Минчіо, какъ хорошую военную позицію въ этой начатой уже войнѣ изъ-за Рейна. Что касается *тебя*, то ты еще въ февралѣ или мартѣ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилъ, что «итальянскіе кинжалы» толкаютъ Наполеона на войну съ Италіей. (Какъ объ единственной вспомогательной причинѣ, ты упоминаешь только о низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, при которыхъ не можетъ существовать французскій мелкій крестьянинъ). Но если, по твоему, итальянскіе кинжалы являются причиной войны для Наполеона, то они все же лишь причина для итальянской, но не для рейнской. Какъ это случилось, что ты

мѣнилъ съ тѣхъ поръ свое мнѣніе и восприняль мнѣніе гельса? *Что* съ тѣхъ поръ произошло такого, что могло тебя будить къ этому? *Мнѣ* по крайней мѣрѣ не извѣстенъ ни одинъ кой фактъ.

Но что бы ни было причиной этой перемѣны въ твоемъ глядѣ, *я* не могу себѣ представить, чтобы Наполеонъ дѣйзительно имѣлъ такія честолюбивыя завоевательныя намѣренія что онъ приступитъ къ ихъ выполненію, если только, конечно, мы сами не облегчимъ ему этого. Иначе ему пришлось бы *раздо* больше проиграть, чѣмъ выиграть.

Однако, споръ относительно намѣреній какого-нибудь лица эгда останется неопредѣленнымъ и не допускаетъ болѣе достовѣрнаго доказательства. Къ счастью, это и совершенно безразлично. Но что важно и что можетъ быть подтверждено самыми достовѣрными доказательствами, это то, что онъ, если даже и имѣетъ эти намѣренія, рѣшительно не *можетъ* ихъ выполнить; или онъ *найдетъ* въ этомъ *лишь* свою *гибель*, если только возбужденная въ *нѣмецкомъ* народѣ національная ненависть не облегчитъ ему его затѣи, и не доставитъ ему прочнаго и устойчиваго положенія во Франціи, отъ обладанія которымъ онъ до сихъ поръ былъ очень далекъ. Если Наполеонъ предприметъ наступательную войну для завоеванія Рейна—безъ предварительной провокаціи на это со стороны Германіи—то такое воззваніе, какое выпустила «Union républicaine» въ Лондонѣ, произвело бы тогда глубокое и широко-охватывающее дѣйствіе. По отношенію къ итальянской войнѣ это воззваніе было tout bonnement безсмыслицей, и поведеніе рабочихъ классовъ въ Парижѣ въ достаточной степени ясно показало его безсильную забавность. Энгельсъ хочетъ, чтобы нѣмецкій народъ защищалъ пока итальянскія позиціи, какъ стратегическіе пункты. Но до тѣхъ поръ, пока онѣ находятся въ рукахъ Австріи, мы будемъ ихъ защищать только *для* Австріи, а если мы побѣдимъ въ этой войнѣ, то наши кабинеты выйдутъ изъ нея вновь окрѣпшими.

Энгельсъ пишетъ мнѣ: «Vive la guerre», если французы и русскіэ нападутъ на насъ одновременно, если мы будемъ почти что тонуть, тогда, въ такомъ самомъ отчаянномъ положеніи, всѣ партіи, отъ господствующей теперь до Цица и Блюма, должны будутъ оказаться негодными и нація должна будетъ ради своего спасенія обратиться наконецъ къ самой энергичной партіи».

Совершенно вѣрно, и вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я изъ

кожи лѣзу, доказывая здѣсь, что, если наше правительство затѣетъ войну, оно будетъ работать только намъ на руку и неимовѣрно ускоритъ революцію какъ разъ по этимъ основаніямъ.

Но это только *тогда* случится, — и это, мнѣ кажется, вы проглядѣли — когда война будетъ *создана* нашимъ правительствомъ, а народъ не *будетъ желать* ея. Только въ *популярной* войнѣ противъ Франціи я вижу несчастіе, какъ я тебѣ уже недавно писалъ и на что достаточно ясно указываю въ своей брошюрѣ (стр. 58 вверху). А въ *непопулярной* въ глазахъ націи войнѣ я вижу громадное счастье для революціи. Если въ народѣ распространится убѣжденіе, что наши кабинеты начинаютъ эту войну какъ народоненавистническую, контръ-революціонную, какъ войну священнаго союза, то она несомнѣнно будетъ имѣть эти послѣдствія. Слѣдовательно, задача распредѣляется такъ: наши правительства принуждены вызвать войну (и они это *сдѣлаютъ*), а мы должны сдѣлать ее непопулярной.

Если же вы, наоборотъ, сдѣлаете войну популярной, если вамъ удастся внушить народу увѣренность въ томъ, что правительство должно воевать въ интересахъ нашего національнаго положенія и существованія, то нашъ народъ сплотится вокругъ правительства и его даже при самомъ несчастномъ веденіи войны лишь съ большимъ трудомъ и медленно удастся отвлечь отъ правительства. Находясь десять лѣтъ вдали отъ родины, вы, повидимому, не имѣете никакого представленія о томъ, какъ *мало* нашъ народъ освободился отъ монархическихъ взглядовъ. Я тоже увидѣлъ это съ прискорбіемъ только въ Берлинѣ. Разрывъ между правительствомъ и народомъ, произведенный 1848 годомъ, совершенно сглаживается въ глазахъ здѣшней тупой, мелко-буржуазной демократіи, которая все еще тащитъ рабочихъ на буксирѣ! Фиктивное измѣненіе системы въ минувшемъ октябрѣ привѣтствуется вождями, какъ полное примиреніе. Если бы къ этому еще присоединилось то, что въ народъ вселялось-бы убѣжденіе (но, къ счастью, и вы не вселите въ него этого, и поэтому мнѣ кажется, что революціонный успѣхъ во всякомъ случаѣ обезпеченъ), что правительство ведетъ эту войну, какъ *національную*, что оно возвысилось до *національнаго дѣла*, то вы увидѣли бы, насколько полно было бы иримиреніе и какъ, именно во время несчастій, цѣпь «нѣмецкой вѣрности» привязала бы народъ къ своему правительству. Никогда королевскій санъ не былъ у насъ болѣе популяренъ, чѣмъ въ 1807 году, а нѣчто подобное могло

вернуться. Въ концѣ концовъ исторія, конечно, надо всѣмъ торжествуетъ, но мы во всякомъ случаѣ изо всѣхъ силъ ра-али бы противъ самихъ себя и безконечно затруднили бы и іедлили дѣло.

Въ случаѣ побѣды, дѣло было бы еще хуже. Побѣда надъ анціей была бы на долгое время контръ-революціоннымъ собы-иъ par excellence. Дѣло все еще обстоитъ такъ, что Францiя отношенію къ Европѣ, несмотря на всѣхъ Наполеоновъ, пред-вляетъ собою революцію, побѣда же надъ Франціей—побѣду ;ъ революціей. Если бы вы только жили здѣсь, читали бы ıи газеты и говорили бы съ нашими великолѣпными земля-ıи!! Бьюсь объ закладъ, что вы бы думали иначе. Въ началѣ, когда повсюду такъ неистово раздавался національный крикъ войны противъ Франціи, «Volkszeitung» (Бернштейнъ, ея редакторъ, въ *моихъ* глазахъ—закоренѣлый реакціонеръ) воскликнула съ тріумфомъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей: «Хотите ли знать, что означаетъ этотъ крикъ всѣхъ народовъ противъ Франціи? Хотите ли узнать его истинное всемірно-историческое значеніе? *Эмансипацію* Германіи отъ *политическаго развитія Франціи*—вотъ что означаетъ этотъ крикъ».

Нужно ли мнѣ объяснять тебѣ закоренѣлое реакціонное содержаніе этого побѣднаго крика? Разумѣется нѣтъ! *Популярная* война противъ Франціи—и наши мелкобуржуазные демократы, наши децентралисты, *враги всякой общественной иниціативы*, пріобрѣтутъ на долгое, долгое время неисчислимый приростъ силы. Еще *долго* въ нѣмецкой революціи чувствовалось бы дѣйствіе этого теченія. Право же, намъ нѣтъ необходимости прибавлять новыя силы этому нашему опаснѣйшему врагу, нѣмецкому мѣщанскому идеализму, путемъ кроваваго антагонизма съ романско-соціальнымъ духомъ въ его классической формѣ, т. е. съ Франціей. Я прошу васъ, ради Бога, подумайте немного объ этомъ. Францію и французское развитіе здѣсь теперь и безъ того уже слишкомъ мало цѣнятъ и даже ненавидятъ — а вы, можетъ быть, не имѣете никакого понятія объ этомъ! Это слѣдствіе наполеоновскаго господства и нелѣпыхъ Дицелевскихъ теорій (Францiя есть гибнущее романство, она вымираетъ, она—прогнила; революція 1789 года—первое проявленіе этого процесса гніенія и, вслѣдствіе выдѣленія германистически - индивидуалистическихъ дворянскихъ элементовъ, является причиной дальнѣйшей гибели), которыя *поразительно* распространились. Я знаю хорошо, что *въ концѣ концовъ* мы

одержимъ верхъ надъ всемъ этимъ вздоромъ. Но дѣло идетъ о томъ, хотимъ ли мы сами затруднять и замедлять наступленіе этого «въ концѣ концовъ»!

Подумайте и о слѣдующемъ! Мы вѣдь совершенно не имѣемъ ни малѣйшаго вліянія на рѣшеніе вопроса о томъ: быть или не быть войнѣ. Наши правительства нисколько не интересуются нами и тѣмъ, что мы говоримъ, или же, если они что-нибудь и принимаютъ во вниманіе, то только для того, чтобы сдѣлать обратное тому, что мы совѣтуемъ. Отъ насъ зависитъ только вліяніе на слѣдующее: должна ли война быть *популярной* или нѣтъ. То, что теперь въ нашихъ интересахъ, заключается, очевидно, приблизительно въ слѣдующемъ:

1) Чтобы война началась. (Объ этомъ, какъ сказано, позаботятся уже наши правительства сами. Всѣ извѣстія, полученныя мною изъ *надежнаго* источника, свидѣтельствуютъ о томъ, что принцъ стоитъ за то, чтобы выступить въ защиту Австріи).

2) Чтобы война велась *плохо*. (Объ этомъ также позаботятся наши правительства сами, и тѣмъ больше, чѣмъ *меньше* ихъ будетъ поддерживать интересъ народа къ войнѣ).

3) Чтобы народъ убѣдился, что война начата въ цѣляхъ народо-ненавистнической, династической, контръ-революціонной, т. е. что она предпринята *вопреки* его интересамъ.—Объ этомъ одномъ мы можемъ позаботиться, и забота объ этомъ является такимъ образомъ нашимъ долгомъ.

Какую цѣль могло бы преслѣдовать желаніе возбудить у насъ популярную войну противъ Франціи? Я считаю возможнымъ двѣ цѣли.

1) Можно спекулировать на то, что насъ побьютъ, и что изъ этого разовьется революціонное положеніе дѣлъ. Но, какъ сказано уже, послѣднее произойдетъ тѣмъ труднѣе и позднѣе, чѣмъ болѣе вы будете содѣйствовать внѣдренію въ народъ убѣжденія въ томъ, что правительство начало войну изъ-за національныхъ интересовъ. Это убѣжденіе народа было бы новымъ связующимъ цементомъ между монархіей и народомъ, который сравнительно *долго* могъ бы противостоять даже сильнымъ и тяжелымъ ударамъ.

2) Или можно надѣяться на то, что будетъ побитъ Наполеонъ и благодаря этому вспыхнетъ революція во Франціи. И это имѣло бы тѣмъ болѣе важное значеніе, что въ Европѣ, конечно, не можетъ быть мѣста дѣйствительно революціонному положенію вещей до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не будетъ свергнутъ

что также можно принять въ соображеніе и при № 1). Но относительно этого слѣдуетъ замѣтить слѣдующее:

а) Шансы вообще не говорятъ за то, чтобы былъ разбитъ Наполеонъ, а наоборотъ.

в) Если надѣяться на пораженіе Наполеона и вытекающее отсюда его паденіе, было бы вообще лучше, если бы *онъ началъ* войну для завоеванія Рейна, а не мы — наступательную войну противъ Франціи, которая въ послѣднемъ случаѣ гораздо болѣе единодушно сплотилась бы вокругъ Наполеона для веденія этой законной войны;

с) но во всякомъ случаѣ въ интересахъ этого надо было бы желать, чтобы предпринятая нашими правительствами наступательная война не нашла бы себѣ поддержки въ національномъ нѣмецкомъ духѣ. Потому что, если бы наши правительства вели *кабинетную* войну противъ Франціи и Наполеонъ былъ бы побитъ, то это, безъ сомнѣнія, имѣло бы своимъ слѣдствіемъ во Франціи революцію презрѣнія. Но, если Франція увидитъ враждебно-настроенной противъ себя всю нѣмецкую націю, и даже демократію, то это должно будетъ возбудить въ ней представленіе, какъ будто бы дѣло идетъ объ ея національномъ существованіи. Въ виду такой опасности даже нѣсколько пораженій Наполеона еще не вызвали бы чувства презрѣнія къ нему, скорѣе его диктатура въ цѣляхъ защиты Франціи получила бы еще новую силу, такъ какъ онъ тогда бы боролся за свое собственное существованіе, и слѣдовательно нечего было бы бояться измѣны съ его стороны, какъ этого боялись въ 1792 году—со стороны Людовика XVI. И это тѣмъ болѣе, что пока *мы побѣждаемъ*, старыя монархіи останутся во всякомъ случаѣ во главѣ насъ. Наша *побѣдоносная* борьба имѣла бы такимъ образомъ своимъ слѣдствіемъ продолженіе царствованія Наполеона, продолженіе контръ-революціоннаго положенія дѣлъ и практическое инсценированіе Дицелевской глупости относительно борьбы германской расы противъ «сгнившаго романизма». Если бы потомъ, при повторныхъ пораженіяхъ Наполеона, наступилъ моментъ, когда Франція стряхнула бы съ себя Наполеона и республика взяла бы тамъ въ свои руки дѣло спасенія страны, то и тогда, вслѣдствіе продолжительной, ожесточенной *національной* борьбы, народы были бы такъ озлоблены другъ противъ друга, что мы не скоро бы могли воспользоваться этимъ, но еще долго пришлось бы опасаться вреднаго вліянія разъ начавшагося теченія. Обдумайте это!

Энгельсъ говоритъ, что во время революціи у насъ нашелся бы моментъ стряхнуть съ себя Италію. Но развѣ это *дѣйствительная* политика: желать втянуть въ войну *націю* (въ отличіе отъ правительства) для усиленія того, что мы сами замышляемъ стряхнуть съ себя? Не придется ли намъ изъ-за такой ложной позиціи сдѣлать своими врагами французовъ, итальянцевъ, венгровъ, поляковъ? Мы постоянно такъ долго проповѣдывали солидарность народовъ; и всѣ революціи были подавлены потому, что эта солидарность не превратилась въ дѣйствительность. Должны ли мы теперь сами взяться за оружіе противъ этого?

Подумайте обо всемь этомъ, прежде чѣмъ вы будете говорить громко и открыто. И раздѣленіе, и расколъ среди нашихъ было бы плачевнымъ явленіемъ для нашей и безъ того небольшой одинокой партіи!

Ты говорищь, что Фогтъ подкупленъ, что возможно, а Кинкель отрицательная политическая величина, что несомнѣнно. Но не говоря уже о томъ, что совпаденіе моихъ взглядовъ съ таковыми Фогта представляетъ собою лишь весьма поверхностное соприкосновеніе въ очень немногихъ внѣшнихъ пунктахъ, и что я совсѣмъ не знаю взглядовъ Кинкеля — неужели ты хочешь довести меня ad absurdum благодаря дурному обществу, въ которомъ я нахожусь? Въ такомъ случаѣ я могъ бы возвратить тебѣ обратно комплиментъ, что ты имѣешь несчастіе быть на этотъ разъ одного мнѣнія съ Венедеемъ и Вальдекомъ. Впрочемъ, моя брошюра произвела *огромное* вліяніе. *Многіе*, и даже относительно значительныя лица, бывшія раньше противоположнаго взгляда, заявили мнѣ, что брошюра ихъ убѣдила. Ни «Volkszeitung», ни «Nationalzeitung» не осмѣлились сказать противъ нея ни одного слова. Скорѣе онѣ стали усиленно бить отбой въ цѣлой серіи изъ шести передовыхъ статей. «Natoinalzeitung» совершенно перемѣнила фронтъ. Отъ рейнскихъ рабочихъ я получилъ самыя восторженныя письма по поводу брошюры. Изданіе въ 1.500 экземпляровъ разошлось въ десять дней и уже печатается второе, которое теперь появится подъ моимъ именемъ. Общественное мнѣніе на моей сторонѣ и вполнѣ опредѣленно.

Но если вы хотите непремѣнно говорить и въ противоположномъ смыслѣ, то отложите это на три недѣли. Если меня не обманываютъ всѣ мои извѣстія, то самое позднее къ этому времени наше правительство объявитъ себя за Австрію, и война уже будетъ начата.

Захотите ли вы и *тогда*, когда война уже будетъ объявлена, сдѣлать ее популярной и придать правительству силу и крѣпость.

Но во всякомъ случаѣ, будете ли вы говорить публично или нѣтъ, я требую и прошу, чтобы ты изложилъ мнѣ *возможно скорѣе,* хотя бы и въ *лапидарной краткой формѣ*, *рѣшительное различіе* между вашимъ и моимъ взглядомъ. Это можно сдѣлать въ полчаса и я могу, поэтому, требовать, чтобы ты взялъ на себя этотъ трудъ. Пошли это письмо *также Энгельсу*. Уже три дня, какъ твоя вышедшая изъ печати книга лежитъ передо мной. Gratulor, gratulor: счастія и успѣха! Манифесты политической и соціальной войны появились одновременно!

Твой Ф. Лассаль.

Только что пришло извѣстіе, что у насъ *мобилизуются* шесть армейскихъ корпусовъ!!! Далѣе телеграфное извѣстіе о сдачѣ Болоньи и Анконы. И то и другое мнѣ кажется даже связаннымъ между собою и эта сдача со стороны Австріи имѣетъ не только военное, но въ *особенности* дипломатическое значеніе. Теперь Пруссія скажетъ: Австріи нѣтъ больше ни въ церковномъ государствѣ, ни въ герцогствахъ. Въ этомъ отношеніи нечего больше требовать. Укрѣпленія за ней ея ломбардскаго владѣнія требую я!

P. S. Скажи, пожалуйста, подписали ли Луи Бланъ и Ледрю Роллэнъ воззваніе «Union républicanie»

48.

Дорогой Марксъ!

Развѣ ты не получилъ моего послѣдняго письма? Въ немъ я просилъ тебя сообщить мнѣ доказательства противъ Фогта; *въ особенности* же я излагалъ тамъ подробно свой взглядъ на современный кризисъ и самымъ настоятельнымъ образомъ просилъ тебя взвѣсить еще разъ это дѣло, обстоятельно изложить твое мнѣніе и твои мотивы, чтобы я по крайней мѣрѣ освободился отъ тягостнаго чувства быть вынужденнымъ догадываться объ этомъ. Дать себѣ *окончательное* объясненіе того положенія, которое я долженъ былъ бы занять, по твоему, въ этомъ дѣлѣ, я не могу, принимая во вниманіе тѣ основныя положенія, изъ которыхъ ты неизбѣжно исходишь и долженъ исходить. Я не разъ повторялъ свою просьбу дать мнѣ вполнѣ обстоятельный отвѣтъ, а уже

прошло болѣе двѣнадцати дней и я не имѣю отвѣта. Это большая несправедливость. Тѣмъ болѣе, что дѣло имѣетъ такой общій интересъ и я такъ убѣдительно просилъ тебя отвѣтить мнѣ скорѣе. Наконецъ, это мнѣ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что я, съ своей стороны, всегда такъ скоро отвѣчалъ на запросы и т. п., — несмотря на всѣ дѣла—которые касались твоихъ интересовъ; этотъ твой образъ дѣйствія мало, поэтому, соотвѣтствуетъ взаимнымъ отношеніямъ!

Недостатокъ во времени не есть извиненіе, притомъ намъ достаточно лишь намѣчать все, намъ нѣтъ надобности излагать другъ другу подробно, а для этого довольно одного часа. А столько свободнаго времени при извѣстномъ добромъ желаніи всегда найдется.

Слухи у насъ стали опять болѣе мирнаго характера. Но, кажется, несомнѣнно то, что въ случаѣ возстанія Венгріи принцъ немедленно вмѣшается. Слѣдовательно, нужно надѣяться на венгерское возстаніе. Не можешь ли ты сообщить мнѣ что-нибудь о томъ, насколько и къ какому времени оно подготовляется? Прокламація Клапка, указывающая на венгерское возстаніе «послѣ окончанія итальянской войны», была бы, если только это серьезно, настоящей глупостью. Ибо, «послѣ окончанія итальянской войны» вѣдь и для Венгріи опять минуетъ благопріятный случай. Надѣюсь, что ты теперь наконецъ рѣшишься отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе.

Salut. Твой Ф. Лассаль.

Bellevuestrasse, 13.

Берлинъ, 3 іюля 59.

49.

(Послѣ мира въ Виллафранка, 11 іюля).

Дорогой Марксъ!

Я былъ радъ услышать, что не ты, а различныя препятствія внѣшняго характера были виной твоему молчанію. Теперь этотъ вопросъ исчерпанъ, хотя его острый характеръ и притупленъ событіями. Но я все-таки долженъ вернуться къ нашему разногласію. Разумѣется, между нами споръ велся не изъ-за принципа, но, какъ ты говоришь и какъ я никогда иначе и не понималъ, изъ-за «наиболѣе подходящей политики», т. е. именно «политики наиболѣе соотвѣтствующей революціонному развитію». Но исходя

какъ разъ изъ этой точки зрѣнія, я и развивалъ и доказывалъ тебѣ свой взглядъ въ *письмѣ* къ тебѣ. Съ тѣхъ поръ событія довольно сильно подтвердили это. Вѣрно то, что, будь наше правительство немедленно вынуждено къ войнѣ и послѣдняя бы наступила, то произошло бы conflagration générale, которое не допустило бы никакого Виллафранкскаго мира. Но, *чтобы* принудить къ этому наше правительство голосомъ народа, надо было бы сдѣлать среди него популярной войну съ Франціей, т. е. — ибо это были неизбѣжныя слѣдствія—вызвать и укрѣпить въ насъ контръ-революціонный духъ и создать у насъ, какъ и во Франціи, такое настроеніе, которое сплотило бы народы вокругъ ихъ правительствъ. Въ своемъ тогдашнемъ письмѣ къ тебѣ я подробно и опредѣленно указалъ на тѣ контръ-революціонныя послѣдствія, какія съ неизбѣжностью должны возникнуть изъ этого. Съ другой стороны, изъ опубликованныхъ со времени заключенія мира дипломатическихъ нотъ ты теперь увидѣлъ, что — какъ я тебѣ тогда писалъ — наше правительство было готово по своей инціативѣ вступиться за «сохраненіе австрійской территоріи въ Италіи». Ему только не дали времени выполнить эту глупость. Если бы война продолжалась еще нѣсколько мѣсяцевъ и если бы что-нибудь зашевелилось въ Венгріи, то оно несомнѣнно сдѣлало бы это. Тогда оно такимъ образомъ повело бы войну, но непопулярную и — такъ какъ здѣсь мы окончательно побѣдили въ общественномъ мнѣніи — даже ненавистную, которая была бы ему вмѣнена въ преступленіе, вмѣсто того, чтобы считать ее «національнымъ дѣломъ». И *такая* война доставила бы благопріятный случай для ускореннаго развитія революціоннаго движенія.

Твоей тактики я совсѣмъ не понимаю. Такъ какъ мнѣ это непріятно и я желаю оставаться въ непрерывной духовной связи съ тобой, а это наше первое разногласіе во мнѣніяхъ съ 1848 г., что еще болѣе заставляетъ меня желать по крайней мѣрѣ знать, откуда оно и на чемъ основывается, то я прошу тебя еще разъ изложить мнѣ очень кратко: 1) *почему* ты считаешь свою политику болѣе правильной и 2) придерживаешься ли ты еще и теперь этого взгляда или же событія заставили тебя отказаться отъ него.

Non missura cutem, nisi plena cruoris hirudo!

Итакъ, сдѣлай это!

2. Съ Дункеромъ я говорилъ. Онъ заявилъ о своемъ согласіи издать также второй выпускъ, если онъ не будетъ болѣе 4—5

листовъ. Однако, если бы онъ былъ даже толще и значительно толще, пошли ему все-таки рукопись, какъ только она будетъ готова, и извѣсти одновременно меня объ этомъ письмомъ. Тогда я уже позабочусь о дальнѣйшемъ.

3. Я много смѣялся надъ твоимъ гнѣвомъ, вызваннымъ тѣмъ, что здѣсь до сихъ поръ не появилось ни одной замѣтки о твоей работѣ, и надъ твоей угрозой, что если это будетъ такъ продолжаться и впредь, то ты тотчасъ же выпустишь его на аглійскомъ языкѣ! Какъ ты нетерпѣливъ! Но, другъ, вспомни слова Гёте:

Пусть никто не вернется къ намъ
Съ лучшими своими дарами,
Чтобы признать ихъ съ благодарностью
Нѣмцамъ нужно время! *).

Въ сущности говоря, за немногими исключеніями лишь, дрянныя произведенія удостоиваются немедленно большой похвалы. И ты не имѣешь понятія о томъ, какъ ухудшились у насъ со времени твоего изгнанія дѣла по части критики и журнальныхъ рецензій! Только самые несвѣдующіе люди занимаются этимъ дѣломъ, и они не пишутъ о дѣльномъ сочиненіи именно потому, что для нихъ было бы слишкомъ утомительно даже только прочесть его. Это имѣетъ силу по отношенію ко всѣмъ наукамъ, даже такимъ, которыя когда-то процвѣтали у насъ. А тутъ еще политическая экономія, т. е. наука, которая у насъ совершенно нова, и въ которой едва ли два десятка человѣкъ кое-что понимаютъ! И вовсе нѣтъ никакого удовольствія имѣть въ настоящее время отзывъ о себѣ. У насъ теперь безусловно въ силѣ—дилемма: Кто что-нибудь понимаетъ, тотъ не пишетъ критики, а кто пишетъ критику, тотъ ничего не понимаетъ!

Ты не можешь себѣ составить даже самаго слабаго представленія объ этомъ жалкомъ положеніи вещей!

Но вліяніе *новыхъ* книгъ отъ этого нисколько не уменьшается. Учащіеся — изучаютъ и понимаютъ ихъ отъ этого не меньше. А это вѣдь главное. Итакъ, твоя угроза только шутка. Вѣдь чѣмъ слабѣе у насъ привита политическая экономія, тѣмъ какъ разъ большимъ долгомъ, потребностью и заслугой становится

---

*) Keiner soll herein rennen
Mit seinen besten Gaben,
Sollens die Deutschen mit Dank erkennen,
Müssen sie *Zeit* haben!

насъ знакомство съ нею публики и повышеніе къ ней интереса. ішь спустя нѣсколько лѣтъ появляются дѣльные и обстоятельные зывы. Но для этого требуются годы. Впрочемъ, тебѣ еще поъстливилось, потому что уже есть очень лестныя краткія затки о твоемъ сочиненіи, и для доказательства прилагаю ихъ ьсь; буду также и впредь слѣдить за этимъ.

Vale. Твой Ф. Лассаль.

Bellevuestr, 13.

50.

Дорогой Марксъ!

Возвратившись изъ путешествія по Швейцаріи, я вижу, что и во время его, какъ и до него, я не получилъ отъ тебя никакого отвѣта на свои два письма, и это несмотря на мою настойчивую просьбу отвѣтить мнѣ скорѣе. Хотя это вызвало и должно было вызвать во мнѣ справедливую обидчивость—*должно было*, если я только въ недостаткѣ обидчивости не желаю дойти до тѣхъ границъ, при которыхъ забываешь всякое самоуваженіе,—но я все же не желаю распространить эту обидчивость до того, чтобы не задать тебѣ вопроса, который серьезно касается твоихъ интересовъ. Именно, я узналъ отъ Франца Дункера, что за весь этотъ промежутокъ времени отъ тебя не поступило слѣдующей рукописи, и онъ даже не знаетъ, можетъ ли онъ ждать ея полученія. Я обращаю, поэтому, твое вниманіе на то, что въ твоихъ интересахъ сообщить мнѣ возможно скорѣе, намѣренъ ли ты послать ему новую рукопись и когда ты это сдѣлаешь, *если* онъ *объщаетъ* мнѣ напечатать ее, или же ты думаешь удовольствоваться опубликованіемъ одного перваго выпуска.

Salut. Твой Ф. Лассаль.

Bellevuestr., 13.

Берлинъ, 30 сентября, 59.

51.

Пятница, 11 ноября.

Дорогой Марксъ!

Пишу наспѣхъ.

Ты, вѣроятно, съ увѣренностью разсчитывалъ на меня на счетъ 40 фунтовъ, потому что знаешь, что я не оставлю тебя въ затруднительномъ положеніи, какъ только я въ состояніи пре-

дотвратить его. Отсюда возникаетъ для меня обязательство сказать тебѣ по крайней мѣрѣ courrier par courrier, что на этотъ разъ это для меня рѣшительно невозможно. Voici pourquoi. Вслѣдствіе стеченія различныхъ, весьма неблагопріятныхъ, обстоятельствъ и многихъ жертвъ съ моей стороны я попалъ въ такое положеніе, что до *іюля ближайшаго года* — horribile dictu—*самъ долженъ жить въ кредитъ!!!* Я бы обратился для тебя къ Дункеру, чтобы тамъ, можетъ быть, что-нибудь устроить. Но я недавно самъ долженъ былъ обратиться къ нему, чтобы достать у него нѣсколько сотъ талеровъ для себя, и знаю, что я его окончательно посадилъ на мель. Итакъ, помоги себѣ на этотъ разъ инымъ путемъ, дружище; въ ближайшемъ іюлѣ мои дѣла поправятся и я буду тогда охотно снова къ твоимъ услугамъ, если понадобится.

Твое объясненіе относительно дѣла Фогта очень меня заинтересовало. Въ слѣдующій разъ скажу объ этомъ больше. Сегодня я хочу послать тебѣ только печальное посланіе (Hiobspost).

Если ты пришлешь мнѣ возраженіе contra Е. Мейена, то я посмотрю, удастся ли мнѣ его помѣстить въ «Volkszeitung».

Жду также съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго сообщенія, т. е. обоснованія твоего взгляда насчетъ итальянской войны. Не забывай, что твоя задача заключается не въ опроверженіи моей брошюры, въ которой я не могъ провести настоящихъ основныхъ аргументовъ, но—моихъ писемъ къ тебѣ. Не забывай, что дѣло не въ томъ, чтобы показать, что война могла бы быть полезной революціонной партіи своимъ conflagration générale. Это, разумѣется, очень ясно и я поэтому страстно желалъ, чтобы наше правительство начало войну на собственную погибель. Но я желалъ, чтобы оно вело *непопулярную* войну. И потому надо было разоблачить народу несправедливость и вредъ ея вопреки крику національныхъ обезьянъ. Если бы оно повело *популярную* войну, если бы сама демократія бросила народъ въ это теченіе, которое сначала и безъ того было очень и очень сильно, то связь между правительствомъ и народомъ у насъ снова укрѣпилась бы и усилилась, (къ сожалѣнію, она и безъ того стала снова достаточно прочной)—а вслѣдствіе несправедливаго нападенія французскій народъ сплотился бы около Наполеона: слѣдовательно, реакція снова укрѣпилась и усилилась бы на обѣихъ сторонахъ Рейна. Съ любопытствомъ жду, какъ ты будешь опровергать это.

Твой Ф. Л.

52.

[Середина ноября].

Дорогой Марксъ!

Пишу наспѣхъ.

Итакъ, учитывай вексель на меня. Но я оставляю на твоей *вѣсти* и заявляю, что ты отвѣтственъ за то, чтобы я во- ›емя, до истеченія срока, имѣлъ здѣсь деньги. Я повторяю это потому, что сомнѣваюсь въ твоей доброй волѣ, но потому, о знаю, какъ часто лучшія намѣренія терпятъ крушеніе вслѣд- віе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Также и эта возможность и всякое force majeure должны быть исключены. Потому что я нахожусь здѣсь въ такомъ положеніи, въ какомъ я не могъ бы ни платить, ни не платить. И то другое одинаково тяжело для меня.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ твоей статьи въ «Tribone».

Впрочемъ, я очень сердитъ на тебя. Ибо ты пишешь: «Ты бы очень смѣялся, если бы я разсказалъ тебѣ, что происходило за кулисами и т. д. между Ф[рейлигратомъ] и К[инкелемъ]».

Но, мой Богъ, если бы я такъ много смѣялся, то почему же ты не пишешь? Или ты думаешь, что я смѣюсь *такъ часто*, что меня можно безъ грѣха лишить случая къ этому? Въ такомъ случаѣ ты *очень* ошибаешься. Къ сожалѣнію, ничто со мной не бываетъ такъ рѣдко, и ты сдѣлаешь хорошее дѣло, если доставишь мнѣ случай посмѣяться.

Что касается атрибутовъ К[инкеля], то ты забываешь самое важное и прекрасное: «Аврикилевы глаза его дѣтей». Не вспоминаешь ли ты изъ его процесса это безсмертное смѣхотворное выраженіе?

Возможно, что Ф[рейлигратъ] лучше сдѣлалъ бы, если бы не присутствовалъ на празднествѣ. Но онъ во всякомъ случаѣ хорошо сдѣлалъ, сочинивши кантату. Прежде всего она была прекраснѣе всего, что появилась къ этому случаю и она снова освѣжила здѣсь его имя. Впрочемъ, я на самомъ дѣлѣ совершенно *серьезно* сердитъ на Ф[рейлиграта]. Я переслалъ вѣдь ему черезъ тебя одинъ экземпляръ Зикингена при его появленіи. Онъ не выразилъ мнѣ даже, хотя бы въ двухъ строчкахъ, самой обычной благодарности. На эту минимальную вѣжливость отъ человѣка имѣешь тѣмъ большее право, что онъ не писалъ

тебѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и ты все же ему показываешь, что вспоминаешь о немъ съ любовью. Я могу такимъ образомъ на это смотрѣть, какъ на умышленное оскорбленіе, къ которому я однако не подавалъ повода. Ты можешь сказать ему это при случаѣ.

Кланяйся твоей женѣ и будь здоровъ.

Твой Ф. Л.

53.

(Около 20 ноября).

Дорогой Марксъ!

Я немедленно послалъ твое заявленіе Дункеру и вчера вечеромъ говорилъ съ нимъ. Я могу сказать тебѣ теперь слѣдующее:

1) Онъ готовъ помѣстить его въ «Volkszeitung».

2) Удостовѣрившись въ этомъ, я однако считаю нужнымъ въ твоихъ интересахъ предварительно еще разъ запросить тебя, должно ли оно здѣсь появиться.

Дѣло въ томъ, что, обдумавъ болѣе обстоятельно, я считаю это *совершенно* не въ твоихъ интересахъ и по *весьма* простой причинѣ: ни одинъ человѣкъ здѣсь не *знаетъ* о томъ, что ты какимъ бы то ни было образомъ виновенъ въ этомъ доносѣ и т. д. Очень понятно. Швейцарскія газеты здѣсь *совершенно* не читаются, а «A[ugsburger] A[llgemeine] Z[eitung]»—все равно что не читается. Въ здѣшнихъ нашихъ газетахъ въ очень краткомъ отчетѣ, данномъ относительно этого процесса, или *совсѣмъ ничего* не было о тебѣ или о тебѣ упоминалось совсѣмъ мимоходомъ, какъ о комъ-то, кому Блиндъ это высказалъ.

У «Volkszeitung» здѣсь 20.000 подписчиковъ. Вслѣдствіе помѣщенія въ ней такого заявленія весь Берлинъ тогда *узнаетъ*, что ты, по словамъ Фогта, виновенъ или замѣшанъ въ этой исторіи, о чемъ здѣсь, повторяю, почти никто не знаетъ.

По этой причинѣ я считаю этотъ протестъ *здѣсь* болѣе вреднымъ для тебя, чѣмъ полезнымъ. И Дункеръ вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ.

Поэтому я получилъ отъ него *обѣщаніе* немедленно напечатать заявленіе, если ты еще разъ пожелаешь этого, и подождать твоего отвѣта ко мнѣ. Такъ какъ письмо въ Лондонъ туда и назадъ идетъ приблизительно три дня, то отъ этого ни въ коемъ случаѣ ничего не будетъ потеряно.|

Если ты все-таки настаиваешь на этомъ, то стоитъ тебѣ только написать, и тогда заявленіе появится немедленно. (Но я не совѣтую). Я *страшно* занятъ одной очень спѣшной работой, которую я хотѣлъ бы окончить въ два-три мѣсяца, чтобы потомъ, наконецъ, я могъ снова *перейти къ своей политической экономіи!!!*

Поэтому я теперь всегда пишу такъ поверхностно.

Прощай. Твой Ф. Лассаль.

Воскресенье.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ этомъ и слѣдующемъ году Лассаль и Марксъ переписывались другъ съ другомъ самымъ усерднымъ образомъ. Чѣмъ сильнѣе начинала вновь пробуждаться политическая жизнь Европы, тѣмъ болѣе живое участіе принимали они въ ней, но тѣмъ рѣзче выступало наружу и то, что раздѣляло ихъ при всемъ единствѣ ихъ основныхъ воззрѣній. Этого нигдѣ нельзя такъ обстоятельно и въ особенности такъ безпристрастно прослѣдить, какъ въ это время, которое было достаточно оживленно, чтобы обнаружить дремлющія противорѣчія, но еще недостаточно оживленно для того, чтобы привести ихъ уже къ столкновенію.

Въ 1859 году возгарается споръ особенно по поводу двухъ произведеній Лассаля — его трагедіи и брошюры объ итальянской войнѣ. Характернымъ для внутренняго міра Лассаля является именно то, что онъ особенно страстно защищаетъ и споритъ по поводу этихъ произведеній, въ то время какъ онъ въ письмахъ къ Марксу затрагиваетъ лишь мимоходомъ свои несравненно болѣе выдающіяся научныя работы. Трагедія и брошюра являлись попыткой вмѣшаться въ повседневную практическую борьбу, а это именно и было для него всегда главной цѣлью. Насколько оба эти произведенія уступаютъ въ глазахъ современнаго читателя почти всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Лассаля, настолько же они важны для освѣщенія его историческаго положенія по отношенію къ Марксу и Энгельсу. Поэтому стоитъ, прежде чѣмъ перейти къ комментированію отдѣльныхъ писемъ, выяснить основныя точки зрѣнія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

I. Зикингенъ и нѣмецкая крестьянская война.

Статья о формальной трагической идеѣ трагедіи была уже напечатана разъ или даже два раза: въ бернштейновскомъ изданіи рѣчей и произведеній Лассаля и въ „Neue Zeit.“ IX, 1, 588. При ея сравнительно незна-

чительномъ объемѣ мнѣ казалось, что не помѣстить ея нельзя, такъ какъ она необходима для пониманія 46-го письма.

Лассаль защищаетъ свои стихи въ родѣ того, какъ Лессингъ защищаетъ свои ямбы въ Натанѣ: если бы они были много лучше—они были бы гораздо хуже. Въ такомъ же смыслѣ ихъ, повидимому, хвалилъ и Марксъ. Лассалю ни въ коемъ случаѣ не зачѣмъ было досадовать на то, что онъ проявилъ такую „презрительную небрежность“ къ тому преувеличенному значенію, которое придавалось въ 50-хъ гг. прилизанному стихоплетству. Лассаль писалъ свою трагедію не съ цѣлью протеста противъ направленія въ литературѣ эпохи реакціи, но разъ онъ ее уже написалъ, то онъ между прочимъ протестовалъ и противъ этого направленія, противъ того „дурного партикуляризма“, который тогда началъ распространяться въ нѣмецкой литературѣ и распространяется подъ измѣняющимися формами до сихъ поръ. На сколько мало драма Лассаля является своего рода образцомъ въ своей сферѣ, на столько же съ другой стороны она стоитъ высоко, по своимъ широко задуманнымъ и съ убѣдительной силой проведеннымъ основнымъ положеніямъ, въ эпоху, когда ея единственный значительный драматургъ, Фридрихъ Геббель, почти одновременно исковеркалъ средневѣковую тему съ цѣлью прославленія реакціоннаго юнкерскаго режима въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Словомъ „тенденція“ можно напугать лишь дѣтей. Всякое живое поэтическое произведеніе имѣетъ корни въ современной ему почвѣ, и пренебрежительныя замѣчанія молодыхъ историковъ литературы о тенденціозной поэзіи являются тѣмъ болѣе лишенными значенія, что эти люди не замѣчаютъ слона, если тенденція подобно геббелевской служитъ интересамъ реакціи, и ставятъ каждое лыко въ строку, когда она, какъ у Лассаля, идетъ навстрѣчу революціи.

Разумѣется, Марксъ и Энгельсъ не останавливались на подобномъ хламѣ, и Лассаль могъ быть вполнѣ доволенъ ихъ похвалой „потогонной силы“ — какъ онъ выражался — его трагедіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего болѣе понятнаго того, почему Марксъ тотчасъ же вложилъ перстъ въ самое больное мѣсто драмы, задавъ вопросъ, подходитъ ли обработанная тема къ той трагической идеѣ, которую желалъ развить Лассаль. Буржуазная революція 1848 и 1849 гг. именно потому потерпѣла въ Германіи крушеніе, что у нея не было мужества быть послѣдовательной до конца и въ союзѣ съ рабочимъ классомъ свергнуть абсолютизмъ и феодализмъ, что она, скорѣе, какъ разъ съ цѣлью одураченія рабочаго класса дипломатизировала съ абсолютистски-феодальнымъ режимомъ, чтобы тѣмъ основательнѣе быть впослѣдствіи самой одураченной этимъ послѣднимъ. Не такъ обстояло дѣло съ Зикингеномъ, какъ на это тотчасъ же обратилъ вниманіе Марксъ, мнѣніе котораго достаточно ясно вырисовывается изъ отрывочныхъ фразъ, цитируемыхъ Лассалемъ.

Зикингенъ никогда не впадалъ въ ошибку, которая заключается въ томъ, что средства не соотвѣтствуютъ цѣлямъ.

Онъ желалъ господства рыцарскаго класса и началъ борьбу за него, вполнѣ послѣдовательно, рыцарской войной. Если онъ и оказался побѣжденнымъ, то во всякомъ случаѣ не находясь въ трагическомъ противорѣчіи, отъ котораго его заставляетъ погибать Лассаль. Правда, Лассаль говоритъ, что онъ имѣетъ право, право поэта идеализировать своего героя, оставляя

лишь ту долю рыцарской ограниченности, которая и является причиной ибели. Однако, рыцарская ограниченность никогда не выступаетъ въ ѣ, какъ таковая, но всегда какъ „введеніе въ обманъ идеи“, въ чемъ также повинны буржуазные революціонеры 1848 и 1849 гг.; да и равомъ драматурга идеализировать Лассаль обращается слишкомъ сво. Онъ, такимъ образомъ, защищалъ взглядъ почти противоположный какой Лессингъ защищалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: драматургъ ъ обращаться съ историческими фактами какъ ему угодно, но за то должень уважать историческіе характеры, какъ нѣчто своеобразное и твенное. Онъ можетъ, конечно, дать имъ то или иное освѣщеніе, но змѣнять ихъ и долженъ скорѣе отказаться отъ пользованія историче имнами, чѣмъ подсовывать носителямъ ихъ иные или даже противокные характеры.

акингенъ, какъ историческій характеръ, представляетъ собой среднезаго рыцаря, стремящагося еще разъ объединить всю силу своего класса, чтобы предотвратить его исторически неизбѣжное паденіе. Если задача въ томъ, чтобы этотъ своеобразный и значительный характеръ былъ надлежащимъ образомъ освѣщенъ, а не измѣненъ, то его идеализированіе должно идти въ указанномъ Энгельсомъ направленіи: именно, чѣмъ шире задуманы планы Зикингена, тѣмъ неизбѣжнѣе они должны терпѣть крушеніе, вслѣдствіе ограниченности его собственнаго класса. Было бы трудно понять, какъ могъ Лассаль назвать это „ужаснымъ и въ сущности совершенно не трагическимъ зрѣлищемъ“, если бы это не объяснялось тѣмъ, что онъ былъ предубѣжденъ своей особой трагической идеей. Трагическій конфликтъ, на который указываетъ Энгельсъ—это конфликтъ Валленштейна, великіе планы котораго относительно національной монархіи разбиваются объ ограниченность этого монархизма. Если Лассаль ссылается на то, что и шиллеровскій Валленштейнъ вѣдь тоже не представляетъ собой историческаго Валленштейна, то различіе заключается именно въ слѣдующемъ: при всей идеализаціи своего героя Шиллеръ все же сумѣлъ изобразить его исторически вѣрнымъ, даже гораздо болѣе исторически, чѣмъ это смогли сдѣлать современные ему историки, между тѣмъ какъ въ идеализаціи Лассаля историческій Зикингенъ совершенно исчезаетъ. Конечно, Лассаль могъ избрать такую трагическую идею, какую *онъ* хотѣлъ, но Марксъ и Энгельсъ и не упрекали его въ томъ, что онъ написалъ *эту*, а не какую-нибудь иную трагедію, они только говорили ему: для развитія *твоей* трагической идеи ты выбралъ совершенно неподходящій историческій примѣръ.

Лассаль, возражая на это, ссылается однако не только на свое эстетическое, но и историческое право. Хотя это должно имѣть для поэта второстепенное значеніе, но для политика оно является дѣломъ первостепенной важности; для насъ же, несравненно менѣе интересующихся поэтомъ, чѣмъ политикомъ, оно и является тѣмъ, что насъ до сихъ поръ интересуетъ въ этомъ спорѣ. Какъ ни умѣетъ Лассаль часто разсуждать въ историко-матеріалистическомъ духѣ, однако онъ стоитъ передъ историческимъ матеріализмомъ все еще не лишенный предразсудковъ, когда смѣшиваетъ его съ гегелевскимъ конструктивнымъ пониманіемъ исторіи. Къ послѣднему можетъ быть и примѣнимо то, что оно не представляетъ почвы ни для практической революціонной дѣятельности, ни для изображеннаго драматическаго

дѣйствія, но этого нельзя сказать объ историческомъ матеріализмѣ: послѣдній *не* утверждаетъ, что исторію создаютъ заранѣе опредѣленныя идеи, а наоборотъ, предоставляетъ людямъ дѣлать ихъ собственную исторію, хотя и не самовластно или при произвольно избранныхъ условіяхъ, но, напротивъ того, при непосредственно имѣющихся налицо данныхъ и унаслѣдованныхъ условіяхъ. Лассаль, какъ онъ и самъ говоритъ, былъ еще въ значительной степени приверженцемъ исторической конструкціи Гегеля, и она тутъ же его и запутываетъ въ своеобразномъ противорѣчіи, которое въ крайнемъ случаѣ разрѣшается въ формѣ совершенно мистическаго представленія. Вслѣдствіе этого, въ 46-мъ письмѣ, ему кажется невозможнымъ зажигательный драматическій интересъ безъ преобразующаго и рѣшающаго вліянія индивидуальнаго рѣшенія и дѣйствія, между тѣмъ какъ въ печатномъ предисловіи къ трагедіи онъ ставитъ условіемъ прогресса нѣмецкой драмы именно то, чтобы личности изображались въ ней лишь какъ носители и воплощенія борющихся противорѣчій всеобщаго духа.

При этомъ Лассаль упускаетъ изъ виду дѣйствительныя границы, которыя поставлены индивидуальнымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ. Его доказательства, что Зикингенъ отлично могъ бы примириться съ городами и крестьянами, несомнѣнно вытекаютъ изъ самого по себѣ вѣрнаго положенія, что отдѣльныя личности могутъ подняться надъ уровнемъ своего класса. Однако приводимымъ имъ примѣрамъ Яна Жижки, С. Жюста, С.-Симона — къ которымъ въ наше время можно присоединить Маркса, Энгельса и самого Лассаля — соотвѣтствуетъ въ эпоху нѣмецкой реформаціи примѣръ Флоріана Гейера, но отнюдь не Зикингена. Историческое положеніе Зикингена всецѣло заключается въ томъ, что онъ является классическимъ представителемъ низшаго дворянства въ началѣ XVI вѣка. Если хотѣть допустить, что онъ при болѣе продолжительной жизни сталъ бы во главѣ возставшихъ крестьянъ, то онъ пересталъ бы быть главой рыцарства, сталъ бы совершенно инымъ Зикингеномъ, чѣмъ его знаетъ исторія. Историческій Зикингенъ, при данныхъ историческихъ условіяхъ, могъ бы думать о призваніи всей націи къ революціонной борьбѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы классовые интересы городовъ и крестьянъ могли объединиться съ классовыми интересами рыцарства.

Лассаль былъ слишкомъ хорошимъ логикомъ, чтобы не почувствовать себя вынужденнымъ держаться этой точки зрѣнія, однако приводимыя имъ на этотъ счетъ доказательства не основательны. Дѣло было такъ, какъ это и говоритъ Марксъ: подъ лозунгами Гуттена и Зикингена о нѣмецкомъ единствѣ и свободѣ таилась мечта о старомъ кулачномъ правѣ, и нѣтъ ничего ошибочнѣе представленія о Зикингенѣ, какъ о дальновидномъ государственномъ человѣкѣ, который протянулъ городамъ руку для союза, но былъ ими покинутъ. Государственный идеалъ Зикингена—дворянская демократія съ монархомъ во главѣ, покоящаяся на крѣпостномъ правѣ—былъ невыполнимъ уже по одному тому, что въ Германіи тогда ужъ существовали значительные и могущественные города, и подобно тому, какъ Зикингенъ въ своемъ „первомъ періодѣ" задѣвалъ, гдѣ только могъ, города до крови, такъ и Гуттенъ не менѣе жестоко издѣвался надъ ними въ своихъ сочиненіяхъ. Оба возлагали всѣ надежды на императора, пока для этого было хоть малѣйшее основаніе, и лишь тогда, когда надежда угасла, начался

ъ „второй періодъ“, явившійся плодомъ не государственной дальновидсти, а горькой нужды.

Этотъ процессъ развитія можно вполнѣ точно прослѣдить по сочинеімъ Гуттена. Еще въ первомъ собраніи его діалоговъ, появившемся въ рѣлѣ 1520 года, онъ изображаетъ города какъ продуктъ изнѣженности, къ убѣжище трусовъ и лѣнивцевъ, не желающихъ болѣе сражаться въ крытомъ полѣ. Рыцари, въ качествѣ защитниковъ отечественныхъ нравъ, имѣли полное право на борьбу съ такой испорченностью, съ такимъ 1аденіемъ отъ старо-германскихъ нравовъ, но, такъ какъ они не могли ювить этихъ выродковъ за городскими валами и стѣнами, то имъ нишго и не оставалось, какъ нападать на дорогахъ на выѣзжавшаго горожана и грабить его. Города должны были бы еще быть за это благодарны царямъ, ибо только такимъ путемъ они могли быть ограждены отъ оконтельнаго погруженія въ праздную роскошь. Но, такъ какъ эти откровенныя изнанія могли имѣть свои непріятныя послѣдствія, то Гуттенъ затѣмъ нѣсколько отклоняется отъ нихъ: онъ даже порицаетъ „доблестную дерзость“ рыцарскихъ грабежей по той причинѣ, что рыцари на большихъ дорогахъ поступаютъ слишкомъ насильственно и грубо; онъ требуетъ введенія законныхъ мѣръ для запрещенія ввоза чужеземныхъ товаровъ и съ цѣлью принужденія городскихъ сластолюбцевъ выбрать себѣ другой образъ жизни или переселиться.

Во второмъ собраніи діалоговъ, появившемся въ началѣ 1521 года, когда надежда на помощь императора значительно ослабла, Гуттенъ уже заговариваетъ болѣе мягкимъ тономъ. Торговецъ изъ Фуггера бесѣдуетъ съ нимъ и Зикингеномъ, причемъ послѣдній при помощи различнаго рода софизмовъ принуждаетъ купца признать рыцарское право на междоусобія, которое, естественно, наносило ударъ всѣмъ городскимъ интересамъ. Кромѣ того, купецъ долженъ выслушивать поученія о томъ, что рыцари—грабители на большихъ дорогахъ — самые безвредные разбойники въ Германіи, гораздо вреднѣе ихъ купцы, еще вреднѣе писатели и юристы, и, наконецъ, самые опасные—это попы. Въ концѣ концовъ всѣ три собесѣдника сходятся на веселой войнѣ противъ поповъ. Зикингенъ заявляетъ, что онъ давно намѣревался помириться съ городами, купецъ утверждаетъ, что города ничего такъ горячо не желаютъ, какъ союза съ дворянствомъ, между тѣмъ какъ Гуттенъ опять очень откровенно заявляетъ о дѣйствительныхъ мотивахъ этого слаженнаго дѣльца въ слѣдующихъ словахъ: „У городовъ въ изобиліи имѣются силы и деньги, такъ что, если дѣло дойдетъ до войны, а это, по моему мнѣнію, должно случиться, то они могутъ явиться нервомъ для ея веденія“. Въ этомъ, въ концѣ концовъ, было мало отраднаго для городовъ, и они остались поэтому глухи, когда Гуттенъ, годъ спустя, находясь во все болѣе возрастающемъ затруднительномъ положеніи, патетически взывалъ: „Вы, благочестивые города! обратите же вниманіе на всю силу нѣмецкаго дворянства, привлеките его къ себѣ, довѣрьтесь ему вполнѣ: пусть я умру, если вамъ придется раскаяться... Только съ помощью такого союза можно, какъ я говорю, помочь себѣ, и нѣтъ иного лекарства, которое излѣчило бы насъ отъ болѣзни“—и т. д.

Энгельсъ уже въ 1850 году показалъ, что въ конечномъ счетѣ препятствовало соглашенію между рыцарями и городами: „Невозможенъ былъ

тотъ союзъ низшаго дворянства съ городами, который въ Англіи привелъ къ превращенію феодально-сословной монархіи въ монархію буржуазно-конституціонную. Въ Германіи сохранилось старинное дворянство, въ Англіи же оно было искоренено войною Розъ — осталось лишь 28 фамилій — и замѣнено новымъ дворянствомъ буржуазнаго происхожденія и съ буржуазными тенденціями; въ Германіи еще существовало крѣпостное право, и дворянство имѣло феодальные источники дохода, въ Англіи крѣпостное право было почти совершенно устранено, и дворянство просто состояло изъ буржуазныхъ землевладѣльцевъ съ буржуазнымъ источникомъ дохода — поземельной рентой". Этимъ также разрѣшаются и соотвѣтствующія ссылки Лассаля на англійское развитіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ феодальнаго источника доходовъ дворянства явствуетъ, что оно должно было враждебно относиться къ борьбѣ крестьянъ за существенное сокращеніе этихъ источниковъ; и это тѣмъ болѣе враждебно, что обираніе и „стрижка" крестьянъ и могли лишь доставить ему тотъ „нервъ", о которомъ говоритъ Гуттенъ.

Какимъ же образомъ Лассаль констатируетъ возможность союза между дворянствомъ и крестьянами? Онъ говоритъ о тысячѣ вещахъ, которыя можно привести въ пользу того, что Зикингенъ могъ бы дѣйствовать совмѣстно съ крестьянами, но, если судить по тѣмъ тремъ, которыя Лассаль дѣйствительно приводитъ, то дѣло съ тысячью вещами обстоитъ весьма слабо. Если Зикингенъ и любитъ называть себя Яномъ Жижкой, то онъ совсѣмъ не думалъ при этомъ о соціально-политической позиціи Жижки, каковой бы она вообще ни была, но о безпощадной войнѣ Жижки съ попами; такъ, при своемъ возвращеніи изъ Трира Зикингенъ, основательно подражая Жижкѣ, и разрушалъ церкви и монастыри. Далѣе, опасеніе князей, что Зикингенъ можетъ заключить союзъ съ простонародіемъ, было ничѣмъ инымъ, какъ подозрительной уловкой его враговъ, что Гуттенъ совершенно вѣрно почувствовалъ. Это нѣсколько похоже на то, какъ теперь феодальная реакція обвиняетъ вульгарный либерализмъ въ томъ, что онъ выкидышъ соціалъ-демократіи; и совершенно подобно тому, какъ вульгарный либерализмъ теперь, такъ Гуттенъ оправдывался тогда тѣмъ, что привлекъ къ себѣ достойныхъ уваженія, честныхъ людей, а не негодную легкомысленную толпу. Наконецъ, что касается Neu Karsthans'а, то безусловно не доказано, что Гуттенъ былъ авторомъ его; самый добросовѣстный издатель гуттеновскихъ произведеній предполагаетъ, что авторъ діалога Эколомпадіусъ и дѣйствительно многое говоритъ за то, что Neu Karsthans представляетъ собой затерявшееся стилистическое упражненіе какого-либо духовнаго лица изъ гуттенъ-зикингеновской среды. Но не въ этомъ дѣло. Что же мы тамъ находимъ? Зикингенъ ни за что не принимаетъ предложеніе крестьянина Карстганса стать начальникомъ надъ нимъ и его товарищами, само собой понятно, противъ поповъ. Онъ отвѣчаетъ, что еще не знаетъ какъ поступить и что до сихъ поръ предостявлялъ это волѣ Божіей. Вообще Зикингенъ относится къ крестьянскому движенію такъ: онъ видитъ приближеніе возстанія простолюдина, но боится его и пытается его предотвратить, потому что большая толпа обыкновенно дѣйствуетъ необдуманно и, придя въ неистовство, бьетъ кого попало, не разбирая невиннаго и виноватаго. Такимъ-то образомъ этотъ рыцарь, который, по своекорыстнымъ мотивамъ и подъ самыми легкомысленными предлогами, ограбилъ столько городовъ и

:тошилъ столько деревень, приглашаетъ угрюмо призывающаго къ хѣ и цѣпу крестьянина терпѣливо ждать и, если дѣло дойдетъ до)ища, то дѣйствовать не изъ своекорыстія, зависти или жажды мести, въ христіанскомъ духѣ, во имя Бога и справедливости. Все это опять-ı до смѣшного напоминаетъ современные примѣры.

Но Лассаль все же хочетъ на основаніи самого дѣла доказать, что)янское и крестьянское движеніе могли бы идти рука объ руку, ибо въ)вѣ ихъ лежалъ одинъ и тотъ же реакціонный принципъ. Несомнѣнно, что -что изъ того, что онъ говоритъ о крестьянской войнѣ, вѣрно, а именно: ıаніе на партикуляристскую обособленность отдѣльныхъ крестьянскихъ ıпъ, отмѣченную также и Энгельсомъ въ его сочиненіи о крестьянской ıѣ. Она представляетъ собой трудно устранимое и до сей поры еще не ıаненное препятствіе для драматической обработки крестьянской войны, ь эстетической точки зрѣнія Лассаль умѣетъ можетъ быть не вполнѣ ƴбдительно, но въ чрезвычайно ловкой формѣ защитить себя отъ упрека въ томъ, что онъ отодвинулъ крестьянское движеніе далеко на задній планъ; онъ не безъ основанія напираетъ на то, что сдѣлалъ для него въ эстетическомъ отношеніи все, что только можно было сдѣлать. Однако его историческое пониманіе все-таки совершенно ложно, когда онъ пытается остричь подъ одну реакціонную скобку дворянское и крестьянское движеніе. Здѣсь Лассаль оказывается еще всецѣло подъ вліяніемъ исторической конструкціи Гегеля, которая объясняетъ историческій ходъ вещей, какъ развитіе идеалогическихъ принциповъ. Съ экономической точки зрѣнія рыцари стали классомъ совершенно излишнимъ для національнаго производства и классомъ, продолжавшимъ существовать лишь какъ паразитъ, присосавшійся къ его рынку; между тѣмъ какъ крестьяне были дѣйствительно производительнымъ классомъ націи и, въ качествѣ таковаго, въ своихъ 12 ти тезисахъ выставили требованія, удовлетвореніе которыхъ могло бы усилить ея производительную силу. Такимъ образомъ, эти требованія не только не были реакціонными, но, наоборотъ, были даже революціонными, хотя и не въ смыслѣ Лассаля, который, какъ извѣстно, опредѣлялъ революцію, какъ замѣну стараго принципа новымъ. По сравненію съ рыцарской програмой, желавшей возстановить исторически пройденную ступень культуры, даже нѣмецкій княжескій деспотизмъ XVI вѣка былъ историческимъ прогрессомъ, но онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ имъ по сравненію съ крестьянской программой. Послѣдняя очень легко могла быть объединена съ программой городовъ и такимъ объединеніемъ могла бы помочь установленію центральной національной власти, которая упразднила бы необходимость въ партикуляристскомъ хозяйствѣ князей, оплаченномъ столько кровью и слезами Германіи. То, что Лассаль неправильно говоритъ о рыцаряхъ, то съ полнымъ правомъ можно сказать о крестьянахъ, именно, что они были брошены городами на произволъ судьбы. Но, разумѣется, въ конечномъ счетѣ побѣда князей объясняется сравнительно низкой ступенью экономическаго развитія, на которомъ стояла Германія во время этого поворотнаго пункта, рѣшавшаго судьбу Европы; она была повинна въ той партикуляристской ограниченности, отъ которой города могли тогда такъ же мало освободиться, какъ и крестьянство.

Въ трагедіи Лассаля и въ его коментаріяхъ къ ней выразился тотъ

остатокъ идеологическаго міровоззрѣнія, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ намѣчаетъ характеръ его позднѣйшей агитаціи среди рабочихъ. Такъ, онъ считалъ юнкера Бисмарка, типичнаго представителя своего класса, какъ и юнкера Зикингена, все-таки способнымъ подняться въ извѣстной степени надъ предразсудками своего класса; точно также онъ не хотѣлъ много знать и о профессіональныхъ союзахъ, которые борятся только съ злоупотребленіями, а не съ самымъ потребленіемъ, и которые не отрицаютъ еще частной собственности въ принципѣ. Нѣсколько иначе объясняются грядущія событія въ его брошюрѣ объ итальянской войнѣ и въ коментаріяхъ къ ней, которыя Лассаль посылалъ Марксу и Энгельсу.

2. Итальянская война.

Буржуазныя легенды о позиціи, занятой Лассалемъ въ европейскомъ кризисѣ 1850 года, не нуждаются болѣе въ настоящее время ни въ какомъ опроверженіи; точно также и утвержденіе, выставленное Либкнехтомъ нѣсколько лѣтъ назадъ, будто Лассаль далъ себя вовлечь въ прогрессивно-демократическій фарватеръ и въ велико-прусскіе наполеоновскіе планы, уничтожается при первомъ знакомствѣ съ брошюрой Лассаля, не говоря уже о его письмахъ къ Марксу и Энгельсу. Болѣе спорнымъ является, повидимому, взглядъ Бернштейна, согласно которому Лассаль въ то время защищалъ мало-германское направленіе.

Въ дѣйствительности же тогдашній обмѣнъ мнѣній между Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ вовсе не касался спора такъ называемыхъ велико-германцевъ и мало-германцевъ. Мало-германцы были дряблые либералы, которые изъ страха передъ рабочимъ классомъ, изъ боязни революціонныхъ потрясеній, связанныхъ съ крушеніемъ полицейскихъ государствъ Австріи и Пруссіи, предпочитали совершенно отказаться отъ нѣмецкихъ провинцій въ Австріи, чтобы въ изуродованной такимъ образомъ Германіи, подъ охраной прусскаго штыка, устроить себѣ уютное буржуазное хозяйство.

Велико-германцы же состояли изъ партикуляристовъ, ультрамонтановъ, доморощенныхъ монархистовъ или даже республиканцевъ, реакціонеровъ всякаго рода, готовыхъ прозябать вѣки вѣчные подъ сѣнью покровительственныхъ привиллегій блистательнаго германскаго союза. Конечно, среди велико-германцевъ были и демократы, какъ напримѣръ: Бюхеръ и Родбертусъ, но и они создали лишь реакціонную утопію германскаго государственнаго устройства, главное достоинство которой заключалось въ томъ, что ей было суждено остаться только на бумагѣ, сами же они затѣмъ во мгновеніе ока стали усерднѣйшими поклонниками мало-германской программы и при этомъ въ томъ ея чрезвычайно скомканномъ видѣ, въ которомъ Бисмаркъ умѣлъ ее практически осуществить.

Конечно, вполнѣ, ясно, что Лассалю, Марксу, Энгельсу и ихъ единомышленникамъ нечего было дѣлать съ этими чисто буржуазными антагонистическими направленіями. Они были единственными велико-германцами въ лучшемъ смыслѣ этого слова и правильно поняли, что объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ государствъ возможно только путемъ нѣмецкой революціи. Лассаль выразилъ эту программу эпиграматически въ слѣдующихъ словахъ:

ікая Германія moins les dynasties. Такимъ образомъ и въ 1859 году цу ними не существовало ни малѣйшаго принципіальнаго разногласія: были солидарны на счетъ исторической необходимости германскаго и ьянскаго единства; они боролись, какъ съ легитимистической контръ-люціей габсбургства, такъ и съ иллегимистической контръ-революціей іпартизма; ихъ рѣшеніе было: извлечь изъ столкновенія этихъ контръ-люціонныхъ силъ всю возможную выгоду для революціи. То, что ихъ ьединяло, это была, по словамъ Маркса, противоположная оцѣнка дѣй-ітельныхъ предпосылокъ, и если Марксъ прибавлялъ къ этому, что іть объ этомъ предоставляется позднѣйшему времени, то теперь, конечно, лѣтъ спустя, наступило это время.

Если сопоставить все то, что въ 1859 году написали эти три чело-а по поводу европейскаго кризиса: брошюру Лассаля, затѣмъ двѣ бро-ы Энгельса (По и Рейнъ; Савойя, Ницца и Рейнъ), наконецъ, полемическое произведеніе Маркса противъ Фогта, то сразу станетъ видно, что Лассаль судилъ съ точки зрѣнія нѣмецкой, Марксъ и Энгельсъ—съ точки зрѣнія европейской революціи. Первый видитъ врага въ Австріи, послѣдніе—въ восточной сосѣдкѣ. Въ сравненіи съ богатымъ историко-политическимъ матеріаломъ объ обще-европейскомъ положеніи дѣлъ, который Марксъ и Энгельсъ сумѣли изложить съ увлекательной силой на немногихъ листахъ, — брошюра Лассаля кажется почти скудной по содержанію. Исходя изъ одной опредѣленной точки зрѣнія, она преслѣдуетъ опредѣленную цѣль при помощи блестящей, хотя и не всегда безупречной, діалектики — при помощи краснорѣчія, которое не всегда убѣждаетъ читателя, но иногда его уговариваетъ, не всегда облегчаетъ ему путь, но порой переноситъ черезъ препятствія. Но при всемъ томъ: какая же изъ обѣихъ сторонъ ошиблась въ своихъ фактическихъ предпосылкахъ?

Беря въ свои руки борьбу за независимость итальянской націи, съ цѣлью поддержанія своей колеблющейся власти, Бонапартъ опирался на союзъ съ царемъ. У русскаго канцлера Горчакова вырвалось признаніе, что онъ взялъ на себя „письменныя обязательства“ по отношенію къ Бонапарту, и въ этихъ сдѣлкахъ Маркъ и Энгельсъ увидѣли опасность, съ которой необходимо было бороться не на животъ, а на смерть. Въ бонапартистскомъ освобожденіи Италіи Марксъ видѣлъ лишь предлогъ для того, чтобы держать Францію подъ ярмомъ, чтобы подвергнуть Италію государственному перевороту, чтобы перенести „естественную границу“ Франціи въ Германію и превратить Австрію въ орудіе Россіи. Энгельсъ же думалъ, что По является для Бонапарта лишь предлогомъ, — Рейнъ безусловно-конечной цѣлью. Оба были того мнѣнія, что ближайшей цѣлью бонапартистско-царской коалиціи является уничтоженіе Австріи. Если Австрія заключитъ миръ при Минчіо, то она потеряетъ Ломбардію и, изолированная отъ Англіи и Пруссіи, легко можетъ вступить въ русско-французскій союзъ, дальнѣйшія цѣли котораго (раздѣлъ Турціи, уступка лѣваго берега Рейна Франціи) уже можно было бы преслѣдовать инымъ путемъ. Если же Австрія будетъ продолжать воевать и на ея сторону станетъ германскій союзъ, то Россія вмѣшается активно въ войну, Франція получитъ лѣвый берегъ Рейна, а у Россіи будутъ развязаны руки въ Турціи.

Передъ лицомъ этой европейской опасности всѣ другія соображенія

должны были бы отступить на заднiй планъ—таково было мнѣнiе Маркса и Энгельса. Борьба за независимость Италiи была бы лишь искажена бонапартистскимъ вмѣшательствомъ,—она имѣла бы гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, если бы развивалась въ связи съ европейской революцiей противъ угрожающихъ насильственныхъ переворотовъ со стороны контръ-революцiи. Менѣе всего, конечно, Марксъ и Энгельсъ придавали значенiе чужеземному владычеству Габсбурговъ въ Италiи. Энгельсъ написалъ свою первую брошюру съ цѣлью выясненiя этого пункта, чтобы съ военно-научной точки зрѣнiя доказать, что Германiя не нуждается для своей защиты ни въ какой части Италiи, и что Францiя, если принять во вниманiе исключительно военныя соображенiя, имѣетъ во всякомъ случаѣ несравненно большiя притязанiя на Рейнъ, нежели Германiя—на Минчiо. Но по отношенiю къ бонапартистско-царской коалицiи Австрiя является „однимъ изъ нашихъ“; „если на насъ нападутъ, то мы будемъ обороняться и защищать въ такомъ случаѣ всякую военную позицiю, какой мы обладаемъ“.

Никогда еще съ нѣмецкой нацiей не говорили такимъ языкомъ, какъ въ русской нотѣ, съ которой Горчаковъ весной 1859-го года обратился къ среднимъ и мелкимъ государствамъ Германiи. Нѣмцы, надо надѣяться, никогда не забудутъ того, что Россiя хотѣла запретить имъ прiйти на помощь подвергающемуся нападенiю нѣмецкому государству. Никогда не было болѣе подходящаго для русской политики человѣка, чѣмъ Бонапартъ: французскiй монархъ, который долженъ вести войну исключительно, чтобы имѣть возможность удержаться и который въ этой войнѣ принужденъ полагаться на помощь Россiи. Начиная со свиданiя въ Штуттгартѣ (гдѣ въ 1857-мъ году произошла встрѣча Бонапарта съ царемъ) всѣ руководящiя нити французской политики слѣдуетъ искать не въ Парижѣ, не въ головѣ Луи Наполеона, а въ Петербургѣ, въ кабинетѣ князя Горчакова. „Полный искусственности человѣкъ“, внушавшiй благоговѣйный трепетъ нѣмецкому филистеру, превратился въ игрушку русской дипломатiи; она предоставляла ему весь блескъ призрачнаго величiя, сама довольствуясь дѣйствительными выгодами. „Должны ли мы себѣ позволять и впредь, чтобы съ нами играли такую игру? Должны ли мы, сорока пяти миллiонный народъ, далѣе терпѣть, чтобы одна изъ нашихъ самыхъ прекрасныхъ, богатыхъ и промышленныхъ провинцiй постоянно служила приманкой, которой Россiя дразнитъ преторiанскую власть во Францiи? Развѣ у Рейнской провинцiи нѣтъ иного назначенiя, какъ служить ареной военныхъ дѣйствiй, чтобы Россiя могла свободно распоряжаться на Дунаѣ и Вислѣ. Вотъ въ чемъ вопросъ. Мы надѣемся, что Германiя скоро отвѣтитъ на него мечемъ. Если мы будемъ держаться дружно, то мы ужъ укажемъ дорогу французскимъ преторiанцамъ и русскимъ „капустникамъ“. Такъ писалъ Энгельсъ и въ своей второй брошюрѣ, появившейся въ 60-мъ году.

Въ этой брошюрѣ Энгельсъ бросаетъ также взглядъ на нѣмецкое движенiе весной 1859-го года. Онъ говоритъ о немъ: „Оно было дѣйствительно нацiональнымъ, гораздо болѣе нацiональнымъ, нежели всѣ Шиллеровскiе торжества отъ Архангельска до Санъ-Франциско; оно возникло естественно, инстинктивно, непосредственно. Имѣетъ ли Австрiя права въ Италiи или нѣтъ, имѣетъ ли Италiя притязанiе на независимость, необходима ли линiя Минчiо или нѣтъ—все это было ему вначалѣ безразлично. Одинъ изъ насъ

подвергся нападенію и именно со стороны третьяго, которому до Италіи дѣла нѣтъ и который тѣмъ болѣе заинтересованъ въ завоеваніи лѣваго берега Рейна—и противъ него—противъ Людовика Наполеона, противъ традицій первой французской имперіи—мы всѣ должны были бы выступить. Народный инстинктъ это чувствовалъ и былъ правъ". Въ этомъ Марксъ и Энгельсъ увидѣли, что поднимается могучее національное движеніе противъ бонапартистско-царской коалиціи, и на это движеніе они возлагали тѣмъ больше надеждъ, чѣмъ болѣе они думали, что нѣмецкіе князья и, прежде всего, прусскій принцъ-регентъ не будутъ имѣть силы или воли выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ вожделѣній Бонапарта и русскаго правительства. Если бы нѣмецкіе князья дѣйствительно дали себя такимъ образомъ оболванить и французы тогда стояли бы передъ Кельномъ, а русскіе—передъ Кенигсбергомъ, то этимъ было бы создано такое положеніе вещей, развитіе котораго должно было вложить мечъ въ руки самой рѣшительной и революціонной партіи.

Столько—относительно взглядовъ Маркса и Энгельса весной 59-го года на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Я нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ по той причинѣ, что ихъ произведенія того времени стали большой рѣдкостью и новаго изданія не предвидится. Болѣе кратко я могу остановиться на взглядѣ Лассаля, который съ достаточной отчетливостью выдается изъ его писемъ къ Марксу и Энгельсу. Нужны лишь немногія дополненія изъ его брошюры, имѣющейся къ тому же еще въ продажѣ. О Россіи Лассаль говоритъ только два раза мимоходомъ. Въ одномъ случаѣ онъ говоритъ: „Русская конвенція съ Наполеномъ по самой своей природѣ не можетъ заключать въ себѣ ничего другого, кромѣ условнаго обѣщанія выступить противъ Германіи *въ томъ случаѣ, если* германскій союзъ придетъ на помощь Австріи въ итальянской войнѣ". — И въ другой разъ: „Мы не думаемъ, что бы Россія такъ легко стала поддерживать Бонапарта въ наступательной и завоевательной войнѣ противъ Германіи и чтобы у нея было къ этому основаніе. И если бы даже это было такъ, то, признаться, намъ нечего было бы опасаться наступательныхъ силъ Россіи. Впрочемъ, русское наступленіе можно было бы сломить однимъ ударомъ: копируя и распространяя наполеоновско-итальянскіе манифесты—въ Польшѣ". Бонапартъ же по своему историческому положенію не можетъ разсчитывать на завоеваніе лѣваго берега Рейна, точно также на пріобрѣтенія въ Италіи; если бы когда-либо ему и пришло въ голову столь нелѣпое и для него, собственно говоря, совершенно невыполнимое намѣреніе, то всегда будетъ еще время выступить противъ него въ союзѣ съ французской и итальянской демократіей. Но нападать на него за то, что онъ желаетъ, хотя бы изъ самыхъ своекорыстныхъ побужденій, поддержать правое дѣло итальянской революціи—было бы ошибкой; кто станетъ мѣшать хорошему дѣлу только потому, что его поддерживаетъ дурной человѣкъ! У нѣмцевъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса ограждать Австрію отъ нанесенія ей вреда, такъ какъ, скорѣе, совершенное раздробленіе Австріи является непремѣннымъ предварительнымъ условіемъ созданія германскаго единства. Національное движеніе среди нѣмецкаго народа имѣется, конечно, на лицо и должно быть использовано въ цѣляхъ революціи, но въ такомъ случаѣ необходимо было бы освободить его отъ всякихъ туманностей и противорѣчій и именно уничтожить все растущій потокъ реакціоннаго французоѣд-

ства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что прусскій принцъ-регентъ готовится обнажить мечъ за австрійское чужеземное владычество въ Италіи; нѣмецкая народная война противъ Франціи, которая въ дѣйствительности велась бы съ династическими и контръ-революціонными цѣлями, была бы самой громадной и чреватой послѣдствіями побѣдой реакціоннаго принципа послѣ марта 48-го года. Не препятствовать войнѣ правительствъ, но лишать ея популярности, выяснять національному движенію ихъ крайне реакціонныя цѣли настолько, чтобы оно сумѣло изъ неизбѣжныхъ столкновеній извлечь революціонный капиталъ—въ этомъ заключалась, по мнѣнію Лассаля, демократическая задача весной 1859-го года.

Итакъ, противорѣчіе сводилось по существу къ слѣдующимъ фактическимъ вопросамъ: Существовалъ ли бонапартистско-царскій союзъ, конечной цѣлью котораго было завоеваніе Константинополя и Рейна? Поднималось ли противъ него могущественное національное движеніе въ Германіи? И, наконецъ, были ли готовы правительства къ войнѣ, а если да, то къ какой?

То обстоятельство, что союзъ между кабинетами Парижа и Петербурга оффиціально опровергался той и другой стороной, конечно, ничего не доказывало. Союзъ все же могъ существовать и дѣйствительно существовалъ. Но въ какихъ предѣлахъ? Марксъ и Энгельсъ опирались въ своихъ взглядахъ прежде всего на извѣстныхъ разоблаченіяхъ Мадзини, которыя отчасти поразительнымъ образомъ подтвердились; но именно о русской сторонѣ этого дѣла Мадзини по самому существу положенія вещей не былъ хорошо освѣдомленъ. Взгляды же Лассаля нѣсколько недѣль спустя послѣ ихъ опубликованія были подтверждены извѣстнымъ историкомъ Бернарди, полу-русскимъ, полу-нѣмцемъ по происхожденію, который былъ тогда, пожалуй, самымъ основательнымъ знатокомъ русскихъ дѣлъ въ Германіи и который имѣлъ самыя тѣсныя связи съ петербургскимъ обществомъ. Онъ писалъ: „Союза въ собственномъ смыслѣ заключено не было; правительства ограничились обмѣномъ письменныхъ заявленій въ Штуттгартѣ, которыя обѣ стороны признали обязательными. Въ нихъ Франція обязывалась предоставить русскому двору право распоряжаться въ дунайскихъ княжествахъ, поддерживать въ нихъ его планы, а именно принятое тамъ избраніе общаго господаря для Молдавіи и Валахіи и т. д.,—за это Россія приняла на себя обязательство насколько возможно изолировать Австрію въ предстоящей войнѣ. Съ каковой цѣлью она удерживаетъ отъ дѣйствительнаго участія въ войнѣ всякое государство, входящее въ южно-германскій союзъ, путемъ увѣщаній, демонстрацій и угрозъ, что они могутъ такимъ образомъ потерять дружбу съ Россіей. Русское правительство не обѣщало ничего, кромѣ увѣщаній и демонстрацій; положеніе самого государства было въ то время таково, что не могло располагать къ умышленному вовлеченію себя въ европейскую войну, послѣдствія которой нельзя было предусмотрѣть". Таковъ былъ взглядъ Бернарди, и историческій ходъ событій вполнѣ подтвердилъ сообщенія этого хорошо освѣдомленнаго человѣка.

Въ 59-мъ году русская дипломатія поддержала итальянскую политику Бонапарта лишь нѣсколькими дипломатическими и военными демонстраціями, изъ нихъ самой выдающейся была упомянутая Энгельсомъ нота къ среднимъ и мелкимъ государствамъ Германіи. Можно держаться вообще какого

угодно мнѣнія относительно этой ноты, но все же она обнаруживаетъ нежеланіе Россіи никакой дѣйствительной войны. Въ ней доказывалось, что войну начала Австрія, это было фактически невѣрно, но формально во всякомъ случаѣ вѣрно. Россія хотѣла бы все-таки остаться въ сторонѣ отъ этихъ осложненій, если германскій союзъ не измѣнитъ того положенія, которое предписано ему договорами. Согласно 46-ой статьѣ договорнаго Союзнаго акта,—которая въ свое время была принята по настоятельному требованію среднихъ государствъ Германіи и гласила, что всякая наступательная война, которую союзное государство начинаетъ съ не-германскими владѣніями, какъ европейская держава, должна остаться „совершенно посторонней для Союза", — нападеніе Австріи на Францію и Сардинію ничуть не касается союза. Если же вопреки этому нѣмецкія правительства приняли бы участіе въ борьбѣ, ставъ на сторону Австріи, то Россія не могла бы смотрѣть на это равнодушно. Франція не угрожаетъ Германіи, Франція дала самыя убѣдительныя обѣщанія въ томъ, что она не имѣетъ никакихъ намѣреній нападать на Германію. Россіи придется сообразовать свое поведеніе съ могущими быть активными дѣйствіями нѣмецкихъ правительствъ. Этотъ тонъ русскаго кабинета несомнѣнно указывалъ, что не было особаго желанія вести войну, а въ Берлинъ, гдѣ она кромѣ того могла бы имѣть неудобныя послѣдствія, эта нота и вовсе не была послана. Затѣмъ, какъ только прусскій принцъ-регентъ рѣшился на войну, во французской главной квартирѣ появился генералъ-адъютантъ царя, чтобы оказать давленіе въ пользу заключенія мира, но, согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, Бонапартъ уже по собственному побужденію протянулъ руку мира врагу, побѣжденному въ двухъ большихъ сраженіяхъ. Бернарди совершенно справедливо указываетъ на то, чѣмъ объясняется сдержанная политика Россіи: русская дипломатія не могла замышлять міровой войны такъ скоро послѣ губительныхъ ударовъ крымской войны, въ разгаръ соціальнаго броженія передъ освобожденіемъ крестьянъ и наканунѣ великаго польскаго возстанія.

Было ли, далѣе, національное движеніе въ Германіи такимъ яснымъ, такимъ естественнымъ, такимъ самобытнымъ, какъ то думали Марксъ и Энгельсъ? И на этотъ вопросъ на основаніи имѣющихся данныхъ приходится отвѣтить отрицательно. Очень можетъ быть, что Лассаль придавалъ иногда слишкомъ большое значеніе разглагольствованіямъ нынѣ давно забытаго злободневнаго публициста Дицеля по поводу прогнившаго романизма; и въ своей „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ" онъ оказываетъ имъ слишкомъ большую честь, неоднократно оспаривая ихъ. Ни отъ кого, кто задался цѣлью познакомиться съ политической литературой 59-го года, не ускользнетъ то обстоятельство, что тогдашнее „французоѣдство" въ крайнемъ случаѣ лишь на половину было направлено противъ разъѣдающаго яда и грязи бонапартизма, добрая же половина его вела свое начало отъ ненависти крестоваго рыцарства къ французамъ во имя Бога, короля и отечества. Какая пестрая смѣсь чувствъ и настроеній господствуетъ въ руководящихъ статьяхъ „Volkszeitung", бывшей тогда все же самымъ радикальнымъ органомъ Германіи! Та самая русская нота, которая, по словамъ Энгельса, говорила съ нѣмцами неслыханнымъ для нихъ дотолѣ языкомъ, была сообщена въ этой газетѣ, какъ нѣчто само собою понятное; ни однимъ звукомъ не

было выражено изумленія, не говоря уже о негодованіи. Практическія пораженія тогдашняго національнаго движенія лучше всего свидѣтельствуютъ противъ его ясности и силы. Мало-германскій національный союзъ съ одной стороны, и велико-германскій союзъ реформъ съ другой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ осыпали другъ друга самыми ужасными проклятіями, чтобы затѣмъ на общемъ поклоненіи комичной фигурѣ Аугустенбургера признать себя противоположными полюсами одной и той же путаницы.

Остается еще вопросъ: намѣревался ли прусскій принцъ-регентъ обнажить мечъ въ пользу австрійскаго иностраннаго владычества? Если Лассаль въ серединѣ іюня писалъ Марксу, что всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ изъ достовѣрнаго источника, сходятся между собой въ томъ, что принцъ готовъ вступиться за Австрію, а Бернштейнъ по этому поводу замѣчаетъ, что Лассаль, повидимому, былъ жестоко мистифицированъ своимъ „хорошимъ источникомъ“, — то вѣрнѣе будетъ сказать, что Лассаль былъ попросту снова слишкомъ „кабинетно“ освѣдомленъ. Какъ можно видѣть у Зибеля, прусская нота, на которую ссылается Лассаль въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ къ Марксу и Энгельсу, хотя еще и не была передана 14-го іюня графу Рехбергу именно въ указанномъ Лассалемъ видѣ — этого не было сдѣлано, чтобы оставить возможность для еще послѣдней попытки посредничества, — но она уже была прочтена. Въ этой нотѣ Пруссія объявляла о своемъ намѣреніи „прибѣгнуть къ вооруженному посредничеству въ цѣляхъ сохраненія существующаго территоріальнаго владѣнія и, соотвѣтственно успѣху этого посредничества, дѣйствовать далѣе такъ, какъ того требуютъ ея обязанности въ качествѣ великой европейской державы и высокое призваніе Германіи“ Въ тотъ же самый день принцъ-регентъ объявилъ мобилизацію 6-ти армейскихъ корпусовъ, т. е. 180.000 человѣкъ, и внесъ предложеніе въ Союзный совѣтъ сформировать обсерваціонный корпусъ въ 60.000 человѣкъ изъ обоихъ южно-германскихъ армейскихъ корпусувъ. 24-го іюня онъ отправилъ депешу въ Лондонъ и Петербургъ, въ которой заявилъ о началѣ своего вооруженнаго посредничества на указанномъ основаніи; одновременно съ этимъ онъ объявилъ мобилизацію всей прусской арміи и внесъ предложеніе въ Союзный совѣтъ стянуть оба сѣверо-германскіе союзные корпуса.

Именно эти мѣры со стороны Пруссіи и вызвали стремленіе къ миру въ груди бонапартизма и русской бюрократіи, между тѣмъ какъ Австрія была приручена прусскимъ предложеніемъ въ Союзномъ совѣтѣ—поставить всѣ союзныя войска подъ главно-командованіе Пруссіи. Но при всемъ томъ политика, которую велъ принцъ-регентъ, была половинчатой и нерѣшительной, и за это онъ былъ въ должной степени наказанъ тѣмъ, что съ большимъ апломбомъ усѣлся межъ двухъ стульевъ. Нельзя, однако, понять, какъ можно было сомнѣваться въ серьезности рѣшенія принца-регента съ мечемъ въ рукѣ выступить за австрійское чужеземное господство въ Италіи. Это рѣшеніе, въ связи съ намѣреніемъ такимъ путемъ свергнуть одновременно и австрійское господство въ Германіи, какъ разъ и было вѣнцомъ его половинчатой и нерѣшительной политики.

Итакъ, сужденіе Лассаля о фактическихъ условіяхъ, при которыхъ въ 1859-мъ году можно было вести революціонную политику въ Германіи, было совершенно правильно. О томъ, что вышло бы, если бы подъ династическимъ

контръ-революціоннымъ знаменемъ, выставленнымъ принцемъ-регентомъ, эзгорѣлась война между Франціей и Германіей, можно приблизительно /дить по пагубнымъ для европейской цивилизаціи послѣдствіямъ, къ котоымъ послѣ Седана привела война съ Франціей, война, которая велась подъ аціональнымъ знаменемъ, но во имя династическихъ и контръ-революціонныхъ ѣлей. Говоримъ приблизительно, ибо эти послѣдствія были бы въ то время)раздо болѣе пагубны. Противъ брошюры Лассаля объ итальянской войнѣ ожно кое-что возразить: слишкомъ большое пренебреженіе къ опасностямъ, грожавшимъ со стороны бонапартизма и царизма, сравнительно слишкомъ зердное сгущеніе красокъ въ вопросѣ о габсбургскомъ деспотизмѣ, о энятіи австрійскаго государства, и даже легкій налетъ нѣмецкой ограниэнности, вызванной тѣмъ, что Лассаль ограничивался лишь нѣмецкими ѣлами, — но Лассаль все же умѣлъ безошибочно отличать точки опоры, а которыхъ можно было утвердить рычаги революціоннаго движенія на)гдашней ступени развитія Германіи.

Въ этомъ заключается центральный пунктъ общности между его политикой 59-го и 63-го гг., съ тою лишь разницей, что въ 63-мъ году онъ дѣйствительно имѣлъ возможность утвердить рычагъ, чему въ 59-мъ году помѣшалъ ему ходъ событій. И благодаря этому онъ пріобрѣлъ себѣ историческое положеніе не въ зависимости отъ Маркса и Энгельса, а на ряду съ ними.

* *
*

Теперь мы переходимъ къ отдѣльнымъ письмамъ 59-го года, поскольку въ нихъ осталось разъяснить нѣкоторыя частности. Описаніе „телячьяго восторга буржуазіи“, которое даетъ Лассаль въ 38-мъ письмѣ, болѣе чѣмъ вѣрно и тогдашняя позиція „Volkszeitung“ вполнѣ соотвѣтствовала описанію Лассаля. Отсюда вытекаетъ то, что съ одной стороны Лассаль никогда не думалъ политически сближаться съ этимъ обществомъ и добиваться ради удовлетворенія своего личнаго честолюбія прогрессивнаго мандата въ палатѣ, какъ это ему часто приписывали, съ другой стороны и то, что онъ не преждевременно, въ чемъ его не менѣе часто упрекаютъ, изрекъ окончательный приговоръ надъ этимъ обществомъ, но лишь тогда, когда послѣ долгаго ожиданія угасла послѣдняя надежда на то, что можно побудить этихъ людей къ рѣшительной политикѣ. Его отношеніе къ выборамъ въ прусскій ландтагъ соотвѣтствовало условіямъ того времени, когда дѣло шло о томъ, должны ли быть произведены выборы на основѣ трехстепенной подачи голосовъ подъ условіемъ мнимо временнаго, но фактически окончательнаго, отказа отъ всеобщаго избирательнаго права, какъ того требовали „Volkszeitung“ и даже Іоганнъ Якоби. О томъ, что Лассаль принципіально не отказывался отъ тактическаго использованія, смотря по обстоятельствамъ, противозаконной избирательной системы, свидѣтельствуютъ его рѣчь передъ судомъ присяжныхъ въ 49-мъ г. и его рѣчь во время смотра рабочей арміи въ 63-мъ году.

Письмо 39-ое касается брошюры Энгельса: „По и Рейнъ“. Въ дѣйствительности брошюра была напечатана всего въ 1.000 экз., какъ это видно изъ одного письма Дункера къ Энгельсу. Она привлекла къ себѣ большое вниманіе и была принята за трудъ высокопоставленнаго военнаго.

Въ письмѣ 43-мъ Лассаль пытается установить новую связь между

своимъ кузеномъ Фридлендеромъ и Марксомъ. Судя по бѣглымъ указаніямъ въ письмахъ 34-мъ и 35-мъ, на этотъ разъ инициатива исходила отъ Маркса. Въ „Neue Oderzeitung“ Марксъ встрѣтилъ въ высшей степени лояльный пріемъ и въ силу этого у него составилось о Фридлендерѣ благопріятное мнѣніе, которое тотъ, повидимому, вызвалъ и въ Лассалѣ своимъ симпатичнымъ и радикальнымъ выступленіемъ. „Берлинская сплетня“, которую Лассаль передаетъ въ своемъ письмѣ, могла имѣть мѣсто. Эксплуатація Гейдтомъ государственныхъ дѣлъ ради своихъ частныхъ буржуазныхъ цѣлей — фактъ извѣстный; благочестивые герои контръ-революціи этимъ очень прославились, и особенно Мантейфель. Дебаты въ палатѣ господъ по поводу дѣлъ государственнаго казначейства происходили 12-го марта. Это было форменнымъ выступленіемъ восточно-эльбскаго дворянства противъ министерства новой эры, именно противъ особенно ненавистнаго имъ министра финансовъ фонъ-Патова. Согласно указу кабинета отъ 20-го года всѣ излишки бюджета должны были поступать въ государственное казначейство. Но вотъ Патовъ занесъ въ государственную роспись остатки 56-го и 57-го гг. на другія цѣли и дворянство, утверждая, что кабинетскій указъ 20-го года обладаетъ силой закона, обвинило правительство въ противозаконномъ распоряженіи государственными деньгами и 89-ью голосами противъ 37-ми вотировало ему форменное недовѣріе. При этомъ Шталь утверждалъ, что политико-экономическое оплодотвореніе государственнаго казначейства—порожденіе дьявола, то бишь революціи; всѣ противники революціи безусловно должны крѣпко держаться старо-прусскаго государственнаго казначейства, осужденнаго какъ извѣстно уже за 80 лѣтъ до того Адамомъ Смитомъ, который считалъ его реакціонной аномаліей. Но за „телячьимъ восторгомъ буржуазіи“ скрывалось такъ мало политической энергіи, что вызывающее поведеніе „крестоносцевъ“ сошло имъ безнаказано.

Раздраженіе, съ которымъ Лассаль отзывается въ 45-мъ письмѣ о своемъ кузенѣ Фридлендерѣ, становится понятнымъ изъ имѣющагося въ моемъ распоряженіи письма, съ которымъ Фридлендеръ 12-го апрѣля обратился къ Марксу. Въ немъ онъ отрицаетъ всѣ условія договора съ Лассалемъ, сильно понижаетъ гонораръ за корреспонденціи и телеграммы, желаетъ получать всего одно письмо еженедѣльно и въ концѣ концовъ увѣнчиваетъ свое противное пониженіе платы высокомѣрнымъ напоминаніемъ о томъ, что Марксъ ни одной минуты не долженъ забывать обязанности придерживаться „крайне-умѣренныхъ выраженій“, такъ какъ, хотя „Presse“ и либеральный органъ, но лишь постольку, „поскольку это разрѣшено въ Австріи“. На это Марксъ, конечно, согласиться не могъ и вполнѣ понятно, что обманутый Лассаль разражается по адресу своего „честнаго“ кузена довольно непарламентарными выраженіями, которые не могутъ быть напечатаны собственно только изъ формальныхъ соображеній. Ибо заслужилъ ихъ Фридлендеръ во всѣхъ отношеніяхъ: впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пособниковъ развращенія вѣнской печати.

Въ письмѣ 46-мъ почти исключительно разбирается трагедія Лассаля; только въ концѣ его упоминается брошюра объ итальянской войнѣ и о высказанномъ Энгельсомъ мнѣніи относительно поляковъ и венгровъ; здѣсь нужно точнѣе прослѣдить общій тонъ письма. Если Лассаль и соглашался

ъ Энгельсомъ, что прусскую Польшу слѣдуетъ считать онѣмеченной и, лѣдовательно, какъ таковую удержать за собой, то рѣшеніе вопроса о омъ, насколько поляки дѣйствительно онѣмечены и стало быть ассимированы съ нѣмецкой націей онъ, подобно Марксу и Энгельсу, всегда тавилъ въ зависимость отъ спеціальнаго фактическаго изслѣдованія; такъ ще и въ своей польской резолюціи 63-го года. Но Энгельсъ никоимъ бразомъ не могъ думать, что Венгрія должна войти въ составъ нѣмецкаго владычества;—уже неудачная форма выраженія указываетъ на неправильное толкованіе. Марксъ формулировалъ общій имъ всѣмъ взглядъ, казавъ на слѣдующее: они еще до 1848 го года были согласны въ омъ, что независимость Польши, Венгріи и Италіи—не только право тихъ странъ, но также необходима въ интересахъ Германіи и Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они считали „правильнымъ и прекраснымъ" то, что Венгрія въ своемъ положеніи по отношенію къ грубому славянизму должна опираться только на Германію и нѣмецкую помощь.

Въ припискѣ къ 46-му письму Лассаль говоритъ о тѣхъ горькихъ упрекахъ, которые Марксъ дѣлалъ Дункеру за то, что послѣдній будто бы затянулъ печатаніе экономическихъ произведеній Маркса. Я говорю: будто бы, потому что въ одномъ письмѣ къ Марксу Дункеръ оправдывается, объясняя замедленіе печатанія тѣмъ, что брошюрамъ Энгельса и Лассаля должно было быть оказано предпочтеніе въ виду того, что они затрагиваютъ вопросы дня. Въ этомъ дѣлѣ Марксъ былъ, конечно, неправъ, но кому приходилось быть въ аналогичномъ положеніи, тотъ отнесется къ этой несправедливости не безъ симпатичнаго чувства. Если въ теченіе многихъ лѣтъ работаешь надъ тяжелымъ литературнымъ трудомъ, то горишь нетерпѣніемъ видѣть этотъ трудъ напечатаннымъ. Послѣ заключенія контракта съ издателемъ Марксъ заставилъ его 10 мѣсяцевъ ждать рукописи, а самъ уже послѣ 4-хъ мѣсячнаго ожиданія бранится и упрекаетъ въ „систематическомъ замедленіи печатанія"; въ нѣжныхъ отношеніяхъ между писателемъ и издателемъ и послѣднему перепадаетъ частица горечи.

Въ 47-мъ письмѣ Лассаль принимаетъ сторону Дункера, насколько этого требовала справедливость. То, что онъ говоритъ о Фогтѣ и Кинкелѣ, гораздо лучше разъясняется въ письмахъ слѣдующаго года. Заявленія Union républicaine я не имѣлъ возможности отыскать, о содержаніи его можно составить заключеніе по общему смыслу соотвѣтствующаго мѣста письма; вѣроятно оно разоблачало передъ французскими рабочими предполагаемыя притязанія Бонапарта на завоеваніе Рейна. Извѣстное противорѣчіе во взглядахъ Лассаля вытекаетъ повидимому изъ того, что въ этомъ письмѣ онъ видитъ въ непопулярной войнѣ противъ Франціи громадное счастье для революціи, между тѣмъ какъ въ 45-мъ письмѣ онъ говоритъ, что значительно менѣе (болѣе) войны опасается ея популярности, слѣдовательно, онъ все еще боится войны. Однако, здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительномъ противорѣчіи, но о болѣе рѣзкомъ и точномъ выраженіи той мысли, которую Лассаль набрасываетъ впервые въ 45-мъ письмѣ настолько бѣгло, что даетъ ей даже формально невѣрную формулировку. Лассаль, какъ я уже упоминалъ, пожалуй, слишкомъ трагически относился къ вліянію Дицелевской теоріи на общественное мнѣніе Германіи: французоѣдство, въ то время широко распространенное среди буржуазныхъ либераловъ и демо-

кратовъ, имѣло гораздо болѣе сильное основаніе въ томъ, что нѣмецкая буржуазія послѣ іюньскихъ дней 48-го года въ Парижѣ напала на благоразумную мысль подражать лучше примѣру Англіи, гдѣ буржуазія оказалась у кормила правленія, благодаря повидимому лишь парламентской болтовнѣ и при этомъ успѣшно тащила рабочихъ за собой на буксирѣ. Бернштейнъ былъ во всякомъ случаѣ главнымъ представителемъ этого противорѣчащаго здравому смыслу и несомнѣнно ультра-реакціоннаго по своимъ разслабляющимъ послѣдствіямъ взгляда.

Дата письма 47-го выясняется изъ переписки: мобилизація 6-ти прусскихъ армейскихъ корпусовъ была произведена 14-го іюня. Если Лассаль считалъ возможнымъ связать эту мѣру съ тѣмъ фактомъ, что одновременно съ этимъ австрійцы покинули Анкону и Болонью, то онъ исходилъ при этомъ изъ того мнѣнія, что, если принцъ-регентъ и горячо стоялъ за австрійское владычество въ Ломбардіи и Венеціи, онъ однако иначе относился къ гегемоніи Австріи надъ церковнымъ государствомъ и мелкими деспотами средней Италіи. Эта гегемонія вѣдь сильно напоминала о столь неудобной для прусскихъ завоевательныхъ аппетитовъ гегемоніи Австріи надъ средними и мелкими государствами Германіи. Своей хитроумной политикой принцъ-регентъ достигъ, конечно, обратной цѣли: на основаніи мира, заключеннаго въ Виллафранкѣ, Австрія пожертвовала значительной частью своихъ собственныхъ владѣній въ Италіи, но спасла своимъ средне-итальянскимъ сатрапамъ ихъ маленькіе троны, которые затѣмъ, правда, къ великому прискорбію принца-регента, были разбиты въ дребезги бунтовщиками „подданными“.

Различіе во взглядахъ, возникшее между Лассалемъ и Марксомъ по поводу итальянской войны, стало 11-го іюля практически безпочвеннымъ, благодаря миру въ Виллафранкѣ; но Лассаль неоднократно требуетъ сообщенія тѣхъ непонятныхъ ему основаній, на которыхъ Марксъ строитъ свою тактику. Лассаль получилъ такъ усердно просимое разъясненіе лишь 22-го ноября. Если Лассаль въ 50-мъ письмѣ нѣсколько раздраженно жалуется на то, что Марксъ не отвѣтилъ ему на два нужныхъ письма, и подобныя жалобы все чаще и чаще повторяются въ его письмахъ къ Марксу, то, пожалуй, нелишнее будетъ замѣтить, что изъ этого нельзя вывести какихъ-либо заключеній объ отношеніи Маркса къ Лассалю. Марксъ былъ вообще неисправнымъ корреспондентомъ, на что жалуются всѣ бывшіе съ нимъ въ перепискѣ, да и гдѣ же было ему, днемъ и ночью заваленному работой, взять время для писанія писемъ? Въ этомъ отношеніи Лассаль находился въ несравненно лучшихъ условіяхъ и онъ не скупился на письма къ Марксу, поступая совершенно обратно поставленному имъ Софьѣ Солнцевой требованію, согласно которому онъ считалъ себя обязаннымъ отвѣчать всего одинъ разъ на каждыя два письма. Еще въ одномъ отношеніи обнаруживается замѣчательное различіе между обѣими переписками. Въ то время, какъ Лассаль пишетъ своей русской возлюбленной, что самымъ недостойнымъ, роковымъ, противоестественнымъ нужно считать умственный трудъ ради заработка, въ письмахъ къ Марксу онъ находитъ, что честный гонораръ не позоритъ честнаго умственнаго труда и изо всѣхъ силъ старается раздобыть своему другу наиболѣе благопріятныя условія

ıара. Тамъ, гдѣ Лассаль иаходится въ соприкосновенiи съ Марксомъ, всегда его натура проявляется во всей ея чистотѣ.

'ри послѣднихъ письма того же года очень быстро слѣдуютъ одно за ıмъ. Письмо 51-ое помѣчено 11-мъ ноября, за нимъ должно слѣ-ъ 52-ое, какъ-то вытекаетъ изъ его содержанiя. „Кантата“ Фрейли- къ „празднеству“, это—прекрасная „торжественная пѣснь нѣмцевъ ондонѣ“, которая была исполнена, въ композицiи Эрнста Пауэра, голѣтнiй юбилей Шиллера пятью нѣмецкими пѣвческими обществами рустальномъ дворцѣ въ Сиденгамѣ. Ровно за годъ до того Фрейли- написалъ свое чудное стихотворенiе на похороны Iоганна Кинкеля, 5а поэта никогда не любили другъ друга; грубовато-откровенному ому Фрейлиграту былъ не по душѣ напыщенный салонный левъ. -то разъ онъ сказалъ о Кинкелѣ: „Почтеннѣйшiй не можетъ ходить э, какъ на ходуляхъ, даже тогда, когда пишетъ. Но при этомъ какъ разъ и видна его плоская ступня“. Къ сожалѣнiю, въ это время произошло также недоразумѣнiе между Фрейлигратомъ и Марксомъ изъ-за несчастнаго дѣла Фогта.

Объ этомъ дѣлѣ говорится въ 53-мъ письмѣ, которое Энгельсъ снабдилъ слѣдующей замѣткой: „Январь 1860. Заявленiе въ „Volkszeitung“ было помѣчено 6-мъ февраля 1860 г.“. Однако въ 53-мъ письмѣ имѣется въ виду не это заявленiе, въ которомъ Марксъ объявляетъ о намѣренiи предпринять судебное преслѣдованiе противъ „Nationalzeitung“ и литературное опроверженiе Фогта; Лассаль, какъ это тотчасъ выяснится, былъ бы послѣднимъ, кто сталъ бы отсовѣтывать опубликованiе *этого* заявленiя. Заявленiе, подразумѣваемое въ 53-мъ письмѣ, было, надо полагать, упоминаемое въ 52-мъ письмѣ заявленiе противъ Мейена, который вмѣшался въ дѣло Фогта еще въ то время, когда общественное вниманiе мало было на него обращено. Это, очевидно, то заявленiе, о которомъ Марксъ говоритъ въ своей полемической статьѣ противъ Фогта, что онъ опубликовалъ его въ Гамбургской „Реформѣ“ 19-го ноября 1859-го г. и послалъ также „Berliner Volkszeitung“, гдѣ оно однако не появилось, вѣроятно, потому, что Марксъ призналъ доводы Лассаля противъ этого опубликованiя—основательными.

Но дѣло уже началось и не было ужъ возможности предотвратить скандала, который привелъ также къ тому, что и Лассаль и Марксъ обмѣнялись горькими словами.

1860.

54.

[Конецъ января].

Дорогой Марксъ!

Прошло много недѣль съ тѣхъ поръ, какъ и я не отвѣчалъ (съ 22 ноября) на твое послѣднее письмо. Это потому, что я не хотѣлъ оставаться у тебя въ долгу и не отвѣтить на нашъ спорный италіянскій вопросъ; я могъ бы почти сказать, что разсчитываю несомнѣнно убѣдить тебя, если бы въ формѣ бѣгло и отрывочно набросанныхъ въ письмѣ положеній не лежала большая опасность для меня. При устномъ разговорѣ это было бы конечно совершенно иначе.

Но несмотря на это, я долженъ обстоятельно отвѣтить на твое послѣднее письмо, а на это у меня все не хватало времени, да и теперь его нѣтъ у меня. Вѣдь я теперь до такой степени обремененъ работами, что всегда чувствую себя усталымъ и вялымъ, какъ бы побитымъ, когда мнѣ удается выбрать полчаса времени, чтобы сѣсть за письмо. Поэтому я снова откладываю отвѣтъ до слѣдующаго письма, а сегодня коснусь лишь двухъ не терпящихъ отлагательства пунктовъ.

1) Какъ это случилось, что продолженіе твоего труда не поступило къ Дункеру? Ты обѣщалъ прислать его самое позднее въ концѣ декабря. Пришли же его. Теперь я лично заинтересованъ въ томъ, чтобы оно появилось какъ можно скорѣе, потому что, послѣ того, какъ началось его печатаніе, я почти что вынужденъ ждать его окончательнаго выхода изъ печати, прежде чѣмъ начать разработку своего сочиненія. Твоя книга имѣетъ слишкомъ большое значеніе, чтобы во время ея выхода выпустить въ свѣтъ безъ большого риска систематическую работу на ту же тему. Если бы я написалъ ее *раньше* тебя, тогда куда ни шло. Но теперь ты вышелъ раньше, и я думаю поэтому, что долженъ подождать, пока ты не кончишь ея. Итакъ, пошли рукопись Дункеру или по крайней мѣрѣ напиши мнѣ, что тебя задерживаетъ.

2) Теперь о въ высшей степени фатальной исторіи съ Фогтомъ. Вчера я читалъ брошюру Фогта: «Мой процессъ противъ

lgemeine Zeitung», которую ты конечно получилъ раньше моего. о тебя знаетъ, во мнѣніи тѣхъ она тебѣ не повредитъ. Но ı повредитъ тебѣ въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто тебя не знаетъ. этому присоединяется и то, что она вышла въ 3000 экземп-)ахъ и, какъ по крайней мѣрѣ сообщаетъ Kölnische Zeitung, ı уже распродана, и печатается второе изданіе. Здѣсь «National tung» напечатала уже двѣ передовыя статьи о ней и сдѣлала › нея выписки. Короче сказать, это дѣло очевидно производитъ ıьное впечатлѣніе на общество. Тебѣ самому и *всей* нашей *ртіи* наносится сильный вредъ этимъ описаніемъ, которое до-точно искусно подтверждается полуфактами, чтобы всякому, не :адающему острымъ зрѣніемъ, все представлялось бы чистой правдой. Короче сказать, нужно что-нибудь сдѣлать противъ этого. Фогтовское описаніе должно быть раскритиковано на основаніи его дѣйствительнаго содержанія, и должно быть лишено его колорита. Что касается непосредственнаго повода къ спору, то надо сознаться, что для тебя дѣло обстоитъ въ достаточной степени невыгодно. Ты поступилъ неправильно, повѣривши въ столь важные факты безъ всякаго иного доказательства кромѣ простыхъ утвержденій такого жалкого лгуна, какимъ во всякомъ случаѣ впослѣдствіи оказался Блиндъ. Но такимъ вещамъ не вѣрятъ и вообще не распространяютъ ихъ на основаніи однихъ только утвержденій; если же дѣлаютъ это, то на основаніи утвержденій *такихъ лицъ*, за которыхъ *можно ручаться*, но никакъ не господъ á la Блиндъ.

Итакъ, во всякомъ случаѣ на твоей сторонѣ лежитъ culpa и нельзя обвинять Фогта и другихъ за то, что они хотятъ въ этой culpa видѣть animus. Какъ видно, и какъ во всякомъ случаѣ показываютъ документы, честь Фогта была тяжело оскорблена безъ всякой причины и повода. Съ нимъ поступили несправедливо и понятно, если и онъ поступаетъ несправедливо. Но то, что онъ изъ-за этого въ своей несправедливости по отношенію къ тебѣ переходитъ всякія границы, что происходитъ на протяженіи всей брошюры, въ особенности же въ его описаніи «Schwefelbande» или «Bürstenheimer» (откуда чортъ возьми, онъ взялъ эти названія, я ихъ никогда не слыхалъ? Не нашелъ онъ ихъ въ Ринальдо Ринальдини?),—это уже злостный поступокъ съ его стороны и отсюда начинается вредоносность его брошюры. Ты *во всякомъ случаѣ* долженъ на нее отвѣтить. Но при этомъ я долженъ высказать тебѣ мое мнѣніе: если тебѣ за это время не удалось достать объектив-

ныхъ и достовѣрныхъ доказательствъ противъ Фогта, то ты долженъ заявить въ брошюрѣ, что ты самъ теперь, послѣ молчанія Блинда и т. д., допускаешь, что по отношенію къ Фогту была совершена *несправедливость*, когда утверждалось, что онъ подкупленъ. Ты долженъ это сказать во-первыхъ потому, что вѣдь дѣйствительно ничего не стоитъ цѣпляться за одну лишь *возможность* обвиненія, не имѣя никакихъ доказательствъ для *подтвержденія* его; ты долженъ это, далѣе, сказать потому, что это единственный способъ доказать публикѣ, что ты поступилъ bona fide, и достигнуть того, чтобы повѣрили и отнеслись со вниманіемъ къ другимъ твоимъ опроверженіямъ Фогга. Если ты самъ не признаешь этой несправедливости по отношенію къ нему, сели будешь пытаться какимъ-нибудь образомъ настаивать на своемъ подозрѣніи противъ Фогта—безъ дѣйствительныхъ доказательствъ—то публика увидитъ въ этомъ только доказательство невозможной раздражительности и *mala fides*, и изъ-за этого во всемъ остальномъ не повѣритъ *ни одному* твоему *слову*. Да и на основаніи документальнаго положенія дѣла это *должно* такъ случиться.

При твоемъ упрямствѣ, которое мнѣ знакомо въ тебѣ, тебѣ трудно согласиться на это. И это тѣмъ естественнѣе, что дѣйствительно требуются большія усилія надъ самимъ собой, чтобы отнестись справедливо къ тому, кто нападаетъ такъ несправедливо и безъ всякаго чувства мѣры, какъ это дѣлаетъ Фогтъ по отношенію къ тебѣ. Но обсуди это подробно. Это является для тебя единственной возможностью дать сильное доказательство твоего bona fide и подготовить почву, чтобы отнеслись съ довѣріемъ къ твоимъ прочимъ утвержденіямъ.

Относительно значенія того аргумента, что Фогтъ обвинилъ не «Volk» въ Лондонѣ, но «Augsburger Allgemeine Zeitung»—ты себя не обманывай! Это *ни на кого* не произведетъ впечатлѣнія. Никто не будетъ требовать того, чтобы Фогтъ сталъ обвинять такую темную газету, какъ «Volk», о существованіи которой никто ничего не знаетъ, и такого обскуранта какъ Biscamp въ то время, какъ онъ имѣетъ à la portée такую всѣмъ извѣстную и широко распространенную газету, какъ «Augsburger Zeitung». *Возможно*, правда, что ему очень удобно не имѣть Блинда свидѣтелемъ. Но это только *возможность* и этотъ аргументъ ничего не доказываетъ, потому что, если бы у него даже не было этого мотива, то у него все-таки было бы много основаній поступить, такъ какъ онъ поступилъ.

Второй пунктъ, достаточно непріятный для тебя и для всей ›тіи,—и даже болѣе непріятный, чѣмъ первый—это ваше знаıство съ Либкнехтомъ. Какъ это могло случиться, что вы тамъ и ты—ой ригористъ, какимъ ты вообще по справедливости считаешся—ıли до того, что поддерживаете партійныя сношенія съ чело-:омъ, который пишетъ въ «Augsburger Allgemeine Zeitung?» , правда, мнѣ пишешь, что тамъ всѣ дѣлаютъ это, что они ıутъ во всѣ газеты безъ различія направленія, и что ты одинъ ько составляешь исключеніе, но этотъ дурной обычай нисколько измѣняетъ дѣла. Въ такомъ случаѣ они всѣ въ одинаковой пени виноваты и заслуживаютъ осужденія. Если не существуетъ етъ собственнаго направленія, то можно, конечно, писать въ какую-нибудь *оппозиціонную газету*, приближающуюся сравнительно до нѣкоторой степени къ собственнымъ взглядамъ, какъ я когда-то сдѣлалъ тебѣ предложеніе для «Wiener Presse». Послѣдняя, по крайней мѣрѣ, была самой оппозиціонной и демократической газетой Австріи; но писать въ *правительственную газету,* въ такую архиреакціонную газету, какъ «Аугсбургка», это совсѣмъ не идетъ! Это возбудитъ въ публикѣ бурю удивленія и негодованія противъ партіи, которая хочетъ быть самой передовой и ригористичной и которая при этомъ поддерживаетъ партійныя сношенія съ такимъ человѣкомъ.

То, что Либкнехтъ отдѣлалъ въ «Augsburger Allgemeiner Zeitung» лорда Пальмерстона, также не много говоритъ въ его защиту. Отдѣлать лорда Пальмерстона—само по себѣ дѣло очень хорошее, но, какъ извѣстно, это можно сдѣлать, стоя на различныхъ точкахъ зрѣніяхъ, и даже на самой реакціонной.

Но такъ какъ этотъ упрекъ, собственно говоря, является sans replique, то не остается ничего иного, какъ-то, чтобы ты набросалъ сжатый очеркъ дѣятельности Либкнехта въ «Augsburger Allgmeine Zeituug» и показалъ, что онъ нигдѣ не выступалъ противъ демократической сущности. Правда, это все же останется всегда подъ сомнѣніемъ. Вѣдь все, что говорится въ какой-нибудь *болѣе передовой* газетѣ, напримѣръ въ «Neue Rheinische Zeitung», противъ демократическихъ промежуточныхъ партій является вполнѣ приличнымъ и въ порядкѣ вещей, но становится двусмысленнымъ, сомнительнымъ и даже подлымъ, если это говорится въ газетѣ болѣе реакціонной, чѣмъ эти партіи.

Повидимому, твои отношенія къ Либкнехту, къ сожалѣнію, не мимолетныя и не отрывочныя. Вѣдь въ своей брошюрѣ о

кельнскомъ процессѣ коммунистовъ, какъ объ этомъ позаботился процитировать Фогтъ, ты самъ объявляешь его «извѣстнымъ» членомъ твоей партіи.

A propos, что касается этой твоей брошюры о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ, которую не разъ цитируетъ Фогтъ—въ какомъ отношеніи къ ней я нахожусь? Читалъ ли я ее? Прислалъ ли ты мнѣ ее тогда? Я абсолютно не могу припомнить этого: то мнѣ кажется одно, то другое; какъ кажется, моя память ослабѣла. Фогтъ говоритъ, что она будто бы появилась въ 1853 году. Но тогда я былъ еще на Рейнѣ и долженъ былъ бы получить ее? Во всякомъ случаѣ я не припоминаю болѣе ея содержанія *и поэтому прошу тебя, если у тебя есть лишній экземпляръ ея,* переслать *мнѣ его возможно скорѣе.*

Ну, будь здоровъ, напиши мнѣ *сейчасъ*, что ты замышляешь дѣлать и обдумай все очень основательно, и по возможности безпристрастно. Вы должны отпарировать этотъ ударъ. Нельзя молчать, для этого ударъ былъ слишкомъ силенъ.

Пиши мнѣ *скорѣе*, потому что это дѣло очень меня огорчаетъ, пока я не знаю, удастся ли вамъ предпринять что-нибудь успѣшно.

Поклонъ твоей женѣ и Энгельсу. Какъ поживаетъ Вильгельмъ Вольфъ?

По случаю смерти короля здѣсь ожидаютъ амнистіи. Вернетесь ли вы тогда? Или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ васъ, и кто? Напиши объ этомъ

твоему Ф. Лассалю.
Bellevuestrasse, 13.
Четвергъ, ночь

P. S. Я сейчасъ читаю объясненіе Фребеля (NB. читалъ ли ты его брошюру? Какимъ невѣроятнымъ дуракомъ сдѣлался этотъ человѣкъ, если онъ когда-нибудь былъ чѣмъ-либо инымъ!) въ «Augsburger Allgemeine Zeitung» отъ 20 января. Онъ подчеркиваетъ то, что Фогтъ обѣщалъ оплачивать и такія статьи, которыя посылались бы въ другія газеты, какъ проектированныя имъ. (Очевидно онъ имѣетъ въ виду письмо Фогта Ленингу, напечатанное на 36 стр.). Само по себѣ это является во всякомъ случаѣ чѣмъ-то страннымъ. Но это еще вовсе не доказательство, что Фогтъ получалъ для этого деньги отъ Луи Бонапарта. Утвержденіе Фогта, что онъ имѣлъ ихъ отъ *венгерскихъ революціонеровъ*, этимъ не опровергается и само по себѣ является весьма

вѣроятнымъ: 1) благодаря непосредственнымъ отношеніямъ Фогта къ Клапка; 2) благодаря тому извѣстному факту, что венгерская революціонная партія располагала большими денежными средствами. Но если *это* такъ, то *ты*, разумѣется, не можешь раздѣлить этой жалкой безсмыслицы Фребеля, заявившаго, что это измѣна отечеству и партіи, такъ какъ этимъ агитировалось противъ австрійскаго императора, и столь же мало это доказываетъ то, что самъ Фогтъ былъ *подкупленъ;* послѣднее признаетъ и самъ Фребель, который при этомъ, желая видѣть въ подкупѣ «смягчающую внѣшнюю побудительную причину», во всякомъ случаѣ попадаетъ въ невѣроятно нелѣпое и отвратительное положеніе.

Если на Фогта будутъ нападать *такимъ* образомъ, то въ ближайшемъ времени онъ сдѣлается еще идоломъ націи! (Если ты не читалъ брошюры Фребеля, то прочти ее. Никогда еще не было болѣе безстыднаго предательства, болѣе открыто заявленнаго вѣроломства!)

55.

[Февраль].

Дорогой Марксъ!

Гого! Мой другъ! На что изъ твоего послѣдняго письма я долженъ былъ обидѣться. Я былъ бы чудовищемъ болѣзненной субъективности, если бы сдѣлалъ это. Въ немъ не было ничего такого, что могло бы меня оскорбить. И если бы даже тамъ было что-нибудь лично оскорбительнаго, то оно должно было бы быть ужъ слишкомъ грубымъ, чтобы я при своей чисто объективной натурѣ могъ рѣшить обидѣться. Мнѣ и въ голову не приходило, что *возможно* даже такое пониманіе. Иначе я бы тебѣ давно написалъ, чтобы избѣжать такой возможности.—Если ты написалъ въ этомъ смыслѣ Энгельсу, то выясни ему эту ошибку, потому что я не желаю быть выставленнымъ въ глупомъ свѣтѣ предъ человѣкомъ, котораго я уважаю.

Но позволь мнѣ, мой другъ, говорить въ данномъ случаѣ нѣсколько въ тонѣ Векфильдскаго священника! Если ты такъ быстръ въ своихъ неосновательныхъ подозрѣніяхъ даже по отношенію ко мнѣ, т. е. къ человѣку, чисто объективный характеръ котораго ты имѣлъ достаточно случаевъ узнать и къ которому, какъ я знаю навѣрное, ты дѣйствительно дружественно расположенъ—(и ты идешь въ этомъ отношеніи даже такъ далеко, что сообщаешь и другимъ такія предположенія, какъ будто бы они были

совершившимся фактомъ),—то насколько же ты будешь опрометчивъ въ своихъ несправедливыхъ упрекахъ, если дѣло идетъ о людяхъ, которые тебѣ *чужды?* При этомъ мнѣ вспоминается письмо, которое ты тогда написалъ Дункеру, и въ которомъ ты прямо высказываешь подозрѣніе въ томъ, что онъ систематически тормозитъ дѣло съ *цѣлью* задержать *выходъ* книги. Дункеръ, который согласился на это дѣло главнымъ образомъ изъ доброжелательнаго отношенія къ нему и былъ готовъ даже на жертвы, если онѣ потребуются, выходилъ изъ себя. Чтобы уладить это, я написалъ тогда Дункеру слѣдующее: «Марксъ является Маратомъ нашей революціи. Никогда между небомъ и землей не возникнетъ измѣны, которой бы онъ не почуялъ заранѣе. За то онъ часто будетъ чуять измѣну тамъ, гдѣ ея никто и не замышлялъ. Какъ то, такъ и другое надо считать его достоинствомъ».

Il y a du vrai là-dedans!

Сегодня лишь слѣдующее: 1) Какимъ образомъ ты достанешь брошюру Фогта, если ея нѣтъ въ Лондонѣ? Не послать ли мнѣ ее тебѣ? Но какъ? Черезъ книгопродавца? Въ такомъ случаѣ я не знаю, какъ долго это можетъ продолжиться? По почтѣ бандеролью? Я понятія не имѣю о томъ, сколько это можетъ стоить?

Во всякомъ случаѣ напиши, послать *ли* ее тебѣ и *какъ* это сдѣлать.

2) Я рѣшительно *противъ* процесса. Онъ не дастъ никакого благопріятнаго результата. Только послѣ того, какъ ты *прочтешь брошюру*, ты будешь au fait, что надо сдѣлать, и что гораздо больше необходимо опроверженіе, чѣмъ процессъ. Кромѣ того процессъ только еще болѣе взбудоражилъ бы дѣло и заставилъ бы говорить о немъ, что въ *настоящій* моментъ было бы вредно, потому, 1) что у насъ здѣсь нѣтъ *ни одной газеты*, которая бы открыла намъ свои столбцы для борьбы противъ «National Zeitung» и 2) что еще нѣтъ полнаго опроверженія брошюры Фогта (на которую разумѣется «National Zeitung» будетъ всегда ссылаться въ своей полемикѣ), которое ты дашь въ своей брошюрѣ. Только тогда, когда она *появится напечатанной*, ты будешь достаточно вооруженъ, чтобы предпринять военный походъ. Итакъ, напиши немедленно своему адвокату, чтобы онъ *оставилъ дѣло въ покоѣ впредь до распоряженія*. Когда ты прочтешь брошюру, ты все же еще будешь воленъ дѣлать, что хочешь, и тогда мы сможемъ говорить объ этомъ дальше.

Въ этомъ заключаются оба главные практическіе пункта. Я хочу предварительно остановиться только еще на слѣдующемъ.

3) Ты уже въ ноябрѣ писалъ мнѣ о предполагаемомъ тобой обвиненіи Кошута и обѣщалъ прислать его мнѣ, но не сдѣлалъ этого. Пришли его мнѣ.

4) Ты говоришь, что напишешь противъ Фогта, но въ предисловіи объяснишь, «что для меня ни черта не значитъ сужденіе *твоей нѣмецкой публики*». Дословно такъ и подчеркнуто. Право не знаю, какъ это понимать. Сказано нѣсколько ѣдко. Должно ли это означать лишь то, что въ случаѣ конфликта тебѣ наплевать на сужденіе всѣхъ пяти частей Свѣта, если по твоему мнѣнію онъ будетъ несправедливо — тогда это вполнѣ вѣрно и само собой понятно; и я нѣсколько разъ имѣлъ случай показать, что это вполнѣ соотвѣтствуетъ и моему образу мыслей. Это само собой настолько понятно, что дѣйствительно нѣтъ необходимости говорить о немъ. Не должно ли, однако, это означать еще что-нибудь большее и *особенное?* Но тогда что же? Я употребилъ слово «публика», потому что оно какъ разъ подвернулось мнѣ подъ перо, но я это слово понималъ не въ бульварномъ смыслѣ, какой она въ сущности имѣетъ. Я имѣлъ въ виду дѣйствительную націю, какъ таковую; не тѣхъ, которые стоятъ собственно на буржуазной точкѣ зрѣнія. Съ ними дѣйствительно намъ нечего дѣлать, ихъ мнѣніе поэтому для насъ совершенно безразлично и неизбѣжно находится въ противорѣчіи съ нашимъ. Я скорѣе имѣлъ въ виду всѣ такіе элементы, которые *способны на нѣчто болѣе хорошее*, и которые тѣмъ не менѣе *должны будутъ быть* очень настроены противъ тебя, если брошюра не будетъ опровергнута; и нельзя будетъ даже осуждать и ставить имъ въ вину, если они ложно будутъ судить изъ-за недостатка въ провѣрочномъ матеріалѣ. О привлеченіи на свою сторону этого, самого по себѣ непредубѣжденнаго и хорошаго, элемента должна озаботиться всякая партія, которая хочетъ стать сильной. Поэтому, всякій вождь партіи принужденъ обращать вниманіе на эти элементы не *въ томъ* смыслѣ, чтобы приносить имъ въ жертву свои взгляды, но *въ томъ*, чтобы не щадить труда ради привлеченія *ихъ* къ *своимъ* взглядамъ, а отнюдь при этомъ не запугивая ихъ. Иначе онъ вредитъ всѣмъ своимъ партійнымъ цѣлямъ. Кому *все* безразлично—тотъ неправъ, если вообще пишетъ какую-либо брошюру въ свою защиту; вѣдь это дѣло утомительно и показываетъ при этомъ, что онъ не надо всѣмъ смѣется. Это противорѣчіе. Въ качествѣ простого индиви-

дуума можно было бы вполнѣ смѣяться надъ этимъ. Но вождь партіи обязанъ препятствовать возникновенію ненужныхъ предубѣжденій—и не запугивать напрасно.

Если удареніе въ той твоей фразѣ лежитъ на словѣ «*нѣмецкой*», то не забывай, что ты *нѣмецкій* революціонеръ и долженъ дѣйствовать въ пользу *Германіи*, и что твое вліяніе, какъ вождя партіи, является дѣломъ большой важности для цѣлей самой партіи, и должно поэтому быть *сохранено*.

Не англизируйся!

Далѣе ты пишешь: «Въ моихъ глазахъ «Augsburger Allgemeine Zeitung» такъ же хороша, какъ и «Volkszeitung».

Здѣсь я долженъ *протестовать всѣми силами* и притомъ *самымъ рѣшительнымъ образомъ*. Я здѣсь совершенно оставляю въ сторонѣ безчестность и продажность, которыя всегда и вездѣ обнаруживала «Augsburger Allgemeine Zeitung» въ теченіе тридцати лѣтъ, и которыя справедливо сдѣлали ее самой опороченной, безчестной газетой Германіи, обстоятельство, которое придаетъ твоему утвержденію совершенно особый характеръ самой своенравной желчности. Въ теченіе всей своей жизни я не написалъ въ «Volkszeitung» *ни одной строчки*, очень часто вслухъ порицалъ ея позицію и никоимъ образомъ не согласенъ съ ней. Мое отношеніе къ данному вопросу не содержитъ въ себѣ ничего личнаго.

Твое заявленіе, если вывести изъ него логическое заключеніе, не имѣетъ никакого иного смысла, какъ только слѣдующій: такъ какъ мы соціалъ-революціонеры, то всѣ сине-революціонныя газеты и партіи должны для насъ принадлежать къ той же категоріи, что и реакціонныя.

И Теховъ въ своемъ письмѣ обвиняетъ тебя въ томъ, что ты выставилъ эту точку зрѣнія. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ, что ты тогда съ жаромъ отрицалъ ее. И дѣйствительно такого упрека *абсолютно нельзя* сдѣлать «Neue Rheinische Zeitung». Она защищала *всѣ* революціи: Вѣнскую также, какъ и Берлинскую и Венгерскую и т. д., хотя она очень хорошо знала, что если эти революціи побѣдятъ, то онѣ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ни противъ чего такъ не выступятъ враждебно, какъ противъ соціально-революціонныхъ принциповъ.

Всякій иной принципъ былъ бы въ такой же степени теоретически-*ложнымъ*, въ какой — практически *гибельнымъ*, онъ причинилъ бы нашей партіи величайшій вредъ и обрекъ бы ее

на безсиліе. По отношенію къ вульгарно-демократическимъ партіямъ и ихъ различныиъ оттѣнкамъ мы должны одинаково подчеркивать какъ *тождественность*, такъ и *различіе* ихъ соціально-революціонной точки зрѣнія отъ нашей. Выяснять *только* различіе— будетъ у насъ время тогда, когда онѣ побѣдятъ. Неужели партія въ Лондонѣ за это время настолько развилась, что выставляетъ этотъ иной принципъ? Тогда я рѣшительно заявляю, что я не буду участвовать въ этомъ поворотѣ, скорѣе буду вездѣ à outrance бороться съ нимъ. Я думаю и надѣюсь еще, что ты въ этомъ согласенъ со мной. А разъ это такъ, то—какъ же это возможно ставить на одну доску съ *роялистической* газетой, съ газетой вполнѣ контр-революціонной, вульгарно-демократическую газету, которая, если даже часто съ меньшимъ мужествомъ, чѣмъ это требовалось, и съ меньшей послѣдовательностью, чѣмъ это должно было быть несмотря на цензурныя оковы, тѣмъ не менѣе все же защищала въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ и продолжаетъ защищать въ общемъ демократическую точку зрѣнія? Еще разъ, я протестую изо всѣхъ силъ и очень настойчиво!!

Мнѣ такъ хотѣлось бы какъ-нибудь переговорить съ тобой обо многомъ. Вѣдь всякое писаніе остается только жалкимъ вспомогательнымъ средствомъ. Если представится какая-либо возможность, то я пріѣду этимъ лѣтомъ въ Лондонъ. Но я заявляю тебѣ *вотъ что:* съ тѣми революціонерами, которые корреспондируютъ въ «Augsburger Allgemeine Zeitung», я не хочу *имѣть никакого дѣла* и не хочу *также встрѣчаться съ ними.*

Salut. Твой Ф. Лассаль.

P. S. Я перечитываю письмо и считаю совершенно невозможнымъ, чтобы ты съ своей стороны вынесъ изъ него оскорбительное для себя впечатлѣніе и вообще какое-либо иное, кромѣ *самой искренней, сердечной дружбы къ тебѣ.*

56.

[Конецъ февраля].

Дорогіе Энгельсъ и Марксъ!

Я былъ боленъ и еще теперь изрядно боленъ. Восемь дней я лежалъ въ постели, которую я только вчера оставилъ. Я еще очень слабъ и поэтому пишу вамъ это письмо обоимъ вмѣстѣ.

Ваше письмо, дорогой Энгельсъ, я получилъ. Брошюру Фогта я послалъ вамъ для передачи Марксу, который хотѣлъ къ вамъ пріѣхать. Развѣ онъ еще не прибылъ къ вамъ? Или какъ объяснить себѣ, что вы ничего не говорите о немъ въ своемъ письмѣ.

Ты, дорогой Марксъ. также желаешь получить здѣшнія газеты, которыя помѣстили твое объясненіе или высказались по этому дѣлу. Поэтому я поручилъ просмотрѣть *всѣ* выходящія здѣсь газеты моимъ пріятельницамъ дамамъ—онѣ очень добросовѣстныя ищейки—и принести добычу мнѣ. Послѣдняя будетъ завтра отправлена къ тебѣ также по адресу Энгельса. Отвѣта отъ тебя на мое послѣднее письмо я еще не получилъ, но получилъ лишь порученія въ письмѣ къ Дункеру, которыя симъ и выполняю. Меня очень обрадовало, дорогой Энгельсъ, снова услышать что-нибудь о васъ послѣ столь долгаго времени. Дункеръ уже сообщилъ мнѣ, что вы хотѣли прислать ему брошюру противъ захвата Наполеономъ Савойи, въ pendant къ «По и Рейну». Я тотчасъ съ жаромъ заявилъ ему о своемъ полномъ сочувствіи вашей идеѣ. Я думаю, что это было на слѣдующій день послѣ полученія имъ вашего письма. Какъ ему пришло въ голову прибавить въ своемъ отвѣтѣ вамъ то ограниченіе и что собственно онъ при этомъ имѣлъ въ виду, я столь же мало знаю, какъ и вы, и я думаю, что онъ знаетъ объ этомъ такъ же мало, какъ и мы оба. — Что онъ смотритъ на свое издательство лишь какъ на расширенное изданіе «Volkszeitung'а», этого о немъ нельзя сказать. Онъ очень охотно даетъ мѣсто въ своемъ издательствѣ и голосамъ идущимъ *далѣе*.

Это также достаточно ясно показываетъ и отношеніе моей брошюры къ «Volkszeitung», которая первоначально была настроена очень антифранцузски въ этомъ вопросѣ и защищала Австрію и только *послѣ* моей брошюры и отчасти главнымъ образомъ подъ ея вліяніемъ — какъ и «National Zeitung», хотя послѣдняя нѣсколько медленнѣе—заняла свою позднѣйшую и теперешнюю позицію въ этомъ дѣлѣ.

Это еще меньше объясняется сочувствіемъ къ моей брошюрѣ. Вы совсѣмъ не должны представлять себѣ *столь* нѣжнымъ наше entente cordiale!—Впрочемъ, Дункеръ знаетъ такъ же хорошо, какъ и вы, какъ мало я способенъ изъ-за различія во взглядахъ желать препятствовать появленію произведеній кого бы то ни было — и еще къ тому же *вашего!*

Но не это конечно является его мотивомъ. Какъ я уже сказалъ, онъ должно быть и самъ недостаточно отдавалъ себѣ отчетъ, когда дѣлалъ ту оговорку.

Пришлите только брошюру, и я уже позабочусь, чтобы она скоро появилась.

Но какимъ образомъ вы вообще дошли до предположенія, что въ савойскомъ дѣлѣ у меня долженъ быть и будетъ отличный отъ вашего взглядъ? Это предположеніе для меня совершенно загадочно.

Относительно итальянской войны я, правда, *рѣшительно* держусь своего прежняго взгляда и даже теперь болѣе, чѣмъ когда-либо; и это съ тѣхъ поръ, какъ я въ ноябрѣ 59 года получилъ по поводу этого отъ Маркса письмо, которое самымъ несомнѣннымъ образомъ показало мнѣ, что противъ моей политики нельзя привести ничего, что могло бы выдержать хотя бы *какой-нибудь* критики. Это письмо, читанное мною во всякомъ случаѣ безо всякаго предрасположенія считать себя всегда правымъ, окончательно укрѣпило меня, человѣка не упрямаго, въ моемъ мнѣніи, потому что оно какъ разъ показало мнѣ, что я ничего не проглядѣлъ. Я все еще долженъ отвѣтить на это письмо Марксу, но менѣе всего могу сдѣлать это сейчасъ при томъ состояніи здоровья, которое меня на половину приковываетъ къ постели.

Но почему изъ-за этого взгляда на итальнскую войну я долженъ быть также за то, чтобы Наполеонъ проглотилъ Савойю? Въ своей брошюрѣ я *какъ разъ уже* высказался относительно этого. Выяснивши тамъ, насколько смѣшно было бы предположить у Л. Наполеона стремленіе къ міровому господству и считать возможнымъ, чтобы онъ завоевалъ Италію для кого-нибудь изъ наполеоновскихъ принцевъ, потому что онъ совсѣмъ не de cette taille и не находится въ такомъ положеніи, я говорю дальше: *единственное*, о чемъ онъ могъ бы думать (и какъ это подтвердилось впослѣдствіи; въ то время никто не думалъ объ этомъ, потому что разсчитывали на большее), это о присоединеніи Савойи. „И—прибавлялъ я къ этому на 48 стр. своей брошюры—благодаря одинаковости языка, положенію, сношеніямъ и единомыслію съ Франціей, соединеніе Савойи съ Франціей, которое рано или поздно, но современемъ должно произойти, *нисколько не* является неудобнымъ *въ тотъ моментъ, когда Германія получила бы соотвѣтствующую этому увеличенію компенсацію*".

Насколько серьезнымъ я считалъ это условіе, я показалъ это тѣмъ, что велѣлъ напечатать всю эту фразу курсивомъ. Это не-

обходимое условіе не наступило, оно не можетъ наступить и въ настоящее время. Такимъ образомъ, изъ этого само собой явствуетъ, что объединеніе Савойи съ Франціей должно казаться съ моей точки зрѣнія *теперь* во всякомъ случаѣ неудобнымъ.

Какъ это случилось съ вами, что вы вывели изъ моей брошюры относительно этого вопроса заключеніе, противорѣчащее моему взгляду, противорѣчащее тому взгляду, который дѣйствительно изъ нея явствуетъ? И далѣе, amice! Тогда итальянская война была на первомъ планѣ, а въ связи съ ней и вопросъ о томъ, должна ли демократія выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ итальянской націи и за австрійскій домъ и призывать къ этому, что я — вполнѣ уважая честность и высшую инттеллигентность всѣхъ иначе объ этомъ думающихъ—тѣмъ не менѣе считалъ бы съ объективной точки зрѣнія полнѣйшей измѣной дѣлу партіи. (Марксъ мнѣ всегда писалъ, что между нами не можетъ быть никакого спора относительно признанія законнаго права за итальянскимъ возстаніемъ). Конечно нѣтъ, уже однимъ этимъ, по моему разумѣнію, была сказано все; тогда не могло также быть никакого спора и о томъ, чтобы позволили подавить ее въ данный моментъ или, отдѣливши отъ нея ея помощниковъ, выдать ее австрійцамъ. Неужели Марксъ думаетъ, что если бы мы напали на итальянцевъ или французовъ (въ практическомъ отношеніи это, разумѣется, одно и тоже) и при этомъ написали бы на своихъ шпагахъ: наши удары не должны имѣть никакого контръ-революціоннаго значенія, то эта надпись измѣнила бы тѣмъ дѣйствіе нашихъ ударовъ?? Непостижимо, непостижимо, какое ослѣпленіе!! Но иначе обстоитъ дѣло въ настоящій моментъ. Наполеонъ снова, какъ я уже впрочемъ и раньше предсказывалъ, измѣнилъ этой войнѣ и не довелъ ее до логическаго конца. Такимъ образомъ, *въ настоящее время* дѣло идетъ не объ итальянской войнѣ, но объ его долѣ въ добычѣ! И я теперь совсѣмъ не вижу причины, почему бы намъ не кричать противъ него, сколько намъ вздумается, и не занять по отношенію къ нему наиболѣе враждебнаго положенія! Наполеонъ и революція имѣютъ то общее между собой, что они смертельно ненавидятъ другъ друга, но что съ другой стороны они при *всякихъ* условіяхъ могутъ бороться другъ съ другомъ. Каждый изъ обоихъ противниковъ долженъ прежде всего обратить свое главное вниманіе на то, чтобы застигнуть другого въ такомъ положеніи, когда онъ съ успѣхомъ можетъ изолировать его и напасть на него.

Въ такомъ положеніи и находится теперь Наполеонъ. Къ этому присоединяются еще весьма благопріятныя обстоятельства. Савойяры совсѣмъ не *хотятъ* этого присоединенія; вмѣстѣ съ тѣмъ во Франціи не является тайной и то, что савойяры уже тридцать лѣтъ, какъ тянутъ къ Франціи. Но, они это достаточно ясно выражаютъ,—они не желаютъ имѣть ничего общаго съ *наполеоновской* Франціей. Никто не можетъ осуждать ихъ за то, что они не хотятъ промѣнять свою сардинскую свободу, какъ бы она ни была умѣренна, на Наполеона.

Этимъ самымъ ихъ противодѣйствіе присоединенію превращается въ особую демонстрацію противъ Наполеона и вредитъ послѣднему въ самой Франціи, которая видитъ себя отвергнутой изъ-за него.

Агитація и война противъ Наполеона по данному вопросу, это было бы, такимъ образомъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ война противъ него въ итальянской войнѣ. Это была бы война въ благопріятной для насъ обстановкѣ, при раздѣлѣ добычи, когда онъ не прикрывался бы болѣе демократическимъ принципомъ освобожденія Италіи (все-равно, каковы бы ни были его мотивы), когда онъ не могъ бы этимъ привести въ замѣшательство народы. Изъ этого опять-таки слѣдуетъ исключить только одно возможное положеніе вещей: если Наполеонъ снова начнетъ войну съ Австріей изъ-за Венеціи, то во время этой войны съ *демократической* стороны *ни за что нельзя* будетъ призывать къ войнѣ съ Франціей изъ-за Савойи, если даже Кавуръ и отдастъ ему Савойю, какъ плату за его помощь. Тогда положеніе будетъ опять *совершенно такое же, каковымъ оно было во время появленія моей брошюры*. Разгромъ Австріи, это первая и главная задача. Помогать ей, начавши войну противъ ея врага, даже и ради Савойи, это было бы чистѣйшимъ самоубійствомъ. Пусть тогда ужъ лучше изъ савойскихъ альпійскихъ переваловъ станетъ что угодно. Прежде всего нужно уничтожить *Австрію* и революціонизировать Венгрію.

Прощайте на сегодня. Вашъ Ф. Лассаль.

Воскресенье.

57.

Дорогой Марксъ!

1) Ты пишешь: «то что, наоборотъ, въ *обоихъ* твоихъ письмахъ ко мнѣ, содержаніе которыхъ я сообщилъ Энгельсу,

Вольфу и своей женѣ (при этомъ самый лучшій и сердечный поклонъ послѣдней), по ихъ *единогласному* мнѣнію видно своего рода вліяніе позорнаго произведенія Фогта, это кажется несомнѣннымъ, если tres faciut collegium». Я становился на дыбы отъ нетерпѣнія, читая это. Какъ возможны подобныя недоразумѣнія! И все-таки я нахожу ихъ вполнѣ понятными, если ты показалъ имъ только «*оба*» письма. Но это было бы совершенно невозможнымъ, если бы ты показалъ имъ также *третье* т. е. *первое* письмо, которое я написалъ тебѣ тотчасъ же послѣ прочтенія брошюры, и въ которомъ я сообщалъ тебѣ о появленіи ея. Я требую, поэтому, отъ тебя, чтобы ты далъ имъ прочесть первое и сегодняшнее письмо, потому что, pardeiu, совсѣмъ непріятно оказаться внезапно заподозрѣннымъ въ такомъ слабоуміи, чтобы находиться подъ какимъ то бы то ни было умственнымъ вліяніемъ брошюръ Фогта. Какъ въ интересахъ репутаціи моей головы, такъ и моего сердца, я отбиваюсь руками и ногами отъ такого утвержденія! Но какъ это возможно, что ты самъ раздѣляешь это мнѣніе, вѣдь ты то читалъ первое письмо? Voyons, какая предубѣжденность обнаруживается въ немъ!

a) Я долго не писалъ тебѣ и въ томъ самомъ письмѣ говорю, что по недостатку времени я бы еще дольше не написалъ тебѣ, если бы не появилась теперь эта брошюра, сообщить о которой я чувствовалъ себѣ вынужденнымъ, потому что она могла, пожалуй, остаться тебѣ неизвѣстной, а требовала опроверженія. До предубѣжденности здѣсь *далеко*. Хороша «предубѣжденность», которая *сближаетъ*, пробуждаетъ чувство солидарности и побуждаетъ этимъ самымъ снова завязать сношеніе, которое иначе было бы еще на нѣкоторое время отложено.

b) Далѣе я писалъ: «Кто тебя знаетъ, во мнѣніи тѣхъ эта брошюра тебѣ не повредитъ; но она должна имѣть такое вліяніе на всѣхъ тѣхъ, кто тебя не знаетъ».

Изумительно то, что, какъ кажется, эта фраза именно и шокируетъ тебя, она звучитъ въ твоихъ ушахъ равнодушной! Но это конечно ложное ощущеніе, ты во всякомъ случаѣ ея не понялъ въ моемъ смыслѣ. По моему никакое даже самое сильное ругательство, вродѣ «гнусность, подлость», не было бы и на половину такъ сильно, какъ это *объективное* убѣжденіе, высказанное *столь спокойно и непоколебимо*. Это убѣжденіе говоритъ не только о *моей* вѣрѣ—выразить теперь таковую было бы безвкусицей,—но оно подчеркиваетъ, что *никто*, хоть *мало-мальски* знающій

тебя, не можетъ быть настолько ограниченъ, чтобы поддаться какому-либо впечатлѣнію («предубѣжденію») отъ той брошюры. Этимъ самымъ оно объявляетъ ее *объективно и безо всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій совершенно ложной* для всѣхъ тѣхъ, для кого ты не являешься terra incognita, а, такъ какъ о тебѣ въ ней высказаны самыя обидныя для твоей чести вещи, то оно объявляетъ этимъ самымъ ее клеветнической, гнусной, позорной—и чѣмъ ты только хочешь. Это все логическія слѣдствія, вытекающія сами собой изъ той фразы, и относительно которыхъ вѣдь намъ незачѣмъ теперь только высказываться.

c) Разбирая дальше это дѣло, я сказалъ, что не *доказано*, чтобы Фогтъ былъ подкупленъ Бонапартомъ. Къ тому же еще Блиндъ оказался лгуномъ—во всякомъ случаѣ тогда дѣло обстояло такъ. На основаніи общихъ положеній приходилось такимъ образомъ судить въ пользу Фогта, что выставленное противъ него обвиненіе несправедливо. Такъ какъ ты, не имѣя доказательствъ, разсказалъ объ этомъ Бискампу, то въ этомъ твоя culpa. Фогтъ не имѣлъ права превратить эту твою culpa въ animus; тѣмъ не менѣе психологически это весьма понятно, такъ какъ онъ былъ первый задѣтъ несправедливо. Такимъ образомъ, такой отвѣтный ударъ можетъ быть извиняемъ. Но,—продолжалъ я ясно,—то, что Фогтъ въ этомъ дѣлѣ *переходитъ всякія границы*, то, что онъ, не считая этого отдѣльнаго пункта, доходитъ до того, что обращается съ тобой «*такъ безпредѣльно несправедливо*»—это тотъ пунктъ, гдѣ прекращается то извиненіе и начинается «*общая вредоносность его брошюры*». Можно ли сказать что-нибудь болѣе сильное по содержанію? (Подчеркнутыя здѣсь и помѣщенныя въ ковычкахъ слова являются, какъ я *точно* помню, моими verba ipsissima въ томъ письмѣ). Въ своемъ теперешнемъ письмѣ ты называешь брошюру Фогта «безпредѣльнымъ нападеніемъ» противъ тебя. Я назвалъ ее даже «безпредѣльной несправедливостью». И если я ставлю ей въ упрекъ изъ-за несправедливости къ тебѣ еще и «*общую вредоносность*» (вообще это *самое сильное*, что я могу сказать) по отношенію къ партіи, то для меня человѣка, ни въ какомъ отношеніи не замѣшаннаго въ этомъ дѣлѣ, это означаетъ, что я *добровольно* заявляю о своей *личной солидарности* съ этимъ дѣломъ,—что разумѣется является въ высшей степени поразительнымъ слѣдствіемъ «предубѣжденности!»

d) Ты говоришь, что по моему совѣту ты долженъ въ своей

брошюрѣ сдѣлать Фогту еще и «amende honorable», т. е., что въ то время, когда первый и единственный авторъ обвиненія, Блиндъ, отказался отъ него, ты долженъ признать, что обвиненіе, исходившее не отъ тебя и ничѣмъ недоказанное, должно считаться поэтому и необоснованнымъ.

Я совершенно ясно тебѣ сказалъ, что совѣтую это сдѣлать по двумъ причинамъ: во 1-хъ) слѣдуя самому обычному чувству справедливости, по которому тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ доказательствъ, приходится предполагать невиновность, и во 2-хъ потому, что это признаніе,—которому вовсе незачѣмъ быть amende honorable съ твоей стороны, такъ какъ обвиненіе исходило не отъ тебя,—могло бы дать массѣ убѣдительное доказательство въ твоей *bonne foi* и заставило бы ее также во всѣхъ другихъ пунктахъ вѣрить тебѣ, а не Фогту, между тѣмъ какъ ты, настаивая безъ доказательствъ на томъ обвиненіи, только возбуждалъ бы систематически недовѣріе къ твоимъ утвержденіямъ, какъ къ пристрастнымъ и проникнутымъ лишь ненавистью.—Я подчеркивалъ этотъ *утилитарный принципъ*, какъ опредѣляющій взглядъ въ данномъ случаѣ.

Однажды въ періодъ моихъ процессовъ одинъ старый членъ суда процитировалъ мнѣ слѣдующія слова одного стараго судьи: «Процессъ это — споръ изъ-за головы судьи». И точно также политическая полемика это—споръ изъ-за головы неразмышляющей толпы! Въ обоихъ случаяхъ прежде всего имѣется въ виду также и убѣдить, и поэтому приходится принимать во вниманіе, какъ *освѣдомленность* людей, передъ которыми ведешь защиту, такъ и тѣ аргументы, которые ихъ убѣждаютъ. Какъ къ *оружію* противъ Фогта, но не какъ къ amende honorable я совѣтовалъ тебѣ прибѣгнуть къ этому средству. И это потому, что если я и теперь того же мнѣнія, что и прежде, что вина его до сихъ поръ ничѣмъ не доказана, то онъ все таки не заслуживаетъ никакого amende honorable съ твоей стороны, такъ какъ онъ былъ по отношенію къ тебѣ гораздо болѣе несправедливъ.

Между прочимъ: ты говоришь, его брошюра *убѣдила* тебя, что онъ бонапартистскій агентъ. Для меня дѣло вовсе не обстоитъ такъ. Я допускаю, что это *возможно*, но также *возможно* и то, что онъ хозяйничалъ лишь съ венгерско-революціонными деньгами. Слѣдовательно, пока приходится дѣлать предположеніе въ его пользу. При этомъ можно сохранить *чувство недовѣрія* къ нему, и я сознаюсь, что у меня оно *также* существуетъ. Но—это

ı есть именно то, что я критикую въ тебѣ—является *слишкомъ большой уступчивостью своему собственному недовѣрію* имѣть это самое недовѣріе не въ формѣ недовѣрія, но въ формѣ *убѣжденности*, уже внутренне твердо вѣрить въ это, какъ если бы что-нибудь было доказано, между тѣмъ какъ здѣсь существуютъ только предположенія и основанія къ подозрѣнію. Пока—возможно, что у тебя есть неизвѣстныя мнѣ доказательства—нужно признать его невиновность, какъ фактъ и удовольствоваться лишь отношеніемъ къ нему съ недовѣріемъ.

e) Въ Америкѣ, говоришь ты, когда Виллихъ бросалъ въ тебя такой же грязью, Вейдемейеръ, Якоби и Клусъ назвали это въ газетахъ подлой клеветой еще раньше, чѣмъ ты узналъ объ этомъ: «въ Германіи ни одинъ изъ моихъ тамошнихъ друзей не протестовалъ ни единымъ словомъ». — Вышеназванныя лица могутъ быть очень достойными людьми, но я не думаю, чтобы они или кто нибудь вообще превосходилъ меня по теплотѣ чувства и готовности, съ какой я выступаю въ защиту своихъ друзей. Но что я *могъ* сдѣлать? Среди нашей націи я вѣдь не занимаю *положенія Гумбольдта*, чтобы заявленіе въ газетахъ, исходящее отъ *меня одного только*, могло бы имѣть какое нибудь значеніе! Для этого вѣдь надо всегда быть въ большемъ числѣ. Но кто бы могъ подписать вмѣстѣ со мной это заявленіе? Вотъ это то и есть какъ разъ то абсолютное духовное одиночество, въ которомъ живешь въ Германіи! Не только здѣсь въ Берлинѣ, но и на Рейнѣ у меня нѣтъ никого. Вообще я не знаю, *кто*—кромѣ меня—твои *друзья* въ Германіи. Только Бюргерса можно считать такимъ, судя по прежнимъ временамъ... А съ нимъ у меня уже нѣсколько лѣтъ нѣтъ никакихъ сношеній изъ-за его склонности къ личнымъ ссорамъ и обидчивости, такъ что я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ теперь; итакъ, я не *могъ* сдѣлать заявленія. Но такъ какъ ты упрекаешь меня въ недостаткѣ теплоты чувства къ тебѣ, то я разскажу тебѣ одинъ маленькій эпизодъ.—Нѣкоторое время спустя послѣ появленія Фогтовской брошюры разъ вечеромъ у насъ собралось нѣсколько человѣкъ, мужчинъ и женщинъ. Разговоръ перешелъ также и къ брошюрѣ. Одинъ изъ мужчинъ, который мнѣ очень симпатиченъ и который совершенно незнакомъ тебѣ и тебя также не знаетъ, высказалъ мнѣніе вовсе не опредѣленное и даже не враждебное тебѣ, но только считающее вопросъ открытымъ до твоего предполагаемаго возраженія, мнѣніе, такимъ образомъ лишь полузащищающее

брошюру Фогта. Я возразилъ на это въ самомъ рѣзкомъ и уничтожающемъ тонѣ, и когда онъ послѣ этого хотѣлъ скрыться подъ сѣнь «индивидуальнаго мнѣнія», я заявилъ очень торжественно, что, хотя я и вездѣ сумѣю достаточно рѣзко выступить противъ такихъ сужденій, но у себя въ домѣ я *не потерплю*, что бы ихъ даже *высказывали*.

Этотъ случайный эпизодъ можетъ показать тебѣ, правъ ли ты, обвиняя меня въ недостаточной теплотѣ чувства къ тебѣ или нѣтъ!—Нѣтъ, вялость чувства по отношенію къ моимъ друзьямъ весьма чужда мнѣ, amice, и если бы въ томъ или другомъ случаѣ понадобилось бы заявленіе отъ твоихъ друзей, то я всегда съ большимъ удовольствіемъ готовъ подписать его. Но умножить себя на себя самого я не въ состояніи.

f) Наконецъ ты упрекаешь меня въ томъ, что я не посовѣтовалъ поднять процессъ противъ «Nationalzeitung». Хотя я не могу знать ни того, какія документы находятся въ твоихъ рукахъ, ни того, насколько ложны выдумки Фогта, но я во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы быть за процессъ. Въ припискѣ ты самъ признаешь, что я только совѣтовалъ *подождать* подавать жалобу, пока ты самъ не прочтешь брошюры Фогта. Но вѣдь однихъ выдержекъ изъ «Nationalzeitung» было бы уже достаточно! Какъ же можетъ человѣкъ integer vitae scelerisque purus (съ неопороченной жизнью и невиновный въ преступленіи) еще ждать?

— Отвѣтъ:

1) На счетъ процессовъ у меня свое совершенно своеобразное мнѣніе, и такъ какъ я жилъ въ процессахъ, какъ рыба въ водѣ, то это мнѣніе конечно можетъ претендовать на нѣкоторую зрѣлость. Поэтому, достаточно слѣдующаго:

2) Мнѣ кажется во первыхъ, что процессъ логически долженъ быть направленъ не противъ Nationalzeitung, но противъ Фогта. (Я предполагаю, чего я наизусть навѣрное не знаю, что она только дѣлала сообщенія изъ его брошюры, и сама ихъ не дополняла). Съ такимъ же правомъ, какъ Nationalzeitung ты долженъ былъ бы обвинить *всѣ* газеты, которыя сдѣлали изъ нея выдержки, а такихъ газетъ конечно много.

Относительно такого рода произведеній существуетъ обычай, что газеты дѣлаютъ изъ нихъ выписки, и тѣмъ не менѣе привлекается за нихъ авторъ. Вспомни свои собственныя разсужденія: Фогтъ долженъ былъ бы напасть на Бискампа, а не на «Augsburger Allgemeine Zeitung». Но Фогтъ могъ сказать себѣ

слѣдующее: кто такое Бискампъ? Никто не знаетъ ни его, ни «Volk», никто не узналъ бы и не интересовался бы *такимъ* процессомъ. Мой настоящій противникъ не кто нибудь, но «Augsburger Allgemeine Zeitung», которая, будучи газетой очень распространенной, только и даетъ этому обвиненію существованіе и значеніе. *Этого* ты сказать не можешь при той извѣстности, какою пользуется Фогтъ. *Ты* не можешь отрицать того, что твой *дѣйствительный* противникъ Фогтъ. *Его* ты поэтому долженъ былъ бы обвинить.— Процессъ, такимъ образомъ, направленъ въ ложную сторону и это обстоятельство само по себѣ *можетъ* повести къ его юридическому проигрышу.

3) Если я не могу знать, какъ ты говоришь, въ *какой* степени Фогтъ лгалъ и какія доказательства въ твоихъ рукахъ, то я не могу, разумѣется, и высказывать никакого компетентнаго сужденія. Но «на всякій случай» я *никогда* не посовѣтую начать процессъ, я всегда это дѣлаю лишь тогда, когда надѣюсь его выиграть.—Только тогда можно утверждать, что долгъ обязываетъ поднять процессъ, когда кому нибудь брошены въ лицо faits précis, а не такъ, какъ въ брошюрѣ Фогта, *главное* содержаніе которой сводится лишь къ ядовытымъ инсинуаціямъ и къ клеветѣ, направленной не противъ личности, а противъ партіи. Обвиняемый имѣетъ тогда возможность увернуться; опровергать подобныя печатныя инсинуаціи *должно* только при помощи печати. Процессъ только тогда является добровольнымъ средствомъ, когда убѣждены, что удачный исходъ его обезпеченъ. Au fond никто не можетъ осуждать кого нибудь за то, что онъ не подаетъ въ судъ въ подобномъ случаѣ и при опроверженіи путемъ печати; и это въ особенности въ странѣ, гдѣ судьи политическіе враги, гдѣ нѣтъ и рѣчи о справедливомъ рѣшеніи и гдѣ свидѣтели по большей части не могутъ быть привлечены въ судъ. Но, если подаютъ жалобу и при этомъ *проигрываютъ*, то это, не смотря на все, *весьма вредитъ* человѣку во мнѣніи большинства людей.—Всякій, кто подобно мнѣ изучилъ *случайный* исходъ большинства процессовъ, тотъ не такъ легко, какъ другіе, затѣваетъ дѣло—въ особенности въ томъ случаѣ, когда исходъ процесса долженъ произнести приговоръ по дѣлу чести.

4) При всемъ томъ я *вовсе не* категорически совѣтовалъ тебѣ *не начинать* процесса, но совѣтовалъ только, какъ ты и самъ говоришь въ PS. *ждать*, пока ты не прочтешь брошюры Фогта, что съ одной стороны могло произойти въ самомъ скоромъ

времени, съ другой стороны было во всякомъ случаѣ необходимо тебѣ, чтобы дать своему адвокату дѣйствительно всеобъемлющую инструкцію, и вообще, чтобы дать себѣ возможность принять рѣшеніе cognitione causae. (Но вѣдь это уже давно имѣло мѣсто, однако о процессѣ еще ничего не слышно. Значитъ, произошло именно такъ). Я совѣтовалъ тебѣ кромѣ того; я хотѣлъ *тогда* обсудить съ тобой основательно это дѣло, и только *тогда* уже, чего я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ, перечитать Nationalzeitung, чтобы узнать, есть ли юридическія данныя и какія. Я совѣтовалъ, далѣе, отложить подачу жалобы до тѣхъ поръ, пока ты не будешь въ состояніи подкрѣпить ее возраженіями въ печати. Это было бы одинаково удобно для судей, адвокатовъ, газетъ и публики, если бы, какъ я предполагалъ, твои доказательства состояли изъ рядъ тѣсно связанныхъ между собой заключеній. Я изъ опыта знаю, что адвокаты въ общемъ «самые лѣнивые люди на свѣтѣ». У нихъ не запечатлѣваются въ памяти даже тѣ инструкціи и доказательства, которыя имъ представляютъ въ письменномъ видѣ, если только эти вещи хоть нѣсколько сложны. Поэтому, во всѣхъ сколько нубудь запутанныхъ процессахъ я всегда давалъ отпечатывать промеморіи. Будучи обставлены только такими удобствами, они дѣйствительно проникаются дѣломъ. О судьяхъ же и говорить нечего; а также и о газетахъ, которыя въ этомъ процессѣ играютъ такую важную роль! Я настойчиво подчеркивалъ, что у насъ здѣсь нѣтъ ни одной газеты въ нашемъ распоряженіи, и что я только тогда могъ бы что нибудь дать напечатать въ Volkszeitung, если бы мы имѣли передъ собой какое нибудь печатное опроверженіе. Дѣло въ томъ, что для здѣшнихъ—отчасти даже для меня самого—весь матеріалъ является болѣе или менѣе чуждымъ; въ немъ мы не чувствуемъ себя дома, подобно вамъ тамъ. А до тѣхъ поръ пока его нельзя демонстрировать передъ газетами *ad oculos*, онѣ предпочитаютъ держаться вдали отъ дѣла.—Къ этому присоединяется и то, что тебѣ придется вести процессъ исключительно передъ личными врагами. Вѣдь здѣсь существуютъ только консервативные и либеральные судьи. Первые враждебны тебѣ, потому что ты Марксъ, вторые—потому, что обвиняемой стороной увляется Nationalzeitung. Поэтому, несомнѣнно слѣдовало тебѣ совѣтовать *всякую предосторожность*, и таковая, казалось мнѣ, въ особенности заключалась бы въ фактѣ существованія напечатанной брошюры. Сверхъ того я хотѣлъ лишь послѣ *прочтенія тобой* брошюры Фогта обсудить вмѣстѣ

съ тобой вопросъ, ждать *ли* окончательнаго выхода изъ печати *твоей* брошюры или нѣтъ. И я разсчитывалъ, что тогда ты *сообщишь* мнѣ *о своихъ доказательствахъ*.

Если они не состоятъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, изъ цѣлаго ряда дедуктивныхъ доказательствъ, но изъ отдѣльныхъ, *самихъ по себѣ убійственныхъ*, вещей, то тебѣ, конечно, нѣтъ надобности къ такой предосторожности.

Но я не могъ предположить такого необычнаго случая и я поэтому далъ лишь одинъ совѣтъ, который, согласуясь со всѣмъ моимъ юридическимъ опытомъ, тѣмъ менѣе можетъ быть мнѣ поставленъ въ упрекъ, что я думалъ, что ты совѣтуешься со мной въ этомъ дѣлѣ именно, какъ съ *юристомъ*. Правда, для нетерпѣливыхъ натуръ ждать нѣкоторое время въ высшей степени непріятно, но это совершенно безвредно, между тѣмъ какъ проиграть процессъ—весьма скверно. А въ юридическихъ совѣтахъ я никогда не позволяю говорить своей натурѣ, негодованію и т. п., но *только* разсудку.

Finissons! Теперь одна просьба: будемъ въ нашихъ письмахъ исходить изъ одного и того же основного положенія, которое считается старымъ филологическимъ интерпретаціоннымъ принципомъ: именно всякое выраженіе другого истолковывать такъ, чтобы оно, если только есть *какая либо* возможность, получало *истинный* смыслъ. Иначе и конца не можетъ быть недоразумѣніямъ и поправкамъ въ нашей перепискѣ; въ письмахъ приходится вѣдь объясняться неполно и поверхностно и всегда предполагать въ другомъ вѣрное и дополняющее пониманіе на основаніи того, что ему извѣстна общая точка зрѣнія;—иначе вѣдь при этомъ совершенно даромъ тратится дорогое время.

Твое мнимое доказательство относительно *моего* «специфическаго таланта недовѣрять» заставило меня смѣяться отъ всей души. Я надѣюсь, что я совершенно свободенъ отъ «блаженной довѣрчивости» буржуазіи. Недовѣріе въ извѣстномъ смыслѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ—свойство въ высшей степени революціонное. А я несомнѣнно не обладаю этимъ свойствомъ *въ [illegible]чей мѣрѣ*. И даже къ обладаніи ей *въ такой мѣрѣ* по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ я долженъ былъ пріучить себя разсудкомъ, не имѣя этого отъ природы.

Еще одно: если ты не можешь мнѣ назвать дюссельдорфскихъ рабочихъ, то ты все-таки можешь мнѣ сообщить *сущность*

ихъ жалобъ, и этимъ ты обяжешь меня, потому что я дѣйствительно не имѣю никакого понятія объ этомъ.

Коснусь еще одного: если вслѣдствіе чтенія брошюры Фогта во мнѣ и должна была возникнуть нѣкоторая «предбѣжденность», то это можетъ быть приписано исключительно лишь впечатлѣнію, которое произвелъ на меня тотъ доказанный и признанный фактъ, что члены нашей партіи корреспондируютъ въ «Augsburger Allgemeine Zeitung». Но для этого «предубѣжденность» весьма неподходящее выраженіе. Вѣдь я открыто высказалъ относительно этого свое сожалѣніе и неодобреніе и охарактеризовалъ это, какъ *единственно* непріятное, отъ чего мы *не* избавимся. Къ счастью, это не касается тебя, какъ ты самъ пишешь, и въ чемъ я и безъ того былъ твердо убѣжденъ; съ такой же увѣренностью я предполагалъ, что оно не касается ни Энгельса, ни Вольфа.—Корреспондетъ «Daily Telegraph'a» должно быть obscurissimus homo. Никто не знаетъ его, даже тѣ, кто непремѣнно должны были бы знать. Вѣроятно какой нибудь литературный жидокъ низшаго сорта, какіе здѣсь бѣгаютъ цѣлыми дюжинами, и которымъ бы я на твоемъ мѣстѣ не сталъ бы помогать составлять себѣ имя, поднимая противъ *нихъ* процессъ. Впрочемъ, вѣдь *съ юридической стороны* можно начать этотъ процессъ противъ *самой газеты.* только въ Лондонѣ. Я однако буду продолжать отыскивать этого субъекта, хотя теперь и съ меньшей уже надеждой на успѣхъ.

Въ своемъ предпослѣднемъ письмѣ я спрашивалъ: возвратитесь ли вы, если король умретъ и будетъ дана амнистія, чтобы издавать здѣсь газету? Отвѣтъ же на это. Я ношусь на этотъ случай съ большими надеждами—правда, еще очень неопредѣленными - издавать тогда съ вами (здѣсь въ Берлинѣ) *большую* газету. Итакъ, будете ли вы склонны въ такомъ случаѣ пріѣхать сюда? И какой капиталъ понадобился бы для изданія *большой* газеты? Достаточно ли раздобыть для этого около 10.000 талеровъ? Или сколько? *Мнѣ было бы пріятно, если бы ты написалъ мнѣ объ этомъ,* потому что я охотно думаю о такомъ château en Espagne!

Мой слуга—такъ какъ я все время былъ боленъ—по своей обычной небрежности вмѣсто того, чтобы отнести на почту предназначенныя для тебя газеты, бросилъ ихъ въ кучу газетъ, изъ которой я долженъ былъ ихъ выкопать; я нашелъ все вплоть до заявленія Вольфа въ «Volkszeitung», которое было напечатано въ ней безъ дальнѣйшихъ примѣчаній.

Около восьми дней тому назадъ въ Лейпцигѣ появилась одна книга, которая здѣсь вызвала настоящую *бурю*. Эти письма Гумбольдта къ Варнгагену, изданныя его племянницей. На издательницу здѣсь напали, словно стая бѣшенныхъ собакъ, всѣ буржуазныя газеты (—но за исключеніемъ «Volkszeitung»), и разумѣется также «Kreuzzeitung».

Но *нѣтъ*, правда, ни одной книги въ томъ же родѣ, которая бы *съ такой* пользой дѣйствовало въ нашемъ, т. е. я разумѣю понятно, въ общедемократическомъ смыслѣ. Она дуетъ изо всѣхъ силъ въ сторону революціоннаго теченія. Завтра выйдетъ уже второе изданіе. Издательница обѣщала мнѣ одинъ экземпляръ этой книги, который я немедленно пришлю тебѣ. Передай ее потомъ Энгельсу и Вольфу. Это доставитъ вамъ *очень большое* удовольствіе! Прислать книгу назадъ мнѣ не нужно, потому что у меня уже есть одинъ экземпляръ перваго изданія.

Даже газеты, желающія казаться демократичными, (какъ «Nationalzeitung») и отдѣльныя лица—въ *бѣшенствѣ*. Здѣсь при дворѣ и въ Веймарѣ наложили quasi трауръ. Это—сильный coup! Но самое забавное то, что «Kreuzzeitung» вслѣдствіе того, что издательница со временъ Варнгагена—наша пріятельница, дѣлаетъ отвѣтственнымъ за изданіе также и меня не называя, конечно, меня по имени, а только намекая на меня всякаго рода ядовитыми инсинуаціями. Такъ какъ она не называетъ меня, то я разумѣется, также не отвѣтилъ ей.—Прежде всего дай прочесть книгу и твоей женѣ.—Это чрезвычайно важный вкладъ въ современную исторію; дѣйствіе его—неизмѣримо.

Мнѣ пришло въ голову слѣдующее: находится ли Ф. Вольфъ въ сферѣ твоего воздѣйствія? Издательница хочетъ теперь перевести книгу на французскій языкъ, а тогда Вольфъ былъ бы для этого наиболѣе подходящимъ. Отвѣть на это и если это ему подходитъ, то *возможно скорѣе*, потому что она конечно найдетъ массу издателей, лишь только напишетъ въ Парижъ. Сначала книга была конфискована, потомъ запрещеніе было снято свыше и потому только, что опасались еще большаго шума.

Съ привѣтомъ и рукопожатіемъ всѣмъ вамъ, и съ самыми сердечными пожеланіями твоей женѣ.

Твой Ф. Лассаль.

(Берлинъ, Воскресенье, 11 марта).

NB. Почему Энгельсъ не отвѣтилъ по поводу своей брошюры? Теперь послѣ новѣйшаго поворота Наполеона въ средне-итальян-

скомъ вопросѣ, даже если этотъ поворотъ и не задуманъ имъ серьезно, есть прекрасная возможность побѣдить и заставить его фрегатъ плыть противъ вѣтра.

NB. «Рыцаря благороднаго сознанія» я *не* получилъ.

Приписка.

(Понедѣльникъ утромъ).

Я только что получилъ, дорогой Марксъ, твое посланіе и хочу отвѣтить съ этимъ же письмомъ. Если я говорилъ,—чего я не помню, но что должно явствовать изъ моихъ писемъ, — о томъ, что въ брошюрѣ Фогта «много правды», то это главнымъ образомъ относилось къ его самозащитѣ, а также и къ вашему часто непопадающему въ цѣль недовѣрію и мрачному взгляду на вещи, въ особенности же—къ участію нѣсколькихъ членовъ партіи въ «Augsburger Allgemeine Zeitung». Впрочемъ, я вѣдь самымъ рѣшительнымъ образомъ порицалъ *нападенія* въ его брошюрѣ. Были ли мои совѣты слишкомъ боязливы—ты, конечно, имѣешь въ виду процессъ—это покажетъ будущее. Кто однако будетъ вести его здѣсь отъ твоего имени? Очень многое зависитъ и отъ адвоката.— Что это за процессъ въ Лондонѣ, о которомъ ты пишешь? Дай мнѣ отвѣтъ и не пиши такъ проклято кратко, что остается обо всемъ догадываться.—Кто корреспондентъ «Daily Telegraph», объ этомъ ты скоро узнаешь, если я буду въ состояніи выходить. Но я не могу выходить изъ комнаты. Ничего не подѣлаешь. Я думаю, что узнаю и такъ, хотя и съ нѣкоторымъ замедленіемъ.

Благодарю за брошюру. О ньюіоркской брошюрѣ «Рыцарь благороднаго сознанія» я *никогда* ничего не слыхалъ. Почему я не получилъ ея тогда? Пришли же мнѣ ее, если можешь.

Во концѣ своего письма ты величественнымъ жестомъ пересылаешь мнѣ записку изъ Балтиморы, чтобы показать, что у меня по меньшей мѣрѣ нѣтъ основанія жаловаться на твое недовѣріе. (NB. Не написана ли она рукой Дронке?) Эта исторія имѣетъ свою очень комическую, но также и *очень* серьезную сторону. Да, *весьма* серьезную? Хотя это совсѣмъ не могло быть твоей цѣлью и хотя это мнѣ весьма противно, *но мой* интересъ требуетъ того, чтобы я кратко разобралъ этотъ гнусный хламъ. Авторъ выставляетъ въ немъ три утвержденія: 1) что мой политическій и соціальный антогонизмъ по отношенію къ существующему имѣетъ свое первоначальное происхожденіе въ томъ судебномъ антагонизмѣ, къ которому я пришелъ, столкнувшись съ правительственнымъ прокуроромъ. Только дуракъ можетъ не видѣть того, что дѣло

обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Письменные документы и мои статьи доказываютъ, что я революціонеръ съ 1840 года, а съ 1843 вполнѣ опредѣленный соціалистъ. Въ своемъ кругу и во всемъ, имѣющемъ къ нему отношеніе, я всегда былъ извѣстенъ, какъ самый страстный представитель этихъ взглядовъ, и въ моей жизни никогда не было періода распутья. Этотъ человѣкъ такимъ образомъ меня почти совсѣмъ не знаетъ; 2) но онъ выступаетъ tout bonnement съ уголовнымъ обвиненіемъ. «Такъ въ Берлинѣ онъ обманулъ, подъ видомъ вспомоществованія одному своему бѣдному другу, барона Штикерта изъ Силезіи на 300 долларовъ, и этотъ самый другъ писалъ мнѣ позднѣе изъ долговой тюрьмы и т. д.».

Кто хоть сколько-нибудь не повѣритъ этой такъ детально разсказываемой исторіи? Бѣдный другъ это—Дг. Притцель, въ настоящее время и уже очень давно состоящій архиваріусомъ Королевской Академіи наукъ въ Берлинѣ. Всегда относясь къ своимъ друзьямъ такъ, что если не достаетъ моихъ собственныхъ средствъ, я занимаю для нихъ у другихъ, я досталъ послѣднему для его ботанически-научнаго путешествія нѣсколько сотъ талеровъ у одного дружески-относящаго ко мнѣ человѣка, вышеназваннаго барона Штикерта. Притцель получилъ эти деньги отъ него лично и предпринялъ съ ними свое путешествіе. Насколько я знаю, онъ не сидѣлъ также никогда въ долговой тюрьмѣ, такъ что и письмо оттуда вымышленно. 3) Третье утвержденіе автора заключается въ томъ, что я будто бы fat, хвастаюсь носовыми платками графини и т. д. На это не можетъ быть никакого отвѣта.

Я тщетно ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, кто могъ бы быть авторомъ этого. Онъ долженъ нѣсколько знать меня по Берлину до періода на Рейнѣ. У меня всегда было много враговъ и завистниковъ. Но за время моего пребыванія въ Берлинѣ я припоминаю только одного единственнаго человѣка, по имени Дг. Виса. Не онъ ли авторъ? Съ этимъ также согласуется то, что онъ зналъ также Притцеля и что я только отъ Виса могу ждать глупости, будто я признавалъ за Бруно Бауеромъ, какъ онъ пишетъ въ предыдущемъ, революціонную умственную силу и большую энергію.

Ну хорошо, я *рѣшительно* прошу тебя назвать мнѣ автора этого подлаго посланія. Ты не имѣешь ни малѣйшаго права отказать мнѣ въ этомъ, потому что этотъ человѣкъ не останавливается на неопредѣленныхъ инсинуаціяхъ, которыя принадлежатъ

къ области, въ которой слѣдуетъ быть осторожнымъ, но онъ переходитъ ко вполнѣ *квалифицированной* клеветѣ и мошеннической выходкѣ. Твой долгъ, какъ моего друга, сказать мнѣ, кто распространяетъ обо мнѣ такія вещи. Все можетъ случиться, и такимъ образомъ я еще встрѣчу этого парня.

Короче сказать, я хочу знать его имя и имѣю на это самое рѣшительное право въ мірѣ, и твой отказъ назвать мнѣ этого клеветника былъ бы *мнѣ въ высшей степени непріятенъ и для меня дѣйствительно оскорбителенъ.*

Довольно о канальѣ!

Вернемся къ тебѣ! Зачѣмъ ты присылаешь мнѣ эту вещь съ такимъ торжествующимъ видомъ. Чтобы показать мнѣ, что ты по меньшей мѣрѣ очень мало не довѣряешь мнѣ или даже вполнѣ довѣряешь!

Господи момилуй! Не предполагать за человѣкомъ такого мошенничества—вѣдь это самый простой этическій *долгъ* каждаго по отношенію къ другому. Вѣрить, что *я* способенъ на такое мошенничество и на такую глупость и т. п., это должно быть для всякаго хоть сколько-нибудь разумнаго и знающаго меня человѣка *физически невозможнымъ!!* — И развѣ это тебѣ пріятно? Думаешь ли ты поставить это себѣ въ заслугу?

Если ты *думаешь ставить это себѣ въ заслугу*, *если ты хочешь доказать что-нибудь тѣмъ*, что ты въ *данномъ* случаѣ этого не сдѣлалъ, то *для меня* изъ этого вытекаетъ лишь весьма важное доказательство твоей склонности вѣрить безъ дальнѣйшихъ разсужденій во все дурное въ каждомъ человѣкѣ!

Да, къ сожалѣнію, я слишкомъ сильно убѣжденъ въ томъ, что если бы это случилось съ кѣмъ-нибудь *другимъ*, которому ты не сочувствуешь, котораго меньше знаешь, который производитъ собой менѣе положительное впечатлѣніе, чѣмъ я,—ты бы повѣрилъ этому спокойно и при ближайшемъ удобномъ случаѣ, при опубликованіи и т. д., ты бы дѣйствовалъ и писалъ подъ этимъ впечатлѣніемъ. Такъ *должно* быть, иначе ты не могъ бы переслать мнѣ этой дряни, какъ какое то доказательство того (τ ί), что ты на этотъ разъ все-таки не повѣрилъ въ такую вещь, которой я не дотронулся бы и ногой,—что всегда и по отношенію ко всѣмъ является самой мизерной обязанностью. Но если бы ты поступилъ иначе по отношенію къ другимъ людямъ, менѣе тебѣ извѣстнымъ и симпатичнымъ,—то какая это была бы несправедливость и какія были бы послѣдствія этого! Не одного достой-

наго человѣка, который могъ бы стать твоимъ приверженцемъ, ты превратилъ, можетъ быть, уже въ своего врага.

Далѣе, изъ введенія касающейся меня замѣтки я усмариваю, что она была доставлена на основаніи *запроса*, т. е. является *своего рода секретнымъ моимъ кондуитнымъ спискомъ*! Итакъ, вы разспрашивали обо мнѣ!!! Merci pour la découverte!!! Я право не знаю,—я всегда *очень точно* зналъ, какого я долженъ быть мнѣнія о твоемъ характерѣ и о характерѣ Энгельса, Вольфа и т. д. и т. д., не распрашивая объ этомъ никого, и однако я зналъ васъ не больше, чѣмъ вы меня. Мнѣ бы и во снѣ никогда не пришло въ голову спросить о васъ кого-нибудь иного. Я всегда самъ зналъ, что мнѣ думать о васъ.—Merci pour la découverte!!!

Итакъ, вы разспрашивали обо мнѣ господъ, которые—я могу по справедливости гордиться этимъ—и по своему уму, и по характеру, въ особенности по послѣднему, не были достойны даже развязать ремня у моихъ сапогъ.

Для такого procédé это въ самомъ дѣлѣ достойный результатъ. Иначе и быть не могло!

Но ты пишешь мнѣ еще, что можешь прислать мнѣ только эту записку, которая принадлежитъ тебѣ; «оффиціальныя обвиненія противъ тебя (меня), и въ числѣ ихъ показаніе депутаціи дюссельдорфскихъ рабочихъ, находятся въ документахъ союза».— Ты, очевидно, ставилъ себѣ въ большую заслугу то, что не повѣрилъ даже этимъ *оффиціальнымъ* обвиненіямъ, и считаешь это весьма подходящимъ доказательствомъ того, что ты вообще не относишься ко мнѣ недовѣрчиво или враждебно.

D'abord, что касается этихъ оффиціальныхъ обвиненій, о которыхъ я сегодня слышу въ первый разъ въ своей жизни, откуда берешь ты эти громкія слова «оффиціальныя обвиненія» для трусливыхъ, низкихъ доносовъ, которые всегда производятся только за моей спиной и о которыхъ никогда не сообщается мнѣ въ *той или иной формѣ*? Лишь *сообщеніе* дѣлаетъ доносъ обвиненіемъ какъ въ юридическомъ, такъ и въ обыкновенномъ смыслѣ. Слова «оффиціальное обвиненіе»—очень комичны, очень смѣшны въ примѣненіи къ клеветѣ, которая остается навсегда скрытой отъ человѣка, никогда не была ему извѣстна и о которой онъ даже и понятія не имѣлъ. По доброй ли своей волѣ ты не повѣрилъ этому? Или это былъ самый обыкновеннный долгъ и обязанность до тѣхъ поръ не вѣрить такой вещи, пока я не узнаю о ней?

А если это былъ только самый обыкновенный долгъ и обязанность, уклониться отъ котораго ты не могъ, то этотъ случай опять таки не говоритъ о томъ, что ты этимъ хочешь показать. Но прежде всего я долженъ здѣсь сдѣлать одну вставку. — Итакъ, дюссельдорфскіе рабочіе обвинили меня? Слышать объ этомъ для меня является большой, очень большой новостью. Завтра это снова забудется и будетъ для меня столь же безразличнымъ, какъ и все прочее. Но сегодня это производитъ на меня нѣкоторое дѣйствіе. Voilà pourquoi!

Помнишь ли ты фразу изъ Гомера: явиться кому нибудь въ образѣ бога-помощника? Если эта фраза могла быть примѣнена когда-нибудь, такъ это буквально къ моимъ отношеніямъ къ дюссельдорфскимъ рабочимъ *въ теченіе девяти лѣтъ*, съ 1848 года до 1857, когда я уѣхалъ оттуда. Ты не имѣешь никакого *понятія и представленія* обо всемъ томъ, что я сдѣлалъ для этихъ людей, что я вытерпѣлъ изъ за нихъ, какія жертвы принесъ имъ. На благодарность съ ихъ стороны я никогда не разсчитывалъ и не буду разсчитывать, но тѣмъ сильнѣе всегда дѣйствуетъ въ первый моментъ неблагодарность. Если они нуждались въ деньгахъ, то шли ко мнѣ, искали у меня помощи и *всегда* находили ее. Почти всегда я давалъ *гораздо больше*, чѣмъ могъ, давалъ съ величайшими жертвами, но я давалъ, потому что меньшее не помогало и потому, что я всегда предпочиталъ обременять самого себя и попасть самому въ совершенно безвыходное положеніе, чѣмъ не помочь этимъ людямъ, которые обладали меньшими средствами, чѣмъ я. Часто я доходилъ при этомъ до величайшей безсовѣстности по отношенію къ самому себѣ и порой по отношенію къ графинѣ, которая была такъ дорога мнѣ и судьба которой лежала на мнѣ. Если у нихъ были столкновенія съ полиціей, то они приходили ко мнѣ, и я бралъ ихъ подъ защиту своихъ крыльевъ.

Я бросался къ начальнику полиціи и улаживалъ эти споры— какъ часто—при помощи угрозъ, чего я не совѣтовалъ бы дѣлать никому другому. Если они попадали въ тюрьму, то я заботился объ ихъ защитѣ, если это было нужно, а за это время кормилъ ихъ семьи. Если дѣло шло о томъ, что кому-нибудь изъ нихъ нужно было завести самостоятельное дѣло, то я до тѣхъ поръ бѣгалъ повсюду, пока не доставалъ денегъ, всегда самъ отдавая все, что было нужно и чего нельзя было достать. Мой домъ былъ ихъ пріютомъ въ теченіе цѣлаго года. Всякаго бѣглеца, всякаго, кому изъ нихъ вообще нужно было бѣжать, приво-

дили въ мой домъ, тамъ его я скрывалъ по цѣлымъ днямъ съ величайшей опасностью для себя и графини и отправлялъ потомъ на лошадяхъ въ Голландію и т. д. Я всегда служилъ совѣтомъ, а дѣломъ всѣмъ и не только своимъ любимцамъ. По субботамъ и воскресеньямъ они собирались у меня, когда хотѣли, и очень часто. Когда дѣло шло о томъ, чтобы распространить книги среди рабочихъ всего правительственнаго округа (сюда относится также и Wupperthal), то я досталъ книги, по ихъ желанію, отъ своего книгопродавца на 70 талеровъ, которыхъ я конечно никогда не получилъ обратно, и передалъ книги имъ. Каждый новый годъ я встрѣчалъ вмѣстѣ съ ними и произносилъ имъ рѣчи, въ которыхъ давалъ обзоръ всего происшедшаго за годъ и указывалъ на ходъ историческаго развитія. Въ теченіе долгаго промежутка времени—во все время самой сильной реакціи—несмотря на самыя свирѣпыя угрозы со стороны полиціи, большіе или меньшіе наряды которой всегда во время этихъ лекцій лежали въ кустахъ противъ моего дома—я читалъ у себя дома лекціи о соціальномъ развитіи съ 1789 года, несмотря на все бѣшенство и всякія угрозы полиціи, пока рабочіе *противъ* моей воли, не заявили, что они не могутъ и не станутъ подвергать меня дальше такой опасности, и упорно послѣ этого не приходили.

Короче сказать, мой домъ былъ ихъ крѣпостью и крѣпостнымъ валомъ. Я всегда выступалъ за нихъ, за каждаго изъ нихъ, при всякомъ случаѣ. Полиція и оберъ-прокуроръ никогда не могли меня ни въ чемъ обвинить. Но съумѣли это сдѣлать другимъ способомъ. Мои постоянныя сношенія съ пролетаріатомъ привели въ бѣшенство всю бюрократію въ Дюссельдорфѣ и въ Рейнской провинціи—и вслѣдствіе ихъ мести я терялъ всѣ гражданскіе процессы графини, и виды на будущее становились все мрачнѣе, и потокъ бѣшенства, угрожавшій задушить меня, все больше вздувался и поднимался во мнѣ. Рабочіе этого, разумѣется, не знали и не понимали.

Я спокойно принималъ все одно за другимъ, внутренне пожиралъ свое сердце, терпѣлъ и молчалъ! О, если бы одинъ лишь Дюссельдорфъ былъ на моей шеѣ! Во время процесса коммунистовъ (начиная съ ареста) принесенныя мною финансовыя жертвы и моя собственная нищета были такъ велики, что—какъ часто!—я долженъ былъ все *занимать* для себя деньги, что я вслѣдствіе этого ежемѣсячно, и кромѣ того еще экстраординарно, прибѣгалъ къ займамъ. Все затопила реакція, я одинъ стоялъ, какъ

стѣна, какъ городской валъ, все вынося, чего только ни хотѣли отъ меня.

И вотъ то, что теперь, несмотря на все это, находятся еще нѣкоторые изъ нихъ, которые доносятъ на меня — ceci est curieux!! Я не знаю, почему именно сегодня у меня такое ребяческое настроеніе духа, что мнѣ больно отъ такихъ вещей. Eh bien, что же они сказали? Я не могу этого отгадать, если ты не будешь такъ любезенъ и не сообщишь мнѣ объ этомъ. Не удивляйся моему возбужденію. Но ты дѣйствительно не можешь себѣ представить всего того, что я—и при томъ во *всѣхъ* отношеніяхъ—сдѣлалъ для этихъ людей, которые сплетничаютъ за моей спиной и клевещутъ на меня. Кто это могъ быть? Въ Кельнѣ интриговали противъ меня многіе изъ мелкой буржуазіи, Бермбахъ и др., которые, думаю я, дѣлали это изъ зависти къ моему личному превосходству. Я никогда не обращалъ на нихъ вниманія. Дальнѣйшее показало, что они представляютъ собой. Беккеръ напалъ на меня изъ-за брошюры Телеринга. Сначала я не зналъ Телеринга. Я принялъ его тайно у себя въ домѣ въ Дюссельдорфѣ во время его бѣгства, ради тебя, какъ твоего корреспондента, и скрывалъ въ теченіе *шести недѣль* съ большой опасностью для графини. Онъ утверждалъ, что его эксплоатируютъ и хотѣлъ имѣть какого-нибудь книгоиздателя. Я предоставилъ ему своего. Это все, что было. Онъ уѣхалъ. Бюргерсъ взялъ на себя корректуру брошюры. *Ты* самъ писалъ мнѣ изъ Лондона — точно также и Ф. Вольфъ отъ твоего имени— когда Телерингъ уже былъ тамъ, настоятельно побуждая меня ускорить печатаніе брошюры противъ Беккера. Позднѣе ты счелъ лучшимъ сойтись съ нимъ, а онъ напасть на меня, когда въ апрѣлѣ 1851 года я наконецъ освободился отъ шестимѣсячнаго тюремнаго заключенія въ Дюссельдорфѣ и вскорѣ затѣмъ сталъ посѣщать кельнскій рабочій ферейнъ. Тогда я впервые увидѣлъ, какая свора ядовитой мелкой демократіи составилась противъ меня, свора, которой я *совершенно не зналъ*, и которая повидимому была натравлена на меня только тѣмъ, что я *никогда* не *обращалъ* на нее *вниманія* (Бермбахъ, Эргардтъ, Улендорфъ и др.). Я оттряхнулъ эту мелочь. На другой день произошелъ арестъ коммунистовъ, тогда споръ прекратился самъ собой. Беккеръ впрочемъ былъ здѣсь у меня послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы и высказалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу тогдашней сцены, о которой я охотно забылъ. За этотъ

промежутокъ времени у него была возможность и случай узнать ближе, какъ меня, такъ и тѣхъ.

Имѣютъ ли обвиненія—эти «оффиціальныя» обвиненія—связь съ этой бандой? Но какъ же обстоитъ дѣло съ дюссельдорфской рабочей депутаціей?

Это можетъ быть объяснено только такимъ образомъ. Между дюссельдорфскими рабочими много агитировалъ нѣкій маленькій Леви, тотъ самый маленькій человѣчекъ, который однажды пріѣхалъ къ тебѣ въ Лондонъ и привезъ тебѣ письмо отъ меня: хорошо. Послѣ соглашенія съ графомъ, это было, я думаю, въ январѣ 1855 года, онъ хотѣлъ занять у графини 2.000 талеровъ для своего частнаго дѣла. Это было совершенно невозможно. Не говоря уже о томъ, что онъ не могъ никоимъ образомъ претендовать на это и не предлагалъ никакой гарантіи. Однако, желая ему помочь, я все-таки предложилъ ему 500 талеровъ, что было болѣе, чѣмъ достаточно. Онъ не принялъ ихъ, разсердился на насъ, съ этого момента не ходилъ больше къ намъ и сталъ съ тѣхъ поръ распространять обо мнѣ самыя грязныя и поистинѣ возмутительныя выдумки, и между прочимъ даже, если я только вѣрно припоминаю, что я будто бы полицейскій шпіонъ и т. п. Такъ какъ онъ постоянно находился среди рабочихъ, то онъ несомнѣнно возбудилъ въ большей или меньшей степени нѣкоторыхъ изъ нихъ противъ меня.

Это, конечно, связано съ нимъ. Нѣтъ? Я бьюсь объ закладъ. Разскажи мнѣ, пожалуйста, болѣе подробно объ этихъ «оффиціальныхъ обвиненіяхъ». Пока я писалъ, досада уже прошла, и во мнѣ остается лишь полное презрѣніе.

Но ты видишь на мнѣ, какъ ты долженъ остерегаться своихъ корреспондентовъ—*также, если это касается и другихъ*. Игра въ революцію съ рабочими не приноситъ никакой пользы, а только слишкомъ часто возбуждаетъ въ нихъ дурные аппетиты, дѣлаетъ ихъ доносчиками и людьми личнаго интереса, приводитъ къ тому, что они смѣшиваютъ общественное со своей собственной личностью и, вѣчно крича объ эксплоатаціи, сами дѣлаются эксплоататорами и à la Леви, унижаютъ и клевещутъ въ общественномъ и партійномъ отношеніи на такихъ людей, которые не хотятъ имъ оказывать всякой чисто личной услуги. Отдѣльный рабочій становится такимъ образомъ и Далай-Ламой, который уже не различаетъ болѣе, что личное и что партійное.

Практическихъ результатовъ эта игра въ революцію съ рабо-

чими вѣдь еще не имѣла. Но и теоретическихъ также мало. Послѣднихъ можно было бы достичь, и достиженіе ихъ въ высшей степени важно. Я самъ всегда дѣлалъ все возможное для того, чтобы среди нихъ распространялось образованіе и сознаніе. Но это должно происходить такимъ образомъ, чтобы ихъ не заманивали на игру и не пробуждали въ нихъ тщеславія, зависти и злобы. Вы также не должны полагаться на эту организацію, какъ на средство для вліянія въ извѣсттныхъ случаяхъ. Я, напримѣръ, могу поручиться за слѣдующее: теперь уже три года, какъ я не живу въ Дюссельдорфѣ и охотно вѣрю, что въ общемъ ни одинъ дюссельдорфскій рабочій не думаетъ больше обо мнѣ, такъ что я теперь не имѣлъ бы тамъ никакого вліянія. Вѣдь у рабочихъ, такъ же какъ у дѣвушекъ: съ глазъ долой, изъ сердца вонъ. Но *до* своего отъѣзда оттуда я былъ *очень* популяренъ среди дюссельдорфскихъ рабочихъ, *настолько* популяренъ, что та рабочая депутація съ союзомъ вмѣстѣ никогда не были бы въ состояніи, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, сравняться со мной въ популярности среди рабочихъ. Вы можете мнѣ повѣрить въ этомъ, потому что теперь это дѣло прошлое, и было бы глупо хвастаться этимъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло прошлаго.

Ну, прощайте, дорогіе друзья. Если вы теперь еще разъ, какъ пишетъ Энгельсъ, опорожните вашъ архивъ, съ помощью котораго вы можете убить всю демократическую шайку, то, надѣюсь, эти доказательства противъ послѣдней окажутся болѣе вѣскими, чѣмъ тотъ листочекъ, который ты прислалъ мнѣ, дорогой Марксъ, повидимому тоже изъ своего архива. Иначе эти люди не надолго будутъ убиты.

Копію той записки, которая касается меня, я отсылаю тебѣ назадъ (оригиналъ я оставляю у себя), чтобы ты могъ видѣть своими глазами, въ какой мелочной и детальной формѣ можетъ проявиться ложь, — и пусть это заставитъ тебя быть осторожнымъ также и по отношенію къ другимъ.

Въ своемъ усердіи я написалъ *слишкомъ много* для человѣка выздоравливающаго, вдвое больше того, чѣмъ я собственно могъ написать. Впрочемъ, я уже радуюсь твоимъ шуткамъ и ядовитому сарказму въ твоемъ возраженіи. Если ты сдѣлаешь изъ Фогта кашу, то никто не осудитъ тебя за это.

По старой дружбѣ сердечно жму руки тебѣ и Энгельсу.

Вашъ Ф. Лассаль.

Воскресенье.

Копія: A propos, что касается характера Лассаля, насколько онъ годенъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, то я не могу дать никакихъ указаній, такъ какъ онъ началъ развивать эту дѣятельность только въ Кельнѣ и, насколько я могу прослѣдить, не вслѣдствіе внутренняго импульса, но благодаря тому обстоятельству, что его роль промышленнаго рыцаря и юбочника у распутной графини... Противно писать подобную мерзость о самомъ себѣ и я отказываюсь, поэтому, отъ дальнѣйшаго писанія, тѣмъ болѣе, что ты не требуешь отъ меня этого документа.

Къ тому же я очень усталъ.

Среда.

Вторая приписка.

Я не отсылалъ письма, потому что съ часу на часъ надѣялся узнать имя и адресъ корреспондента «Daily Telegraph» и хотѣлъ приписать его. Но со всѣхъ сторонъ мнѣ отвѣчаютъ, что *никто* его не знаетъ, даже тѣ, отъ кого слѣдовало бы ожидать, что они *непремѣнно* должны его знать. Газета слишкомъ мала, незначительна и неизвѣстна. Но я все-таки надѣюсь еще узнать объ этомъ. Но такъ какъ теперь это ни въ какомъ случаѣ не будетъ такъ скоро, какъ я думалъ, то я и отправляю письмо раньше.

Спеціально для Энгельса. Вчера вечеромъ былъ у меня, по случаю моей болѣзни, съ визитомъ Дункеръ, и въ то время, какъ я вполнѣ добродушно думалъ, что ваша брошюра еще придетъ изъ Лондона, онъ разсказалъ мнѣ совершенно флегматичнымъ тономъ, что онъ уже получилъ ее, отказался издать ее и согласно вашему указанію представилъ ее въ распоряженіе нѣкоего Аффингера. Представьте себѣ мое изумленіе! Я говорю ему, что вы написали мнѣ по поводу этого (вслѣдствіе своей болѣзни я его не видѣлъ за этотъ промежутокъ времени) и требую отъ него изложенія его основаній къ отказу). Онъ отвѣчаетъ, что послѣднія заключаются не въ «Volkszeitung» и не въ вашей брошюрѣ,—хотя то, что вы говорите въ ней о «слишкомъ умныхъ берлинцахъ», судя по литературной сторонѣ дѣла, можетъ быть отнесено только къ моей брошюрѣ,—но, что у него есть свои *личныя политическія* убѣжденія, и онъ не позволитъ пользоваться его издательствомъ, какъ средствомъ противъ нихъ (точка зрѣнія, противъ которой ничего, собственно говоря, нельзя возразить). Онъ совсѣмъ не хочетъ, чтобы Савойя досталась Наполеону; но политическая часть вашей брошюры такого рода, что онъ (пойми, кто можетъ!) у насъ оказалъ бы всяческое содѣйствіе *австрійской* партіи, а этого онъ не хочетъ.

Я спрашиваю, почему онъ по крайней мѣрѣ не посовѣтовался со мной передъ тѣмъ, какъ отказаться? Онъ говоритъ, что онъ, конечно, сдѣлалъ бы это, но вы слишкомъ торопили его, требуя самаго скораго отвѣта и указывая, что рукопись немедленно должна быть отдана Аффингеру. Такъ или иначе, но онъ не могъ придти ко мнѣ, и ему ничего другого не оставалось, какъ тотчасъ же—уже въ прошлую субботу—послать рукопись, согласно вашему указанію, Аффингеру. Впрочемъ, вѣдь переговоры не велись черезъ меня. Тогда я сталъ побуждать его измѣнить свое рѣшеніе и добился слѣдующаго результата:

1) Онъ все-таки напечатаетъ вашу брошюру, но не анонимно, а лишь подъ *вашимъ именемъ*. При изданіи анонимныхъ брошюръ такого рода, такъ именно обстоитъ дѣло здѣсь, издатель всегда является солидарнымъ съ политической тенденціей ихъ. Противъ этого собственно нельзя ничего сказать.

2). Если вы не хотите дать своего имени, то онъ доставитъ вамъ, т. е. попытается достать другого здѣшняго издателя, прежняго своего компаньона.

Рѣшитесь же на это. Мнѣ какъ разъ не хотѣлось бы, чтобы эта вещь появилась *подъ вашимъ именемъ*. Вѣдь я убѣжденъ, что наступитъ время, когда вы будете раздѣлять мой взглядъ и тогда, разумѣется, вамъ будетъ пріятно, что вы не дали ей распространиться подъ вашимъ именемъ. Но, разумѣется, это предсказаніе—лишь мало заслуживающее вниманія личное мнѣніе.

Прощай, дорогой Марксъ! Перечитывая свое письмо къ тебѣ, я вижу, что надо было бы очень многое прибавить или, въ сущности говоря, даже выпустить. Потому что, у меня вѣдь вовсе нѣтъ намѣренія писать себѣ панегирикъ. Несомнѣнно лишь слѣдующее: если ты, послѣ того какъ ты имѣлъ возможность достаточно наблюдать мои дѣйствія съ 1849 по 1853 гг., если ты въ 1853 г. неохотно вѣришь низкимъ клеветамъ на весь мой характеръ, на всѣ мои намѣренія и т. д., то ты этимъ далъ лишь доказательство, что ты не являешься самой непростительно-легковѣрной во всемъ мірѣ креатурой и что ты не можешь стать *болваномъ въ рукахъ* всякаго, кому придетъ въ голову выставить самыя абсурдныя и невѣроятныя утвержденія. *Болѣе* этого, и доказательства отсутствія совсѣмъ не идущаго къ дѣлу недовѣрія, изъ-за чего у насъ и вышло столкновеніе здѣсь нѣтъ.

Если я говорилъ тебѣ, что ты часто бываешь ни съ того, ни съ сего слишкомъ недовѣрчивъ, то этимъ я тебѣ еще не ска-

залъ и не хотѣлъ сказать, что ты потерялъ способность пользоваться своими пятью чувствами.

Но это должно было бы быть, еслибы ты могъ хоть сколько-нибудь повѣрить въ 1853 г. низостямъ и клеветѣ, проявленнымъ по отношенію ко мнѣ.

Это было какъ разъ въ 50-хъ годахъ, когда одинъ купецъ, котораго я уважаю—человѣкъ весьма добродушный—пріѣхалъ изъ Лондона и разсказывалъ, что онъ слышалъ изъ самаго достовѣрнаго источника, будто бы ты корреспондируешь въ «Kreuzzeitung». Я вскипѣлъ и сказалъ ему, что сообщившій ему это—мошенникъ и дуракъ. Вѣроятно и то, и другое. Во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ. Это невозможное дѣло.

И то, что я не повѣрилъ такой пошлой клеветѣ (malheureusement я вижу, что я лишь случайно былъ правъ; вѣдь по отношенію къ Либкнехту, напримѣръ, котораго ты называешь честнымъ человѣкомъ, это могло бы быть вполнѣ справедливо), этого я никогда не считалъ бы и не считаю доказательствомъ отсутствія неосновательнаго недовѣрія. Скорѣе я смотрѣлъ бы на себя, какъ на человѣка, не обладающаго никакой критикой, котораго можно обмануть первой попавшейся выдумкой, если бы я повѣрилъ въ этомъ случаѣ. Нѣтъ, чтобы принести мнѣ, а слѣдовательно и другимъ, что-нибудь, какъ доказательство отсутствія недовѣрія, дѣло должно было бы произойти иначе, на лицо должны были бы быть по меньшей мѣрѣ les apparences les plus trompeuses!

Впрочемъ, я *никогда* не утверждалъ, что ты былъ недовѣрчивъ ко *мнѣ*, кромѣ подозрѣнія въ излишней чувствительности, въ чемъ ты самъ мнѣ сознался въ послѣднемъ письмѣ; я воспользовался этимъ, какъ средствомъ, чтобы показать твое недовѣріе по отношенію къ другимъ. Я скорѣе говорилъ, что убѣжденъ въ твоемъ дружескомъ ко мнѣ отношеніи, и говорилъ вообще только о твоемъ отношеніи къ другимъ. Что ты былъ также недовѣрчивъ и ко мнѣ, какъ только была налицо самая незначительная apparence trompeuse, (думая, что я не отвѣтилъ по злобѣ), это ты вѣдь самъ сказалъ. Но и этотъ вопросъ я поднялъ не ради себя, не для жалобы, но лишь для того, чтобы, указывая на мой случай, какъ на поучительный примѣръ, заставить тебя относиться болѣе справедливо *къ другимъ*.

Ну, прощайте, les amis! Сегодня я слабѣе и чувствую себя хуже, чѣмъ вчера и третьяго дня; я долженъ буду снова ползти назадъ въ постель, а это скверно.

Не забудь назвать мнѣ балтиморскаго парня; я настаиваю на этомъ. И чѣмъ больше ты разскажешь мнѣ о великихъ тайнахъ союза, объ «оффиціальныхъ обвиненіяхъ» противъ меня, тѣмъ лучше и поучительнѣе будетъ это для меня.

Вашъ Ф. Лассаль.

58.

[Конецъ марта].

Дорогой Энгельсъ!

Если я въ своемъ письмѣ поспѣшно, но съ добрымъ намѣреніемъ, выразился, что въ вашихъ интересахъ не выступать со своимъ именемъ, чтобы не быть «скомпрометированнымъ» въ своемъ теперешнемъ пониманіи итальянскихъ дѣлъ (надѣюсь, что какъ бы поспѣшно ни было написано мною письмо, я не употребилъ, по крайней мѣрѣ, этого слова), то я охотно допускаю, что этотъ аргументъ былъ весьма неподходящимъ по отношенію къ тому, кто убѣжденъ въ справедливости своего взгляда; я нахожу вполнѣ законнымъ вашъ намёкъ мнѣ на это, когда говорите о «дѣйствительно *субъективно* рѣшающемъ значеніи» этого аргумента. Это совершенно въ порядкѣ вещей, если вы такъ же твердо надѣетесь убѣдить меня, какъ и я васъ. Но если вы основываете эту надежду на томъ, что въ Англіи возможно болѣе точное знаніе дипломатическаго матеріала, то это, по моему, не является солиднымъ базисомъ. Вѣдь прежде всего наши газеты сдѣлали довольно обширныя сообщенія изъ англійскихъ синихъ книгъ — при этомъ различныя газеты дополняютъ другъ друга — и я достаточно внимательно слѣдилъ какъ за ними, такъ и за опубликованными здѣсь документами. Но совершенно независимо отъ этого и какъ бы ни было велико въ этомъ отношеніи преимущество вашего положенія, мнѣ кажется, что это не тотъ *путь*, идя по которому можно было бы разрѣшить споръ между нами и составить себѣ представленіе о правильности нашихъ мнѣній въ спорномъ прошлогоднемъ вопросѣ. Вѣдь дипломатическій матеріалъ не въ состояніи выяснить что-нибудь иное, кромѣ *переговоровъ* и *намѣреній* различныхъ правительствъ. И насколько является важнымъ и интереснымъ точное знакомство съ ними въ другомъ отношеніи, настолько же при рѣшеніи вопроса, должны ли мы проповѣдывать войну, не имѣютъ никакого значенія, ни даже самаго ничтожнаго, *намѣренія* Наполеона, Россіи и т. д., но имѣетъ значеніе всегда и

постоянно лишь *объективное положеніе вещей* и *взаимное отношеніе ихъ*, т. е. вещи, съ которыми весь дипломатическій матеріалъ всего міра не имѣетъ никакого дѣла. Какія *намѣренія* и *переговоры* кабинетовъ я узналъ бы изъ нихъ, что побудило бы меня держаться другого мнѣнія? Не переговоры же между Наполеономъ и Сардиніей относительно уступки Савойи? Я ужъ давно a priori былъ до того убѣжденъ въ этомъ, что въ своей брошюрѣ, стр. 4, смѣло ссылаясь на рѣшеніе будущаго—хотя тогда ни до кого, точно также и ни до меня, не доходило извѣстіе объ этомъ,—утверждалъ, что уже во время свадьбы Клотильды и Плонъ-Плона былъ заключенъ *договоръ*, по которому Наполеонъ обязался начать войну ради завоеванія Ломбардіи (pacte de famille, о которомъ лишь недавно стало извѣстно въ достаточной степени), договоръ, въ которомъ, какъ я всегда думалъ, существенной составной частью было присоединеніе Савойи, на вѣроятность чего я указывалъ въ той же самой брошюрѣ.

Или вы можете мнѣ указать на основаніи дипломатическаго матеріала намѣренія или переговоры Наполеона относительно завоеванія *Рейнской границы?* Ну такъ, если бы я тогда имѣлъ документально доказаннымъ, что *это—намѣреніе* Наполеона, а можетъ быть и Россіи, то я бы тогда *тѣмъ болѣе* былъ того мнѣнія, какого и былъ. Ничто въ моихъ глазахъ не могло бы быть бо̀льшимъ счастьемъ для національнаго и революціоннаго подъема Германіи, чѣмъ такая война, которую бы началъ Наполеонъ изъ-за Рейнской границы. И какъ разъ потому, что я считаю это такимъ счастьемъ,—я и остерегся бы подставить ему ногу и препятствовать его наступленію. Именно поэтому то я остерегся бы сдѣлать Наполеону большое одолженіе давъ ему возможность вести *ту же войну* и *ради тѣхъ же* результатовъ подъ совершенно инымъ, *гораздо болѣе благопріятнымъ для него предлогомъ!* Подъ предлогомъ, что это итальянско-демократическое дѣло, который давалъ ему то преимущество, что онъ могъ бы благодаря ему сконцентрировать вокругъ себя симпатіи французскаго народа и въ то же время неизбѣжно расколоть симпатіи нѣмецкаго народа и вызвать въ немъ замѣшательство. (Совершенно независимо отъ того, какое дѣйствіе произведетъ такая война на Италію, независимо отъ того вліянія, какое вслѣдствіе этого пріобрѣтетъ Австрія, отъ того, какое будетъ обратное дѣйствіе всего этого на насъ и на группировку внутри Германіи). У меня всегда была такая тактика: если я навѣрное зналъ, что мой противникъ обнаружитъ свою слабую

сторону, то я ждалъ спокойно и хладнокровно этого момента и не мѣшалъ ему въ этомъ своими слишкомъ поспѣшными дѣйствіями. Теперь, и въ особенности у насъ, все зависитъ отъ *явной причины войны*, которая вліяетъ на *всенародное сознаніе*. Какъ *судьба* самой войны, такъ и *политическія слѣдствія* ея всецѣло зависятъ отъ этой причины войны. Война, предпринятая имъ изъ-за Рейна, доставитъ французской демократіи весьма важные и благопріятные пункты для нападокъ на Наполеона, а нѣмецкой демократіи она дастъ безпримѣрную, увлекающую за собой силу размаха. При *такой* войнѣ весь нѣмецкій народъ поднялся бы, какъ одинъ человѣкъ, стремленіе къ національному единству получило бы опьяняющую силу и желѣзную необходимость въ самомъ объективномъ положеніи вещей, а пораженія нашихъ правительствъ привели бы къ ихъ паденію (и даже въ томъ въ *высшей степени невѣроятномъ случаѣ*, если наши правительства и побѣдятъ, она будетъ имѣть громадныя послѣдстія, благодаря средствамъ, потребовавшимся на это, и разъ вызванному уже настроенію). Итакъ, будемъ смотрѣть на *эту* войну, если она произойдетъ — а я думаю, что вслѣдствіе присоединенія Савойи и т. д. Наполеонъ отправится по такому пути, который принудитъ его forcément и fatalment сдѣлать намъ это удовольствіе — будемъ смотрѣть на нее, какъ на «высшую благосклонность судьбы», будемъ вести ее вплоть до рукопашной и окончимъ лишь съ паденіемъ Наполеона.

Но насколько невыгодно было бы для насъ лишиться этой прекрасной и чистой причины войны, этого чистоплотнаго положенія партіи, этихъ ни съ чѣмъ несравнимыхъ шансовъ дать господствующее положеніе революціоннымъ идеямъ, этой неизбѣжности наступленія унитарно-національной революціи (въ особенности, если это произойдетъ въ то время, когда, какъ это и есть, Австрія будетъ уничтожена), лишится этого тѣмъ, что мы превратили бы ее, т. е. эту войну—въ войну изъ-за черно-желтыхъ династическихъ интересовъ, контръ-революціонныхъ территоріальныхъ договоровъ и изъ-за противнаго нашимъ принципамъ угнетенія народа! Eh! Peuh!

Нѣтъ! Вы писали мнѣ однажды въ самомъ началѣ этого дѣла: если бы французы стояли передъ Кельномъ, а русскіе передъ Кенигсбергомъ, тогда шансы нѣмецкой націи были бы наибольшіе. Это—*вполнѣ* мой взглядъ. Но это прежде всего зависитъ отъ основанной на *фактахъ*, и потому господствующей въ предста-

17

вленіи всей націи причины войны (но не той, которая мною и вами почерпнута изъ синихъ книгъ, въ видѣ arrière-pensée).

И все же это лишь *одна* и собственно самая поверхностная сторона дѣла! Но довольно. Я бы ужъ нашелъ время, хотя я и заваленъ работой, чтобы написать Марксу подробное возраженіе на его ноябрьское письмо, если бы меня не удерживала отъ этого мысль, что такое пожертвованіе временемъ не будетъ имѣть никакого практическаго результата. Вѣдь при томъ положеніи, въ какомъ теперь находятся дѣла, различіе въ нашихъ взглядахъ имѣетъ чисто теоретическое значеніе. При томъ теченіи, какое приняла уже политика Наполеона, мнѣ кажется въ высшей степени невѣроятнымъ, что можетъ снова вернуться то практическое положеніе вещей, при которомъ это различіе опять бы получило силу. Я уже писалъ вамъ недавно, что, по моему, война противъ него изъ-за *Савойскаго* вопроса, который, конечно, совсѣмъ иной, чѣмъ итальянскій—была бы *вполнѣ* справедлива (хотя, конечно, при положеніи нашихъ кабинетовъ до этого не дойдетъ), а если онъ къ тому же проглотитъ Савойю безъ предварительнаго согласія, то, исходя изъ той же точки зрѣнія, какую я проводилъ въ своей брошюрѣ, можно самымъ страстнымъ образомъ требовать войны.

(Но во избѣжаніе недоразумѣній я долженъ замѣтить, что я и въ *прошломъ* году, когда писалъ свою брошюру, страстно желалъ, чтобы Пруссія начала войну противъ Наполеона. Но я желалъ ея только при *томъ* условіи, чтобы ее начало *правительство* и чтобы она была въ глазахъ народа *насколько только возможно не популярной и ненавистной. Тогда*, конечно, это было бы большое счастье. Но демократія должна была бы тогда писать и вести пропаганду *противъ* этой войны, а не за нее. Основанія для такого мнѣнія и его внутреннюю связь я развилъ во многихъ письмахъ къ Марксу, относящихся къ первымъ мѣсяцамъ 1859 года. Впрочемъ, я пока позволяю себѣ увѣрить Маркса честнымъ словомъ, что онъ *совершенно* ошибается, высказывая въ своемъ ноябрьскомъ письмѣ убѣжденіе, что прусскій кабинетъ *не* хотѣлъ начинать войны противъ Наполеона. Это чисто фактическій вопросъ, относительно котораго я освѣдомленъ самымъ точнымъ образомъ, и нѣтъ *ничего болѣе* достовѣрнаго, чѣмъ прямо противоположное его утвержденію. Рехбергу была уже прочтена и депеша, въ которой Пруссія *брала даже на себя гарантію территоріальной цѣлостности австрійскихъ владѣній въ Италіи;* ему, однако, не хотѣли позволить списать ее, чтобы

имѣть возможность сдѣлать еще попытку посредничества. Но даже къ такимъ задержкамъ Ауервальдъ-Шлейницамъ, которые, конечно, были очень *противъ* войны, лишь *съ величайшимъ трудомъ* удавалось склонить принца, котораго *едва можно было сдержать.* Нѣтъ *ничего болѣе достовѣрнаго* того, что если бы не наступилъ миръ, мы въ скоромъ времени начали бы войну. Это — факты, на которыхъ я дѣйствительно могу *настаивать)*

Итакъ, въ виду того, что я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы положеніе опять стало такимъ, что прежняя дискуссія между нами пріобрѣтетъ снова практическій интересъ, то я считаю тѣмъ болѣе излишнимъ поднимать ее здѣсь теперь.

По отношенію къ *современному* положенію дѣлъ мы, вѣроятно, вполнѣ солидарны во мнѣніяхъ; точно также, конечно, и по отношенію къ будущему.

«National»- и «Volkszeitung» съ ихъ статьями о военномъ законѣ будутъ отысканы и посланы вамъ. Найти все это—не такъ легко, и это можетъ такимъ образомъ затянуться на нѣсколько дней. Законъ—позоренъ! Уничтоженіе полное,—но только замаскированное—народнаго ополченія, какъ послѣдняго демократическаго остатка отъ 1810 года, созданіе неизмѣримо—могущественнаго средства для абсолютизма и юнкерства, вотъ, въ двухъ словахъ, несомнѣнная цѣль послѣдняго. Мантейфель никогда не осмѣлился бы предложить что-нибудь подобное! Онъ никогда не провелъ бы этого. Кто живетъ теперь въ Берлинѣ и не умираетъ отъ либерализма, тотъ никогда не умретъ отъ досады!

Что касается Нотюнга, то онъ мнѣ уже написалъ, прежде чѣмъ я получилъ ваше письмо, и указывая на то же бѣдственное положеніе, просилъ у меня 10 или 12 талеровъ. Я послалъ ему еще нѣсколько лишнихъ талеровъ, и тѣмъ дѣло уладилось. Теперь я не знаю, говорите ли вы въ вашемъ письмѣ о *новой* его нуждѣ или письма только разошлись. Въ Бреславлѣ я ничего не могу для него сдѣлать. Скорѣе я могу какъ-нибудь опять ему устроить такую же посылку.

Кто поддерживаетъ Клапка? Я недавно слышалъ отъ кого-то, что Фогтъ поѣхалъ съ Фаци въ Парижъ для интригъ съ Наполеономъ и т. д. Впрочемъ, этотъ человѣкъ не зналъ ничего болѣе подробно, да и это даже, какъ кажется, не достаточно достовѣрно. Вы, повидимому, лучше освѣдомлены, такъ какъ вы даже знаете объ его обѣдѣ у Плонъ-Плона. Это было бы въ высшей степени fait grave. Я не поставлю въ вину ни одному итальянскому или

венгерскому революціонеру, если онъ вздумаетъ интриговать съ Наполеономъ и пользоваться имъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ *нѣмецкимъ* демократомъ!

При совершенно отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи нѣмецкой демократіи всякая такая попытка является въ высшей степени, и безъ всякихъ возраженій, партійной и національной измѣной. Привѣтъ вамъ и Марксу, сердечно жму руку.

Вашъ Ф. Лассаль.

P. S. A propos: Не можете ли вы или Марксъ купить мнѣ англійскія синія книги, опубликованныя со времени итальянской войны? Точно также и появившіяся послѣ восточной войны книги? И сколько это можетъ стоить? Если это возможно и цѣна за экземпляръ не *слишкомъ ужъ велика*, то я настоятельно прошу васъ и Маркса купить мнѣ во всякомъ случаѣ нѣсколько штукъ и прислать мнѣ ихъ тѣмъ путемъ, какой я тогда укажу. Вы, конечно, можете указать мнѣ, *сколько* синихъ книгъ появилось со времени итальянской и сколько со времени восточной войны. Мнѣ хотѣлось бы имѣть по возможности полное собраніе ихъ для своей библіотеки.

59.

[Почтовый штемпель, Лондонъ, 16 апрѣля].

Дорогой Марксъ!

Я былъ опять боленъ и *хуже*, чѣмъ прежде.

Работалъ ли я послѣднее время слишкомъ много, или же теперь мститъ за себя слишкомъ долгое невнимательное отношеніе къ своему здоровью, короче сказать, кажется, будто мое здоровье окончательно пошатнулось; а оно было несокрушимо, какъ скала, и я могъ такъ увѣренно имъ гордиться.—Лишь недавно мнѣ стало снова лучше.—Вслѣдствіе этого у меня все оказалось въ безпорядкѣ. Гумбольдтъ, предназначенный для тебя, остался не отосланнымъ, — за то я посылаю его тебѣ теперь по почтѣ, иначе онъ былъ бы отправленъ черезъ книгопродавца, что продолжалось бы также долго. Я также просилъ издательницу обмѣнять мнѣ за это первое изданіе на одинъ экземпляръ третьяго, гдѣ ты найдешь въ видѣ «Предисловія къ третьему изданію» заявленіе, къ напечатанію котораго въ газетахъ издательница была вынуждена вслѣдствіе поднявшагося здѣсь *адскаго скандала*.—Статьи «Na-

tionalzeitung» и «Volkszeitung» относительно военнаго законопроекта, которыя хотѣлъ имѣть Энгельсъ, остались здѣсь лежать. (Если онъ еще хочетъ имѣть ихъ, то ему стоитъ только сказать объ этомъ). Притомъ, услышавъ отъ Дункера, что Энгельсъ вслѣдствіе смерти своего отца уѣхалъ въ Барменъ, я думалъ и думаю, что онъ теперь, пожалуй, отложитъ по недостатку во времени свое намѣреніе относительно брошюры. По поводу этого, да и и вообще, я надѣялся имѣть отъ васъ какіе-нибудь признаки жизни; а послѣ того, какъ прошло довольно много времени, я все думалъ, что это должно произойти каждый день.

Ad. 1. Это вѣдь совсѣмъ глупый адвокатъ, если онъ не хочетъ назвать себя! Курьезъ! (Я, конечно, не могу его взять за шиворотъ, если ты не назовешь мнѣ его). Ceci est louche. Не желать быть названнымъ и не подавать о себѣ никакихъ признаковъ даже за десять дней до истеченія срока давности — это странно. Я хотѣлъ бы, если я долженъ какимъ-нибудь образомъ *вмѣшаться* въ это дѣло, чтобы ты назвалъ мнѣ его возможно скорѣе. Дѣло въ томъ, что 20-го, а можетъ быть даже нѣсколькими днями раньше, я долженъ изъ-за большихъ имущественныхъ потерь графини ѣхать въ Кельнъ, чтобы спасти тамъ то, что еще можно спасти. Это печальное дѣло можетъ меня тамъ задержать отъ 8-ми до 14-ти дней.

Ad. 2. Принять на себя постоянное корреспондированіе я *не могу*. Въ настоящее время, т. е. до окончанія сочиненія, надъ которымъ я теперь надсаживаюсь—значитъ, можетъ быть, еще цѣлыхъ три мѣсяца—это *втройнѣ* невозможно. Изъ-за моихъ болѣзней я страшно запоздалъ съ этимъ сочиненіемъ, которое, какъ я *надѣялся*, должно было быть *теперь уже готовымъ*. Вѣроятно, я не смогу даже поѣхать лѣтомъ на курортъ, какъ это для меня ни будетъ *необходимо*, чтобы только наконецъ написать его и напечатать. Это дѣло длится гораздо дольше, чѣмъ я думалъ, такъ что и у меня появилось уже *сильнѣйшее* отвращеніе къ нему. Съ такимъ настроеніемъ остается только еще возможность заканчивать работу съ ускоренной поспѣшностью, я сказалъ бы даже, не перебивая себя письмами, иначе совсѣмъ теряешь терпѣніе и дѣло не двигается впередъ. Итакъ, до окончанія этого труда я не годенъ ни къ чему, что только требуетъ нѣкотораго времени. Но я также не думаю, чтобы я и позднѣе взялъ на себя это *постоянное* корреспондированіе. Voici pourqoi: я не хочу разбиваться, но хочу *сконцентрировать* всю свою

силу на большихъ работахъ. Но съ этимъ совершенно не соединимо обязательство писать періодическія газетныя статьи. Но мнѣ кажется, что такая концентрація обязательна для того, кто можетъ отдаться ей, т. е. съ одной стороны способенъ къ ней, а съ другой стороны обладаетъ для этого и матеріальной свободой.

Мой теперешній трудъ — большой. Затѣмъ будетъ политическая экономія и еще три другихъ сочиненія, которыя вполнѣ ясно стоятъ передо мной въ своихъ очертаніяхъ. Мнѣ не хватаетъ только времени разработать ихъ, но и безъ того, если я даже не буду разбрасываться, большая часть этихъ работъ останется невыполненной вслѣдствіе надвигающейся практической борьбы. А у меня времени еще и потому мало, что я malheureusement занимаюсь съ продуктивными цѣлями не одной наукой, а четырьмя-пятью, что требуетъ безумнаго напряженія.—Но! если бы я могъ издавать въ *Германіи* газету вмѣстѣ съ моими товарищами по взглядамъ, то я, конечно, тогда оставилъ бы все и предпочелъ бы всему этому *непосредственное* воздѣйствіе на революціонное развитіе.

Правда, я не могу не признавать важнаго значенія Америки, я знаю также, что тамошніе результаты оказываютъ съ своей стороны *вліяніе* на наше континентальное и нѣмецкое развитіе. Но это вліяетъ на насъ такими же *косвенными* путями, какъ напримѣръ, вліяетъ и *теорія, какъ таковая*. Но тогда я предпочитаю заниматься чистой теоріей и въ крупномъ масштабѣ!

Поэтому то я и позже не возьму на себя подобнаго обязательства. Если бы я взялъ его на себя, то я ежеминутно боялся бы, что не буду въ состояніи его выполнить или что долженъ буду заставить самымъ чувствительнымъ образомъ страдать отъ этого всѣ свои занятія; и это давило бы мнѣ душу, какъ кошмаръ.

Совсѣмъ другое дѣло — посылать отъ времени до времени, если у меня представится къ этому случай, Вейдемейру какую-нибудь статью. Это я очень охотно сдѣлаю, если будетъ нѣкоторый досугъ и поводъ. Но я все же хотѣлъ бы, чтобы онъ прислалъ мнѣ сначала четыре-шесть номеровъ своей газеты.

Ad. 3. Какъ разъ въ концѣ прошлаго года мнѣ написалъ изъ Гамбурга Людвигъ Валесроде, настойчиво прося меня прислать ему какую-нибудь статью для одной политической карманной книжки, которую, какъ онъ писалъ, онъ предполагаетъ издать въ Гамбургѣ въ самомъ рѣшительно-демократическомъ духѣ. Я

попалъ вслѣдствіе этого прямо таки въ затруднительное положеніе. Хотя онъ просилъ лишь одну статейку, но у меня все-таки не было времени. Однако отклонить эту просьбу мнѣ было также ио нѣкоторымъ причинамъ непріятно. Съ одной стороны, я какъ разъ незадолго предъ тѣмъ познакомился мимолетно съ Валесроде въ Берлинѣ и нашелъ въ немъ весьма честнаго человѣка—хотя, несомнѣнно, не великаго—который, будучи мужественнымъ и храбрымъ (какъ это также показываетъ его достойная названія брошюра «Politische Todtenschau»), конечно заслуживалъ того, чтобы для него было что-нибудь сдѣлано. Съ другой стороны, меня къ этому еще болѣе побуждало его плохое финансовое положеніе. Наконецъ, эта карманная книжка могла, пожалуй, возымѣть нѣкоторое развивающее вліяніе на нашихъ нѣмецкихъ филистеровъ и откажись я отъ нея, эта работа попала бы во всякомъ случаѣ въ руки человѣка гораздо менѣе рѣшительнаго и даже несомнѣнно съ монархическимъ или ему подобнымъ демократизмомъ, или кокетничающаго съ мало-нѣмецкими идеями. Между тѣмъ какъ мнѣ это предложеніе давало возможность снова кликнуть истинно республиканскій боевой кличъ и такимъ образомъ овладѣть во имя нашей партіи книгой, которая, какъ я себѣ представляю по прочему ея содержанію, хотя я и не знаю подробно ни о немъ, ни о сотрудникахъ, врядъ ли способствовала бы распространенію нашихъ идей и увеличенію вліянія нашей партіи.

Итакъ, волей-неволей я написалъ эту статью; я заказалъ особый оттискъ ея спеціально для того, чтобы я могъ переслать ее тебѣ. (Книга появится только къ Пасхѣ). Я посылаю тебѣ статью вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, прошу тебя прочесть ее, потомъ переслать ее Энгельсу и наконецъ написать мнѣ, нравится ли она тебѣ.

Я думаю, что среди этого отвратительнаго готскаго жужжанія она все же произведетъ освѣжающее впечатлѣніе, впечатлѣніе трубнаго звука показывающаго, что и за горами есть еще люди, что еще жива республиканская партія.

Ad. 4. Ты спрашиваешь, могъ бы ли я доставить тебѣ «краткій очеркъ *дѣйствій и стремленій благороднаго* Цабеля *изъ* „Nationalzeitung" со времени наступленія реакціи». Имѣешь ли ты въ виду очеркъ «*Nationalzeitung*»? Или очеркъ личности *Цабеля*, какъ относительно его дѣятельности въ «Nationalzeitung», такъ и вообще? Если ты имѣешь въ виду очеркъ личности Ца-

беля, то ни я, *ни кто-либо* иной не можетъ тебѣ доставить такого очерка. И по очень простой причинѣ: у этого человѣка *нѣтъ* «ни дѣйствій, ни стремленій». Будучи раньше буршемъ, ограниченный, какъ бываютъ ограничены лишь немногіе привилегированные смертные, онъ вообще ничего не дѣлаетъ и ни къ чему не стремится, кромѣ того, что заботится о внѣшней сторонѣ редакціи «Nationalzeitung». Тотчасъ по полученіи твоего письма я сдѣлалъ весьма рѣшительный шагъ, чтобы проникнуть во всю эту Цабельянщину.

Варнгагенъ, самый неутомимый собиратель замѣтокъ во всемъ мірѣ, составилъ себѣ почти обо всѣхъ до нѣкоторой степени извѣстныхъ лицахъ въ алфавитномъ порядкѣ сборникъ замѣтокъ, касающихся біографическаго матеріала о нихъ и т. д. Относительно всѣхъ тѣхъ лицъ, автографами которыхъ онъ владѣетъ, такія замѣтки имѣются у него въ качествѣ приложенія къ этой коллекціи. Я тотчасъ же отправился къ его племянницѣ (у нея впрочемъ, есть *основаніе* желать, чтобы никто не зналъ о *существованіи* этого сборника замѣтокъ; ты, разумѣется, представляешь исключеніе, котораго не слѣдуетъ дѣлать другимъ) и просилъ навести справку о Цабелѣ. Однако, хотя тамъ имѣются даже его автографы, но у этого человѣка такая жалкая, пустая жизнь, что въ сборникѣ замѣтокъ *только о немъ одномъ* нѣтъ ни одного слова. Я пошелъ къ Дункеру, но и онъ мнѣ сказалъ, что я могу убить его и еще десять человѣкъ и все-таки не узнаю ничего другого о Цабелѣ, какъ только что онъ честный и добродушный дуракъ. (Ты же знаешь цѣну этой *такъ называемой* честности и добродушію). Что касается его дѣятельности въ «Nationalzeitung», то здѣсь вполнѣ извѣстно, что онъ *лишь очень рѣдко* пишетъ самъ какую-нибудь статью. Руководящія статьи пишутъ члены редакціи Боретіусъ, Маттіэ и др. Цабель лишь паритъ надо всѣмъ, какъ Духъ Божій надъ водами. Точно также не отъ него получаютъ члены редакціи указанія относительно политики, направленія, а наоборотъ, они даютъ ему *свои* указанія, будучи во всякомъ случаѣ толковѣе его. (Въ весьма важныхъ случаяхъ задающимъ тонъ является г. Вольфъ, глава и собственникъ «Nationalzeitung»; такимъ онъ является всегда, какъ вообще говорятъ, когда сколько-нибудь затрогиваются его финансовые интересы).

Точно также и относительно статей Цабеля, которыя онъ пишетъ очень рѣдко, разумѣется, неизвѣстно пишетъ ли онъ ихъ

самъ или нѣтъ. (Если въ газетѣ появляется хорошо написанныя статьи—которыя по большей части выходятъ изъ подъ пера Боретіуса — и если ихъ хвалятъ, то, какъ увѣряютъ, Цабель съ самодовольной улыбкой принимаетъ эту похвалу на свой счетъ).

Короче сказать, у этого молюска слишкомъ мало опредѣленнаго и индивидуальнаго для того, чтобы можно было придать ему это при его изображеніи.

Можетъ быть ты имѣешь въ виду очеркъ не о Цабелѣ *изъ* «Nationalzeitung», но о самой *газетѣ?* Конечно, можно всегда охарактеризовать газету. Но я менѣе всего былъ бы en état это сдѣлать, какъ ты это сейчасъ увидишь. Я долженъ былъ бы для этого прочесть сначала ab ovo «Nationalzeitung» (упаси меня, Боже!)

До 1857 года я ея никогда не читалъ и ничего не зналъ о ней, кромѣ того, что она буржуазная газета, *дѣйствующая* въ демократическомъ направленіи. Съ начала 1858 года она бывала у меня въ рукахъ. Но я никогда не читалъ ея *передовыхъ статей* — только во время особыхъ поворотныхъ моментовъ, такъ, напримѣръ, при наступленіи регентства въ октябрѣ 1858 года, при возникновеніи итальянской войны и т. п. я это дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней,—но я всегда читалъ только ея иностранныя корреспонденціи изъ-за доставляемаго ими матеріала. Ея общая точка зрѣнія была мнѣ достаточно извѣстна, а поскольку она проявляется въ частностяхъ, она была слишкомъ скучна, чтобы удѣлять ей вниманіе и отравлять себя ея передовыми статьями.

Въ результатѣ я ничего о ней не знаю, кромѣ слѣдующаго:

1) При перемѣнѣ регентства, въ октябрѣ 1858 года, она сначала трубила изо всѣхъ силъ въ рогъ ликованія и примиренія. Но затѣмъ повернула назадъ, *раньше* чѣмъ «Volkszeitung».

2) Въ началѣ итальянскаго похода она, словно безумная, призывала къ войнѣ противъ Франціи. Тогда я бросилъ ей въ моей брошюрѣ упрекъ въ измѣнѣ и кретинизмѣ. Съ тѣхъ поръ господа изъ «Nationalzeitung», и прежде всего Цабель, ненавидятъ меня смертельно! Тѣмъ не менѣе я тогда на нихъ повліялъ опубликованіемъ этой брошюры. Съ того момента они пытались медленно отступать и затѣмъ почти что перешли въ другой лагерь.

Многіе говорятъ, что тогда, когда они такъ безумно возбуждали къ войнѣ за Австрію, это происходило будто бы по предписанію г. Вольфа, подкупленнаго Австріей. Вѣрно ли это или

нѣтъ, за это я не могу ручаться, потому что ничего не знаю объ этомъ сколько нибудь достовѣрнаго. Но несомнѣнно то, что до того времени «Nationalzeitung» была запрещена въ Австріи, что она еще въ началѣ войны, послѣ того какъ она въ теченіе 14 дней высказывалась въ этомъ смыслѣ, была допущена въ Австрію; и она была тогда достаточно безтактна, что сама заявила объ этомъ.

Однако весь этотъ пунктъ не пригоденъ для нападенія въ твоемъ смыслѣ, потому что она при этомъ, хотя и по совершенно другимъ причинамъ, была согласна съ твоимъ взглядомъ (взглядомъ, относительно котораго приходится сказать, что для меня чѣмъ больше я васъ читаю—напримѣръ, послѣ новѣйшей брошюры Энгельса—тѣмъ все больше и больше становится восьмымъ чудомъ въ свѣтѣ то, какъ это онъ могъ стать вашимъ).

3) Въ самое послѣднее время она рѣшительно *порвала* съ министерствомъ, торжественно лишила его названія «либеральнаго» министерства; и по отношенію къ военному законопроекту и въ вопросѣ о компетенціи петицій она держалась настолько хорошо и энергично, насколько только это было возможно въ предѣлахъ ея точки зрѣнія. Относительно этого я случайно читалъ ея передовыя статьи. Какъ она отнеслась къ земельному налогу и къ другимъ законопроектамъ, я опять таки не знаю, потому что я снова сталъ пропускать передовыя статьи comme à l'ordinaire. Въ общемъ она, конечно, постоянно весьма буржуазна. Ликованіе по поводу уничтоженія закона о ростовщичествѣ и т. д. Во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ политической экономіи, она въ особенности тупоумна.

Такимъ образомъ, я также мало подготовленъ къ очерку «Nationalzeitung», какъ таковой, какъ и ты или кто нибудь-другой. Я долженъ былъ бы по меньшей мѣрѣ въ теченіе восьми недѣль поглощать «Nationalzeitung» за разные годы, что отравило бы мой вкусъ еще сильнѣе, чѣмъ мои іодныя пилюли.

Если тебѣ придетъ въ голову какой-нибудь другой удобный способъ, при помощи котораго я могъ бы дать выходъ своему возмущенію этимъ procédé «Nationalzeitung» противъ тебя, въ формѣ ли письма и т. п., то я *съ удовольствіемъ* и вполнѣ готовъ къ этому.

На сегодня довольно!

Прочелъ ли ты мое послѣднее письмо къ Энгельсу? Какъ обстоитъ дѣло съ моимъ желаніемъ puncto «синія книги»?

Пятница. Твой Ф. Лассаль.

60.

Дорогой Марксъ!

Я не писалъ тебѣ нѣкоторое время, потому что мои письма начинаютъ становиться настоящими монологами. Я пишу письма, а ты отвѣчаешь краткой запиской, въ которой ты обѣщаешь отвѣтить въ ближайшемъ будущемъ, и такъ до безконечности.

Но сегодня я долженъ написать тебѣ по двумъ практическимъ мотивамъ:

1) Ты, конечно, что-нибудь слышалъ о законченномъ теперь здѣсь въ первой инстанціи процессѣ Эйхгофа (изъ-за его статьи въ «Hermann'ѣ» contra Штибера). Въ этой статьѣ Эйхгофъ между прочимъ упрекнулъ Штибера также въ совершеніи клятвопреступленія въ кельнскомъ процессѣ коммунистовъ, попытался представить доказательство истинности этого, однако сдѣлалъ это совершенно не убѣдительно и былъ, поэтому, осужденъ судомъ также и по этому пункту. Очевидно, что онъ составилъ эти доказательства въ высшей степени небрежно. Въ свидѣтели этого онъ пригласилъ лишь Гольдгейма и другого полицейскаго, которые, разумѣется, остерегались сказать что-нибудь.

Я не знаю этого человѣка (Эйхгофа) и думаю, что, какъ таковой, онъ абсолютно не можетъ разсчитывать на то, чтобы мы интересовались имъ.

Съ другой стороны для насъ во всякомъ случаѣ *очень* интересно, чтобы во второй инстанціи онъ представилъ положительныя доказательства ложности свидѣтельскихъ показаній Штибера въ процессѣ коммунистовъ.

Прочтя непосредственно затѣмъ въ газетѣ судебные отчеты первой инстанціи, я написалъ, поэтому, защитнику Эйхгофа, адвокату Левальду, котораго я obiter знаю, и сказалъ ему, что доказательства были плохо обоснованы, совѣтовалъ ему пригласить во второй инстанціи свидѣтелемъ Шнейдера II, обратиться къ послѣднему заранѣе съ письмомъ, чтобы получить отъ него другихъ свидѣтелей и матеріалъ для доказательства, чтобы узнать, напримѣръ, также теперешнее мѣстожительство Беккера и его также пригласить. Но прежде всего я рекомендовалъ ему пригласить свидѣтелемъ *тебя*, какъ *рѣшающее* доказательство. Хотя ты и не могъ бы явиться въ Германію, вслѣдствіе различныхъ обвиненій и т. д., но въ дѣлѣ, по которому присуждено 14 мѣся-

цевъ тюрьмы, судебная палата не въ правѣ отказать тебѣ въ разрѣшеніи sauf-conduit. Ты могъ бы, вѣроятно, пріѣхать на основаніи такого полученнаго sauf-conduit. Можетъ быть казна откажется оплатить расходы по твоей поѣздкѣ (что вообще здѣсь въ обычаѣ). Но двѣсти, триста талеровъ, какіе могутъ для этого понадобиться, можно было бы достать черезъ здѣшнихъ частныхъ лицъ и я готовъ собрать значительную часть этой суммы, а можетъ быть и всю сумму, посредствомъ взносовъ моихъ знакомыхъ и моего.

Г. Левальдъ отвѣтилъ мнѣ на это, что доказательства во всякомъ случаѣ страдали большими изъянами, что онъ неоднократно писалъ Шнейдеру, но не получалъ отъ послѣдняго (этакій лѣнтяй!!) никакого отвѣта, и что онъ охотно согласенъ съ идеей о приглашеніи тебя.

Но прежде чѣмъ предпринимать что-нибудь дальнѣйшее въ этомъ дѣлѣ, я прошу тебя написать мнѣ *возможно скорѣе*, согласенъ ли ты пріѣхать *въ случаѣ* полученія отъ суда sauf-conduit. Ты могъ бы это сдѣлать безъ всякой опасности. Назови мнѣ также и другія данныя, могущія служить доказательствами, и свидѣтелей, о которыхъ ты знаешь, что показанія ихъ важны и имѣютъ рѣшающее значеніе. Наконецъ, скажи мнѣ также, какую сумму ты хотѣлъ бы получить въ качествѣ вознагражденія за издержки по этой свидѣтельской поѣздкѣ. 200 талеровъ можно было достать очень легко. Хватитъ ли этого?

2) Здѣсь прозябаетъ нѣкій ассесоръ Фишель, который недавно былъ въ Лондонѣ и говорилъ тамъ съ тобой. Онъ авторъ одной брошюры: «Brennuszug und Moskowiterthum», а также и другой: «Despoten als Revolutionäre». Онъ одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ, неспособныхъ и безсмысленныхъ, но прежде всего *самыхъ реакціонныхъ*, субъектовъ, какихъ я когда-либо встрѣчалъ. И тебѣ стоило бы только прочесть брошюру «Brennuszug und Moskowiterthum», чтобы увидѣть, что мои слова блестяще подтверждаются. Въ ней онъ открыто выступаетъ контръ-революціонеромъ съ *такой страстной ненавистью* ко всему революціонному, что она можетъ сравниться лишь съ его глупостью. Его міровоззрѣніе можно вполнѣ изложить въ двухъ словахъ: оно великолѣпное и при томъ потенцированное Дицелевское: французская революція 1789 г. представляетъ будто бы собой паденіе французовъ, въ которыхъ тогда былъ побѣжденъ германскій элементъ, такъ что они обречены теперь, какъ романы, на гніеніе.

Dixit. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ парней, которымъ средневѣковая партикуляристика вскружила голову и у которыхъ существуетъ непреодолимая ненависть къ одной только мысли о всеобщемъ.

Наконецъ онъ состоитъ на *герцогско-готскомъ жалованьи* и ему герцогомъ Готскимъ уже обѣщано (при посредствѣ его вліянія) мѣсто при ближайшихъ здѣшнихъ выборахъ въ камеру.

Вѣрно то, что онъ сошелся съ тобой въ одномъ пунктѣ, относительно итальянской войны, именно въ томъ, что онъ хотѣлъ войны противъ Наполеона. Но это сходство, избѣжать котораго нельзя было тогда даже самымъ противоположнымъ партіямъ, было противорѣчиво по своей природѣ.

Въ то время какъ вы желали войны, потому что надѣялись этимъ самымъ скорѣе вызвать революцію, онъ хотѣлъ ее изъ ненависти къ *революціоннымъ* элементамъ, которые онъ открылъ еще въ Наполеонѣ. Онъ ненавидитъ его потому, что онъ не являлся законнымъ нѣмецкимъ княземъ. Онъ хотѣлъ вызвать войну изъ ненависти къ той же самой революціонной сущности Франціи, которую вы какъ разъ хотѣли вызвать при помощи войны.

Теперь этотъ парень, который, какъ и всѣ ему подобные, является большимъ рекламистомъ, хвастается здѣсь, какъ я уже слышалъ отъ трехъ, въ разныхъ мѣстахъ тѣмъ, что *ты и Энгельсъ* отнеслись къ его дѣятельности въ высшей степени сочувственно и что онъ находится съ тобой въ entente cordiale и въ перепискѣ. Уже тотчасъ по пріѣздѣ своемъ изъ Лондона онъ сказалъ мнѣ въ одномъ концертѣ, что ты мнѣ кланяешься. Я оставилъ его и отошелъ, не думая, чтобы ты могъ выбрать для этого такого посредника. Теперь я слышу среди своихъ знакомыхъ уже въ третій разъ объ этомъ непріятномъ хвастовствѣ вашимъ entente cordiale. Хотя я всегда выступалъ очень рѣшительно противъ этого и заявлялъ, что это ложь и невозможная вещь, но, чтобы не дать ему никакой возможности вывернуться, я прошу тебя написать мнѣ письмо, т. е. въ своемъ отвѣтѣ коснуться этого дѣла такъ, чтобы я могъ прочесть его своимъ знакомымъ и убить такимъ образомъ это хвастовство.

Правда, вѣрно также и то, что у него есть другой, общій со всѣми нами пунктъ, анти-пальмерстонизмъ. Но говорить на основаніи этого о вашемъ «уваженіи» и т. п., вѣдь это значитъ какъ разъ то же самое, какъ если бы я захотѣлъ выдать кого-нибудь за человѣка только потому, что у него есть на лицѣ носъ.

Мнѣ будетъ, поэтому, пріятно, если мое желаніе будетъ удовлетворено, такъ какъ эта октроированная Фишелемъ общность съ вами вредитъ вашей репутаціи.

Съ сердечнымъ привѣтомъ.

Вашъ Ф. Лассаль.

Четвергъ, 24 мая.

61.

Аахенъ, 3 сентября.
Отель Дремель.

Дорогой Марксъ!

Ты, можетъ быть, удивлялся тому, что я такъ долго не отвѣчалъ на твое письмо. Но въ Берлинѣ это было для меня невозможно вслѣдствіе чрезмѣрной работы, отъ которой я дѣйствительно задыхался. Если трудъ, какъ я надѣюсь, будетъ напечатанъ къ веснѣ, то это меня извинитъ въ твоихъ глазахъ. И съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь эта работа отчасти еще подвигается впередъ, отчасти же я впалъ въ настоящую летаргію, изъ которой я вырываюсь минутами лишь съ величайшимъ трудомъ.

Изъ Берлина я отправился сюда для того, чтобы пользоваться цѣлебными водами, потому что въ послѣдніе два мѣсяца въ Берлинѣ я сталъ *самымъ ужаснымъ образомъ* страдать отъ ревматизма. Здѣсь я уже *болѣе* шести недѣль, а болѣзнь только увеличивается. Я не могу ходить и четырехъ минутъ, я напрасно примѣнилъ къ себѣ самое сильное потогонное и ванное лѣченіе, въ теченіе шести недѣль почти не выхожу изъ своей комнаты, въ которой я также и ѣмъ, и ежедневно испытываю ужаснѣйшія боли. Самое скверное то, что я начинаю терять надежду на выздоровленіе—и тогда я калѣка! Къ счастью, я по крайней мѣрѣ могу здѣсь продолжать работать, но сколько усилій это мнѣ стоитъ я не могу тебѣ выразить. Разумѣется къ этому присоединяется и большое, вызванное лѣченіемъ, физическое напряженіе.

Я останусь здѣсь еще до 12-го или 15-го; если до этого времени не будетъ лучше, то Аахенъ значитъ мнѣ не поможетъ, и я буду искать другое средство. Полученныя отъ тебя замѣтки я немедленно отдалъ (въ копіи) тогда же въ Берлинѣ адвокату Левальду—защитнику Эйхгофа; то, что ты говоришь въ томъ же письмѣ объ Урквартизмѣ, все это очень хорошо и прекрасно—противъ такихъ людей, какъ Бюхеръ, я ничего не могу возразить—

но это не подходитъ къ *личности* Фишеля, который далеко не обладаетъ на столько интеллигентностью, чтобы стоять на этой точкѣ зрѣнія. Если бы я прислалъ тебѣ его брошюру, что я хотѣлъ сдѣлать, но о чемъ я забылъ, то ты самъ бы лучше всего это увидалъ. Однако весь этотъ пунктикъ не имѣетъ вовсе никакого большаго значенія.

Одинъ дюссельдорфскій рабочій, недавно посѣтившій меня здѣсь, нѣсколько дней спустя послѣ того написалъ мнѣ, что теперь также въ Кельнѣ образуется рабочій ферейнъ съ адвокатомъ др. Бесселемъ во главѣ (ты знаешь, что въ Дюссельдорфѣ возникъ одинъ такой ферейнъ подъ руководствомъ адвоката Кнорша, въ которомъ находятся всѣ рабочіе элементы, бывшіе съ нами въ связи въ Дюссельдорфѣ) и что *тамъ* (по смыслу письма въ *Кельнѣ*) ожидаютъ въ весьма напряженнномъ состояніи твоего отвѣта на брошюру Фогта, о чемъ всепреданно доношу тебѣ, прибавляя къ этому, что я удивляюсь, почему онъ до сихъ поръ еще не появился. Вѣроятно, у тебя за это время было какое-нибудь другое дѣло. Однако было бы во всякомъ случаѣ хорошо, если бы онъ появился какъ можно скорѣе.

Дорогой! напиши мнѣ скорѣе сюда письмо; я останусь здѣсь еще дней восемь. Насколько мнѣ трудно рѣшиться самому писать письмо, настолько же большое удовольствіе мнѣ доставляетъ полученіе письма отъ друга.

Куда я отправлюсь отсюда, я еще не знаю. Но въ серединѣ октября я во всякомъ случаѣ буду снова въ Берлинѣ.

Мой самый сердечный привѣтъ тебѣ и твоей милой женѣ.

Вашъ Ф. Лассаль.

62.

Аахенъ 11 сентября
Отель Дремель.

Дорогой другъ!

Это было очень мило съ твоей стороны, что ты такъ скоро отвѣтилъ мнѣ, хотя я такъ долго заставилъ тебя ждать. Къ сожалѣнію я слышу, что твоя болѣзнь печени все еще продолжается, но я долженъ смѣяться надъ предпочтеніемъ, которое англичане оказываютъ ревматизму, какъ болѣе благородной болѣзни. Boп! Если англійское общество находитъ ревматизмъ столь благороднымъ, то я ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы предоста-

вить монополію на него тамошней аристократіи!—Впрочемъ, сегодня я чувствую себя гораздо лучше, Есть ли это только временная передышка, или это признакъ наступающаго наконецъ излѣченія, чему, право, пора было бы уже наступить, во всякомъ случаѣ я хочу использовать этотъ благопріятный день, чтобы отвѣтить тебѣ подробно.—Что касается судьбы твоего процесса, то меня лишь удивляетъ, что ты, повидимому, до нѣкоторой степени удивленъ имъ! Можетъ быть ты вспомнишь теперь то письмо, которое я написалъ тебѣ сейчасъ же въ самомъ началѣ относительно твоего намѣренія подать жалобу, и ты будешь теперь менѣе. удивленъ имъ, чѣмъ тогда. Ты пишешь, что *теперь* ты знаешь, что у насъ отъ судей зависитъ, можетъ ли кто-нибудь вообще *довести* дѣло до *процесса*. Милый мой! какъ несправедливъ я былъ недавно по отношенію къ тебѣ, когда сказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что ты смотришь слишкомъ мрачно на вещи! Съ полнымъ раскаяніемъ ударяю я себя въ грудь и беру эти слова назадъ. Прусскую юстицію по крайней мѣрѣ ты до сихъ поръ, повидимому, видѣлъ въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ! Въ такомъ случаѣ могу тебѣ сообщить, что относительно этихъ господъ я убѣдился еще и во многомъ другомъ; я могу привести еще совершенно иныя и болѣе сильныя доказательства для подтвержденія этого и мнѣ вообще пришлось испытать благодаря имъ совсѣмъ иныя, при томъ гораздо болѣе сильныя вещи. Я пережилъ трижды три дюжины такихъ вещей въ уголовныхъ, и въ особенности въ гражданскихъ процессахъ, по поводу которыхъ твой юстицратъ, если бы узналъ, вѣроятно всплеснулъ отъ удивленія не *только* руками, но, какъ это произошло и со мной самимъ, даже ногами!

Уфъ! Я долженъ насильно подавить въ себѣ воспоминаніе объ этомъ. Вѣдь когда я вспомню объ этомъ *ежедневномъ* десятилѣтнемъ юридическомъ убійствѣ, которое я пережилъ, то кажется будто передъ моими глазами дрожатъ кровавыя волны и будто бы меня душитъ потокъ бѣшенства. Теперь я все это давно преодолѣлъ и пережилъ; достаточное количество времени прошло съ тѣхъ поръ, чтобы быть хладнокровнымъ ко всему этому, но никогда мои губы не сжимаются такъ въ формѣ глубокой презрительной улыбки, какъ тогда, когда слышу о судьяхъ и о правѣ. У насъ преступники на галерахъ кажутся мнѣ болѣе достойными уваженія людьми, чѣмъ наши судья. Но за то теперь, какъ ты пишешь, имъ достанется отъ тебя! «Во всякомъ случаѣ, говоришь ты, пруссаки даютъ мнѣ въ руки такой матеріалъ, что

они скоро почувствуютъ въ Лондонской прессѣ пріятныя послѣдствія этого». Нѣтъ, дорогой другъ, они ничего не почувствуютъ, хотя я и не сомнѣваюсь, что ты и уничтожишь ихъ въ лондонской прессѣ. Но они *ничего* этого не *замѣтятъ*, *абсолютно ничего*; произойдетъ такъ, какъ будто бы ты ничего такого и не написалъ. Вѣдь англійскихъ газетъ у насъ никто не читаетъ, и ты увидишь, что изъ нашихъ нѣмецкихъ газетъ *ни одна* не сдѣлаетъ по поводу этого замѣтки, что ни одна газета не процитируетъ изъ этого ни одного даже жалкаго словца! Онѣ поостерегутся! А наши либеральныя газеты скорѣе всего. Да и какъ же этимъ осламъ напечатать что-нибудь противъ своего священнѣйшаго палладіума, «прусскаго судебнаго сословія», если при одномъ упоминаніи о немъ они щелкаютъ языкомъ отъ восторга — самое это слово они выговариваютъ не иначе, какъ надувши обѣ щеки—а изъ почтенія къ нему падаютъ ницъ! О, онѣ не заикнутся ни словомъ объ этомъ; отъ Дуная до Рейна и вообще повсюду, куда только доносится «нѣмецкій языкъ» — будетъ гробовое молчаніе!

Что подѣлаешь противъ такого заговора со стороны прессы? О, наша полиція, что тамъ ни говори, и та гораздо болѣе либеральное учрежденіе, чѣмъ наша пресса! Это—я дѣйствительно не знаю (помоги мнѣ Боже)! другого выраженія для нея—это настоящая—!

Какъ выступить противъ этого своекорыстнаго молчанія, противъ этого молчаливаго заговора всѣхъ? Pas possible! У нихъ не осталось бóльше ни совѣсти, ни стыда! Все, что не подходитъ къ дорогой ихъ интересамъ мелочной торговлѣ — обо всемъ этомъ memento mori. Траппистъ не можетъ быть болѣе безмолвнымъ. О, когда у насъ еще была цензура и все было еще въ наивномъ состояніи, тогда было золотое время! Теперь полицейскій духъ и общій сервилизмъ перешелъ въ самую прессу и, конечно, нѣтъ надобности ни въ какой полиціи противъ нихъ; это они и называютъ «свободой прессы». Если же кому-нибудь и придетъ въ голову сдѣлать все-таки какую-нибудь замѣтку по поводу изложеннаго тобой, то это будетъ еще хуже, чѣмъ если бы этого не было. Вѣдь тогда тебя заставятъ говорить нѣчто такое, чего ты *совсѣмъ не говорилъ*, подобно тому какъ, напримѣръ, недавно «Volkszeitung» напечатала относительно моей, тебѣ извѣстной, статьи въ «Demokratischen Studien» нѣчто такое, что было очень похоже на *прямо противоположное* сказанному мною.

Но какъ обстоитъ дѣло съ твоей брошюрой? Въ своемъ письмѣ

ты остался передъ дилеммой, не найдя разрѣшенія. Дилемма существуетъ, но брошюра все-таки *должна* появиться. Необходимо посовѣтоваться относительно этого. Не приходитъ ли тебѣ что-нибудь въ голову? Я въ данный моментъ ничего не могу придумать. Правда, я здѣсь потерялъ всякій разумъ вслѣдствіе частаго потѣнія. Можетъ быть ты можешь выпустить брошюру въ *Женевѣ*, что было бы очень легко, такъ какъ у Фогта тамъ *очень много враговъ*. Нѣтъ ли у тебя тамъ пріятеля? Можетъ быть среди французовъ, которые тамъ извѣстны? Кто-нибудь изъ живущихъ въ Женевѣ и дѣйствующій въ твоихъ интересахъ могъ бы это навѣрное устроить. *Какой-либо* выходъ *долженъ* быть найденъ, какъ я это уже сказалъ. Сдѣлалъ ли ты попытку у Кампе въ Гамбургѣ и у Отто Виганда въ Лейпцигѣ? Послѣднее, можетъ быть, удалось бы и это было бы *гораздо* лучше, чѣмъ печатаніе въ Лондонѣ, потому что въ послѣднемъ случаѣ распространеніе брошюры было бы въ *высшей степени незначительное*, тѣмъ болѣе, что она будетъ скоро конфискована (какъ я заключаю изъ твоего собственнаго замѣчанія).

То,что ты пишешь о Фрейлигратѣ, меня очень удивило. Я всегда считалъ его вполнѣ безупречнымъ именно въ смыслѣ его характера! И если я по крайней мѣрѣ могу еще понять, почему онъ такъ или иначе относится къ Фаци, то для меня остается просто таки непонятнымъ, какъ онъ можетъ упорно держать сторону Блинда, и это несмотря на доказательство, которое ты ему привелъ! Я радъ слышать, что твоя жена сохранила свою прежнюю энергію. Какъ немного у насъ людей, которые могли бы это сказать! Но правда и то, какъ мало у насъ людей имѣли когда-либо энергію. Я отъ всей души кланяюсь ей и для меня было бы большой, очень большой, радостью снова увидѣть тебя и ее!

A propos, разъ я заговорилъ о Фаци, то мнѣ вспомнилось, что я изъ-за него *теряю очень много денегъ*, т. е. на женевскихъ акціяхъ, которыя я купилъ уже давно и, къ сожалѣнію, на *очень* значительную сумму. Мнѣ приходитъ при этомъ въ голову, что ты, пожалуй, можешь быть мнѣ здѣсь полезнымъ. Дѣло, видишь ли, идетъ о томъ, чтобы получить *добросовѣстныя* данныя о состояніи этого учрежденія, *о внутренней* цѣнности бумагъ, чтобы я могъ знать, разумнѣе ли ихъ сбыть съ рукъ, рѣшившись на ужасныя потери, или нѣтъ. Въ особенности нужно узнать, будутъ ли онѣ дальше давать свои проценты (4 процента) или нѣтъ. Онѣ

до сихъ поръ еще не заплатили послѣднихъ процентовъ, срокъ которымъ былъ 1 апрѣля этого года. 1 октября опять наступаетъ срокъ. Если онѣ и тогда не выдадутъ, то онѣ падутъ до точки замерзанія. Итакъ, мнѣ въ особенности хотѣлось бы знать, выдадутъ ли мнѣ теперь проценты, причитающіеся по апрѣль и октябрь или нѣтъ. И. Фрейлигратъ, который завѣдуетъ однимъ изъ отдѣленій банка, можетъ быть настолько освѣдомленъ насчетъ положенія дѣлъ, что знаетъ это. Удивительно, что за все это время, когда ты былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, мнѣ это и въ голову не приходило, а теперь какъ разъ я думаю объ этомъ. Однако, можетъ быть ты еще и теперь знаешь способъ, какъ узнать отъ него объ этомъ, или ты ему прямо напишешь, что *я* по вышеизложеннымъ основаніямъ просилъ тебя спросить его объ этомъ. Дѣло большой важности, такъ какъ я теряю здѣсь большое количество денегъ.

Вообрази себѣ! На этихъ дняхъ я читаю въ «Nationalzeitung» (№ 420, отъ 7 сентября) отчетъ о засѣданіи—почтительнѣйше сообщаю объ этомъ—*національнаго ферейна въ Кобургѣ*, гдѣ я нахожу слѣдующее: «*Бюргерсъ изъ Кельна* оставляетъ въ сторонѣ всѣ частности при имперской конституціи. Прусскій регентъ долженъ считаться съ реальными условіями (pouah!), государство требуетъ поддержки въ Германіи, нужно имѣть *либеральное министерство* (о, о!). Онъ-де, ораторъ, много натерпѣлся отъ прусскаго правительства, тѣмъ не менѣе заявляетъ, что считаетъ необходимой гегемонію этой Пруссіи». Уфъ!

Но, по самой природѣ вещей могутъ быть только два Бюргерса, или *ассесоръ* Бюргерсъ—но тогда былъ бы напечатанъ этотъ титулъ, *при томъ* этотъ не могъ бы сказать, что онъ терпѣлъ отъ прусскаго правительства. Вѣдь этотъ засѣдаетъ въ палатѣ и состоитъ съ правительствомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и вообще никогда не терпѣлъ никакихъ страданій отъ него. Слѣдовательно, это долженъ быть *нашъ Бюргерсъ*, къ которому вполнѣ подошла бы и эта фраза Венедея. *Дѣйствительно* ли это онъ? Возможно ли это! А съ другой стороны, едва ли опять-таки можно сомнѣваться! Дѣйствительно ли Бюргерсъ такъ былъ растроганъ воспоминаніемъ о своей до-парламентской дѣятельности, что увлекся до того, что сталъ засѣдать съ членами національнаго ферейна! Я вовсе не говорю о гнусно-либеральныхъ выраженіяхъ, которыя, какъ только что было указано, приписываетъ ему газета. Уже самый фактъ, что онъ перешелъ въ *національный* ферейнъ — билъ бы очень

сильно въ носъ! О! о! Прошу тебя разузнать, былъ ли это *нашъ* Бюргерсъ, и напиши мнѣ объ этомъ. Что сказать на *такія* превращенія! Одинъ изъ редакторовъ «Der Neuen Rheinischen»!

Если это дѣйствительно онъ, то я не могу ни одной минуты сомнѣваться въ томъ, что онъ этимъ самымъ теряетъ всякую связь съ нашей партіей. Такъ какъ я въ этомъ письмѣ уже началъ говорить о всевозможныхъ вещахъ въ перемежку, то скажу еще о политическомъ положеніи вещей.

Можетъ быть, дорогой другъ, дальнѣйшій ходъ событій отчасти уже показалъ тебѣ, что именно я былъ тотъ, кто въ прошломъ году былъ правъ въ нашемъ спорѣ относительно Италіи. Виллафранка могла лишь на короткое время замедлить это развитіе, которое уже началось въ силу логики и природы вещей. Ты писалъ мнѣ въ прошломъ октябрѣ [ноябрѣ] (въ послѣднемъ письмѣ, отвѣтъ на которое я все откладывалъ): «Теперь ты видишь, какъ пьемонтскіе конституціоналисты измѣняютъ итальянской революціи?» Въ ихъ доброй *волѣ* въ этомъ я никогда не сомнѣвался. Вопросъ шелъ лишь о *возможности*. И если предположить, что они могли бы или *еще* могутъ это сдѣлать — потому что, конечно, даже теперь, несмотря на болѣе неблагопріятное положеніе вещей, это все еще очень возможно,—то все же было бы гораздо лучше, что бы пьемонтскіе *конституціоналисты измѣнили* итальянской революціи, чѣмъ если бы *мы сами*, нѣмецкіе демократы, *задушили* ее и помогали этому. *Первое* все же было бы намъ въ пользу, потому что это доставило бы народамъ послѣднее доказательство того, что всяческій союзъ съ монархіей, даже при *самыхъ благопріятныхъ* обстоятельствахъ, является невозможнымъ, что онъ всегда и вѣчно будетъ измѣнять даже чисто національнымъ цѣлямъ, и что для народовъ нѣтъ нигдѣ спасенія, кромѣ какъ въ самой рѣшительной, крайней партіи. Это дало бы въ руки *послѣдней* духъ итальянцевъ и произвело бы сильное дѣйствіе и на нѣмецкій народъ.—*Послѣднее же*, т. е. самоуничтоженіе, не заключало бы въ себѣ *ничего* полезнаго, оно осталось бы навсегда лишь *самымъ печальнымъ самоубійствомъ*, которое возбудило бы всѣ народы ко взаимной ненависти и доставило бы этимъ реакціи продолжительный тріумфъ.

Такъ, какъ теперь обстоятъ дѣла, они еще болѣе благопріятны. Пока еще не удалось предать итальянскую революцію, но она начинаетъ дѣлаться все большей и большей. Гарибальди вошелъ самостоятельно въ Палермо, въ Неаполь, и такъ какъ этимъ

было все-таки произведено на народы впечатлѣніе, что дѣйствительные національные успѣхи достигаются только при помощи революціонной партіи, какъ таковой, то послѣдняя начала пріобрѣтать престижъ, народное расположеніе и самостоятельность; рядомъ съ этимъ начала блѣднѣть звѣзда Виктора Эммануила, и весьма сомнительно, удастся ли ему, при наличности находящихся у него теперь въ распоряженіи средствъ, превзойти ее. Судя по теперешнему положенію дѣлъ, является несомнѣннымъ фактомъ война съ Австріей изъ-за Венеціи, самое позднее въ ближайшемъ году, а затѣмъ и *венгерская* революція.

Точно также *Теплицъ* убѣдитъ тебя, что ты невѣрно судилъ о прусской политикѣ. Но при Теплицѣ въ ней не произошло никакого *поворота*. Принцъ только, наконецъ, сказалъ свою старую, постоянно преслѣдуемую имъ, мысль. Ты пишешь мнѣ въ октябрѣ [ноябрѣ], что на основаніи англійскаго дипломатическаго матеріала у тебя составилось убѣжденіе, что «прусская политика» была совсѣмъ иная, чѣмъ это утверждалъ я, и что она совсѣмъ не думала о томъ, чтобы придти на помощь Австріи. Дорогой мой! Я не стану ссылаться ни на опубликованные оффиціальные документы, ни на ту ноту, которую *прочелъ* нашъ посланникъ графу Рехбергу, и относительно которой все differend состояло въ томъ, что онъ не хотѣлъ позволить ему *списать* ее, что какъ разъ имѣло своимъ основаніемъ то, о чемъ я и безъ того скажу ниже. Нѣтъ, я хочу противопоставить тебѣ нѣчто иное и весьма простое. Ты естественно *долженъ* ошибаться на счетъ «прусской политики», если ты думаешь, что можешь ее вычитать изъ дипломатическихъ бумагъ нашего кабинета. Ея тамъ *не* существуетъ, потому что она вообще не существуетъ въ *нашемъ министерствѣ*. Она у насъ существуетъ единственно только, и совершенно исключительно, въ *принцѣ* и его *частныхъ* совѣтникахъ. Между принцемъ и нашимъ министерствомъ не существуетъ ни *малѣйшаго* согласія во взглядахъ. По весьма различнымъ причинамъ, развивать которыя здѣсь было бы слишкомъ долго, онъ на половину самъ рѣшился, на половину былъ вынужденъ къ этому, временно имѣть дѣло съ этими людьми; его личныя отношенія къ нѣкоторымъ изъ нихъ даже весьма хорошія, но въ своихъ политическихъ основныхъ взглядахъ онъ далекъ отъ нихъ, какъ небо отъ земли. Но *онъ*—человѣкъ медлительный, нерѣшительный, не обладаетъ никакой рѣшительной энергіей, ну а у *нихъ* ужъ и *совсѣмъ* нѣтъ никакой; они проявляютъ ее лишь въ одномъ: въ желаніи остаться *министрами.*

Результатъ тотъ, что онъ *въ концѣ концовъ* принуждаетъ ихъ дѣлать то, чего онъ хочетъ; они похожи на гувернера, который, постоянно отсовѣтывая своему воспитаннику, въ то же время сопровождаетъ его по ресторанамъ, игорнымъ и публичнымъ домамъ и въ концѣ концовъ на дуэль. Но такъ какъ онъ тоже нерѣшительный, медлительный и неэнергичный человѣкъ, то и *они* всегда *удерживаютъ его*, и склоняютъ до *извѣстной степени* къ уступкамъ. Въ результатѣ этого получается то, что всякое принятое рѣшеніе всегда является *по необходимости достигнутымъ полюбовной сдѣлкой* между министерствомъ и принцемъ, причемъ *arrière-pensée принца* и *arrière-pensée министерства* всегда *противоположны*. Получается, далѣе, то, что по истеченіи нѣкотораго времени министерство, запинаясь и неохотно, всегда *принимаетъ какъ фактъ* то, что при послѣдней сдѣлкѣ было *ближайшей arrière-pensée принца*. Voilà какъ у насъ дѣлаются дѣла! Изъ этого слѣдуетъ что если въ дипломатическихъ бумагахъ нашего министерства высказывается *arrière-pensée*, то изъ этой arrière-pensée ничего не слѣдуетъ или, скорѣе, слѣдуетъ прямо противоположное—то, что arrière-pensée *принца* является *противоположной*, и что она именно является тѣмъ противоположнымъ слѣдствіемъ, которое и осуществится *на практикѣ*. Такимъ образомъ произошло то, что Ауэрсвальдъ, который былъ настроенъ въ пользу Италіи и былъ таковъ съ самаго начала, съ проклятіями произвелъ мобилизацію, съ проклятіями продолжалъ Теплицъ и съ проклятіями будетъ воевать. И не подлежитъ *ни малѣйшему* сомнѣнію, что не наступи Виллафранка, Пруссія уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя приняла бы участіе въ войнѣ *за* Австрію. Милый мой! Мнѣ не зачѣмъ объ этомъ спорить! Я знаю это, независимо отъ всего апріорнаго, ex positivo слишкомъ опредѣленно. Но теперь Теплицъ сталъ *фактомъ*. И фактомъ является то, что тамъ было дано обѣщаніе absolute вступиться за *Венгрію* и за Венецію, если Наполеонъ станетъ помогать Италіи. Я долженъ, наконецъ, коснуться еще одного аргумента, который ты употребилъ въ своемъ октябрьскомъ [ноябрьскомъ] письмѣ: именно русской ноты.

Это побуждаетъ меня предварительно замѣтить еще кое-что по поводу твоего недавняго письма относительно Урквартизма. О Россіи я думаю совершенно также, какъ и ты, но я нахожу, что вы тамъ дѣйствительно обангличанились до руссоманіи и, повидимому, quelque peu потеряли изъ виду нѣмецкія условія. Если Уркваргъ въ Англіи смотритъ на войну съ Россіей, какъ на цѣль

своей жизни, то онъ стремится къ великой и прекрасной цѣли и правъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ занимается весьма полезной дѣятельностью, и при томъ по двумъ причинамъ: 1) потому, что нужно и полезно обрабатывать и подогрѣвать общественное мнѣніе въ Англіи противъ Россіи и 2) потому, что разъ общественное мнѣніе въ Англіи будетъ до *нѣкоторой* степени настроенно противъ Россіи, то это не замедлитъ имѣть тамъ свои фактическія послѣдствія; это доставило бы Пальмерстону большія затрудненія, въ концѣ-концовъ можетъ быть привело бы его къ паденію и повлекло бы за собой измѣненіе въ англійской политикѣ — или войну.

Напротивъ того, у насъ въ Германіи, пока существуютъ наши династіи, совершенно невозможно оказать подобнаго фактическаго воздѣйствія на политику нашихъ правительствъ. Это — *мечта*. Что же касается теоретической пропаганды, то въ Германіи стремленіе теперь *внушить народу* ожесточеніе противъ Россіи было бы равносильно тасканію совъ въ Аѳины или воды въ море. Это совершенно невозможно, и поэтому всякая подобная дѣятельность *у насъ* является совершенно излишнимъ acta agere. «Война противъ Россіи» это былъ бы самымъ популярнымъ, все увлекающимъ за собой военнымъ кличемъ, какой только когда-либо раздавался въ Германіи. Если у насъ будетъ когда-нибудь дѣйствительная революція, то у насъ *тотчасъ* будетъ и война съ Россіей. До того же времени я думаю, что *ея* не будетъ, потому что наши династіи съ трудомъ согласятся на это. Но если бы это случилось, то это было бы большимъ несчастіемъ. Вѣдь *то* правительство, которое начнетъ войну съ Россіей, будетъ долгое, долгое время любимымъ ребенкомъ націи. Начни только принцъ эту войну, и онъ станетъ любимцемъ народа, и онъ сможетъ во всѣхъ *другихъ* отношеніяхъ обмануть его. Начни онъ эту войну, и наша монархія опять пріобрѣтетъ себѣ популярность можетъ быть на двадцать лѣтъ и опять сростется съ сердцемъ народа. Исходя изъ этихъ основаній, я ни въ какомъ случаѣ не желаю, чтобы принцъ началъ войну съ Россіей.

Напротивъ того, я смотрю на войну съ Россіей, какъ на основаніи этихъ, такъ и по весьма многимъ другимъ причинамъ, коренящимся въ *реальныхъ отношеніяхъ*, которыя никоимъ образомъ не скроются отъ тебя, какъ на *лучшее и необходимое наше наслѣдіе*. Она есть, я сказалъ бы, провиденціальное наслѣдіе нѣмецкой революціи, подобно тому, какъ *итальянская*

война была наслѣдіемъ французской революціи 48-го года, которое г. фонъ-Ламартинъ имѣлъ глупость оставить въ качествѣ наслѣдства Наполеону. Эта война поможетъ намъ продѣлать всю нашу революцію, ослабить ея затрудненія, будетъ намъ содѣйствовать въ достиженіи дѣйствительныхъ результатовъ. Если со стороны Ламартина было ошибкою оставить Наполеону это наслѣдство отъ революціи — то какой дьяволъ толкаетъ тебя заранѣе промотать эту лучшую часть нашего наслѣдства, по крайней мѣрѣ желать промотать ее на половину?

Apres quoi ты поймешь, что и на русскую ноту, которой ты придаешь такое большое значеніе, я смотрю гораздо хладнокровнѣе и совершенно иначе.

Во-первыхъ, я не нахожу въ ней ничего оскорбительнаго. Вѣдь слова тамъ были, насколько я припоминаю, не оскорбительныя, а въ содержаніи я и подавно не могъ усмотрѣть ничего такого. Въ томъ, что въ какомъ-нибудь *европейскомъ* вопросѣ— а это былъ именно такой, а не нѣмецкій — правительство намъ говоритъ: если вы будете помогать Петру, то я приду на помощь Павлу,—въ этомъ я вижу лишь самъ по себѣ совершенно разумный, законный и au bout du compte гораздо болѣе лойальный поступокъ, чѣмъ если бы ничего не говорить, а за спиной принимать неожиданныя рѣшенія. Если бы я былъ правительствомъ, то я взялъ бы себѣ это право по отношенію ко всѣмъ правительствамъ всего міра, и поверхностный взглядъ на нашу дипломатическую исторію показываетъ, что имъ уже съ давнихъ поръ пользовались въ нашемъ международномъ правѣ.

Но допустимъ даже, что это было оскорбленіемъ, тогда я понимаю, если изъ-за этого сорви-голова Перси дерется на дуэли; но нація изъ-за этого все-таки не начинаетъ немедленно большой войны, потому что налицо тогда и другія средства для улаженія дѣла; *меньше же всего* она начнетъ *войну, направленную противъ ея собственнаго принципа и интересовъ!*. Если *Россія* держитъ себя оскорбительно, то мы должны начать войну съ Италіей! Какая логика!

Согласись съ тѣмъ, что эти аффекты суть *средства*, съ помощью которыхъ можно въ газетахъ сдѣлать clinquant и произвести даже эфекты, но они не представляютъ собой никакихъ *основаній*, которыя мы могли бы серьезно привести при обсужденіи вопроса: вести ли войну противъ Италіи и Франціи или нѣтъ.

И далѣе. Допустимъ, что это является весьма большой дерзостью, униженіемъ и большимъ оскорбленіемъ со стороны Россіи, что я, какъ уже сказано, совершенно отрицаю. Но допустимъ это. Я, далѣе, являюсь такимъ же хорошимъ націоналистомъ, какъ и всякій другой. И тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что нисколько не чувствую себя этимъ самымъ оскорбленнымъ или возбужденнымъ, и по очень простой причинѣ: я nullement не чувствую себя идентичнымъ съ прусскимъ принцемъ! Если это было униженіемъ, то это было бы униженіемъ для *нѣмецкихъ правительствъ* и tant pis pour eux! Но я рѣшительно отрицаю, что это касалось *нѣмецкаго народа*. Напротивъ того! Когда правительства находятся въ противорѣчіи съ народнымъ сознаніемъ, то они становятся все болѣе и болѣе слабыми и подвергаются всякаго рода униженіямъ со стороны иностранныхъ правительствъ, которыя находятся въ менѣе антагонистическихъ отношеніяхъ со своими народами. Это — законъ природы. И такъ какъ у меня нѣтъ обыкновенія негодовать на то, что является естественно необходимымъ, то я не негодую и на это. Этотъ законъ имѣетъ силу у самыхъ сильныхъ народовъ, и именно поэтому всегда лишь позоритъ ихъ правительства, но не ихъ самихъ. Правленіе Луи Филиппа во Франціи было по той же самой причинѣ сплошнымъ рядомъ скандаловъ, которые, однако, позорили въ глазахъ всякаго разумнаго человѣка не французскую націю, но лишь правительство Луи Филиппа; и это ей нисколько не помѣшало, послѣ разноса послѣдняго, занять снова другое положеніе среди народовъ. Я такимъ образомъ *воспользуюсь* этими униженіями правительства, какъ это дѣлали и французы при Луи Филиппѣ, чтобы съ помощью ихъ вести *дальнѣйшую пропаганду* противъ правительства и *сдѣлать* его еще болѣе *противнымъ* народу. Но я никогда не пожелаю, чтобы такія хорошія средства пропаганды и дѣйствія не имѣли мѣста, или чтобы правительство обладало достаточной силой, чтобы отказаться отъ нихъ, не говоря уже о томъ, что эти средства совершенно не могутъ увлечь меня на такія рѣшенія, которыя вообще находятся въ противорѣчіи съ принципами и интересами народа. Я не повѣрю, чтобы они на самомъ дѣлѣ могли отразиться на самомъ народѣ и сдѣлать его отвѣтственнымъ за нихъ; это развѣ лишь *постольку*, поскольку жалкая роль во *внѣшнихъ* дѣлахъ является лишь слѣдствіемъ жалкихъ отношеній *внутри*, и такимъ образомъ во всякомъ случаѣ сначала должны измѣниться *послѣднія*, чтобы можно было существенно измѣнить

первыя и даже *желать* ихъ измѣненія. Вѣдь, diable! какое дѣло тебѣ и мнѣ до положенія *прусскаго принца?* Такъ какъ всѣ его тенденціи и интересы направлены *противъ* тенденцій и интересовъ *нѣмецкаго народа*, то какъ разъ скорѣе *въ интересахъ нѣмецкаго народа*, чтобы положеніе принца во внѣшнихъ дѣлахъ было *по возможности слабѣе*. Certainement, если бы у принца было болѣе сильное положеніе, чѣмъ теперь, то Гарибальди не было бы въ Палермо, онъ не вторгнулся бы въ Неаполь! Всему свое время! Могущественное положеніе нѣмецкаго народа настанетъ, и можетъ быть нѣтъ никого, кто бы относился къ этому болѣе серьезно и болѣе широко-объемлюще, чѣмъ я. Но оно наступитъ и можетъ наступить лишь тогда, когда у насъ будетъ народное правительство, а не при нашихъ династіяхъ. Сильное положеніе нѣмецкаго *народа* и сильное положеніе нѣмецкихъ *династій* — для меня двѣ совершенно различныя вещи, далекія другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Чортъ возьми! Въ своей жизни я многое понималъ, но я никогда не могъ бы понять, какимъ образомъ ты вдругъ сталъ отождествлять то и другое.

Итакъ, у меня не было никакого повода ради этой русской ноты содѣйствовать, т. е. желать того, чтобы принцъ, внезапно вызвавши въ націи крикъ энтузіазма и изумленія, началъ войну съ Россіей, которая въ *его* рукахъ не имѣла бы никакой *цѣли* и только снова усилила бы монархическую приверженность народа въ неподдающейся учету степени.

Между тѣмъ интимная дружба между Россіей и Наполеономъ очень ослабѣла. Если вѣрна сегодняшняя депеша «Times'a», то почти что образовался снова священный союзъ, а если она и невѣрна, то все-таки по существу этотъ союзъ въ періодѣ образованія.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что теперь настанетъ, и при томъ во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ году, война, какъ *я* ея желалъ и какъ я ее понимаю. Революція въ Италіи и *Венгріи* съ одной стороны, Пруссія и Австрія съ военнымъ кличемъ священнаго союза—съ другой. Тогда, если мы *не* будемъ трубить въ военный рогъ и не сдѣлаемъ войны популярной у насъ, можно будетъ достигнуть нѣкотораго воздѣйствія на нѣмецкій народъ, а за время войны и нѣкотораго развитія.

При такомъ положеніи вещей я рѣшилъ возвратиться еще разъ къ нашимъ прошлогоднимъ разногласіямъ. Согласенъ ли ты

теперь со мной въ томъ, что я тогда былъ правъ, или же ты теперь по крайней мѣрѣ согласенъ со мной? Я такъ высоко ставлю твой умъ, что я буду его лишь еще выше цѣнить, если ты скажешь мнѣ, что ты тогда ошибался. Но я спрашиваю тебя объ этомъ и. пишу это письмо не изъ жалкой страсти казаться всегда справедливымъ, но потому, что при подготовляющемся положеніи вещей мнѣ кажется реально важнымъ, чтобы между нами царило согласіе, а послѣднее является субстанціальнымъ условіемъ всякаго совмѣстнаго дѣйствія.

Наконецъ, я долженъ пристать къ тебѣ со слѣдующимъ вопросомъ: когда же, наконецъ, появится продолженіе твоего политико-экономическаго труда. Для меня это очень важно, такъ какъ у меня почти готово въ рукописи сочиненіе, надъ которымъ за этотъ промежутокъ времени я работалъ. Но независимо отъ этого, неужели и это мастерское произведеніе останется не законченнымъ? Я не высказывалъ еще тебѣ своего мнѣнія о немъ и сдѣлаю это болѣе подробно лишь тогда, когда оно будетъ дальше закончено. Но вотъ что я хочу тебѣ здѣсь вкратцѣ сказать: оно поистинѣ вызвало во мнѣ *восхищеніе*.

Что касается способа его изложенія и представленія, оно естественно имѣетъ недостатки, связанные съ его достоинствами. Оно всюду выдержано въ такомъ же стилѣ, въ какомъ написаны самыя лучшія главы гегелевской феноменологіи. Но именно поэтому-то оно и для большой образованной публики трудно, почти непонятно. Я не знаю, уяснилъ ли ты себѣ, *насколько* оно должно быть трудно для нея. Чтобы понять его, крайне необходимы два условія: 1) полнѣйшее владѣніе философской мыслію въ ея самой тонкой формѣ и 2) *самое близкое знакомство* съ системами и исторіей политической экономіи. Кто даже удовлетворяетъ первому условію, тотъ все-таки ничего не пойметъ, если онъ *еще не имѣетъ* этого полнаго знакомства съ политико-экономическимъ матеріаломъ; ты дѣлаешь послѣднее настолько непосредственно предполагаемымъ субстратомъ своего изложенія, что очень часто безъ этого точнаго знанія даже нельзя замѣтить, о чемъ идетъ рѣчь. Это *второе* условіе и заключаетъ въ себѣ почти что *черезчуръ большое* требованіе отъ публики. Это будетъ вредить непосредственному вліянію, тебя придется популяризировать и твое вліяніе придется испытывать черезъ вторыя руки. Однако, если ты, чего я почти что желалъ бы, въ слѣдующихъ выпускахъ ослабишь это условіе и *дашь* больше матеріала, вмѣсто того, чтобы предполагать его,

какъ атмосферу, въ которой ты находишься, то это, разумѣется, опять-таки придастъ твоему труду тотъ удивительный характеръ *художественнаго произведенія*, который его вообще отличаетъ. Я теперь достаточно живо понимаю, почему ты нашелъ многое въ Гераклитѣ широковѣщательнымъ. Твое изложеніе вездѣ *пластическое, скульптурное* изображеніе, которое не *противопоставляетъ* себѣ матеріалъ *какъ объектъ*, но имѣетъ его въ себѣ въ видѣ субстрата, какъ *элементъ*, въ которомъ мысль движется свободно. Какъ я уже сказалъ, я не могу привести для этого никакой иной параллели, кромѣ гегелевской феноменологіи. Напротивъ того, что касается меня, то я Гераклита, за исключеніемъ нѣкоторыхъ главъ, именно теологическихъ, гдѣ я старался отчасти и въ скромныхъ границахъ достичь того же, излагалъ въ *пояснительномъ* тонѣ, при которомъ матеріалъ *противопоставляется* (иной разъ я даже «вдалбливалъ»). Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это— второстепенный жанръ изложенія. А если имѣть въ виду то *наслажденіе*, которое мнѣ доставило чтеніе твоей книги и которое оно постоянно будетъ доставлять немногимъ посвященнымъ, то не подлежитъ также ни малѣйшему сомнѣнію, что мы не могли бы желать, чтобы ты въ дальнѣйшемъ измѣнилъ этотъ методъ. Сверхъ того всякое подобное произведеніе находитъ всегда людей, которые популяризируютъ его мысли и пускаютъ ихъ въ ходъ среди людей въ видѣ мелкой монеты.

Довольно на сегодня объ этомъ. Я напишу тебѣ подробнѣе относительно содержанія, когда познакомлюсь съ его продолженіемъ. Да и нужно, наконецъ, закончить это безконечное письмо.

Съ сердечнымъ привѣтомъ тебѣ и твоимъ.

Твой Ф. Лассаль.

NB. Было бы очень хорошо, если бы я еще въ Аахенѣ получилъ отъ тебя отвѣтъ. До 18-го я во всякомъ случаѣ буду здѣсь, можетъ быть дольше; если я уѣду, его перешлютъ.

63.

Аахенъ, 17 сентября.

Дорогой Марксъ!

Только что получилъ твои два письма; пожалуйста, доставь Фрейлиграту то, что я прилагаю при семъ письмѣ. Очень благодарю тебя за быстрое удовлетвореніе моей просьбы.

Спѣшно отвѣчаю тебѣ еще на слѣдующіе пункты: 1) что ка-

сается издержекъ (на брошюру), то пожираемый потерями и разоряемый расходами, я не могу теперь назначить больше, чѣмъ позорно-мизерную сумму въ 50 талеровъ, и даже ее я *очень* хотѣлъ бы, если это какимъ-нибудь *образомъ* возможно, прислать лишь въ январѣ. Все же я надѣюсь, что буду въ состояніи въ январѣ прислать больше, чѣмъ я теперь обозначилъ; я только не могу теперь *связывать* себя большей суммой вслѣдствіе предстоящихъ мнѣ всякаго рода непредвидѣнныхъ расходовъ.

— Мнѣ было бы пріятно, если бы до января Энгельсъ или ты могли выложить за меня эти 50 талеровъ, если типографщикъ не согласится на кредитъ. Но если это не удастся и изъ-за этого должна будетъ произойти задержка въ печатаніи, то я пришлю ихъ въ концѣ *октября* изъ Берлина.

Но почему ты не отдалъ *напечатать* брошюру въ Германіи (Гамбургѣ), если даже изданіе ея появится въ Лондонѣ? Такъ какъ у насъ она не подвергнется конфискаціи, то ее можно также и напечатать. У насъ листъ стоитъ около 12 талеровъ. Такимъ образомъ вся брошюра обошлась бы въ 200 талеровъ. Можно ли это еще устроить?

2) Ты пишешь: «Гарибальди, какъ и Мадзини, вполнѣ раздѣляли мой взглядъ относительно *миссіи Бонапарта?*» И ты подчеркиваешь это такъ же, какъ это я здѣсь сдѣлалъ. Дорогой мой, какъ было не повѣрить, что *я* говорилъ о какой-то «миссіи» Бонапарта!!! Можно придти въ отчаяніе отъ писемъ! Я полагаю, что по отношенію къ нему я былъ ясенъ и недвусмысленenъ, на сколько только это было возможно. Я говорилъ въ своей брошюрѣ о его «роли на галерахъ», но я приписалъ бы ему «миссію» только въ томъ смыслѣ, въ какомъ почти всякая историческая фигура имѣетъ такую, даже нашъ принцъ и проч., въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ выполнить *противоположное* тому, чего онъ хочетъ. Во всѣхъ своихъ прошлогоднихъ письмахъ къ тебѣ—просмотри ихъ, если они еще у тебя есть—я всегда выдвигалъ, какъ *главное* основаніе противъ твоего modus procedendi, то, что Наполеонъ прежде всего является *краеугольнымъ камнемъ* нашей реакціи, что прежде всего должно быть обращено вниманіе на то, чтобы не поддерживать *его* и что, по моему мнѣнію, война, начатая противъ него тогда, въ 1859 г. по поводу итальянскаго вопроса, должна была бы неимовѣрно подкрѣпить его. *Это*, т. е. враждебная по отношенію къ Наполеону тактика, было всегда главной основой всѣхъ моихъ разсужденій и только

потому, что я такъ часто выдвигалъ это въ каждомъ изъ своихъ прежнихъ писемъ, я думалъ, что могу теперь совсѣмъ умолчать объ этомъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, такъ какъ въ немъ я вообще не говорилъ о Бонапартѣ. Итакъ, какое отношеніе имѣетъ ко мнѣ дважды подчеркнутая тобой миссія? Я не беру на себя отвѣтственности за это подсовываніе миссіи Наполеону, развѣ только въ томъ самомъ общемъ смыслѣ, по скольку таковая можетъ быть приложима ко всякой вещи, являющейся слѣдствіемъ причинъ и опять таки въ свою очередь причиной слѣдствій. Для насъ онъ—противная гусеница, оболочку которой мы должны прогрызть, чтобы стать свободной бабочкой. Прогрызть значитъ пожрать, значитъ отрицать. Родственное отношеніе, которое, *повидимому*, заключается въ сравненіи съ гусеницей, не препятствуютъ слѣдовательно, но какъ разъ выдвигаетъ то, что наша противоположность по отношенію къ нему—самая интенсивная, самая кровавая и самая враждебная, гораздо болѣе враждебныя, чѣмъ по отношенію къ старымъ партіямъ. C'est clair! Но интенсивная враждебность этой противоположности опять-таки не препятствуетъ тому, чтобы онъ, въ силу противорѣчій его положенія, могъ и *долженъ* былъ дѣлать нѣчто такое, что, въ случаѣ если мы сумѣемъ завладѣть имъ для насъ, должно оказать намъ пользу; и въ этомъ, такимъ образомъ, проявляется его сходство съ гусеницей. Такъ, вѣдь теперь нельзя отрицать, что Гарибальди стоитъ самостоятельно во главѣ 80.000 войска и обладаетъ престижемъ, равнымъ еще 80.000 человѣкъ, и что *безъ* итальянской войны 1859 г. этого, разумѣется, *не* было бы.

А если бы Германія въ прошломъ году поднялась бы на войну, то этого *не было бы* теперь. Вѣдь тогда побѣдила бы Пруссія или Австрія, и Италія была бы подавлена вообще и во всѣхъ отношеніяхъ, не говоря уже о ея гарибальдійской формѣ. Но даже если бы Бонапартъ побѣдилъ, то и тогда онъ одинъ имѣлъ бы въ своихъ рукахъ все положеніе дѣлъ въ Италіи, онъ былъ бы на одно мгновеніе дѣйствительнымъ, а не только кажущимся arbiter Европы; и онъ не могъ допустить развитія Гарибальди, начавшагося съ малаго, къ чему онъ былъ вынужденъ теперь, но онъ помѣшалъ бы ему въ самомъ зародышѣ. Именно вслѣдствіе скрытаго антагонизма, въ которомъ находились по отношенію къ нему державы, онъ былъ вынужденъ къ своей итальянской колебательной политикѣ, къ топтанію на одномъ мѣстѣ и къ выжидательной политикѣ, при которой онъ все хотѣлъ удер-

жать въ своихъ рукахъ всѣ карты и именно поэтому не могъ ничему помѣшать: такимъ образомъ и могло произойти это блестящее развитіе Гарибальди и оно было въ состояніи перерости Бонапарта. Вѣдь не можетъ быть больше сомнѣнія въ томъ, что въ настоящее время итальянское движеніе уже вполнѣ переросло его, какъ я это предсказывалъ въ своей брошюрѣ, а послѣ Виллафранка—въ своихъ письмахъ къ тебѣ.

Миссія Бонапарта означаетъ слѣдовательно: Гарибальди! Или *миссія* Бонапарта заключалась въ томъ, что теперь Гарибальди стоитъ самостоятельно во главѣ революціонной арміи въ 80.000 человѣкъ!

Или, пожалуй, если *въ началѣ* войны Наполеонъ даже и не имѣлъ этой миссіи, то ему *сдѣлали* ее потомъ, что сводится къ тому же. И всякій ребенокъ, котораго кому-нибудь дѣлаешь, есть *собственный* ребенокъ, какъ это можетъ подтвердить всякая баба.

Ты никоимъ образомъ не можешь ссылаться на Гарибальди, дорогой другъ. Гарибальди, съ чѣмъ ты согласишься, дѣйствовамъ скорѣе въ *полнѣйшемъ* согласіи со *мной*.

И Мадзини, впрочемъ, также долженъ былъ въ концѣ концовъ пойти этой дорогой и дѣйствовать въ моемъ смыслѣ. Но, говоришь ты, прежде у нихъ былъ другой взглядъ и они раздѣляли твой. Но будь справедливъ! Если они даже раздѣляли твой взглядъ и и все-таки затѣмъ были сами вынуждены *дѣйствовать* болѣе реально, *согласно моему взгляду*—развѣ это не доказательство? Или не есть ли это *самое большое* и *реальное* доказальство, которое кто-либо можетъ привести? Развѣ это не доказываетъ, что я здѣсь своимъ практическимъ взоромъ уловилъ неизбѣжность реальныхъ отношеній, то, что должно дѣйствительно осуществиться. Ты писалъ мнѣ тогда, что всѣ различные по своимъ оттѣнкамъ демократы, отъ Мадзини до Прудона и проч., были бы готовы подписать это объясненіе и т. д. Если ты обращалъ тогда вниманіе на то, чего *хотѣли* эти люди, то я подчеркивалъ то, что они будутъ *дѣлать*, потому что они должны были это дѣлать.

Далѣе ты выставляешь то, что, какъ ты несомнѣнно знаешь изъ одного письма къ Green'у, цѣль Гарибальди была въ освобожденіи Италіи отъ Бонапарта. Это для меня никогда и ни на одно мгновеніе не подлежало сомнѣнію. У него и не *могло* быть никакой иной цѣли, если бы даже онъ, независимо отъ его писемъ, не высказалъ бы ея открыто въ столь многочисленныхъ своихъ прокламаціяхъ, дышащихъ очевидной враждебностью къ Наполеону.

И ты отдашь вѣдь мнѣ справедливость въ томъ, что это желаніе, освободить Италію отъ Бонапарта, было у меня съ самаго начала *самымъ пламеннымъ* и что оно являлось закономъ моей тактики. Оно живетъ въ каждомъ словѣ моей брошюры, въ каждой строчкѣ моихъ писемъ, какъ доминирующая основная мысль. Мы были различнаго мнѣнія только относительно того, *какъ* осуществить это освобожденіе. Но тогда мы бы *войной отождествили* Наполеона съ итальянскимъ вопросомъ вмѣсто того, чтобы достигнуть освобожденія послѣдняго отъ него. Напротивъ того, Гарибальди началъ вполнѣ правильно и теперь уже находится такъ далеко, что уже теперь наступила нѣкоторая не незначительное освобожденіе, и надо надѣяться, что уже не далеко и до полнаго освобожденія.

Для революціонныхъ партій всѣхъ странъ оно будетъ снова началомъ «открытаго выясненія противорѣчій», какъ я уже тогда выразился относительно этого. Уже Виллафранка, затѣмъ присоединеніе Ниццы, которое поэтому я тогда, если ты помнишь, привѣтствовалъ съ большой радостью, было замѣтнымъ шагомъ въ сторону этого освобожденія; позднѣйшее еще больше. Короче говоря, ты *долженъ* вспомнить, что «*отдѣленіе* Бонапарта отъ итальянскаго вопроса и пониманіе этого *отдѣленія* такъ», какъ я высказался относительно этого почти дословно не знаю въ какомъ именно изъ своихъ писемъ, и было именно тѣмъ, закономъ, согласно которому я и хотѣлъ, чтобы была направлена наша тактика. Итакъ, онъ былъ совершенно такимъ же, какому и слѣдуетъ въ дѣйствительности Гарибальди.

Все это длинное и скучное разсужденіе обязано своимъ происхожденіемъ ничему иному, кромѣ дважды подчеркнутому слову *миссія*, и не имѣетъ никакой иной цѣли, кромѣ той, чтобы оградить себя отъ часто распространяемаго взгляда, будто бы долженъ быть заключенъ какой-либо союзъ съ бонапартизмомъ, и что онъ будто бы имѣетъ какую-то посредническую миссію, которая должна быть нами serieusement воспринята. Однако едва ли возможно, чтобы ты считалъ это, когда-либо и моимъ взглядомъ.

3. Точно также ты, повидимому, невѣрно понялъ и мой взглядъ относительно Россіи, и въ этомъ—моя вина. Дѣло въ томъ, что я въ послѣднемъ письмѣ высказался только относительно политики Пруссіи по отношенію къ Россіи, но не относительно политики самой Россіи. Я очень охотно и вполнѣ откро-

венно признаю за тобой болѣе основательное изученіе русской дипломатіи, но въ то же время я могу тебя увѣрить, что и мое знакомство съ ней такъ же не *поверхностное*, и мнѣ менѣе всего приходило въ голову утверждать, что и Россія будетъ вести принципіальную политику въ духѣ нѣмецкаго правительства. Для нея эта принципіальная политика всегда была лишь *предлогомъ* для *полученія* реальной *выгоды*. Это есть и останется ея традиціей. Если я не ошибаюсь, то это въ общемъ тотъ взглядъ, о которомъ ты говоришь, что ты и Энгельсъ составили его себѣ. Тогда мы были бы такимъ образомъ здѣсь по существу d'accord Однако по поводу *теперешняго* положенія вещей приходится отмѣтить слѣдующее. Новый Александръ— слабый человѣкъ. Окруженъ онъ, какъ я *знаю*, большой партіей, которая старается обработать его въ интересахъ Австріи. И мать его прежде всего. Революція въ Венгріи ему непріятна, вслѣдствіе ея обратнаго воздѣйствія на Польшу. Для эксплоатаціи послѣдней ему не хватаетъ соотвѣтствующей иниціативы. Его ближайшій главный интересъ — востокъ, включая сюда и княжества. Послѣднія событія убѣдили его въ томъ, что чрезъ посредство союза съ Наполеономъ онъ здѣсь, на востокѣ, все-таки не можетъ получить никакой значительной выгоды. Напротивъ того, Австрія ищетъ русскаго союза á tout prix, *должна* его имѣть; дѣло зашло такъ далеко, что она даже порываетъ со своей традиціонной политикой и готова предоставить Дунайскія княжества Александру. Ты не будешь отрицать того, что это должно быть для него прекрасной и привлекательной платой—опять-таки одной изъ тѣхъ, которая можетъ быть получена подъ предлогомъ принципіальной политики. При всемъ томъ я именно не думаю, чтобы онъ, если дѣло *дойдетъ* до войны между Пруссіей и Австріей съ одной стороны и Италіей и Франціей съ другой, чтобы онъ вступилъ въ *первую* линію въ эту войну. Онъ дастъ Пруссіи и Австріи всякаго рода неопредѣленныя обѣщанія и вовлекши ихъ въ войну во имя принциповъ священнаго союза, самъ на время воздержится отъ этого. При этомъ онъ уже потому будетъ въ выигрышѣ, что другія державы взаимно утомятъ друга друга, между тѣмъ какъ онъ останется со свѣжими силами, и это дастъ ему возможность во всякій моментъ, когда замѣшательство покажется ему наиболѣе подходящимъ, *обрушиться на дунайскія княжества*. Если обо всемъ этомъ точно пораздумать, то эта роль является настолько выгодной для него, что весьма

вѣроятно, что этотъ союзъ приметъ ее на себя. Она гораздо выгоднѣе, чѣмъ союзъ съ Наполеономъ *противъ* Австріи. Во-первыхъ, потому, что онъ далеко не можетъ обезпечить ему такіе же выгоды, а во-вторыхъ потому, что если онъ начнетъ вмѣстѣ съ Наполеономъ войну противъ Германіи, то онъ тотчасъ же будетъ имѣть на своей границѣ нѣмецкія войска и его реальное безсиліе снова очень скоро обнаружится благодаря этому реальному испытанію. Между тѣмъ какъ при союзѣ съ Австріей и Пруссіей противъ арміи Бонапарта онъ прежде всего будетъ прикрытъ всѣми нѣмецкими арміями, и ему слѣдовательно совсѣмъ не придется приносить жертвы для самообороны, а при нападеніи на княжества противъ него будетъ только турки, что все же для него всегда гораздо удобнѣе, чѣмъ имѣть предъ собой Германію. Итакъ, эта роль гораздо *болѣе выгодная* и въ то же время гораздо *болѣе легкая* для него, чѣмъ противоположный путь: союзъ съ Бонапартомъ; и при томъ ее можно опять-таки играть подъ старой маской принципіальной политики. Австрія и Пруссія почти что просятъ его о томъ, чтобы онъ ее игралъ.

Не кажется ли тебѣ, что это разсужденіе имѣетъ за собой нѣкоторую вѣроятность?

Поэтому-то я уже въ своемъ послѣднемъ письмѣ сказалъ; «Если Австрія и Пруссія начнутъ войну при *боевомъ кличѣ священнаго союза*», но я *не* сказалъ «начнутъ ее Австрія и Пруссія и *Россія*», ибо я думаю, что послѣдняя сначала будетъ держаться этой политики попустительства, политики, говорящей полусловами и выжидательной.

Далѣе ты говоришь: Россію нашъ народъ въ достаточной степени ненавидитъ, но не достаточно ее понимаетъ. Послѣднее для меня совершенно безразлично. При всемъ стараніи для насъ все-таки было бы невозможно превратить нашъ народъ въ дипломатическихъ изслѣдователей. Ненависть массы достаточна для всего, если только въ странѣ существуютъ пять человѣкъ, которые также и понимаютъ.

4) Ты требуешь отъ меня, чтобы я составилъ и программу согласно моимъ vues. Но для того, чтобы написать программу для трехъ только друзей, требуется *форма*, а энергіи, нужной для такой формулировки, у меня, при моемъ теперешнемъ болѣзненномъ состояніи, не будетъ въ теченіе ближайшихъ шести недѣль. Я могу намазать письмо и оно дѣйствительно таково, но о томъ, чтобы я былъ теперь способенъ сжато и связно излагать, не мо-

жетъ быть и рѣчи. Я хотѣлъ бы, поэтому, съ своей стороны взвалить на васъ это предложеніе. Напишите вы программу и пришлите ее мнѣ. Я по крайней мѣрѣ до конца ноября не буду въ состояніи сдѣлать этого. Впрочемъ, ничего не будетъ потеряно, если и подождать. Тѣмъ менѣе будетъ въ ней неизбѣжныхъ случайностей, и тѣмъ болѣе опредѣленной и практичной она будетъ.

5) Ad vocem частой жалобы по *рейнскому* судопроизводству.

а) Если она состоитъ изъ *crime*, то она во всякомъ случаѣ сначала предстанетъ передъ (тайной) судебной камерой, которая тотчасъ же можетъ ее отклонить.

в) Если же она состоитъ изъ одного только *délit*, какъ здѣсь (*calomnie*), то нужно только заявить о проступкѣ въ прошеніи на имя предсѣдателя исправительной камеры и просить его о назначеніи срока судебнаго разбирательства въ исправительной камерѣ. Предсѣдатель можетъ тогда *только* назначить срокъ, но *не* предрѣшать дѣла по существу и не дополнять его соображеніями въ интересахъ обвиняемаго. Этого онъ совсѣмъ не имѣетъ права сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, чтобы испытать всякаго рода опыты, я однажды пережилъ въ процессахъ графини такой случай, что предсѣдатель поступилъ по аналогіи съ *уголовнымъ судопроизводствомъ* и представилъ дѣло сначала въ судебную камеру. Между тѣмъ это настолько неслыханное дѣло и такой excès du pouvoir, и такъ бываетъ рѣдко, что я могу *рѣшительно* увѣрить тебя, что этого не повторится и тебѣ *нечего* этого бояться, несмотря на все и проч. Лишь въ одномъ случаѣ, если въ прошеніи вовсе не указано *никакого значительнаго проступка* (вовсе никакой calomnie или injure), онъ могъ бы еще отказаться назначить срокъ. Но объ этомъ здѣсь вѣдь не можетъ быть и рѣчи, и это было бы такимъ образомъ deni de justice, на что онъ ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ. Итакъ, по условіямъ рейнскаго судопроизводства ты можешь быть увѣренъ, что если ты тамъ начнешь процессъ, то онъ будетъ допущенъ къ судебному разбору.

Мнѣ все еще такъ плохо, что я останусь здѣсь навѣрно еще восемь дней, и было бы очень мило съ твоей стороны, если бы я за это время еще получилъ отъ тебя письмо.

Твой Ф. Л.

64.

Дорогой Марксъ!

[Человѣкъ весьма] достойный сожалѣнія пишетъ другому тоже весьма достойному сожалѣнія! Къ своему великому [ужасу] я узнаю, изъ твоей записки [къ] Дункеру, что у твоей жены—[ужас]но!—нервная лихорадка. [Прошу тебя] очень и настоятельно [прислать] мнѣ [хотя бы совершенно] *краткое извѣщеніе* о томъ, какъ ея здоровье и каково [теченіе] болѣзни. [Это] очень успокоило бы [меня]. Это извѣстіе меня очень взволновало, въ виду большаго участія, какое я проявляю къ [твоей женѣ]. Иначе... я теперь также не!.. Вѣдь я себя чувствую снова [очень плохо]. Съ... у меня [начало]сь новое ужасное лѣченіе! Врачи не знаютъ точно, чѣмъ я собственно боленъ. Ревматизмъ прекратился. Одни думаютъ теперь, что [это] воспаленіе кости, другіе у[тверждаютъ], что я [повредилъ] себѣ нервъ въ ногѣ. Мое теперешнее лѣченіе заставляетъ меня [оп]ять лежать въ постели. Ежедневно... меня электризуютъ! Затѣмъ я долженъ... Это ужасно. Для работы остается всего 2—3 часа въ день, и я такъ слабъ, утомленъ и болѣзненъ, что едва могу думать. И... какъ разъ у Брокгауза печатается мой большой и важный [трудъ], и я долженъ не только читать корректуру—6 листовъ я уже прочелъ,—но и вставлять многія выдержки во второй [томъ]; я ихъ оставилъ себѣ напослѣдокъ и онѣ необходимы и [являются] отчасти самой трудной работой. И при этомъ... ежедневно время, и эта полнѣйшая... о, это—жестоко! Пожалуйста, дай немедленно [знать] хоть однимъ словомъ, какъ здоровье твоей жены! [Я былъ бы] уже счастливъ, если бы [у меня была болѣзнь], при которой дѣло можетъ рѣшиться въ нѣсколько нед[ѣль или] мѣсяцевъ. Напротивъ того, у меня болѣзнь можетъ остаться на всю жизнь—[для меня это] невыносимая мысль;—тогда я [на]всегда калѣка, который не можетъ оставить ко[мнаты]! Но тебѣ еще хуже. Все другое вѣдь переносится легче, чѣмъ... другого любимаго человѣка—намъ обоимъ плохо!

Твой Ф. Лас[саль].

Четвергъ, 5 декабря 60 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Теперь дѣло Фогта во всѣхъ своихъ подробностяхъ давно забыто. Въ соціалъ-демократическихъ кругахъ знаютъ о немъ очень мало кромѣ того, что Марксъ совершилъ уничтожающій судъ надъ бывшимъ имперскимъ регентомъ, въ то время какъ въ буржуазной литературѣ въ теченіе десятилѣтій пользовались „охотничьими разсказами" Фогта о Марксѣ съ цѣлью „уничтожить" соціализмъ даже такіе взыскательные писатели, какими были Бамбергеръ и Трейчкѣ, но въ концѣ концовъ и въ этихъ кругахъ они потеряли свой кредитъ.

Въ общемъ теперь нечего жалѣть о томъ, что такое и не отрадное, и весьма неважное дѣло изгладилось изъ памяти людей. Лавровъ никто изъ непосредственно принимавшихъ въ немъ участіе не стяжалъ за исключеніемъ одного Маркса и до того времени, когда его брошюра противъ Фогта будетъ переиздана, можно было бы совсѣмъ оставить эту исторію. Но для правильнаго пониманія писемъ, которыя Лассаль писалъ Марксу въ 60-мъ году, необходимо хотя бы въ краткихъ чертахъ разсказать, въ чемъ собственно заключалась сущность дѣла Фогта. Удобнѣе также и въ этомъ случаѣ прежде чѣмъ комментировать эти письма въ отдѣльности предпослать краткое общее изложеніе этого дѣла.

ДѢЛО ФОГТА.

Карлъ Фогтъ, бывшій членъ лѣвой франкфуртскаго національнаго собранія и впослѣдствіи имперскій регентъ издалъ въ началѣ апрѣля 59-го года въ Женевѣ, представителемъ которой онъ былъ вмѣстѣ съ Фаци въ швейцарскомъ совѣтѣ штатовъ, брошюру о положеніи дѣлъ въ Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ политическую программу, въ которой защищалъ тономъ бонапартисткой пропаганды нейтралитетъ нѣмецкаго союза въ войнѣ между Франціей и Австріей.

Въ Лондонѣ Фогтъ обратился къ Фрейлиграту и Блинду, въ Германіи между прочимъ къ книгопродавцу Ленингу во Франкфуртѣ на Майнѣ, бывшему издателю „Святого Семейства" Маркса и Энгельса. Въ письмѣ къ Фрейлиграту Фогтъ предлагалъ „приличный гонораръ" за статьи для новаго еженедѣльнаго журнала, который онъ намѣревался основать; Ленинга онъ просилъ въ письмѣ познакомить его съ людьми, которые могли бы изъ Франкфурта писать въ газетахъ въ его, фохтовскомъ, духѣ; онъ-де готовъ „прилично" вознаграждать ихъ за статьи, оттиски которыхъ должны ему пересылаться; въ томъ же духѣ Фогтъ писалъ и третьему, не поименованному, адресату, что будто бы въ его распоряженіе предоставлены нѣкоторыя средства для оплачиванія статей для брошюръ и газетъ; и эти средства онъ хотѣлъ бы „приличнымъ образомъ" использовать для своихъ друзей. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ намекалось на то, что дѣло идетъ не столько объ Италіи, сколько о Венгріи.

Марксъ впервые услышалъ объ этомъ отъ Фрейлиграта, который далъ ему прочесть письмо и программу Фогта и спросилъ, какъ къ этому отнеслись. Марксъ отвѣтилъ, что это пустая болтовня. Затѣмъ Марксъ получилъ брошюру Фогта и тотчасъ же ему стала ясна наличность духовной связи ея съ бонапартисткой пропагандой. Наконецъ, 9-го мая на одномъ Уркваpтскомъ митингѣ К. Блиндъ подошелъ къ Марксу съ цѣлью сообщить ему, что Фогтъ получаетъ бонапартисткія субсидіи для своей агитаціи, что онъ хотѣлъ подкупить одного южно-нѣмецкаго писателя за 30.000 гульденовъ, что попытки подкуповъ имѣли мѣсто въ Лондонѣ, что уже въ 58-мъ году въ Женевѣ на одномъ свиданіи принца Наполеона, Фаци и К°, обсуждалась итальянская война и русскій великій князь Константинъ былъ намѣченъ въ будущіе короли Венгріи, что Фогтъ также и его (Блинда) приглашалъ въ сотрудники. Блиндъ опредѣленно заявилъ, что у него имѣются доказательства измѣннических происковъ Фогта противъ отечества. На томъ же самомъ митингѣ къ Марксу обратился также Фошеръ, тогдашній секретарь Кобдена, чтобы сообщить ему, что въ Лондонѣ начинаетъ выходить новый еженедѣльный нѣмецкій органъ „Das Volk". Редактированная Эдгаромъ Бауеромъ „Neue Zeit" закрылась вслѣдствіе интриги Кинкеля, который съ своей стороны съ начала года издавалъ „Hermann". По полученіи извѣстія о гибели „Neue Zeit" Бискампъ, до того времени корреспондировавшій въ нее и издававшій въ Касселѣ въ 48-мъ году „Hornisse", оставилъ свою учительскую кафедру на югѣ Англіи, чтобы составить въ Лондонѣ конкурренцію „Hermann'у" „Volk'омъ". Нѣмецкій общеобразовательный рабочій ферейнъ и еще нѣкоторые другіе лондонскіе ферейны будутъ будто бы поддерживать новое изданіе и съ этою же цѣлью онъ (Фошеръ) съ нѣсколькими знакомыми образовалъ финансовый комитетъ не ради „Volk'а", тенденціи котораго ему, какъ стороннику свободной торговли, чужды, но для того, чтобы не дать возникнуть монополіи въ нѣмецкой лондонской прессѣ. Марксу слѣдовало бы также принять въ этомъ участіе, Либкнехтъ-де уже получилъ отъ Бискампа приглашеніе сотрудничать.

На слѣдующій день Бискампъ пришелъ вмѣстѣ съ Либкнехтомъ къ Марксу и просилъ его дать статьи для новаго органа. Изъ-за отсутствія времени Марксъ сначала не могъ ничего обѣщать, но во время разговора сообщилъ посѣтителямъ разоблаченія Блинда относительно Фогта, добавивъ, однако, что въ южной Германіи имѣютъ обыкновеніе сильно сгущать краски. Неожиданно для него въ 2-мъ № „Volk'а" появилась принадлежащая Бискампу статья, въ которой въ остроумной формѣ высмѣивался Фогтъ за бонапартистское происхожденіе денегъ, при помощи которыхъ онъ производитъ свои операціи. Одинъ экземпляръ этого номера Бискампъ послалъ Фогту, который отвѣтилъ 23-го мая въ „Bieler Handels-kourier". Не касаясь выдвинутаго противъ него обвиненія, онъ писалъ „Въ предостереженіе" швейцарскимъ рабочимъ слѣдующее: „Послѣ подавленія революціи 49-го года въ Лондонѣ постепенно образовалась клика бѣглецовъ, члены которой были въ свое время извѣстны швейцарской эмиграціи подъ именемъ „Bürstenheimer" или „Schwefelbande" *). Глава ихъ —

*) Это не переводимыя на русскій языкъ бранныя слова.

Прим. переводчика.

Марксъ, бывшій редакторъ „Рейнской Газеты“ въ Кельнѣ. ихъ лозунгъ: соціальная республика, диктатура рабочихъ, ихъ занятіе—завязываніе сношеній и заговоры. Изъ своего англійскаго убѣжища они раскидываютъ сѣти по Германіи, Швейцаріи и Франціи,—но каждый разъ эти заговоры становились *съ самаго начала* извѣстными соотвѣтствующей тайной полиціи, и тѣ несчастные, которые давали себя одурачить, становились жертвами юстиціи. Мы напоминаетъ такъ называемые процессы коммунистовъ въ Кельнѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ. Обыкновенно въ послѣднемъ дѣйствіи драмы главную роль играетъ какой-нибудь *agent provocateur*, который приговаривается къ серьезному наказанію, но который вскорѣ послѣ приговора надъ нимъ необъяснимымъ образомъ исчезаетъ и начинаетъ свою игру снова. Въ названныхъ процессахъ такимъ лицомъ былъ нѣкто Шерваль... Этотъ Шерваль старался основывать вездѣ ферейны *для изготовленія фальшивыхъ бумажныхъ денегъ*, чтобы такимъ путемъ подорвать кредитъ и финансы тирановъ и способствовать ихъ гибели. Рано или поздно все гнѣздо арестовывается, какъ только это кажется полиціи благовременнымъ“. Далѣе Фогтъ говоритъ, что въ настоящее время въ Лондонѣ снова изо всѣхъ силъ стараются одурачить рабочихъ. Онъ думаетъ, поэтому, что дѣйствуетъ въ интересахъ рабочихъ, если открыто показываетъ имъ тѣ скользкіе пути, по которымъ ихъ пытаются вести; рабочіе не стоятъ болѣе на той ступени развитія, на которой пророки à la Kuhlmann могли бы откармливаться на ихъ счетъ.

Марксъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на эту ерунду и удовольствовался тѣмъ, что выставилъ ее въ Volk'ѣ на всеобщее посмѣяніе. Въ началѣ іюня онъ отправился въ Манчестръ, чтобы посѣтить Энгельса. Во время его отсутствія Либкнехтъ нашелъ въ типографіи „Volk'а корректурный листъ анонимнаго летучаго листка, направленнаго противъ Фогта, носившаго заголовокъ „Въ предостереженіе“ и содержавшаго въ себѣ главнымъ образомъ блиндовскія разоблаченія относительно Фогта. Послѣ сообщенія о томъ, что Фогтъ уже многіе годы находится въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ къ принцу Жерому Наполеону и уже въ серединѣ прошлаго года былъ посвященъ послѣднимъ въ бонапартисткій планъ, тамъ говорилось слѣдующее: „На основаніи подлинныхъ писемъ Фогта можно доказать, что онъ хорошо знаетъ династическую цѣль войны съ Австріей, точно также и то, что касается Италіи и Венгріи, такъ какъ онъ формально непосредственно освѣдомленъ объ этомъ лицами, руководствующими французской политикой. Ему было сообщено, что дѣло идетъ о доставленіи трона Жерому, Мюрату и вел. кн. Константину, точно также и о территоріальномъ расширеніи Франціи и территоріальномъ уменьшеніи Германіи. Значительныя денежныя суммы были затѣмъ предоставлены въ его распоряженіе, чтобы онъ настроилъ демократическую германскую партію въ интересахъ Франціи и Россіи, при чемъ, разумѣется, онъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы демократія преисполнилась вѣры въ томъ, что эта война Наполеона служитъ на пользу ея принципамъ. Изъ переписки самого Фогта, которую онъ ведетъ съ характеризующимъ его легкомысліемъ, можно привести доказательства тому, что онъ играетъ эту двойную игру съ величайшимъ безстыдствомъ. Будучи самъ подкупленъ, Фогтъ пытался подкупить и другихъ; и въ этомъ смыслѣ можно подробно указать на предложенія, которыя онъ дѣлалъ

одному демократу въ Штуттгартѣ, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, предложенія, которыя тотъ безусловно отвергъ. Подобныя же предложенія, которыя онъ дѣлалъ либеральнымъ и революціоннымъ лицамъ, живущимъ во всѣхъ частяхъ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, стали намъ извѣстны на основаніи точныхъ данныхъ. Одному пользующемуся уваженіемъ редактору въ В. была предложена сумма въ 30.000 гульденовъ, если послѣдній согласится предоставить свой органъ для защиты политики Наполеона III. Это предложеніе было также съ негодованіемъ отклонено. Одному баденскому демократу также были предложены деньги, но и здѣсь послѣдовалъ негодующій отказъ. Можно было бы назвать эмигрантовъ въ Лондонѣ, которыхъ Карлъ Фогтъ старался привлечь на свою сторону, но и тутъ безуспѣшно. Они или не отвѣчали вовсе или энергично высказывались противъ дѣлаемаго предложенія". Въ заключеніи говорится еще, что если бы Фогтъ попытался отрицать сказанное о немъ, что онъ врядъ ли осмѣлится сдѣлать, за этимъ разоблаченіемъ послѣдуетъ второе. Листокъ былъ подписанъ X-мъ.

Если уже самое содержаніе листка недвусмысленно указывало на Блинда, то кромѣ того Либкнехтъ узналъ отъ наборщика Фегеле, что Блиндъ передалъ для напечатанія владѣльцу типографіи Фиделіо Голлингеру эту рукопись, написанную его собственной рукой; корректурныя помѣтки на оттискѣ также были сдѣланы почеркомъ Блинда. Два дня спустя Либкнехтъ получилъ отъ Голлингера одинъ оттискъ и переслалъ его въ „Augsburger Allgemeine Zeitung", въ которую онъ корреспондировалъ съ 55-го года. Онъ снабдилъ листокъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „*Лондонъ* 16-го іюня. Прилагаемый летучій листокъ, авторомъ котораго является одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нѣмецкихъ эмигрантовъ, живущихъ здѣсь, не можетъ не представлять для васъ нѣкотораго интереса. Факты, которые въ немъ приводятся, всѣ могутъ быть доказаны. Во всякомъ случаѣ изъ того обстоятельства, что „Hermann" Кинкеля одобряетъ государственную измѣну Фогта, все-таки невозможно сдѣлать на родинѣ неблагопріятный для эмиграціи выводъ. За незначительнымъ исключеніемъ нѣмецкіе эмигранты самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ бонапартисткой, мало-германской тенденціи этой газеты, отъ которой недавно отвернулись многіе изъ сотрудниковъ". Съ этимъ примѣчаніемъ Либкнехта летучій листокъ былъ напечатанъ 22-го іюня въ приложеніи къ „Allgemeine Zeitung" и тогда же Фогтъ подалъ жалобу въ Аугсбургскій окружной судъ за оскорбленіе его чести въ печати.

Для своей защиты редакція потребовала отъ Либкнехта обѣщанныхъ доказательствъ, и Либкнехтъ обратился къ Блинду. Однако Блиндъ уклонился отъ всякихъ разъясненій, потому де, что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла совершенно чуждой ему газеты. Онъ вообще отрицалъ, что онъ авторъ летучаго листка, хотя и не могъ оспаривать того обстоятельства, что сообщилъ Марксу его содержаніе на митингѣ Уркварта и кромѣ того опубликовалъ его также въ формѣ письма въ редакцію Free Press. Кромѣ того наборщикъ Фегеле повторилъ Марксу письменно заявленіе, что онъ и его принципалъ Фиделіо Голленгеръ печатали въ типографіи Голлингера написанный Блиндомъ летучій листокъ, и что Голлингеръ указывалъ на Блинда, какъ на автора листка. Марксъ поддерживалъ Либкнехта въ его стараніяхъ достать матеріалъ для доказательства. Марксъ вызвался также

переслать заявленіе Фегеля въ „Allgemeine Zeitung“, если послѣдняя будетъ его объ этомъ просить. Когда это произошло, то онъ послалъ ей это заявленіе съ короткимъ препроводительнымъ письмомъ.

Во всемъ этомъ не было однако еще никакого подтвержденія обвиненій, выставленныхъ противъ Фогта въ летучемъ листкѣ, и когда 24-го октября 59-го года разбирался въ Аугсбургскомъ окружномъ судѣ возбужденный Фогтомъ процессъ, то оба обвиняемые редактора потерпѣли полное крушеніе со своими попытками привести доказательства. Находясь въ юридически затруднительномъ положеніи, они важно произносили политически пошлую тарабарщину, какъ впослѣдствіи выразился Марксъ, и это было еще очень мягко сказано. Редакторъ Кольбъ въ письменномъ докладѣ и редакторъ Оргесъ въ устной рѣчи храбро защищали то положеніе, что личная честь политическаго противника внѣ закона; какимъ образомъ баварскіе судьи могли бы признать правымъ человѣка, который жестоко нападалъ на баварское правительство и принужденъ жить заграницей вслѣдствіе своей революціонной пропаганды! Кольбъ писалъ: „Если бы Мадзини потребовалъ отъ итальянскаго суда наказанія для тѣхъ органовъ печати, которые его „недостойно оклеветали“, если бы Герценъ возбудилъ преслѣдованіе передъ русскимъ, Кошутъ и Пульскій—передъ австрійскимъ, Викторъ Гюго и Эдгаръ Кине передъ французскимъ трибуналомъ за статьи, которыя были направлены противъ нихъ, если бы іонійцы или ирландцы выступили передъ англійскимъ судомъ, стремясь добиться такого же отношенія,— какъ вы думаете, что могло бы ихъ ожидать? Не разсмѣялись ли бы отъ души австрійскій, русскій, французскій и англійскій трибуналы, какъ бы различны ни были правовыя осново-положенія, изъ которыхъ они исходятъ, надъ непонятной наивностью, чтобы не употреблять болѣе сильнаго выраженія, жалобщиковъ? Послѣ того, какъ ими раньше было сдѣлано все возможное, чтобы пригвоздить къ позорному столбу страну и отдѣльныхъ лицъ—это является страннымъ проявленіемъ уваженія къ суду... Вся соціалистически-демократическая партія Германіи, которая одиннадцать лѣтъ тому назадъ освятила свои утреннія грезы о свободѣ убійствомъ генераловъ Латура, Гагерна, Ауерсвальда и кн. Лихновскаго, призвана въ свидѣтели на этотъ процессъ; даже до самого порога, „Allgemeine Zeitung“ мы слышимъ, какъ сердится стая крикуновъ по поводу того, что „Allgemeine Zeitung“ идетъ правымъ путемъ впередъ, не обращая вниманія на ворчаніе справа и гоготаніе слѣва. Противники возликовали бы, еслибы услышали: редактора „Allgemeine Zeitung“ подвергнуты денежному взысканію и посажены въ тюрьму. Изъ-за этого всегда стоило рискнуть на дерзкую попытку. Если это удастся, то у насъ будетъ утѣшительная перспектива видѣть передъ этимъ трибуналомъ также Клапку, Кошута, Пульскаго, Телеки, Мадзини и проч., героевъ европейской революціи“. Моральная оцѣнка этого способа борьбы ясна сама собой, но онъ былъ достаточно вѣроломно разсчитанъ.

Такъ какъ окружной судъ не имѣлъ возможности утверждать, что „Allgemeine Zeitung“ привела надлежащія доказательства, то прокуроръ подалъ ему спасительную мысль отклонить жалобу изъ формальныхъ соображеній и возложить на истца судебныя издержки. Изъ характера выдвинутыхъ противъ Фогта обвиненій онъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что здѣсь дѣло идетъ не

о нарушеніи полицейскихъ постановленій о печати, но объ оскорбленіи, дѣла о которомъ подсудны суду присяжныхъ. Съ подобной мотивировкой и была отклонена жалоба Фогта, который могъ быть тѣмъ болѣе доволенъ приговоромъ, носящимъ явную печать отказа въ правосудіи, что на ряду съ блестящей ролью неосновательно оклеветаннаго патріота онъ могъ также разыграть другую блестящую роль мученика нѣмецкой юстиціи. Принимая во вниманіе тотъ способъ, какимъ его противники вели дѣло, отъ него нельзя было по справедливости требовать, чтобы при тогдашнемъ настроеніи въ Баваріи онъ обратился къ баварскому суду присяжныхъ, предъ которымъ при обвиненіи въ клеветѣ не допускалось приведенія доказательствъ истины. И когда Фогтъ утверждалъ, что сдѣлалъ уже достаточно тѣмъ, что обратился къ той судебной инстанціи, въ которой его обвинителямъ было предоставлено свободное поле для приведенія доказательствъ, причемъ они этихъ доказательствъ не въ состояніи были привести,—то здравый человѣческій разумъ былъ на его сторонѣ.

Кромѣ того, обстоятельства вообще сложились для него весьма благопріятно. То, что Фребель и Венедей высказались противъ него, послужило ему скорѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ: Венедей со времени революціи слылъ вездѣ за комическую фигуру, а Фребель какъ разъ въ то время мѣнялъ кожу демократа на кожу габсбургской рептиліи. Напротивъ того Фрейлигратъ публично заявилъ, что его имя безъ его вѣдома и желанія названо въ числѣ обвинителей Фогта, что при томъ уваженіи, которымъ пользовался Фрейлигратъ, должно было придать тяжелый вѣсъ чашѣ вѣсовъ въ пользу Фогта. Тріумфу Фогта способствовала и та неловкость, съ которой его противники по процессу предъявили обращенное къ нимъ письмо Бискампа; въ немъ этотъ первый публичный обвинитель Фогта высказывалъ,—признаваясь при этомъ, что не имѣетъ никакихъ дѣйствительныхъ доказательствъ—нѣкоторыя смутныя предположенія, которыя онъ затѣмъ увѣнчиваетъ вопросомъ не пожелаетъ ли „Allgemeine Zeitung" послѣ закрытія „Volk'а" принять его въ качествѣ второго лондонскаго корреспондента на ряду съ Либкнехтомъ. Наконецъ объявился и Блиндъ, припугнутый представленнымъ Марксомъ показаніемъ наборщика Фегеле, и заявилъ въ „Allgemeine Zeitung", что онъ не составлялъ летучаго листка; въ видѣ доказательства онъ присоединилъ свидѣтельство Голлингера, въ которомъ тотъ называетъ показаніе, будто бы онъ набиралъ летучій листокъ, а Блиндъ былъ его авторомъ—злостной выдумкой, и въ то же время наборщикъ Виге, который будто бы въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ работалъ непрерывно у Голлингера, признаетъ это заявленіе правильнымъ. Хотя Марксъ тотчасъ же доказалъ шаткость этихъ показаній, но Блиндъ настаивалъ на нихъ и назвалъ утвержденіе, будто бы онъ авторъ часто упоминаемаго летучаго листка—низкой ложью. Этимъ „Allgemeine Zeitung" закрыла дискуссію и пригласила господъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, отказаться отъ дальнѣйшихъ возраженій.

Такимъ образомъ Фогтъ могъ считать себя побѣдителемъ и не замедлилъ воспользоваться своей побѣдой. Въ концѣ года онъ выпустилъ брошюру: Мой процессъ противъ „Allgemeine Zeitung". Брошюра распадалась на три отдѣла, изъ которыхъ первый и послѣдній были основаны на документальныхъ данныхъ, первый содержалъ въ себѣ стенографическій отчетъ о разборѣ дѣла въ Аугсбургскомъ окружномъ судѣ, послѣдній—всѣ „доку-

менты“, которые были преданы огласкѣ во всемъ этомъ дѣлѣ; все это было приведено, нельзя этого оспаривать, вполнѣ добросовѣстно и полно. Фогтъ могъ позволить себѣ эту роскошь послѣ того оборота, который приняло дѣло; если бы онъ этимъ ограничился, то могъ бы стяжать себѣ славу преслѣдуемой невинности. Однако, онъ на этомъ не остановился,—чувствуя себя слишкомъ хорошо, онъ сейчасъ же вступилъ на скользкій путь. Въ свое произведеніе онъ вставилъ еще средній отдѣлъ, въ которомъ ничто же сумняшася распространился о тайномъ клеветническомъ союзѣ, который яко бы заключаютъ революція и реакція, родовитое юнкерство и хищническіе коммунисты,—каждый разъ, когда надо причинить какое-либо зло великолѣпной зигфридовской фигурѣ буржуазнаго либерализма.

Во главу угла этого средняго отдѣла Фогтъ выставилъ свое отношеніе къ „Schwefelbande“. Здѣсь онъ повторилъ все то, что уже ранѣе наплелъ въ своемъ отвѣтѣ на первую статью „Volk'a“ о мнимой „Schwefelbande“ и „Burtrenheiner“, но—въ болѣе пространномъ видѣ и съ многочисленными прикрасами. Такъ, онъ представилъ Маркса въ роли руководителя широко развѣтвленной системы вымогательства въ слѣдующихъ словахъ: „Одно изъ главныхъ занятій „Schwefelbande“ состояло въ такомъ компрометированіи живущихъ на родинѣ лицъ, что они послѣ этого не могли уже противиться попыткамъ вымогательства и должны были платить деньги для того, чтобы шайка не выдала компрометирующей ихъ тайны. Этими людьми было отправлено въ Германію не одно, а сотни писемъ, содержащихъ въ себѣ незамаскированное указаніе на то, что участіе даннаго лица въ томъ или иномъ революціонномъ актѣ будетъ обнаружено, если къ извѣстному сроку имъ не будетъ представлена извѣстная сумма денегъ по указанному адресу“. Если Фогтъ изобрѣлъ эту низкую клевету на свой рискъ, то онъ дѣлалъ это въ полной надеждѣ на то, что нѣмецкій филистеръ повѣритъ ему потому, что остальныя свои выдумки онъ перемѣшивалъ наполовину съ вѣрнымъ фактическимъ матеріаломъ.

Совершенно вѣрно было то, что нѣкто Шерваль пытался образовать въ Женевѣ маленькій заговоръ для фабрикаціи фальшивыхъ бумажныхъ денегъ, чтобы этимъ путемъ подорвать кредитъ тирановъ. Но этотъ Шерваль не былъ единомышленникомъ Маркса, а былъ провокаторомъ, какъ его именно и заклеймилъ Марксъ въ разоблаченіяхъ по поводу кельнскаго процесса коммунистовъ. Это было извѣстно Фогту, который цитировалъ разоблаченія Маркса въ своей книгѣ, но буржуазная публика этого не знала. Затѣмъ Фогтъ привелъ письмо Техова, относящееся къ 50-му году, съ примѣчаніемъ, что это письмо „опредѣленно предназначается для опубликованія“ и что тѣ соображенія, которыя раньше имѣлись противъ его опубликованія, больше не имѣютъ силы. Фактически дѣло шло о наскоро написанномъ частномъ письмѣ, которое Теховымъ предназначалось для нѣсколькихъ его личныхъ друзей. Отправитель и адресаты письма были одинаково возмущены грубымъ злоупотребленіемъ Фогта этой случайно попавшею въ его руки рукописью, но прежде, чѣмъ они, разсѣянные по всему свѣту (самъ Теховъ жилъ даже въ Австраліи), могли поднять протестъ, вспрыснутый Фогтомъ ядъ оказалъ свое дѣйствіе. Какъ часто съ тѣхъ поръ слова Техова о Марксѣ были использованы противъ послѣдняго: „Ради нашей общей цѣли я сожалѣю, что этотъ человѣкъ на ряду со своимъ выдающимся

умомъ не обладаетъ столь же благороднымъ сердцемъ. Но я убѣжденъ, что ужасное личное честолюбіе уничтожило въ немъ все хорошее. Онъ смѣется надъ глупцами, которые молятся надъ его пролетарскимъ катехизисомъ такъ же, какъ и надъ коммунистами á la Виллихъ и также, какъ и надъ буржуа. Единственно кого онъ уважаетъ —это чистокровныхъ аристократовъ, которые сознаютъ себя таковыми. Для того, чтобы уничтожить ихъ господство, ему нужна сила, которую онъ находитъ исключительно въ пролетаріяхъ, и поэтому-то онъ и пріурочилъ къ нимъ свою систему. Несмотря на всѣ его увѣренія въ противномъ и, быть можетъ, именно благодаря имъ я вынесъ впечатлѣніе, что цѣлью всей его дѣятельности является *его личное* господство". Этотъ взглядъ Теховъ высказалъ послѣ того, какъ провелъ съ Марксомъ нѣсколько часовъ за кружкой пива, не будучи съ нимъ вообще лично знакомъ и не имѣя никакого представленія о его научныхъ трудахъ; онъ писалъ это подъ вліяніемъ Виллиха какъ разъ въ то время, когда въ союзѣ коммунистовъ возгорѣлся принципіальный споръ между Марксомъ и Виллихомъ.

Этихъ выдержекъ достаточно и можно свободно опустить все то, что было вѣрнаго или ложнаго въ написанномъ Фогтомъ противъ „Allgemeine Zeitung". Понятно, что его „произведеніе" вызвало своимъ появленіемъ самую живую радость всей либеральной прессы, которой давно уже не попадалось такого привлекательнаго корма. „Nationalzeitung" прежде всѣхъ поторопилась изложить позорное произведеніе Фогта въ двухъ передовицахъ. Напротивъ того, въ Германіи не было ни одного органа, который былъ бы склоненъ отразить ударъ, направленный противъ коммунистической партіи; даже „Volkszeitung" перепечатала первое заявленіе Фогта о „Schwefelbande" и прибавила отъ себя, что одинъ изъ разоблачаемыхъ Фогтомъ субъектовъ нападаетъ въ „Allgemeine Zeitung" на великаго патріота Кинкеля.

Но насколько былъ опасенъ этотъ ударъ, настолько же уничтожающимъ былъ отвѣтный. Сначала Марксъ разсчитался съ Блиндомъ. 4-го февраля 60-го года онъ публично заявилъ въ написанномъ по-англійски обращеніи къ редактору „Fres Press", что утвержденіе Блинда, Виге и Голлингера, согласно которому анонимный летучій листокъ не былъ отпечатанъ въ типографіи Голлингера—гнусная ложь и что поэтому вышеназванный Карлъ Блиндъ „является гнуснымъ лжецомъ". Въ видѣ доказательства Марксъ привелъ два affidavits (судебныя заявленія, равносильныя присягѣ, влекущія за собой въ случаѣ обмана всѣ законныя послѣдствія ложной присяги). Въ одномъ изъ нихъ наборщикъ Фегеле повторялъ, что летучій листокъ былъ написанъ почеркомъ Блинда и отпечатанъ въ типографіи Голлингера частью имъ, частью Голлингеромъ. Въ другомъ же affidavit'ѣ наборщикъ Виге свидѣтельствуетъ, что его заявленіе, опубликованное Блиндомъ въ „Allgemeine Zeitung"—ложно: это заявленіе выманили у него Голлингеръ обѣщаніемъ денежнаго вознагражденія, а Блиндъ увѣреніемъ въ своей будущей благодарности. Онъ не работалъ у Голлингера непрерывно въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, а съ перерывами, и шесть недѣль подрядъ какъ разъ въ то время, когда былъ опубликованъ летучій листокъ, онъ работалъ у другого типографщика. Но наборъ летучаго листка еще стоялъ, когда онъ снова поступилъ къ Голлингеру и онъ самъ его сверсталъ для перепечатки въ „Volk'ѣ"; онъ видѣлъ также на корректурномъ листѣ 4 или

5 опечатокъ, исправленныхъ собственною рукой Блинда. Если бы Блиндъ и Голлингеръ пожелали сдѣлать эти affidavits недѣйствительными, то они должны были бы представить affidavits, опровергающіе ихъ, но такъ какъ вѣроломствомъ шутить было опасно, то они и выдвинули подставное лицо, чтобы оградить себя отъ заслуженныхъ ударовъ. 15-го февраля нѣкто Шэбль, близкій другъ Блинда, заявилъ въ „Daily Telegraph“, что не Блиндъ и не Марксъ, а онъ авторъ летучаго листка; онъ выражаетъ сожалѣніе, поскольку это коснулось Маркса и Блинда, что независящія отъ него обстоятельства помѣшали ему сдѣлать это заявленіе ранѣе. Шэбль послалъ свое заявленіе Марксу, который на вѣжливость отвѣтилъ тѣмъ, что послалъ ему affidavits наборщика Фегеле и Виге съ замѣчаніемъ, что заявленіе Шэбля ничего не измѣняетъ ни въ ложныхъ показаніяхъ, присланныхъ Блиндомъ въ „Allgemeine Zeitung“, ни въ тайномъ соглашеніи между Блиндомъ и Голлингеромъ, составленномъ съ цѣлью добыть отъ Виге подписи для изготовленнаго фальшиваго документа.

Затѣмъ Марксъ возбудилъ обвиненіе въ клеветѣ противъ „Nationalzeitung“. На многочисленныя въ теченіе десяти лѣтъ нагромождаемыя противъ него въ нѣмецкой и нѣмецко-американской прессѣ обвиненія онъ отвѣчалъ въ печати лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда казалось, что былъ замѣшанъ интересъ партіи, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Кельнскаго процесса коммунистовъ. Онъ обыкновенно саркастически говорилъ: „По моему мнѣнію печать имѣетъ право оскорблять писателей, политиковъ, артистовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей“. Однако со статьями „Nationalzeitung“ дѣло обстояло иначе. Онѣ обвиняли его въ цѣломъ рядѣ уголовныхъ и позорящихъ поступковъ, и именно передъ тѣмъ кругомъ читателей, которые изъ партійныхъ предразсудковъ были склонны вѣрить самымъ чудовищнымъ вещамъ, и которые, въ виду одиннадцати-лѣтняго отсутствія Маркса изъ Германіи, не имѣли никакихъ данныхъ для оцѣнки его личности. Но и помимо всѣхъ политическихъ соображеній Марксъ уже ради своей семьи: жены и дѣтей, долженъ былъ подвергнуть позорящія обвиненія „Nationalzeitung“ судебному преслѣдованію.

Характеръ его жалобы былъ таковъ, что заранѣе исключалъ возможность всякой комедіи судебныхъ ошибокъ. Онъ находился въ счастливомъ положеніи, при которомъ для большей части пунктовъ обвиненія не было надобности требовать доказательства ихъ правильности, но можно было путемъ цѣлаго ряда неопровержимыхъ доводовъ доказать лживость возведенныхъ на него клеветъ. То, что онъ возбудилъ дѣло не противъ Фогта, а противъ „Nationalzeitung“, произошло потому, что важные имѣющіе рѣшающее значеніе пункты могли быть выяснены лишь въ Пруссіи, а не въ Швейцаріи, въ то время какъ, наоборотъ, единственное заявленіе „Nationalzeitung“, для котораго ей нужно было искать подтвержденія у Фогта, основывалось на мнимыхъ документахъ, которые могли быть также легко представлены въ Берлинѣ, какъ и въ Женевѣ. Рѣчь шла о сотняхъ угрожающихъ писемъ, при помощи которыхъ управляемая Марксомъ „Schwefelbande“ яко бы вымогала деньги у „лицъ, живущихъ на родинѣ“. Въ этомъ пунктѣ Марксъ, конечно, долженъ былъ требовать доказательства истины, но онъ былъ настолько скроменъ, что предъявилъ претензію не на сотни и даже не на *одно* угрожающее письмо, а лишь на одну един-

ственную строчку, изъ которой было бы видно, что кто-либо изъ его дѣйствительныхъ товарищей по партіи виновенъ въ возводимой на нихъ подлости. „Nationalzetung“ стоитъ вѣдь лишь обратиться къ Фогту, и тотъ можетъ прислать ей по почтѣ нѣсколько дюжинъ угрожающихъ писемъ и даже, если случайно онъ не можетъ представить ни одного, то вѣдь существуютъ сотни, обложенныхъ данью со стороны „Sehwefelbande“. лицъ, живущихъ на родинѣ, которыя скорѣе могутъ явиться на судъ въ Берлинъ, чѣмъ въ Женеву.

Построенную такимъ неуязвимымъ образомъ жалобу Марксъ подалъ черезъ юстицрата Вебера въ берлинскій городской судъ. Однако этотъ судъ отклонилъ жалобу 5-го іюня 60-го года, вслѣдствіе отсутствія наличности состава преступленія, ибо выраженія „Nationalzeitnng“, поскольку они исходятъ отъ нея самой, а не состоятъ исключительно изъ цитатъ другихъ авторовъ, не выходятъ изъ границъ дозволенной критики. Напротивъ того, судебная палата, въ которую это рѣшеніе было обжаловано, правда не признала, 11-го іюня, сдѣланнаго городскимъ судомъ различія между собственными и цитированными выраженіями и объявила: все равно цитированы или нецитированы выраженія, но разъ они задѣваютъ честь, то они одинаково наказуемыми по закону, тѣмъ не менѣе и она отклонила жалобу по той прчинѣ, что въ статьяхъ „Nationalzeitung“ вообще не находится выраженій, затрогивающихъ честь Маркса. Если въ нихъ „Schwefelband'ѣ“ и приписываются всевозможные позорные поступки, какъ-то: тайное соглашеніе съ полиціей, массовая фабрикація угрожающихъ и написанныхъ съ цѣлью вымогательства писемъ, изготовленіе фальшивыхъ бумажныхъ денегъ и т. д., а на Маркса указывается какъ на ея видимаго главу, который держитъ всю банду въ ежовыхъ рукавицахъ, по-наполеоновски высокомѣрно гордясь своимъ духовнымъ превосходствомъ, —то судебная палата дѣлала тотъ выводъ, что въ этихъ статьяхъ въ сущности заключается лишь характеристика „Schwefelbande“, а не оскорбленіе по адресу Маркса, который скорѣе изображается въ качествѣ правящаго ею и превосходящаго ее человѣка.

Это не обезкуражило Маркса, и онъ обжаловалъ рѣшеніе палаты въ верховный судъ, который, конечно, могъ лишь изслѣдовать вопросъ: не покоится ли фактическое рѣшеніе судебной палаты на юридической ошибкѣ. Въ своей апелляціи, поданной верховному суду, юстицратъ повѣренный Веберъ изложилъ эту юридическую ошибку слѣдующимъ образомъ: Упоминаемый въ оспариваемомъ опредѣленіи палаты взглядъ можетъ привести къ тому, что доброе имя человѣка будетъ отдано на произволъ всякаго, кто пожелаетъ его уничтожить. Вмѣсто того, чтобы утверждать, что А совершилъ убійство, клеветнику стоитъ лишь сказать, что молъ тамъ-то и тамъ-то существуетъ шайка, занимающаяся убійствами, и что А главарь этой шайки. Взглядъ судебной палаты обезпечиваетъ этому клеветнику полную безнаказанность“. Противъ этого нечего было возразить, и верховный судъ ограничился 5-го октября лаконическимъ заявленіемъ, что въ данномъ дѣлѣ никакой юридической ошибки не имѣется. Верховный прусскій судъ умышленно отказался отъ всякой попытки доказать это вопіющее утвержденіе; неудобная жалоба окончательно уничтожалась словечкомъ *не*. Лѣтопись прусской юстиціи богата случаями постыднаго отказа въ правосудіи,

но этотъ случай можетъ справедливо занять особое почетное мѣсто среди ему подобныхъ.

Тогда Марксъ свелъ свои счеты съ Фогтомъ путемъ печати. Предисловіе къ его брошюрѣ „Г-нъ Фогтъ“ помѣчено 17-мъ ноября 60 г. Въ ней онъ разрушилъ все зданіе лжи, построенное клеветникомъ, и привелъ убѣдительныя доказательства тому, что пропаганда Фогта, относящаяся къ 59-му году, была попугайскимъ, въ лучшемъ случаѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ опошленнымъ и невѣрнымъ повтореніемъ ходячихъ фразъ, пущенныхъ въ оборотъ наемными бонапартистскими писаками. Недоставало лишь квитанціи на тѣ деньги, которыя Фогтъ получилъ изъ Тюльери и которая, какъ извѣстно, въ 71-мъ году выплыла на свѣтъ божій среди тюльерійскихъ бумагъ; въ августѣ 59-года Фогтъ получилъ за свою бонапартистскую пропаганду 40.000 франковъ.

Такъ Марксъ вышелъ съ незапятнанной честью изъ этой печальной исторіи, но изо всѣхъ участниковъ ея только онъ одинъ. Никто не призналъ этого съ большой готовностью, чѣмъ Лассаль, какъ только полемическая брошюра Маркса дала ему возможность вполнѣ разобраться въ запутанномъ дѣлѣ. Но если бы онъ, стоя въ сторонѣ, сразу же осудилъ Фогта, то онъ не долженъ былъ бы обладать тѣмъ чрезвычайно развитымъ чувствомъ справедливости, какимъ онъ всегда отличался.

* *
*

При установленіи датъ первыхъ трехъ писемъ, посланныхъ Лассалемъ въ этомъ году Марксу и Энгельсу, возникаютъ нѣкоторыя затрудненія; по этимъ письмамъ особенно чувствуется, что не достаетъ отвѣтовъ Маркса 54-ое письмо написано послѣ того, какъ „Nationalzeitung“ напечатала бранную статью противъ Маркса, помѣченную 22-мъ и 25-мъ января, слѣдовательно—письмо приходится на послѣднія числа января. Такъ какъ Лассаль въ началѣ письма замѣчаетъ, что Марксъ писалъ ему въ послѣдній разъ 22-го ноября 59-го года, а онъ на это письмо не отвѣтилъ и такъ какъ, далѣе, въ томъ же самомъ письмѣ онъ отвергаетъ нѣкоторыя объясненія, данныя Марксомъ по поводу корреспондированія Либкнехта въ „Allgemeine Zeitung“,—то о дѣлѣ Фогта, и въ особенности объ участіи въ немъ Либкнехта, Марксъ долженъ былъ уже ему кое-что сообщить. Возможно, что онъ это сдѣлалъ въ письмѣ отъ 22-го ноября 59-го года, потеря котораго вообще особенно достойна сожалѣнія, такъ такъ Марксъ подробно высказалъ тамъ свое различіе во взглядахъ съ Лассалемъ по поводу спорнаго итальянскаго вопроса.

Поскольку дѣло идетъ о сотрудничествѣ Либкнехта въ Аугсбургской газетѣ, можно, въ дополненіе къ сказанному, привести слѣдующія слова Маркса въ его брошюрѣ противъ Фогта: „Мнѣ столько же было дѣла до корреспондированія Либкнехта въ „Allgemeine Zeitung“, сколько до корреспондированія Фогта изъ Парижа въ ту же газету. Впрочемъ корреспондированіе Либкнехта вполнѣ заслуживало одобренія,—это было критическое обозрѣніе *англійской* политики, которую онъ излагалъ въ „Allgemeine Zeitung“ точно такъ же, какъ и въ одновременныхъ корреспонденціяхъ для радикальныхъ нѣмецко-американскихъ газетъ. Даже Фогтъ, который тщательно просмотрѣлъ „Allgemeine Zeitung“ за нѣсколько лѣтъ, чтобы разыскать все подозрительное въ письмахъ Либкнехта, ограничивается при критикѣ

ихъ содержанія лишь замѣчаніемъ, что-де корреспондентскіе значки Либкнехта „двѣ тонкія косыя черточки". Наклонное положеніе черточекъ доказывало во всякомъ случаѣ что дѣло съ корреспонденціями было не прямое, ну а какъ же быть съ „тонкостью черточекъ!" Намалевалъ бы Либкнехтъ на своемъ корреспондентскомъ гербѣ вмѣсто „двухъ тонкихъ чертъ" по крайней мѣрѣ два круглыхъ жирныхъ кружка! Но разъ въ корреспонденціяхъ нѣтъ другого порока, кромѣ двухъ „такихъ", косо поставленныхъ черточекъ", то остается еще вопросъ, почему онѣ вообще появлялись въ „Allgemeine Zeitung". А почему же и не въ „Allgemeine Zeitung"?—„Allgemeine Zeitung", какъ извѣстно, даетъ слово самымъ различнымъ мнѣніямъ, по крайней мѣрѣ—въ нейтральныхъ вопросахъ, какъ напримѣръ въ области англійской политики; къ тому же за границей она считается единственнымъ нѣмецкимъ органомъ, имѣющимъ болѣе, чѣмъ мѣстное значеніе. Либкнехтъ смѣло могъ писать свои лондонскія письма въ ту самую газету, куда Гейне писалъ свои парижскія, а Фальмерайеръ—свои восточныя письма". Несомнѣнно Марксъ судилъ вѣрнѣе Лассаля о сотрудничествѣ Либкнехта въ „Allgemeine Zeitung".

Все-таки необходимо точно установить, что имѣли возразить на эти замѣчанія Лассаля Беренштейнъ, а также и самъ Либкнехтъ. Лассаль былъ вполнѣ свободенъ отъ дешеваго ригоризма и всякой личной непріязни, когда такъ рѣзко писалъ о Либкнехтѣ. Послѣдній вовсе не находился по отношенію къ фогтовскому скандалу въ такомъ же, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній положеніи, какъ Марксъ. На основаніи простого свидѣтельства Блинда онъ неосмотрительно послалъ въ „Allgemeine Zeitung" анонимный летучій листокъ съ добавленіемъ, что всѣ содержащіяся тамъ обвиненія противъ Фогта могутъ быть доказаны, между тѣмъ какъ позже ничего нельзя было доказать передъ Аугсбургскимъ окружнымъ судомъ. Именно этотъ вполнѣ благонамѣренный, но въ то же время, конечно, необдуманный поступокъ доставилъ почтенному Фогту желанное средство придать нѣкоторую вѣроятность сказкѣ о клеветническомъ союзѣ, заключенномъ между реакціей и революціей противъ буржуазнаго либерализма. Объективно Лассаль судилъ о Либкнехтѣ невѣрно, но субъективно онъ не заслуживаетъ упрека, когда, какъ ревностный членъ партіи, съ крайней рѣзкостью осуждаетъ въ дружескомъ письмѣ поведеніе Либкнехта, которое прежде всего доставило партіи большую непріятность; самъ Либкнехтъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, который сталъ бы сдерживаться въ подобныхъ случаяхъ.

Напротивъ того, Лассаль былъ неправъ, когда писалъ самому Марксу: „слѣдовательно во всякомъ случаѣ culpa лежитъ на тебѣ". У Маркса, кромѣ увѣреній Блинда, были еще совершенно иныя доказательства бонапартистской пропаганды Фогта; и этихъ увѣреній онъ не опубликовалъ, а лишь сообщилъ ихъ Бискампу и Либкнехту въ томъ видѣ, въ какомъ они были сдѣланы ему Блиндомъ, да при томъ еще съ извѣстной оговоркой относительно возможности довѣрять Блинду. Лишь эти двое выступили съ опубликованіемъ ихъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Марксомъ. Что же касается того, что Марксъ поддерживалъ потомъ ихъ обоихъ въ дѣлѣ приведенія доказательствъ, когда Фогтъ сталъ отрицать все, то за

это, конечно, онъ не заслуживаетъ порицанія, разъ онъ вообще былъ убѣжденъ на основаніи достаточныхъ данныхъ въ виновности Фогта.

Разумѣется, утвержденіе Фогта, будто Марксъ былъ истиннымъ виновникомъ всего дѣла, пріобрѣтало благодаря этому опять-таки большую степень вѣроятности и, поскольку Лассаль могъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла въ январѣ 60-го года, оно обстояло „довольно невыгодно“ для Маркса. Лассаль не безъ основанія полагалъ, что ни на кого не произведетъ впечатлѣнія возраженіе—почему Фогтъ предъявилъ обвиненіе противъ „Allgemeine Zeitung“, а не противъ „Volk'a“. Фогтъ и „Nationalzeitung“ вовсе не оспаривали, что первоначальнымъ авторомъ обвиненій могъ быть Блиндъ, но больше ничего и не могло бы быть установлено передъ англійскимъ судомъ. Доказательствъ противъ самого Фогта, очевидно, у Блинда не было, иначе бы онъ, при своемъ обычномъ важничаньи, не пытался такими отчаянными средствами замять вопросъ объ авторствѣ летучаго листка.

Лассаль также вовсе не былъ сторонникомъ Фогта, когда считалъ весьма вѣроятными его намеки, что онъ получилъ нѣкоторыя деньги отъ венгерской революціонной партіи. Даже въ настоящее время еще весьма вѣроятно, что впервые венгерско-революціонная партія толкнула Фогта на скользкій путь, вступивъ на который онъ такъ низко палъ. Первымъ его проступкомъ было, повидимому, непониманіе того, что венгерскіе демокурты находились въ иномъ положеніи по отношенію Бонапарта, нежели нѣмецкіе, что для нѣмецкихъ демократовъ было позоромъ то, что для венгерскихъ могло являться политически дозволеннымъ средствомъ. Если Лассаль говоритъ въ концѣ 58-го письма: „Я не сержусь на какого-либо итальянскаго или венгерскаго демократа, когда онъ интригуетъ съ Наполеономъ и думаетъ имъ воспользоваться. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ нѣмецкимъ демократомъ“, — то нѣсколько мѣсяцевъ спустя и Марксъ подчеркиваетъ то же самое различіе, говоря въ своемъ сочиненіи противъ Фогта: „Было бы совершенно несправедливо ставить второго патрона Фогта, генерала Клапку, на одну доску съ Кошутомъ (къ которому Марксъ относился очень сурово). Клапка былъ однимъ изъ лучшихъ венгерскихъ генераловъ революціи. Какъ и большинство офицеровъ, собравшихся въ 59-мъ году въ Туринѣ, онъ смотрѣлъ на Луи Бонапарта такъ же, какъ Францъ Ракоци на Людовика XIV. Для нихъ Луи Бонапартъ представлялъ собой военное могущество Франціи, которое можетъ оказать венгерцамъ услуги, но ужъ въ силу географическихъ условій никогда не можетъ угрожать имъ“. Фогтъ сначала, какъ показываютъ его публичныя заявленія, находился подъ сильнымъ вліяніемъ Клапки и другихъ венгерцевъ, но какъ политическій пустомеля, какимъ онъ всегда былъ, онъ никогда не могъ понять различія, которое существовало между нѣмецкими и венгерскими демократами въ ихъ отношеніяхъ къ Бонапарту. Это не оправдываетъ его измѣны, ибо въ политикѣ тупоуміе такъ же общественно опасно, какъ вѣроломство, а то упорство, съ которымъ Фогтъ въ то время, когда бонапартовскія денежки уже давнымъ давно бренчали въ его карманахъ, отрицалъ ихъ полученіе, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ и его вѣроломства. Но это психологически до извѣстной степени объясняетъ, какимъ образомъ человѣкъ съ именемъ, которое Фогтъ долженъ былъ все же утратить, могъ стать бонапартистскимъ наемнымъ писакой.

Однако, при всемъ томъ Марксъ долженъ былъ почувствовать себя оскорбленнымъ 54-мъ письмомъ и увидѣть въ немъ „извѣстнаго рода предубѣжденность“ со стороны Лассаля. И это не только вслѣдствіе culpa, въ которой его упрекалъ безъ всякихъ оговорокъ Лассаль, но еще въ большей степени потому, что послѣдній сопровождалъ этотъ упрекъ по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ совѣтомъ: Марксъ, дескать, долженъ начать съ признанія честности Фогта, если только его опроверженіе вообще должно встрѣтить довѣріе со стороны нѣмецкой публики. Конечно, Лассаль, давая этотъ совѣтъ, желалъ добра Марксу и лучше его могъ видѣть, насколько затруднительно было его дѣло вначалѣ именно въ глазахъ нѣмецкой публики, но прежде чѣмъ, такъ сказать, предписывать ему принудительный моральный путь, онъ долженъ былъ бы сначала выслушать, согласно старому правовому принципу, и другую сторону.

Марксъ отвѣтилъ ему, повидимому, нѣсколько рѣзко и, когда Лассаль нѣкоторое время молчалъ, онъ упрекнулъ его въ обидчивости, иначе нельзя себѣ объяснить начало 55-го письма. Лассаль защищается отъ упрека въ обидчивости, но пользуется имъ для того, чтобы въ свою очередь упрекнуть Маркса въ особой подозрительности и недовѣрчивости. Замѣтно, какъ недоразумѣніе между ними растетъ на подобіе снѣжнаго кома. Вполнѣ понятно, какъ это Марксъ, находясь подъ впечатлѣніемъ 54-го письма писалъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣнія нѣмецкой публики и что въ его глазахъ „Allgemeine Zeitung“ то же самое, что и „Volkszeitung“. Лассаль же даетъ этимъ сердитымъ выраженіямъ принципіальныя объясненія, которыя, какъ бы правильны ни были сами по себѣ и какъ бы прекрасно не освѣщали нѣкоторыхъ сторонъ революціонной тактики, все же были направлены по невѣрному адресу, такъ какъ въ этихъ пунктахъ Марксъ былъ вполнѣ согласенъ съ Лассалемъ. Но Лассаль пишетъ это, исходя изъ своей „самой искренней сердечной дружбы“, и если онъ думалъ, что литературное опроверженіе Фогта было гораздо болѣе необходимо, нежели судебный процессъ противъ него, то это было, разумѣется, самымъ искреннимъ его убѣжденіемъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой былъ компетентенъ дать такой совѣтъ, тѣмъ не менѣе и это стало для Маркса камнемъ преткновенія.

56-ое письмо дышетъ болѣе мирнымъ настроеніемъ и, можетъ быть, вслѣдствіе этого Энгельсъ и помѣстилъ его передъ 54-мъ и 55-мъ письмами. Но въ дѣйствительности оно должно было быть написано послѣ этихъ писемъ, такъ какъ Лассаль упоминаетъ въ немъ о совершившейся уже отсылкѣ брошюры Фогта, которую въ 55-мъ письмѣ онъ только еще собирается отослать. Заявленіе Маркса, о которомъ Лассаль упоминаетъ, какъ о „появившемся въ здѣшнихъ газетахъ“, было помѣчено: Лондонъ 6-ое февраля, но оно было послано, вѣроятно, изъ Манчестера. Въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что Марксъ извѣстилъ Лассаля о своемъ намѣреніи поѣхать въ Манчестеръ; далѣе, что Вильгельмъ Вольфъ того же 6-го февраля послалъ заявленіе противъ Фогта въ тѣ же газеты, въ какія и Марксъ, и наконецъ то, что Марксъ, по его словамъ, упомянутымъ Лассалемъ въ началѣ 57-го письма, обсуждалъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ и Вольфомъ взглядъ Лассаля на это дѣло. Затѣмъ было принято рѣшеніе, несогласное съ совѣтомъ Лассаля; въ заявленіи отъ 6-го февраля Марксъ говоритъ,

что имъ сдѣланы первые шаги для поднятія дѣла противъ „Nationalzeitung" по обвиненію въ клеветѣ и что онъ въ то же время оставляетъ за собой право отвѣтить Фогту и въ печати. Такъ какъ это заявленіе появилось около середины февраля въ „Volkszeitung", „Hamburger Reform" и другихъ нѣмецкихъ газетахъ, то 56-ое письмо приходится приблизительно на вторую половину этого мѣсяца.

Съ этимъ совпадаетъ также и остальное содержаніе его. Присоединеніе Савойи и Ниццы, хотя и было рѣшено между Бонапартомъ и Кавуромъ уже передъ войной 59-го года, но отодвигалось въ долгій ящикъ, благодаря миру при Виллафранка, по которому Италія освобождалась не до Адріи, а лишь Ломбардія отнималась у Австріи. Однако, движеніе въ пользу объединенія Италіи на цѣлую голову переросло его двусмысленнаго протектора на берегахъ Сены, какъ это и предсказалъ вѣрно Лассаль. Возстановленіе габсбургскихъ вассальныхъ княжествъ въ средне-итальянскихъ государствахъ оказалось невозможнымъ; наоборотъ, населеніе этихъ государствъ примкнуло къ Пьемонту, и подъ тѣмъ предлогомъ, что противъ такого обширнаго государства, какимъ сталъ Пьемонтъ, Франція нуждается въ лучшей пограничной линіи, Бонапартъ потребовалъ уже Савойю и Ниццу. Путемъ всевозможныхъ дипломатическихъ происковъ и обмановъ дѣло пришло къ концу въ февралѣ и мартѣ. Лассаль съ полнымъ правомъ защищается отъ подозрѣнія, будто бы онъ еще въ своей прошлогодней брошюрѣ думалъ оправдывать настоящее присоединеніе Савойи и Ниццы; нельзя, однако, отрицать, что его позиція была нѣсколько слаба въ этомъ пунктѣ. Онъ слишкомъ односторонне видѣлъ въ Австріи врага, чтобы не преуменьшить опасности со стороны бонапартизма. Именно въ послѣдней фразѣ 56-го письма его воззрѣніе пріобрѣтаетъ нѣкоторый оттѣнокъ желанія настоять на своемъ; присоединеніе Савойи и Ниццы, означавшее во всякомъ случаѣ сильное упроченіе второй имперіи, было ему безразлично, разъ оно покупалось нанесеніемъ ущерба Австріи, который, впрочемъ, далеко еще не могъ доканать это государство.

Въ длинномъ 57-мъ письмѣ, написанномъ Лассалемъ 11-го марта, споръ между нимъ и Марксомъ достигаетъ высшаго пункта. Восклицая: „какъ возможны подобныя недоразумѣнія!" Лассаль самъ становится жертвой недоразумѣнія. Подъ двумя письмами, изъ которыхъ жена Маркса, Энгельсъ и Вольфъ вычитали извѣстное предубѣжденіе у Лассаля, возникшее у него подъ впечатлѣніемъ позорнаго произведенія Фогта, Марксъ подразумѣваетъ, очевидно, 54-е и 55-е, но не 55-е и 56-е письма, какъ это предполагалъ Лассаль. 56-е письмо касается дѣла Фогта лишь мимоходомъ и чисто внѣшнимъ образомъ. Противъ упрека въ предубѣжденности Лассаль защищается съ большой ловкостью и съ своей субъективной точки зрѣнія съ полнымъ основаніемъ; объективный же центръ тяжести во всемъ недоразумѣніи заключался именно въ томъ, что онъ не былъ въ такой степени освѣдомленъ о положеніи дѣла, какъ англійскіе друзья Маркса, а особенно въ томъ, что онъ зналъ далеко не весь матеріалъ противъ Фогта, которымъ обладалъ Марксъ. Но именно поэтому-то ему и не слѣдовало съ самаго начала требовать заявленія о честности Фогта, въ чемъ прежде всего Марксъ и видѣлъ „предубѣжденность" Лассаля. Когда Марксъ вспоминалъ о томъ, что въ подобномъ же случаѣ американскіе друзья немедленно вступились за него, то его должно было непріятно поразить то, что Лассаль прежде всего впалъ нѣсколько въ тонъ моральнаго

проповѣдника. Это должно было его чувствительно затронуть и тогда и даже въ особенности тогда, когда Лассаль съ полнымъ правомъ могъ сказать, что онъ вообще единственный другъ Маркса въ Германіи и что открытый протестъ уже потому совершенно невозможенъ, что онъ не можетъ помножить себя на самого себя.

Но и Марксъ съ своей стороны зашелъ слишкомъ далеко въ томъ отношеніи, что и сомнѣнія Лассаля относительно судебнаго процесса считалъ результатомъ его „предубѣжденности". Эти сомнѣнія были скорѣе весьма основательны, какъ показалъ и фактическій исходъ дѣла. То, что Лассаль говоритъ о подобныхъ процессахъ, заслуживаетъ, конечно, серьезнаго размышленія и не только по отношенію къ этому отдѣльному случаю. Если при этомъ разрушается легендарная слава прусской юстиціи, тѣмъ лучше. Несомнѣнно, у Маркса были важныя причины прежде всего начать процессъ противъ „Nationalzeitung"; привести доказательства въ ихъ полномъ объемѣ можно было не въ Женевѣ, а только въ Берлинѣ. Гнуснѣйшую клевету о сотняхъ угрожающихъ и написанныхъ съ цѣлью вымогательства писемъ, посланныхъ яко-бы „Schwefelband'ой", можно было опровергнуть лишь предложивъ клеветникамъ представить эти письма; наконецъ, опроверженіе Фогта въ печати требовало переписки съ тремя частями свѣта, а тогда истекъ бы трехмѣсячный срокъ для обвиненія въ клеветѣ. И при всемъ томъ Лассаль не былъ виновенъ въ „предубѣжденности", когда на основаніи очень богатаго опыта и по весьма уважительнымъ причинамъ совѣтывалъ „всяческую осторожность", прежде чѣмъ Марксъ довѣритъ свое дѣло рѣшенію прусскаго суда.

Еще больше, повидимому, виновенъ Марксъ по отношенію къ Лассалю съ „запиской изъ Балтиморы", но здѣсь дѣло идетъ, очевидно, тоже о недоразумѣніи, которое Лассаль слишкомъ горячо принимаетъ къ сердцу. Марксъ не могъ серьезно ставить себѣ въ заслугу то, что онъ не повѣрилъ содержанію этой записки. Если я не ошибаюсь, то своимъ „великолѣпнымъ жестомъ" онъ хотѣлъ сказать приблизительно слѣдующее: „Если ты сталъ ко мнѣ недовѣрчивъ изъ-за розсказней Фогта, то я дикій все же лучше тебя, такъ какъ никогда не былъ введенъ въ заблужденіе относительно тебя на основаніи подобныхъ же утвержденій о тебѣ! Къ счастью Лассаль сейчасъ же напалъ на вѣрный слѣдъ „балтиморскаго парня"; къ приведеннымъ имъ основаніямъ для подозрѣнія слѣдуетъ присоединить еще одно рѣшающее, а именно то, что Виссъ жилъ въ 53-мъ году въ Балтиморѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и предположеніе Лассаля о томъ, что Марксъ могъ учинить о немъ опросъ. Виссъ былъ въ тогдашнихъ эмигрантскихъ спорахъ приверженцемъ Кинкеля, слѣдовательно противникомъ Маркса; вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ изъ этого вражескаго лагеря, матеріаломъ, который находится среди бумагъ Маркса въ копіяхъ, сдѣланныхъ рукою Вильгельма Вольфа, попала также и „записка изъ Балтиморы"; какъ и другія рукописи Вильгельма Вольфа, она была скопирована Дронкэ, почеркъ котораго Лассаль думалъ, что узналъ въ ней. Впрочемъ, бравый Виссъ принадлежалъ къ числу первыхъ лицъ, которыя послѣ 67-го года перебѣжали въ лагель Бисмарка; вмѣстѣ съ Мейеномъ онъ превратилъ бывшую до той поры демократической „Berliner Reform" въ національ-либеральный органъ и благополучно погубилъ ее; въ то время въ Берлинѣ шутили, что

одна половина читателей разбѣжалась оттуда потому, что не могла выносить Мейена, а другая—потому, что не выносила Висса.

Если этотъ пунктъ еще кое-какъ объясняется, то нельзя того же сказать объ оффиціальномъ обвиненіи противъ Лассаля, поступившемъ въ центральное учрежденіе союза коммунистовъ. На основаніи существующаго матеріала нельзя объ этомъ сказать ничего болѣе того, что подозрѣвалъ самъ Лассаль, а именно: оно возникло вслѣдствіе тѣхъ треній, которыя существовали между нимъ и кельнцами въ послѣдніе дни существованія союза. Одинъ дюссельдорфскій купецъ Леви былъ потомъ первымъ кассиромъ всеобщаго германскаго рабочаго союза; однако, совершенно невѣроятно, чтобы онъ могъ быть тождественъ съ „нѣкіимъ маленькимъ Леви“, котораго Лассаль такъ сурово осуждалъ, какъ предполагаемаго виновника предъявленнаго противъ него обвиненія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ вѣрности того описанія, которое Лассаль даетъ своей дѣятельности среди дюссельдорфскихъ рабочихъ; позднѣе онъ призвалъ этихъ рабочихъ даже въ свидѣтели въ рѣчи, произнесенной 28-го сентября 1863 года: „Вы знаете меня! Я жилъ среди рейнскихъ рабочихъ 10 лѣтъ; я былъ съ вами какъ во время революціи, такъ и въ эпоху бѣлаго террора 50-хъ гг. Вы видѣли меня какъ въ тотъ, такъ и въ другой періодъ. Вы знаете, *чей* домъ былъ до послѣдняго момента моего пребыванія въ Рейнской провинціи безстрашнымъ убѣжищемъ демократической пропаганды, вѣрнымъ прибѣжищемъ для самой неустрашимой и рѣшительной партійной помощи, и это, несмотря на бѣлый terreur Гинкельдея-Вестфалена, несмотря на все дикое безправіе того времени“. То, что Лассаль при этомъ говоритъ объ игрѣ въ революцію, объ опасности, что отдѣльный работникъ можетъ стать Далай-Ламой, который не различаетъ уже больше, что въ немъ личнаго, что партійнаго, заключаетъ въ себѣ долю истины, въ особенности по отношенію къ началу рабочаго движенія; правда, такъ говорить имѣлъ право только человѣкъ, подобный Лассалю, но говорить такъ, обращаясь къ такому человѣку, какъ Марксъ, онъ не имѣлъ права. Марксъ былъ такимъ ярымъ противникомъ игры въ революцію, какимъ быть и Лассалю было бы въ пору.

Относительно упрековъ въ слишкомъ большой недовѣрчивости, которые они дѣлаютъ другъ другу, нельзя теперь сказать ничего иного, кромѣ того, что оба они, какъ и всѣ сильныя натуры, были по своему темпераменту скорѣе слишкомъ довѣрчивы, чѣмъ недовѣрчивы. Хотя жизнь Лассаля сложилась не благопріятнѣе и въ историческомъ смыслѣ словъ не счастливѣе, однако, она была свободна отъ будничныхъ заботъ, и та доля тщеславія, которая осталась въ немъ, при всемъ его самоосвобожденіи отъ мертвящихъ началъ, дѣлала его слишкомъ воспріимчивымъ къ льстивому восхваленію: такъ, по его собственнымъ словамъ, онъ долженъ былъ съ помощью разсудка пріучаться не довѣрять отдѣльнымъ личностямъ, но и при этомъ разсудокъ не всегда оказывался побѣдителемъ. Въ очень многихъ случаяхъ Лассалю плохо приходилось за его довѣрчивость и, конечно, онъ обладалъ въ слишкомъ малой степени тѣмъ недовѣріемъ къ людямъ, которое онъ, въ извѣстномъ смыслѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, считаетъ свойствомъ крайне революціоннымъ. Но поэтому-то и невѣрно его мнѣніе, будто Марксъ обладалъ этимъ качествомъ въ слишкомъ большой степени. Одно-

стороннимъ недовѣріемъ Марксъ не вооружилъ противъ себя ни одного заслуживающаго вниманія человѣка, который могъ бы стать его приверженцемъ; нѣтъ ни одного такого случая. Суровая борьба, которую Марксъ долженъ былъ вести въ продолженіе всей своей жизни, и сознаніе великой цѣли своей жизни удерживали его, конечно, отъ слишкомъ легкаго сближенія со всякимъ новоиспеченнымъ товарищемъ, но они же ограждали его отъ всякаго черстваго, излишне осторожнаго и мелочнаго недовѣрія.

Затѣмъ остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ частностяхъ 57-го письма. Корреспондентомъ „Daily Telegraph“ изъ Берлина былъ нѣкто Абель; Марксъ отдѣлалъ его въ своей полемической брошюрѣ противъ Фогта. Воздушный замокъ большой демократической газеты, которая должна была выходить въ Берлинѣ послѣ смерти Фридриха Вильгельма IV и ожидавшейся къ этому времени амнистіи, долгое время занималъ мысль Лассаля. При „безпартійной“ индустріализаціи газетнаго дѣла намъ теперь кажется почти наивнымъ предположеніе, что этотъ планъ можно было выполнить съ такими ничтожными средствами. На письма Гумбольдта къ Варнгагену мы смотримъ теперь тоже немного иными глазами, чѣмъ на нихъ смотрѣлъ въ свое время Лассаль; на его сужденіе о нихъ оказывали вліяніе его дружескія отношенія къ Гумбольдту, Варнгагену и Людмилѣ Ассингъ. Закулисныя придворныя сплетни могутъ иногда дѣятельно пособлять революціи, чего въ данномъ случаѣ, впрочемъ, совсѣмъ и не было, но онѣ никогда не могутъ быть союзникомъ революціи съ равными правами и обязанностями, какъ это можетъ, пожалуй, показаться изъ нѣсколько напыщенныхъ словъ Лассаля. Впрочемъ, не только въ глазахъ одной „Kreuzzeitung“ Лассаль былъ дѣйствительнымъ издателемъ ихъ; по мнѣнію Бюхера по крайней мѣрѣ, прокуроры набросились такъ свирѣпо на Лассаля, сейчасъ же послѣ его публичнаго выступленія, потому, что „вліятельныя“ лица желали получить реваншъ за изданіе писемъ Гумбольдта.

Подъ „новѣйшимъ поворотомъ Наполеона въ средне-итальянскомъ вопросѣ“ Лассаль разумѣлъ французскую ноту отъ 24-го февраля, въ которой Бонапартъ ставилъ свой ультиматумъ объединительному движенію въ Италіи. Согласно этому ультиматуму онъ намѣревался допустить присоединеніе герцогствъ Пармы и Модены къ Пьемонту, а также и свѣтское управленіе легатствъ Романьи, Феррары и Болоньи подъ титуломъ викаріата, управляемаго именемъ папы; если же Пьемонтъ вышелъ бы изъ границъ, присоединивъ къ себѣ великое герцогство Тоскану, то онъ не могъ бы болѣе разсчитывать на Бонапарта,, который, впрочемъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ заявлялъ притязанія на Савойю и Ниццу. Такимъ образомъ, на практикѣ его провозглашеніе итальянской независимости состояло въ томъ, что Италія раздѣлялась на три или четыре государства, Венеція оставалась за Австріей, а Францiя, благодаря обладанію Савойей и Ниццей, получала преобладаніе надъ Пьемонтомъ — самымъ могущественнымъ изъ отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ. Эта великолѣпная программа была, конечно, способна вооружить всѣхъ противъ Бонапарта, и Энгельсъ уже вооружился противъ него, когда Лассаль задавалъ по этому поводу вопросы, какъ это явствуетъ изъ второй приписки къ 57-му письму. Мнѣніе Дункера, что выраженіемъ „чрезмѣрно умные берлинцы“ Энгельсъ мѣтилъ въ Лассаля, было такъ же неосновательно, какъ и его утвержденіе, будто брошюра можетъ оказать

огромнѣйшую пользу австрійской партін въ Германіи. Между тѣмъ брошюра недвусмысленно направляетъ свои стрѣлы противъ франко-русскаго союза и въ своемъ главномъ содержаніи указываетъ, какъ значитедьно усиливается военная позиція Франціи, благодаря присоединенію Савойи и Ниццы. Старанія Лассаля установить все-таки соглашеніе между Энгельсомъ и Дункеромъ остались тщетными; брошюра появилась анонимной у Г. Беренда (Falckenberg'sche книгоиздательство) подъ заглавіемъ: „Савойя, Ницца и Рейнъ".

58-ое письмо, написанное къ Энгельсу,, снова возвращается къ брошюрѣ, чтобы опять дискутировать спорный вопросъ объ итальянской войнѣ. То, что Лассаль говоритъ объ ограниченномъ значеніи дипломатическихъ синихъ книгъ, какъ политическихъ справочныхъ источниковъ, весьма заслуживаетъ вниманіе, и въ особенности демократическихъ партій, сила которыхъ всегда будетъ заключаться въ правильномъ пониманіи „объективнаго положенія вещей". Если Лассаль все ставитъ въ зависимость отъ дѣйствія осязательныхъ причинъ войны на сознаніе всего народа, что эта та же мысль, только выраженная въ другой формулѣ. 70-й годъ подтвердилъ, что война изъ-за Рейна, даже если бы нѣмецкія правительства побѣдили, имѣла бы огромнѣйшія послѣдствія, и спеціально то, что центръ тяжести современнаго рабочаго движенія передвинулся бы въ Германію. Если Лассаль считалъ побѣду правительствъ въ высшей степени невѣроятной, то по тому времени онъ судилъ совершенно правильно; что касалось военнаго союзнаго управленія, то оно вообще не принималось въ разсчетъ, а состояніе прусской арміи во время мобилизаціи предыдущаго года обнаружило огромнѣйшіе недостатки. Во всякомъ случаѣ прусское правительство, поскольку это его касалось, было готово улучшить дѣло въ свою пользу, по скольку это его касалось, т. е. въ интересахъ абсолютистско-феодальныхъ.

Сужденіе Лассаля о прусской военной организаціи было съ демократически-пролетарской точки зрѣнія совершенно правильно; съ либеральной же точки зрѣнія существовала еще другая возможность—предоставить милитаризму и юнкерству „огромныя силы" лишь подъ условіемъ значительныхъ уступокъ буржуазіи. Но либерализмъ превзошелъ самыя худшія опасенія Лассаля и своимъ постояннымъ шатаніемъ, благодаря которому онъ впутался въ военный конфликтъ, онъ надулъ самого себя насчетъ всего своего будущаго.

58-ое письмо опять таки не помѣчено, но изъ его содержанія слѣдуетъ, что оно написано послѣ 57-го и до 59-го письма, число котораго можно по почтовому штемпелю сохранившагося конверта отнести на 14-ое апрѣля. Изъ четырехъ пунктовъ, которыхъ оно касается, первый относится къ какой-то проволочкѣ, которую, повидимому, допустилъ юстицратъ Веберъ въ процессѣ противъ „Nationalzeitung", въ то время, какъ второй пунктъ вызванъ желаніемъ Вейдемейера получить при посредствѣ Маркса корреспондентовъ изъ Европы для издаваемой имъ въ Чикаго ежедневной газеты.

„Политическая карманная книжка", упоминаемая въ третьемъ пунктѣ, это „Demokratischen Studien", которыя были изданы Валесроде у Отто Мейснера, если не къ пасхѣ, то во всякомъ случаѣ лѣтомъ. Валесроде заслуживалъ похвалы Лассаля постольку, поскольку онъ принадлежалъ къ

числу тѣхъ немногихъ буржуазныхъ демократовъ, которые въ дни „новой эры“ не потеряли головы; онъ не понималъ, какимъ образомъ лояльное тупоуміе желаетъ достигнуть правъ, несмотря на военную деспотію и единства, не смотря на многихъ наслѣдственныхъ владѣтелей. Но и Валесроде въ дѣйствительности тоже не зналъ лучшаго движенія впередъ, какъ возвращенія къ бумажной имперской конституціи 49-го года и за его литературно-политическимъ призывнымъ барабаномъ слѣдовало въ высшей степени разношерстное общество. Со своей статьей о политическомъ завѣщаніи Фихте Лассаль стоялъ непосредственно между статьями Оппенгейма и Карла Фогта; двѣ статьи доставилъ Бамбергеръ; другими сотрудниками были прекраснодушные литераторы, какъ напримѣръ, Карлъ Грюнъ и Штаръ. Надеждѣ Лассаля, что его статья подѣйствуетъ по меньшей мѣрѣ, какъ истинно республиканскій военный кличъ, какъ трубный звукъ среди противнаго готскаго жужжанія, не суждено было осуществиться; даже „Volkszeitung“ не поняла, чего собственно хотѣлъ Лассаль. Только одинъ молодой критикъ, дѣлавшій тогда свои первыя, предварительныя упражненія, чтобы превратить впослѣдствіи готское жужжаніе въ шумную музыку янычаръ, инстинктивно почувствовалъ, что Лассаль иной трубачъ, нежели другіе сотрудники „Demokratischen Studien“. Но своему смутному пониманію онъ придалъ стрнаную форму: среди дескать пустой болтовни этого демократическаго изданія статья Лассаля заслуживаетъ приза за тривіальность. „Слова Фихте, прерываемыя патетическими восклицаніями господина Лассаля! У насъ на душѣ было такъ, словно передъ нами стоялъ базарный крикунъ, въ руки котораго случайно попалъ настоящій хорошій товаръ“. Такъ привѣтствовалъ въ „Literarischen Zentralblatt“ Генрихъ фонъ-Трейчке „господина Лассаля“.

Четвертый пунктъ, занимательная характеристика „Nationalzeitung“, говоритъ самъ за себя. Лассаль называетъ ея собственника Дюмономъ этой газеты по имени издателя „Kölnische Zeitung“, съ которымъ „Neue Rheinische Zeitung“ выдержала не одно столкновеніе. Вольфъ вплоть до крупныхъ спекулятивныхъ махинацій 70-хъ гг. доказалъ, насколько его финансовые интересы были для него важнѣе политической репутаціи „Nationalzeitung“; въ концѣ концовъ даже жалкому ничтожеству фонъ-Цабелю это стало вообще не въ моготу. Да и среди ревнителей развращенія нѣмецкой прессы Вольфъ обезпечилъ себѣ весьма выдающееся мѣсто; онъ достигъ этого, главнымъ образомъ, учрежденіемъ называющагося еще и теперь его именемъ телеграфнаго агентства, которое сдѣлало телеграфную проволоку общественно опаснымъ орудіемъ въ рукахъ реакціонныхъ правительствъ.

Въ 60-мъ письмѣ Лассаль пишетъ въ нѣсколько отрицательномъ или же очень сдержанномъ тонѣ о человѣкѣ, который въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ былъ вѣрнымъ приверженцемъ соціалъ-демократической партіи. Эйхгофъ, однако, велъ славную борьбу противъ берлинскаго полицейскаго хозяйничанія въ оппозиціонной газетѣ Кинкеля „Hermann“ и, по обычной манерѣ Штибера и К°, подвергся обвиненію во всевозможныхъ безчестныхъ намѣреніяхъ; Лассаль, не будучи вообще знакомъ съ Эйхгофомъ, могъ, такимъ образомъ, имѣть на первыхъ порахъ основаніе для нѣкотораго резерва по отношенію къ нему. Въ его выраженіяхъ объ асессорѣ Фишелѣ проявляется уже нѣкоторое раздраженіе. По существу

различіе во мнѣніяхъ объ этой личности, возникшее между Лассалемъ и Марксомъ, объясняется различіемъ точекъ зрѣнія, стоя на которыхъ они слѣдили за политическимъ развитіемъ. Въ Англіи Фишель примкнулъ къ Уркварту, агитировалъ противъ Луи Наполеона и Пальмерстона и этимъ вызвалъ у Маркса благопріятное отношеніе о себѣ; въ Германіи же онъ принадлежалъ къ избранной литературной гвардіи при герцогѣ Кобургскомъ и считался подающимъ надежды Веніаминомъ прогрессистской партіи; поэтому Лассаль имѣлъ всѣ основанія не довѣрять ему. Зашелъ ли онъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко или нѣтъ, теперь нельзя установить, такъ какъ Фишель не дожилъ до того времени, когда пшеница стала отдѣляться отъ плевелъ; уже въ 63-мъ году во время его пребыванія въ Парижѣ его переѣхалъ омнибусъ, и онъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Три слѣдующихъ письма, которыя Лассаль послалъ Марксу изъ Аахена, 3-го, 11-го и 17-го сентября, возвращаются къ дѣлу Фогта и къ спорному итальянскому вопросу. О высокомъ духѣ этихъ обоихъ людей свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что ихъ страстныя объясненія по поводу дѣла Фогта не оставили между ними никакого слѣда личнаго недовольства, хотя у нихъ, повидимому, даже не произошло подробнаго объяснянія по поводу „записки изъ Балтиморы" и всего связаннаго съ ней. Помощь, которую Лассаль готовъ оказывать ему при литературной защитѣ противъ Фогта, Марксъ принимаетъ съ такой же непринужденностью, съ какой она предлагается. Истинный характеръ ихъ дружбы особенно явственно выступаетъ и изъ слѣдующаго обстоятельства: Фрейлигратъ, несмотря на свой совершенно безупречный характеръ, который по справедливости признаетъ за нимъ Лассаль, не могъ придти ни къ какому соглашенію съ Марксомъ относительно прискорбнаго дѣла Фогта. Трудно понять, какъ Фрейлигратъ могъ все еще держать сторону Блинда, хотя бы его служба въ лондонскомъ отдѣленіи швейцарскаго банка и возлагала на него „то или иное" обязательство по отношенію къ Фаци, женевскому покровителю Фогта.

Въ разсужденіяхъ Лассаля объ итальянской революціи, прусскомъ регентствѣ, русской нотѣ и т. д. снова, къ сожалѣнію, слишкомъ болѣзненно чувствуется, что нѣтъ писемъ Маркса. Лассаль не свободенъ отъ иллюзій, когда считаетъ несомнѣннымъ фактомъ, что война съ Австріей изъ-за Венеціи будетъ „самое позднее въ ближайшемъ году", а затѣмъ произойдетъ венгерская революція; но онъ правъ въ томъ, что исторія развитія итальянскаго вопроса подтвердила его взгляды. Сбылось его предсказаніе о томъ, что Бонапартъ измѣнитъ революціи, а революція пойдетъ дальше Бонапарта. Если Марксъ еще въ ноябрѣ 1859 года, — а не въ октябрѣ, какъ нѣсколько разъ ошибается Лассаль, — могъ возражать Лассалю, что пьемонтскіе конституціоналисты измѣнили итальянской революціи; — если въ то время безпочвенное министерство Ратацци въ Туринѣ, какъ послушный прислужникъ Бонапарта, и пыталось препятствовать движенію въ пользу объединенія Италіи, то это движеніе неудержимо подвигалось впередъ прежде всего въ средней Италіи. Бонапартъ принужденъ былъ отказаться отъ политики, начатой имъ въ Виллафранкѣ, а именно — въ согласіи съ Австріей и папой создать въ Италіи болѣе прочное положеніе; отнынѣ ему приходилось думать лишь о томъ, какъ бы обезпечить себѣ своевременно кусокъ пирога. Но вмѣстѣ съ присоединеніемъ Савойи и Ниццы онъ совер-

шенно изолировалъ себя въ Европѣ; въ глазахъ народовъ онъ совсѣмъ лишился блеска „народо-освободительныхъ тенденцій“, между тѣмъ какъ правительства были преисполнены по отношенію къ нему величайшаго подозрѣнія. Съ Англіей онъ дошелъ почти до открытой войны, а Россія, давно напуганная революціоннымъ движеніемъ въ Италіи, отступилась отъ условнаго соглашенія, которое она заключила съ Бонапартомъ въ 1859 году.

Но въ Италіи Кавуръ, удалившійся послѣ мира при Виллафранка, снова захватилъ бразды правленія въ свои руки и присоединилъ средне-итальянскія государства. Затѣмъ Гарибальди, противъ воли и безъ вѣдома Бонапарта, но съ тайнаго согласія Кавура, предпринялъ, одобренный также и Мадзини, походъ въ Сицилію, который своимъ проявленіемъ революціонной силы раскололъ европейскій міръ на двѣ части, на одну преисполненную отвращенія, а другую — удивленія. Правда, надежда Лассаля на то, что Гарибальди въ качествѣ диктатора двухъ королевствъ преодолѣетъ могущество Пьемонта, такъ же не исполнилась, какъ и его ожиданіе, что въ ближайшемъ году вспыхнетъ война изъ-за Венеціи и венгерская революція. Но въ то время вполнѣ можно было спорить объ этихъ предположеніяхъ, и даже если бы Лассаль могъ предвидѣть, что успѣхи Гарибальди въ концѣ концовъ все же достанутся монархіи, то онъ все равно сказалъ бы и могъ бы сказать съ полнымъ правомъ: какъ бы многого не оставляли желать формы итальянскаго единства, оно все же является историческимъ прогрессомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы получиться въ прошломъ году послѣ побѣды Австріи и Пруссіи надъ Бонапартомъ или же Бонапарта надъ Австріей и Пруссіей.

Вполнѣ правъ Лассаль, когда онъ защищаетъ, какъ раньше уже противъ Энгельса, такъ и теперь противъ самого Маркса, тотъ фактъ, что прусскій принцъ-регентъ въ 1859 году намѣревался обнажить мечъ въ защиту австрійскаго территоріальнаго владѣнія въ Италіи. Дѣйствительно, Лассалю не зачѣмъ было объ этомъ спорить, ибо онъ зналъ это вполнѣ точно ex positivo. Но даже a priori онъ умѣетъ сдѣлать превосходный выводъ изъ политическаго положенія дѣлъ въ новую эпоху. Бѣглый очеркъ, который онъ набросалъ относительно послѣдней, соотвѣтствуетъ истинѣ болѣе, чѣмъ все то, что смогла сказать въ ея похвалу или порицаніе буржуазная исторія.

Послѣ мира при Виллафранка, возникло сильное недовольство между Австріей и Германіей. Вѣнскій кабинетъ жаловался на то, что Пруссія покинула его, а германскій кабинетъ былъ возмущенъ тѣмъ, что его благородныя намѣренія такъ позорно отрицались. Рептиліи обоихъ кабинетовъ крайне яростно враждовали между собой. Это навело Бонапарта на великолѣпную мысль о томъ, нельзя ли смягчить его изолированность въ Европѣ сближеніемъ съ Пруссіей. Онъ послалъ приглашеніе на личное свиданіе принцу регенту, который сначала отклонилъ, а потомъ принялъ его, но въ такой формѣ, что въ Баденъ-Баденъ, куда онъ пригласилъ Бонапарта, онъ призвалъ и нѣмецкихъ князей. Они и явились туда цѣлой массой, вступая со „смущенной сдержанностью“ въ сношенія съ узурпаторомъ, который все еще представлялся имъ и не въ малой степени принцу-регенту въ комическомъ свѣтѣ революціоннаго энтузіаста. Уловки Наполеона разбились о легитимистскую ограниченность, а вовсе не о національный образъ мыслей

нѣмецкихъ династій; наслѣдственные владѣтели одновременно съ этимъ побѣдоносно возвѣстили о своемъ національномъ образѣ мышленія упорнымъ сопротивленіемъ всякой, даже жалкой, реформѣ обветшалой союзной военной конституціи.

При всемъ томъ принцъ-регентъ пригласилъ Бонапарта на германскую почву, а король баварскій предложилъ ему, такъ сказать съ цѣлью примиренія, встрѣтиться также и съ австрійскимъ императоромъ. Несмотря на всѣ оскорбленія, нанесенныя ему габсбургскими рептиліями, принцъ-регентъ написалъ объ этомъ императору, который съ своей стороны тѣмъ любезнѣе отозвался, что его правительство незадолго передъ тѣмъ зондировало почву въ Петербургѣ относительно возстановленія священнаго союза и было отослано Горчаковымъ къ Пруссіи. Свиданіе произошло 26-го іюля въ Теплицѣ и, хотя оно не привело ни къ какимъ письменнымъ обязательствамъ, но все-таки къ словеснымъ обѣщаніямъ принца регента, которыя императоръ облекъ въ такія слова: я увѣренъ, что не буду покинутъ во второй разъ. Дальнѣйшій ходъ итальянской революціи все болѣе сближалъ другъ съ другомъ державы священнаго союза. „Times“ помѣстилъ 10-го ноября извѣстіе о полученной 8-го числа въ Вѣнѣ русской телеграммѣ, въ которой царь высказывалъ свое желаніе полнаго примиренія: доброе согласіе между Австріей и Россіей не должно никогда омрачаться, оба императора должны какъ можно скорѣе встрѣтиться другъ съ другомъ, чтобы положить конецъ невыносимому положенію дѣлъ. Это свиданіе, при которомъ присутствовалъ также и принцъ-регентъ, произошло въ Варшавѣ между 22-мъ и 26-мъ октября. Какъ и теплицкое свиданіе, оно не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ обязательствамъ, но Лассаль вполнѣ вѣрно полагалъ, что собираются возстановить священный союзъ; если послѣдній тѣмъ не менѣе не состоялся, то это зависѣло не отъ доброй или злой воли реакціонныхъ правительствъ, а отъ того, что у каждаго изъ нихъ руки были связаны внутреннимъ положеніемъ дѣлъ.

Позднѣе, въ аахенскихъ письмахъ Лассаль еще разъ говоритъ о русской нотѣ предыдущаго года. Онъ смотритъ на нее слишкомъ добродушно, не желая видѣть въ ней ни малѣйшаго оскорбленія. Дѣло обстояло вовсе не такъ, какъ онъ его излагаетъ; нота говорила не о взаимоотношеніи державъ: если вы поддерживаете Павла, то мы поддержимъ Петра—нѣтъ, русскій кабинетъ имѣлъ въ виду припугнуть среднія и мелкія нѣмецкія государства угрозами подвергнуть ихъ своей немилости, такъ какъ о дѣйствительной войнѣ онъ вовсе не думалъ. Это было постыднымъ униженіемъ для Германіи даже въ томъ случаѣ, если даже нельзя было оспаривать формальнаго права къ этой нотѣ постольку, поскольку германская союзная конституція была европейскимъ договоромъ и какъ по смыслу, такъ и по буквѣ ея, во всякомъ случаѣ запрещала союзу участіе въ войнѣ, ведущейся какимъ-нибудь союзнымъ государствомъ изъ-за владѣній, находящихся внѣ Германіи.

Но вина въ томъ, что русское правительство могло позволить себѣ подобное отношеніе, падаетъ прежде всего на нѣмецкія династіи, которыя по меньшей мѣрѣ 50 лѣтъ тащились въ хвостѣ политики русской бюрократіи и вполнѣ привыкли къ ея пинкамъ. Утопіей было ожидать отъ нихъ пламеннаго сопротивленія именно по данному поводу, который былъ нисколько не хуже

сотни прежнихъ подобнаго же калибра; если бы ихъ „подданные“ побуждали ихъ изъ-за русской ноты къ войнѣ съ Россіей (чего „подданные“, конечно, не сдѣлали), то они едва ли бы даже поняли это, а въ лучшемъ случаѣ плакались бы о „разрушительныхъ тенденціяхъ“. Огромное значеніе, которое Марксъ и Энгельсъ придавали этой нотѣ, убѣдительно доказываетъ, что у нихъ чувство національной чести было несравненно болѣе чуткимъ, нежели вялый патріотизмъ нѣмецкаго филистера, но это же показываетъ, что они дѣйствительно нѣсколько потеряли изъ виду положеніе дѣлъ въ Германіи. Лассаль постольку разсуждалъ объ этомъ правильнѣе, поскольку относился къ вопросу безпристрастнѣе, но даже онъ смотрѣлъ на ненависть средне-нѣмецкаго бюргера къ русскимъ скорѣе оптимистически, чѣмъ пессимистически. Но во всякомъ случаѣ его тактика демонстрированія передъ нѣмецкой націей на примѣрѣ русской ноты жалкаго положенія нѣмецкихъ правительствъ—была гораздо плодотворнѣе, нежели „мечтаніе“ о томъ, что нѣмецкія правительства могли бы почувствовать въ этой нотѣ оскорбленіе, нанесенное имъ со стороны Россіи.

Тотъ взглядъ Лассаля, что война съ Россіей является скорѣе всего провиденціальнымъ наслѣдіемъ нѣмецкой революціи, уже неоднократно провозглашался въ „Neue Rheinische Zeitung“; Марксъ и Лассаль были также солидарны въ томъ, что для Россіи принципіальная политика всегда является лишь предлогомъ для полученія реальныхъ выгодъ. Что ихъ раздѣляло съ весны 59-го года до осени 60-го г.—это былъ тактическій вопросъ: откуда въ данный моментъ угрожаетъ наибольшая опасность со стороны европейской реакціи. Лассаль во многихъ частностяхъ ошибался, довольно часто онъ разсуждаетъ менѣе глубоко и поверхностнѣе, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ, но въ общемъ онъ судилъ правильнѣе ихъ объ историческомъ развитіи того времени. Болѣе узкая и односторонняя точка зрѣнія Лассаля оказывалась фактически болѣе подходящей; въ своихъ комбинаціяхъ относительно положенія дѣлъ въ Европѣ Марксъ и Энгельсъ преувеличивали опасность, которая въ то время грозила нѣмецкому народу со стороны бонапартистско-царской коалиціи.

До извѣстной степени ихъ взглядъ затемнялся тѣмъ, что Лассаль, прибѣгая къ слишкомъ сильному выраженію, называлъ „руссоманіей“. Если въ своей брошюрѣ „Савойя, Ницца и Рейнъ“ Энгельсъ допускалъ, что послѣ мобилизаціи Пруссіи Наполеонъ долженъ былъ заключить миръ при Виллафранка, такъ какъ ни французская рейнская армія, ни русское войско не были готовы къ войнѣ; или, когда онъ говорилъ, что Германія заинтересована въ созданіи сильной и единой Италіи, которая могла бы вести собственную политику, то этимъ самымъ онъ существенно соглашался съ тактикой Лассаля. Имѣя въ виду эти разсужденія, Лассаль могъ, шутливо преувеличивая, говорить, что послѣ этой брошюры тактика Маркса и Энгельса стала для него восьмымъ чудомъ свѣта. Марксъ и Энгельсъ всегда твердо держались того мнѣнія, что тѣ русскіе планы о всемірномъ владычествѣ, ради которыхъ можно было воспользоваться бонапартизмомъ, какъ необыкновенно удобнымъ орудіемъ, таятъ въ себѣ значительную опасность для Германіи, и настойчивое подчеркиваніе этой опасности было имъ тѣмъ болѣе по душѣ, что Марксъ съ полнымъ основаніемъ думалъ, что хотя нѣмецкій народъ въ достаточной степени ненавидѣлъ Россію, но недоста-

точно понималъ ее. Эта точка зрѣнія не устранялась, конечно, слишкомъ развязнымъ замѣчаніемъ Лассаля: „*Ненависти массы* достаточно для выполненія всего, разъ въ странѣ есть хоть пять человѣкъ, *понимающихъ* дѣло". Однако побѣдителемъ въ тактическомъ спорномъ вопросѣ, именно въ вопросѣ о томъ, была ли бонапартистска-царская коалиція весной 59-го г. въ достаточной степени опасна для Германіи, чтобы необходимо было вооруженной силой поддерживать Австрію, внѣ-германскому насильственному господству которой она угрожала, и подавить революціонное движеніе въ Италіи, побѣдителемъ въ этомъ вопросѣ имѣлъ право осенью 60 года считать себя Лассаль. И это—послѣ того, какъ итальянская революція разорвала бонапартистско-царскій союзъ, совершенно изолировала на Сенѣ „освободителя народовъ" и отбросила назадъ легитимистскую контръ-революцію, доведя ее до предмартовской безпомощности священнаго союза.

Въ своей перепискѣ Марксъ и Лассаль уже болѣе не возвращались къ этому спорному вопросу; предположеніе о томъ, что они въ послѣдующіе годы и путемъ личныхъ разговоровъ пришли къ соглашенію по этому поводу, неправдоподобно. Наоборотъ, ихъ тактическіе пути съ тѣхъ поръ расходились все болѣе и болѣе. Но Марксъ и Энгельсъ никогда не видѣли въ тѣхъ взглядахъ Лассаля, которые не согласовались съ ихъ взглядами, какого-нибудь принципіальнаго разногласія, поэтому разсужденія о малогерманской, или велико-прусской, или бонапартистской политикѣ, которой де тогда занимался или содѣйствовалъ Лассаль, должны быть сданы, наконецъ, въ архивъ. Нужно оставить открытымъ вопросъ дѣйствительно ли Марксъ своимъ замѣчаніемъ о „миссіи" Бонапарта хотѣлъ уколоть Лассаля за его тактику, какъ предполагалъ послѣдній, быть можетъ, изъ излишней подозрительности; но можно лишь радоваться тому обстоятельству, что Лассаль отнесся къ мимолетной ироніи трагичнѣе, чѣмъ она давала поводъ къ этому, и исходя изъ этого, еще разъ сильно и поразительно сжато заявилъ, что его главнымъ аргументомъ противъ тактики Маркса и Энгельса было всегда то, что нельзя же поддерживать бонапартизмъ противъ своей воли.

Остальное содержаніе Аахенскихъ писемъ не требуетъ подробныхъ объясненій. Коренное сужденіе Лассаля о прусской юстиціи ясно само собой, его рѣзкое осужденіе либеральныхъ газетъ, которыя несмотря ни на что восторженно щелкаетъ языкомъ при одномъ упоминаніи о „прусскомъ судейскомъ сословіи" сохранило всю свою силу до настоящаго времени. „Дилемма" относительно брошюры Маркса противъ Фогта, очевидно, касается издательскихъ затрудненій; остановились на изданіи ея въ Лондонѣ, и Лассаль съ своей стороны принялъ участіе въ издержкахъ. Его опасеніе, что благодаря этому распространеніе брошюры въ Германіи встрѣтитъ очень значительныя препятствія, къ сожалѣнію, исполнилось. Бюргерсъ, говорившій въ національномъ ферейнѣ столь назидательный вздоръ, былъ, конечно, прежній редакторъ „Neue Rheinische Zeitung". Что касается прекрасной и мѣткой критики политико-экономическаго произведенія Маркса, сдѣланной Лассалемъ, то о ней достаточно лишь упомянуть. То, что Лассаль говоритъ о частномъ обвиненіи по Рейнскому судопроизводству было вызвано, вѣроятно, тѣмъ, что одна газетка въ Трирѣ, откуда Марксъ и его жена были родомъ и гдѣ жила еще мать Маркса, подхватила клевету

Фогта; повидимому Марксъ одно время взвѣшивалъ, нельзя ли ему возобновить въ Трирѣ процессъ, окончившійся неудачей въ Берлинѣ.

Часть рукописи 64-го письма оторвана; дополненія сдѣланы преимущественно Энгельсомъ, немногія изъ нихъ, два или три, мною.

1861.

65.

Берлинъ, 19 января 61.

Дорогой Марксъ!

Я былъ безконечно радъ полученію отъ тебя письма: я узнаю изъ него, что твоя жена снова поправилась! Въ томъ печальномъ настроеніи, въ какомъ я находился все это время, я предавался различнымъ опасеніямъ насчетъ ея, такъ какъ я не имѣлъ отъ тебя отвѣта. Поклонись, пожалуйста, ей сердечно отъ меня.

Въ остальномъ твое письмо легло, словно грѣхъ, на моей совѣсти, такъ какъ я очень запоздалъ со многимъ, касающимся тебя.

Прежде всего я запоздалъ поблагодарить тебя за то чудное удовольствіе, которое намъ доставилъ твой «Фогтъ». Мы хохотали до безумія, я и графиня, когда я ей читалъ его. Она сердечно благодаритъ тебя за книгу. Давно она не получала такого удовольствія, какое ей доставило это чтеніе. Она находитъ, впрочемъ, что ты могъ бы ей уже давно написать письмецо и утверждаетъ, что ты ее совсѣмъ забылъ.

Очень часто, когда и другіе ко мнѣ приходили, я и имъ читалъ изъ книги и всегда вызывалъ тотъ же восторгъ.

Само собой понятно, что юмористическая сторона книги отнюдь не является ея главной стороной, хотя я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о томъ необычайномъ смѣхѣ, который она во мнѣ возбудила. Это во *всѣхъ* отношеніяхъ мастерская вещь!

Я долженъ признаться тебѣ, что теперь я нахожу твое убѣжденіе въ томъ, что Фогтъ подкупленъ Бонапартомъ, совершенно основательнымъ и въ порядкѣ вещей; т. е. не *теперь* только я допускаю, что это доказано, такъ какъ я еще въ ноябрѣ 1859 г. писалъ тебѣ, что, когда я прочелъ въ объясненіи Фогта призна-

ніе, что онъ предлагалъ гонораръ за статьи, напечатанныя въ *другихъ* газетахъ, то мое подозрѣніе относительно него сильно возросло. Но я признаюсь теперь даже очень охотно, что, оставляя въ сторонѣ внѣшнія доказательства, если только прочесть и прослѣдить его собственныя различныя произведенія съ такимъ же вниманіемъ, какъ ты это сдѣлалъ, то уже изъ этого одного придется вывести большое и прочное моральное убѣжденіе. Внутреннее доказательство приведено тобой съ чрезвычайной ясностью. Я тогда пробѣжалъ его «Studien» очень поверхностно и съ большимъ неудовольствіемъ — я ихъ получилъ около 8 дней спустя послѣ того, какъ я написалъ мою брошюру. Съ его статьями въ «Bieler Handelskourier», «Lausanner Zentralfest» и проч. я со всѣмъ не былъ знакомъ. Но теперь я охотно допускаю, что при точномъ разсмотрѣніи и разборѣ этихъ вещей можно уже пріобрѣсти conviction ferme.

Concedo, и принужденъ это теперь заявить, такъ какъ я тогда слишкомъ поспѣшно тебя порицалъ.

Второе, что лежитъ на моей совѣсти, это касается брошюръ Эйхгофа, о которыхъ ты упоминаешь. Когда я въ октябрѣ вернулся изъ Аахена, то я здѣсь нашелъ два экземпляра этой брошюры, присланные мнѣ Эйхгофомъ, одинъ для меня, другой для тебя. Но ты мнѣ еще въ Аахенѣ написалъ, что ты ее читалъ; я и подумалъ: нечего, значитъ, во всякомъ случаѣ спѣшить съ пересылкой.

Между тѣмъ кто-то изъ моихъ знакомыхъ унесъ оба экземпляра, я даже не знаю кто; одинъ изъ экземпляровъ навѣрное пропалъ, второй я можетъ быть еще раздобуду; долженъ ли я тебѣ его переслать? Или я могу считать, что я потерялъ *твой* экземпляръ? Напиши мнѣ объ этомъ. Это касается первой серіи брошюръ.

Недавно онъ прислалъ мнѣ и изъ второй серіи двѣ брошюры; одну для тебя, которую ты получишь. Завтра я думаю ее послать по почтѣ, чтобы не было задержки, которая получилась бы при пересылкѣ ея книгоиздателемъ.

Одновременно съ этимъ я пошлю тебѣ печатную записку, сдѣланную мною для графини для представленія въ камеру. Она—т. е. не она, а, точнѣе, записка, которую я приготовилъ для министерства — доставитъ тебѣ удовольствіе и развеселитъ. Ты увидишь, что я сдѣлалъ изъ Патова и министерства такой мусъ (яблочный мусъ, черносливный и пр.), какой только можно

было сдѣлать. Я съ любопытствомъ жду того затруднительнаго положенія, въ какомъ очутится камера.

На этихъ дняхъ я опять имѣлъ очень характерную для Берлина исторію! Указъ объ амнистіи комментировался вдоль и поперекъ всѣми нашими газетами, а между тѣмъ ни одна изъ нихъ не обратила вниманія на то, что не осужденные бѣглецы при своемъ возвращеніи—даже если предположить, что имъ было предоставлено и обѣщано, какъ *право*, *безусловное* помилованіе на основаніи оффиціальнаго представленія министра юстиціи—что они непремѣнно подлежатъ *аресту* и до осужденія (т. е. отъ 6 до 18 мѣсяцевъ) должны оставаться въ предварительномъ заключеніи. Одинъ здѣшній юридическій органъ, «Preussische Gerichtszeitung», утверждалъ даже ошибочно, что возвращающіеся защищены отъ подслѣдственнаго ареста. Я пишу тогда, возражая ему, письмо въ «Nationalzeitung» и доказываю ему совсѣмъ юридическимъ аппаратомъ: во-первыхъ, что амнистія *не* предохраняетъ отъ предварительнаго заключенія; во-вторыхъ, что она и не можетъ этого сдѣлать, потому что у нея недостаетъ *компетенціи* для этого, такъ какъ король не можетъ освободить судью отъ его законнаго обязательства дѣйствовать въ уголовномъ порядкѣ и пр.; и въ третьихъ, что вся амнистія является такимъ образомъ лишь *иллюзіей*, и что не остается ничего другого, какъ издать законъ, который бы ее сдѣлалъ лишь дѣйствительной, законъ, предженіе котораго я считаю обязанностью всякаго депутата.

Письмо во всякомъ случаѣ достаточно ясно показывало дѣйствительные мотивы обнародованія амнистіи, оно это показывало *между строкъ*, но оно было *вполнѣ таково*, что «Nationalzeitung» могла безусловно напечатать его безъ риска судебной отвѣтственности. Я даже достаточно принялъ во вниманіе отношенія ея точки зрѣнія. При томъ письмо было за моей подписью (къ слову сказать: на бѣглецовъ, возвращающихся въ *рейнскія* провинціи, это не распространяется, потому что тамъ значится: le juge d'instruction peut etc. Ему, такимъ образомъ, незачѣмъ арестовывать, онъ поэтому и не сдѣлаетъ этого). Цабель мнѣ отвѣчаетъ, что недостаточно юридически свѣдущъ, чтобы провѣрить мои доказательства и чтобы быть убѣжденнымъ въ ихъ правильности. Въ виду этого онъ долженъ отклонить мое предложеніе.

Между тѣмъ за это время ко мнѣ случайно заглянулъ редакторъ «d. Preussischen Gerichtszeitung». Я ему сообщилъ, что я

выступилъ противъ него и прочелъ ему письмо. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что я его совершенно опровергнулъ и убѣдилъ, и что онъ перепечатаетъ это письмо изъ «Nationalzeitung» и присоединится къ нему.

Я написалъ тогда это Цабелю, чтобы придать ему мужество и приложилъ опять письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ я опровергнулъ другой приведенный имъ доводъ: бѣглецовъ — писалъ онъ — это заставило бы воздержаться отъ возвращенія, что было бы жаль; они, молъ, должны раньше явиться, и тогда этимъ самымъ выяснится, что долженъ быть изданъ законъ. Я его просто спрашиваю: не желаетъ ли онъ доказать эту необходимость непремѣнно на спинахъ бѣглецовъ и не лучше ли это сдѣлать заранѣе.

Цабель на это молчитъ.

Но вечеромъ появляется вечернее изданіе «Nationalzeitung», и хотя она *не* приводитъ письма, но помѣщаетъ передовую статью, въ которой Цабель дѣлаетъ содержаніе моего письма *своей* духовной собственностью. Тезисы, ходъ доказательствъ, обоснованія, короче говоря, все полнѣйшій плагіатъ *по существу* и при томъ настолько неудачный по формѣ, что онъ приводитъ его даже, какъ критику «Preussischen Gerichtszeitung» (редакторъ послѣдней городской судья Girsemenzel; эту газету не слѣдуетъ смѣшивать съ другими просто «Gerichtszeitungen»). Само собой понятно, что онъ привелъ лишь *юридическую* сторону аргументаціи, политическую основу послѣдней въ моемъ письмѣ онъ *отбрасываетъ*, утаиваетъ и *портитъ* письмо. Всю остроту и силу юридической аргументаціи онъ также совершенно ослабилъ своимъ голымъ резюмированіемъ.

А на слѣдующей день я получаю мое письмо обратно съ рѣшительнымъ отказомъ Цабеля его помѣстить.

Я написалъ послѣ этого письмо въ «Volkszeitung», въ которомъ я описываю ходъ дѣла, доказываю плагіатъ и прошу напечатать оба письма: письмо объ амнистіи и письмо о плагіатѣ.

«Volkszeitung» отказываетъ мнѣ въ напечатаніи *обоихъ* писемъ. И вотъ я думаю написать брошюру — другого средства у меня нѣтъ — подъ заглавіемъ: «Амнистія, Берлинская демократическая пресса, господинъ Цабель и духовная собственность, разносторонній исторически-характерный анекдотъ, разсказанный Ф. Лассалемъ» съ эпиграфомъ Кальдерона:

Какъ писатель ее писалъ,
Но не какъ воръ ее печаталъ... *)

Я думаю дать въ ней выходъ долго сдерживаемой желчи и полный просторъ веселому задору при характеристикѣ всего этого свинства здѣшнихъ демократничающихъ газетъ. Но Брокгаузъ сидитъ у меня теперь на шеѣ. Изъ перваго тома моего сочиненія напечатаны уже 26 листовъ, еще 6 - 7 и начнется печатаніе второго тома; но рукопись здѣсь еще не готова. Между тѣмъ эта исторія легко мнѣ можетъ стоить двухъ или трехъ недѣль, такъ какъ хорошо знаешь, когда приступаешь къ характеристикѣ, но не знаешь, когда можно-съ такой компаніей ее кончить. Но у меня абсолютно нѣтъ столько времени. Я не знаю, поэтому, напишу ли ее. Было бы очень жаль, если бы я это оставилъ, такъ какъ я хотѣлъ утереть носъ этой кликѣ и имѣть зрителей на моей сторонѣ.

Во всякомъ случаѣ я пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы окончательно порвать съ Дункеромъ, конечно, знакомство, такъ какъ ничего другого между нами не было. Я пользуюсь этимъ поводомъ, говорю я, такъ какъ это скорѣе является для меня желаннымъ случаемъ, чѣмъ основаніемъ. Уже давно дѣло дошло до того, что я вижу необходимость этого; нѣтъ никакой возможности стоять въ какомъ-либо отношеніи къ этой малодушной кликѣ, и я воспользуюсь такимъ образомъ этимъ, чтобы порвать съ нимъ всякія сношенія, что бы я давно уже сдѣлалъ, не будь я отъ природы добродушенъ. Извини, что я удерживаю твоего перваго Эйхгофа и удержалъ второго 10—12 дней. Моя болѣзнь причина всему. Мнѣ *вовсе* не лучше. Меня *очень* огорчаетъ то, что ты пишешь о своемъ воспаленіи печени. Сообщи мнѣ скорѣе подробно объ этомъ или пусть твоя жена напишетъ подробнѣе, если она въ состояніи, а ты занятъ. Можетъ быть я еще обращусь къ твоему манчестерскому генію.

Твой Ф. Лассаль.

Книга Дарвина мнѣ не попадалась, *сообщи* пожалуйста, *мнѣ точное* заглавіе.

P. S. *Я еще разъ* спрашиваю тебя: 1) сколько нужно капитала, чтобы основать здѣсь газету? 2) кто изъ прежнихъ редакторовъ «Der Neuen Rheinishen Zeitung» могъ бы вернуться сюда для такой цѣли?

---

*) Wie sie der Verfasser schrieb,
Nicht wie siè der Diebstahl druckte.

66.

Дорогой другъ!

Я долженъ, наконецъ, дать тебѣ подробный отчетъ.

Ты знаешь, что мы въ твоемъ присутствіи оба исходили изъ предположенія, что благодаря амнистіи будутъ возстановлены гражданскія права, утерянныя вслѣдствіе вынужденнаго десятилѣтняго отсутствія—потому что вѣдь никогда нельзя предугадать *всего* вѣроломства прусскаго правительства. Мы надѣялись на это такъ сильно, что нашли нужнымъ именно изъ тактическихъ соображеній оставить это въ письмахъ къ Цедлицу подъ сомнѣніемъ, чтобы такимъ образомъ устранить спеціальныя затрудненія въ нашемъ дѣлѣ. При томъ предположеніи я имѣлъ и могъ имѣть основательную надежду, что мнѣ удастся справиться со спеціальной заковыкой въ твоемъ дѣлѣ.

Но вскорѣ послѣ твоего отъѣзда наступили два обстоятельства, которыя совершенно лишили мои разсчеты всякаго основанія. Во-первыхъ, приговоръ по дѣлу Штейна, который былъ отрицательный и прямо противоположный тому, что ему прочелъ въ черновомъ видѣ Беркенфельдъ. Здѣсь былъ выставленъ принципъ, что и всѣ бѣглецы, пребывающіе въ отсутствіи 10 лѣтъ, разсматриваются, какъ иностранцы. Это былъ смертельный ударъ моимъ надеждамъ. Если правительство заходило такъ далеко въ толкованіи амнистіи, то этимъ самымъ мои надежды терпѣли крушеніе и всѣ мои разсчеты разсыпались въ прахъ. Къ этому присоединилось и то, что, какъ это скоро выяснилось, Р. сталъ лишь «тѣнью Маріи» и, самъ сильно преслѣдуемый, временно потерялъ всякое вліяніе.

Такимъ-то образомъ я въ концѣ апрѣля получилъ отъ Цедлица резолюцію на твое прошеніе о натурализаціи, что оно не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ для этого недостаетъ «условій закона 31 декабря 1842 г». Я устремился къ Цедлицу взбѣшенный, какъ я уже давно себя не помню! Эту сцену, достойную боговъ, я когда-нибудь тебѣ опишу въ личномъ разговорѣ. Дошло до того, что Цедлицъ бросился къ двери, ведущей въ бюро, скорѣе толкнулъ ее, чѣмъ открылъ, и *позвалъ на помощь* тайнаго совѣтника Лидемана! Однако и Лидеманъ очень скоро почувствовалъ себя неуютно и исчезъ, воспользовавшись первымъ попавшимся моментомъ. Сцена съ Цедлицомъ продолжалась часъ. Она шла отъ фортиссимо къ болѣе умѣреннымъ тонамъ и въ концѣ концовъ

кончилась ничѣмъ. Я показалъ Цедлицу, что *всѣ* условія закона 31 декабря 42 г. вполнѣ выполненны въ твоемъ дѣлѣ и что въ крайнемъ случаѣ онъ могъ бы свое то положеніе пристегнуть лишь къ № 2 § 7: «порочному образу жизни». Цедлицъ тотчасъ же согласился со мной, что это и было его единственнымъ и истиннымъ основаніемъ, что онъ эту порочность видитъ въ твоемъ образѣ мыслей, который является *республиканскимъ или по меньшей мѣрѣ не роялистическимъ*, что онъ *неуклонно* рѣшилъ не натурализовать никого, кто держится еще такого образа мыслей, и что онъ и для тебя не можетъ сдѣлать исключенія. Я разсказалъ тотчасъ же Штейну и др., что Цедлицъ отказалъ тебѣ въ натурализаціи изъ-за «политической неблагонадежности». Два дня спустя я поѣхалъ въ Бреславль, гдѣ я пробылъ три недѣли. Когда я около 20 мая опять вернулся, то я нашелъ здѣсь слѣдующія двѣ новости: 1) Штейнъ сообщилъ въ различныя газеты о твоемъ дѣлѣ въ связи съ политической благонадежностью, что было перепечатано и другими газетами; выходило такъ, какъ будто бы Цедлицъ въ самомъ указѣ привелъ политическую благонадежность, какъ помѣху. 2) Гирземенцель, вслѣдствіе отрицательнаго постановленія по дѣлу Штейна, агитировалъ насчетъ интерпелляціи въ камерѣ. Депутатъ Зенфтъ согласился на это и благодаря тому газетному сообщенію придалъ интерпелляціи другое направленіе: не намѣревается ли правительство при принятіи рѣшенія, что право гражданства теряется при десятилѣтнемъ отсутствіи, противопоставлять получившимъ амнистію неблагонадежность въ смыслѣ закона 31 декабря 42 г. въ томъ случаѣ, когда они желаютъ натурализироваться.

Эта интерпелляція должна была быть сдѣлана на другой день послѣ моего возвращенія. Сообщеніе объ этомъ вызвало во мнѣ цѣлый рядъ смѣшанныхъ чувствъ, и подѣйствовало скорѣе непріятно, чѣмъ пріятно. Если интерпелляція будетъ сдѣлана въ *энергичной* формѣ, то было ясно, что она можетъ имѣть очень хорошее вліяніе. Если же при этомъ не будетъ сказано того, что необходимо сказать, если дѣло будетъ вести обыкновеннымъ безвкуснымъ камернымъ способомъ, что легко предположить, то это только мнѣ *повредитъ*. Ибо, какъ ни затруднительно было мое положеніе, въ моихъ рукахъ все же еще были большія средства. Я могъ въ не подлежащей никакому сомнѣнію юридической формѣ доказать, что амнистіей eo ipso возстановляется право гражданства и что если даже это и *не* имѣетъ мѣсто, всякій, кто по-

добно тебѣ желаетъ натурализаціи, какъ результата амнистіи, *имѣетъ пріобрѣтенное . раво* на натурализацію; что политической неблагонадежности вовсе не существуетъ; что если она существуетъ, то она-то и подлежитъ амнистіи и, наконецъ, что «порочный образъ жизни», о которомъ говоритъ законъ 31 декабря 42 г., относится лишь къ частной жизни и не имѣетъ ничего общаго съ политической неблагонадежностью, которой во всякомъ случаѣ *тогда* еще вовсе не существовало, а была открыта лишь въ 1847 г. Я рѣшилъ подать, въ качествѣ жалобы, министру внутреннихъ дѣлъ одно non plus ultra, исполненное *пламенной* энергіи и юридической тонкости, доказать въ немъ всю ложь и жалкую измѣну въ такой рѣшительной и уничтожающей формѣ, что Швéронъ *можетъ быть* все-таки побоялся бы его опубликованія. Отношенія, въ которыя я вступилъ благодаря своей книгѣ о правѣ, и тѣ письма, которыя я получилъ по поводу нея, позволяли мнѣ *допустить возможность*, что *можетъ быть* удастся склонить оберъ-призидента палаты Борнемана, профессора Гнейста, а вмѣстѣ съ *ними* и многихъ другихъ судей и профессоровъ-юристовъ, подписать особое юридическое *мнѣніе*, которое я хотѣлъ приложить къ моей запискѣ къ Шверину, чтобы нагнать на него такимъ образомъ еще больше страху и уваженія къ послѣдствіямъ такого опубликованія и пр.

Я не утверждаю безусловно, что это навѣрное помогло бы, что я могъ бы осуществить это особое мнѣніе. Но это вѣдь было *возможно* и я отдался бы съ головой этому дѣлу, пустилъ бы въ ходъ *все*, и тогда это дѣло стало бы для Шверина неудобнымъ.

Но разъ дѣло доводится до камеры въ жалкомъ и неудачнымъ видѣ, то ясно, что оно этимъ можетъ быть только *испорчено*, ясно, что если министры найдутъ мужество дать въ камерѣ объясненіе противъ насъ, то ничто въ мірѣ не въ силахъ будетъ сдвинуть ихъ съ этого положенія. Я сдѣлалъ тогда еще все, что могъ, побѣжалъ къ Вальдеку, тайному оберъ-юстицрату Фридбергу, и находился въ день интерпелляціи вмѣстѣ съ моимъ кузеномъ Юліусомъ въ камерѣ. То, что я предчувствовалъ, совершилось, интерпелляція была самая *жалкая* и *отвратительная* сцена, какую я когда-либо переживалъ. Извѣстное тебѣ тебѣ заявленіе министра юстиціи Бернута, которая предоставляетъ чинамъ администраціи констатировать порочность въ *индивидуальныхъ случаяхъ* тамъ, гдѣ они находятъ это нужнымъ, было встрѣчено въ ка-

мерѣ живыми аплодисментами—я долженъ былъ силою сдерживать себя, чтобы не бросить этимъ господамъ чернильницу въ голову; чтобы скорѣе отдѣлаться отъ этого искушенія, я поспѣшно бѣжалъ изъ этого нечистаго мѣста, стряхивая прахъ отъ своихъ ногъ.

Благодаря этой—интерпелляціи дѣло было *основательно* испорчено, и путемъ угрозъ ничего нельзя было уже подѣлать. Оставалось еще попробовать дѣйствовать добромъ.

Я послѣ этого имѣлъ два разговора съ Цедлицомъ. Но онъ стоялъ на своемъ: *онъ*, по *своей* волѣ, не натурализируетъ *никого*, кто не имѣетъ роялистическаго образа мыслей. Поскольку дѣло идетъ объ отдѣльномъ случаѣ, онъ вообще не былъ бы несговорчивъ и уступилъ бы. Но тогда будетъ прецедентъ, на который всѣ смогутъ ссылаться.

Единственный компромиссъ, котораго я отъ него добился, это тотъ, что онъ уполномочилъ меня сказать министру: его единственнымъ основаніемъ для отказа тебѣ въ натурализаціи является только то, что ты республиканскаго или по меньшей мѣрѣ не роялистическаго образа мыслей, и что онъ обязуется *честнымъ словомъ*, что если его потребуетъ министръ къ докладу вслѣдствіе жалобы, то онъ «опредѣленно выставитъ только это, какъ его единственное основаніе для отказа».

Я заставилъ его неоднократно повторить твердо это обѣщаніе, такъ какъ при тѣхъ *обстоятельствахъ* это мнѣ казалось еще лучшей почвой, чтобы добиться чего-нибудь у Шверина.

Но прежде чѣмъ ему написать, я хотѣлъ съ нимъ поговорить. Я ѣздилъ къ нему разъ десять, но не заставалъ. За это время произошла перемѣна въ президентствѣ. Винтеръ становится комисаръ-президентомъ. Я рѣшаю еще разъ попытаться добиться чего-нибудь у Винтера, но не письменно, чтобы не вводить новыхъ фактовъ въ дѣло, а только личными переговорами. Ѣду сто разъ къ нему и напрасно. Онъ обѣщаетъ мнѣ просмотрѣть дѣло и обсудить его. Черезъ восемь дней я еще разъ являюсь, и вотъ онъ наконецъ пришелъ къ остроумному рѣшенію, что онъ не можетъ измѣнить постановленія Цедлица.

Тогда я ѣду къ Шверину и застаю его наконецъ. Это опять-таки была сцена, достойная боговъ, которую я тебѣ долженъ разсказать при встрѣчѣ. Результатъ тотъ, что Шверинъ обѣщаетъ мнѣ *передать дѣло магистрату*. Если онъ *сдержитъ* это обѣщаніе, то дѣло выиграно, такъ какъ магистратъ

никогда ничего не будетъ имѣть противъ этого, и въ самой передачѣ кроется уже согласіе правительства.

Но я долженъ сказать, что я *не* вѣрю въ то, чтобы Шверинъ выполнилъ свое обѣщаніе: другіе бы широко воспользовались этимъ.

Nous verrons. Такова судьба этого дѣла. Съ паспортомъ ты во всякомъ случаѣ можешь пріѣхать, и это хорошо повліяетъ на твою натурализацію, если она до тѣхъ поръ не будетъ еще рѣшена.

NB. Само собой понятно, что нѣсколько дней тому назадъ я подалъ Шверину письменное заявленіе, возстановляя сказанное въ разговорѣ. Само собой понятно, что я на это не скоро получу отвѣтъ.

Брокгаузу я писалъ, сдѣлалъ ему предложеніе, развилъ передъ нимъ успѣхъ книги благодаря твоей политико-экономической авторитетности, и изъ глубины души превознесъ тебя до небесъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предчувствуя его колебанія, я сдѣлалъ ему отъ себя предложеніе, что твоя книга выйдетъ подъ *самостоятельнымъ* заглавіемъ, а не какъ второе изданіе. Однако я получилъ отъ него прилагаемое при семъ отрицательное письмо. Нѣкоторое время спустя проѣздомъ меня случайно посѣтилъ Брокгаузъ. Случайно же въ этотъ день у меня былъ какъ разъ *большой* обѣдъ, довольно блестящее общество, понятно также и Людмила.

Я приглашаю Брокгауза, онъ является и здѣсь я сажу ему на шею Людмилу, съ которой онъ, конечно, долженъ больше считаться, чѣмъ со мной. Онъ тогда подходитъ ко мнѣ, мы снова говоримъ съ нимъ насчетъ дѣла и онъ обѣщаетъ сдѣлать все возможное, однако онъ долженъ раньше получить рукопись, не будучи однако *связанъ* тѣмъ, что онъ ее долженъ взять. Онъ долженъ разсмотрѣть ее съ издательской точки зрѣнія, *надѣется* однако и пр.

Пошли ему, слѣдовательно, рукопись, сославшись просто на данное имъ мнѣ «обѣщаніе». Его адресъ: F. A. Brockhaus, Leipzig.

Насчетъ дѣла Бланки графиня тебѣ сообщила. Еще до ея возвращенія въ Берлинъ я поручилъ это одному моему новому знакомому, газетному корреспонденту, Д-ру Ольденбергу («Magdeburg'sche» и «Weserzeitung»; на половину инспирированный человѣкъ). Онъ обѣщалъ и утверждалъ послѣ, что и послалъ туда статью. Когда графиня вернулась, она сейчасъ же пустила въ

ходъ Штейна и Людмилу. Послѣдняя написала въ итальянскія газеты, Штейнъ въ «Deutsche Allgemeine Zeitung» и въ «Neue Frankfurter Zeitung». Изъ «Deutsche Allgemeine Zeitung» оно—совершенно подробное описаніе—перешло въ *очень* многія другія газеты, между прочимъ и въ «Volkszeitung».

Твоя манера читать мое произведеніе мнѣ прямо-таки досадна! Если я пишу такой трудъ, то я это дѣлаю лучшей кровью своего сердца и сокомъ моихъ нервовъ и au fond и въ послѣдней инстанціи дѣлаю я это лишь для очень немногихъ. Ибо многіе могутъ его понять и использовать. Но вполнѣ понять его въ его *внутренней связи* могутъ лишь очень немногіе. Отъ этихъ немногихъ можно было бы, кажется, ожидать, что они-то и будутъ читать это произведеніе, написанное съ такими большими усиліями, именно въ томъ порядкѣ развитія въ немъ мыслей, въ какомъ это сдѣлалъ авторъ. Правда, вѣрно, что ты потому находишь все остальное во второмъ томѣ лучше и проницательнѣе, что ты раньше читалъ пеласгійскую главу. Но *сама пеласгійская глава* безъ предыдущаго содержанія второго тома, въ особенности безъ знакомства съ моимъ разборомъ права наслѣдованія безъ завѣщанія и usucapio pro herede, можетъ быть *понята лишь въ общихъ чертахъ*. Болѣе же *тонкія* отношенія и замѣчанія въ пеласгійской главѣ остаются частью мертвыми и непонятными, если не читать предварительно всего другого, частью же покажутся фантастическими и произвольными. А эти-то пункты отчасти и являются какъ разъ самыми важными, хотя и лишь кратко намѣченными. Изъ того, что ты перевернулъ весь порядокъ изложенія, вытекаетъ для тебя, такимъ образомъ, *обязательство* прочесть пеласгійскую главу *еще разъ* послѣ того, какъ ты прочтешь все остальное содержаніе перваго (второго) тома. И какъ можешь ты, далѣе, читать второй томъ раньше перваго? Вѣдь тогда все произведеніе принимаетъ *неправильный* видъ, оно кажется лишь самостоятельнымъ изслѣдованіемъ наслѣдственнаго права, этой спеціальной области, а вся систематика и *систематическая идея всего цѣлаго* пропадаетъ.

Это съ твоей стороны тѣмъ болѣе несправедливо, что ты мнѣ обѣщалъ внимательно прочесть все по порядку отъ доски до доски.

На этихъ дняхъ мы уѣзжаемъ; куда, мы еще опредѣленно не знаемъ, я однако не отсылаю еще письма, чтобы отмѣтить это еще въ концѣ.

A propos, когда ты говоришь, что свобода завѣщанія ведетъ свое начало въ Англіи только со времени буржуазной революціи 1688 г. и развивалась въ Англіи въ такой же степени, въ какой и «буржуазное имущество», что, повидимому, «значитъ» завѣщаніе, независимо отъ его специфически римскаго происхожденія и пр., является представленіемъ (delusion), которое и въ буржуазномъ обществѣ должно имѣть самостоятельный, независимый отъ миѳологіи и пр. корень—то это отчасти или, скорѣе, въ извѣстной степени *совершенно вѣрно*, и поскольку это такъ и есть, оно вмѣсто того, чтобы противорѣчить моему взгляду, скорѣе безусловно *согласуется* съ нимъ, въ чемъ ты достаточно убѣдишься изъ моей главы о германскомъ *наслѣдственномъ* правѣ.

Англійское развитіе, которое вводитъ свободу завѣщанія лишь въ 1688 г., *нисколько не* является въ этомъ отношеніи *аномальнымъ*. Ибо, если германскія народности и восприняли *право* завѣщанія уже гораздо раньше изъ римскаго права, то я на основаніи Цазіуса и др. показалъ въ своемъ «германскомъ наслѣдственномъ правѣ», что *до средины XVI столѣтія* завѣщаніе *рѣшительно не было въ ходу* у *сословія горожанъ* (у дворянъ же оно имѣетъ совершенно другое значеніе и другую цѣль, связанныя со старой автономіей и старымъ правомъ наслѣдованія не по завѣщанію). Такимъ образомъ и въ Германіи тестаментъ *вводится на практикѣ* приблизительно къ этому же времени. Тамъ я также указалъ, почему завѣщаніе по римскому праву могло и должно было открыть себѣ входъ къ германскимъ народностямъ. Онѣ приняли его потому, что оно по своему смыслу льстило *индивидуальной* независимости *и* потому, что онѣ римскій тестаментъ—неправильно ими понятый—считали правомъ *распоряжаться имуществомъ*, т. е. *тѣмъ*, въ качествѣ чего онѣ могли имъ пользоваться.

Совершенно, значитъ, ясно, что вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ буржуазіи,—благодаря чему примитивный индивидуалистическій *образъ мыслей* франковъ, бургундовъ и проч. впервые сталъ дѣйствительнымъ *развитымъ индивидуализмомъ*, благодаря чему, далѣе, индивидуализмъ изъ простой природной наклонности становится реализованнымъ экономическимъ міровымъ состояніемъ и *идеей вѣка*,—ясно, что завѣщаніе тѣмъ болѣе и тѣмъ легче воспринимается и вносится изъ римскаго права,—причемъ всегда въ превратномъ видѣ. Это происходитъ въ одинаковой степени и у англичанъ введеніемъ *права*, и у германскихъ

племенъ введеніемъ *въ употребленіе* уже раньше введеннаго права, противъ котораго до тѣхъ поръ все еще возставала народная сущность.

Однако то, что экономическое развитіе буржуазіи само по себѣ могло бы открыть *завѣщаніе, какъ распоряженіе имуществомъ* и открыло бы, — если бы оно не находилось уже въ римскомъ правѣ и не казалось бы и здѣсь ошибочно правомъ распоряженія имуществомъ—*для этого* нѣтъ *никакихъ* историческихъ доказательствъ; *этого* ты не будешь утверждать, *это отрицаю* я.

Создать институтъ, какъ завѣщаніе, или его *воспринять* (и при томъ ошибочно воспринять), потому что онъ кажется адэкватнымъ, это, само собой разумѣется, вещи различныя.

Что и англичане свое завѣщаніе все-таки взяли изъ *римскаго права* и ошибочно копировали его,—этого ты не станешь отрицать. Римское право имѣло то или другое вліяніе на *весь* міръ. Если ты это сталъ бы отрицать, то я готовъ изучить англійское право и *доказать* тебѣ и то, и другое: заимствованіе и происходившее при этомъ ошибочное пониманіе—точно также, какъ и въ другомъ германскомъ правѣ.

Впрочемъ то, что имущество лишь въ новѣйшее время стало *индивидуальной* собственностью въ полномъ соотвѣтствіи съ экономическимъ буржуазнымъ индивидуализмомъ и его развитіемъ, *это* какъ разъ я показалъ кратко, но достаточно, въ концѣ своего «германскаго наслѣдственнаго права»; я это сдѣлалъ въ связи съ доказательствомъ, что теперь только наслѣдованіе не по завѣщанію стало у насъ *государственнымъ институтомъ*, т. е. регулированіемъ наслѣдства въ *интересахъ общества.*

Мы уѣзжаемъ слѣдовательно:

1) на четыре недѣли въ Soden около Франкфурта на Майнѣ (адресъ Ф. Лассалю, курортъ Soden bei Frankfurt a M., poste restante). Мы уѣзжаемъ въ четвергъ.

2) Оттуда на четыре недѣли въ Ragatz или Wildbad,

3) оттуда на нѣсколько недѣль на Comersee и

4) оттуда, можетъ быть, въ Италію

Графиня каждый день хотѣла тебѣ написать, но все занята приготовленіями къ отъѣзду. Она кланяется сердечно тебѣ и твоей семьѣ.

Твой Ф. Лассаль.

Понедѣльникъ 1 іюля.

67.

Дорогой Марксъ!

Прежде всего огражу себя отъ недоразумѣній и окончательно исчерпаю нашъ споръ.

Ты говоришь: изъ того, что у насъ завѣщаніе происходитъ изъ ошибочнаго пониманія римскаго testament'а, еще не слѣдуетъ, что оно является ничѣмъ инымъ, какъ только ошибочно понятымъ завѣщаніемъ по римскому праву. Ты, значитъ, думаешь, что наше завѣщаніе, хотя и возникло изъ римскаго и по недоразумѣнію, но все-таки является чѣмъ-то, намъ, т. е. *этому* народу или духу времени *свойственнымъ* и *собственнымъ*.

Это не только и мой взглядъ, но и *въ высшей степени* мой взглядъ. Народъ при своемъ выполненіи и осуществленіи можетъ осуществить именно только *самого себя*.

Ошибочное пониманіе у него означаетъ только: некритическое *перенесеніе самого себя* въ другую эпоху, въ другую общественную форму. Всякое такое недоразумѣніе является, слѣдовательно, несомнѣннымъ осуществленіемъ своего собственнаго я. Эти положенія являются необходимыми выводами изъ всего моего основного взгляда, и мнѣ поэтому *меньше всего* приходитъ въ голову противорѣчить ему при завѣщаніи. Они остаются неизмѣнными и безъ того совершенно вѣрнаго примѣра, который ты приводишь на счетъ ошибочнаго пониманія Аристотеля французской драматургіей.

Но это не только по необходимости мой взглядъ, но я его, правда, кратко, но все же убѣдительно высказалъ въ книгѣ. Я не могу цитировить страницы, такъ какъ у меня нѣтъ книги подъ рукой, но это особенно въ «германскомъ наслѣдственномъ правѣ»; тамъ я разбираю это недоразумѣніе и самымъ сильнымъ образомъ подчеркиваю, что здѣсь опять ясно обнаруживается, какъ нація, даже когда она думаетъ, что присвоиваетъ чужое, на дѣлѣ этого вовсе не *можетъ* сдѣлать, но всегда осуществляетъ *другое* и вполнѣ *собственное*, совершенно противоположное фиктивно лишь принятому. Я при томъ выставляю это, какъ совершенно общее положеніе, которое сохраняетъ свою силу и при завѣщаніи. И между строкъ я имѣлъ при этомъ очень живо въ виду какъ разъ приводимый тобой примѣръ англійскаго конституціонализма, и я бы съ большимъ удовольствіемъ выступилъ бы непосредственно въ данномъ вопросѣ противъ нашего Гнейста и пр. Но характеръ

ого труда не позволялъ мнѣ этого, и я утѣшалъ себя тѣмъ, что отъ примѣръ достаточно ясно стоитъ и между строкъ при выавленномъ мною общемъ положеніи и при примѣненіи послѣдняго къ вѣщанію, такъ что онъ сейчасъ же бросится въ глаза читателю, го ты въ дѣйствительности и подтверждаешь.

Да и вообще я неоднократно въ заключеніи о римскомъ наѣдственномъ правѣ, точно также и въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, бращалъ вниманіе на то, что завѣщаніе по германскому праву иѣетъ совершенно *другое значеніе,* чѣмъ завѣщаніе по римскому. аконецъ, я это другое значеніе развилъ *положительно* въ германскомъ наслѣдственномъ правѣ» и показалъ, какъ завѣщаіе по *германскому* праву представляетъ собой *лишь распоряженіе имуществомъ или вещами* и скорѣе допускаетъ аналогію только съ *легатомъ* въ завѣщаніи по римскому праву, но никоимъ образомъ не съ самымъ римскимъ testament'омъ, съ которымъ оно, несмотря на все внѣшнее сходство по формѣ, совершенно не *сравнимо* по своей сущности и значенію.

Если такимъ образомъ это является нашимъ общимъ взглядомъ, — то въ чемъ же лежитъ наше различіе? Оно выдѣляется яснѣе всего въ тезисѣ моего прошлаго письма: что *безъ* завѣщанія по римскому праву германскія народности, а также и періодъ индивидуализма и свободной конкурренціи, не могли бы вовсе *создать* никакого *завѣщанія.*

На это ты отвѣчаешь двояко:

1) Этотъ вопросъ кажется тебѣ безразличнымъ. Но онъ, какъ сейчасъ выяснится, вовсе не таковъ, какъ кажется.

2) Ты отвѣчаешь на этотъ вопросъ противоположнымъ вопросомъ. Ты пишешь: «Если бы я поставилъ вопросъ иначе, ну хоть бы такъ: не *могли* бы легаты сами по себѣ, безъ поддержки Рима, возникнуть изъ буржуазнаго общества»?

Въ этомъ вопросѣ, который какъ разъ лучше всего приведетъ къ концу наши разногласія, заключается уже вслѣдствіе случайной невнимательности съ твоей стороны, заранѣе ошибочное пониманіе или petitio principii.

Легатъ есть именно *такое* распоряженіе имуществомъ, которое становится *связующимъ,* не *отмѣняемымъ лишь послѣ смерти;* т. е. такая воля умершаго, которая лишь послѣ его смерти вступаетъ вообще въ контактъ съ правовой дѣйствительностью, т. е. *распоряженіе,* которое имѣетъ силу лишь послѣ смерти.

Но, чтобы имѣть возможность оказывать такое дѣйствіе—такъ

какъ то, что мертвый еще можетъ желать, идетъ въ разрѣзъ со всякимъ jus naturale, со всякимъ естественнымъ правовымъ взглядомъ,—для этого-то вѣдь предварительно и *необходимо продолженіе* существованія *оставляющей наслѣдство воли*, т. е. *вся римская идея завѣщанія. Здѣсь* субъективность воли сохраняется въ наслѣдникѣ, и здѣсь поэтому *можетъ дѣйствовать легатъ*. Поэтому-то, какъ я часто въ этомъ и въ другихъ случаяхъ разъяснялъ, съ прекращеніемъ римскаго наслѣдственнаго права падаютъ и легаты. Поэтому-то римлянинъ и опредѣляетъ, что легатъ это—quod ab herede relictum est. Безъ *завѣщанія* и наслѣдованія по завѣщанію нѣтъ такимъ образомъ мѣста и легату.

О легатѣ можетъ слѣдовательно идти рѣчь только тогда, когда *римская идея завѣщанія* является уже предпосылкой, значитъ или при *римскомъ правѣ, или* когда, *вслѣдствіе* ошибочнаго знакомства съ римскомъ правомъ и авторитета его, народности начали принимать это идущее въ разрѣзъ со всякимъ jus naturale право распоряженія уже *за естественное право индивидуума* (такъ греки и пр.).

Въ дѣйствительности вѣдь легатъ, т. е. то, что воля умершаго можетъ стать *правовой волей лишь послѣ* смерти, *лишь тогда* можетъ распоряжаться и дѣйствовать, является на столько невозможнымъ и противоестественнымъ, что римляне сами это хорошо и даже превосходно видѣли; они именно поэтому пользуются всѣмъ обширнымъ *аппаратомъ искусственнаго сохраненія дѣйствія воли* (testamentum per aes et libram etc), чтобы *имѣть возможность* дать силу легату.

Совершенно отличнымъ отъ *легата* является, напротивъ того, *дареніе*, также и *на случай смерти*. И въ послѣднемъ случаѣ конститутивное юридическое различіе отъ завѣщанія состоитъ все же въ томъ, что при первомъ всегда *собственность немедленно* переходитъ къ одаряемому, если даже пользованіе подареннымъ сохраняется до смерти или опредѣляется лишь соучастіе въ имуществѣ etc., такъ что воля всегда *немедленно вступаетъ въ правовыя отношенія*. Это, какъ я подчеркнулъ въ книгѣ, одинаково имѣетъ мѣсто какъ по римскому, такъ и по германскому праву. Praesens praesenti dat говоритъ Марцеллъ также по поводу даренія на случай смерти etc.

Предположимъ теперь, послѣ этихъ предварительныхъ посылокъ, невозможный случай, что вовсе не было бы римскаго права

и спросимъ: какое вліяніе могъ бы оказать тогда въ этомъ отношеніи періодъ свободной конкуренціи у германскихъ народностей.

Несмотря на извращенный характеръ такихъ гипотезъ, на этотъ вопросъ можно отвѣтить съ большой достовѣрностью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что періодъ свободной конкуреніи разбилъ бы въ дребезги старое германское право наслѣдованія *не по завѣщанію*, если бы оно еще продолжалось до того времени. Этотъ періодъ именно освободилъ у насъ индивидуумъ отъ той неволи, въ которой онъ находился при старомъ правѣ наслѣдованія не по завѣщанію, въ силу котораго и онъ *при жизни* («ahne Erwen gelof») не могъ ничего дарить, ничего (поземельной собственности или наслѣдственнаго имущества) *отчуждать*.

Но этотъ періодъ не могъ бы создать ни *завѣщанія*, ни, что то же самое, *легата*; онъ могъ бы уполномочить индивидуума на безграничное распоряженіе своимъ имуществомъ посредствомъ «передачъ на случай смерти», но при этихъ передачахъ *собственность всегда немедленно переходитъ въ другія руки.*

Доказательствъ въ пользу моего утвержденія главнымъ образомъ четыре:

1. Какъ я, надѣюсь, доказалъ исчерпывающимъ образомъ во всемъ произведеніи, и чего ты навѣрное не станешь оспаривать, а скорѣе въ твоемъ послѣднемъ письмѣ implicite призналъ вполнѣ доказаннымъ, легатъ, т. е. выполненіе воли *послѣ* смерти, идетъ въ разрѣзъ со всякимъ jus naturale, и совершенно contra rationem; оно не пришло бы въ голову никакому народу безъ знакомства съ римскимъ правомъ, и только благодаря ошибочному пониманію римскаго права пріобрѣло значеніе и стало господствующей догмой, между тѣмъ какъ именно хорошо понятое римское право лучше всего показываетъ невозможность распоряженія вещью послѣ смерти (безъ воображаемаго сохраненія воли).

2. Историческій фактъ, что эта «передача на случай смерти»— съ немедленнымъ правовымъ дѣйствіемъ—на дѣлѣ вошла въ право германскихъ народностей, какъ народный институтъ.

3. Доказанный мною въ сочиненіи историческій фактъ, что когда германцы уже восприняли римское право и *желали завѣщать,* они еще долгое время — такъ сильно оставалось это имъ чуждымъ и недоступнымъ—вмѣсто того, чтобы устанавливать легатъ и несмотря на то, что они пользуются выраженіемъ: завѣщаніе, совершаютъ дарственные акты на случай смерти, т. е. они облекаютъ свои распоряженія *немедленной* неотмѣнностью.

4) Наконецъ, тотъ фактъ, что хотя изъ идеи свободной конкуренціи правда и слѣдуетъ, что индивидуумъ долженъ быть абсолютно свободнымъ господиномъ надъ своимъ имуществомъ и можетъ ничѣмъ не связанный предпринимать съ нимъ все, что ему угодно — *при жизни*, — но въ идеѣ свободной конкуренціи нельзя открыть ни одного атома, который бы показывалъ, что индивидуумъ *можетъ желать и послѣ смерти.*

Это возникло исключительно и только вслѣдствіе ошибочнаго пониманія римскаго права у всѣхъ остальныхъ народовъ и пріобрѣтеннаго имъ авторитета, что, конечно, соотвѣтствовало этому времени и направленію.

Если бы англичане или германскіе народы *безъ* римскаго права должны были бы удовольствоваться простымъ устраненіемъ принудительности наслѣдованія не по завѣщанію и совершенно свободной передачей на случай смерти, то это вѣдь нѣчто совершенно другое, и по идеѣ и въ юридическомъ отношеніи, чѣмъ завѣщаніе и легатъ. Но это не только совершенно отличное и по своему понятію и юридически, но столько же и *практически*, ибо на какой чортъ кто-нибудь въ особенности въ періодъ свободной конкуренціи могъ бы совершать эти дарственные акты, такъ какъ эти послѣдніе всегда немедленно дѣлаютъ *голую собственность* переходящей цѣликомъ или частью, и распоряжающійся такимъ образомъ даритъ здѣсь *свое*, въ то время, какъ чрезъ посредство завѣшанія и легата онъ даритъ только вещи, *подлежащія наслѣдству по завѣщанію?* Въ средніе вѣка это было еще скорѣе возможно, чѣмъ теперь. Вѣдь тогда главная цѣнность всякой собственности заключалась въ *пользованіи* ею, а эту можно было удержать исключительно лишь при жизни. Теперь же, когда главная цѣнность собственности заключается какъ разъ въ *распоряженіи* ею и въ ея свойствѣ подвергаться обмѣну и продажѣ, отчужденію, — какой чортъ пользоваться этой свободой дoff дaренія, если только не въ очень исключительныхъ моментахъ?

Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ обнаруживается, что какъ разъ это ошибочное пониманіе сильно поддержало эпоху свободной конкуренціи въ созданіи нѣчто такого, чего бы она *безъ* него *не* могла бы совершить и что *такъ вполнѣ* соотвѣтствуетъ *ей* и удовлетворяетъ ея сердечнымъ потребностямъ—современное завѣщаеніе, этотъ институтъ легата безъ наслѣдниковъ. Это недоразумѣніе оказало ей желательное содѣйствіе въ возможности создать нѣчто такое, что совершенно соотвѣтствуетъ ея аппетитамъ и стре-

мленіямъ и чего бы она-—если бы не было Рима и того недоразумѣнія—никогда изъ самой себя не могла бы *создать*, вслѣдствіе *внутренней невозможности* — вспомни только, что до того времени никогда ничего не слыхали о такомъ актѣ.

Такимъ-то образомъ всѣ такія недоразумѣнія и приходятъ сильно на помощь направленію времени; оно благодаря имъ какъ разъ и осуществляется въ такомъ *чистомъ* видѣ, въ какомъ безъ нихъ оно бы не могло этого сдѣлать,—и развѣ на этомъ не вполнѣ ли очевидно, что и съ переносомъ англійскаго конституціонализма въ наши условія обстоитъ точно также, и что жалкая партія нашихъ готійцевъ и конституціалистовъ далеко не получила бы такого вѣса, и не могла бы такъ долго имѣть въ противовѣсъ намъ столько вліянія на извѣстные народные круги, если бы она не имѣла сильнаго союзника въ превратномъ пониманіи англійской конституціи и авторитета свободы послѣдней?

Ты справедливо говоришь: то, что греки ввели свое завѣщаніе (легатное завѣщаніе) изъ Рима, я не доказалъ, хотя это очень вѣроятно.

Именно потому, что оно едва ли встрѣтитъ возраженіе, я и воздержался отъ доказательства; но я его могъ бы привести.

Мнѣ доставило много искренней радости твое сообщеніе, что чтеніе второго тома доставило тебѣ большое удовольствіе. Если произведеніе изъ такой сухой матеріи — которая вообще впервые была подвергнута попыткѣ такой обработки—если оно могло доставить удовольствіе такому человѣку, какъ ты, то тотъ почти *безумный* трудъ,, который я на него потратилъ, въ чемъ ты могъ убѣдиться, всецѣло оплатился.

Впрочемъ, дѣйствительно ли второй томъ тебѣ ближе, чѣмъ первый, какъ ты это думаешь, это выяснится лишь послѣ прочтенія послѣдняго. Не говоря уже о томъ, что ты въ каждомъ параграфѣ его найдешь вещи, которыя для тебя будутъ представлять особый интересъ и независимо отъ того, что *всѣ* эти параграфы необходимы для пониманія систематической стороны, §§ 7 и 10 *никому* такъ не *близки*, какъ именно тебѣ. Они двѣ главныя основы перваго тома, для систематическаго доказательства которыхъ, въ связи съ § 1, я собственно вначалѣ и рѣшился написать все сочиненіе, какъ я опять-таки рѣшился написать весь второй томъ для систематическаго доказательства § 2 въ первомъ томѣ.

Однако, не достаточно прочесть 13 параграфовъ «теоріи»

перваго тома; я долженъ обратить твое вниманіе и на добавленія, такъ какъ они часто очень большой важности.

Я обращаю такимъ образомъ твое особое вниманіе на комментаріи къ «личному состоянію», представляющіе теоретическій интересъ, на таковые къ «Фидеикомиссу», которые интересны въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи. Глава о прусской конституціи, высшемъ трибуналѣ и конвентѣ тебя позабавитъ. Только оба добавленія на счетъ «аренднаго права» и «продовольственнаго закона» ты можешь оставить безъ прочтенія, такъ какъ они одни лишь написаны сухо юридически и не необходимы для пониманія системы. Комментаріи къ «формально-юридической природѣ завѣщанія» ты, напротивъ того, долженъ во всякомъ случаѣ снова прочесть, такъ какъ они образуютъ необходимое основаніе для всего второго тома.

Если ты, оставаясь вѣрнымъ своему намѣренію, напишешь критику обо всемъ произведеніи, то мнѣ было бы *пріятнѣе* всего, если бы ты написалъ его по-англійски въ «Атенеумъ» и *прислалъ бы* мнѣ одинъ экземпляръ статьи. Я переслалъ бы ее тогда Брокгаузу и позаботился бы о томъ, чтобы онъ перевелъ ее и помѣстилъ въ «Deutsche Allgemeine Zeitung».

Мимоходомъ замѣчу тебѣ еще слѣдующее: Мнѣ было бы очень жаль, если бы ты отклонилъ предложеніе Брокгауза изъ-за условія его прислать раньше рукопись. Это теперь общее требованіе всѣхъ книгоиздателей и особенная привычка Брокгауза, хотя онъ это обыкновенню дѣлаетъ изъ чисто техническихъ основаній (для сужденія объ объемѣ книги и пр.). Мнѣ съ моей рукописью удалось лишь послѣ усиленныхъ стараній въ концѣ концовъ избавиться отъ этого требованія, но это только тѣмъ, что я принужденъ былъ согласиться на ужасныя гонорарныя условія, которыхъ въ другомъ случаѣ мнѣ вовсе не нужно было бы принять. Впрочемъ, *прежде чѣмъ* ты пошлешь рукопись Брокгаузу, *напиши* мнѣ объ этомъ, такъ какъ я тогда одновременнымъ письмами отъ моего имени и Людмилы освѣжу ему память.

Отзывъ, который ты мнѣ недавно далъ о Рэдбертусѣ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, который я тебѣ высказалъ въ Берлинѣ по поводу его книги. Чтеніе моего сочиненія. впрочемъ, лучше всего объяснитъ тебѣ, почему въ послѣднее время всѣ другія научныя области, въ которыхъ я вообще работалъ, покрылись для меня словно пеленой. Въ виду того, что я теперь опять возвращаюсь къ себѣ домой, то эта пелена опять спадетъ.

Благо тебѣ, жувущему въ Лондонѣ, тебѣ, которому не приходится читать скандально-лакейскихъ безтактностей и панегирическихъ статей берлинскихъ «демократическихъ» газетъ! Я имѣю, конечно, въ виду статьи ad vocem Беккера. Графиня, впрочемъ, собираетъ нѣкоторые образцы, чтобы все-таки прислать тебѣ для пробы нѣсколько штукъ изъ нихъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ нея.

Бланки подалъ кассацію. Но кассаціонная палата, конечно, меньше всего отмѣнитъ этотъ позорный приговоръ. По новѣйшимъ газетнымъ извѣстіямъ Бонапартъ отправилъ снова въ тихомолку судно съ 500 ссыльными въ Кайену.

Отсюда мы отправимся на нѣсколько недѣль въ Вильдбадъ, а затѣмъ въ Италію. Не можешь ли ты тогда доставить намъ писемъ къ Гарибальди, Мадзини, къ гарибальдійцамъ и мадзинистамъ въ различныхъ городахъ Италіи? Отъ тебя и другихъ? Ты насъ этимъ очень обяжешь.

Слѣдующее твое письмо адресуй еще сюда, такъ какъ восемь или десять дней мы остаемся еще здѣсь; при томъ письма будутъ намъ пересланы.

Сердечный поклонъ твоей женѣ и дочерямъ.

Твой Ф. Лассаль.

Только что появились „Die Demokratischen Studien". Въ ней дѣйствительно нѣтъ ни одной статьи Фогта. Руге—одна статья. Отъ Шверина до сихъ поръ никакого отвѣта. Это письмо—довольно длинное, old boy, будь такъ добръ и отвѣть мнѣ тоже немного подробно!

Soden. Воскресенье вечеромъ 28 іюля.

Читалъ ли ты рѣчь, которую недавно произнесъ Вирховъ въ національномъ ферейнѣ въ Берлинѣ противъ «дальше идущихъ требованій демократической партіи»? Тогда ты очень ясно увидѣлъ бы, какъ можно быть великимъ въ клѣткѣ и поразительно маленькимъ во всякой исторической жизни. Бюргерсъ также недавно держалъ рѣчь на одномъ собраніи національнаго ферейна въ Gürzenich'ѣ, на которомъ при упоминаніи имени Готскаго герцога «загремѣло на всю залу воодушевленное ура».

Мнѣ очень пріятно, что ты теперь тоже пишешь, что намъ лично нѣтъ никакого дѣла до ближайшихъ выборовъ. Мое мнѣніе было таково, какъ ты знаешь, еще во время твоего пребыванія въ Берлинѣ; и съ тѣхъ поръ я держался его непоколебимо и стойко и не безъ частой борьбы по этому поводу съ доброй гра-

финей и моимъ храбрымъ двоюроднымъ братомъ. Положеніе, которое теперь лишь яснѣе опредѣлятся, можно было уже тогда очень хорошо предусмотрѣть.

68.

[Конецъ августа].

Милый Марксъ!

Почти четыре недѣли прошло, какъ я тебѣ писалъ и я до сихъ поръ все еще безъ отвѣта. 6 сентября мы уѣзжаемъ отсюда въ Цюрихъ. Письма, которыя ты намъ напишешь, застанутъ насъ еще приблизительно въ Цюрихѣ до 12-го; позже они будутъ намъ оттуда пересланы. Если же ты пришлешь намъ итальянскія письма, о которыхъ я тебя просилъ, то во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы они попали намъ въ руки еще въ Цюрихѣ. Дѣло въ томъ, что мы можетъ быть оттуда поѣдемъ въ Венецію раньше, чѣмъ отправимся въ Генуюю. Адресуй, поэтому, письмо въ Wildbad, poste restante, если оно еще можетъ быть здѣсь къ 6-му, что въ дѣйствительности врядъ ли ужъ допустимо; если нѣтъ, то—въ Цюрихъ, poste restante и устрой такъ, чтобы оно было тамъ какъ можно скорѣе.

Кланяйся много разъ твоей женѣ и дочерямъ.

Твой Ф. Л.

69.

Генуя. Hotel d'Italie. 22 ноября.

Дорогой Марксъ!

Это быле между 7 и 10 сентябремъ, когда я получилъ отъ тебя въ Цюрихѣ послѣднее письмо, маленькую записку—ту самую, въ которой ты мнѣ далъ рекомендацію къ Беккеру—и въ которой ты мнѣ писалъ, что ты въ ближайшемъ будущемъ пришлешь подробный отвѣтъ графинѣ и мнѣ. Этого подробнаго отвѣта мы оба все еще ждемъ напрасно, и я бы еще дольше ждалъ, если бы у меня не было сегодня двухъ основаній для писанія.

1) Возвратившись три дня тому назадъ изъ Caprera мы сдѣлали пріятное открытіе, что во время нашего отсутствія 5, 6 писемъ, адресованныхъ сюда на наше имя, были пересланы въ «Gollbach in Bajern». Директоръ почты сначала даже увѣрялъ, что это по моему собственному приказанію!

Bon!

Чортъ знаетъ, получимъ ли мы и когда эти письма обратно! Было ли среди нихъ одно— твое?

2) Вчера пришло прилагаемое при семъ въ копіи письмо Шверина ко мнѣ. Какъ ни мало я надѣялся на нѣчто лучшее, но меня, право же, все-таки возмутила эта скандальная ложь и искаженіе въ его отвѣтѣ. Отсюда нельзя ничего предпринять, дальнѣйшее въ Берлинѣ.

Моя итальянская поѣздка была для меня очень поучительной. Я познакомился почти со всѣми руководящими личностями въ различныхъ городахъ, которые я посѣтилъ и пр. Мое пребываніе у Гарибальди было *очень* интересно! A propos, ad vocem Беккера! Ты *плохо* освѣдомленъ о его положеніи въ Италіи. Большинство его совсѣмъ не знаютъ. Тѣ, которые его знаютъ, считаютъ его за враля, праздношатающагося, за *шарлатана*: съ Гарибальди онъ не находится *ни въ какихъ отношеніяхъ*, а не въ «интимныхъ». Онъ хорошъ съ Türr'омъ, который является *рѣшительной* наполеоновской креатурой, и которому онъ стоитъ денегъ.

Это къ твоему свѣдѣнію.

Впрочемъ, я съ Беккеромъ не былъ вмѣстѣ ни въ одномъ городѣ, но я и не сдѣлалъ бы, послѣ предыдущаго, никакого употребленія изъ твоего письма къ нему. Ты знаешь, какъ часто намъ приходится за границей ничего другого такъ не остерегаться, какъ своихъ земляковъ!

Напиши мнѣ *скорѣе* poste restante во Флоренцію, куда я надѣюсь отправиться дня черезъ два. По всей вѣроятности я, послѣ четырнадцати-дневнаго пребыванія во Флоренціи, возвращусь опять въ Германію.

Твой Ф. Лассаль.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ первомъ письмѣ этого года споръ по поводу Фогта носитъ уже болѣе миролюбивый характеръ, чѣмъ онъ начался въ первомъ письмѣ прошлаго года. Эйхгофскія брошюры, это—извѣстные полицейскіе силуэты, которые своимъ разоблаченіемъ развращенности полиціи сильно обратили на себя вниманіе, и которые теперь, конечно, когда мы, со времени закона о соціалистахъ, привыкли и къ совершено другимъ размѣрамъ полицейской развращенности, кажутся почти невинными. Что касается приложенной къ

письму печатной „докладной записки въ камеру“, которая, по словамъ Лассаля, должна позабавить Маркса, то она имѣла слѣдующую подкладку.

Записка эта, напечатанная и помѣченная 2 января 61 года, была подана прусской палатѣ депутатовъ подъ заглавіемъ: „Жалоба графини Гатцфельдтъ на незаконное присвоеніе имущества“. Сама жалоба коротка; для своего фактическаго обоснованія она ссылается на прилагаемое обширное посланіе, направленное графиней Гатцфельдтъ 14 декабря 60 г. въ „соединенное собраніе министерствъ“. „Противозаконное нарушеніе правъ собственности“ заключалось въ томъ, что у графини Гатцфельдтъ при судебномъ разборѣ дѣла о разводѣ ея съ мужемъ былъ взятъ гербовый сборъ въ размѣрѣ около 3.000 талеровъ, платить который она, по ея мнѣнію, не должна была, и дѣйствительно не должна была платить. Дѣло это теперь лишено всякаго интереса; но въ высшей степени интересны составленная Лассалемъ жалоба графини, въ особенности записка въ министерство, которая должна была доставить наслажденіе Марксу.

Юридическій танецъ, на который толкаетъ Лассаль честныхъ охранителей закона Патова, Шверина и др. здѣсь трудно описать вкратцѣ; проще дѣло обстоитъ съ тѣми политическими щелчками, которые позволяли себѣ давать такъ называемые либеральные министры, благодаря своей антипринципіальной позиціи. Графиня Гатцфельдтъ уже годъ тому назадъ обращалась къ палатѣ депутатовъ вслѣдствіе причиненной ей несправедливости. На это юридическая комиссія единогласно заявила, что гербовый сборъ въ 3.000 талеровъ былъ взять неправильно, и палата депутатовъ „единогласно передала прошеніе правительству для оказанія содѣйствія“. Болѣе того: министръ финансовъ ф. Патовъ объявилъ, что ничего другого не остается, какъ „преклониться“ передъ юридическимъ рѣшеніемъ комиссіи. Изложивъ это положеніе дѣлъ, графиня въ своей жалобѣ соединенному собранію министерствъ говоритъ: „Всякій, кто имѣлъ наивность вѣрить, что Пруссія дѣйствительно превратилась, благодаря мнимой новой эрѣ, въ правовое государство, долженъ былъ бы клясться этимъ правовымъ рѣшеніемъ дѣла. Но такой довѣрчивый человѣкъ былъ бы очень плохо знакомъ съ глубоко пустившимъ корни бюрократическимъ сопротивленіемъ со стороны административнаго чиновничьяго міра праву и юридическому рѣшенію, какъ и съ безграничной ненавистью его къ камерѣ и ея силѣ! Сопротивленіе, которое тщетно оказывалъ уже въ юридической комиссіи коммисаръ министерства финансовъ, опять подняло свою голову—и все равно, во главѣ ли или на буксирѣ этой ненависти, но, короче говоря, г. фонъ-Патовъ рѣшилъ лучше подчинить право бюрократическому сопротивленію, чѣмъ самому „преклониться“ передъ правомъ. Такимъ-то образомъ я и получилъ отрицательное рѣшеніе г. фонъ-Патова отъ 15 ноября; обоснованіе этого рѣшенія не только еще разъ повторяетъ старые, юридическій комиссіей цѣликомъ отвергнутые, невѣрные доводы, но и само полно такой безсмыслицы, что невозможна никакая болѣе близкая квалификація его. Эта „совершенная безсмыслица“ и обнаруживается далѣе самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Наглость министерства, не считавшагося съ ясно выраженнымъ рѣшеніемъ камеры, графиня Гатцфельдтъ, т. е. Лассаль, бичуетъ слѣдующими словами: „Я могу предоставить это камерамъ рѣшить, насколько онѣ пре-

доставятъ министрамъ право *не* приводитъ въ исполненіе заключеній камеръ и *тѣмъ не менѣе* оставаться у власти. Я могу предоставить моральному чувству страны судить, чего можно ожидать тогда, когда министры конституціонной партіи сами топчутъ постыднѣйшимъ образомъ тотъ самый принципъ, святость котораго они въ качествѣ оппозиціи при правленіи Мантейфеля провозглашали въ своихъ рѣчахъ, тотъ самый принципъ, который они объявляли неприкосновеннымъ палладіумомъ всякаго конституціоннаго образа правленія. Я могу предоставить самому обыкновенному человѣческому разсудку спросить себя, существуетъ ли тогда какое-нибудь различіе между старой и новой эрой, между конституціонной позиціей министерства Мантейфеля и таковой современнаго министерства, такъ какъ на большую свободу игнорированія постановленій камеры никогда не выражалъ притязаній и г. ф.-Мантейфель... Я могу, какъ я уже сказалъ, предоставить это камерѣ рѣшить: одобритъ ли она притязаніе министровъ противодѣйствовать постановленіямъ камеры и тѣмъ не менѣе оставаться у власти при какихъ бы то ни было условіяхъ, или она осудитъ это, какъ противоконституціонное превышеніе власти министровъ и какъ нарушеніе основныхъ принциповъ конституціонализма... Министерства не должны ожидать отъ меня ничего другого, кромѣ того, что я въ случаѣ отклоненія дѣла добьюсь всѣми находящимися въ моемъ распоряженіи средствами окончанія его въ камерѣ и въ обществѣ. Право какъ и долгъ принуждаютъ къ этому... Правового государства можно добиться въ дѣйствительности вообще только тогда, когда и каждый въ отдѣльности всѣми силами, и не взирая ни на что, преслѣдуетъ до полнѣйшей общественной гласности всякое совершенное надъ нимъ противозаконное насиліе и всякій разъ снова апеллируетъ къ общественному правовому сознанію страны. Тамъ же, гдѣ девизъ права постоянно провозглашается программой правительства, и одновременно съ этимъ продолжается и противозаконный произволъ, тамъ вдвойнѣ долгъ каждаго гражданина, мужчины и женщины, обнаруживать и безпощадно преслѣдовать этотъ произволъ, и это съ цѣлью устраненія фактивнаго лишь права". Остается открытымъ, имѣло ли это пламенное посланіе практическій успѣхъ; публично Лассаль это дѣло во всякомъ случаѣ дальше не преслѣдовалъ.

Другой поводъ къ обостреннымъ тяжбамъ съ новой эрой дала амнистія, которую объявилъ императоръ Вильгельмъ, когда вошелъ, въ началѣ этого года, на престолъ. Какое впечатлѣніе произвела эта амнистія на тѣхъ нѣсколькихъ буржуазныхъ демократовъ, которыя еще имѣлись въ Германіи, показываетъ открытое письмо Валесроде къ графу Шверину, министру внутреннихъ дѣлъ, напечатанное во второмъ томѣ „Demokratischen Studien". Въ немъ говорится: Даже амнистія, столь долго тщетно ожидаемая и объявленная подъ вашей отвѣтственостью, единственное дѣло вашего управленія министерствомъ, для котораго г. Мантейфель не оставилъ вамъ никакого шаблона, и которое давало вамъ полную возможность самое либеральное побужденіе вашего сердца привести въ согласіе съ самыми мучительными соображеніями „государственнаго свойства", даже она не могла бы быть хуже подготовлена тріумвиратомъ Мантейфеля, Симонса и Вестфалена. Актъ милости, выпущенный въ знаменительный моментъ именемъ государя—назначенный предать навсегда забвенію расколъ между трономъ и наро-

домъ — актъ съ полицейскими задними мыслями и уловками, который издѣваясь объявляетъ возвращающемуся изъ далекаго изгнанія на порогѣ страстно желанной имъ родины право на отчизну, амнистія, которая отъ человѣка, сохранившаго свою честь при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, требуетъ смиренной повинной просьбы о милости, прежде чѣмъ онъ можетъ добиться ея льготъ; амнистія, при которой даже необдуманному довѣрію, въ полномъ миролюбіи правительства предстоятъ тяжелыя обвиненія, казематы и одиночное заключеніе!—Широко и гостепріимно, украшенная пальмой мира и масличной вѣткой открываетъ она ворота отечества своимъ бѣжавшимъ сыновьямъ, а впереди приготовлены для нихъ предательскіе колья и волчьи ямы. Сможетъ ли міровая исторія когда-нибудь предать амнистіи эту амнистію?“ Это было сказано нѣсколько патетически, но по существу дѣла не преувеличенно.

Амнистія дѣлала различіе между жертвами военнаго и гражданскаго суда. Лица, осужденныя военнымъ судомъ, могли получить амнистію только лишь послѣ прошенія о помилованіи на имя короля, т. е. лишь послѣ того, какъ выражали раскаяніе и сожалѣніе, причемъ и въ этихъ случаяхъ „дальнѣйшее рѣшеніе должно было сообразоваться съ данными, предъявленными нашимъ военно-юридическимъ департаментомъ“. Это требованіе было тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что военные суды во время контръ-революціи постановляли, гдѣ только могли, еще болѣе безчестные приговоры, чѣмъ гражданскіе; стоитъ только вспомнить свирѣпствованіе военнаго суда, назначеннаго послѣ бадено-пфальцскаго возстанія, чтобы увидѣть, какъ новый король все еще гордился лавровымъ вѣнкомъ „картечнаго принца“. Какъ извѣстно, еще въ 88 году, благодаря этимъ силкамъ амнистіи, были закрыты границы отечества для старика Техова, который пріѣхалъ изъ Австраліи, чтобы сказать послѣднее прости своимъ друзьямъ и родственникамъ.

Осужденнымъ гражданскимъ судомъ за политическія преступленія или проступки была дарована во всякомъ случаѣ безусловная амнистія, но грамадному большинству изъ нихъ лишь фактивно. Король, хотя и предоставилъ „тѣмъ лицамъ, которыя уклонились отъ слѣдствія или законнаго осужденія за подобныя преступленія или проступки путемъ бѣгства за границу“, право „возвращенія въ Наши государства“, но онъ не могъ собственной властью прекратить направленные противъ нихъ судебныя дѣла. Амнистія, поэтому, гласила: если бы такія лица были осуждены, то „должны быть представлены намъ оффиціальнымъ путемъ черезъ Нашего министра юстиціи предложенія объ ихъ помилованіи“. Если даже принять во вниманіе, что такимъ образомъ имъ и было обезпеченно право на помилованіе, то ихъ все-таки ожидало при возвращеніи на родину болѣе или менѣе долгое, или даже долгое, предварительное заключеніе. Правда, министръ юстиціи далъ обѣщаніе, что такое заключеніе не будетъ примѣняться, но суды вовсе не обязаны были принимать во вниманіе это доброе намѣреніе, они даже не имѣли права этого дѣлать согласно законнымъ предписаніямъ. Если они это дѣлали, то они нарушали тѣ права, охранять которыя они и были призваны. Можно было бы еще сказать: лучше такое нарушеніе права, чѣмъ нарушеніе конституціи королемъ, который на основаніи 49 § прусской конституціи не имѣлъ права отмѣнять судебныя дѣла.

Но и меланхолическое утѣшеніе себя тѣмъ, что наконецъ хоть разъ считались съ прусской конституціей, которую въ теченіе десяти лѣтъ топтали ногами, не помогало, потому что 49 §, хотя и запрещалъ королю вообще прекращать судебное преслѣдованіе, но разрѣшалъ это ему дѣлать въ отдѣльныхъ случаяхъ на „основаніи спеціальнаго закона". Всю эту дилемму можно было бы, такимъ образомъ, устранить, если бы правительство предложило камерѣ законъ, который бы въ двухъ словахъ отмѣнилъ всѣ постановленныя наказанія и прекратилъ продолжающіяся еще судебныя слѣдствія по политическимъ преступленіямъ и проступкамъ. Но этого-то и не хотѣлъ король, прямодушіе, честность, терпимость и добродушіе, котораго восхваляли до небесъ либеральныя газеты; самая жалкая амнистія, какъ королевская милость, была ему милѣе, чѣмъ честное помилованіе въ законной формѣ.

Но амнистія выкопала еще и спеціальную волчью яму для всѣхъ бѣглецовъ, осуждены ли они были по закону или нѣтъ. Когда она была обнародована, то уже прошло 10 лѣтъ со времени побѣды контръ-революціи, а согласно закону 42 года пребываніе за границей свыше 10 лѣтъ лишало эмигранта прусскаго подданства. Здравый человѣческій разсудокъ могъ бы сказать: такъ какъ амнистія предоставляетъ бѣглецамъ право „возвращенія въ Наши государства", то этимъ имъ обезпечивается и право на обратный пріемъ въ прусское подданство. Но прусское вѣроломство отвѣтило на это холодно: что за революціонное смѣшеніе понятій! Амнистія имѣетъ дѣло съ подлежащими *наказанію*, а государственное подданство относится къ *государственному* праву; дѣло значитъ идетъ о совершенно различныхъ вещахъ, и соотвѣтственно этому предоставляется на полное усмотрѣніе полиціи завтра выгнать за границу, какъ иностранцевъ, тѣхъ отсутствовавшихъ десять лѣтъ бѣглецовъ, которыхъ сегодня король зоветъ обратно.

Понятно, что этотъ замѣчательный выводъ не былъ сдѣланъ уже при самомъ обнародованіи амнистіи; какъ настоящая волчья яма, она должна была быть сначала прикрыта. Критика, которой Лассаль подвергаетъ амнистію въ 65 письмѣ, касается необходимости для нея законной формы въ интересахъ не осужденныхъ бѣглецовъ. Несмотря на то, что онъ защищалъ требованіе правового государства, которое ни въ чемъ не переходило точку зрѣнія буржуазно-либеральныхъ интересовъ, онъ тѣмъ не менѣе натолкнулся на противодѣйствіе буржуазно-либеральныхъ государственныхъ правовѣдовъ, что является не только для того времени „очень характерной для Берлина исторіей". Къ слову сказать, искаженная „Nationalzeitung" статья Лассаля находится въ ея вечернемъ выпускѣ отъ 17 января 60 г.; нельзя отрицать того, что Цабель блестяще выполнилъ трудную задачу — сдѣлать изъ юридически-политическаго разбора Лассаля безпомощную и безвкусную болтовню.

Въ промежутокъ времени между 65 и 66-мъ письмомъ, написаннымъ почти полгода спустя, появился большой трудъ Лассаля по философіи права и произошло также посѣщеніе Марксомъ Лассаля въ Берлинѣ. Здѣсь они условились, что Марксъ попытается добиться своей натурализаціи, вѣроятно, въ цѣляхъ общаго редактированія большой газеты, которую Лассаль все еще старался создать. Онъ подалъ берлинскому президенту полиціи г. Цед-

лицу прошеніе о натурализаціи Маркса, но уже въ концѣ апрѣля получилъ отказъ, о чемъ онъ и сообщаетъ въ 66-мъ письмѣ.

Связь между этимъ отказомъ и „спеціальными условіями" и „особенной заковыкой", на которую Лассаль указываетъ въ начальныхъ строкахъ этого письма, заключалась въ слѣдующемъ. Марксъ, послѣ запрещенія „Rheinischen zeitung" въ 43 г., отправился въ Парижъ, чтобы вмѣстѣ съ Руге издавать „Die Deutsch—Französischen Jahrbücher". Въ 44 году онъ узналъ, что въ виду его сочиненій, т. е. этихъ Jahrbücher, оберъ-президентъ въ Кобленцѣ отдалъ пограничной стражѣ приказъ объ его арестованіи; въ достовѣрности этого извѣстія нельзя было больше сомнѣваться, когда объ этомъ было сообщено въ нѣмецкихъ подцензурныхъ газетахъ. Съ тѣхъ поръ Марксъ считалъ себя политическимъ изгнанникомъ. Въ 45 году онъ былъ изгнанъ, по непосредственному настоянію прусскаго правительства, изъ Франціи и поселился въ Бельгіи. Такъ какъ и въ бельгійское министерство поступили отъ прусскаго правительства предложенія объ его изгнаніи, то онъ въ концѣ концовъ счелъ себя вынужденнымъ оставить прусское подданство. Онъ долженъ былъ примѣнить это послѣднее средство, чтобы избавить себя отъ безпрестанныхъ преслѣдованій; такъ какъ онъ только изъ крайней нужды воспользовался такимъ разрѣшеніемъ на эмиграцію, то онъ и не принималъ права гражданства ни въ какомъ другомъ государствѣ, хотя это ему и было предложено во Франціи членами временнаго правительства послѣ февральской революціи.

Посл, того какъ революція вспыхнула въ Германіи, союзный совѣтъ 30 марта 48 г. постановилъ, что правомъ избранія и быть избраннымъ въ національное собраніе пользуются и политическіе эмигранты, если они возвратятся въ Германію и заявятъ о своемъ желаніи снова принять право гражданства. Прусское правительство опредѣленно признало это постановленіе. Марксъ тогда возвратился въ Германію, получилъ право выбора и быть избраннымъ въ германское національное собраніе, пользовался такимъ образомъ правомъ германскаго гражданства и могъ, слѣдовательно, тѣмъ болѣе надѣяться, что ему не откажутъ и въ низшемъ правѣ на прусское подданство. И дѣйствительно, кельнскій магистратъ немедленно выразилъ свое согласіе на это, когда онъ въ апрѣлѣ 48 года началъ хлопотать объ этомъ. а кельнскій директоръ полиціи Мюллеръ, которому Марксъ указалъ, что онъ не можетъ переселить своей семьи изъ Тріера въ Кельнъ, пока положеніе дѣла остается неопредѣленнымъ, увѣрялъ его, что обратное принятіе его въ подданство будетъ утверждено и управленіемъ округа, которое, согласно закону 1842 г., имѣетъ лишь подтвердить постановленіе магистрата. Но 1-го іюля появилась „Neue Rheinische Zeitung", а 3-го августа Марксъ получилъ оффиціальную бумагу отъ комиссара, директора полиціи Гейгера, въ которой послѣдній его извѣщаетъ, что королевское правительство, принимая во вниманіе положеніе дѣлъ, не можетъ „теперь" примѣнить къ нему своего права предоставлять иностранцу прусское подданство, и что онъ поэтому долженъ считаться, какъ и раньше, иностр ıнцемъ.

Тогда Марксъ 22-го августа отправилъ министру Кильветтеру громовое посланіе, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы окружному управленію было предписано утвердить постановленіе кельнскаго магистрата и возстановить его (Маркса) права прусскаго гражданина. Но вскорѣ затѣмъ Кильветтеръ

палъ вмѣстѣ съ министерствомъ Ганземана, а послѣ краткаго переходнаго министерства Pfuel'я послѣдовалъ ноябрьскій государственный переворотъ, который къ веснѣ слѣдующаго года окрѣпъ до того, что 11-го мая выселилъ „иностранца“ Маркса, „постыдно нарушавшаго права гостепріимства“, въ 24 часа за предѣлы „здѣшнихъ государствъ“.

Эти факты достаточно объясняютъ тактику, которой придерживался Лассаль, чтобы добиться послѣ амнистіи натурализаціи Маркса. Хотя онъ и не сомнѣвался, что амнистія заключаетъ въ себѣ и возвращеніе бѣглецамъ утеряннаго подданства, но онъ все-таки желалъ предварительно заручиться отъ правительства опредѣленнымъ обѣщаніемъ этого. Если бы оно рѣшительно признало это право за бѣглецами, то этимъ была бы устранена и та „спеціальная зацѣпка“, изъ-за которой Марксъ могъ застрять. Кто былъ Р., на помощь котораго Лассаль особенно надѣялся, трудно сказать; можно было бы, пожалуй, предположить, что это генералъ Pfuel, который былъ знакомъ съ Лассалемъ и засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ, но Pfuel уже со времени его министерства въ 48 г. потерялъ всякое вліяніе, а то, что Лассаль говоритъ о „тѣни Маріи“ и т. д., это къ нему никоимъ образомъ не подходитъ.

При всемъ томъ Лассаль не разсчиталъ „всего вѣроломства“ правительства. Еще прежде чѣмъ онъ получилъ резолюцію на прошеніе, поданное берлинскому президенту полиціи, эмигрантъ Штейнъ, стойкій восточно-прусскій демократъ, который еще въ до-мартовское время навлекъ на себя особенную ненависть вліятельной семьи Эйленбурговъ, получилъ отвѣтъ, что всѣ бѣглецы, пробывшіе за границей десять лѣтъ, считаются иностранцами; благодаря этому дѣло Маркса стало безнадежнымъ. Тѣмъ не менѣе его натурализація была отклонена только на основаніи закона 1842 г. и, какъ это разъяснилъ Лассалю президентъ полиціи въ личномъ разговорѣ, только на основаніи „порочности“ въ смыслѣ этого закона. Легко опять таки понять, почему Лассаль тогда старался, чтобы президентъ полиціи продолжалъ держаться этого объясненія, и не хотѣлъ „получить никакого новаго факта въ дѣлѣ“: съ доводомъ „порочность“ онъ надѣялся еще покончить, между тѣмъ какъ на основаніи приговора по дѣлу Штейна всѣ надежды исчезли, если бы только полиція нашла свою переписку по дѣлу Маркса, относящуюся къ 48 г. Планъ похода Лассаля былъ также очень правиленъ: нужно сдѣлать для либеральнаго министерства „омерзительнымъ“ это извращенное изложеніе указа объ амнистіи, добиться этого сильнымъ возбужденіемъ общественнаго правоваго самосознанія, выраженіемъ мнѣній различныхъ крупныхъ ученыхъ и тому подобнымъ моральнымъ воздѣйствіемъ; можно будетъ, пожалуй, еще нагнать страху, если будетъ грозить опасность, что амнистія, которая должна была бы явиться великолѣпнымъ „примиреніемъ между народомъ и королемъ“, будетъ разоблачена передъ народомъ, какъ „правовая“ западня съ полицейскими силками.

Какъ произошло то, что былъ использованъ не этотъ на половину проходимый путь, но безтолковая топкая тропинка парламентской интерпеляціи, объ этомъ разсказываетъ 36-е письмо. Лассаль зналъ своихъ паппенгеймцевъ, но его самыя худшія ожиданія были превзойдены интерпелляціей Зенфта. Ея цѣль, повидимому, была предостеречь „либеральное“ министерство отъ узко-сердечнаго толкованія указа объ амнистіи, ея фактическій результатъ

былъ тотъ, что, благодаря ликованію камеры, стало возможнымъ самое реакціонное толкованіе указа. Лассалевскій отзывъ объ этомъ парламентскомъ дѣлѣ столько же мѣтокъ, какъ и непарламентаренъ и почти неудобопечатаемъ. Либеральный министръ юстиціи ф. Бернутъ сначала объявилъ, что права подданства всѣхъ отсутствовавшихъ десять лѣтъ бѣглецовъ прекратились и амнистіей не могутъ быть возстановлены, но послѣ прибавилъ: „Правительство того мнѣнія, что *нельзя* признать „порочностью“ то, что добивающійся опять принятія его въ подданство совершилъ подлежащій наказанію проступокъ, проступокъ, прощенный на основаніи высочайшей милости. Само собой понятно, что всякое прошеніе о принятіи должно быть подвергнуто разсмотрѣнію, обусловливаемому существующими общими предписаніями“. На это либеральная камера отвѣтила криками „браво“ и отказалась отъ всякаго дебатированія интерпелляціи. Лассаль охарактеризовалъ это поведеніе слишкомъ мягко, когда сказалъ, что министерство предоставило чинамъ администраціи открывать порочность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; скорѣе всякое ходатайство о натурализаціи подвергшихся амнистіи бѣглецовъ могло быть отклонено по любому или даже безъ всякаго основанія; все было просто предоставлено произволу полиціи, она только не должна была въ своихъ указахъ говорить, что подвергшимся амнистіи бѣглецамъ отказывается въ натурализаціи потому, что они амнистированные бѣглецы.

Такъ какъ путемъ угрозъ нельзя было ничего больше добиться, то Лассаль попробовалъ сдѣлать это добромъ, какъ онъ это называетъ; однако тѣ сцены, которыя онъ заставилъ пережить президента полиціи Цедлица, а когда послѣдній палъ,—вслѣдствіе обнаруженныхъ Эйхгофомъ полицейскихъ злоупотребленій, — и либеральнаго президента полиціи г. Винтера,—позже ставшаго оберъ бургомистромъ Данцига и довѣреннымъ лицомъ „либеральнаго“ кронпринца,—и, наконецъ, графа Шверина, носили такой бурный характеръ, что у лойяльныхъ государственныхъ мужей волосы должны были стать дыбомъ отъ этого. Настолько ему по крайней мѣрѣ удалось обнаружить не поддающіяся никакому воздѣйствію чувства прусской бюрократіи. Послѣ того, какъ Цедлицъ и Винтеръ спрятались за скандальнымъ признаніемъ, что лишь недостатокъ въ монархическомъ образѣ мыслей у Маркса препятствуетъ его натурализація, графъ Шверинъ долженъ былъ оставить и этотъ неосновательный доводъ и объявить полицейскій произволъ рѣшающей инстанціей въ „этихъ государствахъ“. Въ своемъ послѣднемъ отношеніи отъ 11 ноября 61 г., которое Лассаль прилагаетъ къ 69 письму, г. Шверинъ говоритъ: „Остается открытымъ, подходятъ ли въ данномъ случаѣ условія, при которыхъ, согласно § 7 закона отъ 31 декабря 42 г., можетъ быть предоставлено прусское право гражданства, такъ какъ иностранецъ, даже тогда, когда ему и не противостоитъ ни одно изъ приведенныхъ въ § 7 препятствій, никогда не можетъ имѣть притязанія на принятіе его въ прусское подданство. Такъ какъ, теперь по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ особыхъ основаній, которыя бы говорили *за* предоставленіе Марксу права натурализаціи, то я не считаю для себя возможнымъ измѣнить рѣшеніе здѣшняго королевскаго президента полиціи отъ 25 апрѣля сего года“. Лассаль видитъ въ этомъ „безстыдную ложь и искаженіе словъ“, а послѣ его разговоровъ съ Цедлицомъ, Винтеромъ и Шверинымъ онъ имѣлъ право дать такой рѣзкій отзывъ; но можно также, наоборотъ, видѣть въ этомъ „безстыдную“ правду,

акъ какъ Шверинъ говоритъ сухо и ясно: существуетъ ли тамъ амнистія ли нѣтъ, существуетъ ли законъ или нѣтъ, разъ полиція желаетъ отказать получившему амнистію бѣглецу въ натурализаціи, то ей вовсе не зачѣмъ риводить основаній, а просто заявить: car tel est notre plaisir. Если далѣе Лассаль рибавляетъ къ копіи письма Шверина замѣчаніе: „какъ прекрасно это „въ астоящее время!", то онъ приписываетъ прусской полицейской дубинѣ онкости, которыхъ та и не знаетъ. Какъ Шверинъ писалъ „въ настоящее ремя", такъ и кельнскій директоръ писалъ „теперь"; это обычный прусскій олицейскій стиль. Скорѣе можно было бы сказать, что прусская полицейкая дубина имѣетъ и свою удобную сторону тѣмъ, что она не можетъ онять, что сомнѣнія въ ея богоподобіи могутъ быть и не временными.

То, что она, по обыкновенію, и въ этомъ случаѣ лишь прокладывала уть для революціонной освободительной борьбы пролетаріата, не нуждается ъ подробномъ изложеніи. При тактическихъ разногласіяхъ, существовавшихъ между Лассалемъ и Марксомъ, врядъ ли бы это привело къ добру, если бы Марксъ тогда смогъ переселиться въ Берлинъ, чтобы издавать вмѣстѣ съ Лассалемъ демократическую газету. Вообще опасно въ дѣлахъ исторіи оперировать съ понятіями: „если бы" да „кабы-бы", и высчитывать, что было бы, если бы произошло не такъ, чѣмъ произошло. Но вотъ что можно сказать съ нѣкоторой вѣроятностью: при ихъ совмѣстномъ дѣйствіи на берлинской почвѣ, при тѣхъ условіяхъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя было бы достигнуть тѣхъ крупныхъ результатовъ, какіе были достигнуты ими благодаря тому, что полицейская дубина заставила ихъ идти врозь, чтобы они могли бить вмѣстѣ. Всеобщій германскій рабочій союзъ, основанный Лассалемъ въ Берлинѣ и Интернаціональная рабочая ассоціація, основанная Марксомъ въ Лондонѣ, порядкомъ таки отличалась между собой, но они все-таки относились другъ къ другу, какъ стальное остріе къ желѣзному клинку. При всемъ томъ остается радостное чувство при видѣ, какъ Лассаль старался создать своему другу практическое поле дѣйствія на родной землѣ.

Споръ, который развертывается въ 66 и 67 письмахъ по поводу „Системы пріобрѣтенныхъ правъ" Лассаля, не затрогиваетъ рѣшающихъ точекъ зрѣнія этого крупнаго труда. Онѣ безусловно развиты въ первомъ томѣ, о которомъ Лассаль не безъ основанія замѣчаетъ, что онъ долженъ имѣть самый большой интересъ для Маркса. Пеласгійская глава изслѣдуетъ религіозно-метафизическую основу, изъ которой по Лассалю развилось завѣщаніе по римскому праву въ пеласгійскій періодъ исторіи тѣхъ племенъ, изъ которыхъ позже развились греческія и римскія народности. Изъ своего восточнаго первобытнаго мѣстопребыванія Пеласги принесли съ собой въ формѣ религіознаго экстаза и его кроваваго броженія то безграничное содержаніе, ту безпредѣльную субъективность воли, которую греки преобразовали и развили въ свободу искусства, а римляне въ свободу права. Въ частности пеласгійскій культъ домашнихъ боговъ и тѣней усопшихъ создалъ римское testamentum, которое, какъ продуктъ римскаго народнаго духа, есть не распоряженіе имуществомъ, но римское безсмертіе.

Такъ какъ Лассаль упоминаетъ о пеласгійской главѣ лишь мимоходомъ, чтобы пожаловаться на то, что Марксъ прочелъ ее прежде всего, хотя Лассаль послѣ зрѣлаго размышленія поставилъ ее въ концѣ своего изслѣдо-

ванія о римскомъ завѣщательномъ правѣ, то это насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вздумали здѣсь подробнѣе остановиться на ходѣ мыслей Лассаля. То, о чемъ онъ подробно спорить съ Марксомъ, это вопросъ: не является ли завѣщаніе, совершенно оставляя въ сторонѣ его специфически римское происхожденіе, представленіемъ, которое должно было бы имѣть свой самостоятельный и независимый отъ миѳологіи и пр. корень въ буржуазномъ обществѣ. Это утверждалъ Марксъ, въ то время какъ Лассаль оспаривалъ, что экономическое буржуазное развитіе могло бы само по себѣ открыть это завѣщаніе, если бы его и не было уже въ римскомъ правѣ.

Въ сущности говоря, между обоими мнѣніями нѣтъ исключающаго другъ друга противорѣчія. Ни Марксъ не отрицалъ просто на просто миѳологическаго происхожденія римскаго завѣщанія, ни Лассаль не отрицалъ, что экономическое буржуазное развитіе нашло въ завѣщаніи то, что вполнѣ соотвѣтствуетъ ему и удовлетворяетъ потребностямъ его души, что, слѣдовательно, по своей тенденціи коренилось въ немъ. По существу своему это – споръ насчетъ размѣра того вліянія, какое могутъ имѣть идеологическіе пережитки на ходъ историческаго развитія. Марксъ этого вліянія, какъ такового, никогда не отрицалъ, хотя бы противники историческаго матеріализма и тысячи разъ утверждали противное, между тѣмъ какъ Лассаль никогда не разсуждалъ настолько идеологически, чтобы разсматривать идеологическіе пережитки, какъ самостоятельный рычагъ историческаго развитія. Въ введеніи къ 67-му письму онъ высказывается на этотъ счетъ вполнѣ опредѣленно.

Правда, для него духъ времени и народа то же, что для Маркса форма производства народа и времени, причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Лассаль очень хорошо умѣлъ сводить данный духъ народа и времени къ его экономическому основанію, что и доказываютъ его экономическіе труды. Лассаль во всякомъ случаѣ былъ страшно далекъ отъ плоскаго и топорнаго пониманія буржуазныхъ идеологовъ, которые воображаютъ себѣ, что идеи дѣлаютъ исторію, и что какой-нибудь народъ или какое-нибудь время можетъ быть рѣшающимъ образомъ захваченъ какой-нибудь идеологической традиціей.

Особенно второму тому Лассальскаго сочиненія по философіи права придется остерегаться приписать больше идеологіи, чѣмъ въ немъ дѣйствительно заключается. Мы не знаемъ, когда и какъ возникло testamentum; мы знаемъ только, что оно появилось очень рано, такъ рано, что никакому другому народу незачѣмъ было создавать его опять самостоятельно, что вездѣ, куда оно проникло, оно было взято изъ Рима. Метафизически-религіозная оболочка, въ которой оно сначала появляется, указываетъ опредѣленно на то, что когда прогрессъ въ римскомъ способѣ производства вызвалъ потребность въ завѣщательномъ распоряженіи имуществомъ, эта потребность могла быть пристегнута къ какой-нибудь формѣ культа предковъ и подъ этимъ предохранительнымъ плащемъ быть скорѣе удовлетворена, но именно поэтому-то она и могла остаться цѣликомъ имъ покрытой.

Произошелъ бы аналогичный историческій процессъ, какой должно было пройти римское право и римское testamentum, тогда, когда въ концѣ

дних вѣковъ товарное производство и товарный обмѣнъ снова начали звиваться въ крупномъ масштабѣ. Тогда совершилось возрожденіе римго права, фактически потому, что въ немъ уже заключалось готовымъ фиксированнымъ право общества товаропроизводителей, фиктивно же тому, что оно scripta ratio, писанный разумъ, который имѣетъ силу всѣхъ народовъ и временъ такъ же, какъ законы логики и математики. добно тому, какъ эта иллюзія продолжалась сотни лѣтъ и продолжается, е до сихъ поръ, и подобно тому, какъ еще сегодня существуютъ люди, ке цѣлыя историческія школы, которыя видятъ въ возрожденіи римскаго ва не вліяніе того экономическаго факта, что товарное производство и ѣнъ снова начали развиваться въ крупномъ масштабѣ, но скорѣе предвляютъ себѣ это, какъ внезапное проявленіе идейной все преодолѣвающей силы—все равно сила ли она неба или ада—такъ понадобились сотни ъ и для того, чтобы экономическое содержаніе завѣщанія разрушило свою метафизическо-религіозную оболочку.

Этотъ историческій процессъ Лассаль и начертилъ во второмъ томѣ томѣ своего философски-правового труда въ высшей степени тонко и дѣйствительно съ достойнымъ удивленія остроуміемъ. Правда, для него это— борьба личнаго эгоизма здраваго человѣческаго разсудка съ метафизически религіознымъ міросозерцаніемъ цѣлаго народнаго духа. Въ то время, какъ этотъ народный духъ держится тестамента какъ римской идеи безсмертія, какъ простого переноса воли завѣщателя на наслѣдниковъ, личный эгоизмъ, здравый человѣческое пониманіе наслѣдства дѣлаютъ тестаментъ исключительнымъ распоряженіемъ имуществомъ, что при его возникновеніи играло лишь второстепенную роль. Но здравый человѣческій разсудокъ не долго позволяетъ себя дурачить, и это несмотря на оказываемое ему все противодѣйствіе; медленно совершается въ исторіи римскаго права переходъ метафизическаго понятія къ понятію имущественному, превращеніе сохраненія воли въ наслѣдованіе имущества, пока наконецъ при Юстиніанѣ, благодаря введенію наслѣдства sub beneficio inventarii, наслѣдникъ не объявляетъ имущественное пріобрѣтеніе рѣшающимъ, и даже единственнымъ, своимъ отношеніемъ къ завѣщателю. Но этимъ самымъ закончена и вся работа стиранія и освобожденія завѣщанія отъ національной оболочки, а вмѣстѣ съ этимъ гаснетъ и римскій національный духъ.

Это звучитъ очень идеологически, но больше по формѣ, чѣмъ по содержанію. Лассаль былъ слишкомъ трезвымъ и реалистическимъ изслѣдователемъ, чтобы свободно изобрѣтать процессъ, который онъ очерчиваетъ, или конструировать его насильно въ юридическомъ матеріалѣ. Читателемъ, который внимательно слѣдитъ за его изложеніемъ, во всякомъ случаѣ овладѣваетъ ожидаемое Лассалемъ „необходимое убѣжденіе“; стоитъ лишь поставить вмѣсто римскаго народнаго духа метафизически-религіозные пережитки, а вмѣсто личнаго эгоизма, здраваго человѣческаго разсудка потребности постоянно все сильнѣе развивающагося товарнаго производства, и можно сейчасъ же увидѣть, что Лассаль въ своемъ второмъ томѣ въ дѣйствительности лишь освѣщалъ важную проблему историческаго матеріализма. Этимъ объясняется также и то, что Марксъ читалъ этотъ томъ „съ большимъ удовольствіемъ“, между тѣмъ какъ онъ навѣрное протесто-

валъ бы, если бы Лассаль философствовалъ, витая въ чисто идеологическомъ заоблачномъ мірѣ. Марксъ выступаетъ со своими возраженіями лишь тогда, когда Лассаль начинаетъ дѣлать изъ своихъ данныхъ на счетъ римскаго завѣщательнаго права слишкомъ далеко идущіе для капиталистическаго періода производства выводы.

Здѣсь слѣдуетъ опять таки имѣть въ виду, что Лассаль своимъ вторымъ томомъ вовсе не хотѣлъ нанести соціалистическій ударъ буржуазному наслѣдственному праву. Никоимъ образомъ или по крайней мѣрѣ не больше того, чѣмъ вообще вся его общественная дѣятельность была направлена къ соціалистической конечной цѣли. Онъ безусловно не заслуживаетъ тѣхъ лавровъ, которыми его увѣнчали по этому поводу нѣкоторые изъ его буржуазныхъ біографовъ, такъ какъ онъ не внесъ результатовъ своихъ изслѣдованій въ области наслѣдственнаго права въ свою послѣдующую агитацію. Для того, кто умѣетъ читать, Бастіа-Шульце содержалъ совершенно другіе и гораздо болѣе сильные нападки на капиталистическое наслѣдственное право, чѣмъ Система пріобрѣтенныхъ правъ, во второмъ томѣ которой онъ хотѣлъ лишь провѣрить на наслѣдственно-правовомъ матеріалѣ развитую имъ въ первомъ томѣ теорію взаимодѣйствія. Если онъ при этомъ пришелъ къ выводу, что современное наслѣдственное право является ничѣмъ инымъ, какъ крупнымъ недоразумѣніемъ, основательной теоретической безсмыслицей, то это, конечно, имѣло для него большую цѣнность и онъ думалъ, что онъ этимъ разрушилъ иллюзію, мѣшающую историческому развитію, но онъ нисколько не воображалъ себѣ, что онъ этимъ разрушилъ и современное наслѣдственное право. Онъ очень хорошо зналъ, что такія міровыя историческія „недоразумѣнія“ въ концѣ концовъ могутъ столь же мало быть устранены теоретическимъ путемъ, сколько они и возникли въ послѣдней инстанціи теоретическимъ путемъ. Укажемъ еще разъ на 67-ое письмо, гдѣ стоитъ только перенести „періодъ индивидуализма и свободной конкуренціи“ въ „періодъ капиталистическаго производства“, изъ идеологіи въ экономику, чтобы увидѣть, что Лассаль отличался отъ Маркса не столько своимъ „общимъ высшимъ основнымъ взглядомъ“, сколько лишь тѣмъ, что онъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ юридической и философской формы мышленія и тѣмъ самымъ немного переоцѣнивалъ ихъ историческое значеніе. Въ такомъ случаѣ разногласіе остается лишь по вопросу: могли бы германскія народности создать завѣщаніе, если бы они не нашли уже римскаго testamenta; и этому разногласію Лассаль не придавалъ слишкомъ большого значенія, хотя онъ и думаетъ, что оно все-таки не такъ безразлично, какъ это считаетъ Марксъ.

Сверхъ того, онъ называетъ этотъ споръ—„страннымъ“ и говоритъ объ „извращенномъ характерѣ такихъ гипотезъ“, что его, впрочемъ, не удерживаетъ отъ попытки доказать свою гипотезу „съ большой достовѣрностью“. Это ему, однако, не удалось. Онъ разсуждаетъ совершенно правильно и безусловно въ духѣ историческаго матеріализма, когда говоритъ, что римское право и римскій тестаментъ очень пришлись по вкусу періоду свободной конкуренціи, потому что они соотвѣтствовали его аппетитамъ и сильно поддерживали его развитіе. Но съ этимъ у него стоитъ въ явномъ противорѣчіи взглядъ, будто бы въ идеѣ свободной конкуренціи нѣтъ ни одного атома представленія, по которому индивидуумъ могъ бы имѣть

желаніе и послѣ смерти. Здѣсь и на этотъ разъ Лассаль смотритъ не только сколь идеологическіе очки, но онъ дѣйствительно надѣлъ и иделогическіе шоры; если, по его собственному признанію, изъ идеи свободной конкуренціи слѣдуетъ, что индивидуумъ долженъ быть при жизни абсолютнымъ свободнымъ господиномъ надъ своимъ имуществомъ и что онъ можетъ свободно предпринимать съ нимъ все, что хочетъ, то вѣдь уже къ этому дѣйствительно довольно близка была мысль, что эта полнота власти должна распространиться и на случай смерти, тѣмъ болѣе, что германскія народности знали свободное дареніе на случай смерти. Такъ какъ это дареніе было связано съ немедленнымъ переходомъ собственности въ руки одаряемаго, такъ что при этомъ оставалось лишь пожизненное пользованіе или право на совмѣстное владѣніе, то оно несомнѣнно стояло въ разрѣзъ съ идеей свободной конкуренціи и Лассаль самъ, поэтому, совершенно основательно спрашиваетъ: какого чорта стали бы пользоваться этимъ правомъ передачи въ періодъ свободной конкуренціи, если только не въ исключительныхъ случаяхъ? Но именно потому, что это дареніе на случай смерти и противорѣчило такъ сильно потребности свободной конкуренціи, почему же оно тогда не могло быть измѣнено этой потребностью въ томъ смыслѣ, что право собственности переходитъ къ одаряемому только послѣ смерти, чѣмъ было бы создано и завѣщаніе? Не потому ли, что воля исчезаетъ со смертью и распоряженіе по своей волѣ послѣ смерти стоитъ въ противорѣчіи со всякимъ jus naturale и совершенно contra rationem? Если принять, что ratio и jus naturale дѣйствительно логическія, а не просто историческія категоріи, чѣмъ они фактически и являются, то капиталистическое производство, смотря по своимъ потребностямъ, не считалось и съ совершенно другими естественными и разумными понятіями, а не то, что съ метафизической безсмыслицей, что воля индивидуума можетъ имѣть силу и послѣ смерти; оно, напримѣръ, какъ это Лассаль разительно доказалъ въ Бастіа-Шульце, превратила собственность въ чужое.

Если Лассаль такимъ образомъ не доказалъ своего взгляда, то, конечно, при „странномъ характерѣ" такихъ споровъ нельзя доказать и противнаго, именно того, что германскія народности создали бы завѣщаніе, и не имѣя передъ собой прототипа римскаго тестамента. Можно лишь сказать: нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что германскія націи и своими собственными силами устроились бы въ этомъ отношеніи, такъ какъ ни одинъ народъ и ни одна эпоха еще не оказались неспособными выводить идеологическихъ слѣдствій изъ своихъ аппетитовъ и стремленій, изъ своего экономическаго способа производства, хотя бы эти слѣдствія и сильно противорѣчили тому, что при другихъ историческихъ условіяхъ считалось бы jus naturale и ratio. Вѣдь и по собственному изложенію Лассаля метафизически-религіозное міросозерцаніе цѣлаго народнаго духа должно было въ концѣ концовъ капитулировать передъ личнымъ эгоизмомъ и здравымъ человѣческимъ разсудкомъ: и эпохѣ свободной конкурренціи вовсе не зачѣмъ было дѣлать упрека въ „недоразумѣніи", когда она видѣла дѣйствительную сущность римскаго тестамента раскрытой лишь во времена Юстиніана, а не уже во времена изданія двѣнадцати таблицъ.

Чѣмъ былъ затуманенъ взглядъ Лассаля въ этомъ вопросѣ, доказываетъ его практическое указаніе на ошибочное „пониманіе англійскаго конститу-

ціонализма“, которое, по его мнѣнію, дало возможность „жалкой партіи нашихъ готійцевъ и конституціонацистовъ“ стать основательно поперекъ дороги коммунистической пропагандѣ. Какъ бы тамъ „наши Гнейсты“ превратно ни толковали англійскій конституціонализмъ, однако это „ошибочное пониманіе“ не было все-таки „сильнымъ союзникомъ“ нѣмецкаго либерализма, оно было только одной изъ его очень преходящихъ формъ. Если парижскіе іюньскіе дни излѣчили нашъ либерализмъ отъ слабости къ французскому конституціонализму, то сраженіе при Кенигрецѣ излѣчило его отъ пристрастія къ англійскому конституціонализму. „Недоразумѣнія“ подобнаго рода имѣютъ въ историческомъ развитіи гораздо меньшее значеніе, чѣмъ это полагаетъ Лассаль.

Переговоры съ Брокгауромъ по поводу изданія „Капитала“, о которыхъ упоминается въ 66 и 67 письмахъ, не привели ни къ чему; сочиненіе, какъ извѣстно, появилось у Отто Мейснера въ Гамбургѣ. Брокгаузъ писалъ 6 іюля Лассалю, что ему „достаточно извѣстно значеніе г. Карла Маркса, какъ политико-эконома“ и что трудъ его несомнѣнно будетъ принадлежать къ самымъ выдающимся явленіямъ въ этой области, но что онъ неохотно продолжаетъ издавать труды, начало которыхъ появилось въ другомъ изданіи и что, независимо отъ этого, онъ и „по другимъ причинамъ“ не считаетъ для себя возможнымъ предпринять это изданіе. Устранить эти другія причины краснорѣчіе Лассаля и Людмилы Ассингъ, конечно, не было въ состояніи.

Дѣло Бланки заключалось въ томъ, что Бланки вернулся во Францію послѣ французской амнистіи 59 года, но тотчасъ же опять подвергся аресту на основаніи пустого обвиненія, что онъ членъ одного тайнаго общества. Англійскія газеты помѣстили слѣдующую корреспонденцію изъ Парижа: „Нѣкто, принимавшій участіе въ качествѣ свидѣтеля при дознаніи противъ Августа Бланки, (т. е., какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто во Франціи, при тайномъ допросѣ свидѣтелей) разсказывалъ мнѣ, что Бланки, когда его провели, носилъ на себѣ еще ясные слѣды сдѣланнаго не него нападенія; его платье было разодрано въ куски, также и его рубаха, а шляпа была помята отъ ударовъ кулакомъ. Свидѣтель, на котораго этотъ видъ произвелъ сильное впечатлѣніе, не могъ скрыть своего возмущенія. Бланки заявилъ судебному слѣдователю, что это совершенно безполезная жестокость—выводитъ его насильно изъ камеры и такъ дурно съ нимъ обращаться; его можно лишить жизни, но никогда не удастся заставить его сказать хотя бы одно слово. Послѣ этого его схватилъ тюремщикъ и втолкнулъ въ камеру, если и не въ совсѣмъ темную дыру. Свидѣтель могъ лишь видѣть то, что происходило на пространствѣ, гдѣ долженъ былъ быть допросъ“.

Марксъ хотѣлъ помѣстить эту замѣтку въ нѣмецкія газеты, что и удалось. Ольденбергъ, это—издатель парламентскихъ „извѣстій“, которыя онъ принялъ въ годъ смерти Лассаля у прогрессивнаго депутата Freese и съ тѣхъ поръ велъ непрерывно. Онъ былъ въ дружбѣ съ Бюхеромъ и Лассалемъ, и слова „наполовину испирированый человѣкъ“ сказаны Лассалемъ во всякомъ случаѣ не въ томъ дурномъ смыслѣ, какой они пріобрѣли со времени оффиціознаго хозяйничанія Бисмарка. Насчетъ Бланки, однако, слѣдуетъ сказать, что онъ былъ присужденъ къ четырехъ-лѣтнему тюрем-

ному заключенію, и само собой понятно, что кассаціонная палата не отмѣнила этого „скандальнаго“ приговора.

Жаль, что Лассаль не сообщаетъ подробно о той солидарной критикѣ, которую Марксъ и онъ раздѣляли относительно писемъ Родбертуса. Эту критику можно, правда, легко воспроизвести косвеннымъ путемъ, но если бы она была непосредственно налицо, то она бы содѣйствовала примиряюще по сравненію съ той односторонне строгой критикой, которой Родбертусъ подвергся со стороны Энгельса, не безъ вины самого Родбертуса, но главнымъ образомъ по винѣ его слишкомъ усердныхъ и совершенно лишенныхъ критики поклонниковъ. Статьи ad vocem Беккера относились къ покушенію, которое совершилъ студентъ Оскаръ Беккеръ 14 іюля въ Баденъ-Баденѣ на короля прусскаго. То, что тогда было сдѣлано въ смыслѣ „позорно-лакейской безтактности“, это, конечно, является лишь дѣтской игрушкой въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ томъ же родѣ послѣ покушеній Геделя и Нобилинга. Лассалю еще меньше могло придти тогда въ голову, что послѣ этихъ покушеній никто иной, какъ германскій канцлеръ, будетъ пѣть дифирамбы его, Лассалевскому, монархическому образу мыслей“.

Во второмъ и послѣднемъ томѣ „Demokratischen Studien“, который появился лѣтомъ того года, Фогтъ во всякомъ случаѣ не былъ представленъ, но за то многіе изъ его товарищей, которые распространяли всѣ его клеветы противъ Маркса и послѣднимъ были названы товарищами-бродягами Фогта, таковы: Л. Бамбергеръ, Г. Б. Оппенгеймъ и Л. Симонъ. Точно также и Walesrode подчеркиваетъ въ предисловіи, что всѣ безъ исключенія сотрудники, даже и тѣ, чьи статьи и не появились въ данномъ томѣ, остались вѣрными предпріятію.

Лассаль далъ въ этомъ томѣ лежавшую у него уже три года статью о Лессингѣ, единственную изъ его работъ, которая до извѣстной степени заражена специфическимъ берлинскимъ и прусскимъ духомъ.

Вирховъ своей сорокалѣтней дѣятельностью, въ качествѣ ученаго и политика, подтвердилъ тотъ взглядъ, который высказалъ на его счетъ Лассаль въ своей припискѣ къ 67 письму. Послѣднія строки этой приписки заслуживаютъ особаго вниманія тѣмъ, что показываютъ, что участіе въ выборахъ въ прусскій ландтагъ было для Маркса и Лассаля лишь тактическимъ, а не принципіальнымъ вопросомъ. Для „ближайшихъ выборовъ“, которые имѣли мѣсто осенью, организовалась именно прогрессивная партія со слабой, ограниченно буржуазной программой, которая, конечно, не могла воодушевлять рабочихъ, однако у нея было доброе намѣреніе больше „трепать“ правительство чѣмъ „готійцы“, такъ что ни было никакого основанія выступить противъ нея до тѣхъ поръ, пока она не покажетъ, насколько она можетъ испытать силу своихъ мускуловъ.

Суровый отзывъ, который Лассалъ даетъ въ 69 письмѣ о честномъ Іоаннѣ Филиппѣ Беккерѣ, врядъ ли нуждается теперь въ опроверженіи. Лассаль написалъ это опрометчиво на основаніи сообщеній третьихъ лицъ; позже онъ самъ призналъ свою неправоту, и еще въ послѣдніе дни своей жизни убѣдился, какой чистый характеръ представлялъ собой старикъ Беккеръ.

1862.

70.

Дорогой Марксъ!

Симъ увѣдомляю тебя:

1) Что я опять прибылъ въ Берлинъ.

2) Что во Флоренціи я не получилъ отъ тебя никакого отвѣта на мое письмо изъ Генуи, несмотря на мою просьбу, точно также я не получилъ ни одного слова въ отвѣтъ на мои строки, посланныя тебѣ черезъ Маріо—и это несмотря на то, что у тебя было время писать другимъ.

Вслѣдствіе всего этого я рѣшилъ прекратить отнынѣ всякое писаніе тебѣ до тѣхъ поръ, пока не получу отъ тебя *достаточно подробнаго отвѣта* на мои различныя письма.

Твой Ф. Лассаль.

Берлинъ 11 января 62.
Bellevuestrasse 13.

71.

Берлинъ, Bellevuestrasse 13.
Понедѣльникъ 2 іюня 62.

Дорогой другъ!

Если бы я вздумалъ отрицать, что я до полученія твоего письма отъ 28 апрѣля не былъ сердитъ,—то я бы дѣйствительно безстыдно солгалъ. Послѣдняя записка (не письмо), которую я отъ тебя получилъ, была помѣчена 2 или 3 сентябремъ. Я отвѣтилъ тебѣ на него немедленно изъ Цюриха, послѣ изъ Флоренціи, потомъ еще разъ чрезъ Альберта Маріо (получилъ ли ты это письмо? былъ ли Маріо у тебя? почему ты объ этомъ ничего не упоминаешь?), наконецъ я увѣдомилъ тебя немедленно, въ срединѣ января, о своемъ возвращеніи въ Берлинъ; и изъ послѣдняго письма ты могъ увидѣть, что я, и справедливо, обиженъ: я отсрочилъ своей корреспонденцію до тѣхъ поръ, пока я не получу отъ тебя отвѣта. И несмотря на все это *никакого* отвѣта отъ тебя до 28 апрѣля. Пауза въ *восемь* мѣсяцевъ (съ сентября). *Всѣ* твои извиненія

не годятся никуда! *Абсолютнаго* отсутствія времени, чтобы написать письмо, вообще не бываетъ. Кромѣ того его у тебя и не было, такъ какъ мой двоюродный братъ Фриндлендеръ, какъ онъ мнѣ сообщилъ при моемъ возвращеніи изъ Италіи, имѣлъ за это время отъ тебя два письма, а вмѣсто н..хъ ты могъ бы лучше мнѣ написать. На мое письмо отъ средины января ты долженъ былъ, далѣе, отвѣтить немедленно хотя бы двумя словами, если у тебя не было времени для обстоятельнаго письма, такъ какъ ты видѣлъ, что я сержусь. Также мало годится и твое извиненіе, приведенное въ связи съ 10 фунтами. Вѣдь тогда это свелось бы къ мудрости Полонія, что мы ссужая деньгами теряемъ одновременно и друзей, и эта мудрость, правда, въ общемъ таки очень вѣрна. Но къ *намъ* вѣдь она же не должна быть примѣнима, old boy!

Впрочемъ, какъ только твое письмо отъ 28 апрѣля наконецъ пришло, то и мой гнѣвъ тоже прошелъ, и я рѣшился только на очень легкую расплату, я рѣшился тоже подождать отвѣтомъ до удобнаго момента, когда у меня будетъ досугъ. Такимъ-то образомъ я долженъ былъ заставить тебя ждать вмѣсто 8 мѣсяцевъ 5 недѣль.

Моего «Юліана», моего Фихте, и мою рѣчь о конституціи ты, вѣроятно, уже получилъ за это время чрезъ посредство Бюхера; экземпляры Энгельса и Вольфа ты, надѣюсь, передалъ. Будь любезенъ передать Бюхеру мои восточныя письма съ дороги, чтобы онъ ихъ привезъ мнѣ при своемъ возвращеніи въ Берлинъ.

Точно также и книги, которыя я тебѣ далъ (Родбертуса, Рошера и др.) ты долженъ мнѣ прислать къ *началу* октября — если онъ, что я предвижу, *не сможетъ* ихъ взять съ собой, и если я—что очень возможно—не загляну самъ въ іюлѣ въ Лондонѣ. Я ношусь съ этой мыслью, но это еще не рѣшено.

Нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, old boy, какъ то, что я дамъ отзывъ о твоей книгѣ. Точно также, хотя мы рѣшили, что твоя критика должна появиться раньше, но должно быть, само собой разумѣется, все равно, если я это сдѣлаю безъ относительно къ тому, доставилъ ли ты уже свою или нѣтъ. Ибо такія вещи пишутъ не по командѣ и даже не по своей, но зависятъ при этомъ отъ времени, досуга, собранія матеріала и хода мыслей и пр. Но точно такія же обстоятельства имѣютъ мѣсто и у меня. И съ самаго начала, когда я говорилъ, что твоя критика должна появиться раньше, я это дѣлалъ не ради того, чтобы имѣть эквивалентъ и при томъ заранѣе, но чтобы этимъ обезпечить себѣ больше времени.

Съ средины января я опять здѣсь. Съ тѣхъ поръ я написалъ Юліана; чествованіе Фихте, рѣчь, запоминаніе, рѣчь о конституціи. Прибавь къ этому, что я началъ вести *немного* политически-практическую агитацію. Такъ, я докладъ о конституціи сдѣлалъ въ *четырехъ* ферейнахъ. Кромѣ того я написалъ гораздо болѣе длинный докладъ о рабочемъ сословіи и сдѣлалъ его въ одномъ рабочемъ ферейнѣ. (Я теперь рѣшилъ его напечатать, онъ уже въ печати. Какъ только онъ будетъ готовъ, я его тебѣ пришлю). Прибавь къ этому ту страшную массу времени, которая отнимается самой мелкой агитаціей, переговоры и пр. Прибавь далѣе то, что съ каждымъ днемъ наростаетъ и становится затруднительной корреспонденція; и наконецъ то, что я долженъ читать тѣ или другія книги, появляющіяся въ различныхъ областяхъ знанія, чтобы кое-какъ оставаться au fait—и ты самъ себѣ скажешь, что со времени моего возвращенія я не *могъ* имѣть ни одной минуты свободной.

При томъ ты вспоминаешь, что во время твоего присутствія здѣсь я тебѣ сказалъ: вслѣдствіе интенсивнаго занятія другими вещами за послѣдніе три года, политико-экономическая матерія сильно окаменѣла въ моей головѣ. Я долженъ ее раньше сдѣлать опять *текучей*, чтобы вполнѣ ею владѣть. Этого, правда, можно достигнуть чтеніемъ въ теченіи четырехъ недѣль. Но эти-то должны быть именно налицо.

Пока я опять не освоюсь со всѣмъ, мнѣ не принесетъ никакой пользы вторичное чтеніе твоей книги, потому что я раньше не буду и *въ полной* критической *силѣ*. Мое намѣреніе слѣдовательно таково: на дняхъ приступить ко второй части объемистаго произведенія Took'а, чтеніе котораго я также давно отложилъ. Во время этого чтенія все опять станетъ у меня подвижнымъ. Тогда я перейду ко вторичному чтенію твоей книги и къ выполненію моего экономическаго труда; это *послѣднее*, конечно, очень долго продолжится.

Я буду твердо держаться этого намѣренія; но выполненіе его будетъ опять-таки нарушено двухмѣсячной поѣздкой, такъ какъ я не могу здѣсь выдержать лѣто. Въ іюлѣ я отправляюсь или въ Швейцарію, или раньше въ Лондонъ, и лишь оттуда въ Швейцарію.

Эдуардъ Мейенъ, хотя и далъ въ своей собственной газетѣ «Berliner Reform»—очень благопріятный отзывъ о моемъ Юліанѣ (Гегелевская острота, Гейневское устроуміе и тому подобное), но

въ «Schlesischen Morgenblatt» № 128 *онъ* (это опирается на *точныхъ* данныхъ) далъ рецензію противоположнаго характера: «это сочиненіе уже больно сильно проникнуто злостнымъ марксовымъ направленіемъ и этимъ портитъ своему собственному вліянію, которое оно имѣетъ благодаря остроумному обнаженію слабыхъ сторонъ столько же высокомѣрнаго, сколько и невѣжественнаго историка литературы». «Чѣмъ болѣе Л. чувствовалъ свое превосходство, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ довольствоваться опроверженіемъ своего противника играючи, остротами и сатирой, но *не* гнать его сквозь строй! Кто можетъ выдержать подобное зрѣлище?»

Бѣдный Мейенъ! Его слабые нервы не въ силахъ этого перенести. Онъ взываетъ: сосѣдка, вашъ флакончикъ!

При всемъ томъ онъ въ «Reform'ѣ» состязается съ «Volkszeitung», а съ недавняго времени и съ «Nationalzeitung» въ смыслѣ радикализма, правда очень слабо, правда только лишь съ «добрымъ намѣреніемъ», но съ очень малой силой. Но это по крайней мѣрѣ доброе намѣреніе, и его газета все-таки по временамъ самая радикальная въ Берлинѣ, такъ что мнѣ часто volens nolens приходится хвалить ее передъ мелкой буржуазіей, ремесленниками, по сравненію съ другими газетами, и рекомендовать ее.

Это все-таки *газета*, и если бы мы *хотѣли*, то мы могли бы сдѣлать ее лучшей, чѣмъ она есть; она и сама по себѣ имѣетъ извѣстную наклонность стать лучше и развивается. Я спрашиваю тебя поэтому: не простишь ли ты этому бѣдному человѣку, который лишь ограниченъ и слабъ, но не злобивъ, если онъ скажетъ pater peccavi?

Я его *еще не* видѣлъ *передъ собой*. Когда онъ пріѣхалъ въ Берлинъ онъ сдѣлалъ запросъ у меня черезъ г. фонъ-Бюлова: «онъ молъ очень желалъ бы придти ко мнѣ, но не знаетъ, какъ онъ будетъ принятъ изъ-за дѣла съ Марксомъ». Я попросилъ передать ему: его сомнѣніе очень основательно и умно; онъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы убрался къ чорту. — Это ему и передали, и такимъ образомъ я его еще до сихъ поръ не видѣлъ. Если бы я однако желалъ, то я могъ бы заставить его сказать тебѣ pater peccavi и признать свою неправоту. И если бы онъ это сдѣлалъ, то ты могъ бы, я думаю, въ интересахъ дѣла, простить ему. Тогда у насъ была бы здѣсь хоть какая-нибудь газета, къ которой можно было бы стоять въ своего рода картельномъ отношеніи. Взгляни вокругъ себя, и посмотри, какъ обсолютно мало

насъ, если сосчитать насъ *точно*. Взвѣсь все это (кстати: съ самой обыкновенной щукой Гирзенменцелемъ я порвалъ for ever; не подумай тольке, что его жена дала поводъ къ этому).

Взвѣсь слѣдовательно все это, говорю я, и сообщи мнѣ рѣшеніе; скорѣе. Мнѣ было бы пріятно, если бы ты согласился съ этими представленіями; опредѣли также, въ *какой* формѣ онъ долженъ принести тебѣ «раскаяніе». Сверхъ того ты его вѣдь уже достаточно наказалъ, и если *онъ* еще признаетъ свою неправоту и раскается, то ты можешь помириться съ этимъ. Прощай! Кланяйся женѣ и дочерямъ. Среди моихъ мотивовъ къ пріѣзду въ Лондонъ играетъ роль и желаніе увидѣть твою дочь, о которой молва такъ хорошо гласитъ.

Твой Ф. Л.

Дорогой Марксъ!

Податель сего капитанъ Швейгертъ, который съ отличіемъ служилъ подъ начальствомъ Гарибальди и спеціально подъ начальствомъ моего друга Ристова. Онъ самый честный и надежный человѣкъ въ мірѣ. C'est un homme d'action. Онъ стоитъ во главѣ вооруженнаго ферейна, который онъ организовалъ изъ Кобурга, и ѣдетъ въ Лондонъ, чтобы достать тамъ деньги для 3.000 *ружей*, которыя ему нужны для ферейна. Мнѣ незачѣмъ тебѣ говорить, *какъ* желательно это было бы. Будь такъ добръ, приведи его въ соприкосновеніе со всѣми людьми, у которыхъ онъ могъ бы достать *деньги* для этой цѣли, или окажи ему вообще содѣйствіе въ достиженіи этой цѣли. Сдѣлай все возможное.

Вѣроятность моего пріѣзда въ Лондонъ все растетъ!

Ф. Лассаль.

Берлинъ 19 іюля 62.

[Лондонъ].

Дорогой Марксъ!

Вчера я писалъ твоей женѣ, что королева въ Виндзорѣ, что мы всѣ поэтому желали отправиться сегодня въ Kew и Richmond вмѣсто туда, и я назначилъ rendez-vous.—Такъ какъ я опоздалъ на нѣсколько часовъ съ отправкой письма на почту, то я послалъ его къ вамъ съ комиссіонеромъ. Я предложилъ ему принести отвѣтъ. Таковою я не получилъ.

Сегодня утромъ безконечный дождь; несмотря на это я поспѣшилъ къ Бюхеру, который мнѣ однако тоже сказалъ, что и невозможно въ такую погоду совершить прогулку, и немыслимо также, чтобы вы выѣзжали изъ дому. Одновременно съ этимъ сообщеніе въ Times'ѣ, что Викторія опять уѣхала изъ Виндзора.

Теперь вопросы:

1) Досталъ ли ты билетъ на завтрашнее парламентское засѣданіе?

2) Не забудь нашего завтрашнаго rendez-vous, ровно въ 2 часа, у Вестминстерскаго аббатства.

3) Когда же мы предпримемъ виндзорскую прогулку? Можетъ быть твоей женѣ *гораздо* пріятнѣе сдѣлать это въ воскресенье? Тогда—конечно при условіи хорошей погоды—мы могли бы ее сдѣлать въ это воскресенье, хотя я долженъ былъ бы отказать заранѣе Герстенбергу, отъ котораго я принялъ приглашеніе къ обѣду на воскресенье. Мнѣ было бы поэтому пріятнѣе въ субботу или понедѣльникъ.

Поговори поэтому съ твоей женой, дай мнѣ завтра опредѣленный отвѣтъ и позаботься о хорошей погодѣ.

Твой Ф. Лассаль.

Среда.

Лондонъ.

Дорогой Марксъ!

Мнѣ приходитъ въ голову, что будетъ надежнѣе, если я тебя предварительно извѣщу, что я завтра (воскресенье), отказавшись отъ приглашенія Герстенберга, во всякомъ случаѣ пріѣду къ тебѣ. *Можетъ быть* не такъ скоро, какъ я тебѣ сказалъ. Во всякомъ случаѣ жди меня завтра.

Изъ дому я имѣю очень непріятныя письма, и кое-чѣмъ очень огорченъ.

Твой Ф. Л.

Суббота.

75.

(Приписка).

При семъ возвращаю письмо Бернарди. Чтобы дать совѣтъ, я слишкомъ мало знаю характеръ проектируемаго имъ предпріятія, связь съ выставкой и прочія условія.

Графинѣ ты долженъ писать въ Цюрихъ (poste restante), гдѣ она уже была, когда твое письмо прибыло, т. е. она была въ дорогѣ туда.

Твой Ф. Л.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Раздраженный медлительностью Маркса въ отвѣтахъ на письма, Лассаль прекращаетъ въ 70-мъ письмѣ переписку съ нимъ, пока Марксъ не исправится; того же числа, 11 января, онъ пишетъ, однако, длинное письмо Гервегу и какъ разъ по поводу плана большой демократической газеты, который онъ обсуждалъ въ Лейпцигѣ со старымъ Брокгаузомъ на обратномъ пути изъ Италіи. Это вовсе не лишенный значенія случай, что ослабленіе отношеній между Лассалемъ и Марксомъ, произошло ли оно по внѣшнимъ мотивамъ или нѣтъ, наступило именно въ такой моментъ, когда въ жизни Лассаля наступили новыя перемѣны. Во время своей поѣздки по Италіи онъ вращался въ кругахъ Гарибальди и Мадзини; Маріо, котораго онъ упоминаетъ въ 70-мъ и 71-мъ письмахъ, былъ извѣстнымъ товарищемъ Мадзини и мужемъ одной англичанки, тогда часто упоминаемой Jessie Meriton White, которая принимала участіе въ итальянской революціи агитаціонными сочиненіями. Въ Цюрихѣ Лассаль близко подружился съ Гервегомъ и Ристовымъ; въ Берлинѣ особенно близко сталъ къ нему возвратившійся изъ изгнанія Бюхеръ. Съ нимъ, а не съ Марксомъ, Лассаль посовѣтовался: начать ли и какъ политическо-практическую агитацію. Первые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи были уже сдѣланы, когда Марксъ 28 апрѣля снова далъ о себѣ знать; 12 апрѣля Лассаль развилъ свою рабочую программу въ ферейнѣ ремесленниковъ въ оріаненбургскомъ пригородѣ. Еще раньше появилось его сочиненіе противъ Юліана Шмидта и рѣчь о конституціи; Лассаль послалъ ихъ въ Лондонъ чрезъ Бюхера, который отправился въ Лондонъ въ качествѣ докладчика о всемірной выставкѣ того года. Когда Лассаль 9 іюня снова написалъ непосредственно Марксу, прогрессивная партія одержала уже на выборахъ 6 мая сильнѣйшую побѣду, и было почти выше человѣческаго разумѣнія предположить, что она, имѣя всю страну за собой, все-таки не осмѣлится предпринять никакой серьезной политической борьбы.

При такихъ условіяхъ Лассаль въ 71 письмѣ опять говоритъ преимущественно о своихъ теоретическихъ работахъ, и стремленіе къ практическимъ дѣйствіямъ, которое его снѣдало, проявляется лишь въ предложеніи, чтобы Марксъ помирился съ Мейеномъ съ цѣлью пріобрѣсти въ газетѣ послѣдняго, „Berliner Reform“, нѣчто въ родѣ своего органа.

Какъ въ прошломъ году Лассаль порвалъ сношенія съ Дункеромъ, точно такъ же онъ поступилъ въ этомъ году съ присяжнымъ повѣреннымъ Гирземенцелемъ и, повидимому, по тѣмъ же основаніямъ; послѣдній сблизился съ радикальнымъ направленіемъ буржуазной демократіи, подобно тому какъ Дункеръ — съ большой кучкой прогрессистовъ. Если Бернштейнъ мимоходомъ находитъ „очень характернымъ“, что Лассаль къ своему сообщенію о разрывѣ съ Гирземенцелемъ прибавилъ: „не подумай только, что жена его является поводомъ къ этому“, то эта фраза во всякомъ случаѣ „очень характерна“, но не для Лассаля, а для берлинскихъ мѣщанъ. Такъ какъ выходило далеко за предѣлы ихъ горизонта понима-

ніе, что борьба, которую велъ Лассаль для графини Гатцфельдтъ, могла вестись изъ этическихъ и политическихъ мотивовъ, то въ Лассалѣ видѣли ужаснаго Донъ-Жуана и непреодолимаго романическаго героя, взглядъ, который, впрочемъ, еще до сегодняшняго дня находитъ себѣ мѣсто въ „научной" университетской литературѣ о Лассалѣ. Такимъ-то образомъ имя Лассаля было тогда предметомъ пошлыхъ, хотя и совершенно неосновательныхъ, разговоровъ сначала въ связи съ именемъ г-жи Дункеръ, а потомъ и г-жи Гирземенцель, о чемъ Марксъ при своемъ посѣщеніи Берлина, несомнѣнно, тоже слышалъ. Этимъ достаточно объясняется брошенное Лассалемъ вскользь замѣчаніе. Менѣе легко объясняется то, что онъ хотѣлъ еще имѣть дѣло съ Мейеномъ, послѣ того, какъ онъ порвалъ сношенія съ Дункеромъ и Гирземенцелемъ, которые все-таки были совершенно другими людьми, чѣмъ Мейенъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Лассаль зналъ, какъ ядовито Мейенъ выступилъ противъ Маркса въ „Hamburger Freischützen", и какъ основательно Марксъ его за это пробралъ; да и Лассаль самъ даетъ прекрасную картинку литературной ненадежности Мейена, и при этомъ въ тотъ же самый моментъ, когда онъ хочетъ помирить Маркса съ Мейеномъ. Марксъ на это не пошелъ и Лассаль, повидимому, тоже замѣтилъ, что его неукротимое желаніе участвовать практически въ политической повседневной борьбѣ оказало ему въ данномъ случаѣ плохую услугу. Неизвѣстно, стоялъ ли онъ когда-нибудь въ другихъ отношеніяхъ въ „Berliner Reform", кромѣ того, что онъ въ декабрѣ этого года помѣстилъ на ея столбцахъ прекрасное стихотвореніе Гервега, посвященное Гарибальди, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ строкъ. Но когда онъ затѣмъ началъ свою рабочую агитацію, то „Berliner Reform" вошло въ шайку его клеветниковъ, о чемъ можно подробнѣе узнать именно изъ рѣчи Лассаля къ берлинскимъ рабочимъ. Позже, какъ было уже упомянуто, Мейенъ перешелъ на сторону Бисмарка и умеръ весной 70 года, какъ редакторъ „Danziger Zeitung". Незадолго до своей смерти онъ писалъ своему другу и учителю Руге: „Я здѣсь связанъ съ религіозной стороны и принужденъ былъ, поэтому, сказать Риккерту, что я не считаю возможнымъ напечатать твою статью по религіозному вопросу. Если католики и такъ уже кричали и въ своемъ органѣ требовали, чтобы не читали больше „Danziger Zeitung" потому, что она обнаружила всю вздорность syllabus'а и объявила свѣтскую власть папы мертвой, то она окончательно будетъ объявлена еретической, если станетъ на точку зрѣнія чистаго разума и объявитъ войну суевѣрію всѣхъ религій... Когда Риккертъ послѣ скандала католической газеты мнѣ сказалъ: если мы будемъ такъ продолжать, то католики дѣйствительно отпадутъ не только отъ газеты, но и на выборахъ, то я долженъ былъ присмирѣть". Такимъ „смиреннымъ" и кончило это общество, которое подъ фирмой „чистаго разума" перекочевало отъ Гегеля къ Бисмарку, и, чтобы прикрыть свое позорное паденіе, столько нагрѣшило по отношенію къ такимъ людямъ, какъ Лассаль и Марксъ; оно должно было заглушить въ себѣ свое послѣднее боевое слово и отказаться даже отъ своего маленькаго безсильнаго спора съ папствомъ, чтобы охранять буржуазные и чиновничьи интересы г. Риккерта.

Письмо 72-ое это—услуга Rüstow'у, который въ то время сдѣлалъ попытку превратить основанные національнымъ ферейномъ вооруженные фе-

рейны изъ безцѣльной игры въ серьезное дѣло, чѣмъ они, конечно, при господствовавшихъ тогда въ Германіи условіяхъ все-таки не могли стать.

Къ тремъ послѣднимъ запискамъ, которыя Лассаль послалъ Марксу во время своего пребыванія въ Лондонѣ, намъ нечего прибавить. Напротивъ того, намъ кажется подходящимъ указать здѣсь на то, что Марксъ писалъ насчетъ своихъ тогдашнихъ отношеній къ Лассалю 13-го октября 68 г. Швейцеру, наслѣдовавшему послѣ Лассаля руководительство Всеобщимъ германскимъ рабочимъ союзомъ. Послѣ того какъ Марксъ въ этомъ письмѣ подчеркиваетъ, что онъ безусловно признаетъ интеллигентность и энергію, съ какой Швейцеръ дѣйствуетъ въ рабочемъ движеніи, что онъ этого своего взгляда не скрывалъ ни отъ кого изъ своихъ друзей, что и оффиціально — въ Генеральномъ совѣтѣ Интернаціональной рабочей ассоціаціи и въ лондонскомъ германскомъ Коммунистическомъ ферейнѣ — всегда выставлялъ Швейцера человѣкомъ партіи и никогда не сказалъ ни одного слова по поводу пунктовъ ихъ разногласія, онъ продолжаетъ: „Тѣмъ не менѣе такіе пункты существуютъ. D'abord, что касается Лассалевскаго союза, то онъ былъ образованъ въ періодъ реакціи. Послѣ пятнадцатилѣтняго сна Лассаль снова разбудилъ рабочее движеніе въ Германіи, — и въ этомъ его безсмертная заслуга. Но онъ совершилъ большія ошибки. Онъ слишкомъ поддался вліянію непосредственныхъ условій времени. Онъ сдѣлалъ малый исходный пунктъ — свой антагонизмъ къ такому пигмею, какъ Шульце-Деличъ — центральнымъ пунктомъ своей агитаціи; государственную помощь — противъ самопомощи. Онъ этимъ возобновилъ пароль, который Buchez, шефъ французскаго *католическаго* соціализма, провозгласилъ въ 1843 г. противъ дѣйствительнаго рабочаго движенія во Франціи. Слишкомъ интеллигентный, чтобы не считать этого пароля ничѣмъ другимъ, какъ только транситорическимъ pis aller, онъ могъ его оправдывать только его непосредственнымъ (мнимымъ!) practicability. Для этой цѣли онъ долженъ былъ утверждать его выполнимость въ ближайшемъ будущемъ. „Государство" превращалось у него поэтому въ прусское государство. Такимъ образомъ, онъ принужденъ былъ дѣлать уступки прусскому государству, прусской реакціи (феодальной партіи) и даже клерикаламъ. Buchez'скую государственную помощь ассоціаціямъ онъ связалъ съ лозунгомъ чартистовъ — всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Онъ упустилъ изъ виду, что условія въ Германіи и Англіи различны. Онъ упустилъ изъ виду уроки bas empire насчетъ всеобщаго избирательнаго права. Онъ, далѣе, съ самаго начала — какъ каждый человѣкъ, который утверждаетъ, что у него въ карманѣ панацея отъ всѣхъ народныхъ бѣдъ — придалъ агитаціи религіозный сектантскій характеръ. И дѣйствительно, всякая секта религіозна. Онъ, далѣе, отрицалъ, и именно какъ организаторъ секты, всякую естественную связь съ предыдущимъ движеніемъ. Онъ впалъ въ ошибку Прудона, который вмѣсто того, чтобы искать реальный базисъ въ дѣйствительныхъ элементахъ классоваго движенія, хотѣлъ предписывать послѣднему ходъ по опредѣленному доктринерскому рецепту. То, что я здѣсь говорю post festum, я большею частью сказалъ Лассалю, когда онъ въ 1862 г. прибылъ въ Лондонъ и предложилъ мнѣ стать вмѣстѣ съ нимъ во главѣ новаго движенія". Не менѣе сильно или

еще сильнѣе Марксъ критиковалъ Лассалевскую пропаганду въ своемъ извѣстномъ программномъ письмѣ въ 75 году.

Здѣсь не мѣсто подробно изслѣдовать, насколько его сужденіе было основательно или нѣтъ. Это можно лишь разобрать въ исторіи Лассалевской агитаціи, какъ я это и попытался сдѣлать въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь достаточно сказать, что если Марксъ еще четыре и даже пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Лассаля могъ такъ судить о немъ, то возможность соглашенія между нимъ и Лассалемъ въ 62 году совершенно исключается. При всей ихъ принципіальной солидарности каждый изъ нихъ долженъ былъ идти своимъ собственнымъ тактическимъ путемъ, на которомъ каждый изъ нихъ, именно благодаря ихъ принципіальной солидарности, сумѣлъ принести жатву своей жизни въ житницы рабочаго класса.

ОБЪЯСНЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ.

En cas que — въ случаѣ. En état — въ состояніи, готово. Salut, fraternité — привѣтъ, братство. Jeune Saedt — молодой Сэдтъ. De rigeur — строго. Passons là dessous — пройдемъ мимо этого, оставимъ это. Au serieux — серьезно. Au ridicule — смѣшно. Hauteur — высота. Juris imperitus — не свѣдущій въ правѣ. Être suprême — высшее существо. A propos — кстати. Mille fois pardon — тысячу разъ извиняюсь. Merci — спасибо. Verbotenus — дословно. Réfugiés — бѣглецы. Abattus — пораженные. Faute d'argent — изъ-за недостатка въ деньгахъ. Eklatiren — выступить, раздаваться. Voilà ce qui serait ridicule — вотъ что было бы смѣшно. Animal disputax — существо, охотливое къ спорамъ. C'en était fait de moi — это со мной случилось. Code civil — гражданское уложеніе. Injures graves — тяжелыя оскорбленія. Adultère — прелюбодѣяніе. De but en blanc — безъ дальнѣйшаго. Tout est perdu sauf l'honneur — все потеряно кромѣ чести. Retard — замедленіе. Poste restante — до востребованія. Au fond — по существу. En suite — безпрерывно. Faible — слабость. On ne peut plus — болѣе невозможно, насколько возможно. Contra — противъ. Crédit gratuit — даровой кредитъ. Rien ou tout — все или ничего. Apercus — замѣчанія. Ex nexu — внѣ связи. Ad hoc — по данному случаю. Absente autore — въ отсутствіи автора. Abdication — отреченіе. Con amore — съ любовью. Par excellence — въ особенности, по преимуществу. Remuant — безпокойный. Moyens — средство. Dette flottante — текущій долгъ. Ils sont dans leur droit — они въ правѣ. Point d'honneur — чувство чести. Pointillex — ловкій, придирчивый. Nole me tangere — не трогай меня, недотрога. Si quid in me est, o judices, quod quam exiguum sit non nescio — если во мнѣ есть что-нибудь, о судьи, о чемъ я самъ знаю, насколько оно ничтожно. Pro Archia poeta — о поэтѣ Архіи. Desolatio — критическое положеніе. Les choses marchent — дѣла идутъ впередъ. Amalgamated Society — назв. картеля машиностроителей. Mauvaise humeur — дурное настроеніе. Entente cordiale — дружеское соглашеніе. Les grands hommes — великіе люди. Voilà tout — вотъ все. Devouement — преданность. In loco — на мѣстѣ. Tout au contraire — какъ разъ наоборотъ. Caisse de report, Soc. génér. mobiliére,

crédit mobilier—названія различныхъ биржевыхъ дутыхъ предпріятій во время второй имперіи. In partibus — безъ волости (по смыслу). Right Honourable Sir — (достопочтенный сэръ), англійское обращеніе, которое Лассаль приводитъ въ неупотребляемой формѣ, что Энгельсъ и отмѣчаетъ словомъ (sic). Voici—вотъ. Corpus delicti—составъ преступленія. Au courant—въ курсѣ дѣла. Pur sang—чистая кровь. Via—по дорогѣ. Peoples Paper—народная газета. A outrance—до крайности. J pensez-vous? — думаете ли вы объ этомъ? Mezzo termino—средній путь. Homo illiteratus atque ineruditus—научно и литературно необразованный. Sous silence—подъ секретомъ. Je veux la Russie, je ne dis pas ruiner, mais lui donner un soufflet pour toute sa vie—я хочу Россію, я не говорю уничтожить, но нанести ей ударъ на всю жизнь. Tant mieux! — нѣтъ лучше! En cas de besoin — въ случаѣ нужды. Jean qui rit, Jean qui pleure—Иванъ смѣющійся и Иванъ плачущій. A tout prix—во что бы то ни было. Corrompu—подкупленъ. Dii minorum gentium—болѣе мелкіе люди (по смыслу). Point du tout—ни подъ какимъ видомъ. En temps utile—въ удобное время. Ci-devant prince-montagnard—бывшій красный принцъ. The eastern question — восточный вопросъ. Rude défense — упорная защита. Grand coup — большой ударъ. Main basse дѣлать—схватить. Point de ralliement — пунктъ объединенія. Testimonium paupertatis—свидѣтельство о бѣдности. Hands—руки. Board of trade—департаментъ торговли. Dulci jubilo—сладкій восторгъ. Ipsissima verba—собственныя слова. Crime de haute trahison — преступленіе высшей измѣны. Lambeaux — лоскутья, куски. Ecce homo—вотъ бѣдность (по смыслу). Le mystères de la Bourse par Caffineau.—Тайны биржи, сочиненіе Каффино. Effort suprême — крайнее напряженіе. Bonne résistance — основательный отпоръ. In praxi — на дѣлѣ. Bonjour — здравствуйте. Opusculum — сочиненьице. S'il y en a encore — если это еще имѣется. Salva venia —съ разрѣшенія. Puncto—по дѣлу. Quasi — какъ будто. Fabula docet—фабула учитъ. Les hommes d'état — государственные мужи. Μεγαλη ἁμαρτια — большая вина. Mutato nomine de nobis fabula narratur — если измѣнить имена, то басня къ намъ относится. C'était écrit la-haut — это было начертано свыше. Jusqu'à la concurrence—до итога. D'abord — сначала. In concreto — въ дѣйствительности. Nisi fallor — если не ошибаюсь. Very shocking — очень досадно. High Tories — консерваторы. Horribile dictu — страшно сказать. A la lettre — дословно. Vale — будь здоровъ. Voila la raison—вотъ основанія. In abstracto—въ принципѣ. Moutarde après dîner—послѣ ужина горчица. Alter ego—второе я. Eruditus—освѣдомленный. Sub hoc signo vinces—симъ побѣдишь. Recte—правильно, qua — какъ. Sub — подъ. Ad vocem—относительно. Inébranlablement—рѣшительно. Contre qui ce soit — противъ кого бы то ни было. Tout bonnement — очень просто.

Vive la guerre—да здравствуетъ война. Conflagration générale—всеобщій пожаръ. Non missura cutem, nisi plena cruoris hirudo—піявка никогда не оставляетъ кожи до тѣхъ поръ, пока она не насытилась кровью (стихъ изъ Горація). Eo ipso — тѣмъ самымъ. Courier par courier — какъ можно скорѣе. Voici pourquoi—вотъ почему. Force majeure—высшая сила. Culpa—вина. Animus—злостное намѣреніе. Bona et mala fides — хорошо и дурно думать. A la portée—на разстояніи выстрѣла. Sans replique—безъ отвѣта. Il y a du vrai là-dedans—въ этомъ кроется правда. Au fait—въ курсѣ дѣла. Amice—другъ. In fine—въ концѣ. Tres faciunt collegium—трое составляютъ совѣтъ. Par dieu—ей-Богу. Voyons—посмотримъ. Terra incognita—незнакомая область. Amende honorable — публичное покаяніе. Integer vitae scelerique purus—съ неопороченной жизнью и невиновный въ преступленіи (стихъ изъ Горація). Quidam—нѣкто. Faits précis — точные факты. Cognitione causae—по знакомству съ дѣломъ. Intus—внутреннее. Ad oculos—очевидно. Finissons—кончимъ. Obscurissimus homo — совершенно неизвѣстный человѣкъ. Château en Espagne—замокъ въ Испаніи, воздушный замокъ. Quasi—яко бы, такъ сказать. Fat—фатъ. Tii—что-нибудь. Merci pour la découverte—спасибо за открытіе. Procédé—дѣйствіе, происшествіе. Ceci est curieux—это любопытно. Malhereusement -къ несчастію. Les apparences les plus trompeuses—самая обманчивая наружность. Les amis—друзья. Pacte de famille—семейное соглашеніе. Forcément—насильно. Fatalement—неизбѣжно. Arrière pensée—задняя мысль. Ceci est louche—это подозрительно. Comme à l'ordinnaine—какъ обыковенно. Obiter—поверхностно. Sauf conduit—пропускъ, охранный листъ. Dixit – онъ сказалъ. Bon — хорошо. Pas possible — невозможно. Memento mori—помни о смерти. Différend—различіе въ мнѣніяхъ. Ex positivo—фактически. Absolute — безусловно. Quelque peu — немного. Acta agere—сдѣлать опять сдѣланное. Après quoi—сообразно съ чѣмъ. Au but du compte—въ концѣ разсчета, въ концѣ концовъ. Clinquant—ложный блескъ. Tant pis pour eux—тѣмъ хуже для нихъ. Certainement - навѣрное. Modus procedendi—образъ дѣйствія. C'est clair—это ясно. Arbiter—посредникъ. A tout prix—чего бы это ни стоило. Vues—точки зрѣнія. Crime—преступленіе. Délit—проступокъ. Calomnie — клевета. Excès du pouvoir—превышеніе власти. Déni de justice отрицаніе правосудія. Concedo — допускаю. Le juge d'instruction *peut* — слѣдственный судья *можетъ*. Non plus ultra — крайность. Nous verrons — мы увидимъ. Usucapio pro herede — римскій юридическій терминъ, означающій, что если законные наслѣдники не вступаютъ въ права наслѣдства, то владѣющій имъ на правахъ давности становится законнымъ наслѣдникомъ. Petitio principii—то, что должно быть лишь доказаннымъ, считается уже доказаннымъ. Jus naturale—естественное право. Quod ab herede relictum est – то,

что осталось отъ наслѣдника. Testamentum per aes et libram — римская форма завѣщанія, которая обезпечивала сохраненіе силы воли завѣщателя путемъ символической купли-продажи. Praesens praesenti dat — существующій даетъ существующему. Ahne Erwen gelof — безъ разрѣшенія наслѣдника. Contra rationem — противъ разума. Sub beneficio inventarii — согласно этому термину наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги, лежащіе на наслѣдствѣ, лишь постольку, поскольку хватаетъ на это самаго наслѣдства. Old boy — старый мальчикъ. Nolens volens — вольно или невольно. Pater peccavi — признаю свою вину. For ever — навсегда. Pis aller — крайнее средство. Practicability — практическое удобство. Bas empire — бонапартистскій режимъ (по смыслу).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1849

1850

1851

1852

1853

1854

1855

1856

1858

1859

1860

1861

1862